

П.А. Сорокин

Питирим Сорокин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редакционная коллегия:

А.К. Конюхов, П.П. Кротов, В.П. Марков, В.В. Сапов

ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ» ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

PITIRIM A. SOROKIN FOUNDATION

Питирим Сорокин

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Сыктывкар
2018

УДК 316.7
ББК 60.5
С 65

*Издано при поддержке
Правительства Республики Коми*

Сорокин П.А.

С65 Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. – 640 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-91669-238-9

В очередной том собрания сочинений всемирно известного социолога П. Сорокина (1889–1968) вошли две книги, написанные в годы Второй мировой войны. Книга «Кризис нашего времени» (1941) представляет собой краткое популярное изложение главного труда П. Сорокина «Социальная и культурная динамика». Вторая книга – «Россия и Соединенные Штаты» (1944) – посвящена сравнительному историко-социологическому анализу двух стран, в ходе которого между ними обнаруживается много общего. Во всяком случае, между ними, по мнению автора, никогда не было и не будет фундаментальных противоречий на уровне жизненно важных ценностей. В свое время обе книги пользовались огромным успехом, нет никаких сомнений в том, что они встретят такой же прием и у современного российского читателя. Текст перевода «Кризиса нашего времени» для настоящего издания тщательно сверен, исправлен и отредактирован, книга «Россия и Соединенные Штаты» переведена и издается у нас в стране впервые. В обширных приложениях даны переводы почти всех критических отзывов современников на обе книги.

Издание адресовано всем, кто интересуется жизнью и творчеством П. Сорокина, социологией и историей, а также тем, кому безразличны судьбы нашей планеты, человечества и российско-американских отношений.

ББК 60.5

- © Сорокин П. А., наследники, 2018
- © Согомонов А.Ю., Шумилиная Т.И., Орлова Т.С., Сапов В.В., перевод («Кризис нашего времени»), 2018
- © Сапов В.В., составление, перевод («Россия и Соединенные Штаты»; приложения), вступ. статья, комментарии, 2018
- © Оформление. ООО «Анбур», 2018

ISBN 978-5-91669-238-9

Питирим Сорокин в начале нового этапа научного творчества

Современному российскому читателю, наверное, трудно будет понять, почему две книги Питирима Сорокина, объединенные в данном издании под одной обложкой, вызвали такой шквал негативной критики (особенно первая из них) со стороны его американских современников. Хотя справедливости ради надо отметить, что среди «широких кругов читателей» (как их принято называть) «Кризис нашего времени» пользовался огромной популярностью, так что на какое-то время книга стала бестселлером. Поэтому следует уточнить: негативная критика исходила исключительно от «товарищей по цеху» П. Сорокина – от социологов. Читатели, менее озабоченные проблемой «научности», а орудовавшие все больше старым и испытанным критерием «истина–ложь», книгу приняли восторженно. Не ошибемся, предположив, что именно этого эффекта он и добивался, более того – именно на него и рассчитывал. Дело в том, что активное неприятие его идей со стороны американских социологов не было и не могло быть для него новостью. Настоящий шквал критики обрушился на Сорокина еще в 1937 г., сразу же после выхода в свет первых трех томов «Социальной и культурной динамики», и дальше он шел по нарастающей. Так что для автора, по крайней мере, негативная реакция на «Кризис нашего времени» не была неожиданностью. И уж, конечно, не было в ней ничего нового. Можно предположить, что неожиданностью для Сорокина оказался шквал негативной критики со стороны именно профессионального социологического сообщества – ведь книга, в сущности, писалась не для социологов, а для простых (или, как их иногда называют, «рядовых») читателей. Популяризация собственных социологических идей всегда была органической составной частью социологии П. Сорокина. Если, например, Т. Парсонса очень трудно, практически невозможно представить в роли популяризатора своего учения, то точно так же невозможно без этой роли представить себе Сорокина, который еще в российский период творчества показал себя мастером научно-популярного жанра (увы, почти исчезнувшего в наши дни), тем самым в немалой степени поспособствовал социологическому просвещению масс. Но само это популяризаторство, и это следует подчеркнуть особо, было не просто личной склонностью Сорокина (хотя такая склонность у него, конечно, была), а необходимым продолжением и следствием его социологической теории.

В этом отношении П. Сорокин – наследник XIX в., когда каждый великий ученый (или, по крайней мере, претендовавший на то, чтобы быть великим) считал своим научным, гражданским, а иногда и патриотическим долгом свою науку завершить и поставить жирную точку. Такую «точку» он поставил в 1941 г., когда вышел последний – четвертый – том его «Социальной и культурной динамики». С этого времени начинается качественно новый этап научного творчества социолога. Еще в России в 1920-х гг., задумав свой грандиозный научно-социологический проект под названием «Система социологии», Сорокин намерен был после теоретической социологии изложить социологию практическую (она же – социальная политика), цель которой – осуществление афоризма О. Конта: «Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы мочь»¹. Для существенного облегчения этой задачи совершенно необходимо социологическое просвещение масс. Не только руководители стран и народов – «властители и судьи» – должны знать основы социологии, но и сами народы должны быть народами социологически просвещенными. И свою задачу социологического просветителя Сорокин начал осуществлять с краткого и популярного изложения своего учения, каковым и является книга «Кризис нашего времени». За ней последуют другие популярные его сочинения, и им выпадет своя доля успеха и ожесточенной критики, но судьба именно этой книги окажется на удивление счастливой. В скором времени она выйдет в переводах на восьми языках, будет неоднократно переиздаваться на английском и, несмотря на всю критику со стороны научного сообщества, завоеует сердца и умы миллионов читателей во всем мире. Последнее (точнее говоря, последнее на сегодня) ее издание на языке оригинала вышло в 1992 г., и снова – восторженные отзывы читателей: «Одна из самых впечатляющих книг, какие я читал в последнее время...», «Трудно переоценить значение этой книги. Не думаю, что когда-нибудь читал книгу, так точно описывающую состояние дел в том мире, в каком мы ныне живем...», «...книга, раскрывающая глаза... Удивительно, что с 1940-х гг., когда была написана книга, почти ничего не изменилось...» и т. д., и т. д.

Единственная страна, где книге «Кризис нашего времени» – скажем помягче – не очень повезло, это Россия. Хотя на это можно и возразить. Первые четыре главы книги были переведены и изданы в России в 1992 г. в составе сборника «Человек. Цивилизация. Общество». Тираж книги – 60 тыс. экземпляров – до сих пор остается рекордным для книг П. Сорокина. Так что, строго говоря, приобщение российского читателя к научному творчеству П. Сорокина началось именно с этой книги (хотя и не с нее одной, пусть даже и не в полном виде). И лишь спустя десять лет вышло полное издание «Кризиса», зато число читателей, имевших возможность познакомиться с полным вариантом этой, пожалуй, самой популярной книги П. Сорокина, сократилось в 60 раз.

---

¹ Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993, т. 1, с. 99.

В настоящем издании перевод книги «Кризис нашего времени» сверен с оригиналом, отредактирован, снабжен комментариями; кроме того, читатель имеет возможность ознакомиться с важнейшими критическими отзывами на первое издание книги, помещенными в приложениях.

* * *

Вторая книга, помещенная в этом томе, – «Россия и Соединенные Штаты» – становится доступной российскому читателю впервые. В Америке она вышла в 1944 г., а последний раз на английском языке была переиздана в 2009 г. Поскольку в настоящем издании печатается перевод обширной статьи американского социолога, ученика П. Сорокина профессора Эдварда Тириакияна, в которой подробно анализируются основные идеи книги, мы здесь остановимся только на тех моментах, которые в ней не освещены или освещены недостаточно, а для нашего читателя представляют, на наш взгляд, немалый интерес. Книга адресована в первую очередь читателю американскому, поэтому России в ней уделено больше внимания, чем Соединенным Штатам. Она была написана в момент наибольшего политического и военного сближения этих стран за весь XX в., и это тоже накладывает на нее свой отпечаток. Основной тезис книги: русские и американцы – народы конгениальные. Надо признаться, что на какое-то время этот тезис согревает душу. Если конгениальные, значит воевать друг с другом не будут, поскольку, как известно, «ворон ворону глаз не выклюет». Но, как показала вся дальнейшая история, помимо глаза есть еще и другие органы, которым «противная сторона» может нанести весьма ощутимый ущерб. И ущерб этот стал наноситься буквально через пару лет после вдохновенной и с большой любовью к обоим народам написанной книги: началась так называемая «холодная война», которая неизвестно, заканчивалась ли, неизвестно, закончится ли, и самое главное и самое страшное – не перерастет ли она в войну ядерную.

Светлые надежды Сорокина на послевоенный мир и дружбу (или хотя бы «добрососедство» и сотрудничество) двух великих народов рухнули как карточный домик, и современный читатель, наверное, закрывает книгу с немалым сожалением и разочарованием: «А счастье было так близко, так возможно...» Не меньшим, конечно, было и разочарование самого автора. В 1950 г. для второго издания книги он написал специальную главу (десятую), в которой пытался выяснить причины начавшейся «холодной войны». Как всегда, он выделил мнимые причины, второстепенные причины и причину главную, но, надо признать, глава все равно получилась неубедительной. Надо было либо отказываться от идеи «конгениальности» двух народов или от самой теории «суперсистем», либо найти хотя бы одну такую «ценность», которая бы разделяла два народа и была бы потенциальной причиной конфликта. В силу разного рода причин П. Сорокин не смог сделать ни того, ни другого, ни третьего.

И теперь следует сказать об одном аспекте книги «Россия и Соединенные Штаты», который касается именно России и который как раз для российских читателей (если и не для всех, то, по крайней мере, для большинства) будет не менее удивителен, чем для читателей американских. Оказывается, по Сорокину, Россия почти на всем протяжении своей истории – за исключением периода «коммунистического» – была страной столь же демократической, как и большинство стран Западной Европы, как Соединенные Штаты!..

Идея неожиданная и, прямо скажем, ошеломляющая. В первую очередь для американцев, привыкших считать Россию страной самодержавной и анти-демократической. Но и для многих русских, разделяющих эту точку зрения. Чтобы точка зрения П. Сорокина не выглядела столь экстравагантной, необходимо, на наш взгляд, разграничить понятия «демократия» (как тип государственного устройства) и «демократизм» (как интенцию национального духа, или, если угодно, менталитет). Что касается государственного устройства, то – да, приходится признать, что Россия на протяжении почти всей своей истории была страной самодержавной и в этом смысле недемократической. Но если обратиться к устройству народного быта, семьи, межнациональным отношениям и т. п., то окажется, что Сорокин абсолютно прав. В его пользу говорят как труды русских мыслителей, таких как Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, И.А. Ильин и многих других, так и произведения почти всех русских писателей. Сомневающимся в этом можно посоветовать прочитать параллельно «Робинзона Крузо» и «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева.

К сожалению, рамки вступительной статьи не дают возможности развить эту мысль. Но это не единственная неожиданная и наталкивающая на глубокие размышления мысль, которая встретится в книге П. Сорокина «Россия и Соединенные Штаты». Таких мыслей и неожиданных поворотов в ней много, что, на наш взгляд, и является залогом ее долголетия и интереса, который она вызывает уже не у одного поколения читателей. Пора и нам присоединиться к этим поколениям.

В.В. Санов

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Социально-культурный очерк

The Crisis of Our Age

THE SOCIAL AND CULTURAL OUTLOOK

By PITIRIM A. SOROKIN

DOCTOR OF SOCIOLOGY; CHAIRMAN OF DEPARTMENT OF SOCIOLOGY,
HARVARD UNIVERSITY; FORMER PRESIDENT OF INTERNATIONAL
INSTITUTE OF SOCIOLOGY.

Illustrated
With diagrams and charts

NEW YORK

E. P. DUTTON & CO., INC.

1941

Предисловие ко второму изданию

За годы, прошедшие со времени публикации «Кризиса нашего времени» в 1941 г., появились переводы книги на португальский, немецкий, испанский, голландский, чешский, норвежский, финский и японский языки^{1*}. В этом новом издании в изначальный текст книги не внесено никаких изменений. Поскольку исторические события развиваются в соответствии с диагнозами и прогнозами «Кризиса», нет необходимости вносить поправки в ее основные положения. Единственным исключением, пожалуй, является осторожно высказанная гипотеза о том, что, судя по данным на 1908 г., темпы роста научных открытий и изобретений в XX в. имеют тенденцию к замедлению. На самом же деле этот показатель после 1908 г. не снизился, а увеличился. По этой причине данная гипотеза нуждается в уточнении. Тем не менее, поскольку рост научных открытий и изобретений в XX в. связан с тенденцией к увеличению деструктивности, что подчеркнуто в «Кризисе», и опасностью развязывания новой мировой войны, то «неправильная» гипотеза может оказаться правильной вдвойне. Ибо новая мировая война, которая будет вестись научно разработанными орудиями уничтожения – ядерными, бактериологическими и всеми иными прочими, – несомненно парализует на длительный срок как научные, так и все остальные творческие способности человечества. Вот и вся «поправка», которую следует внести в эту гипотезу.

Согласно прогнозу, высказанному в «Кризисе», суть процесса, разворачивающегося в последние десятилетия, сводится к следующему: а) к нарастающему упадку чувственной культуры, общества и человека и б) к появлению и постепенному росту первых компонентов нового – идеационального или идеалистического – социально-культурного строя.

В науке этот двойственный процесс нашел отражение: а) в упомянутом усилении разрушительной мощи морально безответственных научных достижений чувственной культуры и б) в преобразовании фундаментальных научных теорий в идеациональном или идеалистическом направлении, т. е. в повышении их моральной ответственности. Это изменение уже сделало современную науку менее материалистической, механистической и детерминистской, т. е. менее чувственной, какой она была на протяжении предыдущих двух столетий. Ибо материя понимается теперь современной наукой как конденсированная форма энергии, кото-

рая дематериализуется при радиации. Материальный атом уже расщеплен более чем на тридцать нематериальных, «загадочных, таинственных, непостижимых и фантастических» элементарных частиц: электрон, протон, фотон, мезон и т. д. – или превратился в «подобие волн, например, в волны вероятности, волны сознания, которые проецируются нашим мышлением вовне... Эти волны, как и те, что ассоциируются с распространением световых квантов, не нуждаются ни в каком субстрате для того, чтобы распространяться в пространстве-времени, для их волнообразного движения не нужно ни жидкости, ни твердого тела, ни даже газа». В области квантовой механики и на пороге электронной теории такие основные понятия «материалистической и механистической науки», как материя, объективная реальность, время, пространство, причинность, уже не применимы, а свидетельства наших органов чувств во многом теряют свое значение. Что же касается детерминистской причинно-следственной связи, то в современной науке она уступила место принципу неопределенности Гейзенберга^{2*}, причудливым «скачкам квантов», просто случайной связи, а в области психосоциальных явлений – «волютаристскому», «самовольному закону подчинений», свободному от причинности и случайности.

Подобные преобразования произошли и в новых ведущих направлениях биологических, психологических и социальных наук. В противоположность устаревшим, хотя все еще употребляемым штампам механистической, материалистической и детерминистской биологии, психологии и социологии, новейшие значительные теории в названных дисциплинах ясно показывают, что явления жизни, организм, личность, разум и социально-культурные процессы не могут быть поняты как чисто материалистические, механистические и чувственно воспринимаемые реальности и не сводятся к ним. Согласно данным теориям эти явления имеют, помимо своего эмпирического аспекта, еще и гораздо более важные – разумно-рациональные и даже сверхчувственные и сверхрациональные аспекты. В этих и других областях самая продвинутая наука уже стала гораздо более идеациональной или идеалистической в сравнении с той, какой она была в XIX в. Это означает приближающуюся замену умирающих чувственных элементов науки новыми – идеалистическими или идеациональными.

В области философии этот двойственный процесс проявляется в увеличивающемся бесплодии и в упадке материалистической, механистической, «позитивистской» и прочих чувственных философий, в возникновении и усилении таких философских течений, созвучных основным принципам идеационализма или идеализма, как «экзистенциализм», «интуитивизм», «неотомизм», «интегрализм», «неомистицизм», «неоведантизм»^{3*} и др.

Подобный же двойственный процесс наблюдается и во всех сферах изящного искусства.

В области религии он обнаруживается в одновременном росте: а) воинствующего атеизма и б) религиозного возрождения.

В этике он вызвал: а) полное озверение и ужасающую деморализацию, проявившихся во Второй мировой войне, в кровавых революциях, растущей преступности, и б) рост нравственного героизма, возвышенного альтруизма и массовых движений за прекращение войн, кровопролития и несправедливости.

В политике этот двойной процесс сказывается: а) в распространении всевозможных тиранических диктатур и б) в постепенно набирающих силу народных движениях за создание компетентного, честного и морально ответственного правительства из народа, волей народа и ради народа^{4*}.

Эта борьба между силами когда-то бывшего творческим, но теперь уже почти истощившегося чувственного порядка и только еще зарождающимися творческими силами нового – идеационального или идеалистического – порядка непрерывно происходит во всех сферах общественной и культурной жизни. Окончательный исход этой эпохальной борьбы будет во многом зависеть от того, сумеет ли человечество предотвратить новую мировую войну. Если силы умирающего чувственного порядка развяжут эту войну, то вся еще остающаяся у них энергия пойдет на то, чтобы положить конец или хотя бы сильно затормозить творческий прогресс человечества. Если эту апокалиптическую катастрофу удастся избежать, то тогда зародившиеся творческие силы приведут человечество в новую величественную эру его истории. Какая из этих альтернатив осуществится – зависит от каждого из нас^{5*}.

Питирим Сорокин. Винчестер, май 1957 г.

Предисловие и выражение признательности

Эта книга представляет собой отредактированный вариант моих публичных лекций на тему «Сумерки чувственной культуры», прочитанных в Институте Лоуэлла (Lowell Institute)^{1*} в феврале 1941 г. В основе ее лежит мой четырехтомный труд «Социальная и культурная динамика». В этих томах читатель может найти более развернутые доказательства представленных здесь выводов, более подробный анализ обсуждаемых в этой книге проблем и обширный список литературы по каждой проблеме.

Почетным правом прочитать названные лекции я обязан попечителю Института Лоуэлла Э. Лоренсу Лоуэллу и его куратору У.Г. Лоренсу. Без их любезного приглашения эта книга вряд ли была бы написана. За разрешение использовать некоторые таблицы, диаграммы и фрагменты текста из моей «Социальной и культурной динамики» я приношу благодарность Американской книжной компании (American Book Company). Благодарю также Дюкский университет за разрешение воспроизвести часть моего доклада «Социально-культурные тенденции в евро-американской культуре», сделанного на торжественном заседании в честь 100-летия этого университета и опубликованного его издательством в сборнике «Century of Social Thought»^{2*}, Джорджтаунский университет и Американское католическое социологическое общество за разрешение использовать мои доклады на праздновании 150-летнего юбилея Джорджтаунского университета в 1939 г. и на ежегодном собрании католического социологического общества в декабре 1940 г. Наконец, я благодарю Гарвардский Комитет по исследованиям в области социальных наук за финансовую помощь, оказанную мне в ходе подготовки рукописи к печати.

Глава первая

ДИАГНОЗ КРИЗИСА

Три диагноза

Несколько лет тому назад в ряде своих работ, в частности в книге «Социальная и культурная динамика», я совершенно четко на основе обширных доказательств констатировал, что «все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами начинает опускаться на нас. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение – людей будущего»¹.

В противовес господствующему в то время мнению я указывал в тех же работах, что войны и революции не исчезают, а, напротив, достигнут в XX в. беспрецедентного уровня, станут неизбежными и более грозными, чем когда бы то ни было ранее; что демократии приходят в упадок, уступая место деспотизму во всех его проявлениях; что творческие силы западной культуры увядают и отмирают и т. д.

Эти утверждения были сделаны в то время, когда не было ни войны, ни революции, ни даже экономической депрессии 1929 г.^{1*} Горизонт социально-культурной жизни казался ясным и безоблачным. На поверхности все представлялось прекрасным и обнадеживающим. По этой причине господствующее настроение крупнейших мыслителей, так же как и настроения народных масс, было оптими-

---

¹ *Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. New York, 1937, vol. 3, p. 535.* Подобные утверждения содержатся также в некоторых моих статьях и книгах, в частности: *Social Mobility. New York, 1926; Contemporary Sociological Theories. New York, 1928.*

стичным. Они верили в «большее и лучшее процветание», в прекращение войн и кровопролитий, в добрую волю и международное сотрудничество, осуществляемое Лигой Наций^{2*}, в экономическое, духовное и моральное оздоровление человечества, в «рационализируемый» прогресс. В такой духовной атмосфере мои утверждения и зловещие предсказания, естественно, воспринимались как глас вопиющего в пустыне. Они или подвергались критике, или презрительно игнорировались. Целый легион «компетентных» ученых и критиков просто называли меня «Кассандрой» и другими *epitheta opprobria*^{3*}.

Прошло около десяти лет, и то, что казалось невозможным, теперь стало фактом, а факты, как известно, – вещь упрямая. «Слащавые» теории моих якобы компетентных критиков безжалостно отвергнуты историей. Оптимизм, господствовавший до того, испарился. Без сомнения, наступил жесточайший кризис. Мы оказались в эпицентре громадного пожара, сжигающего все до основания^{4*}. Всего за несколько недель он уносит миллионы человеческих жизней, за несколько часов он уничтожает города с их многовековой историей, за несколько дней стирает с лица земли целые королевства. Красная человеческая кровь широким бескрайним потоком течет по земле. Нищета, растущая день ото дня, простирает свою зловещую тень, охватывая все новые территории. И вот уже наступил конец удаче, исчезли счастье и благополучие миллионов. На земле исчезли мир, безопасность и уверенность. Во многих странах люди забыли, что такое процветание и благополучие, свобода превратилась просто в некий миф. Солнце западной культуры закатилось. Громадный вихрь накрыл собой все человечество.

Однако если само наличие кризиса не вызывает сомнений, то этого никак нельзя сказать о его природе, причинах и последствиях. Ежедневно мы слышим десятки различных мнений и диагнозов, в которых при желании можно выделить две противоположные точки зрения. Многие из так называемых экспертов все еще продолжают думать, что это – обыкновенный кризис, подобный тем, которые не раз случались в западном обществе в каждом столетии. Многие из них рассматривают его просто как обострение очередного экономического или политического кризиса. Суть его они видят в противопоставлении либо демократии и тоталитаризма, либо капитализма и коммунизма, либо национализма и интернационализма, деспотизма и свободы, или же Великобритании и Германии. Среди этих диагностов встречаются даже такие «эксперты», которые сводят суть кризиса всего лишь к конфликту «плохих людей», вроде Гитлера, Сталина и Муссолини, с одной стороны, и «людей хороших», типа Черчилля и Рузвельта, – с другой. Исходя из такой оценки, эти диагносты назначают и соответствующее лечение – легкое или более радикальное изменение экономических условий, начиная с денежной реформы, реформы банковской системы и системы социального страхования, кончая уничтожением частной собственности. Еще одно средство – изменение каким-либо образом политических условий как в национальном, так и в международном масштабе или же устранение Гитлера и других «нехороших

людей». Этими и подобными мерами они надеются исправить положение дел, искоренить зло, вернуться к блаженству «лучшего и большего» процветания, к радости надежного мира на земле, к благам «рационального» прогресса. Таков один из диагнозов кризиса, возможно, наиболее распространенный; таковы его истоки и средства преодоления.

Другой диагноз гораздо более пессимистичен, хотя и менее распространен, особенно в Соединенных Штатах. Он рассматривает данный кризис как предсмертную агонию западного общества и его культуры. Его адепты, которых не так давно возглавил Освальд Шпенглер, уверяют нас в том, что любая культура смертна. Достигнув зрелости, она начинает приходить в упадок. Концом этого упадка является неизбежное крушение культуры и общества, которому она принадлежит. Западные общества и их культура уже пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий кризис – всего лишь начало конца их исторического бытия. Не существует средства, которое могло бы отвратить предначертанное, как и не существует панацеи, способной помешать смерти западной культуры. Такова суть второго существующего диагноза нашего кризиса. В такой острой форме он выражается лишь некоторыми мыслителями. В менее острой форме «смертельной опасности, грозящей западной культуре», ее возможному разложению и упадку в случае, если победа будет на стороне врагов, этот кризис ежедневно провозглашается профессорами и преподавателями колледжей, министрами, журналистами, политиками и государственными деятелями, членами мужских и женских клубов. Именно в такой форме кризис проходит красной нитью в публикациях наших ведущих газет.

На мой взгляд, оба этих диагноза абсолютно неправильны. В противовес диагнозу оптимистичному настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это – не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это – кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это – кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это – кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий.

Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, ее философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) – все

они по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации.

Возьмем, например, культуру Запада средних веков. Ее главным принципом или главной истиной (ценностью) был Бог. Все важные разделы средневековой культуры выражали этот фундаментальный принцип или ценность, как он формулируется в христианском *Credo*^{5*}. Во всех своих взаимосвязанных компонентах средневековая культура выражала:

«*Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem caeli et terrae, visibilium omnium et invisibilium; et in unum Dominum Jesum Christum, filium Dei unigenitum, et ex Patre natum ante omnia saecula... и т. д., вплоть до ...Confiteor unum baptisma in remissionem peccatorum, et expecto resurrectionem mortuorum, et vitam venturi saeculi. Amen*»^{6*}.

Архитектура и скульптура средних веков были «Библией в камне». Литература также была насквозь пронизана религией и христианской верой. Живопись выражала те же библейские темы в линии и цвете. Музыка почти исключительно носила религиозный характер: *Alleluia, Gloria, Kyrie eleison, Credo, Agnus Dei, Mass, Requiem*^{7*} и т. д. Философия была практически идентична религии и теологии и концентрировалась вокруг той же основной ценности или принципа, каким являлся Бог. Наука была всего лишь прислужницей христианской религии. Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии. Семья как священный религиозный союз выражала все ту же фундаментальную ценность. Даже организация экономики контролировалась религией, налагавшей запреты на многие формы экономических отношений, которые могли бы оказаться уместными и прибыльными, поощряя в то же время другие формы экономической деятельности, не целесообразные с чисто утилитарной точки зрения. Господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления подчеркивали свое единство с Богом как единственную и высшую цель, а также свое отрицательное или безразличное отношение к чувственному миру, его богатству, радостям и ценностям. Чувственный мир рассматривался только как временное «прибежище человека», в котором христианин всего лишь странник, стремящийся достичь вечной обители Бога и ищущий путь, как сделать себя достойным того, чтобы войти туда. Короче говоря, интегрированная часть средневековой культуры была не конгломератом различных культурных реалий, явлений и ценностей, а единым целым, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность, сверхчувственность, сверхразумность Бога, Бога вездесущего, всемогущего, всеведущего, абсолютно

справедливого, прекрасного, создателя мира и человека. Такая унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности может быть названа *идеациональной*. Такая же в основном сходная посылка, признающая сверхчувственность и сверхразумность Бога, хотя воспринимающая отдельные религиозные аспекты по-иному, лежала в основе интегрированной культуры брахманской Индии, буддистской и даоистской культур, греческой культуры с VIII в. по конец VI в. до нашей эры. Все они были преимущественно идеациональными.

Закат средневековой культуры заключался именно в разрушении этой идеациональной системы культуры. Он начался в конце XII в., когда появился зародыш нового – совершенно отличного – основного принципа, заключавшегося в том, что *истинная реальность и ее ценности носят чувственный характер*. Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств, – реально и имеет смысл. Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть нечто такое, чего мы не можем прочувствовать, а это – эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь. Таков был новый принцип, совершенно отличный от основного принципа идеациональной культуры.

Этот медленно набирающий вес новый принцип столкнулся с приходящим в упадок принципом идеациональной культуры, и их слияние в органичное целое создало совершенно новую культуру в XIII–XIV столетиях. Его основной посылкой было то, что *истинная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна*, она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный аспекты, которые все вместе образуют единое целое, бесконечное многообразие, Бога. Культурная система, воплощающая эту посылку, может быть названа *идеалистической*. Культура XIII–XIV столетий в Западной Европе, так же как и греческая культура V–IV вв. до нашей эры, были преимущественно идеалистическими, основанными на этой синтезирующей идее.

Однако процесс на этом не закончился. Идеациональная культура средних веков продолжала приходить в упадок, в то время как культура, основанная на признании того, что объективная реальность и смысл ее носят чувственный характер, продолжала наращивать темп в последующих столетиях. Начиная приблизительно с XVI в. новый принцип стал доминирующим, а с ним и основанная на нем культура. Таким образом возникла современная форма нашей культуры – культуры сенсорной, эмпирической, светской и соответствующей этому миру. Она может быть названа *чувственной*. Она основывается и объединяется вокруг этого нового принципа: *истинная реальность и ее ценности сенсорны*. Именно этот принцип провозглашается нашей современной чувственной культурой во всех ее основных компонентах: в искусстве и науке, философии и псевдорелигии, этике и праве; в социальной, экономической и политической

организациях, в образе жизни и умонастроениях людей. Эта мысль будет развита подробнее в последующих главах. Таким образом, основной принцип средневековой культуры делал ее преимущественно потусторонней и религиозной, ориентированной на сверхчувственность Бога и пронизанной этой идеей. Основным принципом идеалистической культуры был частично сверхсенсорный и религиозный, а частично светский и посюсторонний. Наконец, основным принципом нашей современной чувственной культуры – светский и утилитарный, «посюсторонний». Все эти типы – идеациональный, идеалистический и чувственный – обнаруживаются в истории египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской и других культур.

После этого отступления мы можем вновь вернуться к нашему исходному тезису и детальнее изложить тот факт, что настоящий кризис нашей культуры и общества заключается именно в разрушении преобладающей чувственной системы евро-американской культуры. Будучи доминирующей, чувственная культура наложила отпечаток на все основные компоненты западной культуры и общества и сделала их также преимущественно чувственными. По мере разрушения чувственной формы культуры разрушаются и все другие компоненты нашего общества и культуры. По этой причине кризис – это не только несоответствие того или иного компонента культуры, а скорее разрушение большей части ее секторов, интегрированных в чувственную и родственную ей форму. Будучи «тоталитарным» или интегральным по своей природе, он несравнимо глубже и серьезнее любого другого кризиса. Он так далеко зашел, что его можно сравнить только с четырьмя кризисами, которые имели место за последние три тысячи лет истории греко-римской и западной культуры. Но даже и они были меньшего масштаба, чем тот, с которым мы столкнулись в настоящее время. Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда *одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется*. Кризис чрезвычайен в том смысле, что он, как и его предшественники, отмечен необычайным количеством войн, революций, анархии и кровопролитий; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов – потрясениями значительно большими, чем хаос и разложение обычного кризиса. Такие переходные периоды всегда были воистину *dies irae, dies illa*^{8*}.

Это значит, что главный вопрос нашего времени – не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма, а также не один из текущих расхожих вопросов, которые ежедневно провозглашаются государственными деятелями и политиками, профессорами и министрами, журналистами и просто уличными ораторами. Все эти темы не что иное, как маленькие побочные вопросы главного вопроса, а именно: чувственная форма культуры и

образ жизни против другой, совершенно иной формы. Еще менее значительны такие вопросы, как Гитлер против Черчилля или Англия против Германии, Япония против Соединенных Штатов и им подобные. Мы слышали такие же лозунги и ранее, во время войны 1914–1918 гг. И тогда многочисленные голоса провозглашали источниками зла отдельных личностей, таких как император Вильгельм Гогенцоллерн, и отдельные страны, такие как Германия; рассматривали их поражение и уничтожение как главный вопрос войны и радикальное средство избавления от зла. Кайзера низвергли, Германии нанесли поражение^{9*}, но это не предотвратило, не ослабило последующего кризиса, не предупредило настоящую катастрофу. Ни Гитлер, ни Сталин, ни Муссолини не создали сегодняшний кризис, а, наоборот, существующий кризис создал их такими, каковы они есть, – его инструментами и марионетками. Их можно убрать, но это не уничтожит кризис и даже не уменьшит его. Этот кризис, пока он существует, будет создавать новых сверх-Гитлеров, Сталиных, Черчиллей и Рузвельтов.

Во всех этих отношениях первый диагноз ошибочен. Не менее ложны и его рецепты лечения. Они не могут ни избавить от кризиса, ни приостановить его дальнейшее развитие. В лучшем случае они бесполезны, чаще же – вредны. Даже если англосаксонский блок победит в настоящей войне, это не остановит и не уменьшит трагедию кризиса до тех пор, пока мы не увидим, что чувственная посылка нашей культуры вытеснилась более адекватной посылкой.

В наименьшей степени я не согласен и с другим пессимистическим диагнозом. Вопреки его заявлению настоящий кризис не есть предсмертная агония западной культуры и общества, т. е. кризис не означает ни разрушения, ни конца их исторического существования. Основанные лишь на биологических аналогиях, все подобные теории беспочвенны. Нет единого закона, согласно которому каждая культура проходила бы стадии детства, зрелости и смерти. Ни одному из приверженцев этих очень старых теорий не удалось показать, что же разумеется под детством общества или под старением культуры; каковы типичные характеристики каждого из возрастов; когда и как умирает данное общество, и что значит смерть общества и культуры вообще. Во всех отношениях теории, о которых идет речь, – это простые аналогии, состоящие из неопределенных терминов, несуществующих универсалий, бессмысленных заявок. Они еще менее убедительны, когда утверждают, что западная культура достигла последней стадии старения и сейчас находится в предсмертной агонии. Не пояснено при этом ни само значение «смерти» западной культуры, и не приведены какие-либо доказательства.

Тщательное изучение ситуации показывает, что настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым следует новая интеграция, столь же достойная внимания, каковой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета. Точно так же, как замена одного образа жизни у человека другим вовсе не означает его

смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры другой не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации. В западной культуре конца средних веков таким же образом произошла смена одной фундаментальной социально-культурной формы на другую – идеациональной на чувственную форму. И тем не менее такое изменение не положило конец существованию общества, не парализовало его созидательные силы. После хаоса переходного периода в конце средних веков западная культура и общество демонстрировали в течение пяти веков все великолепие своих созидательных возможностей и вписали одну из самых ярких страниц в историю мировой культуры. То же самое можно сказать о греко-римской и других великих культурах, которые претерпели в течение своего исторического пути несколько подобных изменений. Равным образом теперешнее разрушение чувственной формы никак не тождественно концу западной культуры и общества. Трагедия и хаос, ужасы и горе переходного периода закончатся, они вызовут к жизни новые созидательные силы в новой интегральной форме, столь же значительной, как все пять веков эры чувственной культуры.

Более того, такое изменение, сколь болезненным оно бы ни было, является, по-видимому, необходимым условием для любой культуры, чтобы быть творчески созидательной на всем протяжении ее исторического развития. Ни одна из форм культуры не беспредельна в своих созидательных возможностях, они всегда ограничены. В противном случае не было бы нескольких форм одной культуры, а была бы единая, абсолютная, включающая в себя все формы. Когда созидательные силы исчерпаны и все их ограниченные возможности реализованы, соответствующая культура и общество или становятся мертвыми и несозидательными (если сохраняют свою уже исчерпанную форму), или сменяются новой формой, которая открывает новые созидательные возможности и ценности. Все великие культуры, сохранившие творческий потенциал, подвергались как раз таким изменениям. С другой стороны, культуры и общества, которые не изменяли форму и не могли найти новые пути и средства передачи, стали инертными, мертвыми и непродуктивными. Немезида таких культур – стерильность, непродуктивность, прозябание. Таким образом, вопреки диагнозу шпенглерянцев, их мнимая смертная агония была не чем иным, как острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил.

Полное разрушение нашей культуры и общества, провозглашенное пессимистами, невозможно также и по той причине, что *вся совокупность* социальных и культурных феноменов западного общества и культуры никогда не была интегрирована в одну унифицированную систему. А то, что никогда не было соединено, не может быть и разъединено.

Хоть в большинстве компонентов средневековой культуры преобладала идеациональная форма, рядом с ней, в качестве побочных, существовали и эклектичные – чувственная и неинтегрированные формы, выраженные в многообра-

зии изящных искусств и науки, философии и религии, этики и образов жизни. В течение последних четырех столетий преобладающей моделью современной культуры во всех ее компонентах была чувственная форма, хотя наряду с ней существовали (как побочные) идеациональная и другие формы изящного искусства, религии, философии, юриспруденции, этики, образов жизни и мышления. Едва ли какая-либо культура в истории человечества была полностью и совершенно интегрированной. Термин «доминантная форма интеграции» не означает абсолютно монопольного преобладания, ведущего к полному исключению других форм культуры.

Он означает, что только те культурные и социальные формы, которые интегрированы в одну чувственную форму, могут разрушиться, что, собственно, мы и наблюдаем. Правда, эти явления, безусловно, составляют основной массив всей культуры Запада, но тем не менее они охватывают не все социально-культурные феномены, составляющие эту культуру, как единое целое. Не интегрированные в чувственную форму компоненты могут продолжать свое существование и даже успешно функционировать. Так как они не являются частью тонущего чувственного корабля, то и нет необходимости в их полной гибели.

Еще более нелепы каждодневные заявления политиков и прессы о конце цивилизации и прогресса, особенно в тех жизненных ситуациях, когда они терпят поражение, а их оппоненты одерживают победу. Во время любой политической кампании мы часто слышим, как некий малозначительный политик грозит своим слушателям «концом цивилизации» в случае, если его не выберут. Кто не знаком с «борьбой за прогресс и культуру» лидеров военных клик? Кто не знаком с лозунгом «мир на пороге своего конца», выдвигаемым каким-нибудь честолюбцем, неспособным захватить свою Лилипутию? Почти ежедневно мы слышим знакомые вариации на эту тему и от людей высокоинтеллектуальных, и от толпы со слабым интеллектуальным потенциалом, искателей чего-то совершенно незначительного и подчас эгоистичного. Если верить этим псевдопророкам, то цивилизация и культура должны были погибнуть давным-давно или вот-вот исчезнут. К счастью, культура и цивилизация бесконечно прочнее, чем уверяют нас клоуны политического цирка. Политические, да и не только политические, партии, группировки, фракции и армии приходят и уходят, а культура остается вопреки их траурным речам. Регулярно не осуществляются правомерные и неправомерные притязания сотен тысяч мелких честолюбцев. И, вопреки их реквиему цивилизации, она все же продолжает существовать. Многие страны потерпели поражение в войне, а цивилизация тем не менее не исчезла. Как было сказано, она сделана из более прочного материала и обладает большей жизнестойкостью, чем заверяют нас «гробовщики культуры».

Более того, они едва ли прекратят задавать вопрос, *стоит ли* вообще спасать культуру, или, может, ей лучше было бы исчезнуть. Как мы увидим позже,

многие ценности современной культуры, за которые они ратуют, едва заслуживают того, чтобы за них бороться. Большая часть их уже умерла и только ожидает приличествующих похорон. Их исчезновение скорее благо, чем потеря для человечества; скорее освобождение культуры от яда, чем ее обнищание. После этих ремарок можно забыть о «гробовщиках культуры»; с точки зрения и науки, и этики их жалобы не стоят того, чтобы их серьезно обсуждать.

Предшествующей критики достаточно для того, чтобы отвергнуть оба пространенных диагноза нашего кризиса как ложные. Отказ от них несет с собой одновременно и отказ от тех рецептов, которые они предлагают. Более серьезным представляется третий диагноз. Автор поставил его за несколько лет до настоящей катастрофы и описал достаточно подробно. Сейчас же он будет повторен без каких-либо изменений. Он заключается в том, что теперешние наши трудности происходят от разрушения чувственной формы западной культуры и общества, которая началась в конце XII в. и постепенно заменила собой идеациональную форму средневековой культуры. В период своего восхождения и расцвета она создала великолепные культурные образцы во всех секторах западной культуры. В течение этих веков она вписала наиболее яркие страницы человеческой истории. Однако ни одна из конечных форм, ни чувственная, ни идеациональная, не вечна. Рано или поздно ей суждено исчерпать свой созидательный потенциал. Когда наступает этот момент, она начинает постепенно разрушаться и вовсе исчезает. Так случалось несколько раз в истории основных культур прошлого; то же происходит и сейчас с нашей чувственной формой, вступившей ныне в период своего заката. Таков масштаб сегодняшнего кризиса. Если это и не означает полного исчезновения западной культуры и общества, но тем не менее предвещает одну из величайших революций в нашей культурной и социальной жизни. Как таковая, она неизмеримо глубже и значительнее, чем ее представляют себе сторонники идеи «обыкновенного кризиса». Переход от монархии к республике, от капитализма к коммунизму совершенно незначителен по сравнению со сменой одной фундаментальной формы культуры другой: идеациональной культуры – на чувственную, и наоборот. Такие изменения очень редки. Как мы видели, в течение трех тысячелетий греко-римской и западной истории это случилось только четыре раза. Но когда кризис действительно происходит, он производит основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре. Нам предоставлен редкий шанс жить, наблюдать, мыслить и действовать в котле такого мирового пожара. Если мы не в силах потушить его, то следует хотя бы попытаться понять его природу, причины и последствия. Если же мы сможем это сделать, то, вероятно, в некоторой степени сократим его трагический ход, смягчим его последствия. Помочь решить эту задачу, раскрыть и обосновать третий диагноз – задача последующего повествования. Теперь перейдем к анализу кризиса в различных секторах культурной и социальной жизни.

Глава вторая

КРИЗИС ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

---

1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная формы изящных искусств

Начнем с анатомии кризиса в изящных искусствах. Они являются наиболее чувствительным зеркалом, отражающим общество и культуру, составной частью которых являются. Каковы культура и общество, таковыми будут и изящные искусства. Если культура преимущественно чувственная, чувственным будет и преобладающее в ней искусство. Если культура не интегрирована, хаотичным и эклектичным будет ее искусство. Так как западная культура преимущественно чувственная, а кризис заключается в разрушении ее основной сверхсистемы, то и современный кризис изящных искусств демонстрирует разрушение чувственной формы нашей живописи и скульптуры, музыки, литературы, драматургии и архитектуры. Рассмотрим, что представляют собой чувственные формы изящных искусств в целом и современные чувственные формы искусств в частности, а также симптомы и причины их разрушения.

В первой главе я кратко изложил тезис о том, что каждая из трех основных культур – идеациональная, идеалистическая, чувственная – имеет свою собственную форму изящных искусств, отличную от другой как внешними признаками, так и внутренним содержанием. Причем основные признаки каждой из трех форм изящных искусств следуют основной посылке каждой из этих систем культуры. Обрисуем предварительный портрет идеационального, идеалистического и чувственного типов искусств.

Идеациональное искусство. Как своим содержанием, так и своей формой идеациональное искусство выражает основную посылку идеациональной культуры – основная реальность-ценность есть Бог. Поэтому *тема идеационального искусства – сверхчувственное царство Бога.* Ее «герои» – Бог и другие божественные сущности, ангелы, святые и грешники, душа, а также тайны мироздания, воплощения, искупления, распятия, спасения и другие трансцендентальные события. Искусство целиком и полностью религиозно. Оно мало уделяет внимания личности,

предметам и событиям чувственного эмпирического мира. Поэтому нельзя найти какого-либо реального *пейзажа, жанра, портрета*. Его цель – не развлекать, не веселить, не доставлять удовольствие, а приближать верующего к Богу. Как такое искусство священо как по содержанию, так и по форме. Оно не допускает и толики чувственности, эротики, сатиры, комедии, фарса. Эмоциональный тон искусства – религиозный, благочестивый, бесстрастный, аскетичный.

Его стиль есть и должен быть символичным. Это не более чем видимый или чувственный знак невидимого или сверхчувственного мира ценностей. Так как Бог и сверхчувственные явления не имеют никакой материальной формы, то их нельзя постичь или изобразить натуралистически, такими, какими они предстают перед нашими органами чувств. Они могут быть обозначены лишь символично. Отсюда трансцендентальный символизм идеационального искусства. Знаки голубя, якоря, оливковой ветви в раннехристианских катакомбах были всего лишь символами ценностей невидимого мира Бога^{1*}, в отличие от голубя или оливковой ветки реального мира. Полностью погруженное в вечный сверхчувственный мир, такое искусство *статично* по своему характеру и по своей приверженности к освященным, иератическим формам традиции. Оно всецело интровертно^{2*}, без всяких чувственных украшений, пышности и нарочитости. Оно предполагает великолепие духовности, но облаченной в ветхие одеяния. Его значение не во внешнем проявлении, а во внутренних ценностях, которые оно символизирует. Это не искусство одного профессионального художника, а творчество безымянного коллектива верующих, общающихся с Богом и со своей собственной душой. Такое общение не нуждается ни в профессиональном посреднике, ни в каком-либо внешнем приукрашивании. Таковы грубо очерченные штрихи идеационального искусства, где бы и когда бы оно ни обнаруживалось. Оно являет собой всего лишь деривацию и выражение основной посылки идеациональной культуры.

Чувственное искусство. Его типичные черты совершенно противоположны чертам идеационального искусства, так как основная посылка чувственной культуры противоположна основной посылке культуры идеациональной. Чувственное искусство живет и развивается в эмпирическом мире чувств. Реальный *пейзаж*, человек, реальные события и приключения, реальный портрет – таковы его темы. Фермеры, рабочие, домашние хозяйки, девушки, стенографистки, учителя и другие типажи – вот его персонажи. На его зрелой ступени любимые «герои» его – проститутки, преступники, уличные мальчишки, сумасшедшие, лицемеры, мошенники и другие подобные им асоциальные типы. Его цель – доставить тонкое чувственное наслаждение: расслабление, возбуждение усталых нервов, развлечение, увеселение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетичным, чувственным, постоянно ищущим нечто новое. Оно отмечено возбуждающей наготой и сладострастием. Оно свободно от религии, морали и

других ценностей, и провозглашает себя «искусством для искусства». Так как оно должно развлекать и веселить, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачение, насмешку и тому подобные средства.

Стиль чувственного искусства натуралистичен, даже подчас несколько иллюзионистичен, свободен от всякого сверхчувственного символизма. Оно воспроизводит явления внешнего мира такими, какими они воспринимаются нашими органами чувств. Это искусство динамично по своей природе: в своей эмоциональности, силе изображаемых страстей и действий, по своей настоящей современности и изменчивости. Ему приходится непрерывно меняться, выстраивая цепочку прихотей и образов, так как в противном случае оно будет скучным, безынтесным и неувлекательным. По этой же причине это искусство внешнего проявления, так сказать, напоказ. Так как оно не символизирует никакой сверхчувственной ценности, оно зиждется на внешней саморепрезентации. Как глупенькая, но при этом шикарная девица, оно добивается успеха до тех пор, пока принаряжено и сохраняет свою внешнюю привлекательность. А чтобы сохранить красоту, ему приходится щедро использовать пышность и внешние обстоятельства, размах, ошеломляющие приемы и другие средства внешнего лоска. Более того, это – искусство профессиональных художников, угождающих пассивной публике. Чем оно более развито, тем более яркими становятся его характеристики.

Идеалистическое искусство. Идеалистическое искусство является чем-то средним между идеациональной и чувственной формами искусства. Его мир частично сверхчувственный, частично чувственный, но только в самых возвышенных и благородных проявлениях чувственной действительности. Его герои то боги и другие мистические создания, то реальный человек, но только в его благороднейшем проявлении. Оно намеренно слепо ко всему недостойному, вульгарному, уродливому, негативному в реальном мире чувств. Его стиль частично символический и аллегоричен, частично же реалистичен и натуралистичен. Он спокоен, ясен, невозмутим. Художник всего лишь *primus inter pares*^{3*} общности, членом которой он выступает. Словом, оно представляет собой великолепный синтез идеационального и благороднейших форм чувственного искусства.

Эклектичное искусство есть псевдоискусство, не объединенное каким-либо серьезным образом в единый стиль, представляющее собой исключительно механическую смесь чего бы то ни было. У него нет ни внешнего, ни внутреннего единства, нет индивидуального или постоянного стиля, и оно не отражает системы унифицированных ценностей. Это искусство восточного базара, мешанины различных стилей, форм, тем, идей. Такое искусство скорее даже и не искусство, а псевдо-искусство.

Исторические примеры. Так как идеациональная, идеалистическая и чувственная формы культуры извечны и универсальны, имеют примеры в прошлом и в настоящем, среди примитивных и цивилизованных народов, то, следовательно

но, и три интегрированные формы изящных искусств можно найти в прошлом и в настоящем, в племенном мире и в мире сложных цивилизаций. Идеациональное искусство в смешанной форме встречается у многих примитивных народов, подобно индейцам зуньи^{4*}, негритянским племенам Африки и австралийским аборигенам. Точно так же символическое искусство геометрики эпохи неолита было типично идеациональным. В так называемых исторических культурах идеациональное искусство доминировало в те или иные периоды в искусстве даоистского Китая, Тибета, брахманской Индии, в буддистской культуре, культуре Древнего Египта, искусстве Греции с IX в. по VI в. до н. э., искусстве ранне-средневекового христианского Запада и т. д. То же мы наблюдаем в отношении распространения во все времена чувственной формы искусства. Это и превалирующая форма культуры раннего палеолита многих примитивных племен, таких, как бушмены в Африке, многих индийских и скифских племен и т. п. Она питала изобразительные искусства Ассирии, по крайней мере в течение некоторых периодов ее истории, искусство Древнего Египта на последних стадиях развития Древнего Царства, в периоды Среднего и Нового Царства и особенно в последние эпохи саисского, птолемеевского и римского Египта^{5*}. Она определенно характеризует последнюю известную нам эру крито-микенской культуры и греко-римскую цивилизацию с III в. до н. э. по IV в. н. э. Наконец, она доминирует в западной культуре на протяжении последних пяти веков. Идеалистическая форма искусства не была столь широко распространенной, как две другие формы, но господствовала она не раз. Ее лучшие образцы нашли свое завершение в греческом искусстве V в. до н. э. и в западноевропейском искусстве XIII в.

Как бы ни отличались во многих отношениях изящные искусства примитивных и цивилизованных народов, они все имеют ряд сходных внешних и внутренних черт, если они принадлежат к одному и тому же типу культуры. Среди других факторов господство той или иной формы в изобразительном искусстве означает не столько наличие или отсутствие художественного мастерства, сколько эффект идеационального, идеалистического, чувственного или смешанного мышления людей и их культур. Живя в век чувственной культуры, мы склонны считать идеациональное искусство более примитивным, чем чувственное, и идеационального художника менее искусным и совершенным, чем художника чувственной культуры. Однако такое обоснование не имеет под собой почвы. Человек эпохи палеолита или раннего каменного века был художником чувственной культуры, очень искусным в зримом воспроизводстве предметов окружающего мира (животные, сцены охоты и т. п.), которые его интересовали в первую очередь. Человек неолита, более развитой культуры позднего каменного века, был в основном художником идеациональной культуры, и его творчество почти не содержало в себе черт чувственной культуры. Таким образом, более поздняя и развитая ступень культуры воспроизводила в большей степени

идеациональную форму культуры, чем предшествующую ей чувственную культуру. Равным образом и совершенное искусство крито-микенской эры сменилось после IX в. до н. э. идеациональным искусством ранней Греции. Подобные переходы от одной формы искусства к другой мы наблюдаем в изобразительном искусстве Древнего Египта, Китая и многих других стран. Наконец, совершенное чувственное искусство греко-римской культуры III в. до н. э. – IV в. н. э. сменилось идеациональным искусством средневекового христианского Запада.

Все это означает, как мы видели, лишь одно: преобладание той или иной формы изящных искусств не есть вопрос наличия или отсутствия художественного мастерства, а предопределяется природой сверхсистемы культуры. В культуре, отмеченной идеациональной суперсистемой, изящные искусства преимущественно идеациональные. Подобное обобщение верно и в тех случаях, когда, соответственно, доминирует чувственная, идеалистическая или смешанная сверхсистема (Social and Cultural Dynamics. New York, 1937, vol. I, ch. 5–7).

2. Изменения в формах изящных искусств

Когда в некоей данной общей культуре изменяется доминирующая сверхсистема, то в этом же направлении меняются и все основные формы изящных искусств. Если на смену чувственной сверхсистеме приходит идеациональная, то чувственное искусство уступает место идеациональному искусству, и наоборот. Примером этого процесса являются переходы от одной доминирующей формы к другой в истории греко-римского и западного изящных искусств. Давайте взглянем на эти изменения не столько ради них самих, сколько для понимания природы современного кризиса в западном изобразительном искусстве.

История начинается с крито-микенского искусства, точнее, со знаменитой чаши Вафио^{6*}, являющейся совершенным образцом изобразительного искусства и показывающей непревзойденное чувственное мастерство художника. Она дает нам превосходное импрессионистическое изображение приручения быка. Известно также, что последний период крито-микенской культуры – период упадка чувственной формы.

Когда мы подходим к анализу греческого искусства VIII–VI вв. до н. э., мы сталкиваемся с так называемым архаическим или, точнее, идеациональным искусством со всеми присущими ему характеристиками. Оно символично, религиозно, потусторонне. Оно не изображает предметы такими, какими они открываются нашему глазу, а использует геометрические и другие видимые символы невидимого мира религиозных ценностей.

Начиная с конца VI в. до н. э. мы наблюдаем упадок идеационального искусства во всех его проявлениях и генезис идеалистического искусства, которое

достигает расцвета в V в. до н. э. – во времена Фидия, Эскила, Софокла и Пиндара. Это, вероятно, пример идеалистического искусства *par excellence*^{7*}. Парфенон как пример этого искусства наполовину религиозен, наполовину эмпиричен. Из чувственного мира он получил только свои благородные формы и позитивные ценности. Это – идеализированное, типологическое искусство. Его портреты – великолепные типажи, реальные изображения данных индивидов. Оно не искажено ничем низким, вульгарным или унижительным. Оно светлое, спокойное и величественное. Его идеализм выражается в отличном знании художником анатомии человеческого тела и знании средств воплощения этого знания в идеальной или совершенной форме: в изображенных человеческих персонажах, в их позах, в абстрактной трактовке типа человека. Мы не найдем ни конкретных портретов, ни уродства, ни прочих дефектов. Мы видим бессмертных и идеализированных смертных; старики – молоды, дети изображены как взрослые; за атлетической внешностью едва различимы женственные черты женщин. Нет реалистического пейзажа. В позах и выражениях лиц нет ничего яркого – ни сильных эмоций, ни буйных страстей. Они спокойны и невозмутимы, как боги. Даже на мертвых лежит отпечаток этой безмятежной красоты. Эти черты не есть результат каких-либо технических ограничений, а, скорее, желание художника избежать всего того, что могло бы нарушить идеальный порядок и гармонию идеалистического образа жизни. Наконец, это искусство было глубоко религиозным, морализирующим, поучающим, облагораживающим и патристичным. Оно было не искусством для искусства, а искусством, тесно связанным с другими ценностями: религиозными, моральными и гражданскими. Художник самоуничижал себя и растворял свою индивидуальность в общности себе подобных: Фидий, Поликлет, Полигнот, Софокл были лишь *primi inter pares*^{8*} в коллективной религиозной или гражданской общине. Они еще не стали, как художники чувственной культуры, профессионалами, целиком поглощенными искусством ради искусства, и в силу этого свободными от любых гражданских, моральных и религиозных обязанностей. Короче говоря, это было искусство, великолепно сливающее небесное совершенство с благородной земной красотой, перемешивающее религиозные и другие ценности с возвышенными чувственными формами. Его можно обозначить как «ценностное» искусство в противоположность «бесценностному» искусству эстетов-пуристов.

После V в. до н. э. волна чувственного искусства резко поднялась, а волна идеационального начала спадать. В результате этого идеалистический синтез разрушился, и начиная приблизительно с III в. до н. э. и по IV в. н. э. длился период господства чувственной формы искусства. В течение первых веков нашей эры она вступила в пору своего расцвета, отмеченную реализмом и все возрастающим темпом имитации архаического, классического и других стилей. Этот же период явился свидетелем появления христианского идеационального искус-

ства, которое шло в ногу с распространением христианской религии и в VI в. н. э. стало господствующей формой искусства.

С наступлением IV в. н. э. чувственная форма греко-римской культуры претерпела сильное изменение. Хотя многие историки характеризуют это изменение как распад классического искусства, но более точно следует интерпретировать его как распад чувственной формы и как окончательную замену на новую доминирующую форму, а именно на христианское идеациональное искусство, которое господствовало с VI в. по конец XII в.

Величайшие примеры средневековой *архитектуры* – соборы, церкви – все они суть строения, посвященные Богу. Их внешний абрис, как-то: крестообразное основание, купол или шпиль – и фактически каждая архитектурная или скульптурная деталь – символичны. Это воистину «Библия в камне»! Не менее религиозна и средневековая *скульптура*. Это Ветхий и Новый Заветы, застывшие в камне, глине или мраморе. Средневековая *живопись* также сверхрелигиозна – все то же художественное воспроизводство Ветхого и Нового Заветов. Она почти целиком символична и духовна. В ней не предпринята даже попытка создать иллюзию трехмерной реальности в двухмерном измерении. В ней очень мало обнаженного тела, а если оно и есть, то изображение крайне аскетично. *Полностью отсутствуют пейзажи, жанровые сцены, реалистичные портреты, сатира, карикатура или комедия.* Средневековая *литература* происходит главным образом из Библии. Это и комментарии к ней, и молитвы, и жития святых, и другая религиозная словесность. Доля светской литературы незначительна. Если и используется греко-римская светская литература, то она столь радикально изменена и символически интерпретирована, что от Гомера, Овидия, Вергилия, Горация остается одна видимость. Лишь в XII в. вновь появляется светская литература в общепринятом смысле слова. Вся окружающая реальность игнорировалась. Средневековая *драма и театр* представлены религиозными службами, процессиями и мистериями. Средневековая *музыка* представлена амброзианскими, грегорианскими и другими песнопениями^{9*} со своими *Kyrie eleison, Alleluia, Agnus Dei, Gloria, Requiem, Mass*^{10*} и им подобными религиозными песнями.

Все это искусство внешне просто, аскетично, традиционно и духовно. Для человека чувственной культуры, привыкшего к великолепию отделки, все это может показаться бесцветным и непривлекательным, лишенным технического совершенства, радости и красоты. Тем не менее когда становится понятно, что идеациональное искусство субъективно, погружено в сверхчувственный мир, то и оно начинает казаться таким же импрессивным, как и любое из известных чувственных искусств. Идеациональное искусство этих веков неземное, великолепно и чрезвычайно последовательно выражающее свою сверхчувственность. Это – искусство человеческой души, наедине общающейся с Богом. Оно не предназначено ни для рынка, ни для прибыли, ни для славы, ни для известности, ни для

чувственного наслаждения и ни для каких-либо других ценностей чувственной культуры. Оно было создано, как заметил Теофил, «*non humane laudis amore, nec temporalis premii cupiditate... sed in augmentum honoris et gloriae nominis Dei*»^{11*}. Отсюда – анонимность искусства. Художники объединялись в гильдии. Всем миром строили соборы и церкви. Ведущие мастера не старались закрепить свои имена за своими творениями. За редким исключением, мы не знаем имен создателей даже самых выдающихся соборов, скульптур и других шедевров средневекового искусства. Таковы были наиболее характерные черты средневекового искусства на протяжении VI–XII вв.

Эти черты не есть результат поверхностных впечатлений, а выявлены путем качественного и количественного анализа более чем ста тысяч средневековых и современных картин и скульптур, анализа сохранившейся средневековой литературы, музыки, большого количества архитектурных памятников и драматических произведений. Позднее будут приведены статистические данные этого анализа. Они ясно покажут идеациональный характер основных средневековых искусств, а пока продолжим краткую характеристику главных поворотов в искусстве, которые произошли в последующие века.

В конце XII в. дают о себе знать первые признаки заката всех идеациональных изящных искусств, кроме музыки, упадок которой произойдет позднее. Изящные искусства проходят путь от идеациональной формы к идеалистической в течение всего XIII в. и начала XIV в. В некотором смысле все это напоминает греческое идеалистическое искусство V в. до н. э. В обоих случаях искусство опирается на сверхчувственный мир, но все более и более начинает отражать благородные и возвышенные ценности реального мира, неважно, относятся ли они к человеку и к гражданским институтам или к идеализированной красоте. В своем стиле оно объединяет высочайшее техническое мастерство художника чувственной культуры и чистое, благородное, идеалистическое *Weltanschauung*^{12*}. В отношении чувственного мира это искусство высокоизбирательное; оно берет в нем только положительные ценности, типы, события, игнорируя патологические и негативные явления. Оно приукрашивает даже положительные ценности реального мира, никогда не изображая их такими, какими они действительно выглядят, или, другими словами, такими, какими они открываются нашим органам чувств. Это – искусство идеализированных типов, крайне редко индивидуализирующее личность или событие. Как и греческое искусство V в., оно не стремится к простому воспроизведению черт данного лица, а создает абстрагированное и благородное, весьма отдаленное, если оно вообще есть, сходство с реальными чертами человека. В его *жанрах* есть место только для великих событий. Его герои – бессмертные и полубожественные существа, героические или трагедийные фигуры. Оно как бы придает смертным бессмертие. Даже если оно изобра-

жает смерть, то часто с открытыми глазами, как будто бы мертвые видят свет, не воспринимаемый нами; они также лишены признаков разрушения и, так сказать, физической смерти. Это искусство ясно, спокойно, свободно от какой-либо фривольности, комедийности или сатиричности, от сильных страстей или эмоций, всего принижающего, патетического и мрачного. Это искусство безгрешной монашки, которая в первый раз увидела красоту реального мира – весеннее утро, цветы и деревья, росу, солнечный свет, ласкающий ветер и голубое небо. Эти черты заметны во всех изящных искусствах, но в меньшей степени в музыке. Музыка еще остается главным образом идеациональной; только спустя около полувека она начинает приобретать благородные формы чувственной красоты идеалистической музыки.

Идеалистический период заканчивается в XV в. Результатом продолжающегося заката идеациональной формы культуры и восхождения чувственной формы явилось господство чувственной культуры во всех изящных искусствах. Это господство все возрастает и с незначительными колебаниями достигает своего апогея и абсолютного предела в XIX в.

Нам уже известны характерные черты шикарного чувственного искусства. Оно *светское* во всем и оттого стремится отразить чувственную красоту и обеспечить чувственное удовольствие и развлечение. Как таковое это – искусство ради искусства, лишенное всяких религиозных, моральных или гражданских ценностей. Его герои и персонажи типичные смертные, а позднее ими становятся асоциальные и патологические типы. Его эмоциональный тон страстный, сенсационный, патетический. Оно отмечено возбуждающей и чувственной наготой. Это искусство *пейзажа* и *жанра* портрета, карикатуры, сатиры и комедии, водевиля и оперетты; искусство голливудского шоу; искусство профессиональных художников, доставляющих удовольствие пассивной публике. Будучи таковым, оно создано для рынка как объект купли и продажи, успех которого зависит от конкуренции с другими товарами.

По внешнему стилю оно *реалистично, натуралистично, визуально*. Оно изображает окружающую реальность такой, какой она открывается нашим органам чувств. В музыке оно представляет собой комбинацию звуков, которые или услаждают, или раздражают; достигается же это посредством чисто физических качеств, а не символами или трансцендентальным смыслом, стоящим за ними. В этом смысле оно отражает лишь *поверхность явлений окружающего мира* – их внешние формы, вид и звуки, вместо того чтобы проникать в трехмерную глубину живописных предметов и в суть скрытой за поверхностью действительности. Отсюда происходит *иллюзорный* характер этого искусства. Любое полотно чувственного искусства своими ракурсом и перспективой стремится создать иллюзию трехмерной реальности, хотя и средствами двухмерного пространства.

Подобных приемов было достаточно и в скульптуре, и даже в архитектуре. Они стремились к показной пышности, отражая в большей степени внешней вид, а не саму субстанцию. Короче говоря, все эти характерные черты мы находим в развивающемся чувственном искусстве.

Для того чтобы понять существенную разницу между чувственным искусством и средневековыми идеациональным и идеалистическим искусствами, выработать ясную концепцию основных переходов в западных изящных искусствах и привести необходимые доказательства правильности вышеизложенного, рассмотрим суммарные статистические данные, взятые из моей книги «Социальная и культурная динамика». Мои данные основаны на изучении более чем сотни тысяч картин и скульптур из восьми ведущих европейских стран с начала средних веков и вплоть до 1930 г. Этот срез включает большую часть картин и скульптур, известных историкам искусства, а следовательно, он наиболее репрезентативен. Конечно же, в деталях могут быть допущены некоторые неточности, однако существенные тенденции заслуживают доверия. Аналогичным образом выводы, касающиеся музыки, литературы, драмы и архитектуры, основаны на столь же репрезентативных образцах хорошо известных музыкальных, литературных, драматических и архитектурных творений – из этих же восьми европейских стран.

Существенная черта, отличающая идеациональное, идеалистическое и чувственное искусства, заключена в природе их тем: находятся ли они в сфере сверхчувственно-религиозной или в чувственно-эмпирической. Исходя из этой методологической посылки история европейского искусства может быть хорошо охарактеризована следующими цифрами.

В процентах доля религиозных и светских картин среди всех изученных картин и скульптур в разные века такова:

	до X в.	X–XI вв.	XII–XIII вв.
Религиозные	81,9	94,7	97,0
Светские	18,1	5,3	3,0
В целом	100	100	100
	XIV–XV вв.	XVI в.	XVII в.
Религиозные	85,0	64,7	50,2
Светские	15,0	35,3	49,2
В целом	100	100	100
	XVIII в.	XIX в.	XX в.
Религиозные	24,1	10,0	3,9
Светские	75,9	90,0	96,1
В целом	100	100	100

Цифры убедительно свидетельствуют о том, что средневековая *живопись* и *скульптура* были преимущественно религиозными. Роль религиозного фактора начала снижаться лишь после XIII в. и стала совершенно незначительной

в XIX и XX столетиях. Соответственно процент светских картин и скульптур, которые фактически отсутствовали в средние века, увеличивается приблизительно до 90–96% от числа всех известных картин и скульптур XIX–XX вв.

Такая же ситуация наблюдается в музыке, литературе и архитектуре.

Средневековая *музыка* представлена в основном амброзианским, грегорианским и другими хоралами религиозного содержания. Почти на 100% музыка была религиозной. В период между 1090 г. и 1290 г. появляется впервые светская музыка трубадуров, труверов и миннезингеров^{13*}. С этого времени доля светской музыки неуклонно увеличивается. Среди ведущих музыкальных сочинений доля религиозных падает до 42% в XVII–XVIII вв., до 21% в XIX в. и, наконец, до 5% в XX в. Процент же светских сочинений в нашем столетии вырастает соответственно до 95%.

Точно так же и в *литературе* в период с V по X в. почти нет светских шедевров. Произведения греко-римских поэтов и писателей настолько радикально изменены и подвержены столь сильной символической интерпретации, что у них остается мало общего с их оригиналами, и они, скорее, служат лишь своеобразным придатком религиозной литературы. В период с IX в. по начало XII в. появляются несколько полусветских, полурелигиозных произведений: «Heliand», «Hildebrandslied», «La Chanson de Roland», «Le Pelerinage de Charlemagne»^{14*}. Но лишь во второй половине XII в. появляется истинно светская литература. Наконец, в словесности XVIII–XIX вв. процент светских произведений поднимается до 80–90% в зависимости от того, какую страну мы изучаем.

В *архитектуре* средневековья фактически все выдающиеся творения представляли собой соборы, церкви, монастыри, аббатства. Они господствовали над городами и селами, воплощая творческий гений средневековой архитектуры. Напротив, в течение нескольких последних веков Нового времени подавляющее большинство архитектурных творений были светскими по своему характеру – дворцы правителей, особняки богачей, ратуши и другие городские административные здания, конторы, железнодорожные вокзалы, музеи, филармонии, оперные театры и т. п. Среди подобных строений и такие, как Empire States Building, Chrysler Building, Radio City^{15*}, башни редакций столичных газет; среди них огромные соборы наших городов и вовсе затерялись.

Эти неоспоримые факты не оставляют никакого сомнения относительно идеационального характера средневековых изящных искусств и светской природы искусства последних четырех веков, особенно в XVIII–XX вв. Они показывают, как от века к веку происходило это изменение. Среди прочего они показывают, что темы, к которым обращалось искусство XIII в., оставались по преимуществу религиозными.

Другой важный аспект идеационального, идеалистического и чувственного искусства – их стиль: является ли он формальным и символическим или визуаль-

ным и чувственным. Изменения, происшедшие в этом русле, очерчены мною в следующих суммарных данных относительно доли каждого из стилей в европейской живописи и скульптуре в течение рассматриваемых веков.

<i>Стили</i>	<i>До X в.</i>	<i>X–XI вв.</i>	<i>XII–XIII вв.</i>
Визуальный (чувственный)	13,4	2,3	6,0
Идеациональный (символический и формальный)	77,0	92,2	51,1
Экспрессионистический	–		
Смешанный	9,6	5,5	42,9
В целом	100	100	100
<i>Стили</i>	<i>XIV–XV вв.</i>	<i>XVI в.</i>	<i>XVII в.</i>
Визуальный (чувственный)	53,6	72,0	90,6
Идеациональный (символический и формальный)	29,2	20,3	5,9
Экспрессионистический	–		
Смешанный	17,2	7,7	3,5
В целом	100	100	100
<i>Стили</i>	<i>XVIII в.</i>	<i>XIX в.</i>	<i>XX в.</i>
Визуальный (чувственный)	96,4	95,5	61,5
Идеациональный (символический и формальный)	2,5	0,3	0,7
Экспрессионистический		2,8	35,5
Смешанный	1,1	1,4	2,3
В целом	100	100	100

[Диаграмма (см. след. стр.) наглядно обобщает приведенные данные, показывая рост чувственной кривой с 1200 по 1930 г. Кроме того, она показывает движение других дополнительных характеристик.]

Преимущественно идеациональный (символический, иератический, формальный) стиль средневековья и в основном визуальный (чувственный) стиль последних пяти столетий налицо. В XIII–XIV вв. идеациональное искусство уступает первенство сначала идеалистической, а уже после – чувственной форме. XX в. характеризуется резким спадом визуально-чувственного стиля и заметным ростом экспрессивной манеры, нарушая тем самым наметившуюся с XIII в. по XIX в. тенденцию.

С некоторыми модификациями подобные переходы происходили в других видах изящных искусств.

В литературе мы наблюдаем, как после XII в. чисто религиозная, символическая литература сперва уступила место аллегорической словесности XIII–XIV вв., а затем – реалистической, натуралистической манере последних четырех столетий.

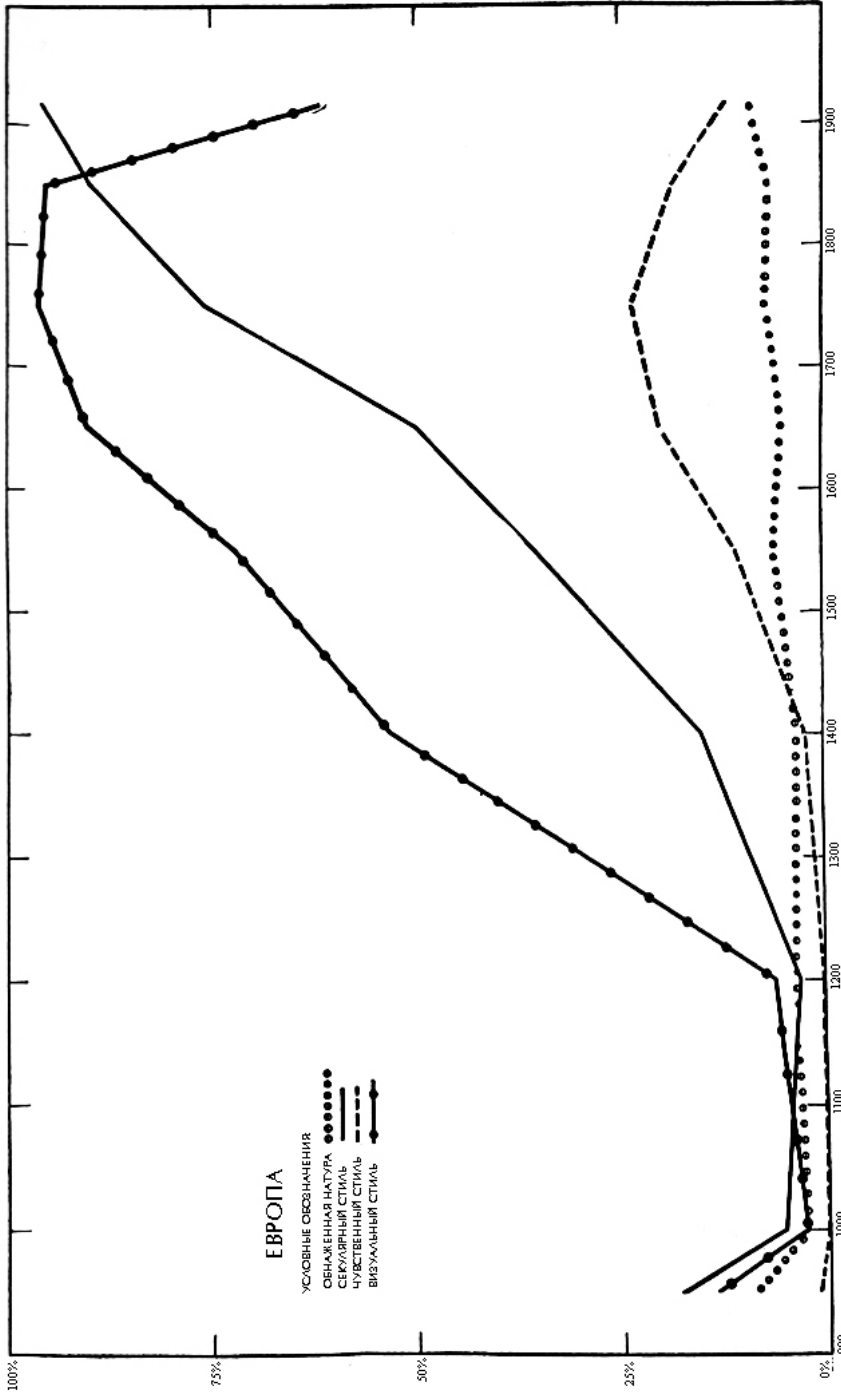

ДИАГРАММА 1

В музыке мы наблюдаем, как уменьшается доля простой и при этом возвышенной музыки хоралов и постепенно увеличивается доля музыки, богатой чувственными изысками. Этот процесс выразился, в частности, в замене неприкрашенной унисонной музыки хоралов полифонией, контрапунктом и фугой, гармонией и монофонией, сложными ритмами и динамическими контрастами, увеличением числа и разнообразия инструментов и другими технически усовершенствованными музыкальными средствами. Наконец, наш век вводит такие музыкальные инновации, как хроматическая гамма, атональность и какофония. Мы не должны забывать, что знаменитая римская школа времен св. Григория имела только семь певцов. Даже намного позднее, несмотря на всю роскошь католической Сикстинской капеллы, в ней было не более 37 певцов, и то это количество было сокращено до 24 во времена Палестрины (ок. 1565 г.). Оркестра и инструментального сопровождения не было. Затем шаг за шагом качественно и количественно увеличивались хоровые и инструментальные средства. «Орфей» Монтеверди (1607 г.) был рассчитан на 30 инструментов; оркестры для исполнения музыки Баха, Люлли, Станица были тех же размеров. Большинство известных симфоний XVIII в. (от Моцарта до Бетховена) были рассчитаны на еще большее число инструментов – около 60. Симфонии XIX–XX столетий (от Берлиоза и Вагнера до Малера, Штрауса и Стравинского) предназначены для 100 и более инструментов. Таков путь качественной и количественной эволюции музыки в течение чувственных веков.

В архитектуре развитие шло в том же самом направлении – к чувственности: от романского и готического стилей к готике напыщенной и эпатажной, к подражанию стилям Ренессанса, к пышному барокко и еще более инфантильному рококо и, наконец, в XIX в. – к непоследовательной, чрезмерно декоративной викторианской манере и волне подражаний готическому, романскому, мавританскому и другим стилям. Эти стили отмечены показной пышностью и нарядностью, утилитарностью и эклектичностью. Лишь XX в., как мы увидим, подает первые признаки надежды – надежды на новую интеграцию.

Трансформация тем и стилей в искусстве является еще одной характеристикой, свидетельствующей о тех же переходах западных искусств от одной формы к другой. Обратимся, например, к *духовно-аскетичной* и *чувственной атмосфере* картин и скульптур. В средневековый период с VI в. по XIV в. процент чувственных произведений колеблется от 0 до 0,8%. В последующие столетия он поднимается до 20,2% в XVII в., 23,6% в XVIII в., 18,4% в XIX в. и вновь понижается до 11,9% в XX в. – веке кризиса. Средние века не дали картин чувственного, сексуального характера; абсолютное большинство средневековых произведений высокодуховны и аскетичны. За последние три века, наоборот, процент преимущественно духовных картин резко падает до незначительной доли,

а процент чувственных картин стремительно нарастает, особенно в XVIII–XX вв. В средневековом воспроизведении обнаженной натуры процент эротизма равен нулю, за последние же столетия он поднимается в XVII в. до 21,3%; в XVIII в. – до 36,4%; в XIX в. – до 25,1%; в XX в. – до 38,1%. Другие симптоматические характеристики описаны следующими процентными соотношениями для изученных нами картин и скульптур:

<i>Столетия</i>	<i>Пейзаж</i>	<i>Портрет</i>	<i>Жанр</i>	<i>Эротика</i>
До XX в.	–	1,4	5,4	–
X–XI вв.	–	0,4	1,6	–
XII–XIII вв.	–	0,9	0,5	–
XIV–XV вв.	0,1	6,6	4,1	–
XVI в.	1,6	11,5	5,3	от 3 до
XVII в.	2,9	17,8	14,9	49%
XVIII в.	6,6	21,8	25,3	в зависимости
XIX в.	15,4	18,9	35,9	от изучаемой
XX в.	21,6	18,0	37,4	страны

Те, кто желает получить более подробную статистическую информацию и некоторые дополнительные к ней штрихи, могут найти все это в моей книге «Социальная и культурная динамика» (т. 1, гл. 5–13). Для наших текущих целей вышеупомянутых статистических данных вполне достаточно, дабы вновь подтвердить наш тезис, касающийся тенденций развития западных изящных искусств от средневековой идеациональной формы к идеалистической форме XIII–XIV вв. и, наконец, к чувственной форме периода XIV–XX вв.

3. Современный кризис в западных изящных искусствах

Итак, мы вплотную подошли к анализу современного кризиса искусства на Западе. В чем его смысл и каковы его симптомы? Уже был дан общий ответ касательно природы кризиса: он заключается в разрушении чувственной формы, которая господствовала в течение последних пяти столетий. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. чувственное искусство достигает стадии перзрелости и с этого момента постепенно становится все более бесплодным и внутренне противоречивым. Эта все возрастающая бессодержательность делает искусство все более и более никчемным и, следовательно, отвращает от него. Его все возрастающие внутренние противоречия усиливают присущий ему дуализм и разрушают его единство, т. е. саму его природу.

Достижения нашего чувственного искусства. Давайте совершим краткий экскурс в период его *Blütezeit*^{16*} и в период возрастающей слабости его послед-

него этапа – декаданса. Воистину западное чувственное искусство изобилует выдающимися достижениями.

С чисто технической стороны оно более совершенно, чем чувственное искусство любого другого века и культуры. Наши мастера искусства остаются непревзойденными во владении техническими средствами. Они могут имитировать примитивное искусство, искусство Фидия или Полигнота, готических соборов и египетских пирамид, Рафаэля и Микеланджело, Гомера и Данте, Палестрины и Баха, греческого и средневекового театра. Вдобавок ко всему современное искусство достигло *chefs-d'oeuvre*^{17*}, неведомого предшествующим периодам.

Количественно наша культура создала творения искусства, *беспримерные по своему объему или по своему размаху*. Наши здания сделали карликовыми самые огромные строения прошлого; лилипутскими кажутся старые оркестры и хоры по сравнению с оркестрами и хорами нашего времени; то же самое можно сказать и о романах и поэмах. Результат – наше искусство описывает жизнь масс с невиданным до сих пор размахом. Оно проникает во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации – от прозаических инструментов и орудий (подобных ножам, вилкам, столам и автомобилям) до домашней обстановки, одежды и многого другого. Если раньше музыка, картины, скульптуры, поэмы и драмы были доступны только избранному меньшинству, которому посчастливилось оказаться в том помещении, где исполняли музыку, выставляли картины или скульптуру, читали поэму или разыгрывали драму, то в настоящее время почти каждый может наслаждаться симфониями, исполняемыми лучшими оркестрами; драмами, разыгрываемыми лучшими актерами; литературными шедеврами, опубликованными тысячными тиражами и продаваемыми за приемлемую для миллионов цену или доступными во множестве библиотек; картинами и скульптурами в оригинале, выставленными в музеях и размноженными в бесчисленных отличных копиях и т. п. и т. д. С минимальной затратой энергии каждый может оказаться наедине с любым предметом искусства. Это искусство вошло в повседневную жизнь современного человека, найдя отражение в окраске и очертаниях его автомобиля, в цвете и форме его одежды, в изгибе линий его обуви и стола, в мельчайших аксессуарах его ванной комнаты. Социально-культурные предметы, продаваемые даже в дешевых магазинчиках, не только предметы потребления, они включают в себя большую долю чувственной красоты. Вместо того чтобы быть редким искусственным растением, выращенным только в немногочисленных «питомниках» малой группой художников и доступным нескольким счастливицам, красота и искусство стали рутинной принадлежностью всей западной культуры, оказывающей влияние на каждую деталь нашего жилища, на каждый дюйм улиц и магистралей, парков и на все другие стороны нашей социально-культурной жизни. Это, бесспорно, немалое достояние. Оно означает всестороннее приукрашивание всей жизни и культуры человека.

Другим значительным достоинством нашего искусства является его *бесконечное многообразие* – типичная черта любого чувственного искусства. Оно не ограничено каким-либо одним стилем или сферой, как искусство всех предшествующих эпох. Оно так богато своим разнообразием, что на любой спрос можно найти встречное предложение. Примитивное, древнее, египетское, восточное, греческое, римское, средневековое, классическое, романтическое, экспрессионистическое, импрессионистическое, реалистическое и идеалистическое, искусство Возрождения, барокко, рококо, визуальное и осязательное, идеациональное и чувственное, кубистское и футуристское, старомодное, религиозное и светское, консервативное и революционное – все эти стили наравне друг с другом присутствуют в нашем искусстве. Оно как энциклопедия или гигантский универмаг, где каждый может найти все, что он ищет. Такого разнообразия, да еще в таком широком ассортименте, не знало ни одно чувственное искусство прошлого. Это, конечно же, уникальное явление. И оно заслуживает скорее похвалы, чем порицания.

Наконец, чувственное искусство, с уважением относящееся к ценностям своих величайших творений, не нуждается в апологии. Баху, Моцарту и Бетховену, Брамсу, Вагнеру и Чайковскому нет необходимости извиняться перед композиторами предшествующих эпох. То же касается Шекспира, Гете и Шиллера, Гюго и Бальзака, Диккенса, Толстого и Достоевского; строителей величественных небоскребов; выдающихся актеров и наиболее именитых художников и скульпторов от Ренессанса до наших дней. Любой мастер нашего чувственного искусства столь же искусен в своей области, как и любой мастер предшествующих периодов и культур.

Во всех этих отношениях современное искусство обогатило культуру и в значительной степени облагородило самого человека.

Недуги нашего чувственного искусства. Рядом с великолепными достижениями наше чувственное искусство заключает в себе самое вирусы распада и разложения. Эти болезнетворные вирусы ему присущи. Пока искусство растет и развивается, они еще неопасны. Но когда оно исчерпывает большую часть запаса своих истинно творческих сил, они становятся активными и обращают многие добродетели чувственного искусства в его же пороки. Этот процесс приводит со временем к безжизненности и пустоте его последней фазы – декаданса, а затем – к разрушению. Уточним это положение. Во-первых, функция давать наслаждение и удовольствие приводит чувственное искусство на стадию разрушения оттого, что одна из его базовых социально-культурных ценностей низводится до простого чувственного наслаждения типа «вино–женщины–песня»^{18*}. Во-вторых, пытаясь изображать действительность такой, какой она открывается нашим органам чувств, искусство постепенно становится все более и более иллюзорным, не отражающим суть чувственного явления, т. е. ему суждено ста-

новиться поверхностным, пустым, несовершенным, обманчивым. В-третьих, в поисках пользующегося большим успехом чувственного и сенсационного материала как необходимого условия стимуляции и возбуждения чувственного наслаждения искусство отворачивается от позитивных явлений ради негативных, от обычных типов и событий к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-культурной действительности обращается к социальным отстойникам, и, наконец, оно становится музеем патологий и негативных феноменов чувственной реальности. В-четвертых, его чарующее разнообразие побуждает к поиску еще большего многообразия, что приводит к разрушению гармонии, единства, равновесия и превращает искусство в сплошной хаос и бессвязность. В-пятых, это многообразие вместе со стремлением дать людям больше наслаждений стимулирует все возрастающее усложнение технических средств, что, в свою очередь, превращает их в самодовлеющую цель, а это наносит вред внутренним ценностям и качеству изящных искусств. В-шестых, чувственное искусство, как мы видели, – это искусство, создаваемое для публики профессионалами. Такая специализация сама по себе благо, однако она приводит на последних стадиях развития чувственной формы к отдалению художника от его репрезентативной общности – фактор, от которого страдают и те и другие, да и само искусство.

Таковы внутренние достоинства чувственного искусства, которые в процессе своего развития все больше превращаются в его же пороки, что в результате ведет к его разрушению. Рассмотрим подробнее каждый из этих недугов.

Искусство Греции до III в. до н. э. и искусство средних веков никогда не опускалось до уровня развлекательного и потребительского. Художником, как и публикой, оно воспринималось или как олицетворение платоновского идеала абсолютной красоты, или как олицетворение абсолютной ценности Бога. Оно не было отчуждено от религиозных, моральных, познавательных и социальных ценностей. Оно было неразрывно связано со всеми другими фундаментальными ценностями: с Богом, истиной, добром и величием абсолютной красоты. Как таковое оно никогда не было пустой скорлупой «искусства для искусства». Оно было величественным, спокойным, поучительным и облагораживающим, религиозным и идеалистическим, интеллектуально, морально и социально вдохновляющим. Оно полностью игнорировало негативное начало в человеке и в мире, который его окружал. Ничего грубого, вульгарного, унижающего человеческое достоинство или патологического не находило в нем места. Его темами были благороднейшие тайны посюстороннего или потустороннего мира; его героями и персонажами, как мы видели, были главным образом святые, боги и полубоги. Без специальных на то намерений оно возносило человека и его культуру до недостижимых высот, увековечивая мертвых, облагораживая рутинное, приукрашивая посредственное, идеализируя всю человеческую жизнь. Это было воплощение абсолютных ценностей в условном эмпирическом мире.

Да и сам художник как бы творил, чтобы лишний раз подтвердить известное высказывание Теофила: «Nec humane laudi amore, nec temporalis premii cupiditate... sed in augmentum honoris et gloriae nominis Dei»^{19*}. Его творчество для него самого выступало служением Богу и человечеству, исполнением его религиозного, социального, морального и художественного долга.

Таков был дух искусства Фидия (Парфенон) и средневековых соборов. Таковым он преимущественно и оставался до XVIII–XIX вв., воплощаясь в произведениях Баха, Бетховена и их confrères^{20*} по музыке и другим областям искусства.

Приближаясь к современному периоду, мы приходим в шок от того контраста, с которым сталкиваемся. Искусство постепенно становится товаром, произведенным в первую очередь для продажи, мотивированным humane laudis amore et temporalis premii cupiditate^{21*}; ради релаксации, потребительства, развлечения и удовольствия, для стимуляции усталых нервов и сексуального возбуждения. Кого сейчас, кроме маленькой кучки старомодных чудаков, интересуется искусство, которое не развлекает, не доставляет удовольствия, не возбуждает и не расслабляет, как это делает цирк, кокетство смазливой девицы, как стакан вина или хорошая закуска?! Но ведь оно обслуживает рынок, а потому не может игнорировать его запросы. А поскольку большая часть этих запросов вульгарна, то и искусство само не может избежать вульгаризации. Вместо того чтобы поднимать массы до собственного уровня, оно, напротив, опускается до уровня толпы. Поскольку ему приходится развлекать, возбуждать и расслаблять людей, то как это искусство может избежать сенсационности, не становиться постепенно все более и более «потрясающим», экзотичным и патологичным? Оно вынуждено фактически пренебрегать всеми религиозными и моральными ценностями, так как они редко бывают «развлекательными» и «забавными» подобно вину и женщинам. Поэтому оно все более и более отстраняется от культурных и моральных ценностей и постепенно превращается в пустое искусство, эвфемистически названное «искусством для искусства»; оно аморально, десакрализовано, асоциально, а еще чаще – *безнравственно, антирелигиозно и антисоциально*, всего лишь позолоченная раковина, с которой можно поиграть, позабавиться на досуге.

Как коммерческий товар для развлечений, искусство все чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды. Но любой товар на рынке сравнительно недолговечен. И если современному художнику не хочется голодать, ему не следует создавать вечные ценности, независимые от прихотей и капризов времени. Он неизбежно становится рабом рыночных отношений, «производящим» свои «товары» в угоду спроса. Такая атмосфера чрезвычайно неблагоприятна для создания истинных и вечных ценностей. Она ведет к массовой продукции преходящих «хитов» и недолговечных

«бестселлеров». Подобная ситуация превращает коммерческих дельцов в высших ценителей красоты, принуждает художников подчиняться их требованиям, навязываемым вдобавок через рекламу и другие средства массовой информации. Эти дельцы, навязывающие свои вкусы публике, влияют тем самым и на ход развития самого искусства. Как бы уважительно мы ни относились к честному бизнесмену, мы вправе все же скептически относиться к его способностям как *arbiter elegantiarum*^{22*}. Чаще все-таки, если и не всегда, он не совсем компетентен в этих вопросах.

Как чистое средство развлечения современное искусство, естественно, переходит в иной статус. Из царства абсолютных ценностей оно опускается на уровень производства ценностей товарных. Неудивительно, что к нему по-иному начинают относиться и публика, и сами художники. Искусство становится всего лишь приложением к рекламе кофе, лекарств, бензина, жвачки и тому подобного. Об этом ясно свидетельствует радио, пресса, реклама, кинофильмы. Однако сомнительны не только художественные ценности текущего момента, но даже величайшие творения мастеров в настоящее время опускаются до уровня подобного придатка. Каждый день мы слышим избранные темы Баха и Бетховена, но как приложение к красноречивой рекламе таких товаров, как нефть, банковские услуги, автомобили, крупы, слабительные средства. Они становятся всего лишь «спутниками» более «солидных» развлечений, таких, как пакетик воздушной кукурузы, стакан пива или виски с содовой и льдом, свиная отбивная, съедаемая во время концерта или на выставке.

В результате божественные ценности искусства умирают и во мнении публики. Граница между истинным искусством и чистым развлечением стирается: стандарты истинного искусства исчезают и постепенно заменяются фальшивыми критериями псевдоискусства. Таковы первые признаки разрушения искусства, художника и самого человека, обнаруживающиеся по мере развития чувственного искусства.

Второй недуг чувственного искусства проявляется в его тенденции становиться все более и более поверхностным при отражении и воссоздании самого чувственного мира. Как мы видели, оно стремится отразить мир таким, каким он открывается нашим органам чувств. При этом оно не подразумевает какую-нибудь сверхчувственную ценность за чувственными формами. Оно существует или исчезает в зависимости от способности отражать и воспроизводить этот чувственный мир как можно правдивее. Такая функция искусства неизбежно ограничивает его поверхностными по большей части явлениями. Художник или скульптор, чья цель с максимальным ощущением иллюзии воспроизвести данный пейзаж, жанровую сценку или человека, – это скорее художник, посвятивший себя внешней форме, а не сути явлений. К примеру, школа импрессионистов конца XIX в. дает нам лишь иллюзию того, как выглядит данный объект в дан-

ный момент, или то впечатление, которое производит на нас быстро меняющаяся поверхность предмета. Любой художник такого типа неизбежно ограничивается не просто внешними проявлениями объекта, а его образами в некий данный момент, так как из-за непрекращающейся игры света и теней наружность предмета постоянно меняется.

С соответствующей поправкой все сказанное можно повторить и применительно к другим изящным искусствам чувственной формы. Они редко обладают способностью схватить суть явления. Успех чувственной музыки зависит от внешних ценностей, т. е. комбинации звуков. Вне звуков не существует никакой чувственной ценности, к которой можно апеллировать. Чувственная литература – это вновь «бихевиористическое отражение» внешней психологии, внешних событий и персонажей. Любой представитель чувственного искусства, таким образом, обречен изображать лишь поверхностные сферы изображаемых явлений. В этом отношении оно является двойником фотографии. Не случайно это искусство развилось как раз в то время, когда чувственное искусство Запада стало декадентским и импрессионистским. Как и фотография, чувственное искусство может «сфотографировать» любой объект или явление чувственного мира в его мгновенном внешнем проявлении. Неудивительно, что фотография, будучи более простой, дешевой и ремесленной, вытеснила с рынка многие виды чувственного искусства.

В период поступательного роста и даже в период зрелости чувственное искусство, пока оно еще соприкасается с вечными ценностями, чрезвычайно избирательно в отборе предметов и событий, которые могут быть изображены или воссозданы. Оно сознает, что не все в чувственном мире достойно отображения. Оно все еще выбирает более существенные ценности и явления в качестве своих тем. В этом смысле искусство еще не отделено от религии, этики, гражданских ценностей и науки. Оно помнит свое божественное происхождение и свою великую миссию. На ранних ступенях развития оно хоть и отражает поверхность чувственных явлений, но отбирает в первую очередь те из них, которые важны и приближают к пониманию сути явлений. Поэтому о нем нельзя сказать, что все оно поверхностно и никчемно. Но, к несчастью, основные цели чувственного искусства – развлекать, доставлять удовольствие, возбуждать или расслаблять людей, а потому ему не суждено было долго оставаться на этой стадии развития. Основные чувственные ценности из-за многократного повторения стали терять свою прелесть и новизну, становились скучными и банальными. Без новизны же искусство теряет свою развлекательную ценность. Чтобы сохранить привлекательность, искусство вынуждено в подобных условиях со все возрастающей скоростью переходить от одного объекта, события, стиля, модели к другим. Действительно, все труднее становится уловить адекватно нечто существенное в его темах, которые становятся всего лишь скользкими тенями, схваченными объ-

ективом камеры, наведенной с головокружительной скоростью. Продукты такой камерной съемки неизбежно становятся все более поверхностными, случайными и мгновенными снимками действительности. А отсюда – все прогрессирующая поверхность чувственного искусства на поздних, разрушительных стадиях его развития.

Правда, к этому тупику можно прийти и по-иному. Для того чтобы успешно «продаваться» на рынке, чувственному искусству приходится поражать публику, быть сенсационным. На ранних его стадиях нормальные персонажи, нормальные позитивные события и нормальный, хорошо отлаженный стиль обладают очарованием новизны. Но со временем его темы, повторяясь неоднократно, становятся привычными и банальными. Они теряют свою способность волновать, стимулировать, возбуждать. Поэтому искусство приступает к поиску экзотичного, необычного, сенсационного. Вместе с постоянно меняющимися капризами рынка это приводит на поздних ступенях развития к искусственному отбору тем и персонажей. Вместо типичных и существенных тем оно выбирает такие аномальные и пустые темы, как преступный мир, сумасшедшие, нищие, «пещерные люди» или «шикарные женщины». Эта концентрация на аномальных, искусственных и случайных явлениях делает поверхностность, присущую чувственному искусству, еще более очевидной, а отражение объективной реальности еще более обманчивым, пустым и извращенным. Именно этой ступени достигло в настоящее время наше чувственное искусство. Оно стало подобным лодке без весел, которую швыряет из стороны в сторону переменчивый ветер капризных требований рынка и бесконечные поиски сенсационного. Оно достигло состояния кривых зеркал, которые отражают только тени мимолетных и случайных явлений. Таков второй недуг нашего чувственного искусства – свойственный ему, как и первый, по самой его природе.

Описанный выше недуг ведет, в свою очередь, к третьему: *к болезненной концентрации чувственного искусства на патологических типах людей и патологических событиях*. Как уже было отмечено, героями и персонажами греческого и средневекового искусства были главным образом Бог, языческие божества, полубоги, святые и благородные герои – носители фундаментальных положительных ценностей. Тематика, которые разрабатывало это искусство, были: тайны царства Божьего; трагедии жертв рока, таких, как Эдип; подвиги таких полубогов и героев, как Прометей, Ахилл, Гектор, средневековых святых или короля Артура и его рыцарей. В этом искусстве не было места ни посредственным, ни асоциальным типажам. Прозаические повседневные события человеческой жизни и в особенности негативные и патологические аспекты попросту игнорировались. А если порой и вспоминали о монстрах, дьяволах, порочных личностях или негативных явлениях жизни, то лишь для того, чтобы сильнее оттенить позитивные ценности. И греческое искусство до III в. до н. э., и искусство

средних веков придавали бессмертие умершим, избегали всего прозаического и посредственного, а также всего негативного и патологического. Это было высокоизбирательное искусство в отношении фундаментальных ценностей царства Бога, природы или социально-культурной жизни человека. Это было искусство, прославляющее человека, возвышающее человека и поднимающее его до уровня сына Бога или бессмертных и полубожественных героев. Оно напоминает ему о его божественной природе и о значимости его миссии на земле.

Переходя от средних веков к более близким нам временам, мы видим, как ситуация изменяется. Возвышающие и идеализирующие направления искусства начинают исчезать и постепенно заменяются их противоположностями. Когда мы подходим к искусству наших дней, контраст становится уже шокирующим. Как и современная наука и философия в своих вульгарных проявлениях (см. об этом следующую главу), современное искусство делает бессмертных смертными, лишая их всего божественного и благородного. Более того, оно игнорирует почти все высокое и благородное в самом человеке, в его социальной жизни, культуре, садистски заостряя внимание на всем посредственном и в особенности негативном, патологическом, антисоциальном и получеловеческом. В музыке, литературе, живописи, скульптуре, театре и драме «герои» избираются из прозаических, патологических или негативных типажей. Все это имеет место и по отношению к событиям, которые они изображают. Домохозяйки, фермеры и рабочие, бизнесмены и торговцы, стенографистки, политики, доктора, юристы и министры, детективы, преступники, гангстеры и «прохиндеи», жестокие, вероломные, лжецы, проститутки и любовницы, сексуальные извращенцы, ненормальные, шуты, уличные мальчишки или искатели приключений – таковы «герои» современного искусства во всех его проявлениях. Даже тогда, когда, как исключение, современный роман, биография, историческое произведение выбирают себе благородную или героическую тему (будь то Вашингтон, Байрон или некий святой), то они начинают, в соответствии со своим основным психоаналитическим методом, «развенчивать» своего героя.

Так, в области музыки основные «герои»: комедианты, шуты, убийцы («Петрушка», «Паяцы»), контрабандисты и проститутки («Кармен»), беременные женщины и их любовники («Песни Гурре»), соблазненные женщины («Фауст»), урбанизированные «пещерные мужчины» и «пещерные женщины» («Весна священная»), сумасшедшие («Император Джонс»), романтические разбойники («Роберт-дьявол»)^{23*}, экзотичные и эротичные типы, представленные Манон, Таис, Саломеей, Сафо, Исламеем, Тамарой, Аидой^{24*}, как и во многих первоклассных операх, сюитах и других музыкальных произведениях. Еще более вульгарные, отрицательные и патологические герои музыкальной комедии и *opera bouffe*^{25*}. Музыка XIX–XX вв. превращается постепенно из возвышенной и героической в посредственную и патологическую. Мои статистические

исследования показывают, что с 1600 г. по 1920 г. среди ведущих музыкальных произведений число сатирико-комических и жанровых сочинений увеличилось с 24 в XVII в. до 106 в XIX в., а число героических произведений, соответственно, уменьшилось со 123 до 63.

Еще более заметен патологический крен в литературе, живописи и скульптуре. В этих сферах «героями» стали Бэббиты, Элмеры Гентри^{26*}, извращенные и психически нездоровые характеры Хемингуэя и Стейнбека, Чехова и Горького, д'Аннунцио и др., состоящие из сумасшедших и преступников, лжецов и подлецов, отщепенцев рода человеческого, рассыпанных среди посредственностей. Преступники и детективы нашей развлекательной литературы и «триллеров» как бы созданы для того, чтобы вновь подчеркнуть эту мысль. В области драмы большинство персонажей в произведениях Чехова, Горького и О'Нила психически ненормальные и извращенные отщепенцы или же попросту откровенные преступники, а в лучшем случае – обыкновенные посредственности. Еще более потрясает патология и вульгарность, превалирующая в современных кинофильмах. Рецепт любого сценария очень прост. Добропорядочная девушка влюбляется в гангстера, который старается убедить ее, что он герой, а вовсе никакой не гангстер. Или, если роли поменялись, – проститутка, заманивающая в ловушку малолетнего «отпрыска» из высшего света. В обоих случаях «дух» один и тот же. Статистические исследования показывают, что от 70 до 80% всех предлагаемых публике фильмов сосредоточены на преступлениях и сексуальной любви.

Ту же тенденцию демонстрируют современные американская и европейская живопись и скульптура. Их основные персонажи не Бог, святые или истинные герои, а шахтеры, фермеры, рабочие, бизнесмены, хорошенькие девушки с соблазнительными изгибами тела, преступники, проститутки, уличные мальчишки и т. п. Изображаемые события: либо привычные дела нашей повседневной жизни, либо что-то экзотическое или патологическое. В редких случаях, когда сюжет действительно благороден, как, например, сюжет «Христа» или «Адама» Эпстайна, предмет изображения низведен до уровня полупещерного человека. Даже в такой, казалось бы, специализированной области, как портретная живопись, около 88% известнейших произведений мастеров XX в. посвящены представителям низших классов, буржуазии, в то время как только 9% средневековых портретов имели дело с этими «классами» людей, остальные изображали представителей правящих семейств, аристократии или высшего духовенства.

В добавление к сказанному отметим, что все области современного искусства демонстрируют преувеличенную склонность к *сатире и карикатуре* – способу изображения мало известному в средние века. Все и вся – от Бога до Сатаны – высмеивается и унижается. Мы искренне упиваемся таким кощунством, которое нашло свою нишу во многих малопрестижных журналах и других периодических изданиях. Более того, наше искусство сексуально не уравновешенное,

извращенное, а подчас и садистское. Секс и любовь извращаются насмешливыми припевами (как в эстрадных шлягерах «Мы целуемся, и ангелы поют»^{27*} или «Небеса могут и подождать, рай – здесь»^{28*}), которые оскверняют самые хранимые моральные и религиозные ценности.

Подводя итог, можно сказать, что современное искусство – преимущественно музей социальной и культурной патологии. Оно сконцентрировано на полицейских моргах, бандитских притонах, на половых органах, а сюжеты его развиваются главным образом на уровне социального дна. Если мы признаем, что это искусство правдиво изображает человеческое общество, то человек и его культура обязательно потеряют наше уважение, а тем более восхищение. Будучи искусством поношения и унижения человека, оно подготавливает почву для своей же собственной гибели как культурной ценности.

Четвертый недуг: *многообразие чувственного искусства постепенно приводит его ко все возрастающей бессвязности и дезинтеграции*. Какую смесь разнородных стилей, моделей и форм оно показывает: от имитации архаичных, примитивных, классических, романтических стилей до самых причудливых современных. Взятое в целом, оно представляет собой рудиментарный комплекс, лишенный единства и гармонии. Но так как любое искусство, достойное этого имени, должно быть интегрированным, то эта дезинтегрированная агломерация неизбежно является бессвязной. Еще более серьезна его *внутренняя* или *духовная* бессвязность. Музыкальное сочинение, представляющее собой смесь из григорианских хоралов, произведений Палестрины, Моцарта, Вагнера, Стравинского, перемешанное с джазовыми ритмами, посвистываниями эстрадных певцов, есть *попурри*, лишенное живого единства. То же можно сказать и о литературном произведении, написанном в стиле Данте, Золя, «Романа о Розе»^{29*} или Шекспира. Причина такой неоднородности, пронизывающей почти все наше современное искусство, без труда обнаруживается в многообразии манер и стилей. Чем богаче это многообразие, тем труднее его ассимиляция и объединение в единый жизнотворный образец. Только гений может добиться такого единства.

Этот феномен высвечивается еще более отчетливо в искусстве кубистов, футуристов, пуантилистов, дадаистов и других «сверхмодных» направлений. Как мы увидим позже, эти направления несут в себе протест против чувственного искусства внешних видимостей, против его акцента на чувственном наслаждении и удовольствии, и в то же время содержат в себе попытку представить суть вещей в их трехмерной реальности и сделать искусство более фундаментальным. И сколь трагически они терпят фиаско в попытке достичь этой достойной похвалы цели! Дадаистская^{30*} картина или кубистская^{31*} скульптура вместо того чтобы давать материальную субстанцию предмета, демонстрируют просто искаженный и бессвязный хаос видимостей, противоречащий нашему нормальному зрительному и слуховому восприятию. Действительно, мы никогда не увидим

предметы такими, какими Пикассо изображает их на своих картинах «Скрипка» или «Игрок на лютне». Более того, мы можем симпатизировать многим современным композиторам в их протесте против низведения музыки до уровня средства, приятно стимулирующего пищеварительные процессы. И снова мы встречаемся с неразберихой резких бессвязных звуков, неприятных, нестимулирующих и не выражающих какую-либо основную идею, единство или ценность. Художник, имеющий в своем распоряжении богатый ассортимент технических средств, не способен правильно их использовать, поскольку эти средства довлеют над ним, а не наоборот. И так обстоит дело во всех других сферах изобразительного искусства, возможно, за исключением архитектуры, которая только начинает срывать «оковы» Викторианской безвкусицы и бесформенности^{32*}.

Эта бессвязность усиливается волной имитаций, как по команде появившихся на последних стадиях развития чувственного искусства. Чем более декадентским оно становилось, тем больше появлялось подражаний, тем быстрее становился темп последовательных фаз этого процесса. Так как истощается творческий потенциал, то и чувственное искусство все чаще и чаще опирается на изощренную имитацию стилей, начиная с примитивного и архаического искусства и кончая классическим, идеациональным, идеалистическим, романтическим, неоклассическим, неоромантическим стилями, в зависимости от предпочтений художника и требований рынка. Так было в греко-римском мире в первые четыре века нашей эры, так же обстоит дело и с нашим декадентским искусством. Мы имитировали и продолжаем имитировать египетскую, китайскую, греческую, римскую, мавританскую, романскую и готическую архитектуру. Мы имитируем искусство примитивных племен Африки и Австралии, архаизмы египетского, китайского, персидского, центральноамериканского и многих других стилей. В особенности мы имитируем искусство негров, деревенское искусство всех стран, геральдическое искусство средневекового дворянства, иератическое искусство древнего Египта, классическое искусство Греции и искусство Возрождения. Такой поток изощренных имитационных стилей превращает современное искусство в космополитический музей, в котором представлено все безграничное многообразие стилей и направлений. Эта бессвязность, как мы уже отметили, сама по себе является симптомом разрушения современного чувственного искусства.

Наконец, разрушение проявляется и *во все возрастающем подчинении качества количеству, внутреннего содержания и гения – техническим средствам и приемам*. Так как чувственному искусству приходится быть сенсационным, то оно добивается этого эффекта с помощью либо количественных, либо качественных показателей. Когда оно не может опереться на свое качественное превосходство, оно обращается к количественному. Отсюда – *болезнь гигантомании*, столь типичная для греко-римского искусства декадентского периода и для

теперешнего искусства. Мы конструируем высоченные здания и считаем, что они самые лучшие, *потому что* самые большие. Мы создаем громадные хоры и оркестры, и чем больше – тем лучше. Книга, проданная en masse^{33*}, считается шедевром; пьеса, которая не сходила со сцены дольше всех, принимается за самую лучшую. Наши кинокартины задумываются с размахом и обеспечиваются роскошными аксессуарами. Это верно и по отношению к нашим скульптурам и монументам, нашим всемирным ярмаркам и радиоцентрам. Объем наших ежедневных газет часто превышает объем трудов всей жизни многих известных мыслителей. Человек, имеющий самый большой доход; колледж с самым большим количеством студентов; эстрадный или радиодаритель, имеющий самую большую аудиторию поклонников; фонографическая запись или автомобиль, проданные самым большим тиражом; проповедник или профессор, собравший самую большую аудиторию слушателей; исследовательский проект, затребовавший самые большие затраты; короче говоря, материальная или нематериальная ценность, которая оказывается самой большой в каком-либо отношении, по этой причине становится и самой лучшей. Поэтому, увеличивая число подобных примеров, мы хвалимся тем, что обладаем самым большим числом школ и колледжей, самым большим числом выпущенных кинокартин и опубликованных книг, самым большим числом музеев, церквей, пьес и т. п. По этой же причине мы гордимся массовым художественным и музыкальным образованием. Такая позиция делает возможным следующий критерий художественного прогресса в нашей стране, который предлагается в серьезной научной работе, предисловие к которой написал президент США:

«Правительственная брошюра о мебели, ее выборе и использовании в 1931 г. разошлась тиражом в сто восемьдесят тысяч экземпляров...

Один только учебный музей Сент-Луиса ежегодно демонстрирует шестьсот тысяч объектов...

Сообщается, что в 1930 г. сумма от продаж одеял Навахо превысила полтора миллиона долларов...

Город Оттава (штат Канзас), насчитывающий 431 школьника, имеет оркестр из 90 человек...».

Вот один из вариантов подобного хвастливого изречения: «В Англии всего лишь два университета, во Франции их четыре, а в одном только штате Огайо – 37 колледжей».

Такая количественная мания величия обычно идет во вред качеству. Чем больше и разнообразнее масса материала, тем труднее ее обработать и тем труднее интегрировать ее в единую устойчивую гармонию. Гигантомания неизбежно ведет к ухудшению качества. В то же время акцент на размер означает выбор пути наименьшего сопротивления. Любой может взгромоздить массу на массу, количество на количество, но только гений с максимальной экономией средств

может создать шедевр. Отсюда – внутренняя пустота наших самых громоздких творений. Современные соборы лишены истинного религиозного духа. Наши университеты выпускают мало или вообще не выпускают по-настоящему гениальных людей. Искусство наших радиочентров и театров чрезвычайно вульгарно и посредственно. Несмотря на массовое художественное образование, не появились ни Фидий, ни Бетховен, ни Гете, ни Шекспир. То, что все-таки появилось, состоит главным образом из эстрады, джаза, желтой прессы, желтой литературы, желтого кинематографа и живописи! Промелькнет несколько недель, и наши бестселлеры навеки забываются. То же можно сказать о наших еженедельных песенных «хитах» и успешных кинофильмах. Поначалу кажется, что все запевают мелодию или посещают «шоу», но это ненадолго: до тех пор, пока их не затопит навсегда поток новинок. Таким образом, недуг гигантомании не только приносит в жертву качественное превосходство, но и разрушает то искусство, в которое он вторгается.

Такой же деградации способствует и *стремлением нашей культуры подменить цели средствами, гениальность автора – техникой*. Периоды упадка, будь то в искусстве, религии или философии, отмечены подменой целей средствами, таланта – специальной тренировкой в мастерстве. Ученые этого периода говорят главным образом о научной технике исследования, хотя сами редко производят что-нибудь выше среднего уровня; критики и художники говорят о технике оркестровки, исполнения, письма, живописи. Техника исполнения становится альфой и омегой искусства. Художники стремятся прежде всего продемонстрировать мастерство владения ею и особенно показать свои собственные технические изобретения. Отсюда – заумный характер музыки и живописи, созданных по правилам одобренного метода. Это и приводит к посредственности исследований. Отсюда – стремление к техническим *tours de force*^{34*} как свидетельству высшего мастерства. Отсюда – техническая виртуозность религии и философии. Возрастающая скудость художественных, научных, религиозных и философских достижений – возмездие за обожествление технических средств. Чем больше внимания техническим средствам, тем больше пренебрежения к фундаментальным, базовым, конечным ценностям. Мы, кажется, забываем, что техника – это всего лишь средство, а не цель творческой работы. Мы должны помнить, что гений сам создает свой собственный метод. В руках дурака техника не может создать ничего, кроме только дурацкого. В руках мастера от Бога любая техника рождает шедевр. Таким образом, само сосредоточение на технике, а не на творческих конечных ценностях – признак несостоятельности гения. Техника механистична по своей природе. Ведь многих можно обучить механическим операциям. Но это не приводит автоматически к созданию шедевра. Воистину наше техническое мастерство обратно пропорционально способности создавать гениальные и долговечные шедевры.

Профессиональный характер чувственного искусства, хоть это и благо при определенных условиях, оборачивается на стадии упадка настоящим недугом. Когда искусство, подобно идеациональному и идеалистическому, сущностно коллективное, то и именитые художники – повторим вновь – *primi inter pares*^{35*} в своем сообществе. Таким путем достигается личный контакт общества и его художников, которые являются представителями культуры данного общества. Соответственно, нет большой пропасти между ценностями общества и ценностями художников, как нет и большой опасности, что искусство превратится в выражение личных капризов художника или псевдоценностей, созданных его фантазией. Искусство как органическая часть культуры такого общества выполняет очень важную культурную функцию. Оно не отделено от других фундаментальных социальных ценностей, будь то истина и добро, патриотические и гражданские добродетели, или сама вечная красота. Но когда искусство становится профессионализированным, художник отделен от публики, приобретая полную свободу от контроля проповедуемых ценностей, тогда ситуация уже чревата опасностью кризиса. Вместо того чтобы произрастать из недр культуры, такое искусство поддерживается лишь неустойчивой фантазией одного художника. Почва неглубокая, неустойчивая и сухая. Иногда она и создает гениальное произведение, но чаще, если не всегда, на ней произрастают поверхностные, пустые, гротескные псевдоценности. Зависимость профессионального художника от рынка, как мы видели, ведет к тому же результату. Художник, который помпезно провозглашает свою мнимую независимость, фактически становится детищем финансового дельца или босса, и тогда ему приходится отвечать их требованиям, какими бы вульгарными они ни были.

Повторяю вновь, профессионализм в искусстве приводит к унификации тех, кто создает музыку, шоу, картины, литературу и искусство вообще. Такая унификация совпадает с эпохой разрушения чувственной культуры. Так было в Греции, где в III–II вв. до н. э. возникли различные союзы, подобно Дионисийским ассоциациям и союзам странствующих музыкантов. То же происходит и на современном Западе, где появляются схожие союзы, стремящиеся контролировать, скорее, высокие заработки и творческую деятельность каждого отдельного художника. Вместо того чтобы священнодействовать, бескорыстно служить Богу и своим ближним, эти организации стали чисто политическими и экономическими по своей природе: их цель – улучшение экономических условий профессиональных деятелей искусства, в особенности деятелей среднего уровня. Экономико-политические цели все более и более вытесняют на задний план цели эстетические. Союзы становятся чем-то вроде политической фракции, возглавляемой лидерами, не известными в художественном мире и совершенно не способными понять культурную и эстетическую миссию искусства. В конечном итоге это приводит к искусственному контролю над художниками и их твор-

ческой деятельностью со стороны невежественных политиков, к недооценке художественных ценностей как таковых, к подавлению всего того, что противоречит пристрастиям боссов. Таким образом, вместо того чтобы благоприятствовать развитию искусств, эти ассоциации душат их. Мудрено ли, что период господства в Греции и Риме профессиональных союзов Аполлона и Диониса в культурном отношении был совершенно бесплодным. Неудивительно, что и в наше время мы наблюдаем, как невежественные политики в художественных союзах подавляют деятельность большинства выдающихся художников, музыкантов, скульпторов и поощряют посредственные и низкопробные ценности и «творения» псевдохудожников, подчиненных им.

Протест против чувственного искусства. Эти последствия спонтанно вырабатываются чувственным искусством в процессе его развития. Все это также определенные симптомы его возрастающей дезинтеграции. В настоящее время эти симптомы настолько определены, что они составляют подлинное *memento mori*^{36*}, предвещающее гибель современного чувственного искусства. Так как оно становится все более и более бессвязным, раздражительным, количественным и бесплодным, то неудивительно, что его упадок порождает усиливающийся дух протеста. Такой протест возник в конце XIX в. после заката школы импрессионистов в живописи, скульптуре и других областях изящных искусств. Импрессионизм, как мы видели, представляет собой крайний предел развития чувственного искусства. Его лозунгом было отображение видимой чувственной реальности, какой она предстает нашим органам чувств в данный момент. *Что* изображать, было совершенно неважно. Важно было создать иллюзию внешнего вида человека, пейзажа или изображаемого предмета. Таким образом, один и тот же пейзаж, так как он выглядит по-разному в разное время, может стать темой серии различных картин. Во всех отношениях школа импрессионистов представляет крайний предел чувственного искусства, основанного на мимолетных впечатлениях от чисто внешних явлений. Дальнейшее развитие в этом направлении невозможно.

После короткого периода расцвета импрессионизм стал подвергаться нападкам враждебной критики. На его место пришли кубисты, футуристы, пуантилисты^{37*}, дадаисты, конструктивисты и прочие «исты» не только в живописи и скульптуре, но и в других областях изящных искусств. Будь то в живописи и скульптуре, в архитектуре, музыке, в литературе или драме, модернисты открыто выступали против упаднического чувственного искусства. Они отказывались воспроизводить только видимую поверхность предметов так, как это делает чувственное искусство. Они протестуют против импрессионистической фотографичности, стремясь выразить, скорее, суть явления, внутренний мир или характер человека, основополагающие черты неодушевленного предмета и тому подобное. То, что они стремятся воспроизвести, – это субстанциальность, трех-

мерная материальность, скрывающаяся за видимой оболочкой. Отсюда идут их кубические поверхности и другие технические ухищрения, столь странные для человека чувственной культуры. Повторюсь, они восстают против искусства, низведенного до уровня инструмента наслаждения и развлечения. Поэтому их музыка так противоречит привычному слуху. И их литература так неприятна и неудобоварима для читателя, привыкшего к чувственной литературе. Поэтому эксцентрична и непонятна их скульптура. Короче говоря, модернисты расходятся со всеми основополагающими характеристиками разрушающегося чувственного искусства. Протест этот фундаментальный и относительно успешный. Модернизму отпущена судьбой сравнительно долгая жизнь. Его плоды можно видеть в любом музее, можно услышать почти на любом концерте; он прочно вошел в «плоть» и архитектуры, и литературы, и драматургии. Большинство ведущих композиторов – Стравинский, Прокофьев, Хиндемит, Онеггер, Шенберг, Берг и Шостакович – модернисты. В живописи и скульптуре пропорции модернистских произведений выросли с нуля в XVIII в. до 2,8% в XIX в. и до 35,5% в период с 1900 г. по 1920 г. Аналогичная ситуация наблюдается и в других областях изящного искусства. Столь успешная революция сама по себе – достаточное свидетельство дезинтеграции чувственного искусства. Вместе с другими симптомами она подтверждает чрезвычайную серьезность нашего кризиса.

Означает ли это, что модернизм есть новая, органичная форма искусства Запада, которой суждено господствовать последующие десятилетия и столетия? Такой диагноз вряд ли правомерен. Более точным было бы следующее заключение: современное искусство – это один из переходов от дезинтегрирующегося чувственного искусства к идеациональной или идеалистической форме. Как таковой модернизм лишь революционный *vis-à-vis*^{38*} доминирующей чувственной формы. В нем еще не определились какие-либо ясные цели, тогда как его негативная программа очевидна, как, впрочем, ясной бывает негативная программа любой революции, прежде чем появляется положительная программа. Если стиль модернистского искусства совершенно отстранен от стиля чувственного искусства, то его содержание по-прежнему остается полностью чувственным. Модернизм пытается отобразить что-либо сверхчувственное или идеалистическое. Мир, с которым он имеет дело, в основе своей материалистичен. Модернистское искусство стремится изобразить не Бога, а материю во всей ее трехмерной реальности. Его протест не во имя Бога или какой-либо другой сверхчувственной ценности, а во имя материального мира, против призрачной поверхностной материалистичности чувственного искусства. В этом отношении современное искусство чрезмерно научно. Оно в некоторой степени схоже с коммунизмом или фашизмом в политике. Коммунизм и фашизм в высшей степени материалистичны. Они превозносят экономические факторы или факторы типа «раса и кровь» до уровня какого-то божества. В этом смысле они наследники банкиров,

стяжателей, финансовых и промышленных магнатов, только еще более практичные, чем все они вместе взятые. С другой стороны, они протестуют против чувственной капиталистической системы не потому, что она погрязла в материализме и экономике, а потому, что она недостаточно материалистична, предоставляя роскошь, комфорт, богатство и власть меньшинству, вместо того чтобы даровать все это многим.

Коммунисты и фашисты в политике – аналоги модернистов в изящном искусстве. Обе группы протестуют против господствующей чувственной политико-экономической или художественной системы, но обе они, по существу, чувственные. Соответственно, ни одна из групп не может создать политико-экономическую или художественную систему будущего. Они, главным образом, разрушители, а не творцы. Они процветают только в специфических условиях переходного периода. Наделенное разрушительной силой модернистское искусство слишком хаотично и извращенно, чтобы быть опорой долгосрочной художественной культуры. Но как вестник протеста против чувственной превалирующей формы это движение очень важно исторически. Нравится ли нам это или нет, но чувственное искусство уже выполнило свою миссию. После заката идеациональной культуры средних веков оно вдохнуло новую жизнь в искусство Запада, производило в течение четырех столетий значительные ценности и развивало уникальные художественные стандарты; и, наконец, исчерпав свои творческие возможности, вместе со всей системой чувственной культуры начало проявлять признаки возрастающей усталости, бессилия, извращенности и упадка. Разложение идет сейчас в полную силу. Ничто не может остановить его. На смену ему непременно придет искусство другого типа – идеациональное или идеалистическое, – которые сами в свое время уступили место чувственному искусству 6–7 столетий назад. Мы должны быть благодарны ему за громадное обогащение сокровищницы человеческой культуры, но не должны воскрешать то, что уже мертво. «Le roi est mort! Vive le roi!»^{39*}. После мук и хаоса переходного периода рождающееся новое искусство – возможно, идеациональное – увековечит в новом облике неувядаемый *élan*^{40*} человеческой культуры (Social and Cultural Dynamics, vol. I, chaps. 8–13).

Глава третья

КРИЗИС В СИСТЕМАХ ИСТИНЫ: НАУКА, ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

---

1. Три системы истины: идеациональная, идеалистическая и чувственная

«Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (*Апостол Павел*)^{1*}.

«Deum et animam scire cupio. Nihil plus? Nihil omnino» (*Св. Августин*)^{2*}.

«Чувственное познание занято внешними, чувственно воспринимаемыми качествами, а знание умопостигаемое проникает в самую суть вещей... В наших представлениях о Боге есть истина двоякого рода. Ибо некоторые истинные представления о Боге совершенно превосходят возможности человеческого разума; например, что Бог един и в трех лицах; хотя есть некоторые представления, постигнуть которые способен даже естественный разум, например, что Бог есть... Соответственно, некоторые божественные истины постижимы человеческим умом, а другие и вовсе превосходят силу человеческого разума» (*Фома Аквинский*).

«Наука является наиболее экономичной адаптацией человека к окружающей среде, его мыслей – к фактам, и фактов – друг к другу» (*Э. Мах*).

«В логике нет морали. Каждый свободен строить свою собственную логику, то есть свою собственную форму языка, какую он желает. От него только требуется, если он желает спорить по этому поводу, чтобы он четко сформулировал свои методы и дал синтаксические правила» (*Р. Карнап*).

«Наука никак не связана с реальностью ... И не нам, ученым, волноваться о "реальности"» (*Современный молодой ученый*).

Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ...Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: *что есть истина?*^{3*}

Вопрос Пилата – вечный. Он еще ожидает достойного ответа, приемлемого для всех культур и для любого разума. Ответ этот предполагает всеведущий, сверхчеловеческий разум. Для ограниченного человеческого ума возможен только сугубо относительный ответ. Хотя таких относительных решений немало, все они распадаются на три класса. Каждый имеет свою собственную систему истины, свои источники и критерии. Эти три главные системы истины соответствуют нашим трем сверхсистемам культуры. Таким образом существуют идеациональная, идеалистическая и чувственная системы истины и знания.

Идеациональная истина – это *истина, открываемая милостью Божией* через его глашатаев (пророков, мистиков, «отцов церкви»), обнаруживаемая сверхчувственным способом посредством мистического опыта, прямого откровения, божественной интуиции и вдохновения. Такая истина может быть названа *истиной веры*. Она непогрешима и дает адекватное знание о подлинно реальных ценностях. Чувственная истина *есть истина чувств*, постигаемая органами чувственного восприятия. Если наши органы ощущений свидетельствуют, что «снег белый и холодный», то это утверждение истинно; если же наши органы ощущения показывают, что снег не белый и не холодный, то утверждение становится ложным.

Идеалистическая истина есть *синтез двух других истин, т. е. синтез, созданный нашим разумом*. В отношении чувственных явлений она признает роль органов чувств как источника и критерия достоверности или недостоверности любого утверждения. По отношению к сверхчувственным явлениям она заявляет, что их познание невозможно посредством чувственного опыта, и постижение их возможно лишь благодаря прямому откровению Бога. Наконец, наш разум логически или диалектически может прийти к ряду достоверных утверждений, например, при решении логических или математических задач. Большинство математических или логических утверждений нельзя получить ни через чувственный опыт, ни посредством божественного откровения, а благодаря только логике человеческого разума. Человеческий разум «возбуждает» ощущения и восприятия наших органов чувств и трансформирует их в достоверный опыт и знание. Человеческий разум, таким образом, соединяет в единое целое истину чувств, истину веры и истину разума. Вот главное, что касается идеалистической системы истины и познания.

Таковы вкратце три основные системы истины, которые дают практически все ответы на извечный вопрос: «Что есть истина?», стоявший перед великими мыслителями человечества. За их пределом остаются только чисто негативные и скептические ответы. В соответствии с одной из формул негативистского решения мы не можем знать ничего; даже если бы мы что-либо знали, то не могли бы адекватно это выразить; если бы мы все же смогли это выразить, то не в силах были бы передать это знание другим. Такой предельный скептицизм вспыхивал изредка в истории человеческой мысли, но он всегда был ограничен сравнительно небольшим кругом мыслителей и функционировал как крайне неустойчивое течение. Человечество не может жить и действовать в условиях такого скептицизма.

Предварительное изложение трех систем истины показывает, что каждая из них вытекает из большей посылки наших трех сверхсистем культуры. Если преобладает идеациональная культура, ее когнитивная система всегда выступает разновидностью истины веры, получаемой через откровение; в чувственной культуре будет преобладать истина чувств; в идеалистической культуре человеческими умами будет руководить истина разума. С изменением доминирующей

сверхсистемы культуры система истины подвергается соответствующим изменениям. Позднее мы убедимся в фактической достоверности вышеизложенных утверждений.

Необходимо предельно ясно понять существенную разницу между идеациональной истиной веры и чувственной истиной чувств. *Если каждую из них рассматривать как «правду, всю правду и ничего, кроме правды», то обнаружится несовместимость их друг с другом.* Что является истинным с точки зрения идеационального знания, является полным невежеством или предрассудком с точки зрения чувственной истины и, соответственно, наоборот. Многие постулаты религии абсолютно ложны с точки зрения монистичной истины чувств. Это объясняет острый конфликт между системами истины, который особо резко проявляется в периоды заката одной и подъема другой культуры. Прекрасный пример этому – конфликт между зарождающейся богооткровенной истиной христианства и чувственной истиной греко-римского общества первых столетий нашей эры. Языческим греко-римским мыслителям, носителям чувственной системы истины, христианская богооткровенная истина того времени казалась не более чем предрассудком или невежеством. Выдающиеся интеллектуалы того времени, как, например, Тацит, называли ее «зловредным суеверием», «гнусным и постыдным». Плиний характеризовал ее как «безмерное уродливое суеверие». Для Марка Аврелия она была неразумным и невоздержанным духом противоречия, для Светония – «новым и зловредным видом религиозной секты»^{4*}. Цельс считал христиан «неразумно верующими... Они сами не рассуждают и не слушают рассуждений других о своей вере, а только придерживаются своего: “Не испытывай, а веруй”, или: “Вера твоя спасет тебя”, или: “Мудрость мира – зло, глупость – благо”»^{5*}. Для Цельса, как и для других приверженцев чувственной истины, христиане со своей истиной веры были всего лишь шарлатанами, невеждами, фокусниками и им подобными. Даже Христос и апостолы считались невежественными и «отъявленными бездельниками»; дева Мария – женщиной с незаконнорожденным ребенком и т. д. С точки зрения чувственной истины христианская истина веры, откровение и Бог – а по сути, вся христианская вера и все христианское движение – не могли казаться ничем иным, кроме как абсурдом и суеверием.

С другой стороны, с точки зрения богооткровенной истины христианства, знание и истина чувств не могут быть ничем иным, кроме как глупостью. Св. Павел так формулирует этот принцип: «Немудрое Божие премудрее человеков»^{6*}. Другие «отцы церкви» характеризуют чувственное знание как «сомнительное, неопределенное и скорее предположительное, чем истинное» (Минуций Феликс); всего лишь как «тщеславие» (Василий Великий); как «обман и трюкачество», «болтовня», «ложь», «ошибки» и тому подобное (св. Августин); как определенно ложное и противопоставленное истине знание (Тертуллиан,

Ориген и др.). Известное высказывание Тертуллиана красноречиво обобщает все эти мысли: «Cruifixus est Dei Filius; non pudet, quia pudendum est. Et mortuus est Dei Filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile». (Распят сын Божий, но не преисполнено стыдом это, ибо постыдно. И умер сын Божий; это достойно веры, ибо нелепо. И погребен он, и воскрес; это достоверно, ибо абсурдно.)^{7*}

В этом высказывании мастерски сформулирован конфликт двух истин. Что немислимо или неверно с чувственной точки зрения, может быть возможным и совершенно истинным с точки зрения христианской истины веры, и наоборот.

Конфликт этих двух систем истины был очень острым и продолжался веками, по крайней мере до VI в., когда почти повсеместно в западном мире победило христианство. Новая система уже не была связана с эмпирическим познанием, которое считалось второстепенным и допускалось как «служанка», но лишь до тех пор, пока оно не противоречило сверхчувственной, сверхлогичной и сверхразумной истине христианства. А его бесхитростная задача была великолепно сформулирована св. Августином. Христианство ограничивалось исключительно познанием Бога и Души. «Deum et animam scire cupio. Nihil ne plus? Nihil omnino»^{8*} – таков категорический постулат этой системы мышления.

Если мы теперь обратимся к эпохе Ренессанса, когда забытая истина чувств вновь возрождается и начинает быстро вытеснять богооткровенную истину христианства, то заметим, что их конфликт столь же острый, как и в период подъема христианской истины, однако сейчас богооткровенной истине приходится защищаться, а чувственной – наступать.

Должно быть предельно ясно, что все умонастроения человеческого общества – особенно в отношении того, что считать истинным или ложным, знанием или невежеством, а отсюда образование и все школьные программы – все это различается в соответствии с доминирующей истиной, принятой данной культурой и обществом. Рассмотрим поподробнее характерные черты, импликации и последствия чувственной системы и кратко остановимся на других системах истины.

Чувственная система истины и познания. Так как в соответствии с основной посылкой чувственной культуры реальная ценность чувственна, то и познание, естественно, осуществимо только через наши органы чувств. Чувственная истина – это истина чувств. Высказывание Джона Локка – «Nihil est in intellectus quod non fuerit prius in sensu» (Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущении)^{9*} – есть абсолютно адекватная формулировка этого принципа. В этой системе истины органы чувств становятся основным источником познания эмпирической реальности; их показания решают, что истинно, а что нет; они становятся верховными судьями достоверности опыта. Другое название этой системы истины – эмпиризм. Из основной посылки чувственной истины проистекают все ее характерные черты.

А) Любая система чувственной истины и реальности предполагает *отрицание или, по крайней мере, совершенно равнодушное отношение к любой сверхчувственной реальности или ценности*. По определению, сверхчувственная реальность или не существует, или, если допустить, что она все же есть, то не может быть познана нами и, стало быть, как бы не существует. Будучи непознаваемой, она тем самым несущественна и не заслуживает к себе интереса (вспомним, к примеру, критицизм Канта, агностицизм, позитивизм и т. п.). Отсюда следует, что чувственные культуры считают исследование природы Бога и сверхчувственных явлений заблуждением или бесполезными знаниями. Как всякое другое хобби, религия и теология, воплощающие богооткровенную истину, в лучшем случае допускаются; о них или просто не упоминают, или они превращаются в своего рода научную теологию, а чувственная религия сводится до уровня эмпирической дисциплины, лишенной богооткровенной истины.

Б) Если чувственная система не поощряет какого-либо интереса к сверхчувственным аспектам действительности, то *она оказывает явное предпочтение изучению чувственного мира со всеми его физическими, химическими и биологическими качествами и связями*. Весь когнитивный интерес сосредоточен на изучении этих чувственных явлений, их материальности, поддающихся наблюдениям взаимосвязях, а также на технологических изобретениях, служащих нашим чувственным потребностям. Познание становится эквивалентом эмпирического знания, представленного естественными науками. Таким образом, в чувственном обществе естественные науки вытесняют религию, теологию и даже философию, что и подтверждается статистическими данными о научных открытиях и технологических изобретениях. Следующая таблица обобщает данные об этом процессе в течение изучаемых нами столетий.

Столетия	Число научных открытий и технических изобретений
	Греция и Рим
VIII в. до н. э.	6
VII в. до н. э.	5
VI в. до н. э.	31
V в. до н. э.	40
IV в. до н. э.	57
III в. до н. э.	45
II в. до н. э.	17
I в. до н. э.	32
I в. н. э.	60
II в.	18
III в.	6
IV в.	16
V в.	4
VI в.	4

	Западная Европа (христианский мир)
VII в.	4
VIII в.	4
IX в.	6
X в.	7
XI в.	8
XII в.	12
XIII в.	53
XIV в.	65
XV в.	127
XVI в.	429
XVII в.	691
XVIII в.	1574
XIX в.	8527
XX в. (1901–1908)	862

В течение идеациональных веков греческой культуры (VIII–VI вв. до н. э.) число открытий и изобретений незначительно. Начиная со второй половины VI в. до н. э. число открытий резко возрастает и остается на высоком для античного мира уровне до IV в. н. э. – периода чувственной культуры и истины. Начиная с V в. н. э. достигнутый уровень резко падает, оставаясь почти неизменным вплоть до XIII в. – периода господства идеациональной культуры и истины. Начиная с XIII в. он вновь начинает неуклонно возрастать, достигая в XIX–XX столетиях беспрецедентного уровня. Один только XIX в. принес открытий и изобретений больше, чем все предшествующие столетия, вместе взятые. Диаграммы 2 и 3 наглядно подытоживают эти и последующие числовые данные.

В) Чувственная истина, или эмпиризм, отрицает, как мы видели, любую богооткровенную сверхчувственную истину. Она также подвергает некоторому сомнению разум и логику, если их выводы не подтверждаются показаниями органов чувств. Если дедуктивная логика противоречит показаниям органов чувств, то ее выводы признаются ложными. Поэтому в чувственных культурах и обществах эмпирические системы философии набирают силу, а философия, основанная на идеалистической и идеациональной истинах, приходит в упадок. Это хорошо подтверждается соответствующими историческими фактами. Например, сравнительное соотношение эмпиризма на фоне других философских систем по векам было следующим: 0% с VII в. по X в. включительно; 7,7% в XI в.; 14,3% в XII в.; 12,8% в XIII в.; 17,2% в XIV в.; 7,2% в XV в.; 15,8% в XVI в.; 29,6% в XVII в.; 37,5% в XVIII в.; 42,6% в XIX в.; 53% в период 1900–1920 гг. Если мы добавим к эмпиризму другие родственные ему системы, такие, как критицизм и скептицизм, то в целом эмпирическая система достигнет в общей сложности 47,5% в XVIII в., 55,7% в XIX в., 72% в период 1900–1920 гг. Таким образом, в течение большей части средних веков эмпиризм оставался на уровне,

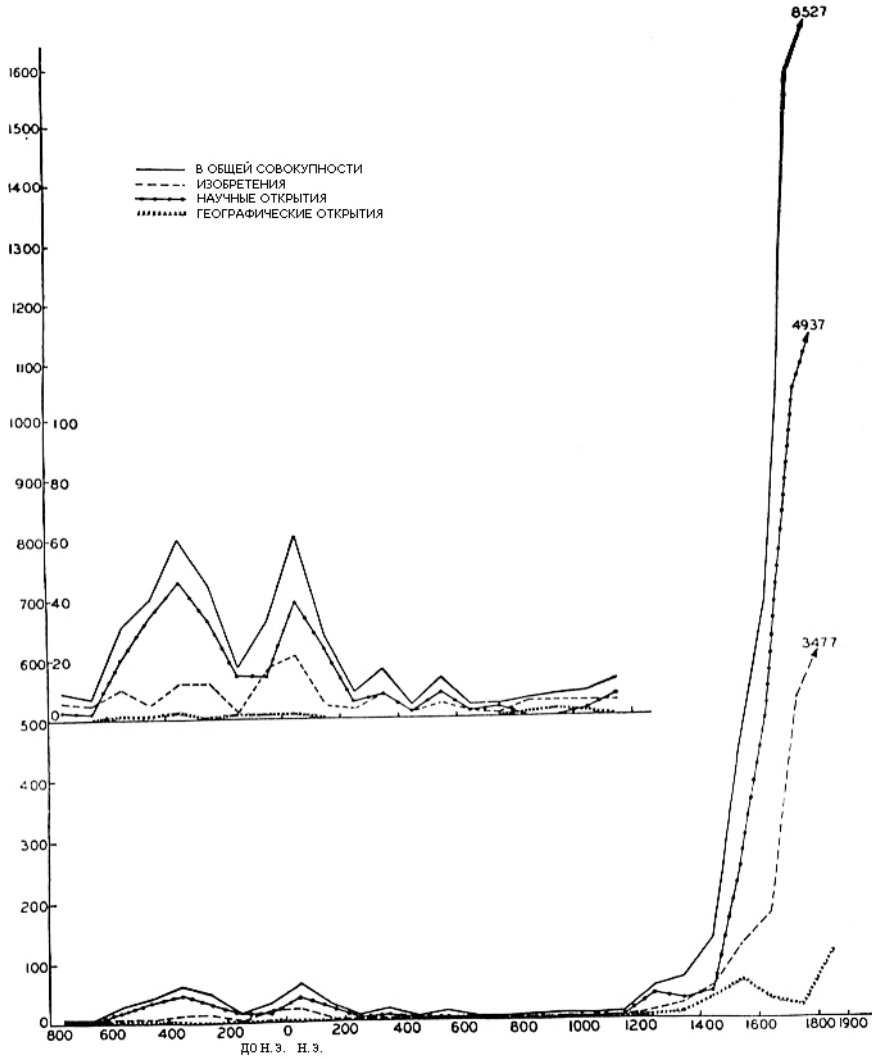

ДИАГРАММА 2

ЧИСЛО НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ
С 800 Г. ДО Н. Э. ДО 1900 Г. Н. Э., ПО СТОЛЕТИЯМ

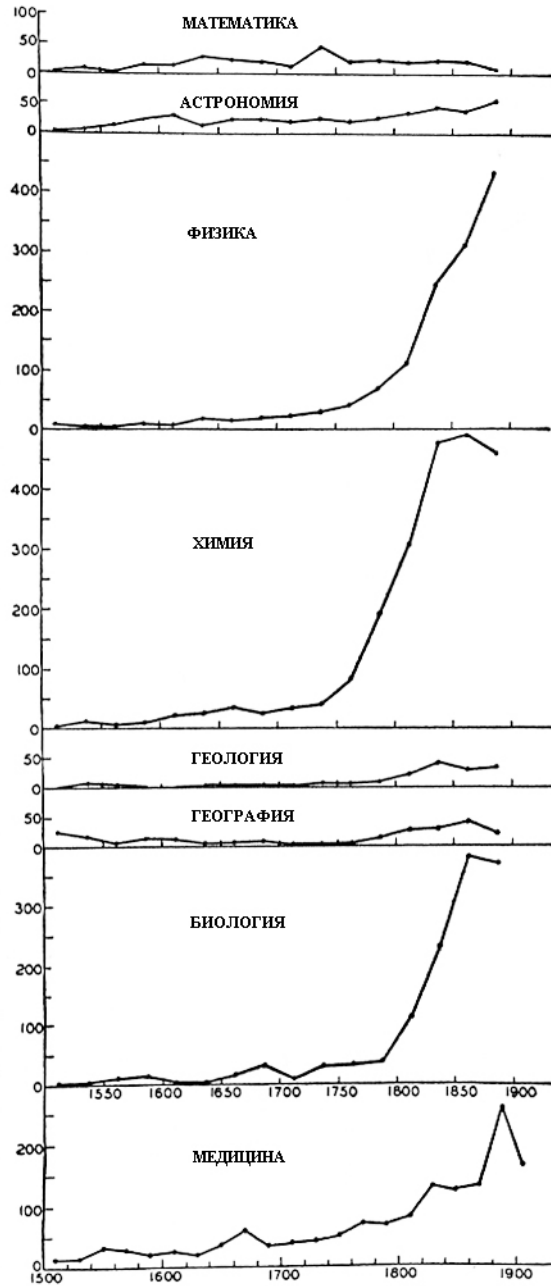

ДИАГРАММА 3

ЧИСЛО НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ С 1500 ПО 1900 Г.
ПО 25-ЛЕТНИМ ПЕРИОДАМ

близком к нулю. [На диаграмме 4 графически изображено движение эмпиризма с 500 г. до н. э. по 1900 г.] Мы видели ранее, что эти же столетия были *Blütezeit*^{10*} идеациональных изящных искусств; они же дают самый низкий процент научных открытий и изобретений. Когда мы переходим к столетиям, отмеченным возрождением чувственного искусства и культуры, мы наблюдаем, как с самыми незначительными отклонениями эмпиризм начинает идти параллельно со все возрастающим потоком открытий и изобретений. За последние два столетия оба процесса достигают самого высокого уровня. С другой стороны, системы философии, основанные на идеациональной и идеалистической истинах, движутся в обратном направлении; они составляли от 80% до 100% в период с VII по X вв. и доходят приблизительно до 30% и 12% в XIX и XX вв., соответственно.

Короче говоря, чувственная форма искусства, эмпирическая система философии, чувственная истина, научные открытия и технологические изобретения двигаются параллельно, поднимаясь и падая в строгом соответствии со взлетами и падениями чувственной сверхсистемы культуры. Точно так же двигаются в одном направлении идеациональное и идеалистическое искусство и неэмпирические философские теории, основанные на идеациональной и идеалистической истинах. Их движение противоположно движению чувственного искусства, технологии и эмпирической философии.

Г) Всесторонне развитая чувственная система истины и знания, которая явно или завуалированно рассматривает все в материалистическом ракурсе, неизбежно *материалистична*. Если ум, связанный с истиной веры, одухотворяет все и рассматривает даже материю как чистое проявление сверхчувственной реальности, то ум, находящийся под влиянием истины чувств, все материализует, даже самые духовные явления, и рассматривает их как чистое проявление или побочный продукт материальных явлений. Отсюда общая тенденция чувственного мышления рассматривать мир – даже человека, его культуру и сознание – материалистично, механистично и бихевиористично. Человек в чувственной научной дефиниции становится «комплексом электронов и протонов», животным организмом, рефлекторным механизмом, разновидностью отношений типа «стимул-реакция», психоаналитическим «мешком», наполненным физиологическими стремлениями. «Сознание» объявляется неточным и субъективным понятием, обозначающим физиологические реакции и открытые действия определенного типа. Все концепции и теории, основанные на духовной, сверхчувственной, нематериальной реальности, отклоняются как суеверия, невежество или как наваждение из-за неправильного употребления слов. Эта тенденция заявляет о себе множеством способов.

Наши статистические данные показывают, что периоды, отмеченные возрастающим влиянием чувственной истины, идут параллельно с усилением материалистического миропонимания и соответствующим упадком идеациональной

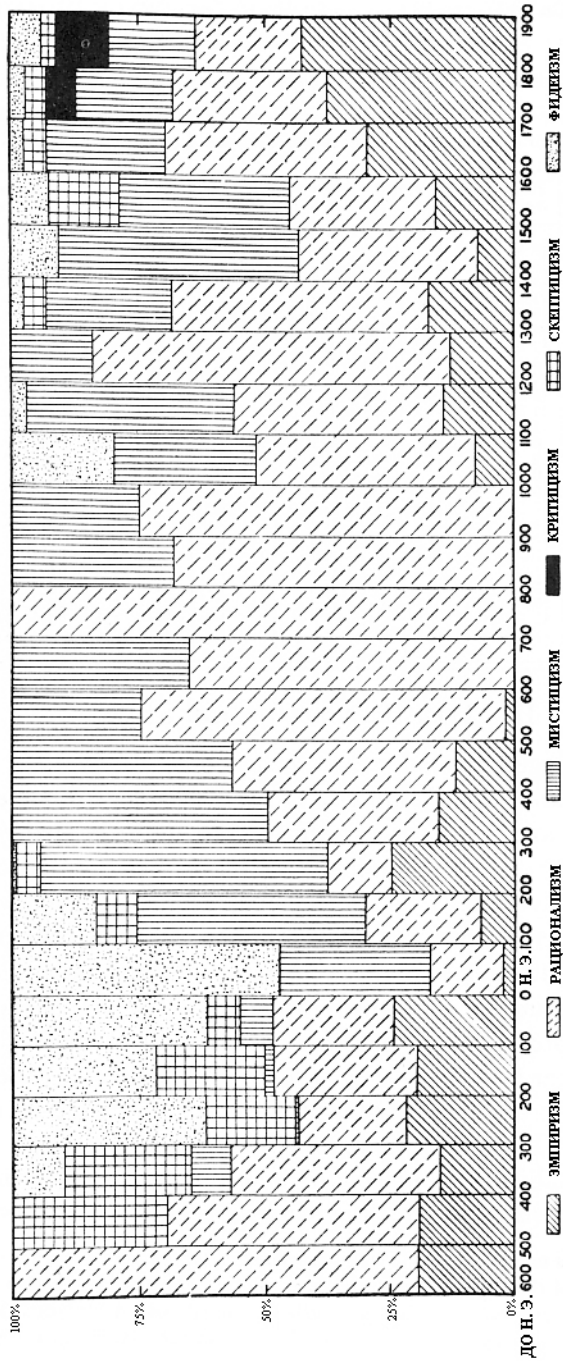

ДИАГРАММА 4

и идеалистической философии. Так, в течение столетий средневековья процент материалистической философии среди всех других философий с VI в. по XIV в. был равен нулю, а процент идеалистической философии и *Weltanschauung*^{11*} равнялся 100%. В XIX–XX вв. материализм возрос соответственно до 12,7% и 23,3%, а идеализм пошел на убыль соответственно до 55,9% и 40,3%; остальные проценты приходятся на философии, синтезирующие идеализм и материализм. Диаграмма 5 дает графическое изображение этого движения. Научные теории, основанные на истине чувств, как правило, становятся все более материалистическими, механистическими и количественными, даже в трактовке человека, культуры и духовных явлений. Социальные и психологические науки имитируют естественные науки, пытаясь подходить к проблеме человека так же, как физики и химики анализируют неорганические явления. В области общественных наук все духовные и культурные явления начинают трактоваться с позиций бихевиоризма, физиологии, рефлексологии, эндокринологии и психоаналитики. Общество становится практически мыслящим, а «экономическая интерпретация истории» получает бесспорный перевес. Широкое распространение в биографиях, истории, антропологии, социологии и физиологии приобретает «полупорнографическая» концепция человеческой культуры. Все духовное, сверхчувственное или идеалистическое высмеивается, заменяется оскорбительными и унижительными интерпретациями. Все это соответствует негативным, извращенным, асоциальным и психопатологическим пристрастиям, которые обнаруживают изящные искусства в пору декаданса чувственной культуры.

Если реальность сенсорна и чувства есть единственный источник познания, то описанная тенденция вполне объяснима, ибо что может быть более чувственным, с этой точки зрения, чем материя, и что может быть реальнее рефлексов, пищеварительных функций, секса и т. п. Излишне говорить, что такое отношение является следствием основной посылки чувственной системы.

Д) В такой культуре материальные ценности естественно становятся определяющими, начиная со всемогущего богатства и кончая всеми ценностями, которые удовлетворяют физиологические потребности человека и обеспечивают его житейский комфорт. Чувственные потребности и удовольствие, как мы видим, становятся единственным критерием того, что такое хорошо и что такое плохо.

Е) Еще одним следствием такой системы истины является развитие *темпорального, релятивистского и нигилистического склада ума*. Чувственный мир находится в состоянии постоянного движения и становления. В нем нет ничего неизменного – нет даже вечного Высшего Бытия. Разум, находящийся во власти истины чувств, просто не воспринимает какого-либо постоянства, а постигает все ценности в терминах изменения и преобразования. Чувственный склад ума рассматривает все с точки зрения эволюции и прогресса. Это приводит к возрас-

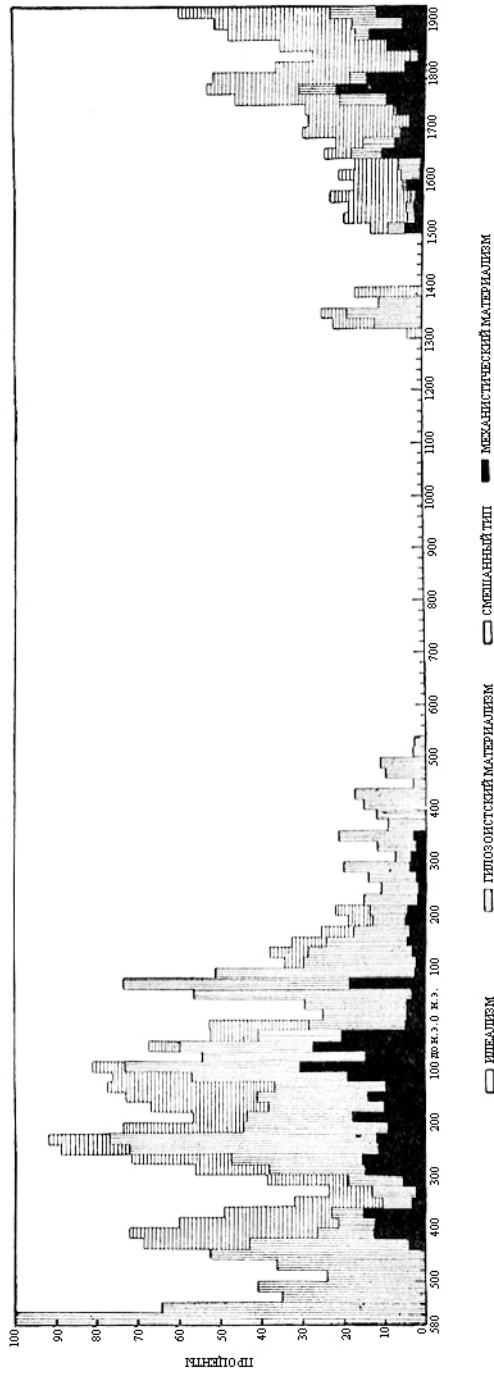

ДИАГРАММА 5

тающему отрицанию вечных ценностей, которые вытесняются временными или быстротечными соображениями. Чувственное общество живет в настоящем и ценит только настоящее. Так как прошлое необратимо и уже не существует, а будущее еще не наступило, тем более что оно всегда неясно, то только настоящий момент реален и привлекателен.

Отсюда – чувственный призыв *Carpe diem*^{12*}, так как завтрашний день призрачен; урви мимолетный поцелуй; быстро обогащайся; захватывай власть; зарабатывай популярность и славу; не упускай момента, так как пользоваться можно только ценностями настоящего. Но поскольку темп изменений все время ускоряется, то это «настоящее» становится все короче и мимолетнее. А оттого велика роль времени в жизни и деятельности такого общества. «*Tempus fugit, tempora mutantur et nos mutamur in illis*»^{13*} и «*tempus edax rerum*»^{14*}, – подобные изречения становятся лозунгами чувственного менталитета.

В той же самой системе истины и ценностей возникает доктрина *релятивизма*. Так как все подвержено постоянному изменению и так как чувственное восприятие неодинаково у разных индивидов и групп, то, следовательно, не существует ничего абсолютного. Все становится относительным – истина и заблуждение, этические и эстетические соображения и многое другое. Что-то может быть сегодня хорошим, а завтра плохим; в одних условиях некое утверждение может оказаться истинным, а в других – ложным. Чувственное наблюдение показывает, что научные, философские, религиозные, моральные, эстетические и другие ценности и нормы меняются в зависимости от личности, группы и времени. Таким образом, суждение «все в мире относительно» становится девизом чувственной истины. Отсюда ее негативное отношение к любому абсолюту. Но релятивизм неизбежно становится все более и более бескомпромиссным до тех пор, пока, наконец, все относительные истины и ценности не будут «релятивизированы» и, так сказать, «атомизированы». Рано или поздно релятивизм уступает место скептицизму, цинизму и нигилизму. Сама граница между истинным и ложным, правильным и неправильным исчезает, а общество погружается в состояние настоящего морального, умственного и культурного хаоса. Ни одно общество не может существовать при таких условиях. Оно или гибнет, или вырабатывает новую систему истины – более надежную и подходящую его запросам. (Числовые данные и диаграммы, рисующие движение релятивизма см. в главе IV).

Ж) Все это означает, что чувственная истина, когда ее делают исключительной, неизбежно развивается в своего рода *иллюзионизм*, благодаря которому она сама себя разрушает. Вместо подлинного познания объективной реальности и ценностей она все больше и больше дает нам относительные и условные намеки, имеющие дело лишь с мимолетными оттенками постоянно изменяющихся чувственных впечатлений, которые разнятся в зависимости от индивидов, групп

и внешних обстоятельств. Вместо того чтобы вскрывать истину как *adaequatio intellectus et rei*^{15*}, она дает всего лишь впечатление и искусственные конструкции, относящиеся к чему-то, по существу, непостижимому. Декадентская чувственная наука даже отрекается от того, что она имеет дело с объективной реальностью. Она предлагает только лишь допущения и утверждения, основанные на чувственном наблюдении, которое оказывается удобным и поэтому правдоподобным. Такая формулировка задач чувственной науки эквивалентна закапыванию истины, действительности и самой науки. Ситуация в целом становится довольно странной: никто не знает, что такое чувственное утверждение, с чем оно связано и на что претендует. И если оно не связано с реальностью и не является утверждением познающего разума об этой реальности, тогда – что же это? Так чувственная истина в конечном счете роет свою собственную могилу.

3) Та же система истины порождает *номиналистские и сингуляристские умонастроения, характеризующие чувственное общество*. Чувственные впечатления всегда индивидуальны. Например, мы не воспринимаем лошадь *вообще* или человека *вообще*, т. е. сущности, категории, универсалии^{16*}. Мы воспринимаем только *отдельную* лошадь или другие предметы в их чувственном проявлении. Отсюда – популярность номинализма^{17*} с его аксиомой *Universalia sunt nomina*^{18*}: все универсалии, категории, концепции суть всего лишь слова, употребленные ненаучно и не относящиеся к объективной реальности. Они всего лишь результат власти слов над ненаучными умами. Отсюда же происходит нежелание признавать реальность универсалий и сущностей. Человек предпочитает и рад иметь дело с конкретными явлениями. Чувственный образ мысли рассматривает общество как сумму взаимодействующих индивидов. Он не видит леса за деревьями. Все это напоминает нам ситуацию с чувственной живописью, воспринимающей только чувственные поверхностные проявления предметов. Научные теории постепенно становятся все более бессодержательными и поверхностными, полностью растворенными в вымышленных, надуманных утверждениях или чисто утилитарных и условных придумках, пустых и безответственных.

И) Рассмотрим теперь *утилитаристский, гедонистический, прагматический, операциональный и инструментальный характер науки, философии, псевдорелигии и этики чувственной культуры*. Поскольку чувственное познание не ищет ничего абсолютного (включая достоверную истину, независимую от сенсорных особенностей) и рассматривает любую «истину» как средство приспособления к чувственному миру, предназначение которого – сделать жизнь более приятной и менее тягостной, то утверждения и теории, которые оказываются полезными, доставляющими удовольствие и удобными, признаются истинными, а те, которые оказываются бесполезными, неудобными и неэкономичными, считаются ложными. *Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir*^{19*} – девиз этой науки.

I. Наука и философия, как мы видели, ставят перед собой лишь утилитарные цели. Только те дисциплины, которые, как физика, химия, биология и медицина, география, технология, политика, экономика, практичны и полезны, усиленно культивируются. Отсюда вышеупомянутый прогресс естественных и технологических знаний. Другие дисциплины, будь то метафизическая или «непрагматичная» философия, трансцендентальная религия и абсолютная этика, фактически игнорируются. Если же они сохраняются, то приобретают такой же утилитарный, чувственный, прагматический или инструментальный характер. Психология как наука о человеческой душе оказывается физиологией нервной системы и рефлексов. Религия, как откровение Бога, вырождается в банальное «социальное евангелие», разновидность политического кредо. Философия, как познание сущностей и объективной реальности с ее априорными истинами, становится расплывчатой идеологией, занимающейся оправданием или порицанием той или иной системы чувственных ценностей и проявлений, или всего лишь обобщением, основанным на заключениях утилитарных наук, или перегруженным деталями, формальным и пустым семантическим исследованием «логического синтаксиса языка» с его подражательной псевдоматематикой и псевдосимволической логикой и бэконовской верой в возможность чисто механической техники конструирования «чувственно достоверных суждений». Или же философия становится способом доказательства несуществования чего бы то ни было, кроме чувственно воспринимаемой реальности, системой негативного критицизма, агностицизма (мы не можем познать никакую объективную реальность; если же и можем, то неспособны ее выразить; а если нам каким-то образом и удастся это сделать, то мы не сможем передать это знание другим). Короче говоря, философия оказывается второстепенной чувственной утилитарной наукой, состоящей из элементов эмпиризма, критицизма, агностицизма, скептицизма, инструментализма и операционализма^{20*}, отмеченных теми же утилитарными и прагматическими чертами.

Так обстоят дела и с другими дисциплинами. *Savoir pour pouvoir* становится одним из высших критериев. Все, что не поддается практической проверке, отрицается; все, что допускает ее, приобретает достоинство научного или достоверного знания.

II. Тот же характер носит система образования (прежде всего школа), дающая «полезные знания» и навыки. Ее главная задача – подготовить удачливых бизнесменов, ремесленников, инженеров, политиков, юристов, докторов, учителей, священников и т. д. Учат тому, как сколотить состояние, готовят специалистов, умеющих вести фермерское хозяйство, готовить, стричь, изобретать машины, вести исследовательскую работу, учить и проповедовать. Начальное, среднее и высшее образование – все они сориентированы в одном направлении и уделяют мало внимания, если вообще уделяют, забытой цели реального знания и мудрости – природе объективной реальности и истинных ценностей. Так как

считается, что оно не приносит сиюминутной, осязаемой пользы, о нем лишь изредка вспоминают, его же роль в школьных программах чувственного общества крайне незначительна.

Таковы вкратце некоторые черты чувственной истины и общества, в котором она процветает.

Идеациональная и идеалистическая системы истины и знания. Идеациональная система истины – полная противоположность чувственной системе. Она сосредоточена в основном на сверхчувственной реальности и ценностях. Она основана на откровении, божественном вдохновении и мистическом опыте, который считается истинным и абсолютным. Главный интерес идеационального познания – Бог и его царство, которые принимаются за объективную реальность. Поэтому богооткровенная религия и теология становятся повелительницами истинной мудрости и науки, а эмпирические познания всего лишь обслуживают их. Ум, над которым властвует истина веры, направлен на вечные истины, которым противопоставляются преходящие истины чувств. Она идеалистична, так как реальность рассматривается как духовная и нематериальная. Она абсолютистская, неутилитарная, непрагматичная.

Наконец, *идеалистическая система истины* занимает промежуточное звено между чувственной и идеациональными системами, соединяя в себе три разных составляющих чувственной, религиозной и рационалистической истины. Системы Платона и Аристотеля, Альберта Великого и Фомы Аквинского – лучшие примеры попыток синтезировать в одно целое божественную, чувственную и диалектическую истину (Social and Cultural Dynamics, vol. II, chaps. 1, 2, 3 et passim).

2. Периодичность в господстве систем истины в истории и ее причина

Вся предшествующая характеристика чувственной системы истины, науки и культуры – лишь набросок портрета системы, которая преобладает в западном обществе в течение последних четырех столетий. Главный костяк нашей истины – наука. Сердцевину нашей науки составляет эмпирическое и чувственное знание, приобретаемое путем наблюдений над чувственными фактами и экспериментирования с ними. Она, без сомнения, включает в себя некоторые элементы логической истины разума – некоторые универсальные понятия, в том числе и логико-математические заключения. Но даже эти понятия и заключения признаются достоверными только в том случае, если они подтверждаются чувственным опытом. Основной характер этой логико-чувственной ткани мышления обнаруживается тем фактом, что термины «научный» и «истинный», «ненаучный» и «ложный» используются как синонимы.

Возникает вопрос: в чем же тогда заключается современный кризис? Каковы его симптомы и причины и как он произошел? Для многих сама возможность подобного кризиса кажется невероятной. Они продолжают полагать, что включенная в науку истина чувств является единственной системой достоверной истины, т. е. как таковая она не может переживать какого-либо кризиса (за исключением, пожалуй, замены одной научной теории на другую). Ей суждено развиваться дальше, так как на настоящей ступени развития науки и культуры уже никак невозможно обратное движение от науки к невежеству, от истины к заблуждению, от проверенного чувственного знания к непроверенным магическим и умозрительным верованиям. Такое мнение все еще превалирует и кажется достаточно убедительным. Тем не менее, как и многие современные верования, оно ошибочно.

Его первая ошибка – это иллюзия того, что может быть только *одна* достоверная система истины – чувственная система. Мы уже видели, что в действительности было по крайней мере три фундаментальных системы: идеациональная, идеалистическая и чувственная. Его следующее заблуждение – вера в то, что в ходе истории была лишь одна линейная тенденция в направлении к чувственной истине и вытеснению веры и диалектико-спекулятивного мышления. Такой подход, как мы видели, противоречит неопровержимым фактам. В ходе греко-римской и западной истории периодически преобладала то одна, то другая система. Чувственная истина крито-микенской цивилизации уступила место греческой идеациональной истине VIII–VI вв. до н. э., а она в свою очередь – идеалистической истине V в. до н. э. Придя ей на смену, чувственная истина вновь безраздельно господствовала в период с III в. до н. э. по IV в. н. э. Затем последовали века доминирования идеациональной истины христианства с VI в. по XII в. В XIII в. идеалистическая истина вновь становится преобладающей, но ненадолго, ей на смену пришла третья фаза чувственной истины, утвердившая свое влияние с XVI в. и господствующая по настоящее время. Иными словами, вместо стабильной поступательной тенденции развития чувственной истины мы видим ряд колебаний от одной доминирующей системы к другой.

Причина таких колебаний вполне понятна. *Ни одна система не заключает в себе всю истину, так же, как и ни одна другая не является целиком ошибочной.* Если бы одна из этих систем заключала в себе всю истину и ничего, кроме истины, другие же представляли собой лишь чистое заблуждение, то колебаний, о которых мы только что говорили, происходить не могло бы. Ни один человек не просуществовал бы, если бы все его верования и убеждения были ошибочными. Если бы он приписывал качества коровы собаке, принимал врага за друга, а друга за врага, ел бы несъедобное, не мог бы определить яда, ничего не знал бы о погоде, то он попросту вскоре бы умер. Совершенно невероятно при этих условиях выживать и обществу, а тем более десятилетиями и столетиями, что доказано множеством обществ, руководствующихся либо истиной веры, либо истиной

разума. Идеациональная истина веры господствовала в средневековой Европе почти шесть столетий, тем не менее западное общество не погибло. Исторические анналы, таким образом, доказывают, что ни вера, ни разум не являются целиком ошибочными. Каждая из систем частично истинна и достоверна, представляя знание некоторого важного аспекта сложной объективной реальности.

Излишне доказывать, что *каждый источник познания, будь то чувства, разум или интуиция, дает достоверное знание многосторонней действительности*. Интуиция в своей обычной форме как мгновенное и прямое понимание некой реальности, отличное от чувственного восприятия и логического мышления, дает знание существенных аспектов действительности, как, например, самосознание каждого из нас – «аз есмь». В своей необычной форме, как харизматический и мистический дар Божий, данный только пророкам, великим мыслителям, великим художникам и великим религиозным лидерам, она открывает нам те аспекты объективной реальности, которые недоступны нашим чувствам и логике. Каждый источник познания адекватно раскрывает лишь определенные аспекты многообразной реальности: истина чувств дает знание о чувственных нерациональных аспектах объективной реальности; истина разума – ее рационального аспекта; истина интуиции – ее металогического и метачувственного аспектов. Как уже отмечалось, даже современная естественная наука и технология включают в себе не только истину чувств, но, как, например, в области математики и логики, большую долю истины разума. В конечном итоге обе истины уходят своими корнями в интуицию и веру в качестве основных постулатов науки.

Значение интуитивного познания. В настоящее время достаточно прочно утвердилась «законность» чувственного опыта, в меньшей степени – логического рассуждения. Больше сомнений вызывает интуитивная истина. Интуиция лежит в основе любой науки, от математических аксиом до естественных наук. Дедуктивные и индуктивные надстройки науки опираются не на логику и не на показания органов чувств, а на элементарные интуитивные истины. Интуиция также основа прекрасного, нравственных норм и религиозных ценностей. Она служила начальным импульсом громадного числа чувственных и диалектических открытий во всех областях человеческого знания и в сфере ценностей, включая математику, физику и технологию. Большинство научных открытий и изобретений, особенно наиболее значимые, можно отнести скорее на счет интуиции, чем на счет долговременных чувственных наблюдений. Открытия Ньютона, Галилея, Майера и Пуанкаре появились благодаря интуитивному пониманию законов гравитации, колебания маятника, сохранения энергии и автоморфных функций в математике. Точно так же и большинство технологических изобретений и большинство важных достижений философского и гуманитарного знания являются продуктами интуиции. Справедливо это и по отношению к искусству во всех его

сферах, и по отношению к религии и в особенности морали, ибо там творчество одухотворено редкой интуицией гения, проповедника, мистика. Мы не должны забывать, что *любое истинное творчество – это реальное познание, как любое истинное открытие есть творчество*. Когда Моцарт или Бетховен, Рафаэль или Дюрер, Фидий или Шекспир, Будда или апостол Павел, Платон или Кант создавали свои художественные, религиозные или философские системы, они актуализировали скрытый потенциал, существующий в реальности, они обнаружили и раскрыли нам то, что мы сами не видели и не знали. В этом смысле любое творчество есть открытие и создание новой комбинации звуковых ценностей (в великой музыке), или новых архитектурных форм, раскрытых в оригинальной комбинации камня, мрамора, дерева и других архитектурных элементов, или новых аспектов жизни, отраженных живописью, литературой, религией и этикой. Если бы все художественные, религиозные, философские и этические ценности были уничтожены, а все наши знания были бы сведены к «научным открытиям», сформулированным в сухих утверждениях, то как бы ни велико было наше знание о мире и реальности, оно было бы обеднено и унижено! Из миллионеров мы превратились бы в нищих!

Точно так же любое научное открытие есть творчество, правда, не обязательно в смысле возложения на природу того, что было сотворено нашим разумом, как утверждал Кант и его последователи, а в смысле актуализации потенциала, скрытого в реальности и извлеченного на свет и таким образом обогащающего наши знания. С этой точки зрения, Ньютон *создал* свой закон гравитации, Майер – закон сохранения энергии, Лавуазье и Ломоносов – закон сохранения материи и т. д.

Следующий отрывок хорошо демонстрирует роль интуиции в открытиях и изобретениях. Обратимся к личному опыту Анри Пуанкаре:

«В течение двух недель я старался доказать, что невозможна никакая функция, которая была бы подобна тем, которым я впоследствии дал название фуксовых функций. Каждый день я усаживался за свой рабочий стол, перебирал большое число комбинаций и не приходил ни к какому результату. Но однажды вечером я выпил, вопреки своему обыкновению, чашку черного кофе; я не мог заснуть; идеи возникали во множестве; мне казалось, что я чувствую, как они сталкиваются между собой, пока, наконец, две из них, как бы сцепившись друг с другом, не образовали устойчивого соединения. Наутро я установил существование класса функций Фукса; мне оставалось лишь сформулировать результаты, что отняло у меня всего несколько часов»^{21*}.

Далее он повествует о том, как решение другой математической проблемы пришло к нему в момент посадки в омнибус. Прибыв в Канн, он проверил это решение и нашел его верным. Пуанкаре приводит еще несколько примеров подобного рода и каждый раз подчеркивает, что решение приходило «с такой же отчаянностью, неожиданностью и уверенностью».

Едва ли отличается от этих интуитивных актов открытие закона всемирного тяготения Ньютоном. «В один памятный день с легким стуком у его ног падает яблоко. Это был пустяковый случай, на который вряд ли раньше обращалось внимание, но сейчас он был подобен щелчку маленького тумблера, который запускает большой механизм в действие. Он оказался толчком, разбудившим мозг и заставившим его работать. Как во сне Ньютон вдруг увидел, что если таинственное притяжение земли может действовать сквозь пространство, достигая вершины деревьев... то оно могло бы действовать, достигая даже луны». Биографы Ньютона характеризуют все три открытия ученого (метод флюксий в математике, дисперсия света и закон всемирного тяготения), которые он совершил за два года, «не иначе, как чудом»^{22*}. Не сумев определиться в колледже, Ньютон сразу же после его окончания уезжает в глухую деревеньку и работает там без посторонней помощи. «Как математик ... казалось, он схватывает решение проблемы почти мгновенно».

Нечто подобное произошло и с Архимедом, которого его знаменитая «Эврика!» осенила внезапно, когда он принимал ванну. Он был до того возбужден, что даже забыл надеть одежду. Вспомним Галилея, наблюдавшего раскачивающуюся лампу в соборе в Пизе, когда он почти мгновенно сформулировал закон колебания маятника. И Роберта Майера, который из двух случайных происшествий во время одного из своих вояжей «с помощью неожиданного витка мысли» вывел закон механического сохранения энергии. Знаем мы и о таинственном опыте Паскаля, который, увидев во сне горящий ярким пламенем крест, воскликнул: «Не Бог философов и ученых... Радость, Радость. Слезы радости... Отречение полное и сладостное... Уверенность. Уверенность»^{23*}.

Тот же принцип, но с еще более ошеломляющим эффектом применим к технологическим изобретениям, как об этом свидетельствуют показания самих изобретателей. Один из них отмечает, что когда ему необходимо что-то изобрести, «я первым делом изгоняю эту мысль из объективной части моего мозга; я, можно сказать, прекращаю работать над проблемой и передаю ее в “субъективный” отдел моего мозга. Там она спонтанно созревает до тех пор, пока не “вылезает” оттуда».

Другой рассказывает: «Идеи приходят ко мне, когда я меньше всего их ожидаю; чаще, когда я почти уснул или днем мечтаю о чем-нибудь»^{24*}. Многие изобретатели настаивают на том, что они иногда просыпаются с новой идеей внезапно и совершенно неожиданно, «в мгновение ока» или во время отдыха (например, принимая ванну), или во время занятия другими работами.

Сходная ситуация наблюдается и в других естественных науках. В области философии, гуманитарных и социальных научных дисциплин роль интуиции существенно выше. Это хорошо подтверждается тем фактом, что почти все основные философские, гуманитарные и социальные научные теории были сформулированы очень давно, когда не существовало ни лабораторий, ни статистики,

ни систематических данных наблюдения, ни каких-либо других технических возможностей или материала для эмпирического или рационального обобщения. Изучение соответствующих данных показывает, что большой процент открытий в этих областях достигнут именно благодаря интуиции. Это, правда, не исключает того, что в ряде случаев интуитивному открытию предшествовала напряженная работа чувственного или дискурсивного разума. Важно то, что *решение пришло интуитивно*.

Что касается изящных искусств, то здесь весь творческий процесс преимущественно интуитивный, будь он в области поэзии, литературы, драмы, музыки, живописи или скульптуры. В этом смысле описание Моцартом своей привычки работать совершенно типично:

«В чем заключается, вы спросите, мой метод композиции и аранжировки больших и нашумевших произведений? Я на самом деле ничего определенного сказать не могу, кроме того, что я не знаю и никогда не смогу понять, как это происходит. Когда я особенно хорошо чувствую себя, ну, скажем, когда я еду в экипаже, или прогуливаюсь после хорошей еды, или когда я не сплю ночью, мысли приходят внезапно, и притом самые лучшие. Когда и как? – Этого я не знаю и не могу знать. Те, которые мне приятны, я сохраняю в голове и по возможности вдалбливаю их в себя... (Далее он описывает, как по крупичам спонтанно создается единое целое, вызревает и, наконец, приобретает в голове законченную форму)... Все находки живут во мне, как бы в очень ярком сне»^{25*}.

Наконец, подобно Пуанкаре, слова которого процитированы выше, Моцарт доводит работу до логического завершения: как только форма сложилась в голове, далее она «ложится на бумагу очень быстро».

Наконец, религиозные и моральные творения также в подавляющем своем большинстве интуитивны. Они исповедуют истину веры; все они без исключения основаны на сверхрациональной, сверхчувственной, сверхэмпирической абсолютной истине и реальности, а именно на Боге. Все великие религии основаны харизматиками, наделенными божественным даром мистического опыта. Будь то Будда, Заратустра, Лао-Цзы, ветхозаветные пророки, Махавира, Мухаммед, апостол Павел, Августин Блаженный и более поздние христианские мистики. Когда же появляется некая псевдорелигия, основанная на «науке», рациональности или на «разумных, эмпирически проверенных истинах», она никуда не годится и представляет собой в лучшем случае второстепенную вульгаризацию социальной и антропогенной философии или псевдонауки. Все же великие религии заявляют, что они «открыты» благодаря милости Абсолюта, проявленной к харизматически одаренным людям – пророкам, святым, мистикам, оракулам и другим «инструментам» Абсолюта. Любой мистический опыт, открывающий истину веры, имеет мало общего, если вообще его имеет, с обычным познанием, приобретаемым с помощью органов чувств или путем логических умозаключе-

ний. Без мистической интуиции у человека едва ли была бы религия, достойная носить это имя. Так как религия вообще и мировые религии в частности составляют одно из высших достижений человеческой культуры, то это вновь указывает на значительную роль интуиции, особенно мистической интуиции, в истории человеческой мысли и цивилизации. Религия раскрывает те аспекты реальности, которые остаются недостижимыми обычными путями чувственной истины и истины разума. Отцы-основатели, пророки, апостолы и мистики ведущих религиозных систем совместно с великими художниками, которые тоже по-своему являются инструментами мистической интуиции, – все они главные посредники истины веры, благодаря которым мы соприкасаемся со сверхреальными и металогичными аспектами Бесконечного Многообразия. На ум приходит *coincidentia oppositorum*^{26*} Августина, Эриугены и Николая Кузанского.

Предшествующее рассуждение дает нам неопровержимое доказательство того, что все три системы – чувственная, рациональная и интуитивная – источники достоверного познания и что каждая из них, используемая по назначению, дает нам знание того или иного важного аспекта объективной реальности, и ни одну из них нельзя считать целиком ложной. С другой стороны, любая из них, взятая в отдельности, вне связи с другими, может оказаться ошибочной. История человеческой мысли представляет собой кладбище, на котором похоронены неверные наблюдения и заключения, а также полученные посредством такого опыта ошибочные размышления и ложные «интуитивные» выводы. В этом отношении роль интуиции ничуть не ниже роли ощущений или диалектики. Ни одна из них, как было замечено, не может охватить всю истину. В трехмерном пространстве веры, разума и чувств общая истина ближе к абсолютной, чем истина, рожденная одной из этих форм. Точно так же всеобъемлющая истина, являющаяся результатом интуиции, разума и ощущений, ближе к бесконечной металогической реальности, к *coincidentia oppositorum* св. Августина, Эриугены и Николая Кузанского, чем чувственная, рациональная и интуитивная реальности, открытые в рамках какой-либо одной системы. *Эмпирико-чувственная реальность питается чувствами, рациональная – разумом, а сверхрациональная – верой. Каждая из этих систем, взятая изолированно от других, становится менее достоверной и более ошибочной даже в рамках собственной компетентности.* Органы чувств, когда они не контролируются разумом и интуицией, могут оформить только массу хаотических ощущений, впечатлений и восприятий. Они не способны обеспечить полноты знания, могут дать лишь беспорядочные фрагменты псевдонаблюдений и псевдовпечатлений. В лучшем случае они представляют нагромождение «фактов», лишенных систематичности, достоверности и вразумительности. Вне связи с разумом и интуицией органы чувств – лишь ограниченные средства даже в познании чувственных аспектов реальности. Как показали опыты Павлова, слух, обоняние и зрение человека хуже, чем у собаки. Тысячелетиями такие формы

энергии, как электричество (а потенциально – и электромагнитные волны, передающиеся по радио), находились, так сказать, у нас под носом, а мы тем не менее не воспринимали их. Тысячелетиями эмпирические закономерности природных явлений были доступны нашим органам чувств, но мы не могли осознать их. «Открыты» же они были лишь благодаря взаимосвязи с другими источниками познания, именно логикой и интуицией. Когда эти элементарные истины будут правильно поняты, то станет очевидным, каким же ничтожным и непоследовательным было бы наше знание, если бы оно сводилось лишь к знанию чувственному.

Точно так же одно лишь диалектическое рассуждение не может гарантировать истинного знания явлений окружающего мира. Оно может дать нам безупречный силлогизм или математическое заключение, но они будут эмпирически достоверными только в том случае, если их большие и меньшие посылки будут также эмпирически достоверными. А это эмпирическое соответствие не может быть получено только разумом.

Наконец, интуиция, не контролируемая разумом и чувствами, часто сбивает с пути, приводя к интуитивным ошибкам. Суммируя все выше сказанное, отметим еще раз, что каждая из трех систем истины, использованная изолированно и не подтвержденная другими источниками познания, обязательно дает неправильное представление о мире.

Если каждая система истины частично верна и частично ложна, то становятся понятными исторические колебания от одной системы к другой. Если одна из систем стремится занять монопольное положение и вытеснить другие истины, то доля «ложного» в ней возрастает за счет уменьшения доли истинного и в ущерб достоверности других систем. Общество, в котором властвует такая односторонняя истина, отстраняется от реальности, от реального знания. Это приводит его к невежеству, ошибкам, пустоте ценностей, к бесплодию творческих возможностей, к нищете социально-культурной жизни. Эта тенденция приводит к теоретическим и практическим трудностям в таком обществе. Его приспособление к реальности становится все более и более затрудненным; его потребности удовлетворяются все меньше и меньше; его жизнь, безопасность, порядок, творческий опыт становятся все более и более дезорганизованными. Рано или поздно наступает момент, когда оно оказывается перед лицом альтернативы: либо продолжить развитие в заданном направлении и пережить полную атрофию, либо изменить курс за счет принятия другой, более адекватной системы истины, реальности и культурных ценностей (Social and Cultural Dynamics, vol. IV, chap. 16).

Некоторые культуры, такие как, например, греко-римская и западно-христианская, смогли осуществить подобный переход несколько раз; другие же не смогли. Первые продолжили существование, пройдя более или менее успешно ряд последовательных, сменяющих друг друга фаз, которые мы рассматривали выше. Другие же культуры или погибали и исчезали, или обрекались на загнива-

ние и полуживое существование, а их опустошенная, ограниченная и безжизненная система истины, реальности и ценностей становилась лишь историческим «экспонатом», вместо того чтобы быть творческой субстанцией. Такие культуры и общества были всего лишь материалом для более сильных и творческих культур. Те из них, которые ограничивали ценность реальности одним из трех аспектов, будь то эмпирический, рациональный или сверхчувственный, лишь обедняли себя. Такое исключительное *Weltanschauung*^{27*} неизбежно оказывалось жертвой своей собственной ограниченности. То же происходило и с культурами, характеризующимися односторонним типом мышления. Исключительно теологическое сверхчувственное умозрение средневековой культуры, появившееся и развивавшееся как реакция на опустошившиеся чувственные культуры позднеантичного периода, после нескольких веков господства начало атрофироваться, постепенно приближаясь к катастрофе, ознаменовавшей закат Средневековья. То же произошло с односторонним чувственно-рациональным умозрением эпохи Ренессанса и Просвещения (XVI–XVIII вв.), которое закончило свое существование в период социальных катаклизмов конца XVIII – начала XIX в.

Такова главная причина ритмической последовательности трех великих сверхсистем, которые мы анализируем. Существует достаточное количество доказательств того, что в полном соответствии со всеми ранними случаями культурных разрушений современное эмпирическое чувственное умозрение терпит фиаско совместно с культурой, на нем основанной. Кризис объясняется не теми или иными случайными внешними причинами, к нему привела вся система чувственной истины в процессе своего развития. Семена дезинтеграции были заложены в самой системе с начала ее существования и в процессе развития проросли настолько, что в конце концов превратились в смертельно опасную отраву.

3. Кризис современной чувственной системы истины

Кризис наблюдается одновременно и в теории, и на практике. Оба аспекта проявляются чрезвычайно многообразно.

А) Кризис теоретического аспекта системы обнаруживается прежде всего в стирании границ между чувственной истиной и ложью, реальностью и вымыслом, достоверностью и утилитарной условностью. В предшествующей характеристике чувственной культуры отмечалось, что ее временные, релятивистские, номиналистские, материалистические и другие особенности ведут к возрастающей относительности самой истины, причем это продолжается до тех пор, пока она становится вовсе не отличимой от ошибки. Ее утилитарные и прагматические качества ведут, как мы видели, к тому же результату. Именно это сейчас происходит на наших глазах. Западная истина чувств стоит пред лицом траги-

ческой развязки в ожидании, когда ее свергнут с престола. Если мы проследим преобладающий у нас научный и философский эмпирицизм во всех его вариациях – собственно эмпирицизм, позитивизм, неопозитивизм, кантианский или псевдокантианский критицизм, типа «als ob»^{28*}, или «как если бы», прагматизм, операционализм, эмпириокритицизм, инструментализм и т. п., – то мы не сможем не заметить, как стираются различия между истиной и ложью, реальностью и вымыслом, достоверностью и простой целесообразностью. Когда заявляют, что научные утверждения всего лишь «условности» и что из нескольких различных условностей наиболее достоверна та, которая при определенных обстоятельствах наиболее удобна, «экономична», целесообразна, полезна и «действительна» для данного индивидуума (ср. мысли по этому поводу у Пуанкаре, Пирса, Маха, Джеймса и других), то значит всей системе истины и знания грозит смертельная опасность. Согласно такому критерию догмы Сталина и Гитлера становятся достоверными, так как им они наиболее удобны. Истина, сведенная к простому удобству, условности, идеологии или «деривации», служащая прославлению экономических и других интересов, сама себя уничтожает. Ибо каждый в равной степени имеет право заявить, что его идеология верна лишь по той простой причине, что полезна ему. Так, в лабиринте полезности, условности, целесообразности появились тысячи противоречивых истин, каждая объявляющая себя такой же действенной, как и другие: истина капиталистов и пролетариев, коммунистов и фашистов, либералов и консерваторов, верующих и атеистов, ученых и «христианских ученых», привилегированных слоев и неудачников. Когда ученые заявляют, что они не занимаются реальностью, а формулируют свои схемы в духе «как будто бы соотносящиеся с реальностью», они превращают науку и истину в чистую фикцию, в чистое «как если бы», во всего лишь удобную и условную конструкцию. Если наука не занимается реальностью, то тогда чем же она занимается? В чем же тогда разница между «как бы» конструкцией большого психиатрической лечебницы и таким ученым, ведь они одинаково «целесообразны»? Далеко же мы ушли от концепции истины как *adaequatio rei et intellectus*^{29*}, исповедуемой св. Фомой Аквинским!

Эта тенденция объясняет заметный рост скептических философских учений за последние три столетия. В средние века их процент среди других ведущих философских направлений был равен нулю, в XVIII в. он вырос до 13,8%; в XIX в. – до 19,1%, а в XX в. – до 21,9% (в период с 1900 г. по 1920 г.).

В таком же тупиковом состоянии находится и прагматизм с его культом и критерием полезности как эквивалента истинности; то же можно сказать и об операционализме и подобных «измах». К ним же примыкают и современные псевдокантианские концепции законов природы, сформулированные наукой как чистые продукты разума, навязанные «природе» или тому, что мы называем «природой», так как никто уже не знает, что такое природа и существует ли она вообще.

В результате такой постановки вопроса мы не знаем, что такое «разум», а еще меньше – что он навязывает, как, кому и почему? Вся наука и истина сводятся просто к вопросительному знаку. Это еще более верно по отношению к неопозитивистскому движению типа Венского кружка^{30*}, который идентифицирует мысль с языком, логику с синтаксисом языка, истину с тавтологией (вспомним в этой связи «аналитическое суждение» Канта^{31*}); более того, они считают любые нетавтологические утверждения, в том числе и законы науки, нестабильными и условными. Представляя эмпирицизм и скептицизм в их наиболее стерильной, бесплодной и дряхлой форме, эти течения разрушают границу между знанием и ошибкой, реальностью и вымыслом и ничего не оставляют нам, кроме высушенного и пустого мира мумииобразной псевдореальности, лишенной жизни, чувств, мысли и сведенной к формальному толкованию символов, представляющих неизвестно что. Как эпигоны былого полнокровного эмпиризма, потеряв в результате эпигонства творческую искру, они стремятся компенсировать эту потерю тщательным исследованием тайн символизма в соответствии с наиболее точными канонами псевдосемантики и псевдологики. Как остро заметил Лао-Цзы, «Мудрецы никогда не бывают учеными, а ученые никогда не становятся мудрецами»^{32*}. Хотя китайский мыслитель несколько преувеличивал катастрофичность ситуации, его формула тем не менее как нельзя удачнее подходит к ученым XX столетия.

Двигаясь в этом опасном направлении, эмпирицизм постепенно ограничивает свои наблюдения над реальностью лишь эмпирическими аспектами, которые становятся все более поверхностными. Эмпирицизм тем самым преобразуется в ту научную дисциплину, которая намеревается «знать все больше о все меньшем». Потеряв свой творческий заряд и заменив его «механистичностью», он открывает все меньше и меньше, так как и творит все меньше, ибо, как уже неоднократно подчеркивалось, любое творчество есть открытие, а любое открытие есть творчество.

Б) Возвращая в себе *релятивизм*, истина чувств достигла ныне того же стирания граней между чувственным знанием и невежеством. Так как эмпирическая истина относительна и изменчива у разных людей, групп и при разных обстоятельствах и в большинстве случаев представляет собой определенную идеологию, то такое положение, естественно, приводит к полному стиранию разницы между истиной и ошибкой. Создается впечатление, будто каждый наделен правом считать истинным лишь то, что он пожелает, неважно при этом, диктуется ли это его личными интересами, его «реликтами», основными рефлексам, его окружением, его социально-культурными установками и т. д. Так, утверждения «собственность священна» и «собственность – это кража»^{33*} становятся одинаково законными, ибо условия жизни богатых диктуют первый тезис, в то время как коммунисты и пролетарии предлагают противоположное утверждение. Но ведь нет чувственного судьи, который мог бы компетентно решить, какое

из этих утверждений правильное, а какое нет. Все это в равной мере применимо и к космологии Птолемея и Коперника, ко множеству других утверждений и теорий. Вместе с критериями «удобства» и «экономии» релятивизм приводит к «атомизации» истины и к стиранию границы между истинным и ложным.

В) К тому же результату приводит и *временной характер истины чувств*. Так как все в этом мире непрерывно меняется, то равным образом меняются местами истина и ложь. Что было верным вчера, ошибочно сегодня, а то, что верно сегодня, может оказаться ложным завтра. Это снова означает стирание всякой грани между истинным и ложным. Многие эмпирически ориентированные ученые, оказавшись перед лицом этой опасности, ищут «механизм ухода от действительности» (escape mechanism), утверждая, что хоть научные положения всегда гипотетичны и научные гипотезы непрерывно меняются, тем не менее существует историческая тенденция постепенного приближения к истине. С течением времени лучшие и более точные гипотезы вытесняют худшие. Но такая вера сама по себе есть всего лишь предположение. Она равнозначна утверждению, что более поздняя гипотеза обязательно лучше и более адекватна, чем ее предшественница. Несмотря на оптимистическую веру в некое Провидение, которое ведет гипотезы к совершенству, эти же ученые рассмеются первыми, если теории будут тогда сменять друг друга сами по себе.

Г) Также вреден чувственной истине ее *материалистический уклон*, который подрывает систему и в теории, и на практике. Теоретически он подрывает ее вульгарностью, незрелостью и необоснованностью любого последовательного материализма с точки зрения даже самой чувственной истины. Практически он дает тот же эффект, опуская человека и его культуру до уровня материи и ее составляющих.

Рассмотрим современную науку, обращая внимание лишь на то, какую пользу и какой вред приносит она человеку. Современные концепции представляют человека как разновидность «электронно-протонового агрегата», «комбинации физико-химических элементов», «животного, находящегося в близком родстве с обезьяной», «рефлексирующего агрегата», как разновидность отношений типа «стимул-реакция», «специально отрегулированного механизма», психоаналитического либидо, по преимуществу бессознательного или полусознательного организма, контролируемого пищеварительными или экономическими потребностями; или как homo faber^{34*}, производящего различные орудия и инструменты. Без сомнения, человек всем этим и является. Но исчерпывается ли этим вся его природная сущность? Затрагивает ли это его основные качества, которые делают его уникальным существом? Большинство определений, выдающих себя за научные, редко, если вообще охватывают такие вопросы. Некоторые из них на самом деле заходят так далеко, что лишают человека даже разума, мысли, сознания, совести, воли, понижая его до уровня поведенческого агрегата условных и

безусловных рефлексов. Таковы современные концепции наших ведущих физиков, биологов и психологов.

Концепции современных биографов, историков, обществоведов следуют той же парадигме. Биографии, которые пишут Стрейчи, Людвиг, Моруа, Хьюз, Эллис, Миллар, Эрскин и (отчасти) Генри Адамс, а также масса современных психоаналитических и «научных» биографий разоблачают и унижают любой персонаж, каким бы благородным он на самом деле ни был. Все, чего бы или кого бы они ни касались – Бога, достойных людей, свершений, – высмеивается как нечто инертное, заурядное, ненормальное или патологическое, побуждаемое к действию прозаическими, эгоцентристскими и большей частью физиологическими стимулами. Гениальность становится разновидностью безумия, бескорыстная жертва объясняется только комплексом неполноценности, Эдиповым комплексом, комплексом Нарцисса или каким-то другим комплексом^{35*}. Высокие общественные стремления – стадными инстинктами. Половое влечение, шизофрения, паранойя становятся главными движущими силами. Святость рисуется как разновидность идиотизма; патриотизм «отца отчизны» выдается за сексуальное распутство. Жалость отождествляется с невежеством, нравственность – с лицемерием, блестящие достижения – с удачей и т. д.

Если средневековые историки рассматривали всю человеческую историю как реализацию непостижимого божественного замысла, то наши историки *sub specie*^{36*} «Нью-Йоркера» и «Эсквайра» рассматривают ее как либидо Фрейда^{37*}, экономические факторы Маркса, «реликты» Парето^{38*} и многое другое. Человеческая история оказывается не чем иным, как постоянным взаимодействием космических лучей, солнечных пятен, климатических и географических изменений, биологических сил, стимулов, инстинктов, условных, безусловных и пищеварительных рефлексов, физико-экономических комплексов. Именно эти силы, а не человек, ставший всего лишь глиной, являются творцами всех исторических событий и создателями культурных ценностей. Сам же человек, как воплощение надорганической энергии, мысли, совести, сознания, рациональной воли, играет незначительную роль в разворачивании этой драмы. В наших «научных» историях его оттеснили за кулисы, чтобы он был игрушкой в руках слепых сил; более того, игрушкой, лишенной всякой привлекательности. Хотя он и тешит себя верой в то, что он контролирует свою судьбу, на самом деле он всего лишь марионетка в руках слепой биологической эволюции, которая диктует все его действия и направляет весь ход его истории.

Мы настолько привыкли к этой точке зрения, что зачастую не осознаем полную деградацию, которую она означает. Вместо того чтобы быть изображенным как чадо Божие, носителем высочайших ценностей, которых только можно достичь в окружающем мире, т. е. святым, человек низведен до уровня органического или неорганического комплекса, не отличающегося от миллионов подоб-

ных природных комплексов. Так как материализм отождествляет человека и его культурные ценности с материей и механическим движением, он и не может не лишить его исключительного положения в мире. Так как человек всего лишь комплекс атомов, а события человеческой истории всего лишь механические движения атомов, то ни человек, ни его культура не могут считаться священными, составляющими высшую ценность или отражение Божественного в материальном мире. Короче говоря, материалистическая чувственная наука и философия крайне унижают человека и саму истину.

Вместе с унижением истины человек сгоняется с величественного пьедестала искателя правды, абсолютной ценности и опускается до уровня животного, которое при помощи разнообразных «идеологий», «рационализаций» и «дериваций» стремится удовлетворить свою жадность, аппетит и свой эгоизм. Когда он не ведает, что творит, то он всего лишь простак; когда же намеренно прибегает к таким «рационализациям», обращаясь к «истине» и другим высокопарным словам и понятиям, то он становится откровенным лицемером, который использует «истину» в качестве дымовой завесы для оправдания своих «реликтов» и прочих комплексов. В любом случае результат губителен для достоинства человека, его истины и науки.

Все это благоприятствует взрыву стихийных сил в человеке и приводит его к тому, что он начинает относиться к своим собратьям, к каждому в отдельности или ко всем вместе, как к материальным атомам, комбинациям электронов и протонов или как к чисто биологическому организму. Если человек всего лишь атом, электрон или организм, то к чему церемониться в обращении с ним? (Мы же без колебаний давим змею и расщепляем атом!) Ореол святости сорван с человека и его ценностей; человеческие отношения и социально-культурная жизнь низведены до уровня жестокой борьбы (понаблюдайте за бесконечным потоком современных войн и революций!), исход которой зависит от перевеса физических сил. В этой борьбе разрушаются почти все ценности, в том числе – ценность чувственной науки и сама материалистическая истина.

Д) Чувственная наука продолжает подрывать свои ценности через *эмпирицизм, делающийся все более ограниченным и оторванным от других социальных ценностей – религии, добра, красоты и т. п.*

Отстраненность эмпирического аспекта реальности от всех ее других сторон трагически сузила мир ценностей и смыслов и чрезвычайно обеднила бесконечное богатство и социально-культурной жизни, и вселенной, включая даже само чувственное счастье.

Такое безразличное отношение эмпирической науки к добру и красоте сделало ее аморальной и даже циничной. Она оказалась, таким образом, готовой служить любому барину, будь то Бог или мамона^{39*}, любой цели, социально полезной или вредной, созидательной или разрушительной. С одной стороны, она

создает мир, полный полезными дарами, с другой – наиболее изощренные средства разрушения человеческой жизни и культуры. Отравляющий газ, бомбы и другие взрывоопасные вещества – такие же детища эмпирической науки, как и холодильники, лекарства, тракторы и им подобные изобретения.

На одной половине планеты свобода мысли и творчества уже сбита с толку теми, кто научился контролировать разрушительные силы, созданные эмпирической наукой. Наука опустилась до роли прислужницы современных «варваров», которые хорошо усвоили лозунг эмпирицизма: «Истина – это то, что удобно и полезно; из нескольких возможных условий наиболее верно то, которое мне больше всего подходит». Так эмпирическая наука, доведенная до своего логического завершения, еще раз прокладывает путь к своему окончательному падению.

Е) Наконец, вследствие громадного и сложного многообразия фактов, слабо связанных друг с другом, безотносительных и, несмотря на приписываемую им точность, очень часто противоречащих друг другу, *эмпирическая наука затрудняет наше понимание действительности*. Путаница, вызванная ее сложностью, усугубляется чувством неуверенности. Можно сказать, что чувственная истина возвестила наступление Века Неуверенности. Ее теории – в лучшем случае гипотезы, отмеченные противоречиями и вечными модификациями. Мир оказывается сумрачными джунглями, неведомыми и непостижимыми. Такую неопределенность нельзя терпеть бесконечно. Она вредна для счастья человека, его творчества и даже для его выживания. Когда нет истинной уверенности, человек вынужден искать ей искусственную замену, даже если она является всего лишь иллюзией. Так человек поступал в период упадка греко-римской культуры, отдавая предпочтение абсолютным истинам христианства; так он поступает и сейчас.

Вернемся же к чувству беспомощности и дезориентации, вызванному возрастающей сложностью современной системы чувственной истины. Кто, кроме всемогущего Бога, мог бы понять бесконечный хаос «фактов», особенно если мы не знаем, какие из них соответствуют действительности, а какие нет? Перед лицом этой трудности мы изобретаем бесконечные указатели и библиографии, справочники и резюме, указатели к указателям, библиографии к библиографиям, своды справочников и дайджесты дайджестов. Человеческая жизнь слишком коротка, чтобы овладеть громадным и беспорядочным скоплением фактов. В нашем неистовом желании знать «все больше и больше о все меньшем и меньшем» мы упускаем существенно важные вещи. Таким образом, эмпирическая наука постепенно начинает подчиняться закону убывающей отдачи^{40*}. Она перестает удовлетворять человеческую потребность в правильной ориентации во вселенной и правильного понимания самой вселенной. Мудрено ли, что при таких условиях она ценится все меньше и меньше и вытесняется или, по крайней мере, дополняется другой системой истины?

Это верно и по отношению к общественным и гуманитарным наукам. Несмотря на разнообразие так называемых фактов, они не способствовали ни нашему пониманию социально-культурных явлений, ни нашей способности предвидеть их будущее развитие. Эмпирические науки возникают, переживают период своего расцвета и спустя несколько месяцев или лет полностью устаревают. Почти все эмпирические теории XIX и XX вв., будь то прогноз конъюнктуры, концепции «прогресса» и социально-культурной «эволюции», «закон трех стадий»^{41*}, теории социальных и культурных тенденций, были опровергнуты безжалостным вердиктом истории как надуманные и претенциозные экспонаты бесплодной эрудиции.

Ж) Отсюда возрастающая стерильность чувственной науки, особенно в области общественных и связанных с ними наук. Несмотря на внушительное количество исторических, статистических, псевдоэкспериментальных, клинических и прочих данных, за последние три десятилетия не было создано ни одной действительно обобщающей теории. В лучшем случае они только восстанавливали в вульгаризированной и более примитивной форме обобщения предшествующих поколений. Со времен Конта и Спенсера, Гегеля и Маркса, Ле-Пле и Тарда, Дюркгейма и Вебера, Зиммеля и Дильтея, Парето и Де Роберти в социологии едва ли появилось имя, достойное упоминания. Состояние в экономической и политической науках, антропологии, психологии и истории очень напоминает ситуацию так называемого века эллинистической александрийской учености^{42*}, крайне продуктивной, чрезвычайно научной, фактологической, но совершенно не способной сделать существенно важное открытие или создать хоть одну настоящую ценность. «Менее ученый» век Платона и Аристотеля, Фидия и Праксителя, Терпандра и Софокла, Фукидида и Геродота, открывший и интуитивно сотворивший величайшие ценности греческой культуры, был вытеснен «научным» веком александрийской учености. Точно так же «менее ученая» культура Галилея и Ньютона, Фомы Аквинского и Канта, Данте и Шекспира, Рафаэля и Рембрандта, Баха и Бетховена была вытеснена системой, которая повторяет и достоинства, и недостатки просвещенной, но стерильно чистой и невдохновленной александрийской научной школы.

Ситуация в области естественных наук и технологических изобретений, по-видимому, намного лучше, чем в гуманитарных и общественных науках. Хотя и здесь мы замечаем тревожные сигналы. Изучая направление научных открытий и технологических изобретений с 3000 г. до н. э. по настоящее время, мы наблюдаем, во-первых, что с конца XIX и начала XX в. *количество открытий и изобретений неуклонно падает*. Во-вторых, в период между началом Первой мировой войны и 1920 г. *падает даже их абсолютное количество*. В-третьих, *по числу и значению открытий точные науки достигают кульминации не в XX в., а в XIX в.* (в области же математики еще раньше – в XVIII в.).

Следующая таблица иллюстрирует это движение.

<i>Периоды</i>	<i>Общее число научных открытий</i>	<i>Общее число технических изобретений</i>	<i>Общее число географических открытий</i>	<i>Итоговая сумма</i>
1791–1800	149	113	7	269
1801–1810	228	128	6	362
1811–1820	286	157	13	456
1821–1830	388	227	16	631
1831–1840	441	313	9	763
1841–1850	534	356	9	899
1851–1860	584	423	13	1020
1861–1870	553	424	15	992
1871–1880	635	490	17	1142
1881–1890	663	477	13	1153
1891–1900	625	482	2	1109
1901–1908	552	309	1	862

Кульминация, принимая во внимание и количество, и значимость открытий, в различных областях естественных наук была достигнута в следующие годы: в математике – 1726–1750 гг.; в химии – 1851–1875 гг. и 1900–1940 гг.; в астрономии – 1876–1940 гг.; в геологии – 1851–1875 гг.; в биологии – 1811–1875 гг.; в медицине – 1880–1899 гг. Таким образом, период пика для большинства естественных наук приходится не на последние десятилетия, а в основном на первые две трети XIX в.

Ситуация последних двух десятилетий менее неопределенна из-за отсутствия надежных данных. Однако, судя по ряду показателей можно предположить, что она едва ли стала лучше. Определенно обозначился продолжающийся спад открытий и изобретений. В некоторых областях (например, в медицине) очевиден даже спад в абсолютном количестве: в период 1900–1909 гг. было сделано 123 больших открытия; 1910–1919 гг. – 94; а за 1920–1928 гг. – 43. В годы Первой мировой войны и первые послевоенные годы спад уровня открытий в воюющих странах налицо и не вызывает никаких сомнений. Тенденция к нерегулярным флуктуациям и даже к уменьшению абсолютного числа открытий и изобретений по сравнению с быстрым ростом наук, характерным для двух предшествующих столетий, тоже очевидна. В соответствии с нашими данными кульминационного взлета большинство естественных наук достигает в XVIII в. и в первые три четверти XIX в.

Есть все основания полагать, что современные войны совместно с тоталитарными диктатурами чрезвычайно усиливают симптомы усталости и спада творческой энергии, которые начали распространяться с гуманитарных и обще-

ственных наук на естественные науки и технологию – «святая святых» чувственной истины.

Кризис в теоретической системе чувственной истины достаточно очевиден, а о практическом ее провале не приходится и говорить.

3) Практический провал декадентского эмпирицизма современной культуры обнаруживается в нашей все возрастающей неспособности управлять человечеством и ходом социально-культурных процессов, несмотря на оптимистический лозунг эмпирицизма: «*Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir*»^{43*}. Чем больше экономисты мудрят с экономикой, тем хуже она становится; чем больше политологи реформируют систему управления государством, тем больше государство нуждается в реформах; чем больше социологи, психологи, антропологи и юристы вмешиваются в дела семьи, тем больше семей разрушается; чем больше принимается «научных» решений проблемы преступности, тем больше возрастает преступность и т. д. Несмотря на все находящиеся в нашем распоряжении общественные и естественные науки, мы не способны ни управлять социально-культурными процессами, ни избегать исторических катастроф. Как бревно на краю Ниагарского водопада, нас швыряют туда-сюда непредвиденные и непреодолимые социально-культурные течения, и мы, беспомощные, оказываемся то в одном кризисе, то в другом, терпим то одну, то другую катастрофу. Не было достигнуто ни счастья, ни надежности, ни безопасности, ни даже материального благополучия. Только в некоторые периоды человеческой истории миллионы людей были такими же несчастными, незащищенными, голодными и обездоленными, как в настоящее время от Китая до Западной Европы. Войны, революции, преступления, психические заболевания, самоубийства свидетельствуют о глубоких недугах, причем некоторые из них в невиданных ранее масштабах. На наших глазах происходит «затемнение» человеческой культуры. Потерпев поражение в *savoir pour pouvoir*, чувственная наука потерпела еще более потрясающее поражение в *savoir pour prévoir*. Накануне войны большинство ученых предсказывали мир; накануне экономического краха и обнищания – «большее и лучшее» процветание; накануне революций – стабильный порядок и ускоряющийся прогресс. Часто пути и способы, рекомендуемые от имени науки для устранения нищеты, войны, тирании, эксплуатации и других социальных пороков, на самом деле способствовали их усилению (например, средства для спасения демократии способствовали ее ослаблению). Лучшего свидетельства руки Немезиды для односторонней чувственной истины и не требуется.

Таковы «как» и «почему» современного кризиса чувственной истины и таковы его симптомы. Подобно другим односторонним системам истины, имманентные силы эмпирицизма постепенно приводят его к разрушению. Западная культура сейчас на распутье. Она должна либо придерживаться своей устаревшей односторонней концепции истины, либо видоизменить свою односторон-

ность за счет слияния с другими системами. Если она предпочтет первое, то ей придется поплатиться всем своим творческим потенциалом и стать совершенно бесплодной и окаменевшей. Иной выбор приведет к восстановлению интегральной и более адекватной системы истины и ценностей.

Как видим, состояние чувственной истины (наука, философия, религия) чрезвычайно близко сложившемуся положению дел в изящных искусствах. Обе системы достигли стадии декаданса – переходного периода. Хотя они обе и внесли громадный вклад в общую сумму достижений человечества, в настоящее время они уже не в состоянии и дальше быть полезными. На горизонте появляются другие формы культуры, которым суждено осуществить, каждой по-своему, защиту творческой эволюции. Когда и эти формы, в свою очередь, исчерпают свою внутреннюю жизнеспособность, то, без сомнения, появится новая форма чувственной культуры. Таким образом, пока продолжается человеческая история, будет существовать и творческий «вечный цикл» культуры.

Глава четвертая

КРИЗИС ЭТИКИ И ПРАВА

---

1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная системы этики

Любое интегрированное общество имеет этические идеалы и ценности как наивысшее воплощение его этического сознания. Точно так же любое общество обладает своими правовыми нормами, которые определяют, какие формы поведения ожидаются, требуются и допускаются со стороны его членов, а какие запрещаются и наказываются. Этические идеалы и юридические нормы, однако, отличаются по своему характеру и содержанию в разных обществах, а зачастую и у отдельных людей. В обобщенном виде они создают идеациональную, идеалистическую и чувственную системы этики и права. Можно легко увидеть разницу между этими системами из следующих примеров высших этических идеалов.

Идеациональные этические нормы.

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут».

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что вам пить, ни для тела вашего, во что одеться».

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам».

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас».

«Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец Ваш Небесный».

«Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небесах»^{1*}.

Разнятся по форме, но схожи по содержанию этические системы индуизма, буддизма, даосизма, зороастризма, иудаизма и любых других идеациональных умонастроений. Все они видят высшую этическую ценность не в этом чувственном мире, а в сверхчувственном мире Бога или Абсолюта. Все они считают эм-

пирический мир чувств с его идеалами псевдоценностью или, в лучшем случае, малозначимой и второстепенной ценностью.

«Предпочтительное, воистину, одно, а приятное, воистину, другое. Оба они, служа различным целям, [как бы] связывают человека. Благо выпадает тому, кто принимает предпочтительное. Выбирающий приятное отходит от истинного назначения»^{2*}.

«Кто смотрит на мир, как смотрят на пузырь (как на мираж), того не видит царь смерти»^{3*}.

«Там, где барахтаются глупцы, у мудрого нет привязанности»^{4*}.

«Все идет к гибели, и нет ничего прочного. Всюду я вижу старость, недуги, смерть. Я же ищу блаженства, которое не вянет и не гибнет, которое не знает начала и одинаково взирает на друга и недруга, которое не нуждается ни в богатстве, ни в красоте, я ищу блаженства... в обители тихой, далеко от мира»^{5*}.

«Мудрец... преодолел привязанности и отрешился от мира»^{6*}.

«Даже ливень из золотых монет не принесет удовлетворения страстям. Мудр тот, кто знает: страсти болезненны и мало от них радости. Он... радуется только уничтожению желания»^{7*}.

«Я, которое тоньше тонкого и больше великого, помещено в сердце [каждого] живого создания. Не имеющий желаний человек, благодаря безмятежности органов, видит эту славу Я, и [оттого] свободен от скорби... Его называют великим мудрецом и великим человеком»^{8*}.

«У тех, кто постоянно бодрствует, денно и ночью учится и стремится к нирване, исчезают желания»^{9*}.

Так индуисты и буддисты выражают свое негативное отношение ко всем чувственным ценностям – богатству, золоту, удовольствию, власти.

Идеациональная этика направлена не на увеличение чувственного счастья и удовольствий этого мира, а на единение со сверхчувственным Абсолютом. Нормы такой этики рассматриваются как явленные Абсолютом или исходящие от него, поэтому они абсолютны, безусловны, неизменны, вечны. Ими нельзя пренебречь ни при каких обстоятельствах или во имя какой-либо другой ценности. Если реализация таких норм и дает в качестве побочного продукта счастье и радость, то они суть всего лишь побочный продукт, а не цель такой этики. Если нравственные заповеди приводят к чувственной боли или горю, то и это тоже не имеет значения. Дело в том, что все идеациональные системы относятся к чувственным удовольствиям негативно: или как к чистой иллюзии, или как к источнику несчастья, или как к препятствию на пути достижения потусторонней цели – Бога.

Чувственные этические нормы. Любая теория, признающая в рафинированной или грубой форме чувственное счастье, наслаждение, полезность, комфортность высшей ценностью, есть чувственная система этики. Все чисто утилитаристские, гедонистические и даже многие эвдемонистические системы

этики суть разновидности таких этических идеалов. Их догматы хорошо нам известны:

«Максимум счастья для максимального числа людей»^{10*}.

«Высшая цель – наслаждение».

«Будем есть, пить и веселиться, ибо завтра умрем»^{11*}.

«Вино, женщины и песня»^{12*}.

«Следуй своим желаниям, пока ты жив... Делай, что ты хочешь, на земле, не давай обессилеть сердцу»^{13*}.

«Наслаждайся жизнью, ибо она скоротечна».

«Не существует ни неба, ни окончательного освобождения, ни какой-либо души в ином мире... Пока есть жизнь, пусть человек живет счастливо, пусть он кушает все с радостью, если даже он задолжает из-за этого. Если тело становится пеплом, каким образом оно когда-либо сможет возродиться?»^{14*}

Лесбия – вот красота...
Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!..
Пусть заходят и вновь восходят солнца, –
Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали...^{15*}

Carpe diem^{16*}.

Quanto è bella giovinezza,
Che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia!
Di domain non c'è certezza^{17*}.

Cueillez, Cueillez votre jeunesse:
Comme à cette fleur la vieillesse
Fera ternir votre beauté^{18*}.

«Купи автомобиль и будь счастлив».

Таковы вечные китайские, индусские, греческие, итальянские, английские, американские, прошлые и настоящие постулаты более грубых и более утонченных чувственных систем этики. Их высшая цель увеличить сумму чувственного счастья, удовольствия и комфорта, ибо они не признают никакой сверхчувственной ценности. Их нормы относительны, а не абсолютны, целесообразны и изменчивы в зависимости от людей, групп и обстоятельств,

в которые они вовлечены, а потому рассматриваются как созданные человеком. Если они служат целям счастья, то они принимаются, если нет, то напроць отвергаются.

Идеалистические этические нормы. Идеалистические нравственные нормы представляют собой промежуточный синтез идеациональных и чувственных ценностей. Подобно идеациональной этике, этика идеалистическая видит высшую ценность в Боге, или Абсолюте, но в отличие от идеационализма она положительно оценивает те чувственные ценности, которые благородны и не противоречат Абсолюту.

Подобных постулатов не счесть.

«Полное счастье человека не может быть не чем иным, кроме как видением божественной сущности» (Фома Аквинский. Сумма теологии. II, I, q. 3, a. 8).

«В убеждении, что душа бессмертна и способна переносить любое зло и любое благо, мы все всегда будем держаться высшего пути и всячески соблюдать справедливость вместе с разумностью, чтобы, пока мы здесь, быть друзьями самим себе и богам... и в том тысячелетии странствии... нам будет хорошо» (Платон. Государство, 621 c-d).

«[Высшее благо или совершенно счастливая жизнь] будет выше той, что соответствует человеку, ибо так он будет жить не в силу того, что он человек, а потому, что в нем присутствует нечто божественное... насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе» (Аристотель. Никомахова этика, 1177b).

«Помни о смерти... Имущество не создает счастья. Богатство непостоянно. Не ешь хлеба, когда другой испытывает нужду, но и не протягивай ему руку с хлебом... Будь благочестивым, усердным. Не будь пьяницей. Веди честную жизнь. Будь уважительным. Учись, ибо знания полезны... Проявляй заботу о женщинах».

«Удовольствие тленно, оно проходит, как сон. Познав его, человек в конце встречает смерть» (Древнеегипетские нравственные заповеди).

Эти постулаты колеблются от высочайшего идеационально-идеалистического уровня до почти утилитарно-чувственного, как, например, в моральных принципах Древнего Египта. Но первые три постулата представляют собой разновидность идеалистической этики. Они фактически сливаются с эвдемонистической этикой.

Более того, в течение истории греко-римской и западноевропейской культур то одна, то другая из этих трех систем этики занимала господствующее положение в обществе. Каждая из них доминировала примерно в те же периоды, когда господствовали идеалистическая, чувственная или идеациональная системы искусства и истины. Греческая этика с VIII по V вв. до нашей эры была главным образом идеациональной – это этика Гесиода, Эсхила, Софокла, Геродота, Пиндара и других. Иначе не объяснишь «гнева богов» в их драмах и поэзии, их религию и нравы. Трагедия пришла к Эдипу не по его вине. Он воистину делал все, что было в его силах, дабы избежать преступлений отцеубийства и женитьбы на своей матери, но рок навязывает ему эту трагедию. С нашей точки зрения последующая кара –

совершенно незаслуженная. Видимо, такова и точка зрения Софокла. Однако его идеациональная этика страстно требует искупления за любое нарушение абсолютных моральных принципов, независимо от того совершено оно преднамеренно или нет. Такова и позиция Пиндара, Эсхила, Геродота и господствующей религиозной морали того периода. Вместе с Пиндаром греки того времени считали, что «человеческое счастье недолговечно» и что оно далеко не главная ценность.

Эта этическая система начала разрушаться в V в. до н. э. и вытесняться идеалистической этикой Сократа, Платона и Аристотеля с ее нормами, о которых мы уже говорили выше. Период с III в. до н. э. по IV в. н. э. отмечен чувственной этикой в ее более благородных стоических и эпикурейских формах и в грубых формах чистого гедонизма и завета *Carpe diem*^{19*}. Даже на могильных камнях были начертаны такие вульгарные чувственные сентенции, как «Es, bibe, lude, veni»^{20*} или «Станем есть, пить и веселиться, ибо завтра умрем».

С IV в. н. э. идеациональная этика христианства постепенно достигает главенствующего положения в обществе и культуре, которое остается неоспоримым вплоть до XIII в. Мы хорошо знаем все эти принципы. В самом чистом виде они обобщены в Нагорной проповеди Иисуса Христа. Исходящие от Бога моральные ценности христианской этики суть абсолюты. Их основной принцип – всеобъемлющая, всепоглощающая и всепроникающая любовь Бога к человеку, человека к Богу и человека к человеку. Их пафос и характер происходят из безграничной любви, из божественной милости, долга и жертвенности, заложенных в них. Благословенный божьим даром человек – это чадо Божье, и он освящен этим родством, вне зависимости от расы, пола, социального положения, возраста, он сам по себе наивысшая ценность. Считая свои принципы абсолютными, христианство поднимает человека до высочайшего уровня святости и защищает его от использования в качестве средства достижения цели. Невозможно большее прославление или освящение человека, чем то, которым его удостоила идеациональная этика христианства.

Из этой характерной черты христианской этики следовала средневековая (отрицательная или нейтральная) оценка всех ценностей чувственного мира как таковых, начиная от богатства, наслаждения и полезности до чувственного счастья, если оно отделено от сверхчувственной ценности.

«Memento, homo, quia pulvis es et in pulverem revertis»^{21*}.

«Тот, кто любит Христа, равнодушен к миру сему».

Это отношение подчеркивается средневековым монашеством и аскетизмом, средневековым воззрением на жизнь как на всего лишь мучительную подготовку для перехода с грешной земли в вечный град Божий.

Эта строго идеациональная система этики уступила место менее жесткой идеалистической системе этики XIII–XV вв. В XIV–XV столетиях вновь воз-

рождается чувственная этика, эра процветания которой наступила в следующее столетие Ренессанса и Реформации. Гедонизм^{22*}, чувственность и язычество этики Ренессанса хорошо известны. Общеизвестна чувственность, утилитарность, цинизм и нигилизм в учениях этого периода и в образе жизни его лидеров. Особенно это типично для Ренессанса во Франции и Италии. Менее сенсуалистической, хотя чувственной и утилитарной, была этика большинства сект Реформации, за исключением, возможно, аскетической этики протестантизма (кальвинизм, пиетизм, методизм). Хотя и скрытый за идеациональной фразеологией, характер этики протестантизма был главным образом утилитарным и чувственным. Умение делать деньги было объявлено признаком божьей милости; более того, оно провозглашалось первейшей обязанностью: «Мы должны призвать всех христиан зарабатывать, насколько они смогут, и сберегать все, что удастся; именно благодаря этому они станут богатыми», – проповедует Джон Уэсли. А вот утверждение Бенджамина Франклина: «Честность полезна, ибо она приносит кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества *именно поэтому и являются добродетелями...* Помните, что время – деньги... Помни, что деньги по природе своей плодородны»^{23*}. Подобные взгляды проповедаются и представителями других протестантских течений. Раннее и средневековое христианство провозглашало богатство источником вечных мук: умение делать деньги – *summae periculosae*^{24*}, выгоду – *turpe lucrum*^{25*}, ростовщичество – тяжким преступлением, богатого человека – первым кандидатом на проклятие, которому труднее будет войти в царство Бога, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко; или, как выразил эту мысль Анатолий Франс, «*la miséricorde de Dieu est infinie: elle sauvera même un riche*»^{26*}. Но Реформация и Ренессанс изменили эту точку зрения. «По воскресеньям он [пуританин] верит в Бога и Вечность, в будни – в фондовую биржу. По воскресеньям его главная книга – Библия, в будни его Библией становится гроссбух»^{27*}. В результате мы наблюдаем параллельный рост протестантизма, паганизма^{28*}, капитализма, утилитаризма, чувственной этики в течение всех последующих столетий. Последние четыре столетия явились свидетелями главенства чувственной этики в западном обществе. Хотя в количественном отношении, как показывают исследования, доля ее была меньшей, чем доля идеациональной и идеалистической систем, с качественной точки зрения она, несомненно, была господствующей системой, так как многие ее элементы пронизывали формальные принципы идеациональной и идеалистической систем нынешних четырех столетий и вытесняли их.

Следующая таблица, представляющая процентное соотношение сторонников абсолютной (идеациональной и частично идеалистической систем) и относительной чувственной этики счастья (гедонизма, утилитаризма, эвдемонизма) среди других ведущих этических течений, дает нам более точное представление об этих изменениях.

<i>Периоды</i>	<i>Чувственная этика счастья</i>	<i>Абсолютная идеациональная этика</i>
400–500 н.э.	0	100
500–600	0	100
600–700	0	100
700–800	0	100
800–900	0	100
900–1000	0	100
1000–1100	0	100
1100–1200	0	100
1200–1300	0	100
1300–1400	0	100
1400–1500	8,7	91,3
1500–1600	43,5	56,5
1600–1700	38,4	61,6
1700–1800	36,3	63,7
1800–1900	38,0	62,0
1900–1920	43,0	57,0

В средние века, как видим, чувственная этика практически отсутствовала, однако, появившись в ясно очерченной форме лишь в XV в., она добилась быстрого роста в XVI в. и, сохраняя с минимальными отклонениями высокий уровень, достигла пика в период Ренессанса и Реформации, а также в нынешнем столетии. Диаграмма 6 показывает эти сдвиги графически. Глядя на движение чувственной этики счастья, мы ясно видим периоды ее взлетов и падений с 500 г. н. э. до 1900 г.

Похожую картину рисуют и нижеследующие цифры, показывающие процентное содержание сторонников абсолютных и релятивистских (этических, интеллектуальных и эстетических) ценностей среди выдающихся мыслителей в каждый отдельный исторический отрезок времени.

<i>Периоды</i>	<i>Релятивизм</i>	<i>Абсолютизм</i>
400–500	0	100
500–600	0	100
600–700	0	100
700–800	0	100
800–900	0	100
900–1000	0	100
1000–1100	0	100
1100–1200	0	100
1200–1300	0	100
1300–1400	20,8	79,2
1400–1500	23,1	76,9
1500–1600	40,4	59,6
1600–1700	38,0	62,0
1700–1800	36,8	63,2
1800–1900	37,9	62,2
1900–1920	48,6	51,4

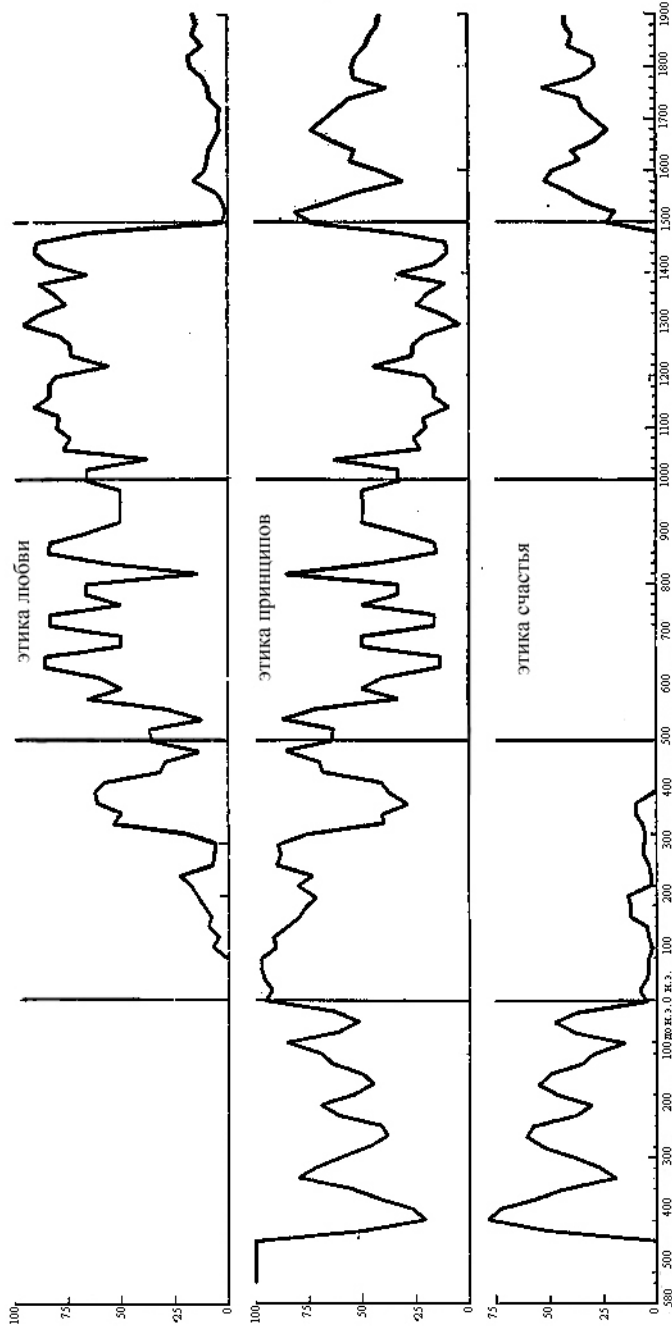

ДИАГРАММА 6

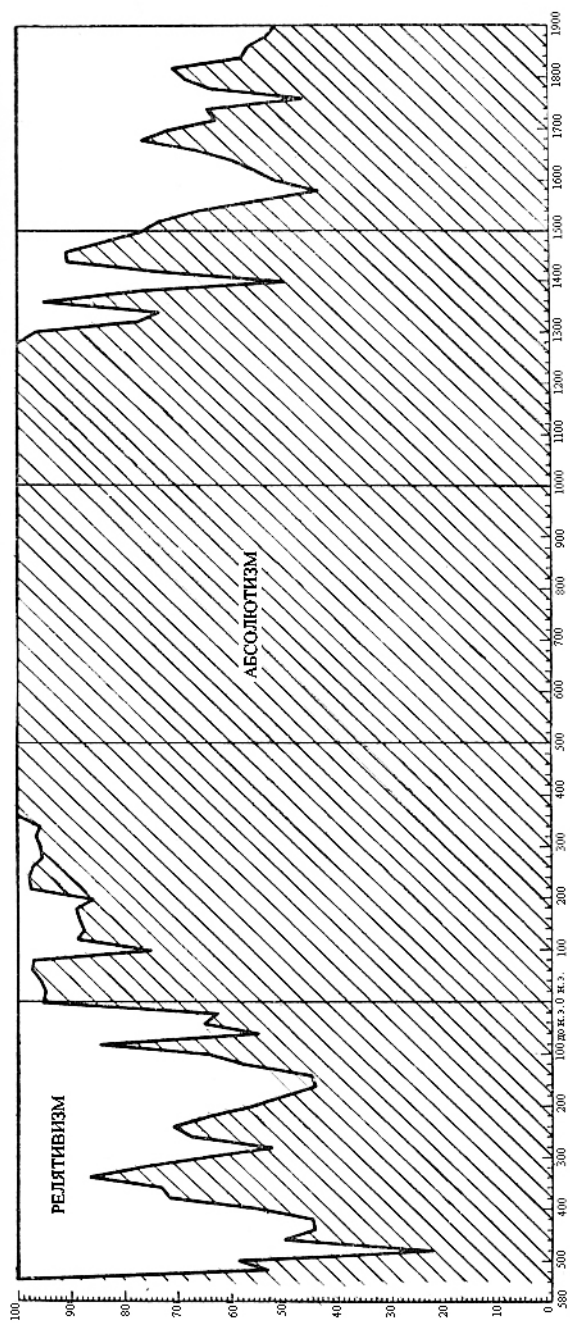

ДИАГРАММА 7

Эта таблица показывает, как релятивизм высших ценностей от этического summum bonum^{29*} до истины и красоты, отсутствующих в средневековый период, возродился в XIV в. и по мере возрастания, с незначительными отклонениями в последующие века, достигает своего максимума в нынешнем столетии. Эти цифры и диаграмма 7 свидетельствуют о прогрессирующей релятивизации всех ценностей, как помянутых нами в предыдущем повествовании, так и тех, о которых еще будет идти речь, релятивизации, которая стремится лишить ценности самой сути, чтобы они не могли далее быть ни нормами, ни ценностями. Однако факт количественного преобладания абсолютизма (51,4%) над релятивизмом (48,6%) не должен вводить нас в заблуждение. Малая порция виски или несколько капель яда способны отравить или интоксигировать всю воду.

Следует помнить об этом и применительно к релятивизму и некоторым другим обсуждаемым вопросам. Суть дела, видимо, в относительном увеличении или уменьшении каждого изучаемого направления. Скачок релятивизма, скажем, от 40% до 48% достаточен, чтобы ослабить, раздробить, разрушить этические или любые иные ценности. Что касается всех этих ценностей, то мы живем в век их чрезвычайной релятивизации и разрушения. Они, в свою очередь, являются показателем умственной и моральной анархии, ибо ценность, которая больше не универсальна, становится псевдоценностью, игрушкой индивидуальных фантазий и стремлений (Social and Cultural Dynamics, vol. II, chaps. 13–15).

2. Идеациональная, чувственная и идеалистическая системы права

Идеациональное право. Интегрированные системы права также представлены идеациональной, идеалистической и чувственной формами. Идеациональный свод законов рассматривается как данный Богом или Абсолютом. Главным образом он – jus divinum, jus sacrum^{30*}. Его нормы считаются заповедями Бога. Как таковые они становятся абсолютными, хотя и не отвергают в принципе утилитарные или некоторые другие соображения. Чаще всего в эти правила нельзя вносить никаких изменений. Вот типичные примеры подобной правовой системы.

«Итак, Израиль, слушай постановления и законы, которые я научаю вас исполнять, дабы вы были живы и пошли и наследовали ту землю, которую Господь, Бог отцов ваших, дает вам. Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедую» (Второзаконие, 4, 1-2).

«Во имя сохранения всего сотворенного Всемогущий Бог предопределил и отдельные обязанности тем, кто произошел из его уст, рук, бедер, ног... Бог создал... наказание, охранителя всех живых существ, воплощение закона, полного блеска Брахмы» (Законы Ману, I, 31; VII, 14).

«Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из запо-

ведей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Евангелие от Матфея, 5, 18–19).

Нормы идеационального закона не направлены на увеличение чувственного счастья, удовольствия или полезности. Их нужно беспрекословно выполнять как заповеди всеведущего и сверхсправедливого Абсолюта. Мы можем отнюдь не всегда понимать их мудрость, они могут оказаться непостижимыми, как непостижимы пути Провидения. Но несмотря на это их мудрость и справедливость неоспоримы. Будучи таковыми, идеациональные законодательные своды защищают многие ценности, которые, по-видимому, не имеют чувственной утилитарности и удовольствия. С другой стороны, они запрещают многие удовольствия, считая их греховными. Их нормы всегда содержат большую долю заповедей, относящихся к Абсолюту, к религиозным верованиям, ритуалам, религиозному поведению, а также к образу мысли и формам поведения, которые освящают или очищают все важные события повседневной жизни человека, такие как рождение (крещение), бракосочетание (венчание) и смерть (отпевание). Почти все их нормы проникнуты главной идеей содействия союзу человека с Абсолютом и его очищения как в случае нарушения заповедей, так и совершения преступления или греховного проступка.

В таких законодательных сводах преступление синонимично греху, так же как и послушание закону тождественно послушанию Богу и спасению. Поэтому *в уголовном праве идеациональный свод законов всегда содержит среди наказуемых и запрещенных действий много таких актов, которые нарушают предписываемые правила в отношениях человека к Богу и сверхчувственным ценностям.* Предписания, направленные против ереси, отступничества, святотатства, богохульства; несоблюдения дня субботного или другого святого дня; нарушение религиозных обрядов; несоблюдение святых церемоний крещения, венчания и похорон; нарушение священных запретов, относящихся к бракам между родственниками, людьми разной веры, неверующими и т. д., – все эти законы содержат множество санкций против подобных актов. *Их система кар тоже строится не только на чувственных наказаниях, но и на сверхчувственных.* Наказания ранжируются от проклятия грешника, а часто и его потомства, предания его аду или чистилищу, вплоть до полного отлучения его от церкви, лишения таинства исповеди и отправления религиозного обряда захоронения и т. д. Суть кар заключается в большой степени не столько в предотвращении преступления, в перевоспитании грешника или в защите утилитарных интересов общества, сколько именно в *искуплении* греха, совершенного против Бога: любое нарушение абсолютной нормы требует защиты самой нормы и не может обойтись без искупления совершенного греха. Преступник всегда *sacer esto*^{31*}; поэтому он должен быть наказан вне зависимости от того, является ли с чувственной точки зрения такое наказание полезным для общества и для обвиняемого или нет. Более того,

система судебных доказательств такого права имманентно включает в себя ряд сверхчувственных свидетельств в форме ордалий, «божественных показаний», высказываний оракулов, пророков, пифий и других «сверхъестественных методов» для определения виновности или невиновности обвиняемого. Система судебных показаний основана на признании вмешательства Абсолюта в юридические дела. Почти каждое юридическое действие, будь то обмен или покупка собственности, заключение контракта или выплата долга, *расписывается до мельчайших деталей через декларирование определенных священных формул, священных действий, не оставляющих какой-либо возможности изменить что-либо, пусть даже одну-единственную букву или деталь, в этой сакральной процедуре.* Точно так же, как не допускается никакое изменение в каком-либо важном религиозном ритуале, никакое изменение не допускается и в юридической процедуре в интересах вовлеченных в нее сторон или кого-либо еще. Например, в римском праве на ранней идеациональной стадии, когда предмет судебного разбирательства было владение определенными типами собственности, истец начинал процедуру, держа в руках специальную палку (*vindicta* или *festusa*^{32*}), произносил при этом стереотипную и неизменную вступительную фразу: «*Hanc ego rem ex jure Quiritium meam esse ajo: sicut dixi, ecce tibi vindictam imposui*»^{33*}. Ответчику также приходилось держать слово, прибегая к столь же застывшим фразам. Вся юридическая процедура была священным ритуалом, таким же заформализованным, как и все религиозные таинства. Причина такого формализма идеационального закона и юридической процедуры заключается в том, что они суть всего лишь разновидности религии и религиозного ритуала, предписанного Богом, и поэтому неизменны. Наконец, *судьи в такой системе права прямо или косвенно всегда одновременно выступают священниками, епископами или другими членами священнических орденов, которым помогают оракулы, пророки, проповедники, святые и т. д.* Короче говоря, нормы закона – абсолютны и жестки; методы его применения столь же абсолютны и формальны. Не допускается никакой неясности, неопределенности, относительности, двусмысленности или усомнения в годности. Юридическое сознание идеационального общества ясно, свободно от всяких сомнений, не допускает критики и обсуждения. Оно воплощает в деталях основную посылку идеационального мышления.

Соответственно, идеациональное право совершенно не руководствуется соображениями пользы, выгоды, целесообразности и чувственного благополучия даже в таких утилитарных делах, как производство, обмен и потребление экономических ценностей – как торговля и коммерция, прибыль и прирост, собственность и владение, рента, отношения между предпринимателями и служащими, другие экономические связи и отношения собственности. Наоборот, все они подчинены идеациональным нормам и допустимы лишь до тех пор, пока не противоречат идеациональным ценностям. Если они вступают в противоречие

с этими нормами и ценностями, то они либо отвергаются, либо запрещаются и становятся наказуемыми вне зависимости от их полезности для общества или интересов вовлеченных во взаимодействие сторон. Этим объясняется изгнание Иисусом торговцев из храма в Иерусалиме с упреком: «Дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников»^{34*}. Христос учил: «И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»^{35*}, – отсюда и те запреты, которые накладываются каноническим правом и христианской моралью на ростовщичество, прибыль, стяжательство и на другие экономические, – доходные и полезные, – виды деятельности. Вся подобная деятельность ограничивается или подчиняется идеациональным ценностям. Применимо это также и к личным отношениям в браке и семье, ибо брак создан не для счастья. Он рассматривается как священный союз, и поэтому, согласно средневековому христианскому обычаю, развод был невозможен, независимо от того, счастливой или несчастной остается при этом семейная пара. Короче говоря, идеациональные ценности в таких законодательных сводах доминировали над всеми другими ценностями.

Все это распространяется и на любое другое сообщество людей, контракты, общественные отношения, подпадающие под идеациональный закон. Социальные связи никогда не являются результатом свободного выбора заинтересованных сторон или грубого насилия над слабым. Они ограничены многими условиями и подчинены требованиям сверхчувственных ценностей. Такой законодательный базис не допускает свободных связей и соглашений или неконтролируемого принуждения в человеческих отношениях, какими бы полезными, приятными или удобными они ни были для вовлеченных сторон. Идеациональный закон не только урезает договорные отношения, запрещает или сдерживает принудительные отношения между индивидами и группами, он еще предписывает людям быть братьями, бескорыстными, сострадательными, щедрыми, сплоченными и солидарными, помогать друг другу, любить друг друга, уважать друг друга, так как все люди – дети Бога или Абсолюта, и тогда неважно, являются ли такая помощь, любовь, бескорыстие и взаимовыручка полезными, приятными и желанными. Все это требуется как долг христианина, жертва, необходимая Абсолюту. Это двуединство, выраженное в божественной авторитарной регуляции социальных отношений: 1) посредством негативного ограничения связей и принуждений, противоречащих абсолютным нормам Бога, и 2) посредством позитивной стимуляции долга, жертвенности, любви, бескорыстия и доброй воли, не принимая во внимание соображения выгоды, полезности, удовольствия и счастья, – есть специфическая черта идеационального закона.

Наконец, *такой кодекс считает легитимной лишь ту власть, которая исходит в конечном счете от Абсолюта, а не от физической силы, богатства или народного волеизъявления.* Правительство, обладающее властью, основанной

не на санкции Абсолюта и не подчиняющееся его заповедям, недействительно для такой системы права и общества. Оно расценивается как деспотичное, тираническое, не имеющее право распоряжаться и достойное лишь того, чтобы быть низвергнутым. Поэтому в обществах, управляемых идеациональным правом, политический режим всегда явно или скрыто *теократический*.

Таковы вкратце типичные черты идеационального права. Эти черты можно встретить в светском и каноническом законах средневековой Европы, браминской и индуистской Индии, Тибета, в праве раннеархаических Рима и Греции, в государстве инков и в любой другой идеациональной культуре.

Чувственное право представляет собой совершенно иную картину. Оно рассматривается чувственным обществом как созданное человеком, в действительности же является инструментом подчинения и эксплуатации одной группы другой. Его цель исключительно утилитарна: сохранение человеческой жизни, охрана собственности и имущества, мира и порядка, счастья и благополучия общества вообще и господствующей элиты, которая устанавливает и проводит в жизнь чувственный закон. Его нормы относительны, изменяемы и условны: ряд правил, целесообразных при одних обстоятельствах или для одной группы людей, становится бесполезным или даже вредным при иных обстоятельствах и для другой группы лиц. Законы поэтому предрасположены к постоянным изменениям. В такой системе права не заложено ничего вечного и святого. Она не пытается регулировать сверхчувственные ценности или направить в их русло человеческие отношения. Она содержит, если вообще содержит, мало положений, касающихся отношений человека к Богу, спасения души или других трансцендентальных явлений. Уголовный кодекс чувственного права фактически игнорирует идеациональные преступления: ереси, отступничество, святотатство и т. п. Ее кары целиком чувственные, лишенные сверхчувственных санкций. Их цель – не искупление, а возмездие, перевоспитание преступника, безопасность общества и подобные утилитарные соображения. Так как право это по природе своей светское, то оно не дополняется какими-либо священными или каноническими установлениями. Его система юридического наказания неизменно чувственна, не допускаются ни «суд Божий», ни испытания огнем и водой. Его судьи – светские лица. Правила и процедуры гибки, изменяемы, свободны от жесткой формальности идеационального закона. Личные и имущественные отношения людей управляются целиком с точки зрения их целесообразности, полезности и чувственного благополучия либо общества в целом, либо правящей элиты. Сверхчувственные ценности и соображения не играют существенной роли в ограничении этих утилитарных или чувственных мотивов или контроле над ними.

Социальные отношения, регулируемые чувственным правом, также становятся предметом чувственных утилитарных соображений. Такая регуляция не требует какой-либо божественной авторитетной санкции. Все отношения – либо договорные (на основе совместного соглашения сторон), либо общеобя-

зательные (навязываемые сильными слабым); все они санкционированы законом. Существующие ограничения свободы договора или принуждения вводятся по чувственным или утилитарным соображениям. Никакие неутилитарные или антиутилитарные ограничения не налагаются на имущественные, личные или какие-либо другие отношения, если этого не требуют интересы других групп. Во всех отношениях вся система правовой регуляции строится на чувственной основе и определяется почти исключительно чувственными мотивами.

Наконец, *правительство, которое устанавливает и проводит в жизнь такой кодекс, – не теократическое, а светское, опирающееся либо на военную и физическую силу, на богатство и способности, либо на доверие избирателей.* Так как для легальности авторитета права не требуется никакой божественной или сверхчувственной санкции, то нет и возможности для возвышения влиятельной теократической власти.

Таковы основные характеристики чувственного права, будь то право западноевропейских держав последних нескольких столетий, право чувственного периода истории Греции и Рима и других чувственных культур.

Идеалистическое право, в свою очередь, занимает промежуточное положение между правом чувственным и идеациональным.

3. Смена периодов господства идеационального, идеалистического и чувственного права

В области этических идеалов, изящных искусств и систем истины каждая из этих трех форм права в истории греко-римской и западной культур поднималась до господствующего положения и затем вновь приходила в состояние упадка, уступая место другой законодательной системе. Ранний греческий и римский закон до V в. до н. э. был главным образом идеациональным. Он был преимущественно *jus divinum* или *sacrum*^{36*} со жрецами в качестве верховных правителей, законодателей, судей, с юридическими нормами, предписанными богами. Поэтому он был священным и незыблемым. Правонарушитель становился *sacer esto*^{37*}. Целью наказания было искупление. По словам некоторых историков, религия в Древней Греции «была абсолютным законодателем; государство представляло собой религиозное сообщество, царь был в то же время и первосвященником, а судья – лицом духовного сана; закон считался священной формулой, патриотизм приравнивался к благочестию, а изгнание – отлучению от богов»^{38*}. По мнению других исследователей, в Древнем Риме (510 г. до н. э.) правитель был верховным понтификом (*pontifex maximus, rex sacrificulus*^{39*}). «Он имел дело с богами общины, которых он вопрошал и умолиствовал (*auspicia publica*^{40*}); он же назначал всех жрецов и жриц»^{41*}. Уголовный закон был сакральным; боль-

шинство тяжких преступлений носило религиозный характер. Словом, ситуация демонстрировала все характерные черты идеационального права. К концу VI в. до н. э. появились симптомы упадка, а в V в. возрождаются элементы чувственного права. В период между III в. до н. э. и V в. н. э. чувственное право вырастает до господствующего в античном обществе положения, раскрывая все свои типические черты. Триумф христианства приводит к восхождению идеационального права, который после V в. н. э. становится господствующим и остается таковым до конца XII в. В этот период христианское право средневековой Европы (светское и каноническое) приобрело все типичные черты права идеационального. Средневековое уголовное законодательство, по сравнению с правом языческих племен и позднеримским правом, вводит много новых, жестоко наказуемых преступлений чисто религиозного характера, таких как богохульство, отступничество, ересь, раскол, колдовство, препятствие проведению религиозных служб, несоблюдение религиозных обрядов, дня воскресения, нарушение «Божественного порядка», надругательство над трупами, самоубийство, ростовщичество, связь с евреями, похищение людей, адюльтер, сводничество, кровосмешение, внебрачная связь, аборт и т. д. Большинство из этих «новых» преступлений с чисто утилитарной или гедонистической точки зрения вовсе не обязательно вредны и губительны для заинтересованных сторон. С идеальной же христианской точки зрения они являются нарушением заповедей Бога, нарушением идеациональных ценностей, а потому считаются криминальными и наказуемыми.

Переходя от сводов средневекового права к кодексам XVII в. и более поздних столетий, большинство из этих нарушений перестают считаться преступлениями и исключаются из списка криминальных и наказуемых. Оставшиеся же «криминальными» изменили свою природу и караются по чисто утилитарным причинам. Поворотный момент в продвижении к чувственному уголовному праву наступает с введением советских законов 1926–1930 гг., когда все религиозные преступления были отменены, а с ними и многие нарушения, связанные с попранием идеациональных ценностей. Обольщение, адюльтер, полигамия, полиандрия^{42*}, кровосмешение, содомия, гомосексуализм, внебрачные связи, непристойное поведение в публичных местах перестали считаться преступлениями. Все такие действия стали некриминальными. Подобное изменение произошло и в области гражданского и конституционного права. Практически во всех западных странах законы стали почти полностью чувственными и остаются преимущественно таковыми по настоящее время.

Рассмотрим теперь современный кризис нравственных идеалов и права. Поскольку господствующие формы морали и права в западноевропейских странах чувственные, то и кризис, очевидно, будет заключаться в разрушении чувственной этики и чувственного права (Social and Cultural Dynamic, vol. II, chap. 15; vol. III, chap. 5).

4. Разрушение чувственной этики и чувственного права

Суть кризиса заключается в прогрессирующей девальвации этических и правовых норм. Девальвация зашла уже так далеко, что сколь бы странным это ни показалось, но этические и правовые ценности потеряли свой престиж. В них уже вовсе нет той былой святости, в которую первоначально они облекались. Все больше и больше на истинные нравственные ценности смотрят, как на всего лишь «рационализации», «дервации» или как на «красивые речевые реакции», маскирующие эгоистические, материальные интересы и стяжательские мотивы индивидов и групп. Постепенно их начинают интерпретировать как дымовую завесу, скрывающую прозаические интересы, эгоистичные желания и особенно страсть к материальным ценностям. Подобным образом юридические нормы все больше и больше рассматриваются как орудие в руках стоящей у власти элиты, эксплуатирующей другие, менее влиятельные, группы населения. Иными словами, они являются своего рода уловкой, к которой прибегает господствующий класс для того, чтобы держать в повиновении и контролировать подчиненные классы. И юридические и этические нормы стали всего лишь румянами и пудрой для того, чтобы сделать макияж неприглядному лицу экономических интересов Маркса, «остаткам» Парето^{43*}, либидо Фрейда, «[внутренним] интересам» Ратценхофера^{44*}, комплексам, стимулам и доминирующим рефлексам других психологов и социологов. Они превратились в простые дополнения к полиции, тюрьмам, электрическому стулу, «выкручиванию рук» и другим формам проявления физической силы. Они потеряли свой моральный престиж, деградировали и опустились до статуса средства, используемого умными плутократами для одурачивания эксплуатируемых простаков. С потерей престижа они постепенно утрачивают и свою контролирующую и регулирующую силу – важный фактор человеческого поведения. Их «ты не должен» и «ты должен» как моральные императивы все меньше и меньше определяют поведение людей и приводят его в соответствие с нормами, а их роль постепенно сводится к нулю. Логически возникает вопрос: «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям?»^{45*}.

Утратив свою «соленость» и действенность, они открыли путь грубой силе как единственному сдерживающему фактору в человеческих отношениях. Если ни религиозные, ни этические, ни юридические ценности не контролируют наше поведение, то тогда что же остается? Ничего, кроме грубой силы и обмана. Отсюда – современное «сила есть право». И в этом основная черта современного кризиса в этике и праве.

Кризис не пришел неожиданно-негаданно. И разразился он не в силу некоего непредвиденного фактора, расположенного вне чувственной этики и права. Наоборот, он медленно накапливался в самой чувственной системе в ходе ее

развития, поскольку скрытые в системе болезнетворные микробы размножались все больше. Самые ранние стадии чувственной этики и права – лишь инкубационный период современного кризиса. Благодаря святости и ореолу идеациональных этических ценностей нормы ранней чувственной этики и права еще рассматривались как священные и разумные, они все еще обладали моральным престижем и поэтому были действенной и по-своему справедливой регулирующей силой. В процессе дальнейшего разрушения идеациональной системы и заметного роста чувственной этики и права эти пагубные микробы становились все более опасными. Накапливая свой потенциал, они все сильнее подрывали и разрушали чувственные ценности, лишая их постепенно святости и престижа, покуда последние и вовсе не утратили окончательно своего ореола.

Эти ядовитые бактерии чувственной этики и права были заложены в утилитарной и гедонистической, т. е. в релятивистской и условной природе этических и юридических ценностей. Любая чувственная ценность, так как она приравнивается к утилитарной и относительной условности, обязательно регрессирует, становясь все более и более относительной и условной, пока наконец не достигнет стадии «атомизации» в своем релятивизме и стадии полной произвольности и еще более тонкой и менее универсальной условности. Конечная стадия – полное банкротство. Это краткий очерк того, как и почему «соль» чувственных этико-правовых норм потеряла свой специфический вкус. Если суть моральных и правовых норм сводится к полезности и к чувственному наслаждению, то каждый вправе следовать этим ценностям *ad libitum*^{46*}. Так как удовольствие, полезность и чувственное наслаждение разнятся у отдельных людей и народов, то и следуют они им, как пожелают, достигают их средствами, имеющимися в их распоряжении. Так как нет конечного предела чувственным желаниям, охватывающим все чувственные ценности, то доступное количество этих ценностей становится недостаточным для удовлетворения всех желаний и потребностей групп и индивидов. Смерть этих ценностей и норм привела, в свою очередь, к конфликту между людьми и группами. А при таких обстоятельствах борьба непременно становится острее, интенсивнее и разнообразнее и по своим средствам, и формам. Конечным результатом этого процесса будет появление грубой силы, которой содействует обман, как высшего и единственного арбитра всех конфликтов. При таких условиях никакая логика, философия и никакая наука не могут призвать на помощь трансцендентальную ценность, чтобы ослабить борьбу и отделить справедливый моральный релятивизм от несправедливого, правильные средства достижения счастья от неправильных, отделить моральные обязанности от эгоистических потребностей, право от силы. Кроме субъективной полезности и наслаждения, относительности и условности, у чувственной этики и чувственного права нет абсолютного судьи, нет универсального и объ-

ективного критерия для решения конфликтных проблем. Поэтому мы выводим неизбежную «атомизацию» и самоуничтожение чувственной системы ценностей из самого процесса ее исторической эволюции.

Мыслители чувственной культуры XIV–XVI столетий, когда она снова появилась и начала оказывать влияние на умы, уже хорошо осознавали эту опасность и пытались подкрепить чувственную этику и право путем «мифологизации» религиозной и идеациональной морали. Если вспомнить хотя бы Пьера дю Буа, Н. Макиавелли, Марсилия Падуанского и Ж. Бодена, то все они предупреждали, что чисто чувственный контроль над людьми со стороны полицейских чинов и других носителей власти совершенно недостаточен. Поэтому они призывали к возрождению, пусть даже и искусственному, регулирования через абсолютистскую, религиозную и идеациональную моральную мифологию. Священник, играющий на чувстве «боязни ада», призван был дополнить полицию и тюрьму. Законодатели должны были вновь «изобрести» Бога, от которого ничего нельзя скрыть и который контролирует соблюдение закона потенциальной возможностью сверхчувственных кар. «Мудрый политик всегда будет уважать религию, даже если сам он не верит», – так гласит одно из положений основоположников чувственной этики. К сожалению, они забывали, что если религиозные и идеациональные нормы суть всего лишь искусственная мифологема, изобретенная как полезное дополнение к жандармерии и виселицам, то такая иллюзия может существовать недолго – до тех пор, пока все не поймут, что все это – фикция. Когда же обман будет раскрыт, то сами чувственные ценности не смогут не потерять своего «достоинства», а вследствие этого и своего престижа и контролирующей силы. Без нее они потеряют свою действенность как чувственные нормы, и их все равно придется заменить простой физической силой.

Вступив на историческую арену как наследник и заместитель христианской морали и законности, современная система чувственной этики и права в процессе своего поступательного развития сеяла семена деградации человека и самих нравственных ценностей. Объявляя их чистыми условностями, она низводила их до уровня утилитарных и гедонистических конструкций, меняющихся во времени и пространстве. Если они считались подходящими для определенного человека или некой группы, то они принимались, в противном случае их отвергали как лишние препятствия. Таким образом, в мир моральных ценностей был введен принцип безграничного релятивизма, произвол которого порождает конфликты и борьбу, что, в свою очередь, вызывает ненависть, диктат грубой силы и кровопролитие. В хаосе конфликтующих друг с другом норм моральные ценности превращаются в прах, постепенно теряют свою интегрирующую силу и открывают путь грубому насилию. Пафос объединяющей христианской любви уступает место ненависти: ненависти человека к человеку, класса к классу, нации к нации, государства к государству, расы к расе. Физическая сила становится

эрзацем права. *Bellum omnium contra omnes*^{47*} подняла свою уродливую голову. Именно с этим мы сейчас и сталкиваемся.

Едва ли есть общая этическая ценность, связывающая коммунистов и капиталистов, гитлеровцев и евреев, итальянцев и эфиопов, союзников и нацистов, католиков и атеистов, мультимиллионеров и обездолженных, нанимателей и наемных работников, эксплуататоров и эксплуатируемых и т. д. Их юридические и этические ценности противоположны и совершенно несовместимы. То, что одна группировка объявляет добром, другая клеймит как зло. Трагедия, однако, в том, что нет чувственного арбитра, приемлемого для всех группировок, чье решение одинаково авторитетно для всех. Если случайный примиритель и пытается выступить в роли третейского судьи, то он сам, в свою очередь, становится самостоятельной общественной силой, хотя и отрицаемой другими группировками. Таким образом, наш мир представляет собой общество бесконечно соревнующихся сторон без морального судьи, который мог бы разрешить эти споры. Результат – моральный хаос и анархия. Каждый становится для себя своим собственным законодателем и судьей, считая свой собственный поведенческий образец столь же прекрасным, как и любой другой. Инерция, правда, все еще порождает обращение к «общественному мнению» или к «мировому сознанию», но это либо глас вопиющего в пустыне, либо дымовая завеса, маскирующая эгоистичные устремления той или иной «группы давления». Вместо одного истинного общественного мнения у нас существуют тысячи псевдообщественных мнений групп, сект и индивидов. Вместо «мирового сознания» у нас миллионы противоречивых «рационализаций» и «дериваций». Вся этика, соответственно, становится игрушкой в руках неразборчивых в средствах «групп давления», каждая из которых стремится урвать как можно большую долю чувственных ценностей за счет других. При таких обстоятельствах движущая, связующая и контролирующая сила этических идеалов содержит в себе тенденцию к исчезновению. Так как нет единого морального кодекса, то нет и прессинга гомогенного общественного мнения, которое могло бы формировать чьи-либо нравственные чувства и убеждения. Нет поэтому и единого морального сознания, которое могло бы обладать эффективной регулирующей силой в межчеловеческих отношениях. Мудрено ли, что преступления, войны, революции все больше и больше тревожат западное общество? «Допустимо все, что выгодно» – главный нравственный принцип нашего времени. Он дополняется болезненной озабоченностью утилитарными ценностями. «Если вера в Бога полезна, то он существует, если нет, то нет и Бога». «Если наука дает жизненно важную ценность, то ее принимают, если нет, то она признается бесполезной». Отсюда наше помешательство на деньгах, наша бессовестная борьба за богатство. «За деньги можно купить все». Мы превращаем в деньги и прибыль любую ценность: пять близнецов, научное

открытие, возрождение веры, новое преступление – все что угодно. Удачливые стяжатели составляют нашу аристократию. Отсюда наше кредо «дело есть дело» и вся жестокость борьбы за чувственные ценности. Отсюда наши предположительно научные «нравы» и «обычаи» вместо моральных императивов, наше антропологическое и социологическое допущение, что нравы условны и варьируются у разных групп. Отсюда миллионы других характеристик нашего *urbis venalis*^{48*} со всеми трагическими последствиями такого морального цинизма. Когда общество освобождается от Бога и от Абсолюта и отрицает все связующие его моральные императивы, то единственной действенной силой остается сама физическая сила.

Так чувственное общество с его чувственной этикой подготовило свое добровольное подчинение грубому насилию. «Освобождая» себя от Бога, от всех абсолютов, от категорических императивов, оно стало жертвой открытого физического насилия и обмана. Общество достигло крайней точки моральной деградации и сейчас трагически расплачивается за свое безрассудство. Его хваленый утилитаризм, практицизм и прагматическая целесообразность обернулись самой непрактической и неутилитарной катастрофой. Немезида, наконец-то, восторжествовала!

Отсюда и трагедия самого человека чувственного общества. Лишая человека всего божественного, чувственное умонастроение, этика и право понизили его до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма, не имеющего ничего святого и никакой высшей ценности. «Освобождая» его от «предрассудков» категорических императивов, они отобрали у него невидимое оружие, которое безоговорочно защищало его достоинство, святость и неприкосновенность. Лишенный этого оружия, он оказывается игрушкой в руках самых случайных сил. Если он полезен по тем или иным соображениям, то с ним будут обращаться достойно и заботиться о нем, как мы заботимся о полезном животном. Его же можно «ликвидировать», если он приносит вред, как мы уничтожаем ядовитых змей. Для такого уничтожения не требуется ни вины, ни преступления, ни реальной причины. Самого существования человека или группы как непредусмотренного препятствия уже достаточно, чтобы их уничтожить. Без всякого раскаяния, угрызений совести, сожаления, сострадания уничтожаются миллионы людей, лишаются своего имущества, всех прав, ценностей, обрекаются на все виды лишений, изгоняются, и только из-за того, что само их существование оказывается случайным препятствием для реализации жажды власти, богатства, комфорта или какой-либо другой чувственной ценности. Крайне редко с таким цинизмом люди обращались и с тягловым скотом! Освобожденный от всех запрещений сверхчувственных ценностей, чувственный человек самобийственно уничтожает чувственного человека, его гордость и достоинство, его ценности и достояние, его комфорт, удовольствие и счастье. В этом шквале не-

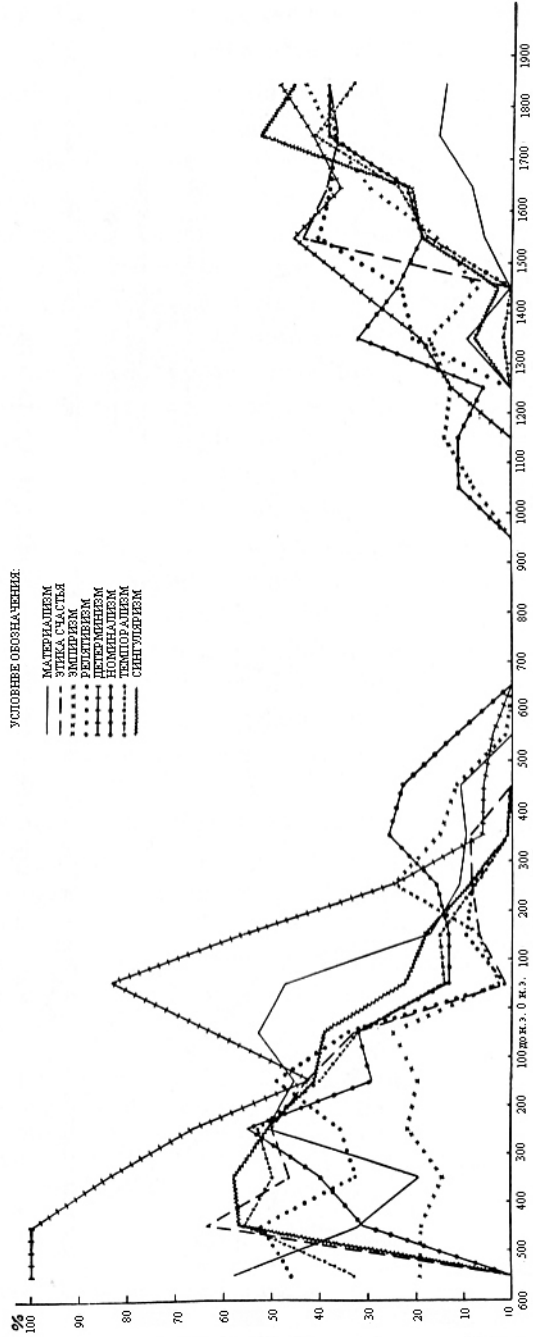

ДИАГРАММА 8

обузданных чувственных страстей чувственная система в целом разбивается на куски и исчезает.

В безумстве декадентского мышления человек чувственного общества сегодня снова, как бывало это не раз и прежде, разрушает свой чувственный дом, который он с такой гордостью воздвигал последние пять столетий. Чувственная этика и чувственное право вновь зашли в тупик, отмечающий *finis*^{49*} настоящей эпохи. Без перехода к идеациональной этике и праву, без новой абсолютизации и универсализации ценностей общество не сможет выйти из этого тупика. Таков приговор истории в отношении прошлых кризисов чувственной этики и права, таким он должен быть и в отношении настоящего кризиса.

В последующих главах будут рассмотрены и другие убедительные последствия моральной атомизации и этического цинизма перезревшей чувственной системы нравственности. А пока рассмотрим диаграмму 8, которая наглядно показывает большие волны взлета и падения восьми типов чувственной культуры с VI в. до н. э. вплоть до начала нынешнего столетия. Хотя мелкие колебания каждого из этих чувственных потоков происходили не строго параллельно с другими, но их основные колебания происходили синхронно, демонстрируя нарастание волны прилива и высокий уровень чувственной культуры в период с VI в. до н. э. до III в. н. э., его огромный спад и практически исчезновение в период с IV в. н. э. и на протяжении средних веков, и затем его новую приливную волну, начавшуюся в XII в. и нарастающую по сей день.

Глава пятая

КРИЗИС СЕМЬИ, СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, СВОБОДЫ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПОСТРОЕННЫХ НА ДОГОВОРНЫХ ПРИНЦИПАХ

---

1. Семейственные, договорные и принудительные отношения

Несмотря на бесконечное разнообразие форм социальных отношений, межиндивидуальных или межгрупповых, – все они разделяются на три основных типа: *семейственные* (familistic), проникнутые духом взаимной любви, преданности и жертвенности; свободные *договорные* (contractual) соглашения, заключаемые для взаимной выгоды, лишённые любви или ненависти, но полезные для обеих сторон; и *принудительные* (compulsory), навязываемые одной стороной другим, вопреки их желаниям и интересам.

Семейственные отношения чаще всего существуют между членами любящей семьи или между истинными друзьями. В таких контактах ощущение собственного «Я» поглощается сознанием «Мы». Радости и невзгоды делятся на всех. Люди нуждаются друг в друге, стремятся друг к другу, любят друг друга и с радостью жертвуют собой ради других, т. е. они представляют собой единый целостный организм. Это наивысший и самый благородный тип социальных отношений, подлинный «consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio»^{1*}. В подобном единении специальный договор с его предписанием «не больше и не меньше» становится излишним. Безграничная, всеобъемлющая, всепрощающая и все дарующая взаимная преданность делает ненужным любой договор со всеми его ограничениями и оговорками.

В отличие от семейственных отношений, *договорные* являются *ограниченными и точно определенными*. Они не охватывают всю сферу взаимоотношений сторон, а представляют лишь узкий ее сектор, например, договорное соглашение между работодателем и наемным работником, покупателем и продавцом или водопроводчиком и домовладельцем. Такие контракты имеют целью точно определить права и обязанности каждой из сторон: «пятьдесят центов за пачку сигарет» или «пятьдесят долларов в неделю за сорок часов добросовестного труда».

В пределах ограниченной сферы добровольного договора договаривающиеся стороны связаны общностью интересов. Но такая общность является до некоторой степени эгоистической; она проистекает не из стихийной преданности, а всего лишь из желания получить какую-то выгоду: удовольствие, прибыль, услугу и т. п., – построенную на трезвом расчете этой выгоды. В этом смысле она является утилитаристской и эгоистической. И нередко одна договаривающаяся сторона старается получить от другой как можно больше, отдав как можно меньше, т. е. заключить более выгодную для себя сделку (настолько выгодную, насколько допустит другая сторона). Во всех других отношениях договаривающиеся стороны остаются чуждыми друг другу, когда одна сторона мало интересуется благосостоянием, делами и взглядами других. Договорные отношения не сплавливают их в единое и однородное «мы», одухотворяемое чувством взаимной любви, преданности и самопожертвования. Каждая личность или группа людей остается эгоцентричной и индивидуалистической. Такова вторая основная форма социальных отношений. Не столь благородная, как семейственная, она по крайней мере представляет собой добровольное соглашение свободно договаривающихся сторон, заключаемое для их взаимной выгоды.

И, наконец, многие виды человеческих отношений являются *принудительными* (compulsory), когда одна сторона насильственно навязывает свою волю другой, вопреки ее воле и желаниям. Основой таких отношений являются не любовь и единение, а вражда и ненависть. Одна из сторон оказывается жертвой и добычей другой. Она подвергается эксплуатации, деградирует, испытывает жестокое обращение, она лишена многих из своих прав. Ее больше не рассматривают как свободную и священную человеческую сущность. Она становится всего лишь инструментом в руках другой стороны. Реакция угнетенной стороны проявляется в неприязни или даже в ненависти. Примерами таких отношений могут служить жестокий господин и его подвергаемый дурному обращению раб, палач и его жертва, грабитель и ограбленный, победитель и побежденный. Разумеется, что это самая жестокая и худшая форма социальных отношений (Social and Cultural Dynamics, vol. III, chap. 1).

2. Рост «контрактуализма» в современном обществе

Указанные три формы отношений были представлены фактически во всех крупных обществах и группах, но не всегда в одинаковом соотношении. Социальные отношения, строящиеся по принципу настоящей семьи, семейственны по определению; таковыми же являются отношения во многих религиозных общинах, где Бог – «наш Отец», Церковь – «наша Мать», а ее члены – «братья» и «сестры». С другой стороны, социальные отношения заключенных в тюрьме, при-

нудительно призванных в армию солдат, рабов и слуг или даже граждан одного государства с его обязательными и навязанными силой правилами, являются по существу принудительными.

Относительные пропорции этих связующих нитей меняются с течением времени даже в рамках одного и того же государства. Так, например, структура европейского средневекового общества с VIII по XII столетия была главным образом семейственной (всеобъемлющая средневековая *fidelitas*^{2*} в отношениях между людьми и группами), в меньшей степени принудительной (в отношениях между свободными и несвободными группами) и лишь в слабой степени договорной. Общая сеть социальных отношений в этом обществе заметно изменилась в период между XIII и XVI вв. в направлении развития договорных отношений. В период между XVI и XVIII вв. значительно возросла относительная доля принудительных отношений. XIX и начало XX столетия знаменуют собой «золотой век» договорного общества. Если бы нам пришлось охарактеризовать современное западное общество одним словом, то таким словом, бесспорно, стал бы *«контрактualизм»* (contractualism). Оно выражает самые существенные черты евро-американского общества этого периода. В это время западный мир пытался построить комфортабельное чувственное общество, основанное на принципах договоренности, контракта или соглашения для взаимной выгоды всех его членов, всех граждан и их правительств, работодателей и наемных работников и всех членов других отдельных групп свободных людей. Какое-то время эта цель представлялась вполне достигнутой. Западное общество на протяжении XIX в. представляло собой хорошо организованный, построенный на основе договорных отношений дом, населенный свободными людьми, управляемыми по свободному согласию. *Его господствующая капиталистическая система экономики была договорной системой экономических отношений между участвующими сторонами.* В отличие от системы принудительного рабства и крепостничества или от системы отношений, управляющей членами «доброй» семьи, капиталистическая система основывается на договоре между свободно участвующими сторонами, работодателем и наемным работником. В этом договоре обе стороны берут взаимные обязательства: одна – предоставить определенные услуги, другая – выплатить определенную заработную плату. Участвующие стороны отнюдь не привязаны нежно друг к другу, как, например члены любящей семьи, в то же время одна сторона не оказывает давления на другую, как в системе принудительных отношений. И следствием этой договорной капиталистической системы явилось то, что в западном обществе было уничтожено крепостничество и рабство, система плантаторства и другие принудительные формы труда. Капиталистическая договорная система стимулировала появление огромного числа выдающихся достижений, таких как рост производительности труда и повышение производительности машин и механизмов, необычайное увеличение

числа технологических изобретений и существенное улучшение уровня жизни, не считая того, что она заменила принудительную феодальную систему экономики системой договорных соглашений.

В *политической сфере* рост договорных отношений в XIX столетии имел своим результатом ликвидацию автократических, принудительных форм правления и их замену демократическими политическими режимами с правительством, избираемым на договорной основе, ограниченным в своих властных полномочиях договорными обязательствами; должным в соответствии с принципами договорных отношений уважать неотъемлемые права гражданина – его свободу, равноправие, его частную жизнь. При помощи конституций и таких специальных правовых инструментов, как билли и декларации прав, были провозглашены и гарантированы гражданам такие привилегии, как равенство граждан перед законом, религиозные свободы, свобода слова, печати и собраний, право объединяться в союзы, свободный выбор профессии и т. д. Права и обязанности всех индивидов четко определены и взаимно ограничены. Избирательный принцип стал основным при назначении должностных лиц в государстве, муниципалитетах, различного рода союзах и других организациях. Даже армия во многих странах в значительной степени стала формироваться на контрактной основе. Короче говоря, свободный договор свободных сторон стал тем главным волокном, из которого была соткана ткань политического режима. *Договорное управление – таково более точное определение так называемой демократической политической системы – управление представителей народа, волей народом и ради народа*^{3*}.

В других социальных организациях тот же самый договорной принцип стал преобладающим. Религиозная свобода означала *преобразование религиозных организаций в структуры, построенные на договорной основе*: каждый мог стать или же не стать членом любой религиозной организации. Аналогичные преобразования произошли и *в семье*. Брак объявлялся чисто гражданским контрактом между свободно договаривающимися сторонами, в отличие от принудительного брака, где участвующие стороны выбирались, часто вопреки их желанию, родителями или другими носителями власти. Непременным условием брака как такового стало свободное согласие сторон. Договорным при своем заключении брак стал в еще большей степени договорным по своему характеру и в течение всего времени его сохранения, и при его расторжении. Если средневековый брак был, как правило, нерасторжимым, теперь он стал в принципе расторгимым. Число законных оснований для его расторжения постоянно увеличивалось, и тем самым открылись еще более широкие возможности для развода по выбору одной или обеих сторон. Не только в отношениях между мужем и женой, но также и в отношениях между родителями и детьми семья все больше становилась договорным институтом.

С ростом индивидуализма этот период стал веком торжествующей *чувственной свободы*, в отличие от *свободы идеациональной*. Если свобода означает возможность индивида делать все, что ему нравится, то он является свободным, когда может делать то, что он хочет. Если его желания удовлетворяются, тогда он свободен; если же нет, тогда он несвободен. Если общая сумма его желаний превосходит имеющиеся в его распоряжении возможности удовлетворить их, то он несвободен; и напротив, если же сумма его желаний не превышает или даже не достигает общей суммы доступных ему средств, необходимых для их удовлетворения, то он свободен. Таким образом, мы выводим общую формулу свободы, представляя ее в следующем виде:

$$\frac{\text{Сумма возможностей}}{\text{Сумма желаний (потребностей)}}$$

Когда числитель больше или же равен знаменателю, мы свободны; в противном случае – нет. Человек, следовательно, может стать свободным, идя двумя различными путями: либо снижая свои потребности, чтобы сделать их соизмеримыми с имеющимися у него возможностями для их удовлетворения; или же расширяя свои желания и одновременно пропорционально увеличивая средства для их удовлетворения. Первый путь – это путь идеациональной свободы, состоящий в сокращении своих желаний, и особенно чувственных. Вторым путем – это путь чувственной свободы, состоящий во все возрастающем расширении сферы наших устремлений к чувственным ценностям, сопровождающийся одинаковым или увеличивающимся количеством средств для их удовлетворения. Крайним проявлением идеациональной свободы является аскетическая свобода. Ее формулы хорошо известны: «Свобода обретается не исполнением того, чего жаждут, но подавлением жажды»^{4*}; «Не только жажда должности и богатства делает низкими и подчиненными другим, но и жажда спокойствия, досуга, отъезда, образованности»^{5*}; «Non qui parum habet, sed qui plus cupid, pauper est»^{6*}; «Очень немногим можно удовлетворить наши потребности, но ничто не может насытить наши желания»^{7*}; «Кто богаче всех? Тот, у кого меньше всего желаний»^{8*}; «Добивайся не того, чтобы все происходящее было таким, как ты хочешь, но желай того, чтобы все происходящее было таким, каково оно есть, и ты проживешь спокойную жизнь»^{9*}. И т. д.

Идеациональная свобода – это внутренняя духовная свобода, произрастающая из ограничения наших желаний, страстей и вожделений и контроля над ними. Это свобода Иова с ее нерушимым принципом: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно»^{10*}. Такая свобода не умножает чувственных желаний; она не ведет к непрестанной борьбе за все большее привлечение средств для их удовлетворения – за богатство, власть, славу и тому подобное. Такая свобода мало интересуется политическими правами и внешними

гарантиями таких прав, такими как конституции и политические декларации. Ее «царство не от мира сего». С другой стороны, она является неотъемлемой и не отчуждаемой никем и ничем извне.

Чувственная свобода является прямой противоположностью идеациональной свободы. Она выражается в стремлении к бесконечному росту желаний и расширению возможностей для их удовлетворения. Чем больше человек имеет, тем большего он хочет. Не существует пределов роста чувственных желаний, и, согласно модифицированному закону Вебера-Фехнера^{11*}, несоответствие между тем, что человек имеет, и тем, что он хочет, постоянно возрастает, превращаясь в порочный круг. Такая свобода ведет к непрекращающейся борьбе людей и групп за обладание все большей долей чувственных ценностей, таких как богатство, любовь, удовольствие, комфорт, чувственное благополучие, какие только можно было бы получить. Поскольку можно добиться их только за счет кого-то еще, стремление их обрести еще больше усиливает борьбу индивидов и групп. Чувственная свобода тем самым является преимущественно внешне обусловленной. Ее определяет жизненная заинтересованность в преобразовании социальных, экономических и политических условий – в гарантиях свободы слова, печати, мнений и других «неотъемлемых прав человека». По этой причине она ведет к политической и экономической борьбе: каждая группа или личность хотят приобрести как можно больше прав, либо вырвав их у других, либо же осознанно заключив договорной компромисс, гарантирующий их минимальное число всем договаривающимся сторонам.

С ростом идеациональной культуры идеациональная свобода становится главной формой свободы, как, например, было в ранний и средневековый периоды христианской культуры. С наступлением периода христианской идеациональной культуры идеациональная свобода пришла на смену чувственной свободе последних столетий греко-римской культуры. По мере возрождения чувственной культуры в конце XIII в. чувственная свобода также возрождалась в виде Великой Хартии Вольностей, принятой в 1215 г.^{12*}, и в форме борьбы городов за свои свободы в XIII и XIV вв. По мере роста этой свободы идеациональная свобода продолжала угасать. Подкрепленная Декларацией прав человека в конце XVIII столетия и последующими законами, расширившими сферу личных свобод, чувственная свобода окончательно становится господствующей в XIX столетии. После бурных битв предыдущих столетий чувственной эпохи, чувственная свобода приобретает наконец договорную форму. Все группы и индивиды обнаружили, что свободное соглашение (договор) является лучшей и самой выгодной формой, которое можно было бы заключить каждому, исключив опасность губительной борьбы и гарантировать минимальную долю такой свободы всем группам и лицам. Отсюда возникла контрактная свобода XIX в. и ее свободные ассоциации, делающие акцент на неотъемлемых правах и их политических

гарантиях. Отсюда и подлинный пафос лозунга: «Свобода или смерть». Все эти свободы – неотъемлемые права, равенство, индивидуализм, свободное объединение – были плодами и проявлениями чувственной культуры в XIX столетии с ее договорными связями как господствующей формой социальных отношений. И кто сможет отрицать значение этих достижений? Во многом они, бесспорно, оказались замечательными. Они принадлежат к числу наиболее выдающихся созидательных достижений в области социальных отношений – построению свободного общества свободных людей.

Успехи XIX столетия в этой области явились свидетельством всеобщего оптимизма западного общества, связанного с возможностью достижения еще «большого и лучшего» прогресса; способности человека созидать, не взывая к сверхъестественной силе, по собственному почину и своими собственными усилиями, созидать лучшее, более свободное, более справедливое и более достойное общество; его способности уничтожить большинство социальных пороков – преступность, эксплуатацию (включая пережитки рабства и крепостничества) и автократию. Представлялось, что человечеству по пути к его будущей судьбе откроются еще более радужные перспективы.

3. Кризис системы договорных отношений

Охваченное этим оптимизмом, западное общество не заметило скрытые до времени силы, развивавшиеся параллельно с торжествующим контрактуализмом. Оно забыло, что в любом реальном контракте далеко не все является договорным и добровольным. Чтобы быть подлинно договорным, каждое соглашение обязано удовлетворять четырем обязательным условиям, которые не должны изменять или исключать договаривающиеся стороны. Эти условия необходимы для того, чтобы контракт стал действительно договорным и полезным как обществу, так и самим договаривающимся сторонам. Первое из них состоит в том, что все договаривающиеся стороны должны быть одинаково свободными и независимыми. Соглашение, заключенное под давлением, в условиях открытого или замаскированного принуждения, перестает быть свободным договором и представляет собой принудительное отношение. Во-вторых, свобода договаривающихся сторон не должна быть использована в ущерб любой договаривающейся стороне или – что еще важнее – в ущерб обществу в целом. Так свободный договор (сговор) группы убийц о «честном» взаимодействии в компании «Murder Inc.»^{13*} становится прямой угрозой обществу. Он подвергает общество самому грубому и наиболее опасному принуждению. Третьим обязательным условием является норма древнего Римского права «Pacta sunt servanda»^{14*}: обусловленные договором обязательства должны честно выполняться всеми участвующи-

ми сторонами. Четвертое условие состоит в том, что ни одна сторона не может изменять договор в ущерб другой. Договоры, в которых условия не выполняются всеми сторонами или же когда одна из сторон злоупотребляет ими в ущерб другой, перестают быть подлинными контрактами и превращаются в замаскированное принудительное отношение. С ростом нравственного релятивизма, нигилизма и «атомизма» к концу XIX и началу XX столетий все эти условия стали исчезать из договорной структуры западного общества. *В результате возник современный кризис договорных отношений как господствующей формы социальных взаимосвязей современного западного общества.* Поскольку договорные отношения были главными связующими нитями в структуре организаций на социетальном^{15*} и более низком уровнях: экономическом и политическом, семейном и религиозном, национальном и международном – *кризис контрактализма означал фундаментальный кризис фактически всех социальных организаций и институтов западного общества, начиная с самых малых и кончая самыми значительными, с самого его основания до вершины.* Этот процесс был подобен процессу разрушения основного материала, из которого построено громадное здание. Когда этот материал гниет, всем частям его конструкции так же суждено рухнуть и разрушиться. Именно это и происходит теперь с западным обществом. Рассмотрим поближе все симптомы этого кризиса, а затем постараемся определить, как это произошло.

Симптомы. Вряд ли можно пожаловаться на недостаток таких симптомов в институтах и организациях нашего евро-американского общества. В сущности, они столь многочисленны, а разложение, о котором они свидетельствуют, зашло столь далеко, что одного только перечисления наиболее важных институтов и организаций, в которых контрактализм пришел в упадок, будет достаточно для нашей цели.

Начнем с *политических институтов и отношений.* Почти во всех западных государствах, за исключением Швейцарии, Соединенных Штатов Америки и стран Британского Содружества, договорная форма управления перестала существовать. Ее место заняли недоговорные тоталитарные режимы – коммунистический, нацистский или фашистский – с их преимущественно принудительной и отчасти семейственной структурой социальных отношений. Тоталитарное правительство является самоназначаемым, а не избираемым или договорным. Оно является чисто авторитарным и диктаторским по своему характеру. Как диктаторское – оно абсолютистское и обладает неограниченной властью. Оно может ввести в действие любой закон, любой указ, все, что ему заблагорассудится; оно навязывает своим гражданам – скорее, подданным – все, что пожелает навязать, не нуждаясь в их согласии или заключении договора. И в этом смысле, как всякое деспотическое и не договорное (noncontractual) правительство, оно *legibus solutus est*^{16*}, т. е. превыше закона. О нем можно сказать то, что было сказано

об абсолютной монархической власти древнего Рима: *quod principi placuit legis habet vigorem* (что угодно повелителю, то имеет силу закона). Таков его правовой статус; и более того, таково его реальное положение. И в своих действиях современное тоталитарное и диктаторское правительство является столь же автократическим, как любое единовластие в человеческой истории, и, несомненно, еще «более абсолютным» в сравнении с большинством абсолютных монархий недавнего прошлого. Оно может самовластно завладеть собственностью любого своего подданного; может обложить его любыми налогами и пошлинами; может арестовать, заключить в тюрьму, сослать или «ликвидировать» любого (как оно поступает с тысячами и даже миллионами своих жертв); оно может изменить своим указом любые законы, конституции и другие институты (что оно совершает самым радикальным образом как в своей собственной стране, так и на покоренных территориях). Ни религиозные нормы, ни моральные принципы, ни нравственные заповеди, ни контрактные и договорные обязательства, ни гарантированные и предположительно ненарушаемые права человека, ни «воля большинства» – не способны сдерживать его необузданный произвол. Действительно, мы живем в наиболее абсолютистскую и автократическую эпоху всей истории человечества.

В англосаксонских и некоторых других странах, где демократическое договорное правление еще существует, мы обнаруживаем всего лишь остатки былого полнокровного контрактualизма. Но даже эти остатки стремительно исчезают. Эти страны также отходят от контрактualизма, двигаясь к установлению принудительных или семейственных отношений. Эта тенденция развивается в том же направлении, как и в тоталитарных странах.

Современная автократия, не имеющая ограничительных рамок, постепенно становится все более неограниченной и по степени регламентации и вмешательства в социальные взаимоотношения своих подчиненных. Начиная с конца XIX столетия и особенно после окончания войны 1914–1918 гг. мы оказались свидетелями самого стремительного распространения такого контроля и строгой регламентации жизни. В XIX столетии в период господства договорных отношений большинство взаимодействий между индивидами и группами в западном обществе было предоставлено их свободному выбору. Начиная с экономических отношений между работодателем и наемным работником в области производства, распределения и потребления и кончая выбором профессии, развлечений и места проживания, браком, выбором религии и т. п., – все эти сферы жизни были подчинены свободному решению заинтересованных субъектов и групп. За исключением немногих установленных правовых норм правительство не вмешивалось в эти отношения.

Современная картина является совершенно иной. Не отдельные индивиды и группы, а правительство теперь принимает решения, контролирует и регулирует

все эти отношения. В странах с диктаторским режимом такая регламентация и контроль являются почти абсолютными; правительство решает фактически все, а граждане – ничего, за исключением, быть может, выбора из двух вариантов: либо безоговорочно подчиняться приказам правительства, либо отправиться в тюрьму, потеряв свое имущество и, возможно, даже собственную жизнь. Некогда гордый гражданин эпохи Декларации прав человека теперь проживает там, где укажет ему правительство; ест то, что дает ему правительство; говорит только то, что правительство позволяет ему говорить; читает только контролируемые правительством газеты и книги; верит в то, во что ему приказано верить; даже вступает в брак с тем, с кем ему приказано. Короче говоря, некогда свободный гражданин практически оказывается лишенным всех своих «неотъемлемых прав» – всякого самоуправления и самостоятельного принятия решений. Он стал просто марионеткой нового автократического режима.

Сфера социальных отношений, предоставленных личному управлению, сведена почти к нулю. Сфера отношений, контролируемых правительством, охватывает фактически все стороны жизни. В странах, не являющихся диктаторскими, к числу которых принадлежат страны Британского содружества и США, эта тенденция, обнаружившаяся с конца XIX в., развивалась хотя и медленнее, чем в чисто диктаторских странах, но в том же направлении. После 1929 г. она стала развиваться все более ускоряющимися темпами в направлении неограниченного расширения правительственной регламентации и контроля. В Соединенных Штатах многие экономические отношения, установленные в XIX столетии гражданами и независимыми группами, теперь управляются правительством, которое также контролирует и широкую сферу внеэкономических отношений.

И в результате, во все возрастающем числе стран свободный гражданин XIX столетия утратил почти все свои свободы, гарантированные конституциями, декларациями и другими аналогичными документами. Его «неотъемлемые права» стали уже отчуждаемыми. Его самостоятельность и личная свобода – подавленными. Его уста запечатаны для выражения того, что правительство считает запретным. Он связан по рукам и ногам, беспомощно запутавшись, подобно мухе, в паутине принудительных правил. Контролируется не только его поведение: даже его сознание и мысли лепятся по образцу, предписанному правителями. Когда-то в высшей степени свободный, теперь он всего лишь инструмент правительственного экспериментирования.

Такова же ситуация и в политической сфере. Она свидетельствует о почти полном крахе договорной структуры политических отношений XIX в. Демократия, парламентаризм, всеобщее избирательное право или принцип большинства (мажоритарный принцип) и все другие проявления договорных отношений либо полностью растаяли, либо быстро исчезают прямо на наших глазах. Принуждение, приправленное незначительной долей семейственности,

заняло место политического контрактуализма (Social and Cultural Dynamics, vol. III, chaps. 5, 6, 7).

То же самое справедливо применительно к *экономическим отношениям* в диктаторских странах. Экономический строй XIX столетия, основанный на частной собственности и капиталистической системе договорных отношений, находится в состоянии безнадежного разложения. Упадок этого режима проявился в двух основных формах: во-первых, в постепенном и все усиливающемся разрушении и расщеплении самого института частной собственности и, во-вторых, в постепенной замене договорной капиталистической экономики на обязательную, принудительно навязанную экономику. Последняя форма нами уже рассматривалась. В XIX столетии фактически вся система производства, распределения и потребления была предоставлена отдельным лицам или независимым группам. Правительство мало занималось этим, за исключением лишь некоторых монополий и общего поддержания и укрепления правовых норм, относящихся к этим сферам деятельности. Подавляющая масса экономических отношений – выбор рода занятий и профессий, прием на работу, заработная плата и цены, а также отношения между работодателем и наемным работником – регулировалась добровольными договорами.

Все эти отношения теперь изменились. В странах с диктаторскими режимами правительство является главным воплощением власти. Отдельные индивиды или группы уже более не решают, что следует производить, как это распределять, как и кому это следует потреблять. Правительство является главным предпринимателем и капиталистом. Оно определяет приоритеты в производстве, распределении и потреблении экономической продукции. Оно контролирует финансы и банковское дело, зарплаты и цены, а также все роды занятий и сферы трудовых отношений (включая и профсоюзы). Роль независимых индивидов и групп с их свободно заключаемыми контрактами столь же незначительна, какой она была при тоталитарных режимах прошлого в древнем Египте, Спарте, Греции, Риме или в доколумбовых Перу и Мексике. О современной ситуации на Западе можно сказать то же самое, что было сказано одним историком о принудительном экономическом строе древнеримской империи, начиная с 301 г. н. э. и вплоть до так называемого падения Западной Римской империи:

«Все регламентировано и находится под контролем. Для этой цели создана чрезвычайно многочисленная армия государственных чиновников. Это еще больше ухудшает ситуацию и ведет к обнищанию и ограблению населения. Государству нужны гигантские денежные средства [на содержание императорского двора, для пропитания толпы, армии, чиновников и для ведения войн]. Труд населения и рабочих союзов, который до этого был свободным, теперь строго организован и передается по наследству. [Мы пока еще не дошли до жесткой наследственной регламентации: пока еще детей не заставляют перенимать профессии

своих отцов.] Corporati и collegiati^{17*} [членов огосударственных профсоюзов] теперь принадлежат власти со всем своим достоянием. Государство, взявшее на себя удовлетворение всех потребностей – публичных и частных, – фатально приходит к необходимости закрепощения даже частного труда. Империя превратилась в огромную фабрику, где население под надзором государственных чиновников работает на императора, государство и частных лиц. Государство распоряжается почти всей промышленностью. Оно же распределяет – причем очень неравномерно – продукты производства. Члены торговых и профессиональных союзов [что-то вроде римского WPA^{18*}] больше не являются свободными людьми, которые свободно трудятся на благо своих семей; теперь они рабы государства, которых государство содержит, как и чиновников, – но очень бедно и неадекватно. Никогда прежде не было администрации столь жестокой и беспощадной к населению и столь бесполезной и непродуктивной для страны. Режим был основан на принуждении: всюду чувствовалась рука государства, его тирания. Нигде не было ни частной инициативы, ни свободного труда^{19*}.

Нет необходимости что-либо добавлять к этой характеристике принудительной тоталитарной экономики угасающей Римской империи. Она в точности соответствует современной ситуации в тоталитарных странах, т. е. в большей части западного мира. В сегодняшней принудительной экономике сохранились лишь жалкие крупички договорной экономики XIX столетия.

В странах с неявными диктаторскими режимами наблюдалась та же постоянно ускоряющаяся тенденция. Какие перемены, например, произошли в Соединенных Штатах после кризиса 1929 г.? За одно десятилетие мы добились гигантского «прогресса» в сокращении договорной экономики в пользу Нового экономического курса^{20*} правительственной регламентации. С началом войны договорная экономика исчезла также и в Великобритании и на смену ей пришла принудительная экономика военного времени.

Не менее очевидными стали также ослабление, разрушение и ликвидация института частной собственности. Частная собственность является составной частью договорной экономики, подлинным краеугольным камнем классической капиталистической системы. В некоторых странах – например, в Советском Союзе – она была уничтожена не только фактически, но также и формально. В других тоталитарных странах она была либо в значительной степени ликвидирована – как фактически, так и формально, – либо существует главным образом на бумаге. В этих странах не осталось никаких следов от ее былой «священности» и «неприкосновенности». А то, что сохранилось, влачит жалкое существование и находится все время под угрозой ликвидации по указу правительства, являясь лишь бледной тенью сильной, полнокровной частной собственности XIX столетия.

В немногих странах, таких как Соединенные Штаты, эта тенденция, хотя и была во многом похожей, но не привела к тому же уровню «прогресса», какой

был достигнут в странах с диктаторским режимом. Однако система частной собственности и классическая капиталистическая система были серьезно подорваны с развитием и чрезвычайным ростом американской *экономики корпораций и трестов* (corporation and trust economy). В настоящее время корпорации и тресты владеют почти третью всех национальных богатств страны и почти половиной всех коммерческих активов Америки. И их доля в совокупном национальном богатстве продолжает расти. Многие не понимают, что *экономика современных корпораций и трестов уже совершенно отличается от экономики капиталистической системы, основанной на подлинной частной собственности* и что рост корпоративной экономики означает также упадок договорной экономики. Еще меньше тех, кто понимают, что *первый смертельный удар частной собственности и договорной капиталистической системе XIX столетия был нанесен не коммунистами и социалистами, а промышленными и финансовыми магнатами во второй половине этого столетия*. Коммунисты и приверженцы тоталитаризма лишь завершили начатое ими дело. Стоит, пожалуй, кратко рассмотреть суть этого вопроса.

Создавая и развивая экономику крупных корпораций в конце XIX столетия, промышленные и финансовые магнаты не могли не подорвать и не разрушить классическую форму частной собственности, а вместе с нею и классический капитализм. Классическая частная собственность означала право владения, использования, управления и передачи собственности. Экономика крупных корпораций раскалывает это неделимое право на самостоятельные функции, отделенные друг от друга: с одной стороны, собственники (владельцы собственности) – тысячи и миллионы мелких держателей акций и облигаций – не могут ни управлять, ни пользоваться собственностью, ни распоряжаться (продавать) ею; с другой стороны, управляющие (директора) – президенты и советы директоров, которые управляют собственностью, используют ее и распоряжаются ею, – не являются ее собственниками. Почти никто из них не владеет даже 1% корпоративных (общих) акций и облигаций. В соответствии с занимаемым ими положением они являются, в определенном смысле, общественными попечителями коллективной собственности. Они даже не рискуют и не несут ответственности за собственность как частные владельцы. К сожалению, представители этой новой «управленческой аристократии», по-видимому, забыли о своем реальном положении. И хотя они часто плохо управляли доверенной им общественной собственностью и ничего не делали для настоящих собственников – держателей акций, они редко забывали устанавливать для себя высокие заработки и премии, достигающие сотен тысяч и даже миллионов долларов. Когда основатели великих промышленных и финансовых империй – Ротшильды и Морганы, Рокфеллеры и Форды, Карнеги и С. Родсы – накапливали огромные состояния,

они имели на них право: они рисковали своими состоянием и жизнью, создавая с нуля свои империи. Управленческая или административная аристократия современных корпораций находится в положении вырождающихся наследников полнокровной политической аристократии. Они сохраняют и даже преумножают привилегии своих предшественников, не оказывая аналогичных услуг обществу. В этом смысле и в силу занимаемого ими положения они в точности соответствуют представителям средней государственной бюрократии. Обе они (управленческая аристократия и заурядная государственная бюрократия) управляют тем, что им не принадлежит. Обе они пожирают в собственных интересах то, что они не сеяли; обе ликвидируют настоящую частную собственность и настоящий капитализм в их классической форме. И та и другая представлены бюрократами, управляющими общественной собственностью ради собственной пользы.

С этой точки зрения *корпоративная экономика – это децентрализованный тоталитаризм, тогда как тоталитаризм коммунистического, фашистского или нацистского типа – это экономика централизованной корпорации*. Последняя представлена одной корпорацией вместо нескольких – вместо, например, шестидесяти семей Америки, которые руководят большинством американских корпораций и большей частью экономической жизни страны. Централизованные корпорации имеют не несколько, а один совет директоров – коммунистический, гитлеровский или фашистский.

Как было сказано, эта управленческая аристократия корпораций и трестов нанесла первый решающий удар по частной собственности и построенному на ее основе классическому капитализму. И с этого критического момента только очень короткая дистанция отделяла ее от централизованной экономики бюрократического тоталитарного государства, которая во многих европейских странах в конце концов стала практически одинаковой, когда управленческая бюрократия корпораций завершила разрушение капитализма и частной собственности, начатое корпорациями и трестами. В других странах бюрократия корпораций пока еще сохраняется, но постепенно утрачивает свои позиции. Борьба между «Старым курсом» Уолл-Стрита^{21*} и «Новым курсом» Вашингтона, между У. Уилки и Ф.Д. Рузвельтом не является борьбой между капитализмом и тоталитаризмом, или частной собственностью и государственной, или же частным бизнесом и государственным, а является борьбой между двумя бюрократиями, равно общественными по своей природе, одинаково разрушающими частную собственность и классический капитализм. Эти два вида экономической бюрократии фактически нанесли смертельный удар частной собственности и договорному капитализму. В то время как та и другой умирают, корпоративный тоталитаризм и государственный тоталитаризм принимают угрожающие размеры с неизбежно и немедленно оказавшимся у власти государственным тоталитаризмом (Social and Cultural Dynamics, vol. III, chap. 8).

Упадок договорных отношений в семье обнаружился в форме, отличающейся от той, которая наблюдалась в политических и экономических институтах. Он проявился в прогрессирующей дезинтеграции договорной семьи, выступавшей как социально санкционированный союз между мужем и женой, родителями и детьми и кругом близких родственников. Эта дезинтеграция проявляется в различных формах: узы, соединяющие мужа и жену в единое целое, как правило, на всю жизнь, стали ослабевать, что приводило к разводам и уходу супругов друг от друга. Число разводов быстро росло, особенно за последние десятилетия. Узы, связывающие родителей и детей, также стали заметно ослабевать: во-первых, вследствие все возрастающей доли бездетных браков (в Соединенных Штатах 45% супружеских пар либо являются бездетными, либо имеют только одного ребенка); во-вторых, потому что дети покидают своих родителей раньше, чем прежде: когда они вырастают, они гораздо реже остаются со своими родителями и особенно с дедом и бабушкой. Кроме того, расхождения в нравах, убеждениях, умонастроении, а также социальных формах поведения родителей и детей постепенно увеличились. «Конфликт между отцами и детьми» стал острее и глубже, чем в семье старого образца. В отличие от средневековой семьи или даже от семьи вековой давности современная семья уже фактически не является союзом родственников за пределами узкого круга, включающего мужа и жену, родителей и детей. По мере того, как семья все более приобретала договорной характер, она за последние несколько десятилетий становилась все более неустойчивой, пока не достигла состояния современной дезинтеграции.

Эта дезинтеграция семьи проявляется и во многих других формах, например, в атрофии ее функций и размеров. Нам всем хорошо известно, что за последние несколько десятилетий устойчиво сокращалось число детей, родившихся в семье, так что в настоящее время в большинстве западных стран число родившихся и оставшихся в живых не компенсирует число умерших. И в результате население теперь либо поддерживается на постоянном уровне, либо сокращается. Вопреки всем уверениям большого числа сторонников контроля над рождаемостью, следует иметь в виду, что период депопуляции фактически всегда был связан с периодом упадка соответствующего общества и его культуры. Примеры из греко-римской истории, относящиеся к периоду начала II в. до н. э. в Греции и несколько позже в Риме, являются типичными. И тогда число бездетных браков постоянно увеличивалось. Это обстоятельство предвещало множество социальных последствий, преимущественно отрицательных. Бездетные браки гораздо легче разрушаются; партнеры в большей степени склонны к самоубийству, а их взгляды и привычки являются более эгоцентричными, чем в браках, одаренных многими детьми. Семьи не только все более уменьшаются в своих размерах, но становятся все более неустойчивыми. Эта атрофия семьи сопровождается резким ослаблением всех ее функций.

В прошлом семья была прежде всего средством воспитания детей, несколько столетий назад она была почти единственным воспитателем для большей части молодого поколения. В настоящее время ее воспитательные функции резко сократились. Бездетные семьи, как очевидно, не выполняют их совсем. В семьях же с детьми дети теперь вырываются из-под воспитательного влияния семьи все в более раннем возрасте, а место семьи занимают ясли, детский сад, начальная, средняя школа, колледж. Кроме того, даже за те немногие годы, что ребенок пребывает дома, существующие воспитательные стандарты должны во многом подчиняться требованиям сторонних воспитательных органов. Фактическое сокращение воспитательных функций семьи намного существеннее, чем может показаться на первый взгляд. В этом смысле семья утратила большую часть своих бывших прерогатив.

То же самое произошло и с социально-нравственным воспитанием детей, рассматриваемых как «socii», или члены общества. Для того, чтобы выжить в течение какого-то значительного периода времени, члены любого общества должны обладать минимумом солидарности, альтруизма и доброй воли. Необразованное общество может выжить, но совершенно антисоциальное общество – не может. Люди рождаются всего лишь как биологические организмы, лишенные социальности. Некий орган должен взять на себя необходимую функцию их социализации. До недавнего времени таким органом была семья. Она стала главной школой социализации для вновь родившихся человеческих существ, делая их пригодными для жизни в обществе. В настоящее время эта жизненно важная миссия все в меньшей степени выполняется семьей. Бездетные семьи, очевидно, не выполняют ее вовсе. А те, что имеют детей, выполняют ее все более неадекватно: во-первых, потому что молодые поколения передоверяются с самого раннего возраста таким организациям, как ясли и детские сады; во-вторых, в результате все более усиливающейся нестабильности семьи она является плохой школой для выполнения миссии социализации. Вместо того, чтобы внедрять в сознание своих отпрысков подлинный дух нравственной и социальной целостности, она преподает им уроки нравственной распущенности и свободных связей, антагонизма и конфликтов между родителями, чистейшего чувственного эгоизма и т. п. Такая семья большей частью не может сформировать ничего, кроме неустойчивых, распущенных, чувственных личностей. Если бы посторонние организации могли эффективно выполнить семейные функции, дефект мог бы быть исправлен. К сожалению, такие организации не смогли заменить семью в этой роли. Даже необразованная мать, наделенная добротой и здравым смыслом, может оказаться лучшим нравственным наставником детей, чем большинство хорошо подготовленных воспитателей в школах и исправительных учреждениях. Результатом является быстро растущая детская преступность, возрастающее число молодых людей, лишенных нравственной чистоты и силы

характера, чувства долга и сознательного альтруизма. Такая молодежь пополняет ряды преступников, их нанимают за плату различные асоциальные группы, начиная с убийц и кончая «преторианской гвардией диктаторов»^{22*}.

Аналогичным образом семья утратила почти все остальные свои функции. Она все в меньшей степени является тем *религиозным* организмом, где в древние времена глава семьи был в то же время духовным наставником (*pater familias*). С упадком религии ее место оказалось либо пустым, либо его заменили воскресные школы или же другие аналогичные учреждения. Раньше лишь семья снабжала своих членов почти всеми средствами к существованию. Теперь и эта функция значительно сокращена: сотни других органов, включая государственные и филантропические организации, выполняют ее. Другие *экономические* функции семьи также либо сократились, либо исчезли совсем: едим мы в кафетериях и ресторанах; хлеб свой получаем из пекарни; белье для стирки отдаем в прачечную; одежду покупаем в магазинах и т. д. То же относится и к *рекреационным* функциям семьи. Раньше семейный круг принимал на себя все заботы об этом. Теперь же мы отправляемся в кино, театры, ночные клубы и т. п. вместо того, чтобы «терять время, сидя дома». Раньше семья являлась главным организмом, смягчающим психосоциальную изоляцию и одиночество. Теперь семьи невелики, и те быстро рассеиваются. Даже когда члены семьи живут вместе, большую часть дня они отделены друг от друга, а вечером вновь ищут индивидуальных развлечений. В результате семейное гнездо превращается просто в «ночлежку», да и то не каждую ночь и не всегда на всю ночь.

Таким образом, договорная семья неожиданно в процессе своего развития достигла такой критической точки, когда она утратила большинство своих функций и прерогатив; даже те, которые она еще сохраняет, часто атрофируются и плохо выполняются. Она сократилась в своих размерах; она стала чрезвычайно нестабильной и непрочной. В ней все меньше даже удовольствия и комфорта, что составляет главные устремления чувственной договорной семьи. Когда какой-либо социальный институт оказывается в подобной ситуации, это означает, что он находится в упадке. Именно в таком положении пребывает сегодня договорная чувственная семья.

Все, что было сказано об упадке договорных политических, экономических и семейных структур, может быть отнесено почти ко всем организациям, ассоциациям и объединениям западной культуры. Свободные, построенные на договорной основе трудовые союзы постепенно превратились либо в принудительные союзы, находящиеся под эгидой правительства, без всякой свободы выбора для их членов, либо в полупринудительные политические механизмы и группы, занимающиеся «вымогательством», манипулируемые политическими интриганами и аферистами, подчиняющимися своей власти большую часть трудящихся. Аналогичная участь постигла и другие «свободные ассоциации»: они стали все

более регламентированными, обязательными и принудительными. Даже наука и искусства не стали исключением из этого правила. Свободные научные и художественные союзы больше не существуют в тоталитарных и полутоталитарных странах. В других странах их свобода, их добровольный контрактуализм день ото дня сокращаются множеством явных и неявных способов.

И, наконец, *контрактуализм потерпел самый решительный провал в области международных отношений*. Самоуверенные в себе свободные люди XIX столетия возлагали твердые надежды на международный союз свободных людей, связанных между собой договорами, исключающими войну и конфликты. Таким образом, они начали строить международное договорное здание порядка, свободы и мира, стремясь достичь их посредством свободных международных договоров, развития и реализации международного права; через международные арбитражные суды, такие, например, как международный Гаагский суд; и, наконец, с помощью Лиги наций. Очевидным результатом всех этих устремлений стал их полный провал. Все эти соглашения и договоры представляют собой теперь лишь бесполезные клочки бумаги, не являющиеся обязательными ни для одной из сторон. Международные правовые акты развеялись по ветру. От международных судов и арбитража остались одни воспоминания. Лига Наций мертва – осталась лишь мумия. Игнорируются даже нравственные принципы и нормы естественного права. Грубая сила осталась единственным судьей; господствует принуждение в неприкрытой форме войны. Немногие периоды за всю историю народов демонстрируют такой полный провал контрактуализма в международных отношениях и такое неограниченное господство грубой силы. Потерпев неудачу во внутригосударственных отношениях, система контрактуализма оказалась еще большим банкротом в международной сфере. Как видим, вместо того, чтобы стать эпохой мира и порядка в международных отношениях, нынешний век оказался, несомненно, самым кровавым среди всех тридцати письменных запечатленных столетий. Едва ли можно представить себе более острый кризис в договорных отношениях, чем тот, с которым мы теперь столкнулись.

Подведем итог сказанному. Западное договорное общество столкнулось со смертельным кризисом, проявившимся во всех его ведущих институтах, организациях и союзах. Построенное им в XIX столетии величественное здание договорных отношений почти совсем разрушилось. Переход от монархии к республике или же наоборот, замена одной формы капиталистического или семейного контрактуализма другими формами договорных отношений – это всего лишь внешняя их имитация. Но угасание договорных отношений в пользу совершенно других по своему характеру – принудительных или семейственных – это самая радикальная перемена, которую можно себе представить. Ее можно уподобить сносу старого здания и строительству совершенно нового и непохожего. В этом состоит сущность фундаментального кризиса западного общества.

Для человека, живущего в период такого кризиса, общий итог его жизни трагичен. Гордый гражданин XIX столетия оказывается лишенным фактически всех своих чувственных ценностей. Предмет его гордости – индивидуализм – грубо попран: теперь этот гражданин всего лишь маленький винтик огромной машины, приводимой в движение независимо от его воли. Его свободы и неотъемлемые права исчезли. Он стал всего лишь марионеткой. Миллионами граждан, некогда исполненных чувством собственного достоинства, наследниками Декларации прав человека, манипулируют как хотят, обращаясь с ними более бесцеремонно, чем некогда хозяева со своими рабами. Их высылают, заключают в тюрьмы, подвергают пыткам или убивают, или же превращают в пушечное мясо. Даже чувственное удовольствие и комфорт, которые они надеялись обеспечить при помощи контрактуализма, улетучились: начиная с 1914 г. в большинстве стран жизненный уровень стал стремительно снижаться; участью миллионов людей в Европе, Азии и Африке стала самая жестокая бедность и нищета. Гарантии безопасности жизни и защиты собственности перестали существовать. Построенное на договорных отношениях общество свободных людей – с его договорным экономическим строем и свободными объединениями – исчезло. Даже семья находится в состоянии частичного разрушения. Крушение самых дорогих надежд и чаяний завершает трагедию их жизни. Немногие периоды человеческой истории столь глубоко демонстрируют трагедию, подобную той, которую переживает современный чувственный человек (*Social and Cultural Dynamics*, vol. III, chaps. 3, 4). Таковы симптомы кризиса нашего договорного общества.

4. Причины кризиса

Следующая проблема состоит в том, чтобы раскрыть, каким образом произошел этот кризис. Почему случилась эта великая трагедия? Почему гордый чувственный человек не смог заранее предвидеть свою деградацию и почему он не предотвратил ее?

Ответ на эти вопросы состоит в том, что никакая личность и никакой особый посторонний фактор, не относящийся к чувственному обществу и его культуре, не были причиной этого кризиса. Он развился в недрах самого договорного чувственного общества как естественное следствие взаимодействия его составных элементов. В условиях этического «атомизма» и нигилизма, о которых говорилось ранее, в совокупности со все возрастающим стремлением к чувственным ценностям договорным отношениям суждено было переродиться в псевдодоговорные, со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

Суть дела состоит в том, что не все в договоре обусловлено свободным выбором. Чтобы договор стал реальным договором, в нем должны быть обозна-

чены некоторые условия. В нем должен присутствовать пункт, оговаривающий более или менее равную свободу договаривающихся сторон заключать или не заключать договор; и всеми договаривающимися сторонами из этого контракта должна извлекаться более или менее одинаковая польза. Но при всевозрастающих аппетитах к чувственным ценностям и при стремлении каждой из сторон добиться утилитарной выгоды проявляются заметные различия в потребности договаривающихся сторон заключить или же не заключить договор на данных условиях. С самого своего возникновения капиталистический договорный строй переживал периоды спада деловой активности, сопровождаемые появлением армий ищущих работу тружеников. Всеобщим тогда было желание работать и готовность заключить контракт о найме на работу; но не было ни работы, ни готовых к заключению контракта работодателей. Тем самым значимость свободного контракта уничтожалась для всех тех, кто не смог удовлетворить свои нужды с помощью чисто «платонических» преимуществ договорного отношения. Жажда чувственных ценностей не только не смогла ликвидировать, но еще более увеличила экономическое и другие проявления неравенства людей. В XIX столетии противостояние между богатыми и бедными, привилегированными и обездоленными скорее возросло, нежели уменьшилось. Поэтому договаривающиеся стороны во всех сферах социальной жизни, начиная с экономической и кончая политической, находились не в равном положении при принятии решения о заключении договора. Как и всегда, всего лишь для того, чтобы прожить и удовлетворить свои элементарные потребности, бедняки и обездоленные должны были соглашаться на договорные условия, значительно более выгодные для богатых и обладающих властью сторон, чем для них. В обоих случаях в этой обстановке, характеризуемой всеми «чувственными» признаками, такой договор становится псевдоконтрактом, заключенным фактически под давлением. Несколько измененным образом он принял старую форму зависимости одной стороны и господства другой. Место феодальной знати и хозяина феодального поместья было занято классом богатых, а место монархической аристократии и двора – новой политической аристократией. К трескучей риторике, в том числе к таким выражениям, как «равенство возможностей», «свобода» и «права человека», стали прибегать, стараясь скрыть несоответствие между высоким идеалом и истинным договорным отношением в его фактическом извращенном воплощении. Но никакая идеология не могла скрыть это несоответствие и убедить голодного человека в том, что он не голоден, эксплуатируемого – в том, что с ним справедливо обращаются, а угнетенного – в том, что он свободен. И в результате из-за роста массы «одураченного народа» произошла дегенерация договорной связи, начавшаяся еще тогда, когда контрактualизм был на подъеме. И чем далее шел процесс развития договорных отношений, тем заметнее и сильнее обозначались наметившиеся тенденции, усиливая одновременно вырождение договорных от-

ношений и увеличивая число тех, кому не удалось извлечь из договорного отношения их предполагаемые преимущества. Оказавшись в таком положении, пострадавшие составили растущую армию «отступников», отрекшихся от своей договорной верности.

Аналогичные результаты были вызваны постепенным ростом нарушений других условий «честного и справедливого» договора. Чувственному человеку или группе свойственно (и это вполне естественно) стремление извлечь из договора любую возможную выгоду. Такое стремление часто приводило к конфронтации при толковании условий договора. Нередко этот конфликт приходилось разрешать в судебном порядке. Вопреки благородному принципу равенства каждой стороны перед законом, фактическая ситуация оказывалась совершенно иной, поскольку все возрастающая сложность правовых норм требовала привлечения адвокатов для защиты интересов сторон в суде. Богатая и привилегированная сторона могла нанять лучших адвокатов, тогда как бедная не могла себе этого позволить. И в результате суд часто выносил решение в пользу богатой стороны, несмотря на гораздо более веские аргументы бедной. Таким образом, стороны не имели равных условий и интересы многих людей несправедливо приносились в жертву интересам богатых и сильных. Соответственно, честные договорные отношения выродились в замаскированное принуждение, сопровождающееся все увеличивающейся армией его жертв и «отступников». Не получив от договора то, на что они надеялись, его жертвы вынуждены были прийти к заключению, что только силой можно исправить постоянно проявляемую по отношению к ним несправедливость. Таким образом, создавалась и усиленно пополнялась революционная армия противников «буржуазного капиталистического строя», «буржуазного политического режима» и других договорных институтов.

Кроме того, договорные отношения могут быть полезными всему обществу только при условии, что ими не злоупотребляют так, как это происходит в начавшей разлагаться чувственной среде. Так, «свободный договор» членов преступной организации типа Murder Inc.^{23*} – это, несомненно, тоже договор, но его порочные цели делают его чрезвычайно опасным для общества. Так же и свободный договор коммерческой фирмы, заключенный с единственной целью зарабатывать деньги любыми средствами – это тоже договор; но его пренебрежение социальными обязанностями и ответственностью может быть вредным для остального общества. То же самое относится и к различным договорным политическим фракциям, обществам любителей развлечений и т. п.

То же самое справедливо и в отношении *чувственной свободы*. Свободы слова, печати, мысли являются величайшим благом, когда они неотделимы от нравственных и социальных обязательств. Однако когда они перерождаются в безответственную и разнузданную пропаганду, в сенсационность желтой прессы, бесконтрольный выпуск непристойных пьес и романов или же превраща-

ются в средства дискредитации и подрыва истинных ценностей, они становятся социальной и культурной отравой, значительно более опасной, нежели простое отрицание свободомыслия. В атмосфере нравственного нигилизма чувственные свободы все в большей степени использовались именно таким пагубным образом. И постепенно они все больше дискредитировали себя. И это действительно так. Лозунг «Свобода или смерть!», повторяемый всякими политиками каждое 4 июля^{24*}, звучит теперь совершенно неискренне и вызывает лишь желание дать им основательную взбучку. Все усиливающееся злоупотребление понятием свобода – столь естественное при безудержной игре чувственных страстей и вожделений – серьезно дискредитировало и самую свободу и договорные отношения.

И, наконец, предусматриваемые договором обязательства должны честно выполняться независимо от того, являются ли они выгодными и приятными, или наоборот. Как говорится, истинный договор требует участия двух джентльменов, каждый из которых держит свое слово. Никакой подлинный договор невозможен между обманщиками. Каждый истинный договор предполагает наряду с выгодами существование и некоторых мало приятных обязанностей. В условиях безудержной чувственности, нравственного релятивизма и «атомизма» непременно используется любая возможность пренебречь этими обязанностями или вовсе отречься от них. Если бы современное общество было идеациональным или идеалистическим, если бы оно верило в абсолютные моральные и правовые нормы, если бы оно не было отравлено погоней за удовольствиями, выгодами и другими чувственными ценностями, то глубоко укоренившиеся в нем убеждения и обычаи восторжествовали бы над любым искушением уклониться от договорных обязательств. Невозможно было бы исказить условия договора таким образом, чтобы использовать в своих интересах другую сторону. Но ведь мы рассматриваем договорные отношения в чувственном обществе с его скептическим отношением к Богу и Его суду; с его неверием в абсолютные, священные законы; с его нравственным «атомизмом» и цинизмом; с его непреодолимой жадностью денег, богатства, выгоды, удовольствий и чувственного благоденствия! В этих условиях невыполнение оговоренных контрактом обязательств является неизбежным, а с развитием нравственного нигилизма оно непременно будет происходить все чаще и чаще.

Такие нарушения условий договора с ростом и развитием договорных отношений проявились в области брачных и семейных отношений – в росте супружеской неверности, побочных сексуальных связей, во все возрастающем количестве распавшихся семей и разводов; в экономической сфере – в забастовках и локаутах^{25*}; а в экономических и политических отношениях – в форме мятежей, бунтов и беспорядков. Во многих других сферах нарушение договорных обязательств проявилось в неумении хранить верность данному слову. В XX столетии

эта тенденция стала совершенно очевидной и открыто проявилась в поведении отдельных лиц, групп, в характере внутрисударственных и международных отношений.

В семье нарушения супружеской верности стали модой, ведущей к чрезвычайному росту разводов и «свободных» сексуальных связей и к многочисленным скандальным судебным процессам по искам, касающимся «нарушения обещания», требования уплаты алиментов и т. д.

В экономической сфере работодатели и наемные работники разделились на два враждебных лагеря, надеясь силой защитить свои права. Отсюда растущая кривая насилия, начиная от локаутов и забастовок и кончая открытыми бунтами и другими беспорядками с разбитыми головами и другими увечьями. Одна сторона только коммерческие «выгоды» рассматривала в качестве цели, все оправдывающей и требующей абсолютного пренебрежения нравственными и социальными соображениями. Любая тактика допустима и даже похвальна в интересах бизнеса, если умный предприниматель сможет обмануть менее умного соперника! Лагерь труда применял аналогичную тактику: ради того, чтобы добиться сокращения рабочего дня и более высокой зарплаты, он организовывал забастовки, ставящие под угрозу тысячи судеб. Абсолютно никому из членов этого союза не разрешалось под угрозой расправы выполнять какую-либо работу, независимо от уровня квалификации. «Профсоюз и зарплата» – вот слова, ставшие священным паролем этой армии труда. И результатом было то, что остальное общество страдало еще сильнее, чем сами борцы.

В политической сфере ослабление связующей силы договоров оказалось еще более впечатляющим. Современные политические партии оказались так же вовлеченными в бесконечную борьбу друг с другом, как и их граждане. Политическая партия стала божеством для ее сторонников. И во имя этого божества – дозволено все. Ее победа оправдывает любые средства. Отсюда вред, наносимый всей системе; продажность, клевета, открытое или замаскированное давление; нередко убийство, грабеж и другие формы насилия – эти и сотни других средств принуждения постоянно применяются с целью достижения победы на выборах, победы над оппозицией, захвата власти. Избирательные кампании представляют собой состязание в обливании грязью, сопровождаемое клеветой на соперников. Кроме того, для кандидата стало почти обычным правилом давать огромное количество предвыборных обещаний и забывать о них после избрания без малейших угрызений совести. Мы настолько привыкли к таким нравам, что считаем их само собою разумеющимися.

Еще более заметным является нарушение договорных обязательств во взаимоотношениях между правительством и гражданами. Едва ли существует хоть одно правительство в западных странах, которое бы не нарушило большинство своих торжественных обещаний, данных гражданам; правительство, которое бы

не изменило фундаментальные законы (будь то конституции или другие законодательные акты), не отказалось бы от выполнения своих обязательств, касающихся золотого запаса, золотых сертификатов и облигаций, неприкосновенности судов и многих других вопросов. Абсолютно честное правительство вряд ли сегодня существует. Но мы оказываемся – и в который раз – настолько приученными к такому беззаконию, что считаем его само собой разумеющимся: оно не проявляется чересчур радикальным образом и не посягает на наши права слишком резко; мы фактически предоставляем нашим правителям кредит на умеренность и благоразумие.

Невыполнение договорных обязательств достигло своего крайнего предела в сфере международных отношений. Вторжение в Бельгию в начале войны 1914–1918 гг. явилось свидетельством превращения в «простой клочок бумаги»^{26*} торжественного международного обязательства уважать нейтралитет этой страны. Это явилось зловещим символом того, что все дальнейшее должно было стать нормой. С этого времени связующая сила договорных обязательств в международных отношениях начала быстро ослабевать. Годы от 1914 г. до наших дней представляли собой непрерывный ряд нарушений обязательств, торжественно принятых правительствами. Едва ли можно назвать хотя бы один международный договор, заключенный после 1914 г., который бы не был нарушен или сознательно превращен в клочок бумаги одной или всеми подписавшими его сторонами. Аналогичная участь постигла фактически все нормы международного права. В результате мы оказались очевидцами войн, внезапно начатых без предварительного их объявления, вторжений и масштабных разрушений без малейшего повода со стороны ее жертв. Грубая сила правит в западном мире. Ни Господь Бог, ни нравственные требования, ни нормы права, ни договоры более не обладают никакой неоспоримостью. Международные отношения почти целиком управляются безудержным нигилизмом.

Не намного лучше выглядят отношения внутри стран между социальными классами, профессиональными, расовыми и национальными группами (с их разногласиями) и религиозными сектами. Везде значимость договорных обязательств исчезает. Ловкие махинации или беззастенчивое или замаскированное принуждение заменили Бога, моральные нормы, право и договоры.

Поэтому стоит ли удивляться, что договорное общество стремительно деградирует? С крушением всего здания чувственной культуры и чувственных договорных отношений чувственной свободе также суждено потерпеть крах. Чувственный человек нашего времени оказывается стоящим среди руин, окруженный обломками почти всего своего чувственного «достояния» и своих хваленых свобод, ничем не защищенный хотя бы от опасностей, угрожающих его жизни и здоровью. *Sic transit gloria mundi*^{22*}.

Как уже отмечалось, мы просто пожинаем плоды того, что было заложено в чувственной культуре с самого начала. Такова неизбежная судьба чувственного общества. В таких условиях контрактуализм по самой своей природе должен переродиться в лишенное всяких законов и норм, аморальное, безбожное принуждение и насилие. Чувственная культура высвобождает силы, которые в конце концов разрушают величественное здание договорных отношений, выстраиваемых ею на более ранних и спокойных этапах своего развития. Ни пятна на солнце или какие-либо космические воздействия, ни биологическое вырождение, генетическая селекция или расовые и наследственные болезни, ни чрезмерная плотность населения – ни один из этих внешних факторов не является виновником катастрофы. Его виновниками были сами чувственная культура, чувственный человек и чувственное общество!

Кризис договорного общества зашел настолько далеко, а чувственная культура достигла такой степени вырождения во всех своих сферах, что было бы бесполезно надеяться, что разрушение контрактуализма можно остановить, а его разваливающиеся сооружения восстановить или что мы сможем вернуться к добрым старым временам «золотого» периода контрактуализма и свободы XIX столетия. Подлинные, а не фиктивные договорные отношения могут быть и в конце концов будут восстановлены. Однако они не могут быть восстановлены в атмосфере разлагающегося чувственного общества, а лишь в здоровом климате совершенно иной культурной системы, либо идеациональной, либо идеалистической. *Необходимым условием такого возрождения является прежде всего восстановление абсолютных моральных ценностей с их неизменным принципом «dura lex sed lex»^{28*}, обязательным для всех, связующим всех, не отмечаемым ради относительных, практически целесообразных псевдоценностей.* Это означает замену чувственной ментальности идеациональным или идеалистическим мировоззрением.

Это предполагает также замену или ослабление чисто чувственной свободы путем вливания живительной струи свободы идеациональной. Чувственный человек утратил свой рациональный разум и моральную ответственность. В неистовстве своих все более растущих appetitов он утратил всякое внутреннее сдерживающее начало и поплатился за это своей свободой. Оказавшись перед лицом катастрофы, вызванной его пагубными деяниями, он вновь вспомнил, что свобода является не столько внешним, сколько внутренним состоянием; что она не может существовать без неоспоримых ценностей и нравственных норм; и, наконец, что она требует самоконтроля и пунктуального выполнения своих обязательств. Этот горький урок подсказывает два возможных альтернативных пути: либо оставаться поработанным, лишенным всех своих неотъемлемых прав и свобод; либо добиваться внутренней идеациональной свободы, как это произошло в аналогичных условиях с греко-римским обществом. Едва ли мож-

но сомневаться в том, что будет избран второй путь. Греко-римское общество, находясь на стадии крушения своей чувственной культуры, лишенное своих чувственных свобод, обратилось к внутренним силам и открыло для себя идеациональное пристанище в христианстве. Подобным образом и наше общество несомненно предпочтет внутреннюю свободу чувственному рабству. Оно неизбежно придет к осознанию того, что чувственные ценности преходящи и ненадежны; что чувственная свобода, пожалуй, является наименее безопасной и самой сомнительной формой свободы. Поэтому оно все больше и больше поворачивается в сторону сдерживания своих желаний и контроля над ними, к неотчуждаемым духовным ценностям. Когда такое преобразование осуществится, договорные отношения будут восстановлены в рамках более богатой, целостной и менее однобокой культуры. Любые попытки как-то залатать бесплодный псевдоконтрактуализм и еще более пустые псевдосвободы нашего чувственного общества обречены на провал.

Глава шестая

ПРЕСТУПНОСТЬ, ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ, САМОУБИЙСТВА, ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА И ОБНИЩАНИЕ В ПЕРИОД КРИЗИСА

---

1. Преступность, войны, революции, самоубийства, психические расстройства и обнищание как симптомы и последствия кризиса

Если индивид не имеет твердых убеждений в том, что правильно, а что нет, если он не верит в Бога или в абсолютные моральные ценности, если он больше не уважает договорные обязательства и, наконец, если поиск удовольствий и чувственных ценностей первостепенны, то что – спрашивается – может направлять и контролировать его поведение относительно других людей? Ничто кроме его желаний и вожделений. В подобных условиях он теряет и рациональный и моральный контроль, даже обычный здравый смысл. Что может удержать его от нарушения прав, интересов и благосостояния других людей? Ничто кроме физической силы. Насколько далеко зайдет он в своем ненасытном поиске чувственного счастья? Настолько, насколько позволяет противостоящая ему грубая сила. Вся проблема поведения индивида определяется соотношением между его силой и силой, находящейся в руках других. Она сводится к проблеме взаимной игры физических сил в механической системе. Физическая сила заменяет право. В обществе или ряде обществ, состоящих из подобных индивидов, неизбежным следствием будет умножение конфликтов – жестокой борьбы, вовлекающей локальные группы и классы, также как и нации, – произойдет взрыв кровавых революций и еще более кровавых войн.

Периоды перехода от одной фундаментальной формы культуры и общества к другой – когда рушится старое социокультурное здание, а новая структура еще не выстроена, когда социальные и культурные ценности становятся почти полностью «атомизированными», и конфликт ценностей различных индивидов и групп особенно непримирим – неизбежно порождают небывалую по интенсивности и разнообразию форм борьбу. В обществе это проявляется, в дополнение к другим конфликтам, в *росте преступности и жестокости наказаний и особенно во вспышке бунтов, восстаний и революций*. В ряде обществ – в виде

международных войн. Чем значительнее и глубже переход, тем сильнее всплеск революций, войн, преступлений и наказаний, если они не потонут в океане массовой жестокости войн и революций. Подобные периоды являются неизбежным временем жестокости, грубости и зверства, не сдерживаемых ничем, кроме взаимного насилия и обмана.

Другим следствием переходных периодов является *рост психических заболеваний и самоубийств.* Социальная жизнь в перезревшей чувственной культуре становится настолько сложной, борьба за чувственное счастье такой острой, потребность в удовольствии нарушает психическое и моральное равновесие до такой степени, что разум и нервная система множества индивидов не могут выдержать ужасного напряжения, которому они подвергаются – вот почему они становятся извращенцами или даже помешанными. Лишенные общепринятых норм и ценностей – будь то научных или философских, религиозных или моральных, эстетических или каких-либо других – и окруженные хаосом конфликтующих норм и ценностей, эти индивиды обнаруживают себя без какого-либо авторитетного руководства или сверхиндивидуального правила. В данных условиях они неминуемо становятся неустойчивыми, полагаются на случайную личную выгоду, мимолетные фантазии и противоречивые чувственные импульсы. Как неуправляемый корабль в бушующем море, подобного индивида кидает из стороны в сторону силой обстоятельств. У него нет понятия, насколько последовательны его действия и к чему он стремится; короче говоря, он становится непоследовательным и дезинтегрированным комплексом случайных идей, верований, эмоций и импульсов. Неизбежным следствием этого является усиление дезинтеграции и дезорганизации личности. Добавьте ко всему этому болезненные удары, которые нерерывно наносятся его разуму и нервной системе во время хаотичной и жестокой борьбы переходного периода. Мы хорошо знаем, что *необходимой предпосылкой здравого и интегрированного ума является социальная стабильность и безусловные общепринятые нормы.* Когда они начинают разрушаться, за этим обычно следует рост нервных срывов, и обе эти тенденции идут рука об руку. Нервные срывы – еще один аспект крушения социокультурного порядка.

В свете данной теории понятно, почему количество психических заболеваний увеличивается, особенно в последние несколько десятилетий; почему у мужчин их уровень выше, чем у женщин; и почему почти все психозы (за исключением старческих и других, связанных с атеросклерозом), такие как помешательство, умственная неполноценность, эпилепсия и психопатия находят свои жертвы в молодых возрастных группах от десяти до тридцати лет. Она объясняет, почему состоящие в браке (как и в случае самоубийств) дают наименьший процент душевнобольных; далее идут вдовы и потом одинокие; а больше всего их среди разведенных, то есть среди людей, прошедших через мучительный опыт

распада семьи, сопровождавшегося, возможно, скандалом. Они были свидетелями ломки одной из важнейших социокультурных ценностей – священности и нерушимости брака.

В некоторых, хотя и не во всех аспектах, рост, падение и социальное распределение психических заболеваний идет параллельно динамике и распределению самоубийств. В обоих случаях мы имеем тот же основной фактор – дезинтеграцию норм и ценностей данной культуры и общества. Главные причины двух основных видов самоубийств – «эгоистического» и «аномического»^{1*} – хорошо известны. *Когда система ценностей и норм данного общества испытывает шок и дезинтегрируется, кривая аномических самоубийств неизменно идет вверх.* Вызван ли шок экономической паникой и резким переходом от процветания к депрессии, неожиданным скачком от депрессии к процветанию, политическим переворотом, непопулярной войной, или чем-то еще, он сопровождается ростом числа самоубийств. Так как дезинтеграция, сопровождающая переход от одной фундаментальной формы культуры к другой, бесконечно более велика, чем какая-либо единичная экономическая, политическая или другая частичная дезинтеграция или шок, необходимо ожидать, что рост кривой суицидов в подобные периоды будет особенно резким. Известно также, что главным фактором так называемого эгоистического самоубийства является рост социально-психологической изоляции или одиночества индивида. Когда его тесные социальные связи ослаблены или порваны – будь то с членами семьи или друзьями и близкими, – и он становится чужим для большинства своего окружения, у него растет чувство социальной и психической изоляции, а вместе с ней и опасность стать жертвой самоубийства. Полное социально-психологическое одиночество есть самое тяжкое бремя. В этом причина, почему атеисты чаще совершают самоубийства, чем верующие, и почему среди верующих, членов свободных деноминаций, которые в меньшей степени скрепляют свою паству, чем, например, Римская католическая церковь, наблюдается более высокий уровень самоубийств. Этим объясняется, почему одинокие демонстрируют более высокий уровень самоубийств, чем состоящие в браке, бездетные семьи – чем имеющие детей; а также, почему особенно высок уровень самоубийств среди разведенных – людей, у которых самые тесные социальные связи были прерваны в условиях скандала и, возможно, изгнания из семьи и дома.

В свете этих факторов было бы чудом, если бы за последние несколько десятилетий количество самоубийств не увеличилось, и не менее странным будет, если оно не продолжит свой рост по мере усиления дезинтеграции чувственной культуры, ее ценностей и социальных стандартов.

Дезинтеграция социальных институтов и усиление социально-психологической изоляции индивида продолжается столь же быстрыми темпами. Мы видели, как договорные отношения всех наших институтов неуклонно ослабевают.

Количественный и качественный упадок семьи означает соответствующее усиление социально-психологической изоляции. Она еще больше усугубляется снижением контрактных отношений в сфере экономики, политики, труда и занятости. Современный человек, в своем стремлении к чувственной свободе, порвал большую часть социальных связей со своим окружением. В этом он очень даже преуспел! К началу нынешнего века он был свободен, как перышко, купающееся в воздушном потоке. Как пресловутый мотылек, он порхал от одной группы к другой: только сегодня он женился, а завтра – уже развелся, на мгновение присоединился к одной религиозной, политической или профессиональной группе, а сразу же затем – к другой. Но все эти ассоциации, как правило, носят условный, ограниченный, временный и поверхностный характер. Они редко представляют собой внутреннее единство на всю жизнь. Они не традиционный «дом, милый дом»^{2*}, а разновидности временного *piéd-à-terre*^{3*}. Они не могут удовлетворить одинокое сердце. Как и наркотики, они могут создать лишь сиюминутную иллюзию интимного и настоящего единства – но не в состоянии породить подлинную и неизменную социальную и душевную привязанность. Хотя человек остается при этом свободным, но оказывается в социально-психологическом вакууме, в котором он не знает, что делать со своей свободой. Как голодный миллионер в пустыне, он ничего не может купить своей свободой, которая в настоящее время превратилась скорее в обузу, а не преимущество.

Подобная изоляция и скука суть следствия непрерывного роста капризов и желаний и увеличивающейся возможности их удовлетворения. В предыдущей главе отмечалось, что чувственным желаниям нет предела, что чем больше человек имеет, тем больше он хочет. Болезненное несоответствие между тем, что имеешь, и тем, чего хотелось бы когда-нибудь иметь, становился все острее, и чем сильнее человек стремится к своей цели, тем эфемернее она становится. Рано или поздно эта безнадёжная погоня порождает ощущение усталости, утомления и *vanitas vanitatum*^{4*}. Жизнь начинает казаться чем-то безвкусным, пустым и бесполезным. Несколько мгновений наслаждения оказываются мимолетной иллюзией. Разочарование и скука усиливают конфликты, враждебность и противоречия, порождаемые бесцеремонным нарушением прав других и травмами, им наносимыми в поисках чувственного счастья. Таким образом, некто обнаруживает себя не только чуждым почти всем остальным, но и чужаком, живущим в социально-психологическом вакууме и окруженным врагами и антагонистами. Его социально-психологическая изоляция стала почти полной. Последствие неизбежно: нарастающая волна самоубийств и психических расстройств.

В своем фатальном поиске чувственных ценностей человек прошел путь от баланса ранней чувственности к дисбалансу поздней и полудряхлой стадии. На смену порядка пришел бедлам^{5*}. Благородное господство здорового утилитаризма и эвдемонизма было заменено неудержимой брутальной силой и же-

стокостью. Вместо морального прогресса люди получили всплеск преступности и появление научно эффективных организаций гангстеров. Вместо мира они стали очевидцами самых кровавых войн; вместо порядка и стабильности – ада анархии и революции; вместо здравого смысла получили психические болезни и расстройства; вместо превозносимого максимума счастья для максимального числа людей – лишь всеобщую усталость, скуку, страдание, опустошенность, беспомощность и самоубийства. Такова трагедия перехода от одного фундаментального типа культуры и общества к другому. Трагедия, как было подчеркнута выше, не возникла по причуде или по указке «безнравственных людей», будь то ленины, сталины, муссолини или гитлеры, – вдохновителей преступности и виртуозов по части развращения. Напротив, все подобные вожди являются продуктом и инструментом имманентных дефектов чувственной культуры. Только в таком социальном контексте они и могли появиться. Стабильная и полнокровная культура – будь то идеациональная, идеалистическая или чувственная – может создавать конструктивных и созидательных лидеров, а не диктаторов, обладающих средствами грубой силы и предназначенных для разрушения.

Нельзя вину за трагедию возлагать и на космические или биологические факторы, такие как солнечные пятна, усилившаяся солнечная радиация, новое расположение небесных тел, ненормальные климатические условия, нездоровые расовые и наследственные факторы, негативный отбор или плохое здоровье. Циклы солнечных пятен сменялись регулярно, не вызывая какого-либо всплеска преступности, психических расстройств, самоубийств или революций, войн и других социальных катастроф^{6*}. То же самое можно сказать и о вращении и расположении небесных тел. Климат – в основном, тот же, что был десятилетия и даже столетия назад. Если климатические и географические условия в чем-то и изменились, то они были произведены человеком в его собственных интересах. Физическое здоровье населения Запада в течение прошлого столетия быстро улучшалось, не ухудшалось. Наша продолжительность жизни дольше, тело физически увеличилось, мы физически крепче, живем в более здоровых условиях и удовлетворяем наши телесные нужды лучше, чем прежде. Даже дисгенный отбор^{7*} остается в большинстве аспектов недоказанной гипотезой. Нет, не эти факторы виновники беды. Настоящий виновник – это сам чувственный человек с его чувственной культурой и обществом.

2. Самый кровавый кризис самого кровавого столетия

Теперь посмотрим, подтверждает ли история предыдущие предположения. Начнем с войн и революций. К данной верификации подойдем с научной точки зрения, избегая обычных ловушек иллюстративных методов. История челове-

чества богата таким количеством войн и внутренних беспорядков, что любой исследователь всегда может найти несколько, которые, кажется, подтверждают его точку зрения, какой бы ложной она ни была. Вместо этого мы рассмотрим все войны и революции греко-римской и западной культур с 500 г. до н. э. до настоящего времени. Таким образом, мы избежим предвзятости одностороннего отбора подтверждающих случаев и сможем рассмотреть основные тенденции данных феноменов за длительный промежуток времени и в адекватной перспективе.

Динамика войн. Следуя этому надежному методу, автор исследовал все известные войны в истории Греции, Рима и западных стран с 500 г. до н. э. до 1925 г. За это время произошло примерно 967 значительных войн. Каждая из них была рассмотрена с точки зрения продолжительности, численности армий и жертв. Взяв за единицу измерения войны количество жертв на миллион соответствующего населения, получаем следующую величину для каждого конкретного столетия. Для Греции: в V в. до н. э. индикатор величины равен 29; в IV в. до н. э. от 48 до 36; в III в. до н. э. – от 18 до 33; во II в. до н. э. – от 3 до 3,6. Для Рима (Италия) показатель для IV в. до н. э. – 12; для III в. до н. э. – 63; для I в. до н. э. – 33; для I в. н. э. – 5; для III в. – 13. Если мы возьмем всю Римскую империю, то соответствующие показатели будут, естественно, гораздо ниже: 3 – для I в. до н. э.; 0,7 – для I в. н. э.; и 1,3 – для III в. Империя как целое, конечно, наслаждалась *Pax Romana*^{8*}. Для Европы индикаторы динамики войны, измеренные тем же способом – а именно, количеством жертв на миллион соответствующего населения – следующие: для XII в. н. э. – от 2 до 2,9; для XIII в. – от 3 до 5; для XIV в. – от 6 до 9; для XV в. – от 8 до 11; для XVI в. – от 14 до 16; XVII в. – 45; XVIII в. – 40; XIX в. – 17. Когда мы подходим к двадцатому веку, показатель только для первой четверти столетия равен 52. Диаграмма 9 наглядно показывает амплитуду колебаний динамики войны.

Если вместо жертв войны на миллион населения мы возьмем численность армий, результат, в общем-то, будет таким же. Цифры дают более или менее точное представление об увеличении или уменьшении от столетия к столетию. Для Греции и Рима, так же как и для Европы, они демонстрируют, что количество войн увеличивается с небольшим отставанием как раз в периоды перехода от одной формы общества и культуры к другой. Мы знаем, что в Греции V и VI вв. до н. э. были периодом перехода от предыдущей идеациональной к чувственной культуре. Они дают самые высокие показатели значений войны в истории Греции. Когда с конца IV в. до н. э. чувственная культура стала доминирующей и стабильной, количество войн стало уменьшаться. В Риме с III по I в. до н. э. был в некоторой степени схожий переходный период. Поэтому и индекс войны для этих столетий был необычайно высок. I и II вв. н. э. стали свидетелями прочно установившейся чувственной культуры и общества. Соответственно, их индексы

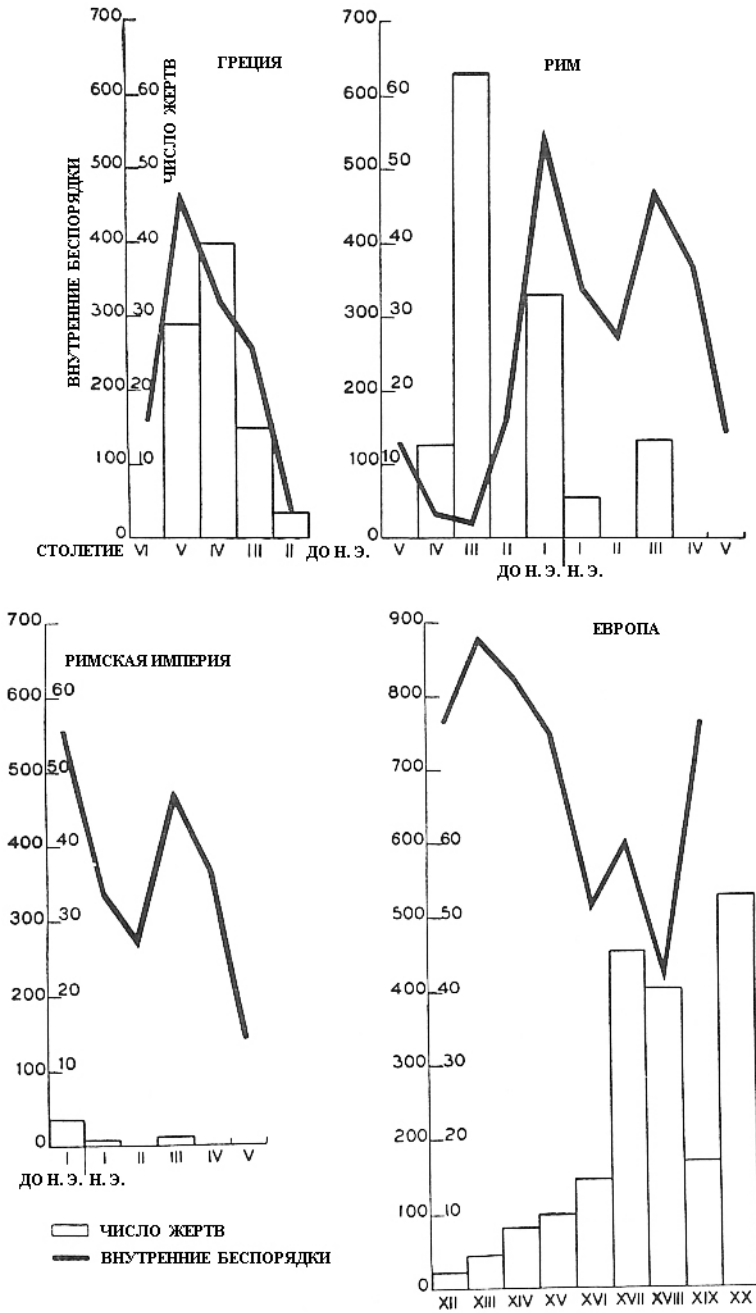

ДИАГРАММА 9

войны были низкими. III в. стал свидетелем начала упадка чувственной культуры и появления и роста христианской идеациональной культуры; отсюда и заметный рост кривой индекса войны для этого века. За период с IV по VI столетия невозможно получить даже относительно надежные данные. Но вероятнее всего, что эти столетия были даже более воинственными, чем третий.

Несколько яснее ситуация в средневековой Европе. Мы видели, что цифры для XII и XIII вв. очень низкие. Логично предположить, что они были еще ниже между 700 и 1100 гг. в эпоху установившейся идеациональной культуры. Однако эта идеациональная система начала приходить в упадок в конце XII в. Поэтому с XII по XVII в. индекс войны демонстрирует тенденцию к постепенному росту с особенно резким подъемом в последнем столетии. К завершению данного века чувственная культура праздновала триумф, и многие феодальные отношения были ликвидированы. Поэтому индекс войны в XVIII в. слегка падает, а в XIX в. – золотом веке контрактных отношений и зенита чувственной довикторианской и викторианской культуры – резко падает, делая его мирной эрой – почти такой же мирной, как XVI в. К концу того периода появляются определенные признаки дезинтеграции чувственной культуры и контрактного общества – процесса, который приобрел катастрофические масштабы и темпы в веке нынешнем. Соответственно, индикатор войны демонстрирует уникальный скачок: только за первую четверть XX в. цифры превысили все предыдущие за двадцать пять столетий, за исключением III в. до н. э. в Риме. Но римский индикатор (63) относится ко всему столетию, индекс же XX в. только к двадцати пяти годам – с 1900 по 1925. Если к европейским войнам 1900–1925 гг. мы прибавим все последующие до настоящего времени, цифры затмят даже значения III в. до н. э. Если, далее, мы добавим войны, которые без сомнения случатся с 1940 по 2000 г., то двадцатое столетие наверняка станет самым кровавым и воинственным из всех рассматриваемых двадцати пяти веков.

Экстраординарные масштаб и глубина современного социального и культурного кризиса также отражаются на чрезвычайной воинственности нынешнего столетия. На основании этих итоговых данных мы заключаем, что предложенная теория хорошо подтверждается военной статистикой за изученные двадцать пять веков. Мы также видим, что живем в эпоху, уникальную по масштабам применения грубой силы в международных отношениях. И наблюдаем за трагической недальновидностью нашего стареющего общества. Перед началом войны 1914 г., находясь уже на грани пропасти, оно твердо верило, что война в сущности устарела. Нет, более того: даже после катаклизма 1914–1918 гг. оно продолжало верить, что войне нет места в цивилизованном обществе, и в возможность вечного мира, который установит и будет поддерживать Лига Наций. Оно не осознавало, что очертя голову приближается к пропасти. Общество было настолько слепо и

глупо, что все еще тешило себя пустышкой о том, что войны постепенно уходят, и в конце концов уйдут. Оно даже не удосужилось собрать статистику прошлых войн. Поистине, если боги хотят кого-то наказать, они лишают его разума! Такая слепота сама по себе является симптомом дезорганизации и дезинтеграции.

В свете нашей теории мы вполне можем предположить, что пока длится переходный период, и до воцарения новых идеационального или идеалистического общества и культуры, война по-прежнему будет играть важнейшую роль в человеческих отношениях. Даже если завтра подпишут перемирие, оно будет всего лишь антрактом, за которым последует еще более страшный и катастрофический Армагеддон^{9*} (*Social and Cultural Dynamics*, vol. III, chaps. 9, 10, 11).

Динамика революций. Теперь обратимся к революциям, восстаниям и другим внутренним беспорядкам. Пользуясь тем же методом, мы сделаем обзор основных беспорядков, которые характеризовали историю Греции, Рима и Западной Европы с VI в. до н. э. до 1925 г. – всего около 1622 событий. Нас интересуют многие аспекты этих событий, такие как их продолжительность, их социальное пространство, число участников и интенсивность проявленного насилия. Комбинируя данные показатели, мы можем оценить общую величину каждого внутреннего беспорядка. В свою очередь, комбинируя все волнения, отмеченные за каждое столетие или четверть столетия, мы можем установить следующую тенденцию. В случае Греции: для VI в. до н. э. индекс равен 149; V – 468; IV – 320; III – 259; для II (первые три четверти) – 36. В Риме: для V в. до н. э. – 130; IV – 29; III – 18; II – 158; I – 556; для I в. н. э. – 342; II – 267; III – 475; IV – 368; V (первые три четверти) – 142. Для Европы цифры следующие:

Столетие	Индикатор беспорядков
VI (три четверти)	446
VII	458
VIII	733
IX	589
X	537
XI	693
XII	763
XIII	882
XIV	827
XV	748
XVI	509
XVII	605
XVIII	415
XIX	766
XX (1901–1925)	295

Диаграммы 9 и 10 наглядно демонстрируют данную динамику внутренних беспорядков.

Если мы будем интерпретировать эти данные с точки зрения рассматриваемой теории, то очевидно, что наиболее сильные скачки имеют место в периоды культурного, социального или социокультурного перехода, когда устанавливается и кристаллизуется новая форма культуры или общества. Единственным несоответствием между цифрами внутренних беспорядков и войн является то, что кривая войн несколько отстает (по понятной причине) от кривой внутренних волнений. Она начинает расти, когда данное общество переживает переходный период и понижается сразу же после окончательного установления новой формы культуры и общественных отношений. Война, вовлекая не одно, а два или более обществ – некоторые из которых могут находиться в переходном периоде, а другие нет, – несколько запаздывает в своем росте в начале переходного периода, и также отстает в своем спаде в начале стабилизации нового общества или культуры. В других случаях основные пики и спады обоих феноменов идут параллельно.

Так, в Греции самые высокие индексы внутренних беспорядков приходится на V и VI вв. до н. э., эпоху перехода от идеациональной к чувственной культуре. В устоявшейся чувственной системе III и II вв. до н. э. турбулентность резко снижается. В Риме лихорадка революций начинает усиливаться во II в. до н. э., накануне перехода к доминирующей чувственной культуре, достигшей своего пика в I в. до н. э., в самую что ни на есть переходную эпоху. С окончательным установлением новой культуры температура начала падать в I в. н. э., продолжая падать во II в. Третье столетие, в свою очередь, было периодом перехода к новой идеациональной христианской культуре; отсюда и его высокая турбулентность. К IV в. христианство было легализовано как государственная религия, и христианская идеациональная культура прочно установилась. Поэтому мы отмечаем спад революционного пыла, который неуклонно снижался в течение V в., эпохи, характеризующейся безоговорочным господством идеациональной культуры и христианских социальных норм.

В средневековой Европе с VI по XII в. индекс внутренних беспорядков остается низким, за исключением VIII в. – Каролингского возрождения^{10*}, – который временно ввел определенные чувственные элементы в раннесредневековую культуру и существенно реформировал модели социальных отношений в соответствии с раннесредневековым феодализмом. После X в. температура начинает медленно расти, достигая высокой точки в XII в., периоде явного упадка идеациональной культуры и ранних форм феодализма. XIII и XIV вв., как уже говорилось, были главными в этом переходном периоде – периоде идеалистической культуры, перекидывающей мост между увядающей идеациональной системой и нарождающейся чувственной. Индексы внутренней анархии, соответственно,

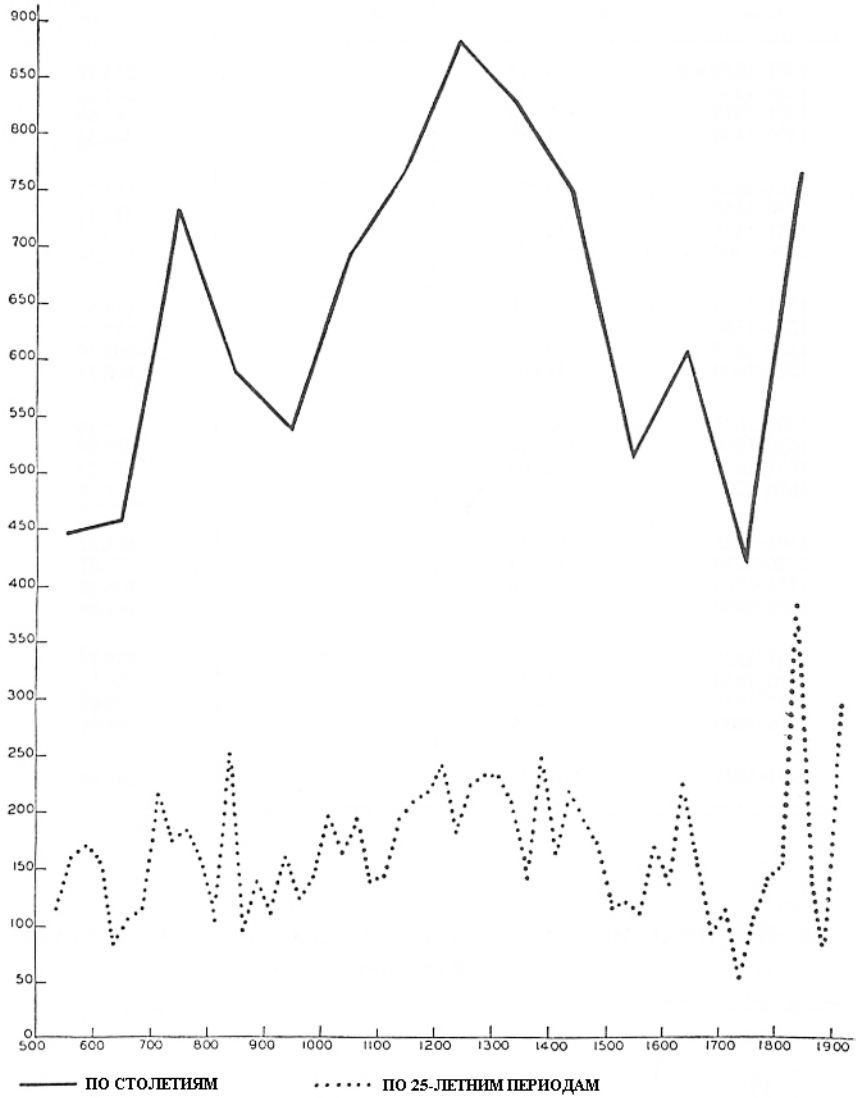

ДИАГРАММА 10

ДИНАМИКА ВНУТРЕННИХ БЕСПОРЯДКОВ В ЕВРОПЕ

достигают своего максимума. После XIV в. чувственная культура одерживает верх и становится все более и более стабильной. Соответственно, революционная лихорадка начинает быстро ослабевать и с незначительными флуктуациями так продолжается вплоть до XIX в. или, по крайней мере, до конца XVIII в. Конец этой стадии отмечен ликвидацией остатков позднего феодального режима и тенденций к повышению кривой внутренних беспорядков. С некоторыми неустойчивыми колебаниями динамика продолжается в XIX в., становясь еще более ярко выраженной в первой четверти XX в. Эта четверть столетия демонстрирует практически беспрецедентный всплеск внутренних беспорядков, конкурируя – если это вообще возможно – только с одним сравнимым двадцатипятилетним периодом за всю историю двух с половиной тысячелетий, охватываемых в данном исследовании! После 1925 г. имело место значительное количество внутренних беспорядков и революций во многих европейских странах, а в течение оставшихся 60 лет столетия, несомненно, произойдет много других.

Данный анализ показывает, что в своих основных флуктуациях динамика внутренних волнений соответствует нашей теории. Общество в порядке, когда его система культуры и социальных отношений хорошо интегрирована и кристаллизована. Оно становится беспорядочным, когда эта система дезинтегрируется и вступает в переходный период. Так как нынешний переходный период – один из наиболее критических из всех зафиксированных, то он, конечно, сопровождается всплеском революций и анархии, не имеющих аналогов по их многочисленности и интенсивности.

Здесь, как и в отношении к войне, мы снова повели себя как слепые. Столкнувшись с неминуемой угрозой взрывоопасных революций, общество XX века убаюкало себя сладкими иллюзиями об упорядоченном, оптимизированном прогрессе, идущем по гладкому шоссе постепенного и рационального изменения. Интеллектуальные сливки этого общества и его так называемые «научные» авторитеты в сфере экономики еще в конце 1927 г. вполне серьезно убеждали друг друга в том, что эпоха резких скачков от процветания к депрессии закончилась, что отныне колебания в экономике будут более постепенными, а их амплитуда уменьшится, и что более высокий и более надежный уровень жизни почти уже достигнут. Даже когда грянул взрыв большевистского переворота, убивая и калеча миллионы людей, многие богатые аристократы, государственные мужи, политики, профессора, министры и журналисты на Западе были очарованы тем, что они расценили как «замечательный социальный эксперимент». Западное общество ведет себя в этом отношении точно так же, как выродившаяся аристократия накануне революции, которой суждено было лишиться ее главенствующего положения в обществе, отнять у нее имущество и даже саму жизнь. Такая аристократия в салонах светских дам, в своих академиях и университетах, а также в кругах финансовых тузов лелеет и пестует разных Вольтеров и Руссо, социали-

стов и коммунистов, Марксов и Лассалей. Точно такая же глупость проявлялась и проявляется в отношении всех недавних революций, от социалистических и коммунистических восстаний до переворотов, которые осуществили Муссолини, Гитлер и Франко.

Некоторое понимание революционной катастрофы наконец-то начинает обладать, по крайней мере у части нашего общества; но даже она не полностью осознает экстраординарный масштаб внутренней анархии и ее реальные причины и последствия. Многие до сих пор рассматривают эти события как обычные явления, исходящие из случайных факторов, включая таких злодеев, как Ленин и Сталин, Гитлер и Муссолини. Предшествующий анализ предлагает верную перспективу и более адекватное понимание глубинной дезорганизации нашего времени, которая рассматривается как неизбежное следствие кризиса чувственной культуры и договорного общества – ужасный «*dies irae, dies illa*»^{11*} резкого переходного периода. Пока прочно не установятся новая культура и общество, нет перспективы окончания анархии, стабильного порядка или линейного прогресса. Никакие эксперименты с политическими, экономическими или каким-либо другими факторами не могут искоренить болезнь, пока она протекает в рамках переходного периода. О революциях и других внутренних беспорядках сказано достаточно (Social and Cultural Dynamics, vol. III, chaps. 12, 13, 14).

Динамика самоубийств. Еще меньше сомнений вызывает рост самоубийств практически во всех западных странах в XIX и начале XX вв. Примерно с 1850 по 1920 гг. их уровень на 100000 человек населения увеличился в Италии с 2,8 до 8,3; во Франции с 7,1 до 23; в Англии с 7,3 до 11; в Пруссии с 10,6 до 20,5; в Бельгии с 6,3 до 14,2; в Ирландии с 1,3 до 3,5; в Испании с 3,6 до 6,1; в Швеции с 8,1 до 12,4; в Румынии с 0,6 до 4; в Сербии с 3,8 до 5,1; в Финляндии с 2,9 до 5,5; в Японии с 11,0 до 20,1 и в Соединенных Штатах (с 1860 по 1922 гг.) с 3,1 до 11,9. Во время этих нескольких десятилетий они удвоилось и утроилось. Само по себе самоубийство мало значимо; даже сейчас только небольшое число людей умирает таким образом. Но как симптом разочарования человека в своем страстном стремлении к чувственному счастью, феномен очень важен. Очевидно, что счастливый человек не совершает самоубийства, сознательно предпочитая смерть жизни. Поэтому, если уровень самоубийств резко возрастает, то это один из вернейших барометров крушения надежд чувственного человека на обретение счастья.

Душевные болезни и преступность. Нет необходимости в детальной статистике для подтверждения утверждения, что душевные болезни и преступность росли в течение последних нескольких десятилетий. Фактически почти любая более или менее достоверная официальная или частная публикация на эти темы предоставляет достаточно статистических данных, свидетельствующих о постепенном или внезапном росте обоих этих явлений.

Например, в Соединенных Штатах индекс преступности, измеряемый количеством арестов, удвоился в четырнадцати крупных городах в период с 1920 по 1930 гг.; подобный рост наблюдался и в случае арестов за тяжкие преступления с 1900 по 1930 гг. Аналогичные данные представлены статистикой о действительном количестве серьезных преступлений, числе заключенных в тюрьму и других показателях преступности. Не отличается ситуация и в большинстве других стран Запада.

Судя по количеству пациентов в учреждениях для душевнобольных или какому-либо другому релевантному показателю, цифры практически для всех евро-американских стран демонстрируют рост ментальных заболеваний с конца XIX и в течение XX вв. Например, на сто тысяч человек населения в Англии приходилось 159 пациентов в 1859 г. и 360 в 1908-ом; в США 81,6 в 1880 г.; 217,5 в 1910-ом; и 220,1 в 1920-ом. Цифры для Германии и почти всех остальных западных стран аналогичны. Делая все необходимые скидки на возможную неточность статистики, наилучший уход за душевнобольными пациентами, более длительный период нахождения в больнице и прочее, – все равно не может быть сомнений в том, что душевных заболеваний становится все больше.

Это означает, что западное общество становится все более умственно дезорганизованным и морально неуравновешенным. Дополнительными новшествами в области криминалитета являются спланированные хладнокровные преступления, совершаемые ради денег, в противоположность вспыльчивой, импульсивной и спонтанной преступности прошлого; эффективность научно организованной криминальной машины; технологически организованный «рэккет» в значительной степени в коалиции с политическими лидерами и «уважаемыми гражданами»; и выдающаяся роль более молодых возрастных групп в преступной деятельности. В Соединенных Штатах, например, в 1930 г. процент возрастной группы от пятнадцати до двадцати четырех лет среди всего населения составлял 18,3, в то время как доля этой возрастной группы во всех арестах за различные нарушения была равна 34,2 процентам. В Англии и Уэльсе в 1935 г. количество мужчин на сто тысяч каждой возрастной группы, признанных виновными в уголовных преступлениях, было следующим: младше 17 лет – 998; от 17 до 21 – 647; от 21 до 30 – 439; от 30 и старше – 163. Среди женщин возрастная группа от 17 лет до 21 года показала наибольшее количество осужденных – 89; цифры для остальных групп следующие: младше 17 лет – 64; от 21 года до 30 лет – 61; от 30 лет и старше – 47. Таким образом, мы видим, что в чувственном обществе на младшие возрастные группы, как правило, приходится непропорционально большая доля всех совершенных преступлений.

Рост преступности в целом и ее современные новинки в частности прямо указывают на моральный «атомизм» и нигилизм нашего времени. В таких условиях преступление становится бизнесом, выполняемым с деловой эффектив-

ностью, хладнокровно, расчетливо и научно, в чисто утилитарных целях, безо всяких моральных или идеалистических соображений. Похититель, рэкетир, убийца в большинстве случаев не испытывает личной антипатии или враждебности к жертве. Он выбирает того или иного человека или группу бесстрастно, единственно с позиции денежной выгоды. Высокий уровень преступности современной молодежи опять-таки совершенно понятен. Выросшие в нестабильных и распавшихся семьях, «атомизированной» моральной атмосфере, и будучи юными и импульсивными, молодые люди стремятся перевести свой утилитаризм и гедонистические наклонности в прямое действие: быстро разбогатеть, чтобы иметь в избытке еду, напитки, женщин и прочие средства удовольствия и комфорта.

Таким образом, революции, преступность, душевные расстройствa и самоубийства несут на себе печать так называемого «освобождения» от этических и правовых норм и верховенства неограниченной физической силы, роста жестокости, зверства и бесчеловечности.

Рост жестокости наказаний. Эти свидетельства могут быть дополнены другими современными тенденциями – например, в наказании за преступление. В XIX в. была общая вера в то, что с течением времени наказания за преступления будут становиться все более гуманными. Многие криминологи XIX и начала XX вв. были убеждены, что физические наказания со временем исчезнут, также как верили, что войны и революции идут на убыль. Однако, когда данная теория была проверена при помощи сравнительных исследований варварских и средневековых кодексов наказания европейского общества и самых последних кодексов советского, нацистского и фашистских режимов или нынешних наказаний, применяемых к миллионам современных людей, она оказалась совершенно несостоятельной.

Результаты такого систематического исследования – первые в своем роде – поучительны. Мы обнаружили, что ранние средневековые христианские кодексы светского и канонического права обнаруживают качественный и количественный рост жестокости в сравнении с предыдущими варварскими кодексами – особенно, как мы и ожидали, в период перехода от чувственной греко-римской и древней тевтонской культур к христианской идеациональной системе. В Риме во время третьего и последующих столетиях нашей эры «вместо несложности и сравнительной мягкости карательных средств [предшествующего периода] развивается чрезвычайно сложная и суровая, порою даже варварская, система... Восстанавливается [почти] исчезнувшая в [предыдущий период] смертная казнь, которая в некоторых случаях принимает [особенно жестокие формы] (сожжение, распятие на кресте, *roepa cullei*^{12*} и т. д.). Кроме смертной казни, наиболее частыми формами наказаний являются: каторжные работы в государственных рудниках (*condemnatio ad metallum*),.. изгнание из пределов отечества, ссылка

в определенное место... с потерей прав, заключение в тюрьму, имущественные штрафы и даже телесное наказание»^{13*}. Точно так же, в период с VI по IX в., когда тевтонские племена переходили от своего «примитивного состояния» к одной из идеациональных христианских культур, мы замечаем похожий всплеск в суровости раннего христианского права – и светского и канонического – в сравнении с варварскими кодексами.

Похожий феномен наблюдается с конца XII и до начала XIV вв. – в период перехода от средневековой идеациональной системы к чувственной культуре. Данный период стал свидетелем подъема и развития инквизиции – см., например, эдикты Веронского Собора (1184) и папы Иннокентия III (1203 и 1215 гг.)^{14*}. Дальнейшие подтверждения этой тенденции проявляются в уголовных кодексах Советского Союза в 1926 и 1930 гг., Третьего Рейха в 1935 г. и фашистской Италии в 1930 г., отражающих убеждение современных законодателей, что склонности предполагаемого преступника можно подавить только причиняя ему сильнейшую физическую боль.

Когда мы обращаемся к конкретной статистике наказаний, реально применявшихся в переходные периоды победившей группировкой той или иной страны к своим поверженным оппонентам, допустимость человеческой жестокости и грубости к своим собратьям приобретает поистине чудовищных размеров. Великие переходные периоды от одного доминирующего типа культуры и общества к другому, как мы уже видели, особенно революционны и турбулентны. Такие революции, поэтому, особо отмечены ростом грубости и жестокости. Проиллюстрируем это некоторыми данными. Возьмем, например, высшую меру наказания как наиболее типичную в этом отношении. В России с 1881 по 1905 г. ежегодное число смертных приговоров колебалось между 9 и 18. Российское уголовное право предписывало высшую меру наказания лишь за некоторые политические преступления, такие, как покушение на царствующую особу и членов его семью. Во время революции 1905-1907 гг. число подскочило до 547 в 1906 г., до 1139 – в 1907 и до 1340 – в 1908 г., а затем, после подавления революции, упало до 717 в 1909 г., до 129 – в 1910 и до 73 – в 1911. Точно так же и во время Французской революции 1789 г. суммарное количество казней по приговорам революционных судов поднялось до 17000 и до 35000–40000 жертв революционного террора. Этот рост – произошедший за какие-то пять лет – представлял собой стократное увеличение числа смертных приговоров, вынесенных до революции.

Подобные усиления жестокости и увеличения смертных приговоров всегда происходят во время революции в периоды резкого обострения ситуации. Так как в XX в. западная культура и общество вошли в критический переходный период, можно было ожидать необычайного взрыва жестокости. Общее количество непосредственных жертв красного террора коммунистической революции

в 1918–1922 гг., согласно консервативным оценкам, как минимум 600000 – более 100000 в год. И это за исключением погибших в гражданскую войну, включая белый террор и всех косвенных жертв самой революции. Так или иначе, от 15 до 17 миллионов человеческих жизней были принесены в жертву идолу революции. Примерно такой же, хотя и в меньших масштабах, была резня во время революций 1918 и последующих годов в Венгрии, Германии, Австрии, Польше, Испании и других странах. Человеческая жизнь потеряла свою ценность, и ее попирают без угрызений совести и раскаяния. «Чистки» стали ежедневными или еженедельными, убийство – каждодневной рутинной.

Добавьте к этому миллионы людей, лишенных всей своей собственности и других прав, арестованных, заключенных, содержащихся в концентрационных лагерях и других местах ареста, подвергшихся пыткам или ссылке. Прибавьте также миллионы тех, кому пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь, и тех, кто либо погиб мигрируя, либо стал беженцем – беспомощным, брошенным, без дома или семьи и, обычно, лишенным средств к существованию. В переходные периоды число беженцев неизбежно возрастет. Так было на закате греко-римской чувственной и в начале христианской идеациональной эры в связи с внутренней и внешней миграцией народов в раннем средневековье. Другой яркий пример предоставляет история XIII и XIV вв. Современные беженцы вполне могли бы откликнуться на слова Данте, одного из наиболее известных беженцев тех столетий, который «знал, сколь горек чужой хлеб, и испытал, как трудно подниматься по чужой лестнице»^{15*}. Далее, примите во внимание, что в настоящее время не щадят ни невинного ребенка, ни седин почтенного возраста, ни нежности девушек и женщин. Они-то и являются основными жертвами войн, революций, преступлений и других форм насилия. Цивилизация, которая до 1914 г. кичилась своей гуманностью и состраданием в противовес мнимой жестокости и бесчеловечности «темного» времени, превратилась в нечто настолько низменное и зверское, что превзошла приписываемую варварам жестокость. Возникнув вновь в XII и XIII вв. в духе гуманизма, сострадания, земной мудрости и благородных стремлений, чувственная культура Запада закончила эту фазу своего существования бунтом сверхживотной жестокости и насилия. Невозможно представить более полного и трагического банкротства. Пока общество пытается функционировать в рамках разрушающейся чувственности, нет надежды остановить этот процесс дегуманизации, деморализации и ожесточения, прогрессирующей замены всех моральных, религиозных и социальных ценностей физической силой (Social and Cultural Dynamics, vol. III, chaps. 7, 8; vol. II, chap. 15).

Экономическая нищета. Наконец, банкротство перезревшей чувственной культуры достигает кульминации в своей неудаче осуществить самую заветную свою цель – высокий материальный стандарт жизни, доступный всем. По очевидным причинам чувственная культура, во время своего цветения и на более

зрелых стадиях справляется с этой задачей лучше, чем идеациональная система. Идеациональная культура не озабочена материальными стандартами и ценностями. Идеациональное общество не вкладывает всю или большую часть своей энергии в эту деятельность: она рассматривает материальный комфорт либо равнодушно, либо негативно. Стремление чувственного общества совсем другое: оно вкладывает всю свою энергию в приумножение материальных ценностей. Благодаря науке и технологии, более эффективному производству, коммерции и торговле, а иногда при помощи ограбления более слабых народов, оно в большей степени преуспело в обеспечении материального комфорта своих членов, чем любое идеациональное общество.

Поэтому развитые стадии чувственной культуры всегда характеризовались значительным улучшением материальных условий жизни. Такова была ситуация в Греции и эллинистическом мире с V по II вв. до н. э. – в период возрождения и роста чувственной культуры. По сравнению с VI в. до н. э., который был в основном идеациональным, уровень жизни заметно вырос. По той же причине I и II вв. н. э. демонстрируют наивысший уровень материальных условий в Риме. Наконец, по той же самой причине в средневековой Европе материальный уровень жизни заметно вырос в XII, XIII и первой половине XIV в.; затем, после резкого отступления, он поднимался с незначительными флуктуациями с XV по XX вв., достигнув в XIX в. и в предвоенный период XX-го уровня, не имевшего прецедентов в человеческой истории. Что еще более важно, выгоды распространились на все социальные классы, а не ограничились узким кругом привилегированных. Развитие этой тенденции обеспечило западному обществу безопасность жизни и защищенность от возможного ущерба извне. Это в огромной степени способствовало улучшению физического здоровья благодаря предотвращению или уничтожению многих болезней. Благодаря всем этим преимуществам продолжительность жизни людей увеличилась, а сама жизнь стала во многих отношениях менее тяжелой и более счастливой.

Этот успех и стал причиной безграничного оптимизма западного общества, особенно в период с XVIII по XX в. В конце 1927 г. ученые и власти чуть ли не в один голос твердили об этой оптимистической вере в возможность безграничного улучшения материальных условий, дальнейшего удлинения продолжительности жизни, безграничного улучшения здоровья, достижения еще большего счастья. Они изображали следующий этап человеческой истории как рай, где молочные реки будут течь меж кисельных берегов по равнине неограниченного изобилия. Гастрономические деликатесы – даже шампанское – будут доступны каждому. Люди избавятся от утомительного труда, все работы будут делать машины. Таким образом, у каждого появится обильный досуг для отдыха, счастья и образования. Бедность и нищета будут упразднены. То, что было недоступным даже для королей и миллионеров прошлого, станет доступным для самых бед-

ных членов общества будущего. Вот так или подобным образом рисовалась вера в туче-кукуевское^{16*} будущее западного общества до 1914 или даже 1929 года.

Этот рай казался вполне научно обоснованным, правдоподобным и убедительным. Не ощущая подземные колебания, общество было также не чувствительно и к скрытым силам, которые подрывали сами источники его материального процветания.

Соответственно, оно не осознавало, что периоды резких перемен – все без исключения – являются временем катастрофического экономического упадка, особенно когда происходит переход от чувственной системы к идеациональной. Деморализация, дезинтеграция, войны, анархия, революции, преступность, жестокость и другие разрушительные силы не способствуют деловому процветанию. В подобных обстоятельствах исчезает безопасность собственности, подрываются стимулы для эффективной работы и постепенно сокращаются производство, коммерция и торговля. То, что создается, быстро уничтожается войной и анархией. Что зарабатывается, тут же тратится из-за неуверенности в будущем. Долгосрочная экономика заменяется погоней за немедленной выгодой или обыкновенным грабежом. Такие периоды, особенно когда перезревшая чувственная система заменяется идеациональной, неизменно сопровождалась колоссальной и часто неожиданной экономической катастрофой и понижением материального уровня жизни. Такова была ситуация на закате греко-римской чувственной культуры в IV, V и VI вв. н. э. Катастрофическое разрушение экономических ценностей, понижение уровня жизни, процессы деурбанизации, деиндустриализация и декоммерциализация вместе с беспросветной нищетой, вызванной ими, слишком хорошо известны, чтобы углубляться в детали.

Следующий пример иллюстрирует переход от идеалистической системы XIII и первой половины XIV вв. к последующей чувственной. Материальное благосостояние, которое быстро росло в XII и XIII вв. и достигло уровня, превышенного только во второй половине XIX в., резко упало с конца XIV или в течение XV в. (в зависимости от страны) в условиях переходного периода. Позднее, с полным триумфом чувственной культуры тенденция роста возобновилась, приведя к невиданным высотам второй половины XIX столетия и предвоенных лет XX в. Так как наша культура и общество находятся в состоянии базового перехода, противоположная экономическая тенденция – к обеднению и снижению уровня жизни – неизбежна.

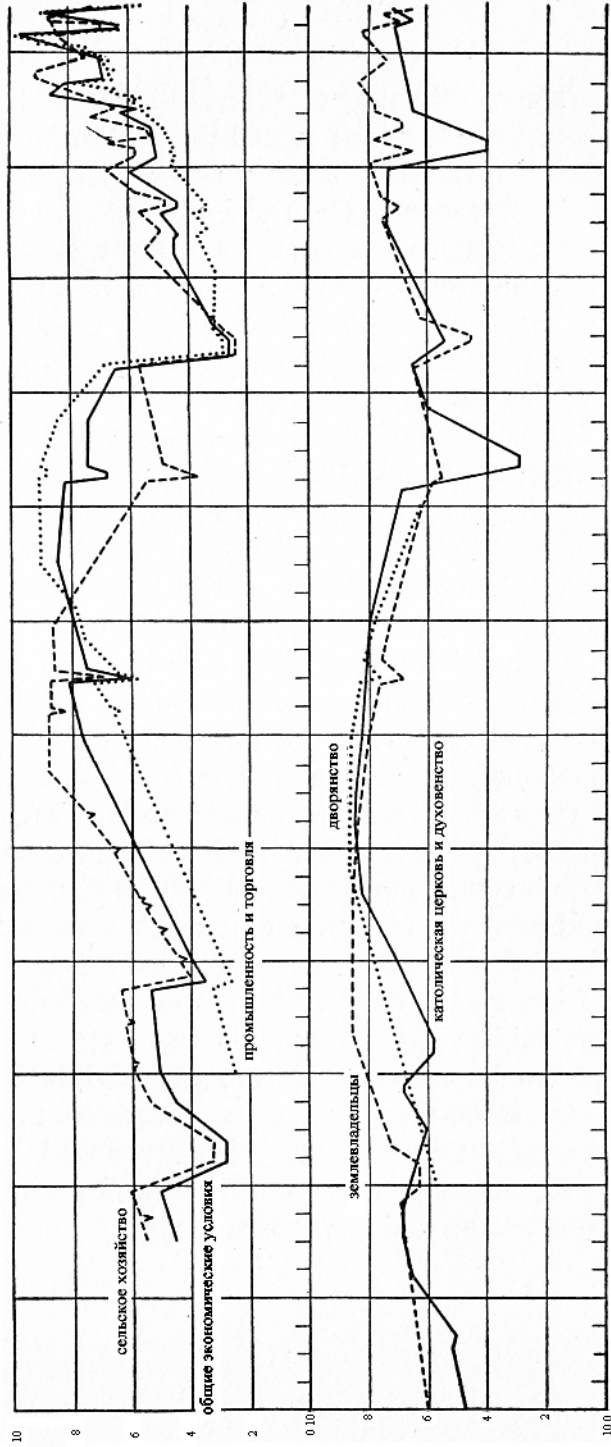
Мировая война 1914–1918 гг. была первой в серии катаклизмов, которые истощили сами источники нашего процветания, повернув при этом вспять тенденцию материального благосостояния. После окончания войны было временное улучшение в двадцатые годы, но оно было очень коротким, и скоро – особенно после 1929 г. – наступил быстрый упадок. Диаграммы 11 и 12 демонстрируют флуктуации экономических условий жизни во Франции и Германии с 700 г. н. э. до 1930 г.

В тридцатые годы спад приобрел огромные масштабы, с миллионами безработных, с пособием (или его эквивалентом) или без пособия, постоянным уменьшением богатства и дохода и другими симптомами жестокой депрессии. Обратились к искусственным мерам преодоления кризиса, главным образом за счет будущих поколений, но эти меры оказались поверхностными и неадекватными. С началом войны в 1939 г. падение уровня жизни повсюду стало катастрофическим. Перевооружение начало поглощать не только излишки (если, конечно, они были), но и жизненно важную составляющую национального богатства и дохода, даже в странах, оставшихся нейтральными. По мере вовлечения в войну все большей части континента, лишения и нищета распространялись на все большие области и захватывали миллионы человеческих существ. Их материальный уровень жизни скатился до уровня гораздо ниже стандартов средневековья. Голод, нехватка одежды и надежной крыши над головой (или даже отсутствие оной), а также недосыпание и отсутствие других элементарных удобств стали общими для всей Европы, большей части Азии и многих стран Африки, равно как и для других территорий. Безопасность собственности достигла нулевой отметки.

К этим лишениям и страданиям добавились другие, еще более ужасные. Безопасность жизни как таковой исчезла во всех воюющих странах. Множества людей потеряли своих родных, друзей и соседей. Повсюду маячил призрак Смерти! Это явление полно и наглядно продемонстрировано стремительным ростом уровня смертности в 1939–1940 гг. и, несомненно, в 1941 г. среди гражданского населения европейских и других стран, как воюющих, так и невоюющих.

Таким образом, за три-четыре десятилетия умирающая чувственная культура смела все материальное богатство и другие ценности, созданные за четыре предыдущих столетия. Человек сидит среди руин своего бывшего прекрасного общественного здания, окруженный – в буквальном и переносном смысле – ужасающей горой трупов (*Social and Cultural Dynamics*, vol. III, chap. 8).

Дополнительные свидетельства иронии истории красочно показывают меры так называемой «социальной безопасности» (страхование по старости и от безработицы), вводимые как раз в то время, когда подобная безопасность перестала существовать; помпезные и хвалебно-напыщенные речи демократов, когда исчезают остатки демократии (частично по вине тех, кто считает себя ее охранителями); претенциозные декларации чувственного гуманизма, когда последние остатки истинной гуманности были отброшены; и вновь звучащие уверения, что мы сможем сберечь «наш путь», будь то американский, немецкий, русский или английский, когда традиционный образ жизни стал всего лишь исторической памятью! Ропот и шум вокруг данных мер, да и само их провозглашение являются несомненным свидетельством, что рассматриваемые ценности уже погибли или находятся в серьезной опасности. Когда положение семьи, например, было еще безопасным, мало говорили о необходимости ее защищать. Когда же семья стала

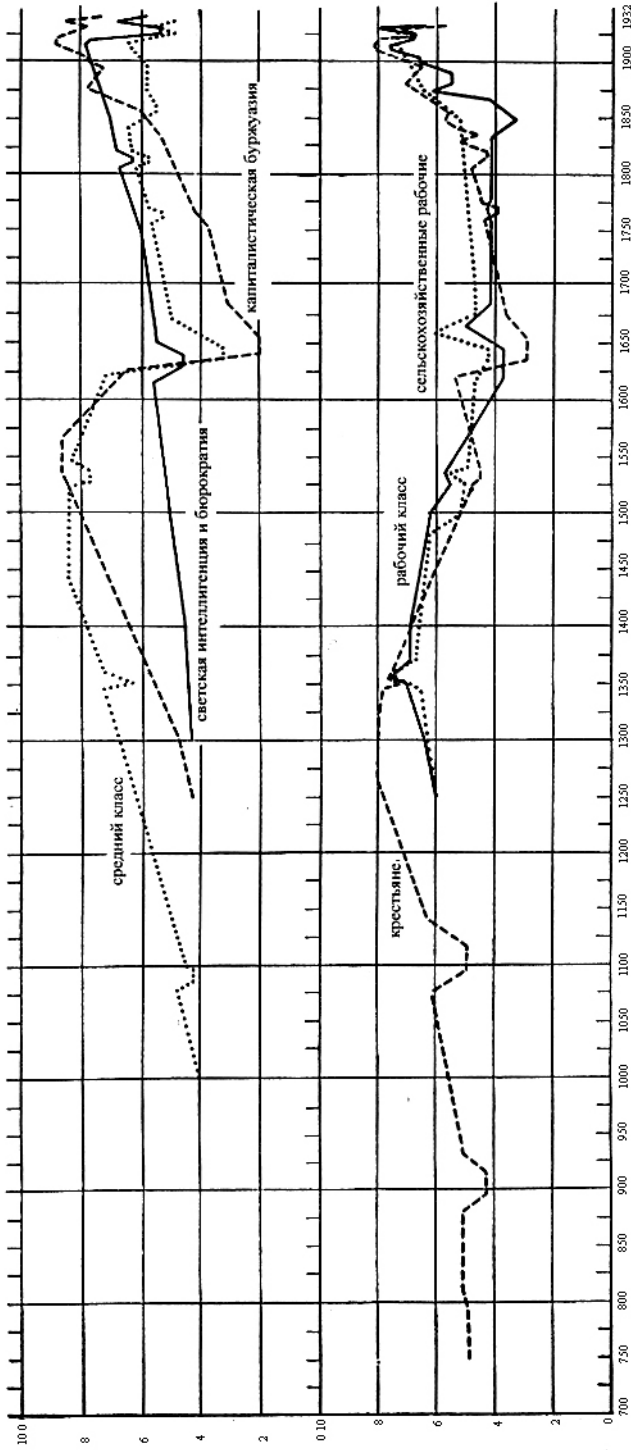

ДИАГРАММА 11

ОБЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГЕРМАНИИ С 700 ПО 1932 Г.

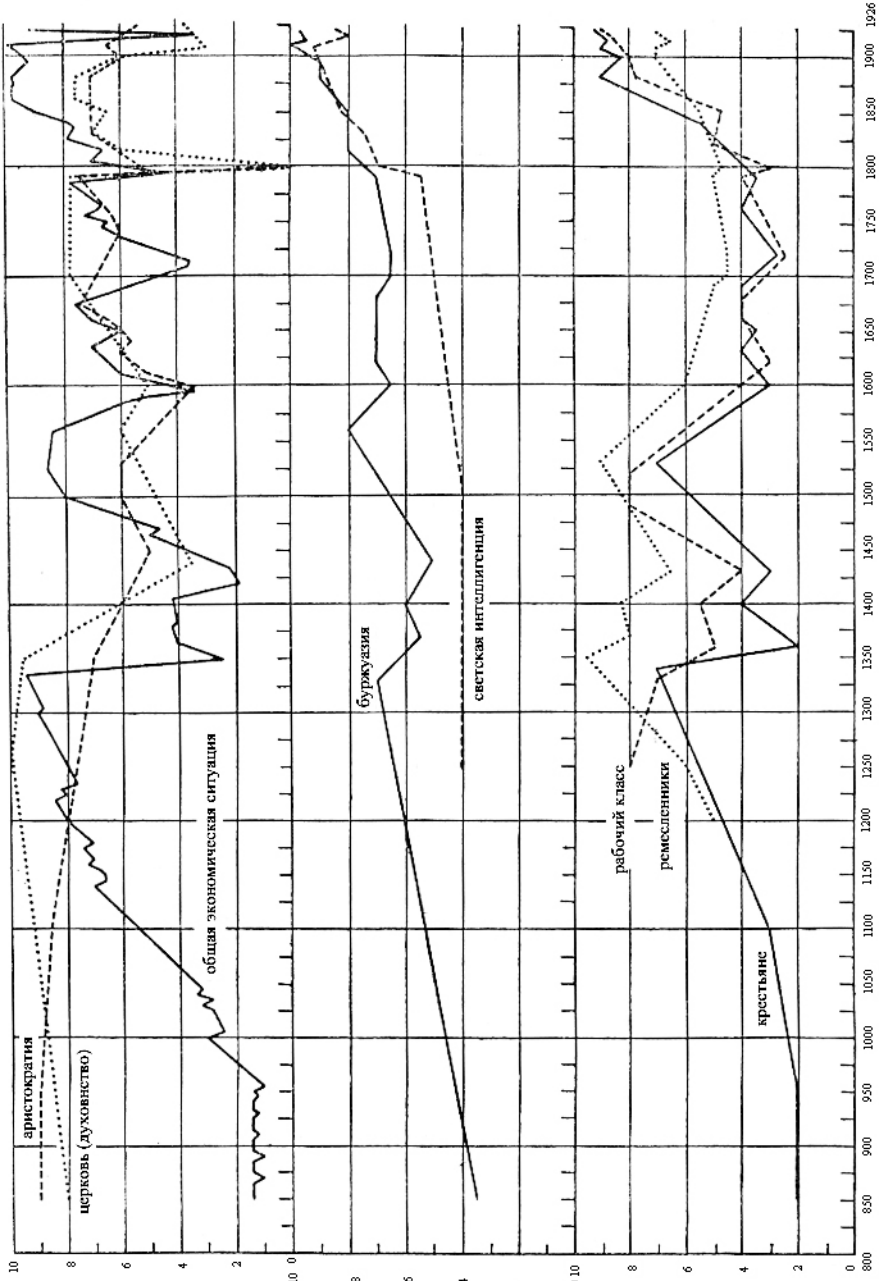

ДИАГРАММА 12
ОБЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ С 800 ПО 1926 Г.

распадается, на свет появилась масса книг, лекций, курсов и обществ по сохранению этого института. То же самое можно сказать о социальной безопасности, о мире, гуманизме, демократии, процветании и тому подобном.

Вкладывая всю свою энергию в контроль над природой, чувственный человек достиг в этом заметного успеха. Но, участвуя в этом процессе, он утратил *самоконтроль*. Подобно ребенку, играющему с бомбой – ослепленный физическими силами, которыми он может распоряжаться, в порыве безумия, человек направил их против самого себя и собственных достижений. В стремлении служить мамоне^{17*}, он забыл о служении Богу, и сейчас платит трагическую цену за собственную глупость!

Глава седьмая

ТРАГИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ, ХАОТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ, ГИГАНТОМАНИЯ И СНИЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ ЧУВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

---

1. Культура прославления человека и его деградации

Когда социокультурная система достигает стадии дезинтеграции, в ней появляются и набирают силу следующие четыре симптома. Первый – это внутренние противоречия непримиримого дуализма такого рода культуры; второй симптом – ее аморфность, хаотический синкретизм элементов, взятых из различных культур и не усвоенных ею; третий – гигантомания^{1*} или величина и количество за счет качества; и четвертый – прогрессирующее истощение креативности, творческих возможностей для создания великих и вечных ценностей. В дополнение ко всем обсужденным ранее признакам дезинтеграции эти четыре симптома в современной чувственной культуре нашего времени уже проявились и стали угрожающими.

Наша культура в ее современной чувственной стадии полна непримиримых противоречий. Она провозглашает всеобщее равенство, а на практике демонстрирует огромное число интеллектуальных, моральных, ментальных, экономических, политических и других проявлений неравенства. Она говорит о «равенстве возможностей» в теории, на практике же это никому ничего не дает. Она декларирует «правительство из народа, волей народа и для народа», на деле же все более превращается в олигархию, плутократию, диктатуру той или иной группировки. Она поощряет рост потребностей и желаний и в то же время препятствует их удовлетворению. Она обещает социальную безопасность и приличный минимум условий жизни для каждого и в то же время поступательно разрушает безопасность всех и обнаруживает неспособность устранить безработицу и создать элементарные жизненные условия массам. Она борется за достижение счастливой жизни для большинства людей, но неуклонно терпит поражение. Она объявляет о ликвидации групповой ненависти, в действительности же в ней все сильнее кипят групповые антагонизмы любого вида – расового, национального,

государственного, религиозного, классового и др. Беспрецедентный взрыв внутренних беспорядков и войн в XX в. – очевидное доказательство такого провала. Наша культура осуждает крайние проявления эгоизма и гордится социализацией и гуманизацией всех и вся, в реальности же она демонстрирует необузданную алчность, жестокость и предельный эгоизм как индивидов, так и различных групп, начиная с бесчисленных лоббистских групп влияния и кончая экономическими, политическими, профессиональными, религиозными, государственными, семейными и другими группами. И так далее и тому подобное.

Не перечисляя все внутренние противоречия нашей сегодняшней культуры, мы хотим сказать о том, что является ее основным внутренним противоречием. Оно состоит в том, что *наша культура одновременно является и культурой прославления человека и культурой деградации человека*. С одной стороны, она безгранично восхваляет человека и превозносит созданную им и обществом культуру, а с другой стороны, она низвергает человека и все его культурные и социальные ценности. Мы живем в эпоху, которая возвеличивает человека как высшую цель, и в то же время – в эпоху, которая бесконечно чернит его и созданные им культурные ценности. «Мир завтрашнего дня» на Всемирной выставке в Нью-Йорке^{2*} символизирует один из аспектов этого трагического дуализма; катастрофа современных войн – другой его аспект.

Никогда еще человек не демонстрировал таких способностей к научным открытиям и технологическим изобретениям. Предшествующий период не мог соперничать с возможностями современного человека изменять в соответствии со своими потребностями космические и биологические условия. Никогда ранее человек до такой степени не был творцом своей собственной судьбы. Мы, действительно, живем в эпоху величайшего триумфа человеческого гения.

Неудивительно, что мы гордимся человеком. Наша культура стала гомоцентрической, гуманитарной и гуманистической *par excellence*^{3*}. Человек – ее блистательное средоточие. Культура делает человека «мерой всех вещей»^{4*}. Она возвеличивает его как героя и величайшую ценность не потому, что он создан по образу и подобию Бога, а по праву, завоеванному самим человеком и его удивительными достижениями. Культура заменяет религию сверхчеловеческих божеств позитивистской религией человечества. Она выражает непреклонную веру в возможность безграничного прогресса, основанного на способности человека направлять свою собственную судьбу, уничтожая все социальное и культурное зло и создавая мир еще прекрасней и лучше, мир, свободный от войн и кровавой борьбы, от преступлений, бедности, безумия, глупости и варварства. Во всех этих смыслах мы, действительно, живем в эпоху истинного прославления человека и его культуры.

К сожалению, этот поражающий своим великолепием фасад – лишь одна сторона нашего культурного и социального бытия. Подобно мифическому двули-

кому Янусу, он имеет и другое – более зловещее лицо: невиданную деградацию и дегуманизацию человека; уничтожение, искажение и осквернение всех социальных и культурных ценностей. Если одно «лицо» прославляет человека как божественного героя, то второе – лишает его всего божественного и героического. Одно «лицо» нашей культуры показывает творческий яркий свет человеческого гения, поднимающегося все выше и выше *per aspera ad astra*^{5*} – к вечному миру абсолютных ценностей; ее второе «лицо» насмехается над таким самообольщением и низводит человека до уровня простого подчиняющегося инстинктам муравья.

Мы не любим выставлять напоказ это зловещее лицо нашей культуры, оно не демонстрируется на Всемирной выставке, и все же оно существует как факт. Более того, как мы уже видели, с течением времени оно проявляется все чаще, все более омрачая ее светлую сторону. Чтобы продемонстрировать это, достаточно беглого взгляда на главные составляющие нашей культуры.

Начнем с *современной науки* и зададим вопрос, как наука определяет человека. Существующие ответы, насколько мы знаем, таковы: человек – это сложное многообразие электронно-протонного взаимодействия; или же животное, имеющее близкое родство с обезьяной; или же рефлекторный механизм; или многообразие взаимодействий «стимул-реакция»; или психоаналитический «мешок», наполненный как либидо, так и базовыми физиологическими стимулами; или механизм, находящийся под контролем главным образом голода и экономических потребностей. Таковы сегодняшние физико-химические, биологические и психосоциальные представления о человеке. Нет сомнения в том, что человек заключает в себе все это. Но все ли из этих представлений полностью объясняют основную природу человека? Затрагивают ли они его наиболее фундаментальные свойства, которые делают его уникальным творением в мире? Большинство определений, которые претендуют на сугубую научность, редко поднимают такие вопросы. Они их обходят.

Мы так привыкли к подобным представлениям, что часто не способны увидеть содержащееся в них чрезвычайное обесценивание человека и его культуры. Вместо того, чтобы изображать его как Божье творение, как носителя высших ценностей в этом эмпирическом мире, они лишают человека всего божественного и великого, низводят его до простого неорганического или органического комплекса. Таким образом, современная наука пропиталась трагическим дуализмом, о котором мы говорили ранее. С одной стороны, она создает все реальные ценности, что увеличивает *summum bonum*^{6*} человека; с другой стороны, наука изобретает пушки и бомбардировщики, отравляющие газы и танки, убивающие человека и уничтожающие его культуру.

Как и вся наука, *современная философия* также внесла свою лепту в деградацию человека и его культуры: во-первых, распространением в течение последних нескольких столетий механистического материализма; во-вторых, девальва-

цией самой истины, сведением ее к вопросу простого удобства (что мы встречаем у Маха, Пуанкаре, Петцольда, Рихарда Авенариуса, К. Пирсона, У. Джеймса, Дж. Дьюи и других представителей позитивизма, неопозитивизма, прагматизма, операционализма, инструментализма^{7*}, логического позитивизма и других подобных им философских направлений). Или же сведением истины к простому вымышленному и произвольному «соглашению» (философия als ob^{8*}, «как если бы») или к «идеологии», «деривации»^{9*}, «рационализации» как побочным продуктам экономических, чувственных и других стимулов и причин (марксизм, паретианство, фрейдизм). В-третьих, признанием органов чувств основными и часто единственными критериями истины. Материализм отождествляет человека и культурные ценности с материей; поэтому он не может рассматривать человека и его культуру как нечто исключительное и уникальное в мире. Истина, сведенная к простому «удобству» или «соглашению», разрушает сама себя. В лабиринте противоречивых «удобств» и «соглашений» появляются тысячи противоречивых «истин», каждая из которых имеет право на существование. По этой причине особое различие между истинным и ложным исчезает.

Вместе с этим человек из благородного искателя истины как абсолютной ценности превращается в некоего лицемера, использующего «истину» как прекрасную дымовую завесу для оправдания своих побуждений, вожелений, выгод и жадности. Поскольку современная философия распространяет эти представления, она приобретает свои собственные разрушительные черты, способствующие обесцениванию человека и истины как таковой.

Если мы обратимся к современным *изящным искусствам*, то обнаружим, что они отражают тот же дуализм с теми же противоречивыми последствиями как для человека, так и для самого искусства. Светлая сторона искусства хорошо известна и не нуждается в комментариях. А ее внушающий тревогу аспект проявляется, как мы уже знаем, во-первых, в сведении социокультурной ценности искусства к простому средству чувственного удовольствия типа «вино, женщины и песня»; и, во-вторых, в патологическом выпячивании отрицательных черт человека и культуры.

Вряд ли мы смогли бы испытывать уважение к человеку и его культуре, если бы поверили во все представления современного искусства. И в этом смысле современное искусство – это искусство дискредитации и унижения человека. Разрушая собственный статус великой культурной ценности, искусство готовит свой крах.

И, наконец, подобный дуализм проявляется в современных *этике и праве*. Они формируются, с одной стороны, на основе созданной в прошлом и унаследованной нами системы христианской этики, а с другой – на основе более современных утилитарных и гедонистических правил поведения. Мы уже видели, что эти современные системы посеяли семена деградации человека, так же как и деградации самих моральных ценностей.

Подобный дуализм проникает в наши умы, в наше поведение и социальные отношения. Мы стремимся к счастью и в то же время готовим для себя несчастья. Чем более мы пытаемся улучшить свое благосостояние, тем более мы теряем душевный покой, без которого невозможно счастье. Вместо того, чтобы пребывать в мире с Богом, со всем человечеством и людьми-собратьями, современный человек являет собой кипящий котел вожделений, постоянно воюющих между собой и сталкивающихся с вожделениями своих собратьев. Человек разрывается между ними, не может их контролировать и находится в состоянии постоянного нетерпения и неудовлетворенности. Мы стремимся к максимуму материального комфорта, и мы поощряем лишения и нищету. Мы восхваляем любовь и культивируем ненависть. Мы объявляем человека священным и безжалостно его убиваем. Мы провозглашаем мир и ведем войну. Мы верим в сотрудничество и солидарность, но приумножаем конкуренцию, соперничество, антагонизм и конфликты. Мы стоим за порядок и замысливаем революции. Мы гордимся правами человека, священной конституцией и мирными соглашениями, но мы же лишаем человека всех прав и разрываем все соглашения и пакты. И так далее до бесконечности. Трагический дуализм нашей культуры очевиден, он углубляется день ото дня. Душа культуры безнадежно расколота. Ее здание рушится изнутри. Мрачный демон ведет нескончаемую борьбу с божественным гением. И демон разрушения в нашей культуре все более побеждает творческого ангела. Вот откуда идет зловещее затмение нашей культуры.

2. Культура хаотического синкретизма

Другим важным симптомом разложения интегрированной культуры служит появление в ней хаотического синкретизма. Классический пример этого дает чувственная культура Греции и Рима в период их заката. На этой стадии их культура, по словам Тацита, напоминала «общую сточную канаву, в которую отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное»^{10*}. Все эти потоки были хаотичными и не собранными в одно русло. В результате чувственная греко-римская культура на своем закате превратилась в «общую сточную канаву» или свалку самых несовместимых элементов большинства различных культур.

Причина такого синкретизма как признака дезинтеграции очевидна. Любая великая суперсистема культуры, как мы уже видели, это интегрированный в единое целое организм, объединенный смысловыми и причинными связями. Таким интегрированным организмом были идеациональная и идеалистическая средневековая культура, проникнутая духом христианства. Таким единым организмом была и наша чувственная суперсистема в столетия своего возникновения и развития, когда ее чувственные ценности были не бессильны, а мощны.

Она обогатилась тогда элементами многих культур: греко-римской и арабской, византийской и египетской, восточной и исконной американской. Но она усвоила из всех этих культур только те ценности, которые не противоречили ее духу. Несовместимые с собственными или неусваиваемые элементы других культур она отвергла. В этом смысле, как и любая великая культура, она была в высшей степени избирательной и пристрастной. В настоящий момент она находится совершенно в другой ситуации. Ее ценности, как мы уже знаем, раздробились и превратились в прах. Далее, создаваемые ее собственным гением новые средства коммуникации и связи позволяют ей непосредственно взаимодействовать практически со всеми культурами человечества. Элементы этих культур во всем своем поразительном многообразии стали все более активно проникать в нее. Индейское курение табака, турецкие бани, кофе и чаепития, игра в поло, ношение пижамы, наркомания и восточная религиозная философия – все это пустило корни в нашей культуре. Элементы культур аборигенов Австралии, меланезийских и эскимосских племен, равно как и культур всех исторических народов настоящего и прошлого – Египта, Индии, Китая и народов майя, Греции и Рима, Турции и Персии, – вливались в чувственную культуру Запада бурными потоками. Любая культура в период своей зрелости и силы, подобно живому организму, может усвоить и «переварить» великое множество инородных элементов. Но даже для сильного организма существует предел этого усвоения, и этот предел прогрессирующе снижается с возрастом и ухудшением здоровья. Аналогичным образом существует предел усвоения чужеродных элементов у любой культурной системы, и этот предел сужается с приближением культуры к стадии упадка. Когда эта граница будет пройдена, избыточный поток чужеродных элементов, привносимых в такую культуру, будет усваиваться все хуже. Они все более и более будут разрушать самобытность, дух и плоть культуры и окончательно приведут к ее дезинтеграции. Именно этот результат мы и наблюдаем сейчас в современной западной культуре. Ее богатство и многообразие поразительны. В ней мы можем найти все, что угодно. Мы можем найти все существующие стили изящных искусств, какие только можно вообразить: от примитивного и архаического до ультрасовременного и классического. В ней соседствуют все нравы, манеры, моральные правила, обычаи, табу, кодексы, этические системы, своды законов всех племен и народов. В ней представлены все религиозные системы и все образцы знахарства и колдовства. Наша коммуникационная сеть столь развита, что делает возможным контакты со всеми; и все находят так или иначе своих приверженцев и апостолов. То же происходит и со всеми философскими системами. Опять-таки все научные теории самого различного толка прошлого и настоящего находятся в нашем распоряжении и находят своих адептов и последователей. То же относится и к нашим социальным институтам: от семьи до политических режимов всех видов, существующих в нашей системе и смодели-

лированных по различным образцам. И, наконец, в выбираемых нами фасонах и причудливых формах одежды, манере ухаживать и шутить, вплоть до стилей, присущих любой области культуры, мы переходили в течение двух десятилетий от одной возможной крайности к другой, от подражательной моды «архаического, первобытного и пещерного человека» – к моде классического, романтического, готического стиля и стиля барокко, вертикального и горизонтального, «аскетического» и «кричащего», «мирного» и «военного» и т. д., в бесконечном разнообразии всех форм и моделей. Сфера западной культуры и сфера наших представлений о ней подобны «Всемирной выставке», где можно найти все, что угодно, где самые разнородные ценности непрерывно мелькают одна за другой. Западная культура перестала быть организмом, осуществляющим отбор. Вместо этого она превратилась в огромную культурную свалку без всяких ограничений. Культура потеряла свое собственное лицо, свой собственный дух и утратила способность отбрасывать чуждое ей.

Этот всепроникающий синкретизм отражается в нашем менталитете, в наших верованиях, мыслях и вкусах, стремлениях и убеждениях. Разум современного человека подобен свалке самых фантастических и разнообразных фрагментарных идей, верований, вкусов и обрывков информации. От коммунизма к католицизму, от Бетховена или Баха до зажигательного джаза и насвистывания простых напевов и мелодий; от моды на последние кинофильмы или бестселлеры до других кинофильмов или бестселлеров совершенно противоположного типа – все в нем так или иначе сосуществует беспорядочно, без какой-либо согласованности идей, верований, вкусов и стилей. Сегодня культурный бестселлер – это «Жизнь Иисуса»; завтра – «Треjder Хорн»; на следующий день – «Унесенные ветром»^{11*}; затем – психоаналитическая биография Наполеона; затем – некая смесь архаизма с классицизмом; эротизма со святостью; проповеди церкви четырехстороннего Евангелия^{12*} с выдержками из книги «Почему мы ведем себя как люди»^{13*}; доктрины коммунизма и теософии, а в довершение всего – бессвязная чушь нашей радиопередачи: «Справочная? Могу я узнать...»^{14*}, и другие интеллектуальные жвачки.

Рассмотренная с этой точки зрения наша интеллектуальная жизнь есть не что иное, как непрерывный джазовый марафон. Отсутствие собственного «скелета» и бессвязный синкретизм характерны для всей нашей социальной и интеллектуальной жизни. Наше образование заключается главным образом в загрузке в головы студентов огромного множества разнородных обрывков информации обо всем. Наши газеты и журналы отражают тот же синкретизм, возведенный до уровня абсолютного догмата, одобренного сенсационностью желтой прессы. Наша наука меняет свои гипотезы каждое десятилетие или даже каждый год. Наша этика – это джунгли не согласующихся между собой норм и противоположных ценностей. Наша религиозная вера – это смешение дюжины различных

«социальных доктрин», одобренных некоторыми христианскими поучениями, разбавленных догмами марксизма, демократии и теософии, обогащенных дюжиной вульгаризованных философских идей, подправленных рядом научных теорий, мирно уживающихся с наиболее отвратительными суевериями колдунов. Таковы наша философия и мировоззрение, наши изящные искусства и вкусы. С равным энтузиазмом мы принимаем грегорианские песнопения и «Сент-Луис блюз»^{15*}, Библию и эротический роман, бихевиоризм и неотоцизм, «Божественную комедию» и «Потерянный рай», «Эсквайр» и «Гроздь гнева»^{16*}, психоанализ и «Исповедь» блаженного Августина, джиттербаг^{17*} и классический танец. И так далее. Все это находится рядом в неусвоенном и не интегрированном в единое целое множестве.

Это беспорядочное нагромождение разнородных элементов означает, что дух нашей чувственной культуры разрушен. Кажется, что она теряет уверенность в себе и начинает сомневаться в собственном превосходстве и первородстве. Она перестает быть верной самой себе. Она уже не в состоянии оставаться собственным ваятелем, поддерживать целостность и единообразие своего стиля, сохранять то, что ей соответствует, и отвергать все, что ей вредит. Такая культура теряет свою индивидуальность. Она становится бесформенной и не имеющей собственного стиля. Она становится все менее и менее заметной в океане культурных феноменов, как яркая и замечательная индивидуальность. Когда она достигает этой стадии, ее творческая карьера заканчивается. Из созидательницы истории культура переходит в разряд музейных экспонатов (Social and Cultural Dynamics, vol. IV, chap. 5).

3. Культура гигантомании

Универсальным признаком дезинтеграции в любой великой суперсистеме культуры является замена высочайших качественных достижений количественной гигантоманией, внутренних ценностей – яркой внешностью, сущности – показным эффектом. Так было в прошлом, так происходит и в настоящем.

Греция периода наивысшего творческого расцвета VI, V, IV столетий до н. э., при сравнении с поздним эллинистическим и еще более поздним римским миром, дает нам классический пример этого. В Греции ее творческого периода храмы, включая Пантеон, отличались очень небольшими размерами, ее статуи и картины также были относительно невелики. Ее музыка была простой и исполнялась всего несколькими инструментами, будь то время великого Терпандра или более позднее. Количество и величина ее академий и лицеев, тиражи ее книг были скромными. Ничего не измерялось количеством проданных копий или размерами ценных объектов. Очень небольшими были также и греческие государ-

ства. Все великое было великим по своим внутренним ценностям, а не по количественным параметрам или внешнему виду. Качественное, а не количественное измерение определяло, была ли ценность большой или малой, положительной или отрицательной.

Когда мы переходим к эллинистическому и позднему римскому периоду, картина меняется. Возвышенное качество исчезает. На смену ему все в большей степени приходит количество, и чем более колоссальным что-либо становится, тем выше его начинают оценивать. Замки, дворцы, театры, общественные здания, монументы, скульптуры – все делается огромным. Колосс Родосский был 105 футов в высоту, Галикарнасский мавзолей^{18*} – 140 футов. Размеры скульптур и памятников, таких, как Пергамский фриз^{19*}, Геракл Фарнезе^{20*}, Арка Тита, Колонны Траяна, Марка Аврелия, Константина^{21*}, были громадными. Эллинистические города с их огромными зданиями, широкими и длинными улицами были намного крупнее, чем греческие города предыдущего периода. Состояния богачей достигли огромных размеров. Появлялись гигантские хоры и оркестры с более сложными и многочисленными инструментами. Театральные пьесы вовлекали тысячи актеров, в постановках использовались различные животные и многочисленный реквизит. Школы, училища, научные и артистические общества, союзы и ассоциации стремились своими размерами перещеголять друг друга. Наука и искусство насаждались в широких масштабах. Было организовано массовое образование в области искусства и науки, философии и технологии. Расширилась школьная система. Нормой стал массовый интерес к политике. Многочисленные союзы, мужские и женские кружки ценителей искусства, массовые занятия основами философии, массовые театр и драма, массовое возрождение веры, массовое производство всякого рода культурных ценностей – все это очень широко распространялось. Размеры империи увеличивались в патологических пропорциях. Количество и внешняя эффектность заменили критерий качества. Болезнь внешней колоссальности и количественная гигантомания проникли во всю эллинистическую и постэллинистическую римскую культуру.

Несмотря на свои количественные достижения, этот поздний период с творческой точки зрения не мог соперничать с высочайшими достижениями раннего периода. Гигантомания всего лишь подменяла собой неспособность создавать великие качественные ценности. Это был путь наименьшего сопротивления, доступный любой посредственности. «Не имея возможности сделать их прекрасными, они сделали их огромными», – можем мы повторить слова Плиния о громадных театрах своего времени^{22*}. Чем больше снижается творческое качество, тем все больших размеров становятся созданные ценности. Чем ничтожнее внутренняя сущность, тем сильнее внешний эффект. Чем больше в них вульгарности, тем лучше они продаются. Чем выше становятся храмы, тем более выхолощенной становится религия. Чем шире распространяется массовое образование,

тем меньше оно формирует талантов и гениев. Чем более увеличиваются размеры империи, тем меньше в ней порядка и тем тяжелее становится участь ее граждан. Чем больше философов, тем меньше среди них великих. Эрудиция заменяет творческий гений, техника – вдохновение, механические навыки – творческую самобытность.

Наша современная чувственная культура находится точно в таком же положении. В ней уже безраздельно властвует внешне блестящая болезнь гигантомании. «Больше, значит, лучше» – это ее девиз, отсюда наши огромные небоскребы, монументы, храмы, здания школ и колледжей, железнодорожные вокзалы и, наконец, монстры «Радио-Сити»²³ и Всемирные выставки. Гигантские количественные параметры становятся критерием любой великой ценности. Лучшие деловые фирмы – это самые большие по размерам. Самые большие авторитеты в обществе – те, кто богаче. Великие империи – чудовищных размеров. Огромные театры считаются лучшими. Лучшее представление – то, которое привлекает больше всего народу. То же можно сказать и в отношении лучших проповедников, учителей, ораторов, профессоров, министров и т. п. Самый большой ученый это тот, кому платят наивысшую зарплату, или тот, кто имеет самую многочисленную аудиторию. Лучший университет – тот, который самый большой. Шедевры литературы и искусства, философии и науки, религии и политики – это бестселлеры, которые покупаются миллионами. «Самая большая фирма», «самое широкое распространение», «наибольший рынок подержанных шин в мире» – это наша высшая рекомендация. Все, что не является «самым-самым» в количественном отношении, но что просто прекрасно по качеству, может остаться незамеченным. Сами стандарты благородного и вульгарного, хорошего и плохого, мастерского и кустарного, прекрасного и безобразного, истинного и ложного, мудрого и умного как качественные стандарты начинают исчезать и заменяться количественными критериями. Даже в науке «количественные стандарты» вытесняют мысль, вдохновение, интуицию и глубокий качественный анализ. Слова Плиния о том, что, не имея возможности создать ценности прекрасными, мы создаем их огромными, применимы к нашей культуре, так же как к чувственной культуре Рима. Сейчас, как и тогда, качество ценностей находится в обратной зависимости от величины и внешнего блеска. Наши «Радио-Сити» огромны, и все же музыка и искусство, исходящие от них, вульгарны и посредственны. Наши школьные здания и их оснащение превосходны, число учащихся, так же как и количество учебных центров, огромно. И все же, несмотря на рост общего образования, едва ли родился благодаря ему хоть один гений первой величины. Количественный рост выразился в основном в появлении желтой прессы, в широком распространении псевдонауки и еще более пошлой «просвещенной посредственности» во всех областях культуры. Наши храмы великолепны по своим

удобствам и величине, но новый Св. Павел, вероятно, нашел бы их лишенными святости. Так или иначе, мы все больше и больше чувствуем растущую пустоту современной культуры. Весь ее количественный гигантизм и ослепляющая пышность все больше играют роль косметики, которой она пытается скрыть свою внутреннюю пустоту и исчезающее очарование. Чем старше она становится и чем больше увядает ее красота, тем больше она использует румян, блеска, яркости, зрелищности и тем сильнее проявляется болезнь гигантомании.

Стоит ли удивляться, что все эти количественные показатели вместо качественных, равно как и прогрессирующий упадок конструктивной творческой энергии нашей культуры, а также рост деструктивных сил вместе с господством массовой посредственности – напоминают то, что происходило в эллинистической и римской культурах в аналогичный период? Этот вопрос подводит нас к четвертому симптому дезинтеграции.

4. Ослабление креативности нашей перезревшей чувственной культуры

Если наша культура становится все более противоречивой, если сама ее душа, не желая того, раскалывается, если она все больше утрачивает свою идентичность и однородность, если она перестает быть верной себе, если ее способность строго отбирать и усваивать элементы других культур слабеет, если она все более превращается в простую свалку отходов; если болезнь гигантомании все в большей степени истощает живые соки ее творческого гения – то что можно ожидать кроме угасания ее креативности, ее созидательной способности? К такому же результату приводят и другие последствия, присущие ее собственной природе, особенно все усиливающееся проявление разрушительных сил, мешающих творческой активности. Лихорадочный темп этих изменений исключает возможность создать вечные ценности: вчерашние ценности сегодня уже устарели, а сегодняшние ценности – устареют завтра. Может ли кто хотя бы подумать о том, чтобы создать нечто постоянное в этой неустойчивой Ниагаре изменений? Вследствие этого неудержимого изменения наша культура пожирает свои собственные творения, как только они появляются. Сегодня она строит огромные здания из стали и бетона, завтра их сносит. Сегодня она воздвигает храм новомодному богу – в науке и философии, в религии, изящных искусствах и в других областях. Завтра она его разрушит, чтобы освободить место для другого новоявленного бога, которого ждет та же участь. Сегодня она будет усиленно накапливать богатства, завтра она превратит их в пыль. Сегодня она предоставляет все виды гарантий безопасности жизни, здоровья, собственности и всего, что угодно, а завтра без сожаления отдаст все на поругание. В этом смысле

наша культура – это новый Кронос, пожирающий своих собственных детей. Едва ли ею может быть создано что-либо вечное, ничто не может избежать участи постоянного разрушения. Естественным следствием этого является снижение творческого потенциала нашей чувственной культуры на современной стадии, и в особенности упадок великих и вечных ценностей. Этот упадок становится все более явственным с середины XIX в.

В процессе своего возрождения и развития наша чувственная культура по самой своей природе была в одних областях нетворческой, в других – творческой. Например, она по своей природе не могла быть высоко творческой в областях религии, этики и метафизики. Можно было предположить, что она будет творческой в чувственных областях, таких как бизнес, наука, и технология. Приводимая ниже таблица представляет более подробную картину, демонстрируя, где чувственная культура была творческой, а где нет. В этом можно убедиться, взяв персоналии, упомянутые в Британской энциклопедии^{24*}. Там они классифицированы по областям деятельности, в которых упомянутые личности приобретали историческую известность. Средняя геометрическая числа знаменитостей в каждой области была соотнесена со всеми занятыми в конкретных областях в конкретные пятидесятилетия. Эти абсолютные цифры были выражены в процентах, за 100% принимались все десять областей или сфер. Повышение и понижение процентного отношения для каждой специализированной области от периода к периоду может служить приблизительным критерием сравнительной динамики творческой активности в этих сферах. Дело в том, что из миллионов людей лишь немногие вошли в историю, такие исторические личности должны были сделать что-то экстраординарное, новое, и в этом смысле служащее показателем творческой активности. В таблице на следующей странице приводятся суммарные данные за несколько последних столетий.

Цифры показывают, что если в средние века на творчество в сфере в религии приходилось от 30 до 46%, то в XVIII и XIX вв. этот показатель упал до 5–6%. Если проследить динамику изменений вплоть до нашего времени, возможно, показатель был бы еще ниже. С другой стороны, на протяжении средних веков, за исключением одного-двух столетий, творческая активность в науке была очень низкой – от 0 до 1 или от 2 до 3% от общего показателя по всем десяти областям; в период же от 1650 до 1849 г. показатель возрос до 15 и 14%, и еще больше он возрос за период от 1849 г. до сегодняшнего дня. В то время как в бизнесе не было ни одной значимой фигуры на протяжении средних веков до 1100–1149 гг. и всего лишь 3 и 4% всех исторических личностей за период с 1750 по 1849 г. Заметно также сравнительное уменьшение показателя креативности в области философии с 1750 г. Другие сферы являют собой, как и следовало ожидать, пеструю и неопределенную картину (Social and Cultural Dynamics, vol. IV, chap. 7).

Период	Религия	Государственная деятельность	Литература	Общественные и гуманитарные науки	Наука	Философия	Бизнес	Прочее	Изыщные искусства	Музыка	Всего
800–849	46,0	36,7	2,8	14,5	–	–	–	–	–	–	100
850–899	45,7	28,3	–	45,0	8,9	16,6	–	–	–	1,1	100
900–949	44,3	29,8	4,3	8,6	1,8	5,4	–	1,4	–	4,4	100
950–999	26,2	41,2	21,3	8,7	–	2,6	–	–	–	–	100
1000–1049	33,0	45,1	4,7	3,1	10,3	–	–	–	–	3,8	100
1050–1099	39,8	43,2	4,7	5,2	1,3	5,8	–	–	–	–	100
1100–1149	34,1	26,9	4,5	24,5	–	–	6,6	0,7	–	–	100
1150–1199	38,1	31,1	11,0	9,3	–	9,7	–	0,8	–	–	100
1200–1249	28,7	40,9	8,7	13,1	3,9	1,9	–	1,8	1,0	–	100
1250–1299	28,9	34,3	8,8	11,9	2,4	4,0	3,1	–	6,6	–	100
1300–1349	18,5	31,0	18,4	9,0	1,5	5,8	2,5	–	13,3	–	100
1350–1399	30,1	29,8	21,9	5,0	2,3	–	4,5	0,8	5,6	–	100
1400–1449	20,7	28,5	7,2	11,6	0,6	4,3	5,1	1,8	20,2	–	100
1450–1499	14,8	25,2	7,7	13,6	0,8	0,5	6,4	1,9	28,3	0,8	100
1500–1549	26,0	16,3	13,2	7,1	3,1	2,1	2,6	3,7	25,6	0,3	100
1550–1599	18,7	23,4	23,4	10,7	5,6	1,5	2,1	4,5	7,8	2,3	100
1600–1649	12,0	21,8	19,4	10,3	6,9	7,6	1,7	3,3	16,1	0,9	100
1650–1699	18,8	22,2	19,7	8,1	8,9	6,4	1,4	1,2	11,7	1,6	100
1700–1749	15,0	18,6	20,0	12,4	10,7	7,6	1,8	4,3	5,9	3,5	100
1750–1799	5,2	26,8	19,1	11,4	15,1	4,6	3,1	4,5	6,8	3,4	100
1800–1849	6,5	22,2	19,1	14,0	14,1	3,7	4,8	3,6	49,2	12,8	100

Эти цифры дают приблизительное представление о том, в каких областях чувственная культура была плодотворной, а в каких нет. Конкретное изучение достижений чувственной культуры в основных сферах, действительно, подтверждает эти результаты. Они могут быть обобщены следующим образом.

Вклад чувственной культуры был незначительным в сферах религии, этики и в какой-то степени в метафизике. Она не создала новой великой религии, а лишь выхолостила великое средневековое христианство. Ее попытки создать свою собственную религию привели либо к бездуховному искажению христианства, либо к жестокому уродованию ее тысячами различных сект, каждая из которых становилась еще более изоциренной, чем предыдущая. Она создавала множество различных религиозных доктрин позитивистских и псевдонаучных, представлявших собой уродливый гибрид искаженной науки и искаженной религии. Наконец, она дала нам ряд разновидностей атеизма и уроков ненависти, не принесших пользу обществу. В историческом балансе этот религиозный вклад чувственной культуры был либо бесполезен, либо вреден.

То же самое справедливо, если мы говорим о *теологическом* вкладе нашей чувственной культуры. Все главные творческие наработки в этой области были сделаны в ранние и средние века христианства. Творческий период закончился с великими схоластами XIII, XIV и XV вв. Огромная армия богословов последующих столетий представлена, главным образом, подражателями, имитаторами, заумными эрудитами, политическими памфлетистами и им подобными, среди которых едва ли найдется хотя бы один великий теолог.

Не намного лучше выглядит итог чувственных столетий нашей культуры в *этической и юридической* областях. Не было создано ничего, даже отдаленно похожего на величественную славу христианской этики. Если этические теории чувственных столетий и преуспели в чем-либо, то только в опошлении, искажении и грубом выхолащивании возвышенной этической системы – христианства. Чувственная этика утилитаризма, гедонизма и эвдемонизма, не говоря уже об эклектической мешанине различных моральных учений, не являла собой ни оригинальных творений, ни даже добротных воспроизведений древних оригиналов, с которых они были скопированы. Эвдемонизм^{25*} Платона и Аристотеля не был улучшен эвдемонистическими теориями западных этических мыслителей чувственных столетий. То же самое верно в отношении гедонистических и утилитарных этических систем Запада, если их сравнивать с подобными этическими системами Китая и Индии и особенно системами эпикурейцев Греции и Рима и утилитаристов от Мо-Цзы до Эпикура и Лукиана.

Более того, если бы этическая система христианства не сохранилась бы и в течение этих чувственных столетий, то угрожающие результаты нашей чувственной этики проявились бы, возможно, намного раньше, и их разрушительный эффект, наверное, был более мощным, чем он есть в настоящее время. Без существовавшей основы абсолютной системы этики чисто релятивистская этика утилитаризма и гедонизма разрушилась бы намного быстрее и привела бы к моральной анархии гораздо раньше.

Аналогична ситуация и в области *права*. Без свода римского гражданского права (*Corpus Juris Civilis*), систематизированного в идеациональный период развития византийской культуры, без направляющих принципов нравственности средневековой этики, ставших основой формирования общей системы права, даже наши современные кодексы законов имели бы совсем другой вид. Во всяком случае, они едва ли могут претендовать на какое-либо превосходство как над римским правом, так и средневековым – светским и каноническим – правом. К тому же чувственные кодексы права создавались на их основе и представляли простую их разновидность: они более подробные, но не всегда лучшие, а чаще, наоборот, сильно ухудшенные. То же самое справедливо и в отношении теории юриспруденции.

Таким образом, по самой своей природе чувственная культура не могла создать ни в одной из областей культуры идеациональных или идеалистических культурных ценностей. Если сравнивать то, что могло быть создано и что было создано на самом деле, то можно сказать, что, в первую очередь, только в области естественных наук и технологий в наибольшей степени был создан уникальный мир чувственных ценностей. Здесь ее первопрородческое созидательное творчество было сверкающим бриллиантом, не встречающимся более в истории человечества. В этом основное достоинство и основной вклад чувственных столетий нашей культуры. Затем следует философия, где были, пожалуй, сделаны некоторые важные открытия в области эмпиризма, критицизма и скептицизма. Однако вклад философии чувственных столетий был более скромным, чем достижения науки и технологии. В конце концов, даже великие философские системы XV–XX вв. были главным образом примечаниями к философии Платона, Аристотеля, Августина Блаженного, Эриугены и Фомы Аквинского. Без Зенона и Гераклита, Платона и Аристотеля, Эриугены и Оккама, Августина и Фомы Аквинского едва ли бы появились Кант, Гегель, Юм и Шопенгауэр, если упомянуть лишь немногих великих философов.

Крупным был вклад чувственной культуры в область *изящных искусств*: в музыку и архитектуру, литературу и живопись, скульптуру и драматическое искусство. Хотя и здесь постсредневековая архитектура была главным образом подражательной: она не создала нового стиля, а подражала старым: начиная от стиля фидианского и эллинистического псевдоклассицизма вплоть до подражательного готического и романского стилей. Все попытки создать что-то свое выражались или в стиле барокко и рококо, или же в эклектике и аляповатой безвкусице Викторианской эпохи^{26*}. Только сейчас архитектура «железобетонных конструкций», возможно, вступает в свой оригинальный и новый творческий период. Но даже этого нельзя утверждать с уверенностью. Вклад чувственной эпохи был более весомым в живописи, музыке, литературе, драматическом искусстве и скульптуре. Хотя и здесь этот вклад был всего лишь модификацией ценностей, которые создали и оставили после себя греческие и европейские идеалистические столетия.

Остаются, бесспорно, великие достижения огромных империй бизнеса, политических и других подобных им империй с их тяготами, но и пользой для людей. Заметный рост материального благосостояния людей в этот период главным образом происходил благодаря развитию науки и техники.

В целом же, в сферах науки, технологии и материального благосостояния и меньшей степени в гуманитарных науках, изящных искусствах, философии, праве вклад чувственного периода нашей культуры был огромным и, действительно, великим. И за эти творения не приходится оправдываться – ни перед любой культурой, ни перед любым историческим периодом.

Однако, если мы спросим, как все это выглядит на стадии заката нашей чувственной культуры, ответ будет иным. В целом начиная со второй половины XIX в. стала проявляться нарастающая творческая усталость, в некоторых областях – в большей степени, в некоторых – в меньшей, за исключением науки и технологии. Но даже здесь, как мы уже видели, наблюдалось постепенное замедление интенсивности научных открытий и изобретений.

Если читатель представит в своем воображении каждую важную область нашей культуры, и если он обратит внимание на то, в какое время жили самые великие творцы в той или иной области, он увидит, что большинство «творческих исполинов» *чувственной* культуры жили до второй половины XIX в. После этого мы вступаем в период «выдающихся и знаменитых», затем «известных» и, в конце концов, в эпоху не гигантов, а «лилипотов».

В *музыке* вершина была достигнута в эпоху Баха и Бетховена. После них существовали великие композиторы, но уже никто из них не достиг уровня Палестрины, Моцарта, Баха и Бетховена. В XIX в. у нас было много великих композиторов от Вагнера, Брамса и Чайковского до Дебюсси. В XX в. мы не имеем ни одного, кто бы достиг уровня великих композиторов XIX в. Едва ли можно поставить под сомнение неуклонное уменьшение числа творцов музыки.

В *литературе* Данте, Шекспир и им подобные великие творцы европейской словесности появились в первые столетия чувственного периода. В последующих столетиях, от XVII в. до XIX в., были выдающиеся авторы, но никто из них не достиг уровня Шекспира и Данте. XIX в. еще дает большое число великих писателей: Толстой и Достоевский, Диккенс и Байрон, Гете и Шиллер, Шатобриан и Бальзак и другие. XX в. не родил ни одного писателя, равного по значению гигантам XIX в. Все обладатели Нобелевских премий всего лишь карлики в сравнении со своими предшественниками. Зато мы имеем «бестселлеры», продаваемые сегодня миллионными тиражами и на следующий день забываемые.

То же происходит в *театре и драме*. XX в. породил главным образом театр патологии, секса и непристойности, человеческого убожества. Наука дала нам кино, но Голливуд превратил его в самые пошлые представления. Подобно нашим детективным романам все эти шоу служат средством для развлечений и мимолетных острых ощущений, но никто еще не сумел сделать из триллеров великие классические произведения или из шоу – великое искусство.

Подобной же является и ситуация в *живописи и скульптуре*. После великих мастеров Ренессанса и XVII–XVIII вв. – Рафаэля, Леонардо, Микеланджело, Дюрера, Рембрандта и им подобных – ничего более великого или сравнимого с ними в этих областях не было создано. XIX в. дал своих великих мастеров, но они никоим образом не сопоставимы с этими гигантами. XX в. не дал никого, кто мог бы быть поставлен на один уровень с мастерами предшествующих столетий. У нас есть масса умелых подражателей всех стилей, от архаического до клас-

сического, от романтического до кубистов. Мы способны использовать технику любого мастера, но эта способность и есть почти все, что мы имеем. Мы находимся точно в таком же положении, в каком были подражатели и мастера своего дела эллинистической и позднеримской эпох. Кроме того, представляется, что некоторые элементы реального мастерства в картинах, особенно в портретной живописи, утрачены навсегда; многие портреты XX в. выглядят неуклюжими в сравнении с творениями предшествующих столетий. Здесь мы опять наблюдаем регресс, а не прогресс.

В области *философии* даже XIX в. не дал столь же великих мастеров, как предшествующие столетия чувственной эпохи. Декарт и Спиноза, Беркли и Локк, Кант и Юм, Лейбниц и Гоббс явились вершиной в философии этих столетий. XIX в. породил Гегеля и Шеллинга, Шопенгауэра и Конта, Спенсера и Ницше, но никто из них по значительности и широте ума не превосходил философов предыдущих столетий. А все философы чувственной эры не были более значимыми, чем Фома Аквинский и другие великие схоласты. И, наконец, XX в. стал эпохой карликовых философов. Никто из них не приблизился к уровню великих философов XIX в.

Ничем не отличается и ситуация в области *гуманитарных и социальных научных дисциплин*. Здесь XX в. не дал ни одной личности, равной мастерам даже XIX в. Мы снова и снова повторяем Монтескье и Руссо, де Местра и Гегеля, Конта и Спенсера, Маркса и Тэна, Моммзена и Фюстеля де Куланжа, Гиббона и Рикардо и других лидеров социальной науки предшествующих столетий. Мы накопили огромную массу в основном второстепенных и бесполезных фактов. Эти факты не дали нам ни одной новой интересной теории или важной гипотезы, ни тем более конструктивных выводов. Сегодня они скорее вредят, чем приносят пользу, так как мы потерялись в фактах и не знаем, какие из них надежны, а какие нет; и к тому же эти факты препятствуют нашему видению и скрывают перспективу.

В свою очередь, *психология и антропология* XX в. – это либо простое скопление так называемых фактов, либо, что еще хуже, демонстрация окончательного упадка в тех случаях, когда речь идет о подлинном проникновении в суть соответствующих явлений. Из всех предложенных выводов культурной антропологии мы не можем отметить ни одного такого, какой не был бы сформулирован ранее, в XVIII и XIX вв., причем намного лучше и точнее, чем в XX в. Психология XX в. – это не что иное, как замена психологии как науки о человеческой душе, сознании и умственной жизни – психологией и анатомией нервной системы человека. Большинство трактатов по психологии заканчивается там, где должна начинаться настоящая психология. Анатомия и психология нервной системы – это не психология, а биология. Попытки продвинуть вперед психологию как таковую дали нам всего лишь ряд таких преходящих и сменяющих друг друга

искусственных направлений, как бихевиоризм, гештальтизм, тестирование умственных способностей, теория поля и тому подобное^{27*}. Они появляются, живут около дня и уходят как несостоявшиеся.

Остаются, таким образом, только естественные науки, технологические изобретения и, наконец, выстраивание материального благосостояния нашего общества. В естественных науках и технологии ситуация, конечно, лучше, чем в любой другой области нашей культуры. Они стали ее основой – ее главным достижением и источником творческой активности. Но даже и здесь гиганты – Галилей и Кеплер, Ньютон и Лейбниц, Майер и Коперник, Бэкон и Бойль, Даламбер и Гарвей, Ламарк и Дарвин, Лавуазье и Лаплас, Пастер и им подобные – трудились в основном в прошлых, а не в нынешнем веке. XX в. едва ли дал нам ученых, которые могут соперничать с великими мастерами предшествующих столетий. Исключение, возможно, могут составить лишь одно-два имени, причем необходима дальнейшая проверка временем для того, чтобы удостовериться в реальности их величия.

Что касается материального благосостояния нашего общества, то мы уже видели, что XX в. стал не созидателем, а безумным разрушителем того, что было создано столетиями чувственной эры. Как расточительный сын, он разрушал и проматывал то, что создавали и накапливали его предки.

В третьей главе было указано, что в нынешнем веке явно замедлилась как интенсивность научных открытий и изобретений, так и абсолютное число открытий и изобретений, особенно в период с 1914 г. до 1919 г. Было указано также, что период величайших открытий в большинстве естественных наук приходится либо на XVIII в., либо на середину XIX в., а не на настоящее столетие, за исключением, быть может, двух или трех областей естественных наук.

Здесь, как и в других областях, суммарной работой средних по уровню ученых все еще удается поддерживать науку и технологию на довольно высоком уровне. Однако это не дает основания утверждать, что научный и технологический вклад настоящего столетия более велик, чем вклад предшествующих столетий чувственной эпохи. А между тем в сфере творческой мысли тот, кто не достигает явных успехов, скатывается вниз.

Более того, существуют еще один или два симптома, которые делают такую застойную или даже регрессивную тенденцию в естественных науках еще более вероятной. Первый из этих симптомов заключается в возрастающем использовании научных и технологических достижений в чисто деструктивных целях. Как упоминалось ранее, бомбы, бомбардировщики, отравляющие газы, пушки и автоматы, взрывные технические устройства и другие орудия разрушения были изобретены, в конце концов, той же наукой и технологиями. Наука и технология XX в. в большей мере концентрировались на этом виде достижений, и сейчас мы заняты главным образом разработкой и изобретением еще более разрушитель-

ных средств. Результаты – налицо. Хотя наука и технология не несут за это прямой моральной и социальной ответственности, но они заметно преуспели в этом направлении. В двадцать четыре часа города с сотнями тысяч жителей стираются с лица земли и вместе с ними гибнут научные и технические лаборатории и ученые как жертвы своих собственных изобретений. Мы видим, как за несколько месяцев или лет целая страна превращается в руины – с тысячами убитых и раненых, с грудой развалин бесчисленных зданий: от соборов до университетов, от музеев до банков. Мы свидетели того, как эти средства разрушения уничтожали за несколько часов то, что было создано поколениями. Эти катастрофы все более снижают саму возможность продолжения научных и технологических исследований; они методично разрушают все средства для их проведения и все условия, необходимые для этого, как и все большую часть реальных и потенциальных ученых и изобретателей. Это означает, что детища науки и технологии постепенно превращаются в отцеубийц и душат саму научно-техническую мысль. Такой уродливый поворот событий не сулит ничего хорошего и в дальнейшем, когда условия станут еще более неблагоприятными.

Если наука и технология останутся морально и социально безответственными, служа с одинаковым безразличием и Богу-создателю и мамоне-разрушителю, они в конце концов погибнут: продолжение научного и технологического процессов при таких условиях не принесет успеха. Если они перестанут быть морально и социально индифферентными, они прекратят быть тем, чем они являются; они должны будут признать некоторые универсальные – и в этом смысле абсолютные – нормы и ценности. Такое признание означает шаг далеко за пределы чувственной культуры в царство культуры идеациональной и идеалистической. Это могло бы означать окончание чувственной эпохи и начало новой, отличной от чувственной, творческой эпохи. Таковы альтернативы, поставленные перед наукой и технологией. Они должны выбирать. Первый выбор ведет к их стагнации и регрессии среди руин, возникших с помощью их собственных открытий и изобретений. Второй выбор означает шаг к идеалистической или идеациональной культуре. Все это показывает, что творческие силы чувственной культуры в целом начинают угасать и им суждено угасать даже в области науки и изобретений в период, когда эта культура еще остается доминирующей.

Вся совокупность приведенных фактов и соображений, несмотря на их краткость, едва ли оставляет серьезные сомнения в том, что процесс снижения творческих сил чувственной культуры начался практически во всех областях этой культуры и ее социальной жизни (*Social and Cultural Dynamics*, vol. IV, chap. 7).

Чувственной западной культуре и обществу поставлен жесткий ультиматум: либо продолжать движение по пути перезрелой стадии чувственной культуры и дойти до полной разлухи, до жизни бездарной и непродуктивной, жизни тягостной и бесславной; либо, пока еще есть возможность, сойти с этого пути и пойти

по дороге идеациональной или идеалистической культуры. Оказавшись перед таким же выбором, идеациональная и идеалистическая культура Средних веков, когда дарованные ей Богом творческие силы истощились, изменила направление своего развития в сторону чувственной культуры. В результате этого западное общество успешно продолжало свою творческую миссию в течение пяти столетий. Но теперь эта дорога завела в тупик полного истощения чувственных творческих сил. Спасение снова заключается в переходе к другой форме культуры.

Чувственная стадия, несомненно, вписала самую замечательную страницу в историю человечества и культуры. И в этом смысле она достойно и успешно выполнила свою великую миссию. Сейчас она истощена и исчерпана. Она заслуживает отдыха. Она должна передать факел творческого созидания другим формам культуры. А тем временем идеациональная и идеалистическая культуры будут продолжать великую творческую миссию человечества. Когда, в свою очередь, и они устанут, то отдохнувшая чувственная культура снова воскреснет и примет факел из ослабевших рук утомленных культур. И таким образом творческая миссия человечества продолжится до самого конца, если он существует, этот конец.

Глава восьмая

СОВРЕМЕННАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

---

1. Сходство европейской и американской социальных тенденций развития

Предыдущий анализ показывает, что блистательная чувственная культура нашего исторического вчера обнаруживает сегодня все признаки творческого истощения и охвачена страстью к саморазрушению.

Для Европы все это уже является трагическим фактом. Для Америки, которой еще не коснулись безжалостные щупальцы этой страшной трагедии, такой диагноз пока еще может восприниматься как нечто фантастическое. Здесь мы по-прежнему слышим, хотя все реже и реже, уверения в том, что процветание в конце концов возобладает, что «каждый парень» может стать президентом США; что в ближайшие годы ожидаются удивительные успехи, превосходящие достижения многих прошлых столетий; заверения о неминуемом полном воцарении спокойствия, счастья, благополучия и других чувственных благ, которые должны пролиться завтра на каждого, начиная с миллионера и кончая рабочим, занятым на общественных работах (WPA)^{1*}. Весь образ жизни, преобладающие устремления, господствующие установки и взаимоотношения выражаются здесь в строгом соответствии с моделью хорошо отлаженного, упорядоченного, спокойного и процветающего чувственного общества. Было бы странно, если бы в столь благоприятных условиях вышеупомянутый диагноз не казался бы многим пророчеством Кассандры. Кое-кому он мог показаться таковым по «научным» (в их понимании) соображениям. Эти последние утверждают, что существует глубокое различие между американской и европейской культурами: одна – молодая и энергична, другая – уже немолода и теряет былые силы. И то, что происходит с европейской культурой, вовсе не обязательно произойдет с американской. Их судьбы были, остаются и будут разными. Такова суть их утверждения.

Поскольку подобные соображения серьезно отстаиваются и широко одобряются, следует кратко рассмотреть и определить, действительно ли европейская и американская культуры являются в корне различными? Шло ли их развитие по совершенно разным путям? Ждут ли их разные судьбы? Если они действи-

тельно различаются во всех этих отношениях, тогда, очевидно, вышеупомянутый диагноз о современном состоянии западной культуры не затрагивает культуру Америки. Если же они во многом схожи между собой, то тогда, очевидно, американская культура также пребывает в сумеречном состоянии своей чувственной фазы.

Что же касается второстепенных особенностей американской и европейской культур, бесспорно, что они во многом различаются. Но своими второстепенными чертами не менее различаются и культуры Англии и Италии, Франции и Германии. Даже разные районы одной и той же страны имеют много второстепенных различий в своих культурах. Даже различные социальные классы и группы одной и той же области, одного и того же большого города или городка отличаются друг от друга множеством культурных особенностей. Но проблема касается не этих второстепенных различий, а базовых особенностей этих культур – европейской и американской. Когда вопрос поставлен в таком виде, ответ звучит так: *несмотря на три или четыре столетия раздельного географического местопребывания, издавна существовала и существует до сих пор только одна культура. Это – западная или евро-американская культура, одинаковая во всех своих основных чертах на обоих континентах. Будучи по существу одинаковой, она имеет один и тот же возраст на обоих континентах, в Америке не намного моложе, чем в Европе. И как таковая она развивается одинаковым образом на обоих континентах и проходит в своем развитии через те же основные фазы и демонстрирует сходные тенденции этого развития. Так происходило на протяжении XVII и XVIII столетий и продолжается до настоящего времени.* Таков мой тезис.

Чтобы подтвердить справедливость этого тезиса, достаточно рассмотреть основные сферы евро-американской культуры и кратко, но точно отметить основные общие тенденции, которые развивались на протяжении нескольких последних столетий на обоих континентах. Такое сравнение показывает, что эти тенденции, действительно, были одинаковыми. Говоря коротко, обе культуры и оба общества продолжали развиваться, отходя все дальше и дальше от идеациональной культуры средних веков и идеалистической культуры XIII–XVII столетий. Обе они постепенно становились все более чувственными, приобретая эмпирический, утилитарный, гедонистический характер, становясь все более экономически ориентированными, оторванными от духовного мира, отрицающим его реальность и ценность и полностью укореняясь в реальности чувственного мира. В XX столетии обе культуры достигли своего рода предела такого смещения в сторону чувственной культуры и в настоящее время находятся в состоянии глубокого и трагического кризиса переходного периода. Таков итог пути, пройденного евро-американской культурой в течение последних трех столетий и таково сегодня ее местоположение на этом пути.

Рассмотрим теперь ряд составляющих этой культуры, чтобы увидеть, были ли эти тенденции на самом деле схожими на обоих континентах.

Начнем с самых простых ее элементов.

А) Внешне на обоих континентах мы наблюдаем рост урбанизации, индустриализации и механизации со всеми сопутствующими им процессами.

Б) На обоих континентах произошла замена ручного производства машинным; мелкого производства – крупномасштабным; паровые двигатели и электричество заменили ручной труд человека и тягловую силу животного.

В) В сфере *социальных отношений* на обоих берегах Атлантики XIX в. стал свидетелем упадка семейственных и принудительных отношений во всех областях социальной жизни и их замены на договорные отношения. А со времен войны на обоих континентах мы наблюдаем спад договорных отношений в пользу частично принудительных и частично семейственных. Более конкретно это выглядит следующим образом.

1. В *экономической* сфере в XIX в. стали заметными рост и укрепление системы договорных отношений. Одновременно с победой капиталистической системы на обоих континентах произошла отмена крепостного права, рабства, системы принудительного труда на плантациях, ликвидация патриархальной и принудительной систем. Другими неотъемлемыми чертами капитализма на обоих континентах были также: свободная торговля, свобода предпринимательства (*laissez faire*)^{2*}, экономическая свобода, экономический и социальный индивидуализм и множество других последствий торжествующей системы договорных отношений.

Одним из них был рост материального уровня жизни на обоих континентах, а также развитие тростовой и корпоративной экономики на стадии упадка капитализма.

На обоих континентах, как мы уже видели, этот рост корпоративной экономики прозвучал погребальным звоном для системы классического капитализма и частной собственности. Как в Европе, так и в Америке корпоративная экономика в значительной степени заменила экономику, основанную на частной собственности; управленческая аристократия корпораций заменила собой частного капиталиста и собственника. На обоих континентах управляющие корпораций уже не владеют той собственностью, которой управляют, а собственники уже не управляют тем, чем владеют.

Исходя из этого можно сказать, что на обоих континентах корпоративная экономика превратилась в децентрализованный тоталитаризм, тогда как тоталитаризм коммунистического, фашистского или нацистского типа представляет собой централизованную экономику: одну корпорацию вместо нескольких, управляемую одним – коммунистическим, фашистским или нацистским – советом

директоров, вместо нескольких, например, «шестидесяти семейств Америки», которые управляют большинством наших корпораций.

Во многих европейских странах тоталитарная бюрократия окончательно вытеснила бюрократию корпоративную. Первая довершила разрушение системы капитализма и частной собственности, начатое последней (т. е. корпорациями и трестами). В немногих европейских странах корпоративная бюрократия все еще влачит жалкое существование, но все более сдает свои позиции, уступая их бюрократии правительственной. В Соединенных Штатах корпоративная бюрократия еще существует, но под неумолимыми ударами обстоятельств все более вытесняется набирающей силу потенциально тоталитарной бюрократией с ее «Новым курсом»^{3*} и надвигающимся «Ликвидационным курсом» («Liquidation Deal»)^{4*}. Расширение государственного контроля и регулирования началось уже в конце XIX столетия и в США, и в Европе. В начале XX в. в предвоенный период этот процесс медленно развивался на обоих континентах; во время войны 1914–1918 гг. и после ее окончания он сделал резкий скачок в направлении ликвидации классического капитализма – в Европе и частной собственности – в России, Германии, Италии и потенциально – в других странах. Аналогичным образом в этот период и особенно после 1929 г. и в США происходило его чрезвычайно интенсивное развитие. С небольшими задержками наступление на «частную предпринимательскую деятельность» и «корпоративный бизнес» со стороны правительственной бюрократии все более усиливалось и продолжает усиливаться (Social and Cultural Dynamics, vol. III, p. 196 ff.; chap. 8). С незначительными особенностями местного характера эта последняя фаза экономической организации была одинаковой по обеим сторонам Атлантики; однако Америка, двигаясь тем же курсом, несколько отставала от Европы.

2. В *политической* сфере развитие системы договорных отношений привело к уже хорошо известному феномену – замене частично патриархального, частично принудительного автократического режима демократическими политическими системами с правительством, избираемым по договорному принципу, ограниченными договорными условиями в своих властных полномочиях и в договорном порядке обязанным уважать неотъемлемые права человека и гражданина, его свободы и привилегии, его равноправие, его индивидуальность. В качестве неотъемлемого звена этого процесса была установлена религиозная свобода каждого гражданина, а вместе с ней все элементы теократии были уничтожены в системах управления как в Северной Америке, так и в большей части Европы. Тенденции развития, наблюдавшиеся в XIX столетии, вновь стали общими на обоих континентах.

3. В сфере *социальных отношений* набирает силу «контрактуализм», выражая общий рост индивидуализма. И вновь этот феномен наблюдался на обоих континентах, вопреки весьма частым утверждениям, что американский инди-

видуализм – это специфическое проявление духа первооткрывателей и первых переселенцев.

4. Послевоенный период отмечен на обоих континентах глубоким кризисом системы контрактуализма. Ее упадок на обоих континентах явился, во-первых, свидетельством кризиса капитализма; а во-вторых, он проявился в упадке индивидуалистического мировоззрения вообще и в экономической жизни в частности. Широкое проникновение идей коллективизма, коммунизма, социализма, корпоративного государства и расовой общности было всего лишь другим аспектом этого кризиса индивидуализма. Этот упадок контрактуализма на обоих континентах проявился в расширении сферы правительственного контроля и регламентации. В различных формах и в различной степени такое расширение происходило как в Европе, так и в США. Самые различные экономические, социальные и другие отношения, которые в XIX в. – веке расцвета контрактуализма – были исключительно прерогативой отдельных личностей и групп, стали теперь принудительно регулироваться правительством. В меньшей степени, чем в Европе, такое расширение государственного контроля происходило и в Америке, особенно в сфере экономических отношений. Свободный *предприниматель* XIX столетия все больше вытеснялся корпоративной бюрократией, а она, в свою очередь – правительственной бюрократией. Правительство непосредственно участвовало в делах бизнеса, регламентируя его косвенно, налагая все увеличивающееся количество обязательных предписаний на предпринимателя и его служащих. Следовательно, факт расширения правительственного регулирования, как и факт кризиса системы контрактуализма на обоих континентах, является неоспоримым. Степень и конкретные формы этих процессов имели свои отличия в разных странах, даже внутри Европы, но сам процесс опять-таки оставался общим для Европы и Америки.

Я упомянул только об экономических и политических отношениях, но я мог бы в равной степени сказать и об изменениях в семейных отношениях, различного рода союзах и объединениях. Достаточно сказать, что их «эволюция» в течение этого периода была похожей на обоих континентах даже в таких деталях, как рост числа разводов и непрочность семьи, рост числа бездетных браков и т. д.

Г) Это приводит нас в сферу процессов, представляющих *жизненный цикл людей и динамику народонаселения*. Основные процессы и здесь протекают по одной схеме: в XIX в. на обоих континентах происходило небывалое увеличение численности населения за счет в основном падения уровня смертности, но в то же время отмечался рост числа самоубийств. С конца XIX в. происходит снижение уровня рождаемости, что привело к тому, что современная численность евро-американцев осталась фактически неизменной или даже произошло снижение численности населения в некоторых странах.

Д) Наконец, на обоих континентах в течение этого периода наблюдается усиление *социальной мобильности* как вертикальной, так и горизонтальной. Наследственная аристократия была практически уничтожена. Вместо нее происходит продвижение к власти богатой капиталистической буржуазии, а также среднего класса – интеллигенции и представителей отдельных профессиональных групп: юристов, инженеров, преподавателей, писателей и т. д. А в последнее время мы наблюдаем за все возрастающим стремлением трудящихся классов и в Европе, и в Америке добиться для себя большего участия во власти и большей доли в общественных доходах, а также за стремлением вытеснить богатых и представителей среднего класса с занимаемых ими важных правящих позиций в политической, экономической и социальной сферах жизни страны. На обоих континентах (в США с некоторым отставанием) на протяжении всего XIX в. классовые противоречия и классовая борьба усиливались. В современной тоталитарной Европе они временно сдерживаются правительственной регламентацией, затрагивающей каждого. В не тоталитарной Европе и в Америке противоречие и борьба социальных классов продолжает развиваться. В Соединенных Штатах после 1929 г. начала усиливаться классовая борьба со всеми сопутствующими ей проявлениями классового антагонизма и возникновением классовых организаций, подобных Конгрессу производственных профсоюзов^{5*} и др.

Даже без рассмотрения многих других направлений развития социальной жизни общества приведенный анализ убедительно показывает, что, несмотря на второстепенные различия, существующие между странами, основные социальные процессы были схожими и в Европе, и в США.

2. Сходство европейской и американской тенденций развития культуры

Обратимся теперь к изменениям в сфере культуры в широком смысле – имея в виду науку, искусство, философию, религию, право, этику, мораль, формы поведения и всю культурную ментальность, служащую основой всех этих культурных систем. И вновь наблюдаемые тенденции оказываются здесь еще более схожими, нежели в вышеупомянутых социальных процессах. Их общий характер отражает одинаковую тенденцию развития евро-американской культуры, которая становится все менее идеациональной и все более чувственной.

А) На обоих континентах мы стали свидетелями подъема науки, проявившегося в этот период в мощном росте научных открытий и технологических изобретений. Единственное различие состояло в том, что сравнительная доля США во всех областях естественнонаучных открытий и технологических изобретений была выше. Она неуклонно возрастала с 1,1% (от совокупного количества) в пе-

риод 1726–1750 гг., до 25,3% в 1900–1908 гг. и, возможно, еще больше в настоящее время, тогда как, соответственно, роль Европы снижалась (Social and Cultural Dynamics, vol. II, chap. 3). На обоих континентах число университетов, исследовательских институтов и школ быстро росло, но опять же в Америке быстрее, чем в Европе. Но все это – второстепенные различия. Главное же состоит в том, что и Европа, и Америка шли вперед в развитии науки и технологии; обе возвели науку на уровень религии и видели в ней основную надежду на лучшее будущее.

Б) Параллельно с ростом науки происходила глубокая, но вместе с тем и аналогичная ей трансформация в сфере, включающей *систему истины и философию*. Истина веры – религиозная истина, дарованная милостью Божией – быстро угасала, а эмпирическая истина чувств, основанная на восприятии наших органов чувств, напротив, стала укрепляться. Наука является в основном воплощением истины чувств, тогда как сверхрациональная (superrational) религия, например, средневековое христианство, является в основном системой истины веры. Развитие науки повлекло за собой замену одной системы истины другой, и этот процесс протекал одновременно по обе стороны Атлантики. Эта основная тенденция в самых разнообразных формах проявилась и в различных более узких и специфических процессах.

1. На обоих континентах наблюдался спад религиозного рационализма, мистицизма и фидеизма и сдвиг в сторону эмпиризма в его разнообразных вариантах: чистого эмпиризма, эмпириокритицизма, позитивизма, неопозитивизма, логического позитивизма, реализма, неореализма, прагматизма, инструментализма, «операционализма» и т. п. Этот спад религиозного рационализма и мистицизма также отчасти способствовал росту критицизма, агностицизма и скептицизма.

2. На обоих континентах происходил постепенный спад идеализма и переход к материализму в его открытой или более умеренной форме, а также к монизму и пантеизму.

Что касается Европы, то эти тенденции были здесь достаточно четко выражены и подробно описаны в моей «Динамике». Наблюдались ли они также и в Соединенных Штатах? История американской научной и философской мысли дает на этот вопрос положительный ответ.

Американская философия XVII и частично XVIII столетий была главным образом воплощением истины веры, она нашла свое выражение либо в разновидностях кальвинизма (их представители: Джон Коттон, оба Мэзера, Бостонская платформа 1680 г.^{6*} и т. д.), либо в его мистическом и идеалистическом течении в лице Энн Хатчинсон, Роджера Уильямса, Джонатана Эдвардса, Джона Вулмана, Уильяма Пенна, Конрада Бейсея, Томаса Хукера, Джона Элиота и др.

В XVIII в. эта система истины веры начинает ослабевать. Кальвинизм постепенно утрачивает свое влияние, как и другие разновидности истины веры. Их позиции стали все активнее захватывать арминианство^{7*} и методизм, а затем де-

изм и набирающее силу свободомыслие и материализм (Джозеф Пристли и др.). Деизм в его деструктивной форме сохранил очень немного от истины веры и, напротив, очень многое приобрел от истины чувств. Свободомыслие и материализм демонстрировали открытое неприятие истины веры и стремились к воплощению только истины чувств. Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Томас Пейн, Джозеф Пристли и другие представители этих направлений знаменуют собой этот период. В XIX в. эта тенденция движения к эмпиризму, материализму и истине чувств становится основным направлением в философии и приводит нас к современному периоду, когда системы, воплощающие истину веры, практически не представлены более в философских системах, а прагматизм, инструментализм, логический позитивизм, неореализм, «операционализм» и им подобные стали господствующими.

Это не означает, что здесь (в США) или в Европе идеалистическая и даже религиозно-рационалистическая и мистическая философские системы полностью исчезли. Они, конечно, продолжали существовать на обоих континентах, но как очень слабые течения. Основное направление развития философской мысли было таким, каким мы его представили выше, и оно наблюдалось в обоих обществах.

Если мы обратимся к более подробному рассмотрению различных стадий и направлений развития философской мысли этого периода, результат окажется еще более показательным: любое серьезное направление философской мысли одного из обществ почти неизменно повторяется другим. В Европе мы наблюдали подъем кантианского и неокантианского критицизма; то же происходит и здесь. В Европе гегельянство переживало пору расцвета. Америка отвечает на него своей Сент-луисской школой философии (ее представители – Уильям Т. Харрис и др.). В Европе был период господства контовского и спенсеровского позитивизма, а затем период эволюционной философии Дарвина–Спенсера. В Америке их представителями выступают Джон Фиске, Дж. Марк Болдуин, Лестер Уорд и их сторонники. В конце XVIII в. в Европе появилась доктрина перфекционизма^{8*} и общественного прогресса, глашатаями которой стали Тюрго, Кондорсе, Сен-Симон, Конт, Спенсер, Лессинг, Гердер и английские деисты как ее проповедники. Америка откликнулась на это появлением унитаризма^{9*}, перфекционизма и так называемого трансцендентализма, не говоря уже о великом множестве других приверженцев теории прогресса. Европа проповедовала «возврат к природе», романтизм и романтический индивидуализм в различных его вариантах (Руссо, Карлейль, Штирнер, а позднее Ницше и Толстой, если ограничиться немногими именами). Америка отозвалась на это так называемым трансцендентализмом в лице Эмерсона и Торо как его основных лидеров, а также движением под лозунгом «возврата к природе» в лице Э. По, Уолта Уитмена и Г. Мелвилла как представителей его различных ответвлений.

Конец XIX в. и начало XX в. стали в Европе эпохой господства эмпиризма и критического позитивизма в его различных формах (Э. Мах, Р. Авенариус, А. Рей, А. Пуанкаре, П. Дюгем, К. Пирсон, Файхингер, Риль, Коген, Риккерт, Виндельбанд и др.). В Америке им соответствовал американский эмпиризм, критицизм, прагматизм, инструментализм, «операционализм», неореализм и подобные им философские концепции (Ч. Пирс, Уильям Джеймс, Сантаяна, Джон Дьюи, Перри, Уайтхед, П. Льюис, Лавджой и др.).

Итак, характер философских направлений и основные тенденции развития философской мысли были во многом схожими на обоих континентах.

С) Если мы обратимся теперь к *искусству*, то во всех его областях тенденции вновь окажутся одинаковыми в обоих обществах.

I. В *архитектуре* Америки основные стили: колониальный (средневеково-колониальный ренессанс или георгианский колониальный; трансформированный голландский; немецкий, французский и испанский колониальный), затем ранний республиканский и возрожденный (около 1830 г.) романтический (готический и романский) – были всего лишь воспроизведением соответствующих архитектурных стилей Европы, которые и существовали практически одновременно как в Европе, так и в США. Затем на обоих континентах наступила эпоха эклектической архитектуры, вслед за которой в конце XIX в. возникла прежде всего в Америке архитектура «стали и бетона», что явилось качественно новым этапом в развитии этого вида искусства. Из Америки она распространилась по всей Европе. И, наконец, так называемая модернистская архитектура также появилась на обоих континентах. Одним словом, динамика развития архитектурных стилей была достаточно схожей на обоих континентах.

II. Это сходство тенденций еще более наглядно проявилось в *живописи и скульптуре*. Американская живопись возникла в период, когда европейская живопись стала окончательно «чувственной», стремящейся изобразить предметы так, как они представляются нашему зрению (в отличие от идеациональной или символической живописи, где изображаемая картина является всего лишь видимым символом невидимого мира, как это было в средние века). Соответственно, ее особенности и этапы развития были, даже включая отдельные детали, практически теми же, что и в европейской живописи и скульптуре. И это не могло быть иначе, ведь большинство художников колониального периода, все «иллюстраторы» были иностранного происхождения, а многие художники XIX столетия также родились в Европе (например, Ингам, Томас Салли, Томас Коул, А. Бирштадт, Томас Хилл, Кейт, Лойце, Джон Браун, Джон Сарджент и др.). Одни, как, например, Джеймс Уистлер, провели свое детство и большую часть жизни в Европе; другие – почти все остальные – получили образование полностью или частично в Европе. С некоторыми различиями о многих из них можно повторить то, что сказано о Джоне Сардженте: «Американец, родился в Италии,

обучался во Франции, выглядит, как немец, говорит, как англичанин, а рисует, как испанец». При таких условиях нет оснований полагать, что американская живопись может отличаться от европейской.

Должно ли нас поэтому удивлять, что в большинстве работ, посвященных американской живописи (и скульптуре), их авторы классифицируют своих художников по направлениям под такими заголовками: «Английское влияние», «Влияние Дюссельдорфской школы», «Мюнхенская школа», «Портретисты французской школы», «Барбизонская школа», «Романтики», «Импрессионисты», «Экспрессионисты», «Неоклассицисты», «Реалисты», «Модернисты» («Постимпрессионисты», «Кубисты», «Конструктивисты» и т. д.)? Сама классификация свидетельствует о сходстве американской живописи с той или иной школой живописи в Европе. Действительно, любая заметная тенденция в Европе находила здесь горячий творческий отклик, а последовательное развитие различных доминирующих в американской живописи школ шло параллельно с развитием живописи в Европе. Можно сравнить Рейнольдса, Гейнсборо, Хогарта, а особенно Давида и Уэста в Европе с Копли, Гилбертом Стюартом, Трамбуллом и Томасом Салли в Америке; Пуссена, Клода [Лоррена], а позднее Тернера, Констебла и других в Европе – с большой группой пейзажистов в Америке (начиная со «Школы реки Гудзон»^{10*} и кончая американскими художниками «пейзажной живописи»: Черчем, Бирштадтом, Мораном, Хиллом и др.). Далее можно провести сравнение между так называемой Барбизонской школой в Европе (Руссо, Коро, Добиньи, Дюпре, Милле) и Джоржем Иннесом и его последователями в Америке; романтической реакцией на неоклассицизм Давида в Европе (Делакура, Жерико и другие – во Франции; Дюссельдорфская школа – в Германии) и подобной ей романтической волной в Америке. Последующая реакция нео-неоклассицизма на романтизм в Европе сопровождалась подобным же течением в Америке (У. Чейз, Дювенек, Эйкинс, Ф.Д. Миллет, Мелчерс и др.). Расцвет импрессионизма, происходивший в Европе, наблюдался одновременно и в Америке (к нему принадлежал отчасти Сарджент, а также Уистлер, Джон Александер, Бен Фостер, Чарльз Дэвис, Вейр и в особенности Теодор Робинсон, Дж. Твахтмен, Чайлд Хассам, У. Меткалф и др.). И наконец, подъем модернизма (экспрессионизма, конструктивизма, кубизма, пуантилизма, дадаизма^{11*} и т. п.) происходил одновременно и в Европе и в Америке (Беллоуз, Роберт Генри, Дж. Лакс, Кент, Артур Дэвис, Зорах, Демут и др.).

Это не означает, что Америка просто подражала Европе. Поскольку евроамериканская культура является единой и неделимой, флуктуации ее происходят одинаково по обеим сторонам Атлантики.

Американская и европейская живопись однородны: не только в стиле, но и по своему содержанию они схожи и претерпели в течение прошлого столетия одни и те же изменения даже в деталях. Мое изучение европейского искус-

ства показывает, что XVIII в. и первая половина XIX в. были отмечены преобладанием портретной живописи над всем многообразием видов живописного искусства. Тот же период был главным образом эпохой портрета и в Америке. XIX и XX вв. продемонстрировали интенсивный и неуклонный рост числа пейзажей и жанровых картин в общем числе живописных произведений в Европе. То же самое справедливо и для Америки. Далее, мое исследование портретной живописи показывает, что в отличие от периода IX–XVII вв., когда на портретах изображались главным образом аристократы, члены королевской семьи и духовенство, XVIII, XIX и XX вв. свидетельствуют о резком сокращении портретных изображений представителей знати и росте произведений портретной живописи, изображающих людей из буржуазной среды, представителей различных профессий и интеллигенции и, наконец, низших классов. Если мы рассмотрим историю развития американской портретной живописи с этих позиций, то сможем увидеть, что она соответствует тенденциям, происходившим в Европе за последние два столетия: американские портреты изображали главным образом представителей буржуазии, интеллигенции и различных профессий с отдельными вкраплениями лиц из низших классов. Тогда как Сарджент изображал на своих портретах в основном состоятельных людей, художники более позднего времени чаще всего изображали рабочего человека и подобные типы.

Сходство состояло также и в количественном соотношении мужских и женских портретов в произведениях художников Европы и Америки.

Далее, что касается *жанровой живописи*, то в последние два столетия художники изображали вначале преимущественно повседневные бытовые сценки, а затем мрачные, негативные, экзотические и патологические типы и события (уличных мальчишек, преступников, проституток и др.). В период раннего Средневековья искусство изображало главным образом сверхчувственное царство Бога и святых; или же, в период с XIII в. по XV в., вполне облагороженные и возвышенные события и человеческие типы. Даже одного беглого взгляда на историю развития американской живописи и скульптуры достаточно, чтобы установить, что в течение последнего (XX) столетия в ней изображались, как и в современном европейском искусстве, преимущественно повседневные события, типы людей из простонародья, такие, например, как на картинах: «Крапленая карта» («Sand Card»), «Кузнец» («Blacksmith»), «Ставьте у Шарки» («Stag at Sharckey's»), «Уютный уголок» («Cozy Corner»), «Купальщицы» («Bathers»), «Горец» («Mountaineer»), «Хирургическая клиника» («Surgical Clinic»), «Рудокопы» («Miners»), «Воскресное утро на прииске» («Sunday Morning at Mines»), «Конькобежцы» («The Skaters»), «Смотритель маяка» («Lighthouse Keeper»), а затем все чаще экзотические и патологические типы и события, как например, «Уличный мальчишка» («Street Urchin»), «Проститутка» («Prostitute») ^{12*}, а также индейцы, гавайцы, негры, мексиканцы и т. д. Как и европейское, американское

искусство по своему тематическому содержанию все более становилось живописью, ориентированной на «разгребание грязи» («muck-raking painting»).

Подобно современной европейской живописи и скульптуре, американское искусство в этой сфере демонстрирует точно такое же смешение стилей, модернистские потуги, интерес к «разгребанию грязи» и весьма приземленный подход при выборе сюжетов. Иначе говоря, одно с трудом можно отличить от другого.

III. О существовании великой американской *музыки* мы также говорим постольку, поскольку она выражалась языком европейской музыки соответствующего периода (Макдоуэлл и др.). Современная американская музыка – произведения Гершвина, Копленда, Харриса, Хилла, Пистона, Тейлора, Карпентера – все это лишь разновидность современной европейской музыки. С другой стороны, джаз, который возник в Америке, успешно распространился по всей Европе. Музыка на обоих континентах носила исключительно светский характер. Ее герои – если, как в опере, в ней присутствовали герои – не были ни божественными, ни великими и благородными личностями, а были либо простыми людьми или патологическими персонажами, либо же обуреваемыми страстями романтическими и экзотическими личностями: комедиантами («Петрушка»), клоунами («Паяцы»), контрабандистами («Кармен»), бандитами («Роберт-Дьявол»), сумасшедшими и т. п. Такой же была ситуация и в драме, которая также превратилась в выставку человеческой патологии, как, например, в пьесах О’Нила и многих других авторов.

IV. Наконец, американская *литература* как по форме, так и по содержанию прошла те же стадии своей трансформации, как и европейская литература.

Литература XVII в. в Америке была *alter ego*^{13*} английской литературы по той простой причине, что ее представители (Джеймс Смит, Уильям Бредфорд, Майкл Уиглсворт, Джон Уинтроп, Анна Брэдстрит, Джон Коттон, оба Мэзера, Сэмюел Сьюэлл и др.) – практически все были иммигрантами. Европейские течения нашли отражение в произведениях религиозного характера; исторические произведения и описания путешествий, а также дневники воспроизводили все особенности жанра, характерные для Европы елизаветинской эпохи и исторических произведений и описаний путешествий более позднего времени (например, «Главные плавания» Р. Хэклюита и аналогичные произведения в других странах, «Дневник» Сэмюэля Пипса и др.)

Многие американские писатели XVII в., например, Томас Пейн или де Кревкёр также были иммигрантами или же, как Бенджамин Франклин, провели значительную часть жизни за границей. Все они испытали влияние европейских мыслителей и писателей, таких как Кальвин, Джон Локк, Волластон, Шефтсбери, Исаак Ньютон, Годвин и др. Следовательно, будь то историческая и художественная литература (У. Берд, де Кревкёр), религиозная (Джонатан Эдвардс, Вулман и Мэзеры) или политические произведения (Франклин, Пейн, Дикинсон, Гамиль-

тон), или же поэзия и сатира (Френо) – каждая литературная форма и каждое течение были всего лишь модифицированной разновидностью аналогичного направления, существовавшего в Европе. Поэзия и нарождавшийся жанр романа не представляли исключения из этого правила. «Десятая муза» Энн Брэдстрит – образец литературы елизаветинской эпохи. «Судный день» Уиглсворта – был одним из многих аналогичных религиозных произведений в стихах, появившихся в Европе в XVII в.

Чарльз Брокден Браун, Вашингтон Ирвинг, Джеймс Фенимор Купер и их последователи были американскими выразителями романтического направления, представленного в различных его формах в Европе Руссо, Гете, Шатобрианом и другими. Особенно это характерно для английского литературного романтизма, воплощенного в произведениях Сэмюэля Ричардсона, Смоллета, Филдинга, А. Радклиф, Г. Уолпола, Байрона, Мэри Уолстонкрафт, Уильяма Годвина, Водсворта и Вальтера Скотта. Эдгар По находит себе подобных в Европе в лице Гофмана, отчасти Кольриджа и в готических романах. К тому же романтическому направлению принадлежит и Герман Мелвилл на первом этапе своего творчества («Тайпи», «Ому» и частично «Марди»), тогда как Мелвилл-философ, автор «Моби Дика», проповедует вечную пессимистическую философию имманентного зла и борьбы человека с ним, которая приблизительно в то же время или же немного ранее или позднее была ярко выражена в Европе в произведениях многих авторов: Гоголя, Лермонтова, Байрона, Шеллинга (во второй период его творчества), де Местра, Шопенгауэра, Леопарди, Баадера, Ренана, Гёрреса, де Бональда, Толстого, Бальзака, Герцена, Достоевского, Виньи, Ф. Альварардо, Рихарда Вагнера, Э. Гартмана, Ницше, Бодлера, Ренувье, Ибсена, Тэна, М. Нордау, Ломброзо, Тургенева, Мопассана и др. То же самое можно сказать о втором пессимистическом периоде творчества Марка Твена – с его произведениями «Таинственный незнакомец», «Что есть человек?», «Личные воспоминания о Жанне д'Арк» – и о пессимистической философии Натаниэля Готорна и Генри Адамса.

Если мы обратимся теперь к творчеству Эмерсона, Торо и трансценденталистов, то их идеализм, индивидуализм, туманный мистицизм, оптимизм и романтизм выглядят всего лишь как «ручейки» с незначительными индивидуальными особенностями, питаемые аналогичными течениями мысли в Европе, представленными большой группой европейских мыслителей и писателей. Оптимизм был лейтмотивом огромного числа верующих в непрерывный прогресс, в превосходство добра над злом. В их числе: Конт и Спенсер, Джон Стюарт Милль и Гербарт, Виктор Гюго и В. Кузен, Фейербах и Карл Маркс, Гегель и гегельянце, Фихте и Лотце, Фурье и Ламенне, Шлейермахер и Якоби, Кант и Шиллер, Ньюмен и Мен де Биран, В. Соловьев и многие другие. Индивидуализм здесь представляли Карлейль, Штирнер, Прудон, Дюринг, Бакунин, Толстой, Фурье, Кропоткин, Э. Реклю, Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер, Бокль, де Токвиль,

Мишле и др. Идеализм был представлен произведениями Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, Ренана, Грина, Рихарда Вагнера, Гартмана, Гете, Карлейля, Баадера, Лотце, Целлера, В. Кузена, Мен де Бирана, Розмини, В. Джоберти, В. Гюго, Розенкранца, Ньюмена, де Мэстра, Бональда, Секретена и др. Мистицизм и интуитивизм были представлены Шелли, Шлейермахером, Мицкевичем, Вроньским, Шопенгауэром, Рёскином, Достоевским, Джоберти, Гартманом, Вагнером, В. Соловьевым, Баадером, Мэтью Арнольдом и др. «Конкордская школа»^{14*} была также одной из разновидностей этой многообразной пульсации евро-американской культуры.

Романы «Алая буква», «Мраморный фавн» и другие символические и нравственные повести Натаниэля Готорна появились лишь ненамного ранее основных произведений Достоевского и Толстого. Нельзя не обратить внимание на то, что и в рассматриваемых ими проблемах, приемах психологического анализа, в понимании судьбы и ее социально-психологической обусловленности, даже в особенностях литературного стиля произведения Готорна и Толстого являются поразительно близкими по духу: «Алая буква» и «Анна Каренина», «Мраморный фавн» и «Преступление и наказание» рассматривают одну и ту же социальную, нравственную и психологическую проблематику, они исполнены одним и тем же трагическим духом неотвратимости судьбы и социально-психологического фатализма. Они передают одинаковую атмосферу, и замысел их в его основных чертах – один и тот же. Все эти произведения демонстрируют одинаковую «рефлекторность» и «пульсацию» неделимой евро-американской культуры, проявляющуюся в самых различных сферах и выражающуюся людьми, которые едва ли знали о существовании друг друга. Кроме Толстого и Достоевского, ряд других европейских писателей этого периода создавали произведения в духе Готорна.

Что же касается более поздних крупных писателей Америки, таких как Хоуэллс и Генри Джеймс, то их «европеизм», как это хорошо известно и подтверждено ими самими, обусловлен тем, что они считали себя учениками Толстого, Тургенева, Бальзака, Флобера, Фурье, Джорджа Элиота, Диккенса, Доде и других европейских писателей, с которыми они поддерживали связь. Марк Твен как юморист принадлежит к направлению, представленному широкой плеядой писателей-юмористов, комиков, пародистов и сатириков Европы, что не мешает ему, как и всем остальным, быть оригинальным и самобытным. Марк Твен-пессимист отражает аналогичные течения европейской мысли того времени. Затем в Европу, как и в Америку, приходит натурализм. Параллелизм в его развитии по обе стороны Атлантики со всеми его специфическими особенностями не нуждается в доказательствах. Литература XX в. в Америке с ее разнообразием жанров и смешением стилей так же, как и с ее специфическими особенностями, очень схожа по своей ментальности, форме и манере выражения с европейской

литературой этого столетия. И опять-таки это не означает, что Америка лишь подражала Европе, а говорит о том, что неделимая евро-американская культура жила и развивалась одинаково на обоих континентах.

Если же мы посмотрим на некоторые тенденции развития литературы на обоих континентах, то увидим, что и они совпадают по своей направленности.

В Европе по мере ее развития от эпохи средних веков к более поздним, особенно к XIX и XX вв., литература приобретает все более светский характер, становится все менее религиозной по своей тематике. То же происходит и с американской литературой. В обеих религиозно-аскетические устремления и идеалы проявляются все реже. В жанрах обеих литератур все большее место занимает тема любви и любовных приключений, а в последние десятилетия в центре ее оказывается плотская любовь. И все большее внимание в них начинает уделяться экономическим проблемам, что было столь редким в средневековой литературе. В обеих литературах основными типами героев все больше становятся: простой человек, фермер, крестьянин, рабочий, бизнесмен, стенографистка, клерк и маргинальные социальные типы. Бродяги, преступники, проститутки, лица с сексуальными отклонениями, неудачники, беспризорники, лицемеры, убийцы и им подобные находятся теперь в центре внимания литераторов вместо благородных героев литературы XIII–XV вв., заменив собой Бога, святых и ангелов ранней средневековой литературы. В широком смысле в обеих литературах все более проявляется тенденция к превращению в музей социальных, нравственных, психических и других патологий. И эта тенденция сохраняется. А то, что американские историки литературы называют литературой «разгребания грязи», на самом деле всего лишь разновидность того расширяющегося потока «скабрёзно-физиологической» интерпретации человека и его культуры, которая все более укоренялась и развивалась в самой ментальности нашей культуры и пышно расцвела в настоящее время в науке, философии, искусстве, этике и вообще где угодно.

Если же мы обратим внимание на стиль обеих литератур, будь то стиль реалистический, натуралистический, романтический, символический и т. д., то и здесь мы вновь не найдем никаких различий. Все эти стили существовали в литературе обоих континентов, и период расцвета каждого из них на одном континенте почти одновременно сопровождался аналогичным подъемом на другом. То же самое справедливо и в отношении таких литературных форм, как роман, эпическая поэма, поэзия и т. п. Короче говоря, когда речь идет об их основных чертах, то здесь сходство перерастает опять-таки в почти полную идентичность.

Подобным же образом можно было бы рассмотреть и другие сферы обеих культур, такие как этика, религия, право и т. п., и показать, что и в этих областях фазы развития были весьма схожими на обоих континентах.

3. Выводы и диагноз

Какова мораль всего сказанного? Какие выводы следуют из выдвинутого нами тезиса? Их несколько. Назовем лишь некоторые.

1. Любое утверждение, что американская и европейская культуры различны – неверно. Существуют не две различные культуры, а одна, евро-американская, одного возраста, которая живет, развивается и в своей основе подвергается одним и тем же ритмам изменения на обоих континентах. Соответственно, все те, кто превозносит американскую литературу как превосходящую европейскую, и те, кто считает лучшей европейскую культуру, заблуждаются, поскольку такие утверждения предполагают существование различий между культурами. Они могут говорить лишь о превосходстве или некачественности некоторых из второстепенных особенностей, но не самих культур, поскольку они составляют единую культуру.

2. Поскольку культура на обоих континентах оставалась одинаковой и не выкристаллизовалась в две коренным образом отличающиеся культуры в течение почти четырех столетий, когда связи и контакты между Америкой и Европой были значительно менее интенсивными, то в современную эпоху интенсивных связей и контактов вряд ли вероятно, что и в будущем евро-американская культура окажется расколотой на две различные с различными судьбами.

Скорее всего, судьба ее будет одинаковой на обоих континентах. Если при этом вспомнить, что судьба исчезнувшей греко-римской культуры оказалась такой же, несмотря на то, что вначале это были разные культуры, то маловероятно, что судьба евро-американской, или западной, культуры по-разному сложится на двух континентах. И если в будущем ее ждет новый расцвет, то расцвет этот произойдет на обоих континентах. Если же она начнет разрушаться, то этот процесс также, вероятно, будет происходить на обоих континентах. Это не исключает ни возможности каких-то второстепенных отклонений и отступлений, ни даже того, что чувственная культура в течение более длительного времени просуществует только на одном, скорее всего, американском континенте. Многие признаки свидетельствуют о том, что Америка в модифицированной форме сможет играть по отношению к Европе ту роль, которую играл древний Рим по отношению к Греции. В связи с этим можно утверждать, что многие признаки указывают на то, что происходит смещение центра мировой истории из Европы в тихоокеанский регион, где главную роль на драматической сцене мировой истории в ближайшие столетия будут играть Америка, Китай, Индия, Япония и Россия.

3. Рассмотренный пример евро-американской культуры свидетельствует о том, что любая великая и интегрированная культура является живым организмом. Она развивается и проходит предначертанный ей путь в соответствии со своей потенциальной природой. Она может использовать в качестве своих носи-

телей различные расовые, национальные, географические, экономические или профессиональные группы; и эти группы могут значительно отличаться друг от друга. Однако несмотря на эти различия, во всех этих группах культура развивается в своих основных чертах по схожим направлениям и претерпевает одни и те же серьезные изменения в процессе своего существования. Расовые, национальные, территориальные и другие общности, являющиеся носителями этой культуры, редко изменяют сущностную природу и судьбу самой культуры. Они влияют лишь на массу *второстепенных* особенностей культуры. Эти второстепенные особенности по-разному выражаются различными группами, обычно приобретая ту или иную местную окраску. В то же время существенные изменения в культуре могут происходить не одновременно во всех этих группах, являющихся ее носителями: в некоторых они могут произойти раньше, чем в других. Даже чистота и яркость основных черт культуры могут проявиться в одной группе более четко, чем в другой. Однако когда речь идет о самом существе и основных стадиях развития культуры, то путь их одинаков у всех групп и общностей, которые являются ее носителями. Евро-американская культура служит лишь одним из многих примеров, демонстрирующих внутреннюю логику жизни культуры.

4. И, наконец, поскольку европейская и американская культуры составляют единую и неделимую евро-американскую культуру, они находятся на одной и той же стадии развития, а именно: переживают сумеречный период угасания ее чувственной фазы. Их будущее развитие также пойдет в основном по одному и тому же пути, несмотря на второстепенные различия. И значит все, что уже было и будет сказано о современном состоянии западной культуры и общества, одинаково применимо к евро-американской культуре по обе стороны Атлантики. Таков ответ на вопрос, поставленный в начале этой главы.

Глава девятая

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ЧУВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРИЧИНЫ КРИЗИСА И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

---

1. Смысл дезинтеграции чувственной культуры и общества

В наше время целый хор голосов твердит об упадке и дезинтеграции западной культуры и общества. К сожалению, большинство этих голосов редко занимаются конкретизацией смысла того, что именно они имеют в виду. Поскольку наш диагноз тоже подтверждает происходящую дезинтеграцию чувственной фазы нашей культуры, желательно определить как можно точнее, что означает и чего не означает такая дезинтеграция.

А) Прежде всего *она не предполагает физического исчезновения населения Западных стран*, носителей и создателей этой культурной суперсистемы. Некоторая часть этой культуры погибнет в переходный период, но только часть. *Дезинтеграция означает все усиливающийся отход Запада от чувственной культуры с ее ценностями, сдвиг в сторону других форм культуры, идеациональной или идеалистической*. Подобно отмирающей идеациональной фазе развития культуры конца средних веков, современная чувственная фаза будет все больше и больше терять своих адептов, не приводя, однако, к серьезной депопуляции западного общества.

Б) Дезинтеграция *не означает полного разрушения всех средств и способов выражения нашей современной культуры, начиная с ее материального достояния и технических приспособлений и кончая ее нематериальными ценностями*. Часть этой материальной культуры обречена на гибель в процессе войн, революций и анархии переходного периода. Однако эта часть будет всего лишь небольшой долей общей суммы материальных средств и орудий чувственной культуры. Большая их часть, начиная со зданий, дорог, транспортных средств и средств связи и кончая различного рода машинами и техническими приспособлениями, уцелеет. Но, сохранившись и продолжая существовать, *они все в меньшей степени будут отражать ценности и представления чувственной культуры и все более и более будут становиться средствами выражения идеациональной или идеалистической систем представлений и ценностей*. Связь, объединяющая

ценности и представления с их материальными носителями, достаточно гибкая. Одни и те же средства, будь то радио, взрывчатка или же самолет, могут быть использованы для самых различных целей: радио – для передачи религиозных служб или же непристойностей, научной теории или же популярных песенок; взрывчатка – при строительстве больниц или же создании бомб; самолет – для спасения людей или же для уничтожения с воздуха пассажирского судна. То же относится и ко всем другим средствам. Их физико-химическая и биологическая природа не определяет, будут ли они служить носителям чувственных или идеациональных ценностей. Дезинтеграция чувственной культуры означает, что эти материальные средства постепенно перестанут служить чувственным ценностям, что они все в большей степени станут средствами выражения идеациональной, идеалистической или же интегральной систем ценностей.

В) Дезинтеграция чувственной суперсистемы западной культуры *не означает полного вырождения и разрушения всей нашей культуры*. Как было показано ранее (см. первую главу), вся западная культура никогда не была интегрирована в единое целое. А то, что не было интегрировано, очевидно, не может быть и разъединено. *Вырождение и дезинтеграция чувственной суперсистемы касаются только данной суперсистемы со всеми подчиненными ей системами*. Нетронутыми или затронутыми только слегка при этом остаются все культурные системы и их особенности, которые не являются составными частями этой чувственной суперсистемы.

Г) Помимо неполадок с людскими и материальными носителями чувственной культуры, ее *упадок проявляется во все усиливающемся вырождении и дезинтеграции чувственных систем смыслов и ценностей*. Их вырождение означает, что, несмотря на великие достижения во всех областях чувственной культуры в период ее подъема, стадия ее упадка будет отмечена все большей дефективностью создаваемых ею ценностей. В науке это означает, что на место Галилеев, Ньютонов, Лейбницев придет множество посредственных ученых, изучающих «все больше и больше о все меньшем и меньшем», изобретающих скорее разрушительные, нежели созидательные орудия и средства. Потенциальные гении уровня Галилея, Ньютона, Коперника и Дарвина все реже будут вносить вклад в чувственную науку; все больше и чаще они будут создавать ценности, носящие идеациональный или идеалистический характер. В период подъема чувственной культуры лучшие умы вовлекаются в области естественных наук и технологий; в периоды же подъема идеациональной и идеалистической культур они становятся такими, как святой апостол Павел, блаженный Августин, Фома Аквинский и подобные им религиозные подвижники и творцы новых систем истины. Такое перетекания гениальных людей из одной сферы ценностей в другую в периоды перехода от одной культуры к другой вполне закономерно. Чувственная наука и техника, лишаясь при этом притока гениальных умов, была вынужде-

на замедлить свое поступательное развитие и снизить потенциал своих творческих достижений. Вырождение чувственной культуры в области философии демонстрирует то же самое. Место Декарта, Локка, Канта, Юма или Конта займут *эпигоны* чувственной философии, которые будут писать свои ученые труды о системах великих философов или претенциозные трактаты по «научной философии», лишенные как научной, так и философской мысли. С другой стороны, потенциальные ученые, подобные Канту и Юму, будут все чаще переходить в область теологии и идеациональной или идеалистической систем философии и будут обогащать их, а не чувственный эмпиризм и другие направления чувственной философии. В социальной науке вырождение чувственной культуры означает прогрессирующую тенденцию замены поколений, давших Ибн-Хальдуна, Вико, Локка, Монтескье, Адама Смита, Герберта Спенсера, Огюста Конта и Карла Маркса, сонмом ученых, объединенных в огромные исследовательские корпорации, которыми управляют «менеджеры социальной науки и комитеты по общественнознанию». Они будут усердно плодить ученые труды, на первый взгляд добротные, но наполненные либо занудным доказательством очевидного, либо пустой схоластикой, причем написаны они будут со всей александрийской ученостью^{1*} и аккуратностью, свойственной «ученой бюрократии». А потенциальные великие социальные мыслители опять будут все заметнее перемещаться в сферу идеациональных и идеалистических социальных теорий. В сфере искусств место Шекспира и Гете, Баха и Бетховена, Рафаэля и Рембрандта займут союзы ремесленников от музыки, дельцы шоу-бизнеса, «производители» беллетристики и живописи, ориентирующиеся в первую очередь на продаваемость своего товара и руководствующиеся прихотью своих хозяев (Social and Cultural Dynamics, vol. IV, chap. 7). В области права и этики остатки чувственных норм поведения будут все более относительными, условными, пока окончательно не исчезнут; пышно расцветет откровенный гедонизм в сочетании с лицемерием и господством грубой силы. С обществом расправятся те самые «монстры», которых оно же само породило и взрастило своим нигилизмом и гедонизмом.

С другой стороны, все больше будет появляться приверженцев абсолютных этических норм, из которых часто выходят стоики, аскеты и святые. Дух общества в переходный период будет расколот между приверженностью лозунгу «Carpe Diem»^{2*}, с одной стороны, и равнодушием и отрицанием всех чувственных удовольствий – с другой. Само общество будет явно разделено на совершенно бесстыдных грешников с их девизом «Ешь, пей и веселись, ибо неизвестно, что будет завтра»^{3*} – и на аскетов и святых, которые будут искать спасения от греховного чувственного мира в новых убежищах, новых обителях и новых «пустынях». Эти убежища не обязательно должны предстать в их физическом воплощении, они могут существовать и в духовном мире, находя свое выражение в усиливающемся отрицании и неприятию чувственных удовольствий. Все

больше появится людей, стоящих на крайних позициях: гедонистов и циников, с одной стороны, и аскетов и мистиков не от мира сего – с другой. Глубокая бездна между ними будет расти, а душа и тело общества окажутся расколотыми на эти две крайние позиции до тех пор, пока переходный период не завершится, пока крайний гедонизм исповедующих «Carpe diem» не отомрет.

В больших или меньших масштабах такой раскол всегда наблюдался как в короткие, так и в длительные переходные периоды и особенно в периоды великих переходов от одной культуры к другой. «Декамерон» Боккаччо с его компанией любителей наслаждений и средневековые флагелланты^{4*}, мистики и аскеты – вот конкретные примеры такого раскола в переходные периоды XIV столетия. Грубые римские эпикурейцы и объекты сатиры Петрония, с одной стороны, и стоики, аскеты и христиане – с другой, являют собой еще один пример подобного же раскола в переходный период первых веков нашей эры. Аналогичный раскол уже намечился в западном мире, и, несомненно, он будет усиливаться.

И, наконец, такое разрушение особенно наглядно проявится во все прогрессирующем вырождении самих норм и критериев культурных ценностей. Подлинные чувственные нормы будут все чаще подменяться поддельными критериями ценностей; компетентные эксперты – ограниченными невеждами ежедневной прессы, радио, бесчисленных дискуссий, авторами бестселлеров и других видов культурной жвачки. Политиканы заменят государственных деятелей; вместо правителей, заботящихся о благополучии граждан, придут властители, исполненные мании величия, безразличные к человеческой жизни и ее ценностям. Незаметно ценностные стандарты изменятся столь радикально, что на последних стадиях существования чувственной культуры действующие в ней «механизмы отбора» будут отдавать предпочтение псевдоценностям, игнорируя ценности подлинные.

Как и в период упадка греко-римской чувственной культуры, бесплодие мысли и творческого духа будет все более пронизывать всю чувственную суперсистему до тех пор, пока западное общество не осознает всей пустоты своей «модернизированной» культуры. Сравнивая с этой мертвой оболочкой то, что некогда являлось великолепным творением, она сможет найти лишь один выход из этой ситуации: отбросить бесплодный труп ради того, что живет и созидает, ради возрождения идеациональной, идеалистической или интегральной формы культуры.

Дезинтеграция чувственной фазы культуры означает также возникновение и рост противоречий в самих системах ее смыслов, а также между отдельными носителями этой культуры и их группами. То, что прежде, на полнокровной стадии развития чувственной культуры, представляло собой цельную систему с едва заметными трещинками, распадется на части, обнаружив отдельные составляющие ее блоки, которые ранее представлялись единым целым. Появится множество чувственных направлений мысли, каждое из которых будет заявлять

о своей приверженности чувственным догмам и в то же время критиковать другие чувственные течения. И в результате этого позиции материализма, эмпиризма, темпорализма, гуманизма, утилитаризма, экономизма, «сциентизма» и всех других направлений чувственной мысли будут все более подтачиваться и ослабевать; они начнут распадаться на все увеличивающееся число незначительных течений, теряющихся в безграничной массе составляющих ее элементов. Подобно враждующим сторонам в гражданской войне, последние эпигонствующие противники будут все больше ослаблять друг друга и разрушать всю чувственную систему смыслов и ценностей. Там, где прежде существовала великая суперсистема, окажется всего лишь простое скопление отдельных ее элементов, каждый из которых предстанет ослабленным и утратившим свои позиции.

Эта дезинтеграция систем смыслов и ценностей получит отражение и в складе ума отдельных индивидуумов и групп – носителей и выразителей чувственных смыслов и ценностей – и в аналогичной дезинтеграции самой их ментальности. Там, где прежде был умственный и нравственный порядок как отражение порядка в системах чувственных смыслов и ценностей, вскоре возникнет интеллектуальный и нравственный хаос. Различие между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и уродливым, положительной и отрицательной ценностью будет все больше стираться. Поскольку в самой культуре больше не будет существовать социокультурных норм, признанных и усвоенных всеми, то такие нормы найдут приют лишь в менталитете отдельных индивидов и групп. Будет нарастать интеллектуальная и нравственная атомизация, а вместе с ней и интеллектуальная и нравственная анархия.

И как ее последствие – неизбежный рост и обострение антагонизмов и конфликтов. А вместе с ними произойдет накат грубой силы: войн, революций, преступлений и других форм социальной борьбы, свободных от всяких запретов и ограничений. Они приведут к дальнейшему уничтожению людей, разрушению их материального комфорта и материального благосостояния. Такое разрушение лишит чувственную культуру ее главного обаяния и притягательной силы, уничтожив ее главную ценность, ее *raison d'être*^{5*}, и тем самым вызовет падение ее престижа, привлекательности и очарования. Отсюда следует все более усиливающееся «отступничество» выразителей этой культуры и смещение их приверженности к другим системам представлений и ценностей.

Объединяясь и интегрируясь в единые внутренне согласованные системы, эти новые ценности и нормы будут образовывать все более крупные системы, завершившись, наконец, созданием суперсистемы идеациональной, идеалистической или интегральной культуры. Привлекая к себе все возрастающее число наиболее творческих умов, служащих ее интересам, новая культура будет приобретать все большее влияние и силу, пока не станет господствующей суперсистемой идеациональной, идеалистической или интегральной культуры. Достигнув

этой вершины, период перехода от умирающей чувственной культуры к ее новому виду закончится, а вместе с ним закончатся хаос и трагедия переходного времени. Общество сможет затем вступить в новую интегрированную стабильную, упорядоченную и творческую фазу своего существования.

Отдельные индивиды и группы примут и усвоят системы надындивидуальных и надгрупповых смыслов, норм и ценностей для обеспечения связности и упорядоченности своего внутреннего и внешнего бытия, содержательного, наполненного до краев, плодотворного, творческого и полезного. Эти новые системы ценностей станут нормами, контролирующими их разум и образ действий и ориентирующими их между позитивными и негативными ценностями во всех областях социокультурной жизни. Таким образом, интеллектуальная, нравственная и социальная анархия прекратится или существенно ослабеет. Человек, утративший самоконтроль на стадии загнивания чувственной культуры, вновь обретет его. Господство грубой силы будет ограничено и подчинено новым ценностям и нормам. Сила вновь уступит дорогу Праву. Социальные отношения приобретут новую менее принудительную и более благородную, чем в предыдущий переходный период, форму. На повестке дня истории появится новый социальный, культурный, духовный и нравственный порядок. Если же переходный период не получит такого завершения, то это будет означать, что творческая история западного общества закончилась. В таком случае общество погрузится в трясину беспредельной анархии и будет устранено с творческой арены истории и передано в морг или музей.

Таков истинный смысл происходящего упадка чувственной стадии нашей культурной суперсистемы. Однако он не означает ни физического конца западной культуры, ни гибели западной цивилизации. Он свидетельствует об окончании ее важной стадии и переходе к другой. В этом смысле наше понимание и наша теория упадка чувственной стадии культуры имеют мало общего с другими теориями конца западной цивилизации, гибели всех ее представителей или уничтожения всех материальных и нематериальных ценностей западного общества или же теориями, предсказывающими обреченность западной культуры и общества. Построенные главным образом на чисто биологических аналогиях, все подобные теории являются ошибочными. Вместо утверждаемой ими «смерти западной культуры и общества», наша концепция подразумевает всего лишь окончание одной из стадий развития этой суперсистемы и рассматривает переход к другой ее стадии, более цельной и не столь однобокой, возможно, *неоидеациональной* или же *неоидеалистической*. Такая концепция лишена мрачного пессимизма, присущего всем теориям «смерти» культуры и общества.

Заглядывая в ближайшее будущее, которое наступит после стадии упадка и переходного этапа, мы можем предвидеть рождение новой идеациональной или же, что менее вероятно, идеалистической стадии нашей суперсистемы.

На этой стадии все губительные проявления и последствия загнивающей чувственной стадии будут устранены, что обеспечит раскрытие новых творческих сил. Как и прежде, эти силы будут создавать великие и прекрасные ценности, расширяя мир подлинной сущности и смысла, вновь представляя человека отражением образа Творца на нашей земле, одухотворяя культуру, облагораживая общество и приближая человека к вечно творящему и всесовершенному Абсолюту. Затем рано или поздно эта стадия в свою очередь начнет разрушаться, и вновь на смену ей придет новая, отличная от нее; и таким образом величественная симфония человеческой социокультурной жизни будет звучать, переходя от одной фазы к другой, делая шаг за шагом, вечно новая в своих творческих вариациях и вечно старая в своем повторении основных стадий развития суперсистемы. Под таким углом зрения предложенная нами концепция предстает как одна из самых оптимистичных концепций социо-культурного изменения.

С другой стороны, трагический характер, присущий стадии упадка и переходному периоду и остающийся таковым до тех пор, пока не будет достигнута новая фаза в развитии суперсистемы, не дает нашей теории никаких оснований разделять поверхностный оптимизм торговцев «прогрессом», пошлых рекламщиков, извлекающих барыши из всего что угодно, лишь бы оно было «самым большим и самым шикарным». Если Кассандры, твердящие о «смерти цивилизации», окажутся неправы, они, по крайней мере, не обратят великую трагедию этого исторического процесса в оперетку. Что же касается «торговцев прогрессом», будь то «администраторы науки», ученые, президенты того или этого, журналисты или спикеры торговой палаты, они не только заблуждаются, но даже не обладают достоинствами ошибающейся Кассандры. Они настолько глухи, что не смогут никогда отличить трагически звучащее песнопение «*Dies irae, dies illa*»^{6*} от песенки типа «*Fine and Dandy*»^{7*}. И что бы ни произошло с течением времени, они будут приветствовать все это как более современное, а потому как высшее и лучшее проявление прогресса. Если «Девятая симфония» истории заменяется самым пошлым джазом, они авторитетно провозглашают, что это «идет в ногу с прогрессом». Если человеческая кровь льется обильным потоком, они считают это «возбуждающим и стимулирующим экспериментом», поскольку это не их кровь. Только тогда, когда трагический *dies irae* наступит для них самих, они утратят свой пустоголовый оптимизм и превратятся в плакальчиков на цирковой арене истории.

Хотя упадок чувственной стадии нашей культуры и не означает гибели самой западной культуры и ее носителей, тем не менее временный ущерб, нанесенный великим культурным ценностям в переходный период, может оказаться катастрофическим; размеры человеческого страдания могут оказаться чересчур большими, трагедия судного дня слишком суровой, чтобы позволить нам присоединить свой голос к хору этих лицемерных поборников ложного прогресса.

Ни Кассандры, предрекающие «смерть западной культуры», ни персоны, подобные Кандиду и Полианне^{8*}, «идушие в ногу с прогрессом», не являются для нас подходящей компанией. Наш путь пролегает между этими двумя ошибочными направлениями социокультурной мысли (Более подробно общая концепция социокультурного изменения изложена в т. IV «Dynamics»).

2. Корни кризиса

Теперь наступила очередь задаться вопросами: Как возник этот трагический кризис? Каковы его корни и причины? Почему современный человек, достигший таких успехов в своих научных и технических открытиях, не воспрепятствовал дезинтеграции чувственной культуры и собственной деградации и трагедии?

Большинство современных ответов на эти вопросы всего лишь слегка касаются существа проблемы. Они считают, что все дело в некоей недоработке, имеющей чисто экономический, политический, технологический или биологический характер. Эта недоработка оценивается как нечто случайное, не присущее самой природе современной чувственной культуры. Соответственно, для устранения этого порока они с абсолютной уверенностью предписывают ей либо экономическую реорганизацию – в финансах и банковском деле, политике цен и заработной плате, в системах социального обеспечения и страхования по безработице, возрасту или болезни, даже вплоть до ликвидации частной собственности; либо же изменение всей политической структуры, начиная с реорганизации Лиги Наций, монархического и республиканского правления, демократии или тоталитарного государства и кончая реформой государственного аппарата или системы политических партий.

Другие врачеватели видят спасение культуры в умеренной религиозной терапии: надо сделать церкви более комфортными, богослужения – более привлекательными, а проповеди – более интересными. В то же время другие верят в магическую силу образования и ожидают чудес от изменения школьных учебных программ; от увеличения числа бакалавров, магистров и докторов всяческих наук, мнимых и настоящих; от проведения «образовательных бесед» в клубах, на различных представительных собраниях, в муниципальных залах, по радио и телевидению, особенно в программах типа «Профессор Угадай-Знайкин» и «Справочная? Могу я узнать...»^{9*}, от постоянного чтения газет, журналов и бесконечных дайджестов. Существуют также и такие врачеватели, которые видят корень зла в биологическом вырождении, дурной наследственности, принадлежности к испорченной расе, в плохом естественном отборе и других биологических факторах. Соответственно, они возлагают большие надежды и на такие меры, как контроль за рождаемостью, рост потребления витаминов, стерилизация соци-

ально неполноценных, обеспечение расовой чистоты и т. п. Наконец, некоторые из таких экспертов считают источником всех недугов пятна на солнце, климат и прочие космические факторы. Однако эти последние утешают нас, уверяя, что пятен на солнце скоро будет меньше, климат станет не таким капризным и что вскоре все будет в полном порядке!

Нет сомнения в том, что какие-то из этих мер, примененные должным образом, смогут дать некоторые положительные результаты. Но нет сомнения также и в том, что ни одна из этих мер не сможет остановить кризис. Причина в том, что ни одна из них не затрагивает источника заразы. А не затрагивая источника, эти меры не могут устранить болезнь.

Основания для такого утверждения весьма убедительны. Все эти паллиативные меры, какими бы они ни были, применялись неоднократно и прежде. Но до сих пор они не смогли ни предупредить, ни остановить, ни ликвидировать кризис. А нередко некоторые из них только усугубляли ситуацию. Особенно это касается экономических, политических, образовательных и других рецептов. Что же касается «солнечных пятен» и различных биологических теорий, то ни теория «солнечных пятен», ни какая-либо чисто климатическая теория не смогли объяснить исторические судьбы любой из великих культур прошлого. В еще меньшей степени они могут объяснить слабые и сильные «качания»^{10*} в поступательном развитии чувственной культуры, которое продолжалось несколько столетий – независимо от климатических капризов, пятен на солнце или любых других космических явлений. Но еще менее они объясняют современный кризис. Как правило, процесс непрерывного изменения социокультурной жизни имеет мало общего с этими факторами. Физически последние поколения людей выглядят более здоровыми, чем предыдущие: рост людей современного поколения увеличился; продолжительность их жизни также возросла; болезни сократились. Биологически мы не уступаем ни одному предыдущему поколению. Несмотря на тревогу, поднятую евгениками, расистами и сторонниками теории наследственности, источник недуга кроется не в биологических условиях.

В силу этих причин можно серьезно усомниться в адекватности этих диагнозов, а также предлагаемых средств излечения. Их ошибка состоит в стремлении найти источник трагедии не там, где следует, в недооценке серьезности заболевания и особенно в трактовке его как чего-то случайного, не присущего самой природе современной перезревшей чувственной культуры. На самом деле истинные корни трагедии лежат бесконечно глубже. Они имманентны, уходят в далекое прошлое и свойственны самой природе чувственной культуры. Те же самые силы, которые вызвали рост ее замечательных достижений, сделали неизбежным разрастание ее раковой опухоли, т. е. дезинтеграции и кризиса. Расплата и возмездие есть alter ego^{11*} роста и великолепия чувственной культуры, они – сиамские близнецы.

Таким образом, мы установили, что современная чувственная культура возникла одновременно с убеждением, что подлинная реальность и истинная ценность являются преимущественно или исключительно чувственными. Все, что считалось сверхчувственным, воспринималось как нереальное или считалось фиктивной ценностью. Оно либо вовсе не признавалось существующим, либо же, будучи недоступным чувственному восприятию, объявлялось равносильным несуществующему. И, соответственно, органы чувств (с вторичной помощью человеческого разума) объявлялись главным арбитром истинного и ложного, реального и нереального, ценного и не имеющего ценности. Любое харизматически-сверхчувственное и сверхрациональное откровение, всякий мистический опыт, всякую истину веры стали отрицать в качестве достоверного опыта, достоверной истины и ценности. *Основная посылка чувственной природы истинной реальности и ценности – это тот корень, из которого произросло древо нашей чувственной культуры с его как великолепными, так и ядовитыми плодами.* Ее главным ценным плодом является беспрецедентное развитие естественных наук и технологических изобретений. Самый же ее ядовитый плод – это фатальное сужение сферы подлинной реальности и истинной ценности.

Если считается, что подлинная реальность и подлинная ценность носят чувственный характер, то все, относящееся к сфере сверхчувственного, от понятий о сущности Бога до представлений о человеческом разуме, все нематериальное, что невозможно в повседневной жизни увидеть и услышать, пощупать, понюхать или попробовать на вкус, необходимо объявить нереальным, несуществующим и не имеющим никакой ценности. Именно это и произошло.

Грубые и несовершенные человеческие органы чувств стали высшим арбитром того, что считалось реальным или нереальным, ценным или лишенным ценности. В результате бесконечность подлинной реальности была обеднена и сведена только к одному из ее аспектов – тому, что наши органы чувств могли бы воспринять в данный момент; все же другие ее аспекты, которые могли быть постигнуты человеческим разумом и интуицией, которая даруется свыше лишь немногим избранным, отвергались как несуществующие.

По той же самой причине подобная же деградация и близорукая ограниченность повлияли на мир ценностей вообще и в особенности на оценку самого человека и его культуры. Сам человек и все его ценности объявлялись реально существующими лишь постольку, поскольку они были чувственными; все, что в человеке или его культуре оставалось недоступным органам чувств обычных людей, считалось сомнительной или воображаемой псевдоценностью. Таким образом, человек был сведен до уровня простой анатомии и физиологии. Само его существование в качестве обладателя нематериального разума и мышления, сознания и совести часто подвергались сомнению и отрицанию. Таким образом, основная посылка, из которой исходила чувственная культура, подрезала крылья

человека, на которых он мог бы воспарить к вершинам возвышенных ценностей и менее грубой реальности.

Однажды вступив на этот путь развития, культура должна была следовать по нему в направлении все более чувственного восприятия реального мира и его ценностей. Этот путь неизбежно вел к усилению позиций материализма, так как ничто не может быть более чувственным (чувственно воспринимаемым), чем сама материя; к росту гедонизма, утилитаризма и чувственности в мире ценностей, потому что только чувственное удовольствие и боль, чувственно воспринимаемая практическая полезность и бесполезность реальны с этой точки зрения. Отсюда следует и рост механистического материализма, примитивного эмпиризма, поверхностного позитивизма и вульгарного утилитаризма, тесно связанных с усилением позиций современной культуры.

Сам человек и восприятие им собственной самооценности также не смогли избежать воздействия этой же тенденции.

Представление о человеке как носителе и выразителе божественного духа в чувственном мире, как воплощении харизматического дара было объявлено суеверным заблуждением. Понимание подлинной сущности и ценности человека было сведено до уровня представления о нем как о простом биологическом организме со всеми присущими ему несовершенствами. Неудивительно, что такое представление вело к деградации самого человека и как физического существа, и как духовной ценности. Безусловно, не может быть ничего священного в таком несовершенном человеческом организме. Во многих отношениях он является даже более несовершенным, чем организмы других видов живых существ. Если выражением подлинной сущности и ценности человека является всего лишь его физическое тело, то вполне закономерно рассматривать его в одном ряду со всеми другими живыми организмами. Если он оказывается полезным в данный момент, мы можем проявить заботу о нем, как заботимся мы о коровах и лошадях. Если же он оказывается непригодным, его можно ликвидировать, подобно тому, как мы уничтожаем змей и комаров, паразитов и старых животных.

Именно такое отношение к человеку наиболее ярко проявляется теперь в тех группах, где такое равенство между человеком и биологическим организмом понимается почти буквально. В настоящее время для большинства таких чувственных групп человек как личность не обладает какой-либо ценностью. Они не признают никакой харизматической ценности человека, поэтому они обращаются с ним точно так же, как мы обращаемся с животными. Человек может иметь приличные условия жизни лишь постольку (и в той мере), поскольку он является коммунистом или нацистом, «сторонником Нового Курса» или «приверженцем Старого Курса»^{12*} или же, по крайней мере, постольку, поскольку он соблюдает нормы, установленные господствующей партией, и служит ей. Если же его «цвет» не соответствует «цвету» этой партии, тогда совершенно

хладнокровно, со знанием дела, его сминают, убирают, изгоняют, низводят до уровня ничтожества или личности, не представляющей никакой ценности. Подобное уничтожение человека наблюдается в таких современных явлениях, как война, революции, преступления и другие формы проявления жестокости, о которых говорилось ранее. Такая практика – это всего лишь логическое следствие, вытекающее из основной посылки современной культуры. Все эти пороки – это ее ядовитые плоды ровно в той же мере, в какой наука и технология являются ее прекрасными плодами. И те и другие произрастают из одного и того же корня, ограничивающего истинную реальность и истинные ценности реальностью чувственно воспринимаемой.

Из того же самого корня произросли и другие признаки деградации человека, о которых говорилось ранее: атомизация ценностей в искусстве и философии, в праве и этике и т. д. и дезинтеграция культуры. Все они в силу тех же причин являются следствием основной посылки. Тот же самый источник определяет состояние современного общества, представляющего собой огромное число вооруженных лагерей, которые прямым применением силы или ее угрозой и обманным путем стремятся нанести поражение друг другу. Отношения между работодателями и наемными работниками, банкирами и профсоюзами, между социальными классами, богатыми и бедными, образованными и необразованными, привилегированными и обездоленными, между политическими партиями, профессиональными группами и, наконец, нациями – это состояние непрекращающейся вражды, при которой главным аргументом является грубая сила с использованием различных ухищрений, на которые идет каждая конкретная группа. Тот, кто сильнее, торжествует, тогда как более слабая сторона безжалостно попирается и подавляется. Таков источник кризиса нашей чувственной культуры.

3. Пути выхода из кризиса и дальнейший ход событий

Поскольку западная культура вступает в период перехода от чувственной суперсистемы к идеациональной или же к идеалистической стадии развития; поскольку такие составляющие целую эпоху переходы до сих пор являли собой период трагического «*Dies irae*», самая главная задача нашего времени, очевидно, состоит если не в предотвращении трагедии – что едва ли возможно – то, по крайней мере, в том, чтобы сделать такой переход как можно менее болезненным. Что может помочь решению этой задачи? Мы оставляем без дальнейшего рассмотрения различные вспомогательные средства, например, политические, экономические, образовательные, генетические и другие рекомендации, которые, даже будучи здоровыми, могут лишь смягчить трагедию, но ни в коей мере не могут предотвратить ее или послужить средством «выхода» из нее. Наиболее

серьезное средство, очевидно, состоит в исправлении роковой ошибки чувственной стадии и в соответствующей подготовке к неизбежной духовной, нравственной и социокультурной радикальной перестройке западного общества. Первый шаг в этом направлении *состоит в самом широком, глубоком и быстром осознании экстраординарного характера современного кризиса нашей культуры и общества*. Пришло время осознать, что это – не один из тех обычных кризисов, которые случаются почти каждое десятилетие, а один из самых величайших в человеческой истории переходов от одной из главных форм культуры к другой. Соответствующее осознание огромной важности перелома, который мы теперь переживаем, является необходимым условием для определения адекватности мер и средств, требующихся для уменьшения масштабов неминуемой катастрофы. Плох тот доктор, который лечит опасную пневмонию, как легкую простуду. Точно так же ничего, кроме вреда, не может быть от подхода к лечению современного кризиса как обычного легкого недомогания. Такой ошибочный диагноз должен быть отвергнут как можно скорее вместе со всеми слабо действующими лекарствами, предписываемыми близорукими социокультурными врачавами.

Второй шаг состоит в окончательном признании, что *чувственная форма культуры с ее большей и меньшей посылками – это не единственная великая форма культуры, и она несвободна от многих недостатков и дефектов*. Идеациональная и идеалистическая формы так же по-своему значительны, как и чувственная форма.

Третий шаг: когда одна из этих форм стареет и обнаруживает признаки творческого истощения (что происходит с каждой из них после завершения некоторого периода их господства), *в этой культуре для продолжения творческой жизни должен произойти сдвиг к другой главной форме культуры – в нашем случае от агонизирующей чувственной формы к идеациональной, идеалистической или интегральной форме*. Только такой сдвиг может сохранить ее от полной дезинтеграции и атрофии. Этому сдвигу следует не противиться, а, напротив, приветствовать его с энтузиазмом, видя в нем единственное спасение от предсмертной агонии.

В-четвертых, согласованная подготовка к такому сдвигу предполагает *глубочайший пересмотр главных посылок и ценностей чувственной культуры, отказ от ее устаревших псевдоценностей и восстановление подлинных ценностей, от которых она отказалась*. Главная линия такого пересмотра и переоценки направлена в сторону интегральной концепции истины, реальности и ценностей, описанной в третьей главе. Говоря более определенно, необходимо безусловное признание того, что чувственная реальность и ценность – это всего лишь один из аспектов бесконечно более богатой истинной реальности и ценности; что существует и сверхчувственный их аспект, о котором мы получаем лишь

некоторое представление с помощью нашего разума и посредством харизматического дара, или интуиции в тончайшем ее виде; именно эта сверхчувственная область и являет собой высший аспект бытийно-ценностной сущности мира, и в качестве такового – он абсолютен. То же самое справедливо и в отношении подлинной сущности и ценности самого человека, а также самых прекрасных творений нашей культуры. Человек – это не просто биологический организм, но и носитель абсолютной ценности. И в качестве такового личность его священна, независимо от пола, возраста, расы и социального статуса. Его нельзя использовать как простое средство для достижения каких-либо целей в чьих-либо интересах. Точно так же и великие ценности его культуры – наука и техника, религия и философия, этика и искусство – являются отражением, воплощением абсолютных ценностей в эмпирическом мире. И как таковые они не могут быть низведены до уровня простых инструментов для получения чисто чувственного удовольствия или пользы. Каждая из них является сама по себе целью. Поскольку человек и его ценности священны, отношения человека к человеку должны руководствоваться возвышенной любовью в качестве безусловного требования (категорического императива). Поскольку истина, добро и красота являются абсолютными ценностями, всякая дальнейшая их релятивизация, любое их обесценивание и сведение до уровня простого произвольного соглашения (заключаемого по свободному выбору) неприемлемы. Как абсолютные ценности все они составляют единую ценность. Наука, будучи одной из них, не может заявлять о своей полной независимости от добра и красоты, и следовательно, она не может и не должна служить никакой злой цели. А если она ей служит, то злоупотребляет своим долгом и становится псевдонаукой. Тот же самый принцип применим и к искусству. Когда оно превращается только в средство для получения чувственного удовольствия и объявляет себя свободным от любых моральных и познавательных обязательств, оно деградирует до уровня примитивного развлечения и становится псевдоценностью. *С точки зрения интегрализма, противоречий между наукой, религией, философией, этикой и искусством не только не должно быть, – они просто губительны. В свете адекватной теории подлинной реальности и ценности все они составляют единое целое и служат одной цели: раскрытию сущности Абсолюта в относительном эмпирическом мире, возвышению человека и еще большему прославлению Бога. А потому они должны и могут взаимодействовать друг с другом при выполнении этой величайшей задачи.*

В-пятых, такая трансформация ментальности западной культуры должна сопровождаться *соответствующей трансформацией социальных отношений и форм социальной организации*. И первый шаг здесь также состоит в безусловном признании того, что все эмпирические формы социальной организации яв-

ляются не абсолютными, а всего лишь относительными ценностями, позитивными в одних условиях и негативными – в других. Особенно это справедливо в отношении социально-политической, экономической и других форм организации перзрелой чувственной культуры. Ни капитализм, ни социализм, ни коммунизм, ни тоталитаризм; ни частная и ни любая корпоративная или общественная собственность; ни механистический индивидуализм или коллективизм – не являются абсолютными ценностями. Ни монархия, ни республика; ни аристократия или демократия; ни национальное государство или же интернациональная федерация – не могут провозглашать себя абсолютными ценностями. В одних условиях каждая из них является наилучшей из возможных форм организации; в других же условиях каждая из них предстает всего лишь как фетиш, бессодержательный, бесплодный и даже вредный. Например, такие великие ценности как национальное государство или даже частная собственность в настоящее время в значительной степени устарели. Они пережили период своих великих заслуг перед человечеством. Сейчас они скорее источник социального вреда, а не социального благоденствия. Они являются источниками войн и революций, кровопролития и нищеты для подавляющей части человечества, за исключением лишь правителей и владельцев огромных состояний. Именно потому, что личность человека является священной, никакое государство или его правители не имеют права ввергать в разорение и нищету миллионы людей ради собственного величия. Время изолированных друг от друга государств прошло, и человечество теперь уже представляет собой единое взаимодействующее сообщество. Именно потому, что личность человека является священной, никакие толстосумы не имеют права расточительно наслаждаться жизнью и владеть огромными ресурсами в то время, как миллионы порядочных, честных, трудолюбивых людей не имеют работы, голодают и не могут удовлетворить элементарные жизненные потребности. Взаимодействие и взаимосвязь живущих людей, возможность достижения счастья и достоинства для всех слоев рода человеческого являются в настоящее время столь тесными и взаимозависимыми, что никакая изоляция не может быть оправданной да и становится просто невозможной. Это сказано не в похвалу чисто механической коммунистической или тоталитарной «социализации или коммунизации» частной собственности: такие механические операции могут привести лишь к тем же губительным для общества результатам, к каким они неизменно уже приводили прежде. Должно произойти коренное изменение всей ментальности и установок в сторону нравственных норм, предписываемых Нагорной проповедью. Когда произойдет такое изменение, в значительной мере упростится и техническая сторона переустройства экономической и политической структур общества в этом направлении. Без такого изменения никакая формальная политико-экономическая перестройка не сможет принести желаемых результатов.

То же самое относится и ко всем остальным ценностям, которые являются лишь целевыми средствами для достижения высшей и конечной цели. Большинство из этих целевых средств, бывших великими в период своего «зарождения и расцвета», становятся все более слабыми, блеклыми и безжизненными. *Преобразование различных форм социальных отношений путем замены существующих принудительных и договорных отношений более чистыми, благочестивыми семейственными отношениями является задачей сегодняшнего дня.* Поскольку в настоящее время принуждение распространяется все шире, поскольку договорные отношения стали бесплодными и пришли в упадок, единственный путь выхода из сложившейся ситуации состоит в согласованных действиях, направленных на установление семейственных отношений. Они являются не только самыми благородными из всех видов социальных отношений, но в определенных условиях не существует иного пути выхода из ситуации, когда правит грубая сила, как лишь через утверждение господства семейственных отношений. Какие методы лучше всего подходят для установления таких отношений в качестве фундамента будущего общества – это вопрос чисто технический, который мы здесь обсуждать не будем. Но каким бы ни был этот метод выхода из состояния смертельной вражды, в основе его должны лежать принципы семейственных отношений. Ни принуждение, ни бессмысленный и эгоистический договор не удовлетворяют решению этой задачи.

Таков, в двух словах, путь выхода из этой трагической ситуации, который позволит сохранить все прекрасные достижения нашей чувственной культуры, исправить все роковые ошибки современного периода и восстановить все богатство, полноту и многообразие подлинной реальности и ценности. Этот путь позволит восстановить священную сущность человека, возродить его социальную и культурную миссию. Этот путь позволит вырвать сами корни злокачественной опухоли из живого тела нашей социальной и культурной жизни.

Таковы условия, без которых болезнь нельзя остановить, а тяготы переходного периода – облегчить. Нет сомнения в том, что использование всех этих средств является делом бесконечно более трудным, чем простое применение каких-либо поверхностных мер экономического или политического характера или других способов «перестройки». *Наше «лекарство» требует полного изменения современной ментальности, коренного преобразования нашей системы ценностей и полнейшего изменения нашего поведения по отношению к другим людям, культурным ценностям и реальному миру в целом.* Все это не может быть достигнуто без ежедневных упорных и активных усилий каждого человека в этом направлении. Такие усилия являются неизмеримо более трудными, чем простое механическое экспериментирование с экономическими, политическими, биологическими и прочими условиями. Но простые и легкие полумеры всегда терпят неудачу, особенно в условиях великого кризиса. Опыт последних нескольких

десятилетий наглядно показывает все бессилие и даже вред многих легких путей выхода из кризисной ситуации. Чем больше мы экспериментируем с экономическими условиями, тем хуже они становятся. Чем чаще мы объявляем войны вне закона, тем более разрушительными они становятся. Чем больше мы стремимся к справедливому социальному обеспечению, тем большую необеспеченность мы получаем. Пора перестать обманывать себя этими легкими мерами; они не остановили и не могут остановить процесс дезинтеграции. Предлагаемое здесь «лечебное» средство бесконечно труднее реализовать, но это единственное средство, которое сможет принести пользу.

4. Кризис – Суд Божий – Катарсис – Харизма – Воскресение

Предлагаемое «средство излечения» опирается не на благие пожелания, а на итог глубоких социологических размышлений: именно таким был путь выхода из всех сравнимых с ним кризисов прошлого. Этапы этого пути можно выразить сжатой формулой: *Кризис – Суд Божий – Катарсис – Харизма – Воскресение*^{13*}. Ход развития всегда состоял в замене утратившей силу основы чувственной культуры идеациональной или идеалистической основой и, в конечном счете, в замене ее разлагающейся чувственной формы более духовной культурой, которая выросла и окрепла. И, напротив, в периоды кризиса обветшавшей идеациональной или идеалистической культуры эта замена происходила в обратном направлении: древо чувственной культуры вытесняло древо культуры идеациональной или идеалистической. Точнее говоря, проблема замены перезрелой чувственной культуры разрешалась путем зарождения новой религии или обновления старой. Существенная переориентация ценностей, возвышение души и смягчение нравов обычно осуществлялись благодаря религиозной революции. Фактически все великие религии мира возникали или же радикально преобразовались в периоды глубокого кризиса, как это было в древнем Египте в период заката Древнего царства и в конце Среднего и Нового царства^{14*} или же в Вавилонии^{15*} в период около 1200 г. до н. э. Этот феномен неоднократно повторялся в истории индийской культуры, каждый серьезный кризис которой сопровождался обновлением индуизма или же возникновением буддизма. Тот же принцип прослеживается и в истории Китая, где кризис VII и VI вв. до н. э. был разрешен с появлением даосизма и конфуцианства. Так же и в истории еврейской культуры исцеление от кризисов IX–IV вв. до н. э. или их некоторое ослабление происходит благодаря появлению религиозных учений пророков Ветхого Завета: Илии, Амоса, Осии и Исаяи, Иезекииля и Иеремии, вплоть до Ездры и его последователей. И, наконец, в качестве еще одного примера приведем кризис чувственной греко-римской культуры, кото-

рый завершился возникновением и распространением христианства. Следует отметить, что находящиеся в подобных состояниях общества избегали разрушения не столько благодаря «расчетливому и умелому» управлению экономическими, политическими, генетическими или другими факторами, но главным образом путем преобразования ценностей, укрепления духовного начала, ментальности, социализации поведения и облагораживания социальных отношений, осуществленных при посредстве *религии*. Отсюда и следует предписанная формула: Кризис – Суд Божий – Катарсис – Харизма – Воскресение.

Проследим развитие этого цикла несколько подробнее. Как подчеркивалось нами в предыдущих главах, при завершении чувственных периодов прошлого, на их закате некогда величественное здание культуры начинало шататься. Чувственные удовольствия, удобства, материальная выгода, обеспеченность, безопасность и свобода все более приходили в упадок. Война и другие формы борьбы, проявления жестокости, кровопролития и разрушения приобретают хронический характер. Все попытки подправить разрушающуюся систему неизменно терпели неудачу. В таких условиях люди не могли, в конце концов, не осознать всю пустоту чувственной культуры, бесперспективность сохранения приверженности чувственным ценностям и бесполезность попыток сохранить упорядоченный образ жизни на столь прогнившей основе. Осознание этого, в свою очередь, привело к отказу от верности знамени чувственной культуры и ее ценностям и к перенесению приверженности на идеациональные или идеалистические ценности, которые представлялись теперь вечными, неразрушимыми и не зависящими ни от чего материального и внешнего. Вслед за этим огненным испытанием наступал катарсис, или очищение.

С завершением периода катарсиса наступила следующая фаза – благодати, или харизмы. За фазой разрушения следовала фаза конструктивная, созидательная. «Атомизация» ценностей сменялась их универсализацией и «абсолютизацией»; принципы выгоды, удовольствия и полезности сменялись чувством долга; ничем не сдерживаемая свобода – признанием священности нравственных норм и справедливости; принуждение и эгоистический контракт как формы социальных отношений – если и не всеохватывающей, все дарующей и всепрощающей любовью, то, по крайней мере, более семейственными и альтруистическими отношениями. Религия, этика, право преодолевали необузданную власть силы и злоупотреблений. Бог приходил на смену материализму; духовные ценности сменяли чувственные. Короче говоря, все основные чувственные ценности заменялись менее чувственными – либо идеациональными, либо идеалистическими.

Очистившееся и облагороженное общество приступало к возведению нового здания, опирающегося на такие принципы, как Абсолют, Бог, любовь, долг, жертвенность, милосердие и справедливость. После того, как пагубное влияние

упаднической чувственной культуры устранялось, раздоры и кровопролития сокращались, возвращались уверенность в будущем и безопасность жизни – устойчивый порядок восстанавливался и высвобождались новые творческие силы. Общество и люди вновь оказывались в мире и согласии с самими собой и со своими братьями, с внешним миром и с Богом. И, наконец, наступала фаза воскресения с ее широкой перспективой новой творческой жизни.

Таким был неизменный ход развития и преодоления великих кризисов прошлого. Таков же путь выхода и из нашего современного кризиса. И другого пути нет и быть не может.

Если бы люди были способны в полной мере извлекать для себя пользу из опыта и уроков истории, то «средство излечения» находилось бы легко, и не надо было бы проходить ни через какие тяжкие испытания и даже через какой-нибудь серьезный кризис; всякий раз, когда чувственная система обнаруживала первые признаки упадка, столь необходимая идеациональная или идеалистическая переориентация ценностей, ментальности и поведения с готовностью воспринимались бы данным обществом. К сожалению, *homo sapiens* оказывается довольно близоруким, когда речь идет об уроках исторического социокультурного опыта. Он пользуется опытом других людей в делах, касающихся его физического здоровья. Когда он болен, он отказывается от всяких удовольствий; приносит и другие необходимые жертвы, такие как переход на постельный режим или принятие предписанных лекарств; и ведет себя в общем разумно. Тем самым, он часто избегает и более серьезных последствий, в том числе, возможно, и самой смерти. В таких вопросах он не подвергает сомнению существование причинных связей и последствий. Поэтому здесь он не проявляет ни беспечности, ни глупости, не ожидает он также и невозможного.

Но из уроков истории, касающихся жизни и смерти, процветания или болезни самого общества, человек вряд ли что-нибудь извлекает для себя. Он ведет себя так, как если бы прошлая история вовсе не существовала, или же так, как если бы в прошлом не существовало ситуации, во многом сравнимой с той, в которой пребывает его собственное общество; как если бы исторические события не свидетельствовали о наличии причинно-следственных связей; как если бы не существовало таких состояний, как социокультурная болезнь. А поэтому нет необходимости жертвовать сиюминутными удовольствиями и другими чувственными удобствами для того, чтобы избежать гораздо большей катастрофы. В этой области постижения жизненного опыта он фактически необучаем.

Например, сталкиваясь со множеством свидетельств о недолговечности второпях созданных империй, опирающихся на силу принуждения, люди в своей близорукости и безрассудстве постоянно пытались и до сих пор пытаются построить вечные империи точно такими же методами. Несмотря на постоянную неудачу попыток осуществлять эффективный контроль за ценами просты-

ми указами правительства, такие попытки по-прежнему продолжают повсюду. Сколько раз люди надеялись достигнуть небесного блаженства при помощи чисто механического устранения частной собственности! И тем не менее эти эксперименты все еще повторяются, несмотря на их неизбежную тщетность. В ходе развития человеческой истории происходило множество революций, целью которых было установление рая на земле. И до сих пор они происходят, несмотря на то, что фактически ни одна из революций не достигла своей цели. Каждая страница человеческой истории свидетельствует о том, что те, кто развязывали войны, твердо были убеждены в том, что они смогут положить «конец войнам», «уничтожить деспотизм», «сделать мир безопасным для развития демократии», преодолеть несправедливость, ликвидировать нищету и т. п. И мы видим, что *homo sapiens* до сих пор верит в эту безумную затею. И с этой точки зрения история человеческого прогресса – это, в самом деле, история неизлечимой человеческой глупости!

Неспособность извлекать уроки из прошлого проявляется также и в постоянном уповании на возможность высвобождения из пут кризиса с помощью различных простых, но поверхностных приемов, без какой-либо фундаментальной переориентации ценностей, без настойчивого стремления каждого к осознанию божественной созидательной миссии человека на земле, действующего не просто как «рефлекторный механизм» или же организм, наделенный пищеварительными и половыми функциями и управляемый «стимулами» и основными инстинктами. Отсюда – и сам кризис, а следовательно, и неотвратимость «суда божьего» как единственного доступного средства научить тому, что в противном случае останется не усвоенным. *Volentem fata ducunt, nolentem trahunt*^{16*}. Чем более невосприимчивыми мы являемся и чем менее свободно и добровольно мы выбираем единственный открытый нам путь спасения, тем более неотвратимым окажется принуждение, безжалостным – суд Божий, ужасным – «день гнева» переходного периода. Будем надеяться, что с помощью Божьей мы это поймем и сможем, пока еще не поздно, выбрать правильный путь, который ведет не к смерти, а к дальнейшему претворению в жизнь уникальной созидательной миссии человека на нашей планете. *Benedictus qui venit in nomine Domini!*^{17*}.

**РОССИЯ
И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ**

R U S S I A
AND THE
UNITED STATES

PITIRIM A. SOROKIN

LITERARY CLASSICS, INC. DISTRIBUTED BY
E. P. DUTTON AND COMPANY, INC
NEW YORK   **1 9 4 4**

Предисловие к изданию 2007 г.

В 1835 г. в конце первого тома «Демократии в Америке», одном из самых популярных и глубоких исследований американского общества, Алексис де Токвиль, писал:

«В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы. Оба этих народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе. <...>

У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение тайне уготовило каждому из них стать хозяином половины мира»¹.

Можно сказать, что главное предвидение Токвиля «о близящемся неизбежном наступлении демократии во всем мире»² все чаще – если не всегда – осознается как обещание, не исполненное современностью. Второе предвидение, упомянутое выше, было реализовано, хотя, может быть, и не при тех обстоятельствах, как предполагал Токвиль, а именно: в период с 1945 по 1990 г. мы жили в биполярном мире двух великих сверхдержав – Соединенных Штатов и Союза Советских Социалистических Республик, вершивших судьбы мира внутри двух больших соперничавших систем. СССР, созданный в результате Великой коммунистической революции 1917 г., в геополитическом смысле заменил Россию, которая де-факто стала *primus inter pares* среди советских республик. В связи с распадом Советской империи в 1989–1990 гг. появилась новая Россия – суверенное государство, мучительно ищущее свой новый образ и свою новую роль

---

¹ *De Tocqueville A. Democracy in America*, edited by J.P. Mayer. Garden City. NY: Anchor/Doubleday, 1969, pp. 412f. Выражаю благодарность профессору Джеймсу Фоту (Faught), указавшему мне этот отрывок. Еще более пророческую мысль о том, что будущее принадлежит России и Соединенным Штатам, высказал в 1840 г. современник Токвиля Филарет Шаль (1798–1873), увидевший в этих двух странах «молодых актеров, жаждущих аплодисментов, напористых и пламенно патриотичных» (Цит. по: *Billington J.H. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture*. New York: Alfred A. Knopf, 1966, p. 318).

² Предисловие Токвиля к двенадцатому изданию 1848 г. Cit. op., p. XIII.

в мировой политике, но такую, чтобы она позволила ей обрести статус мировой державы. После 2001 и 2002 гг. Соединенные Штаты тоже занялись поиском нового образа и новой роли в мировой политике – глобального защитника в войне против терроризма. Однако их действия, особенно во время войны в Ираке, породили большое недоверие и вызвали серьезные опасения в разных уголках мира. Оба государства расценивают себя порой как спасителей мира, а в период «холодной войны» каждое из них считало, что действует от лица человечества против другого как «империи зла». Сегодня это представление друг о друге больше не работает, но обе страны подвергаются террористическим атакам со стороны радикальных исламских группировок.

Можно возразить, что, хотя предвидение Токвиля сбывается в отношении того, что Соединенные Штаты и Россия объединяются при решении общих задач глобальной безопасности и глобального развития, между ними все еще сохраняется, образно говоря, некий мост, который сначала надо перейти. Мост этот – взаимное невежество, особенно американское невежество насчет России. Россия была и остается загадкой, и загадка эта дополняется еще и беспокойством, если не подозрением относительно того, что происходит внутри России. Но то, что происходит внутри Соединенных Штатов, особенно в нынешнее десятилетие, может быть, столь же загадочно для России (и не только для России, но и для большинства европейцев).

В течение почти всего XX столетия отношения между этими странами были нестабильны, переходя от сотрудничества к отчужденности, а чего им не хватает, так это, наверное, точной оценки глубинных структур каждой из стран и понимания того, как структуры одной страны действуют при сочетании или столкновении со структурами другой. В то время, когда пишется эта статья, Соединенные Штаты и Россия больше заняты геополитическими проблемами, чем друг другом. Наверное, следует при этом отметить, что отсутствие прозрачности в посткоммунистической России компенсируется единым фронтом против реальной угрозы терроризма. Это дает возможность перейти тот самый мост между двумя странами, и книга Сорокина «Россия и Соединенные Штаты», впервые изданная более 60 лет назад, служит своеобразной нитью Ариадны, которая может вывести нас из лабиринта взаимного непонимания. Здесь я хотел бы кратко представить автора, который добился бесспорного признания как одна из основных фигур в современной социологии, затем обсудить этот часто упускаемый из виду труд, в котором представлен сравнительный анализ двух стран, и, наконец, сделать несколько личных наблюдений в качестве, так сказать, «актуального дополнения» к книге «Россия и Соединенные Штаты», заслуги которой не увядают, *несмотря на то* или *благодаря тому*, что произошло или не произошло после ее публикации.

Питирим Александрович Сорокин был, как никто другой, подготовлен к тому, чтобы осуществить сравнительное социологическое исследование о Рос-

сии и Соединенных Штатах, хотя оно обращено больше к американской, чем к российской аудитории. В Сорокине удивительным образом сочеталось то, что Роберт Мертон удачно назвал знанием «инсайдера» и знанием «аутсайдера»¹. Он, конечно, знал Россию не понаслышке. Сорокин родился в 1889 г. в далеком северном краю, рос в очень скромной обстановке. В период сильных политических волнений вопрос о реформах крайне обострился из-за участия страны в войнах (Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне), подтолкнувших царскую Россию к катастрофе. Сорокин принимал самое активное участие в политической жизни страны (на стороне революционного крестьянского движения), несколько раз попадал в тюрьму – сначала как противник агонизировавшего царского режима, затем как противник новой большевистской власти (грозившей ему даже смертной казнью); а в промежутке между этими арестами, во время первой революции 1917 г., он был секретарем в правительстве Керенского.

Сорокин знал Россию и как молодой прогрессивно мыслящий интеллектуал, получивший образование в престижном Санкт-Петербургском университете, а во время революции, в 1919–1922 г., возглавлявший в нем первый социологический факультет. Однако то, что он наблюдал: поведение участников революции и жертв насилия, огромные военные потери Первой мировой войны, страдания людей от страшного голода, который обрушился на Россию в 1921–1922 гг., – интересовало его не только как академического ученого. Все это обеспечило его запасом живых знаний о России как «инсайдера», которые он впоследствии воплотил в таких новаторских трудах как «Социология революции» (1925) и по-смертно изданная книга «Голод как фактор человеческого поведения» (1975).

Он также приобрел инсайдерские знания и о Соединенных Штатах, прибыв в Нью-Йорк в 1923 г. и прожив в этой стране вплоть до своей смерти в феврале 1968 г. За несколько десятилетий жизни в Америке Сорокин, в отличие от Солженицына, позднейшего изгнанника советского режима², пустил здесь глубокие

¹ *Merton R.K. Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge // American Journal of Sociology. 1972, vol. 78, № I, p. 9–47.* Я останавливаюсь лишь на некоторых наиболее важных аспектах биографии Сорокина, заимствованных из разных источников. Для более подробного знакомства с замечательной жизнью и творчеством Сорокина читателю следует обратиться к автобиографии Сорокина «Leaves from a Russian Diary and Thirty Years After» (Boston: Beacon Press, 1950) и особенно к монографии: *Johnston B.V. Pitirim A. Sorokin: an Intellectual Biography.* Lawrence: University Press of Kansas, 1995.

² Александр Солженицын до своего возвращения в посткоммунистическую Россию в 1994 г. почти 20 лет провел в изгнании в Вермонте. Хотя он, как и Сорокин, испытывал отвращение к материализму и гедонизму Запада, Штаты все же привлекали его к себе свободой выражать свое мнение, однако во время пребывания в Новой Англии он не стал глубоко погружаться в жизнь американского общества. О его политических взглядах см.: *Mahoney D.J. Aleksandr Solzhenitsyn: The Ascent from Ideology.* Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2001; *Pontuso J.F. Assault on Ideology: Aleksandr Solzhenitsyn's Political Thought.* Lanham, MD: Lexington Books, 2004.

корни. После краткого пребывания в колледже и университете Висконсина, он провел большую часть 1920-х гг. в университете Миннесоты, где быстро приобрел репутацию серьезного ученого благодаря новаторским работам в области социологии³. Затем, повторяя историю основания им в России ведущего социологического факультета страны, он в 1930 г. принял приглашение президента Лоуэлла приехать в Гарвард, чтобы создать факультет социологии в одном из самых престижных университетов мира.

Несмотря на то, что Сорокин расходился во взглядах с некоторыми коллегами как по факультету, так и по профессии (во многом он, как и Ч. Райт Миллс из Колумбийского университета⁴, был одиночкой), он внимательно следил за американской социологией и изменениями, происходившими в американской жизни, в том числе за теми политическими и культурными тенденциями, которые внушали ему беспокойство⁵. Хотя в 1940-х и 1950-х гг. Сорокин был среди американских социологов скорее «аутсайдером», чем «инсайдером», в последнее десятилетие жизни он дважды подтвердил свой статус «инсайдера»: во-первых, он получил запоздалое признание своих огромных научных заслуг, когда по итогам кампании за внесение в список нового кандидата его в 1963 г. избрали президентом Американской социологической ассоциации (АСА)⁶. Во-вторых, и что, пожалуй, значило бы для него больше, доживи он до этого события, в 1969 г. на ежегодном собрании АСА в Сан-Франциско радикально настроенные студенты-социологи, принадлежавшие к либерально-социологическому движению, вне стен основного собрания провели специальную «сессию охвостья» в честь Сорокина и носили значки, на которых значилось: «Сорокин жив». Превратившись в символ антиправительственных выступлений и протеста против войны во Вьетнаме, Сорокин поистине стал «инсайдером», тем самым завершив цикл, в начале которого он, будучи «инсайдером» в России, находился в оппозиции к царскому правительству и разрушениям, причиняемым Первой мировой войной.

Конечно же, у Сорокина страсть и чувства сочетались с рациональностью и объективным пониманием, необходимыми для «аутсайдерского» знания. Что, в конце концов, можно ожидать от человека, превыше всего ценившего «интегральный» (как он его называл) подход к действительности, который, чтобы уста-

³ Среди них: *Social Mobility*. New York: Harper and Brothers, 1927; *Contemporary Sociological Theories: Through the First Quarter of the Twentieth Century*. New York: Harper & Row, 1928; *Pitirim Sorokin and Carle C. Zimmerman*. *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holt, 1929.

⁴ Подробнее о нем см.: *Horowitz I.L.* Ch. Wright Mills, an American Utopian. New York: The Free Press, 1983.

⁵ *Sorokin P.A., Lunden W.A.* *Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians?* Boston: Porter Sargent, 1959; *Sorokin P.A.* *The American Sex Revolution*. Boston: Porter Sargent, 1957.

⁶ Б. Джонстон подробно рассказывает о выборах уже состарившегося Сорокина президентом АСА и его примирительном президентском послании. См.: *Johnston B.* *Op. cit.*, p. 247–256.

новить истину, применяет многообразные формы⁷. Короче говоря, Сорокин знал Россию и Соединенные Штаты и как «инсайдер», и как «аутсайдер», о чем открыто заявил в предисловии к своей книге. Ее цель, по его словам, состоит в том, чтобы способствовать «лучшему взаимопониманию двух великих народов», и американцев (в первую очередь) познакомить с тем массивом информации, который он использует для своего сравнительного анализа⁸. Если эта цель спустя более чем 60 лет после первой публикации по-прежнему остается недостигнутой, то это тоже имеет кардинальное значение для международного порядка нашего нового века.

* * *

В начале своей книги «Россия и Соединенные Штаты» (далее – *РиС*) Сорокин отмечает, что в Америке отношение к России двойственное: восхищение тем ожесточенным сопротивлением, которое оказывает наш военный союзник гитлеровским полчищам, смешивается с опасением относительно того, как поведет себя Советский Союз в послевоенный период. В 1944 г., когда были опубликованы эти строки, союзники уже знали, что победа в Европе не за горами. Сталинградская битва (1942–1943) стала поворотным моментом войны, стоившим русским огромных человеческих потерь (более миллиона погибших), а успешная высадка в Нормандии в июне 1944 г. массивной американской военной машины, добившейся превосходства в воздухе на Западном фронте, и успехи столь же массивной российской военной машины на Восточном фронте окончательно сделали победу вопросом времени (война, как известно, продлится до мая 1945 г. и закончится окончательной капитуляцией Германии). Уверенность в победе над державами оси в 1944 г. укрепилась, но и сомнения насчет послевоенного мироустройства из-за внушительного присутствия в нем коммунистической России стали все более распространяться в некоторых американских кругах. Осознание этой опасности и послужило для Сорокина импульсом к написанию его сравнительно-исторического исследования.

С самого начала Сорокин предлагает сотрудничество, если не союз, Соединенных Штатов и России в качестве ключа для восстановления послевоенного мира во имя мира во всем мире. Нужно только, предупреждает он, чтобы правительства обеих стран «не совершали глупейших ошибок» и «коварных двойных пересечений» (можно добавить: как это случилось с благородными идеалами Вудро Вильсона в Версале). В поддержку этого утверждения Сорокин приводит исторические факты: в течение длительного периода Соединенные Штаты

---

⁷ Об интегрализме Сорокина см.: *Nichols L.T. Science, Politics and Moral Activism: Sorokin's Integralism Reconsidered // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1999, vol. 35, № 2, p. 139–155; Jeffries V. The Integral Paradigm: the Truth of Faith and the Social Sciences // American Sociologist. 1999, vol. 30, № 4, p. 36–55; Jeffries V. Pitirim A. Sorokin's Integralism and Public Sociology // American Sociologist. 2005 (Fall), vol. 36, № 3.*

⁸ Предисловие: *Pro domo sua*, p. 8–9/247–249.

и Россия живут и сотрудничают в условиях мира, Россия с самого начала независимости Соединенных Штатов оказывала им поддержку, а затем в 1867 г. фактически за бесценок продала им Аляску, тогда как американская помощь спасла в России миллионы жизней во время страшного голода 1921–1922 гг. Рекордно длительный непрерывный мир отмечен рядом напряженных моментов, какими в послереволюционные годы была отправка Соединенными Штатами экспедиционного корпуса для оказания помощи антибольшевистским силам, но история отношений четко фиксирует тот факт, что, когда обе страны участвовали в одной войне, они оказывались на одной стороне (*РиС*, 17/254)⁹.

Чем объясняется эта российско-американская «исключительность»? Основной причиной, считает Сорокин, является совместимость «фундаментальных ценностей двух стран», что «стало возможным благодаря ментальному, культурному и социальному сходству двух народов» (*РиС*, 19/256). Между ними никогда не было серьезных конфликтов в экономической, политической, территориальной и социально-культурной сферах; не было никаких территориальных претензий друг к другу (я прокомментирую этот факт в конце статьи). Сорокин заканчивает свою вступительную главу рассуждением об отсутствии крупных конфликтов, затрагивающих материальные интересы Соединенных Штатов и России в экономических и военных аспектах. Что касается последних, Сорокин указывает на то, что обе страны в первой половине XX в. имели общего врага – Японию (внезапное нападение японского флота на Порт-Артур в 1904 г. было предвестием внезапного нападения на Перл-Харбор). Поскольку конфликты между жизненно важными интересами отсутствуют, вероятность того, что эти две страны вступят в войну друг с другом, меньше, чем вероятность их войны с любой другой великой державой. В этом и состоит главная и категоричная идея «России и Соединенных Штатов». Содержание последующих глав представляет собой документальное подтверждение этой идеи, выявляющее неожиданные сходства между двумя странами на культурном и институциональном уровнях, а также плодотворный обмен между ними.

Во второй главе Сорокин опровергает точку зрения, согласно которой несовместимость Соединенных Штатов и России есть следствие фундаментальных различий ментальностей их народов, а также социальных и культурных ценностей. Различия не означают неизбежности столкновений и конфликтов, а в качестве более сложного контраргумента Сорокин выдвигает мысль о том, что две страны «имеют существенное сходство или даже конгениальность

⁹ Банальной истиной в международных отношениях считается, что демократические страны не воюют друг с другом. Нерушимый мир между Россией и Соединенными Штатами свидетельствует как будто о том, что это положение нуждается в поправках, поскольку Россия на протяжении большей части своей истории, на взгляд американцев, не была страной демократической, а Соединенные Штаты были. Необычный аспект институционального анализа России, сделанного Сорокиным, составляют упускаемые из виду демократические черты российского общества, о чем речь пойдет в дальнейшем.

в ряде важнейших психологических, культурных и социальных ценностей» (*PuC*, 26/262). Их территориальная обширность – Россия охватывает 11 часовых поясов, а Соединенные Штаты (включая Аляску и Гавайи) 6 поясов – и разнообразие природных и человеческих ресурсов обеспечивают каждой стране статус великой державы со всеми вытекающими из этого статуса обязанностями и функциями. Великие державы стремятся быть «империалистическими» и иметь широкие возможности и большие перспективы; а чтобы подтвердить свое величие от них требуется нечто большее, чем только военная, политическая и даже экономическая мощь. Они должны создавать еще и великие культурные городские центры. Россия и Соединенные Штаты, будучи континентальными странами, по этим параметрам явно отличаются от «малых стран» с их ограниченными доходами и бюджетами¹⁰. Территориальная экспансия двух стран, отмечает Сорокин, осуществлялась скорее мирным путем посредством гражданского населения (крестьян, путешественников, купцов и т. д.), нежели военной силой, о чем свидетельствует тот факт, что значительную часть Сибири в XVI в. присоединили к России менее чем 1 000 человек. Кроме того, присоединение огромной территории сопровождалось сравнительно небольшим увеличением тягот для коренного населения, в отличие от того, как другие европейские колонизаторы относились к завоеванным ими народам.

Еще более принципиальное сходство заключается в том, что обе страны стали «плавильными котлами для различных расовых, этнических, национальных и культурных групп и народов» (*PuC*, 33/267)¹¹. Благодаря «единству в разнообразии», многонациональному составу населения Россия и Соединенные Штаты создали гораздо более богатые творческие культуры, чем создает социальное образование, состоящее из одной расовой группы, на чем настаивала расистская идеология Гитлера. Эта идеология «высшей расы» ведет к порабощению «других» и делает невозможной организацию человечества на основе равенства и свободы. С другой стороны, Россия и Соединенные Штаты успешно проводят благородный эксперимент по созданию общности людей, связанных узами равенства и солидарности. В последней части главы Сорокин приводит информацию, опровергающую мнение о том, что господствующая русская нация якобы «беспощадно господствует» над другими этническими и национальными группами (здесь уместно напомнить, что его отец, будучи русским ремесленником, женился на представительнице этнического меньшинства, каким является коми народ).

Говоря далее о ментальности двух народов, Сорокин отвергает наличие диаметральной противоположности между «американской душой» и «русской ду-

¹⁰ Можно отметить, что по доходам на душу населения в 2003 г. такие малые страны, как Норвегия (\$ 43 350) и Швейцария (\$ 39 880), опередили Соединенные Штаты (\$ 37 610) и Российскую Федерацию (\$ 2 610). См.: World Development Report 2005. The World Bank, 2004, Table 1, p. 256–257.

¹¹ Я вернусь к этому утверждению в конце предисловия.

шой», когда первую рассматривают как рациональную, практичную и трезвую, а вторую считают мистической, иррациональной и т. д.¹² Среди обеих наций, утверждает он, гораздо больше таких представителей, которые совмещают эти черты характера, и если есть различия в распространенности этих типов, то объясняется это историческими и социальными обстоятельствами, а не биологическими и расовыми особенностями (*PuC*, 48/279). Русские, настаивает он, не более склонны к революциям или войнам, чем американцы: за период в 158 лет (с 1775 по 1933 г.) Россия вела войны в течение 46 лет, а Соединенные Штаты – в течение 48 (*PuC*, 51/281). После этого утверждения Сорокин делает замечание, которое, по-видимому, подтверждается первым десятилетием нового века: «Америка будет становиться все более и более воинствующей до тех пор, пока не будет достигнуто подлинное примирение и объединение человечества» (Там же). Он также ставит под сомнение представление о том, что русские менее практичны (например, в техническом отношении), чем американцы, и наоборот, что американцы менее склонны к чрезмерной эмоциональности (евангелизм, преданность флагу и т. д.), чем русские. Не менее важно, пожалуй, то, что есть между ними общего: такие положительные черты характера, как терпимость к чужим мнениям и обычаям, высокая самооценка без умаления достоинства других народов, готовность к принятию иностранцев и иммигрантов¹³. И Россия, и Соединенные Штаты стремятся к тому, чтобы сделать свои культуры универсальными, органично включающими в себя очень разные этнические и региональные аспекты (будь то литература, музыка или продукты питания).

Сорокин заканчивает главу о ментальности двух народов интересным наблюдением о сходстве между Россией и Америкой. Склонность к универсализму проявляется не только в принятии других в свое общество, но и в идеалистическом участии к ним, «а иногда даже руководстве», направленном на улучшение социально-бытовых условий в других странах (*PuC*, 61/289). Русские в XIX и XX вв. были охвачены космополитическим «пангуманизмом», и русский коммунизм отображает – «хотя и в извращенном виде», добавляет Сорокин, – то же стремление к всеобщей справедливости и братству. В этом отношении Соединенные Штаты с их идеализмом и стремлением к общечеловеческому братству поразительно похожи на Россию, поскольку они не только постоянно оказывают гуманитарную помощь, но и пытаются играть руководящую роль в деле нравственного и структурного преобразования мирового порядка, характерным примером чего являются «четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона.

¹² Показательным примером такого подхода к российскому коллективному менталитету является статья Генри Дикса. См.: *Dicks H.V. Some Notes on the Russian National Character // Black C.E. (ed.) The Transformation of Russian Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960, p. 636–652.*

¹³ Сорокин дает понять, что он исходит из личного опыта приезда в Соединенные Штаты, говоря о том, что эта страна «возможно, единственная, где новичок не испытывает чувство дискриминации» (*PuC*, 56/285).

Рассмотрев социально-психологические аспекты и придя к выводу, что в этом отношении Россия и Соединенные Штаты обнаруживают больше сходств, чем различий, Сорокин переходит к сравнению социальных и культурных институтов двух стран. И выдвигает смелый тезис о том, что на самом деле существует сходство в их фундаментальных *демократических* структурах. Понимая, что американцы привыкли считать, что Соединенные Штаты – страна демократическая, а Россия и при царе, и при коммунистической власти была и остается страной авторитарной и абсолютистской, Сорокин рассматривает институциональные и исторические аспекты двух стран. Если обе страны обнаруживают тенденцию в сторону демократии, то в плане реализации этой тенденции они обе имеют некоторые отклонения. Так, например, Соединенные Штаты во время войны демонстрируют регламентированность жизни населения, а период Гражданской войны, равно как и довоенный Юг и еще более ранняя пуританская колыбель колонии Массачусетского залива, тоже показывают сильное отклонение от того, что принято считать демократическими институтами¹⁴.

Чтобы доказать демократический характер российского общества, который, как правило, отрицается, Сорокин рассматривает различные социальные институты как до, так и после коммунистической революции (напомним, что, по мнению многих наблюдателей и иностранных почитателей, в 1920–1930-х гг. коммунистический режим боролся за демократию и эгалитаризм, каковое мнение Сорокин опровергает). Ключевым институтом является семья, которая, хотя и оставалась патриархальной в различные периоды русской истории, была не более патриархальной, чем в других европейских странах. Русские женщины в дореволюционный, равно как и в послереволюционный, период играли видную роль в правительственных и разного рода профессиональных начинаниях (ученые, врачи, художники), а женщин (из всех слоев), обучавшихся в высших учебных заведениях, и самих этих заведений до 1917 г. было больше, чем ныне (в 1944 г.) мужчин-американцев и университетов с совместным обучением. Стало быть, не коммунисты в одночасье изменили общий статус женщин: эмансипация и равноправие женщин в России – это «реализация непрерывного исторического процесса» (*Русь*, 67/294)¹⁵. Женщины в России, в отличие от женщин большинства европейских стран, имели более широкое право на развод. Российское законодательство и практика признавали за женщинами одинаковые с мужчинами личные и имущественные права. В общем и целом российская семья, разрушенная

---

¹⁴ Экономическое и политическое положение афроамериканцев, оставшееся совсем без внимания в «России и Соединенных Штатах», было вовсе не «демократическим».

¹⁵ Относительно Соединенных Штатов можно отметить, что процесс женской эмансипации начался здесь, по крайней мере, в первой половине XIX в. (Оберлинский колледж в 1837 г. стал первым, куда начали принимать женщин; Элизабет Стэнтон и Лукреция Мотт в 1848 г. в Сенека-Фоллс организовали первый конвент по правам женщин, положивший начало суфражистскому движению).

в первые послереволюционные годы, но восстановленная в десятилетия, предшествовавшие Второй мировой войне, по основной структуре отношений между мужем и женой и между родителями и детьми была столь же прочным и демократичным институтом, как и во многих западных странах.

Сорокин распространяет свой анализ русской демократии на другие традиционные институциональные уровни, такие как губернское, сельское и городское самоуправление, с одной стороны, и правовая и судебная системы, с другой. В деревне после отмены крепостного права (1861) общинная собственность и общие хозяйственные дела находились в ведении «мира» и «общины», которые каждому крестьянину данной деревни выделяли справедливую долю пахотной земли и общего пастбища пропорционально размеру его семьи. Общинная система обеспечила успех дореволюционного кооперативного движения, в общественную деятельность которого были вовлечены миллионы участников, причем, добавляет Сорокин, это было абсолютно добровольное объединение, в отличие от советских бюрократически контролируемых коллективных хозяйств. Кроме демократического аспекта общинной организации сельского хозяйства, на муниципальном уровне самоуправление принимает форму, известную под названием *земства, которое послужило прототипом для американской системы окружных агентств (Рис, 75/299)*. Земство было частью реформ, начатых с отменой крепостного права в 1861 г., предусматривавших децентрализацию власти. Удивительно, но земства, по категорическому утверждению Сорокина, выполняли свои административные и культурные функции без коррупции на протяжении более 50 лет и погибли только от позднейших попыток царского режима контролировать и ограничивать их деятельность. Что касается правовой и судебной систем, о которых Сорокин знает не понаслышке, то с 1861 г. (и даже раньше) до их отмены при советской власти они были столь же прогрессивными и гуманными, как любые гражданские и уголовные кодексы на Западе, отличались высоким уровнем подготовки и неприкосновенностью судей, адвокатов и прокуроров, а выборы присяжных были так же демократичны, как в Соединенных Штатах. Короче говоря, в дореволюционной России судебные органы, утверждает Сорокин, имели такую же, если не большую, автономию от политического давления, как и в нашей стране (*Рис, 80/303*). Это, к сожалению, изменилось с введением коммунистической системы «псевдоправа», которую Сорокин считает типичной для революционных режимов. В общем, заканчивая главу об институтах России и Соединенных Штатов, Сорокин подчеркивает, что общекультурное и институциональное сходство двух стран превышает их различия, и тем самым усиливает свой тезис о глубинной конгениальности двух стран.

Глава о религии выглядит своего рода приложением к главе, посвященной институтам. Хотя было бы неплохо, если бы Сорокин добавил к своему тезису о сходстве между Россией и Соединенными Штатами указание на историческое

и культурное значение религии в обеих странах (особенно протестантско-пуританского ядра в Соединенных Штатах), он ограничивается здесь рассмотрением исторической и исключительно высокой роли Русской православной церкви, церкви государственной и в этом отношении похожей на церкви других европейских стран (Великобритании, Швеции и др.). Сорокин в этой главе стремится развеять мифы и стереотипные представления о церкви, которая якобы насаждала невежество среди народных масс и эксплуатировала их. Православная церковь, действительно, оказала серьезное влияние на развитие российского государства, общества и культуры и стала «неотъемлемой частью психологии русского народа» (Рис, 92/312). Сорокин рассматривает ряд крупных исторических явлений: длительную эволюцию Патриархии с иерархией, демократической по духу, затем стагнацию, наступившую в результате реформ Петра I (1721), которые ограничили независимость церкви и способствовали ее бюрократизации. Затем в России наступил период, похожий на тот, что пережили религии в других странах Европы в XIX в.: мощная волна секуляризации и религиозного «безверия»¹⁶. Временное демократическое социалистическое правительство Керенского в 1917 г. сделало попытку уничтожить это начинание Петра Великого, отделив церковь от государства, восстановив главенство Патриархии и обеспечив Православной церкви более творческую роль. К сожалению, этот процесс был прерван коммунистической революцией и ее догматической атеистической идеологией. Гонения на церковь приняли форму не только конфискации церковного имущества, но и расстрела и лишения свободы духовенства и несметных тысяч верующих. Тем не менее, отмечает Сорокин, в 1930-е гг. политика правительства немного смягчилась и сменилась более позитивным взглядом на религию в среде интеллигенции, равно как и среди крестьянства (Рис, 110/324); более терпимая политика правительства способствовала тому, что в 1940-х гг. церковь сыграла определенную роль в мобилизации населения страны на сопротивление начавшемуся нацистскому вторжению.

После анализа институтов в последующих главах книги «Россия и Соединенные Штаты» (шестой и седьмой) рассматриваются сначала морально-этические аспекты двух стран, а затем их творческие достижения в разных областях. Значительная часть шестой главы посвящена выявлению высоко морального пути России и Соединенных Штатов, в отличие от претензий держав оси, в частности фашистской Германии, на высшую мораль, которую они могут предложить человечеству.

В начале главы Сорокин, приняв преступность за негативную сторону нравственности, заявляет о том, что, за исключением периодов революций, уровень преступности в России – один из самых низких по сравнению с европейскими

---

¹⁶ См. об этом: *Chadwick O. The Secularization of the European Mind in the Nineteenth Century.* New York: Cambridge University Press, 1975.

странами. Это, возможно, объясняется тем, что Россия оставалась страной преимущественно аграрной и менее урбанистической и индустриальной, чем другие западные страны (*PuC*, 116/330). С положительной стороны у русских, в отличие от фашистов, более высокая степень альтруизма, жертвенности и служения другим, даже за счет личного комфорта и обогащения. Взаимопомощь и сотрудничество, социальное служение и благотворительность – таковы признаки традиционного общества, а этические проблемы и персонажи, волнующиеся по поводу вопросов нравственности, преобладают в литературных произведениях таких известных писателей, как Толстой и Достоевский. И с точки зрения общечеловеческой морали правители и политики России, в том числе и коммунистические, добавляет Сорокин, столь же надежны, если даже не надежнее, при выполнении договорных обязательств. Вовсе не будучи апологетом коммунистической власти, Сорокин отмечает, что в противоположность фашистам, коммунисты руководствовались альтруистическими мотивами, пытаясь избавить мир от капиталистической эксплуатации и порождаемой ею несправедливости (*PuC*, 121/333). Кроме того, в отличие от нацистов, коммунисты не были столь же жестоки к подвластным им народам, не истребляли их и не отправляли в концентрационные лагеря.

Хорошо сделан краткий обзор состояния морали в Соединенных Штатах. Американская «плутократия» – капитаны промышленности, такие как Карнеги и Рокфеллеры, – возможно, «наиболее приемлемая и созидательная во всем мире» (*PuC*, 123/335), так как большинство из них жертвует значительную часть своего богатства на образовательные и благотворительные цели. Это служение и филантропическая ориентация отсутствуют в практике нацистов. Что касается обвинения в американском империализме, то Сорокин не отрицает, что это обвинение имеет под собой основание, но, глядя на американское отношение к Филиппинам (он мог бы добавить и Пуэрто-Рико, поскольку обе страны были насильственно отторгнуты от Испании), можно говорить о том, что он гораздо мягче империализма других стран, поскольку допускает автономию и местную инициативу. Наконец, Америка обладает многочисленными положительными моральными качествами и достоинствами, такими как практический идеализм и щедрость, глубоко укоренившийся дух свободы и равенство возможностей.

Таким образом, сравнительный анализ морали дает Сорокину основание повторить основной тезис всей его книги: в области нравственных ценностей, как и в других областях, между Соединенными Штатами и Россией нет фундаментального противоречия (*PuC*, 127/338).

В специальной главе освещается прогрессивное и творческое развитие двух стран, особенно – и это Сорокин подчеркивает – начиная с середины XIX в. Что касается Соединенных Штатов, то в этом отношении дело с ними обстоит просто, а вот грани прогресса в России, причем во всех сферах, а не только в искус-

стве, следует выделить особо, поскольку сложился образ отсталой России, что и стало реальной причиной Русской революции 1917 г. Сорокин считает такой образ мифом и на основе своих исследований революции выдвигает противоположное предположение: «Революции обычно происходят не в период застоя, а в эпоху очень быстрых преобразований и перемен, часто в течение десятилетий бурного возрождения культуры» (*PuC*, 129/340).

Прежде всего Сорокин отмечает резкий рост населения России с середины XIX в. до Первой мировой войны, что было следствием более высокой рождаемости по сравнению с западными странами; огромные людские потери во время войны и в первые годы после революции были восстановлены к началу Второй мировой войны. Но более важными, пожалуй, составляющими элементами прогресса были изменения в политическом устройстве России, так как она стала конституционной монархией, а в результате реформ 1861, 1886, 1905–1908 и 1917 гг. прежнюю иерархическую систему заменило равенство всех граждан (в том числе и крестьян) перед законом (*PuC*, 132/342). Конституция 1906 г. предоставляла все свободы, которыми обладали демократические страны, в том числе публичную критику царского режима, столь же громкую и открытую, по словам Сорокина, как открытая внутренняя критика американского правительства. Умиравший царский режим был отмечен больше некомпетентностью и глупостью, чем жестокостью и тиранией (в отличие от того имиджа, какой создан западными аналитиками, добавляет Сорокин); и если бы не было революции, он либо был бы отменен, либо превратился бы в «либеральную монархию, чем-то напоминающую британскую» (*PuC*, 135/344).

Первые годы после коммунистической революции были отмечены резким сворачиванием политического прогресса, достигнутого в предыдущем поколении. Это явление, отмечает Сорокин, характерно для революционных периодов. Но после волны массового террора к 1940 г. наступило просветление в плане политической свободы, хотя и не до такой степени, как в дореволюционное десятилетие. Понимая, что военное время, когда он писал свою книгу, породило новую ситуацию и привело к новым ограничениям, Сорокин воспринимал это как национальную необходимость и, заглядывая в послевоенное время, надеялся на то, что режим военного положения сменится какой-нибудь разновидностью социальной, политической и экономической демократии.

Подробно разбирая политическую систему России, Сорокин дал более сбалансированную картину советской власти, чем этого можно было ожидать от человека, которого она вынудила ступить на путь изгнания. Как и предшествовавший советскому режиму период начала XX в., в ходе которого были осуществлены крупные прогрессивные реформы, советский режим, хотя и разрушительный и страшный на начальном этапе, тем не менее был одним из четырех самых оригинальных социально-политических экспериментов современности. Таковы-

ми Сорокин считает: 1) демократическую республиканскую форму правления, разработанную Соединенными Штатами и Францией; 2) англо-саксонское свободное Содружество наций и 3) незавершенную международную систему Лиги Наций и Международный суд в Гааге (*РиС*, 137/346). Советский эксперимент, если отвлечься от жестокости, с какой он проводился, является одним из радикальных и оригинальных общественно-политических нововведений, направленных на установление экономической и радикальной социально-культурной демократии; он пытался сочетать в себе широкомасштабную индустриализацию, централизованное планирование и современную технологическую централизацию с преимуществами коллективизма, самовыражения и индивидуальной инициативы. Короче говоря, для своих сторонников он стремился гармонизировать ответственность общества за каждого из своих членов с ответственностью отдельного человека перед самим собой и перед обществом (*РиС*, 138/346).

Хотя Сорокин открыто признает, что советской власти не удалось решить некоторые из числа намеченных ею задач, тем не менее она представляет собой «самый актуальный вопрос сегодняшней повестки» (*РиС*, 138/346). Советский эксперимент по расширению границ «свободы от нужды» и предоставлению всем достойного минимума экономических и социально-культурных благ, наряду с огромным расширением государственного регулирования и государственного сектора, стал, по мнению Сорокина, крупным социально-политическим экспериментом, превратившимся в модель для многих других стран.

Вслед за этим Сорокин рассматривает другие достижения России на пути прогресса. В материальном отношении до Первой мировой войны и после нее и пришедшей ей на смену «разрушительной фазы» революции Россия продемонстрировала большой прогресс в области технологий, промышленности и сельского хозяйства – прогресс этот начался в середине XIX в. и возобновился в ходе недавних пятилетних планов, так что к 1940 г., утверждает Сорокин, Россия по всем существенным показателям стала второй из наиболее промышленно и технически развитых стран мира (*РиС*, 143/350). Таким же, если не более впечатляющим, является прогресс в сфере, связанной с развитием человека, особенно в областях грамотности и образования на всех уровнях, а также медицинского обслуживания и социального страхования. И здесь революция в своей постразрушительной фазе ускорила значительный прогресс, достигнутый еще накануне революции: в качестве примера можно указать на сложившуюся в России за десять лет до смены режима систему обеспечения населения бесплатной медицинской помощью, включая госпитализацию всех нуждавшихся в этом (*РиС*, 149/355). Точно так же к 1940 г. все население в принципе и в пределах наличных средств было обеспечено медицинским страхованием, страхованием от несчастных случаев и безработицы. Таким образом, накануне Второй мировой войны Россия была на одном уровне с западными странами или даже опережала их. Последней сферой, которую рассматривает Сорокин, является прогресс

в области культурной, или нематериальной, деятельности, от естественных наук и технологических инноваций до гуманитарных и общественных наук, а также искусства, музыки и литературы. Здесь Сорокин приводит многочисленные примеры, подкрепляющие его точку зрения.

Глава о творчестве, как и вся книга, предназначена в первую очередь для американской аудитории, поэтому большая ее часть посвящена описанию того, какого прогресса в тех или иных сферах добилась именно Россия. Но в заключительном разделе кратко и с меньшим количеством документальных ссылок описаны выдающиеся успехи, которых на различных уровнях добились Соединенные Штаты, в том числе и в сфере материального комфорта для всех, причем без ущемления свободы и прав своих граждан. Особо примечательна в американской социально-политической структуре та исключительная роль (отмеченная Токвилем еще 100 лет назад), какую во всех областях социальной и культурной жизни играют *частные лица и организации*, роль гораздо большую, чем федеральные власти и власти штатов (*PuC*, 158/361). Сорокин подчеркивает, что добровольное объединение и спонтанная социальность, характеризующие американскую социально-политическую систему, составляют нечто такое, что вряд ли могут противопоставить им страны, имеющие сильное центральное правительство, и это превращает социально-политическую структуру Соединенных Штатов в «один из самых возвышенных и успешных экспериментов в этой области» (*PuC*, 159/361).

Короче говоря, что касается творческих достижений на национальном уровне, и Россия, и Соединенные Штаты за последние 100 лет развили свой потенциал в беспрецедентно высокой степени: «Эти два народа... не только достигли совершеннолетия, но и стали главными факелоносцами социально-культурного прогресса» (*PuC*, 161/363).

В конце своего сравнительного анализа двух стран Сорокин подчеркивает их поразительное сходство в геополитическом, психологическом, культурном и социальном плане. Эти ключевые факторы, обеспечивающие глубинное сходство фундаментальных ценностей русского и американского народов, способствуют сохранению длительного мира между Россией и Соединенными Штатами, несмотря на смены правительства и капризы политических лидеров. Хотя Сорокин не использует подобную терминологию, он тем не менее считает, что нормативная и институциональная *инфраструктура* российского и американского общества делает две страны конгениальными, и независимо от личной прихоти их правителей «благородный рекорд мира» будет удержан. Безусловно, добавляет он в качестве предостережения, могут наступить и мрачные дни, если во главе обеих стран окажутся недалекие руководители, которые совершат грубые ошибки, могущие привести к разногласиям и конфликтам. И все-таки, считает он, подобные конфликты не приведут к вооруженному столкновению, поскольку «расстановка социально-культурных сил, к счастью, свидетельствует о том, что такой трагедии не произойдет» (*PuC*, 162/364).

Остальная часть книги «Россия и Соединенные Штаты» дополняет ранее приведенные материалы, в частности дает американским читателям пояснения и информацию об изменениях, произошедших в России в результате коммунистической революции и на последующих этапах ее развития. Утверждение Сорокина о том, что репрессии 1930-х гг. были своего рода термидорианской реакцией на первоначальное коммунистическое руководство, несущее ответственность за разрушительную фазу революции, может озадачить американских читателей. И его утверждение о том, что необходимость выйти из Великой депрессии 1930-х гг. и победить во Второй мировой войне привели к тому, что Россия и Соединенные Штаты сблизились экономически и политически, в результате чего произошло определенное изменение фундаментальных расхождений по поводу частной собственности и роли правительства.

А главное, Сорокин не только страстно верил в фундаментальную конгениальность России и Соединенных Штатов как при раздельном их существовании, так и при взаимодействии друг с другом в историческом прошлом, но и предсказывал, что в послевоенном мире эти две страны призваны к жизненно важному сотрудничеству в целях установления и обеспечения мира во всем мире. Вместе они могут сделать многое для развития основных отраслей экономики в экономически отсталых регионах, положить конец колониальной эксплуатации, преодолеть пропасть между Западом и Востоком, способствовать распространению духа всеобщего братства (*Рус*, 210/399–400). Короче говоря, в свете основного предсказания Сорокина о нынешнем культурном распаде западной цивилизации Россия и Соединенные Штаты с присущим им сочетанием идеализма и реализма смогут обеспечить свое лидерство на новом творческом этапе развития человечества.

* * *

Какой же оценки заслуживает книга «Россия и Соединенные Штаты»? По жанру это сравнительно-исторический анализ двух, казалось бы, совершенно разных стран, сфокусированный на их основных культурных и институциональных особенностях. Как социально-культурное исследование, написанное во время войны и в ожидании наступления мирного времени, она представляет собой зеркальное отражение другого сравнительного исследования, написанного в 1944 г. с целью познакомить американцев с фундаментальными ценностями тоже совершенно другой нации, но не грозного союзника, а столь же страшного противника: имеется в виду исследование Рут Бенедикт, посвященное Японии¹⁷. Антропологический подход Бенедикт имеет целью найти «инсайдерское» знание», постичь те предпосылки, с помощью которых японцы понимают и интегрируют мир. Упор Сорокина на культурное и институциональное тоже позволяет

¹⁷ *Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword. Boston: Houghton Mifflin, 1946.*

увидеть то, что извне кажется непонятным или радикально отличающимся от американского общества. Хотя эти два подхода, как и следовало того ожидать, отличаются друг от друга, но доказывают полезность сравнительного метода для развенчания стереотипных представлений о «другом» и возможность с его помощью понимать и осмыслять действия «значимого другого» на международной арене.

Анализ соответствующих культурных и институциональных матриц Соединенных Штатов и России, произведенный Сорокиным, безусловно, не является исчерпывающим, как он и сам это признает. Так, например, представления Сорокина о русской культуре может дополнить и углубить такой труд, как «Икона и топор» Джеймса Биллингтона, или работа Сирила Блэка о модернизации России, содержащая богатый материал об институциональных изменениях, произошедших в стране после реформ 1860-х гг.¹⁸ Что в ней эвристического – так это сравнение двух стран в плане установления их сходств и, как следствие, их конгениальности. В этом отношении «Россия и Соединенные Штаты» является зеркальным отражением замечательного сравнительного анализа Соединенных Штатов и Канады, произведенного С.М. Липсетом¹⁹. В своей работе Липсет скрупулезно рассмотрел процесс исторического расхождения двух стран в разных сферах – политике, религии и социальной философии, подчеркнув *принципиальные различия* этих стран, которые на первый взгляд могли казаться одной и той же стороной медали.

Как «Россия и Соединенные Штаты» выдержала испытание временем? Очевидно, тезис о конгениальности двух стран в течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны был подвергнут жестокому испытанию «новым мировым порядком», который превратился в «холодную войну» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. История показала, что распад Французской и Британской колониальных империй и сфер их влияния на Ближнем Востоке, в Азии и Африке подогрел экспансионистские аппетиты Америки и Советского Союза, тем самым внося поправку в утверждение Сорокина о том, что ни та, ни другая держава не имеет территориальных посягательств за счет друг друга. Долгий непрерывный период мира между ними, о котором с таким пафосом писал Сорокин, готов закончиться в один момент термоядерной войной, взаимным – и глобальным – уничтожением. Американцам достаточно указать пальцем на советские имперские амбиции, а русским – на амбиции американские, и триллионы долларов будут потрачены на гонку ядерного вооружения, вместо того чтобы быть потраченными на совместную деятельность, направленную на социально-экономическое развитие.

---

¹⁸ *Billington J.H.* The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. New York: Alfred A. Knopf, 1966; *Black C.E.* (ed.) The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

¹⁹ *Lipset S.M.* Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada. New York and London: Routledge, 1990.

После войны Сорокин вполне осознавал огромную опасность зарождавшейся «холодной войны» и обратился к этой теме в следующем издании «России и Соединенных Штатов» (1950)²⁰. Он добавил лишь краткую главу, посвященную причинам советско-американского конфликта, считая, что он объясняется не их системами ценностей и не пороками или добродетелями двух народов, а скорее «их сомнительной привилегией двух самых мощных военных держав, какими они оказались в результате последней войны» (1950, 173/408). Если бы, скажем, Франция, или Великобритания, или Турция вышла из войны второй великой державой, то послевоенный конфликт, вероятно, развернулся бы между Соединенными Штатами и одной из этих стран, потому что «современный распадающийся мир характеризуется политикой с позиции силы и непрекращающимися конфликтами» (1950, 173/408).

Но Сорокин придерживался своей основной точки зрения, согласно которой нет никакой принципиальной несовместимости между Россией и Соединенными Штатами и что действительно существует прочная основа для их сосуществования, сотрудничества и мира²¹. Нужно только, чтобы руководителями стали такие группы и лица, как общество друзей (квакеры), как Ганди и Швейцер, которые прошли специальную подготовку в интересах мира и социального служения и вдохновляются любовью и смирением (1950, 180/414). В качестве альтернативы взаимной агрессии и разрушению Россия и Соединенные Штаты под новым руководством должны вести кампанию не против друг друга, а против общих врагов человечества: смерти, ненависти, болезни, разрухи, нищеты и жестокости. Можно решить, что это утопическое мечтание затуманивает сорокинский анализ, но нельзя не принимать во внимание, что он рассматривал его как альтернативу апокалиптическому концу мира, вполне вероятному благодаря деструктивным возможностям войны эпохи модерна (или постмодерна), отвергающей ценности религии и альтруизма.

И можно сказать, что Сорокин не ошибся в своем диагнозе событий последних двух десятилетий. «Холодная война» между Россией и Соединенными Штатами все-таки не превратилась в войну друг против друга (хотя ядерный Дамоклов меч несколько раз чуть было не обрушился). Но если в постхолодной войне и в посткоммунистическом мире Соединенные Штаты и Россия больше не угрожают друг другу, то они вошли в фазу своего национального бытия такими же, какими они были во времена «холодной войны».

Напомним, что Сорокин в качестве одного из сходств между двумя странами отмечал то, что они были «плавильными котлами для различных расовых, этнических, национальных и культурных групп и народов» (*PuS*, 33/267). Бу-

²⁰ Russia and the United States, 2nd ed. London: Stevens & Sons, Limited, 1950.

²¹ Глупостью считают «холодную войну» и два русских специалиста по американской истории, написавшие книгу с таким же названием, как у Сорокина: *Sivachev N. V., Yakoviev N. N.* Russia and the United States. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1979.

дучи одним из тех, кто в 1940–1950-х гг. вырос в среднеатлантических штатах Америки и в Новой Англии, я могу, опираясь на собственный опыт, подтвердить реальность этого «плавильного котла». Тем не менее социальная истина этого периода двадцать лет спустя подверглась атаке со стороны мифа о гегемонии белых англосаксонских протестантов, стремившихся ассимилировать меньшинства в рамках доминирующей модели. Положительная оценка, которую Сорокин дал многомерной интеграции американского общества, в новом веке, к сожалению, устарела в связи с продолжением глубоких деформаций в отношениях белых и афроамериканцев, с одной стороны, и нативистических тенденций относительно стремительно растущего испаноязычного населения, с другой²²; сами «инсайдеры» глубоко обеспокоены тем, что происходит с американской национальной идентичностью²³. Что касается России, то ее собственный плавильный котел, столь же замечательный, как и в Соединенных Штатах, был поставлен под вопрос в обширном регионе Кавказа, по крайней мере, в том, что касается интеграции сепаратистски настроенных мусульманских этнических меньшинств Ингушетии, Дагестана и особенно Чечни.

Проблематика национальной идентичности, общая сегодня для России и Соединенных Штатов (и многих других стран), имеет и другие аспекты помимо социально-культурной интеграции различных групп населения. Примечательно, однако, что неожиданный и ненасильственный распад биполярного мира времен «холодной войны», сначала принятый за «конец истории», поскольку восторжествовали политическая демократия и система свободного рынка²⁴, превратил Соединенные Штаты в зеркальное отражение России.

Россия впервые в современный период не является уже ядром империи, а занята поиском и мучительным созиданием своей демократической идентичности²⁵. Распад империи предполагает и потери материальных ресурсов (в том числе и территории), и утрату определенного мировоззрения, но он может быть компенсирован большей свободой для инициативы и большей самостоятельностью. Процесс преобразования от империи к нации, безусловно, мучителен, но если исключить возможность возобновления «холодной войны», то сорокинский

²² Страх перед тем, что миллионы иностранцев, пришедших с южной границы и не имеющих документов, станут угрозой нашему благосостоянию и национальной безопасности, который испытывают в некоторых кругах, разительно напоминает страх перед «желтой опасностью» в Америке начала XX в., когда казалось, что азиатские иммигранты наводнят Соединенные Штаты и превратятся в угрозу. Ситуация очень напоминает сегодняшнюю Европу с глубоко укоренившимися в ней опасениями относительно того, что европейская культура и цивилизация будут захвачены мусульманскими иммигрантами.

²³ *Schlesinger A.M.* The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society, 2nd ed. New York: W.W. Norton, 1998; *Huntington S.P.* Who Are We? The Challenge to America's National Identity. New York: Simon & Schuster, 2004.

²⁴ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

²⁵ *Billington J.H.* Russia in Search of Itself. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press/Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2004.

анализ основных демократических тенденций русской культуры и институтов, которые были прерваны революционным коммунистическим режимом и авторитарным режимом сталинского периода, дает основания смотреть на будущее России с надеждой. В этом отношении рождение демократической России может посрамить скептиков, так же как появление демократической Германии и демократической Японии посрамило тех, кто считал, что «национальный характер» предопределяет роковые изъяны этих двух стран.

А что можно сказать по поводу Соединенных Штатов? Осмелюсь высказать предположение, что проблематика коллективной идентичности, по-видимому, выходит далеко за рамки вопроса о том, каковы пределы национального сообщества, но содержит в себе вопрос и о том, какова роль Соединенных Штатов в качестве имперской державы в однополярном мире. События 11 сентября 2001 г., которые прежде всего пробудили во всех американцах такой же стихийный патриотизм, какой в 1941 г. пробудило у всех россиян вторжение Гитлера, и джихад, который объявил Усама бен Ладен (получивший боевую подготовку, воюя с русскими в Афганистане), привели к тому, что Соединенные Штаты стремятся теперь к построению военной империи для борьбы с террористическими, зачастую невидимыми врагами. Методы их борьбы с «террористами», независимо от намерений и тактических обоснований, вызвали как у внутренних, так и внешних наблюдателей такое же, если не большее, возмущение, как война России с чеченцами. И односторонний отказ американцев от ряда ключевых международных соглашений, таких как Киотский протокол о контроле за выбросами парниковых газов, или сомнение в Женевской Конвенции, высказанное высокопоставленными представителями американской администрации, санкционировавшей методы допроса, которые нарушают Конвенцию ООН против пыток, или же неприятие и активное участие в кампании против Международного уголовного суда – все это свидетельствует о том, что в нынешнем десятилетии Соединенные Штаты облачились в мантию имперской идентичности, невосприимчивой к общественному мнению. Это вызывает беспокойство у других стран, в том числе и у недавних союзников, которых они насмешливо называют «старушкой Европой» из-за отказа вступать в войну на сомнительных основаниях. Это в равной мере беспокоит и значительную часть американского населения, которое предпочитает принцип многосторонних переговоров, а не имперский диктат и которое озабочено тем, что империализм, как бы он ни оправдывался борьбой с терроризмом на своих границах, может стать опасным для демократических институтов и ценностей.

Книга Сорокина «Россия и Соединенные Штаты» не дает ответов на актуальные вопросы, связанные с американской и российской идентичностью. Но она предоставляет нам зеркало, позволяющее рассмотреть за внешней видимостью более утешительную конфигурацию основополагающих качеств обоих народов, которыми они могут так сильно обогатить друг друга, если будут действовать в духе сотрудничества и конгениальности.

Предисловие ко второму изданию

В этом издании первоначальный текст был пересмотрен и обновлен. Добавлена новая глава (десятая). Хотя ни одна из главных идей первого издания не изменена, они помещены здесь в гораздо более широкие концептуальные рамки той «философии истории», которая разработана в моей «Социальной и культурной динамике» и других работах.

В свете этой философии истории грубая ошибка – считать коммунистическую революцию исключительно русской болезнью, вызванной местными микробами и в противном случае крайне опасной для здорового западного общества и культуры. На самом же деле Русская революция является лишь одним из четырех – и не первым по времени – проявлений главной болезни Запада – распада его чувственного социально-культурного строя. Остальные три вспышки этого заболевания – Первая мировая война, ряд фашистских, нацистских и других антикоммунистических революций и Вторая мировая война. Микробы смертельной болезни активизировались на Западе еще до Русской революции, и сейчас их столь же много и они столь же активны, как на советском Востоке, так и на антисоветском Западе. В настоящее время они распространились по всему миру и проявляются в бесконечной череде забастовок, локаутов, восстаний, революций, гражданских войн и всевозможных социальных волнений. В таких условиях бесполезно пытаться вылечить больной мир, устроив санитарный кордон вокруг советского мира в виде антисоветского блока или вокруг антисоветского мира в виде блока советского. Подобной изоляцией микробов болезни не убьешь. Еще большая глупость – пытаться уничтожить инфекцию с помощью взаимной ненависти и «жесткости», «холодными и горячими» войнами. Такая политика способствует только активизации, размножению и распространению микробов. Она ведет к смерти, а не к жизни, к безумию, а не к здравому смыслу, к несчастью, а не к процветанию, к анархии вместо порядка.

Только политика братства по оружию между Востоком и Западом во имя подлинно святой войны против вечных и общих врагов человечества – смерти, разрушения, болезней, нищеты, безумия, в огромных масштабах порождаемых распадом нашего чувственного социокультурного порядка, – только такое сотрудничество способно победить болезнь, от которой страдает человечество. Такое сотрудничество советского мира с миром антисоветским

в войне с этим общим врагом быстро превратит нынешнюю «холодную войну» в «холодное» сотрудничество и в конечном счете – в теплую дружбу. Симпатией, а не ненавистью, творческим созиданием, а не разрушением, благоговением перед жизнью, а не служением смерти, подлинной свободой, а не насилием, искренностью, а не дипломатическим лицемерием – только таким путем можно примирить две враждебные части земного шара и построить новый храм человечества.

Питирим Сорокин
Винчестер, штат Массачусетс. Осень 1949 г.

Предисловие: Pro domo sua^{1*}

В течение нескольких последних месяцев мне довелось прочитать ряд публичных лекций на тему этой книги. После каждого выступления слушатели уговаривали меня опубликовать эти мысли, поскольку находили в них нечто новое, ценное и поучительное. Они считали, что в нынешних условиях такая публикация может послужить интересам обеих стран, а также делу установления прочного мира. Не считая возможным пренебрегать своим общественным долгом, я решил пойти навстречу их желанию. Так была написана эта небольшая книга.

Что касается моих профессиональных знаний, позволяющих компетентно и непредвзято писать о Соединенных Штатах и России, то, наверное, излишним будет сказать несколько слов *pro domo sua*. Поскольку я родился в России в 1889 г. и прожил в ней до 1922 г., то я, естественно, знаю Россию достаточно хорошо. Я родился и рос в низшем сословии, последовательно поднимался по ступеням российской социальной пирамиды: от статуса бедного крестьянина и странствующего ремесленника до должности профессора права и социологии Петербургского университета и других высших учебных заведений, члена Кабинета в правительстве Керенского, главного редактора столичной газеты, основателя и члена Всероссийского крестьянского Совета, члена Совета Российской Республики и Учредительного собрания и т. д. Таким образом, я жил жизнью бедного крестьянского паренька, странствующего ремесленника, фабричного рабочего, заключенного революционера и контрреволюционера, профессора, журналиста, политического лидера и т. п. Следовательно, не говоря уже о своем изучении России в качестве ученого, я могу не без оснований утверждать, что очень хорошо знаю русский народ, образ его жизни в самых разных формах.

Считаю, что проживая в США с 1923 г. и по настоящее время и работая социологом, я приобрел необходимые знания и об этой стране. Будучи в столь удачном положении по отношению к обеим странам, думаю, что я в состоянии сравнить их институты в полном объеме, возможно, чуть лучше, чем те, кто знает только одну сторону этой темы.

Что касается возможных ошибок в описании и интерпретации происходившего в России, то у меня была необычайно объективная позиция. Поскольку я родился и воспитывался в низшем и беднейшем классе русского народа, меня

вряд ли можно заподозрить в предвзятости в пользу аристократии и высших слоев общества. Наоборот, изучив историю этих классов и будучи в непосредственном контакте с их лучшими и худшими представителями в более поздний период моей жизни, я, вероятно, буду в значительной степени защищен от влияния однобокой и искаженной картины верхнего и среднего классов, созданной политической пропагандой их яростных противников. То же касается царского и коммунистического режимов. Борясь со старым режимом и трижды побывав при нем в тюрьме, я вряд ли могу быть заподозренным в излишней к нему пристрастности. И наоборот, будучи дважды заключенным в тюрьму при коммунистическом режиме, приговоренным к смерти, постоянно преследуемый то за одно, то за другое как «самый непримиримый лидер российской антикоммунистической интеллигенции» (по словам Ленина) и, наконец, изгнанным, я вряд ли могу быть предвзятым в пользу коммунистической системы.

В общем, мне кажется, что я занимаю относительно взвешенную позицию по отношению к обоим режимам: различные карательные меры, применявшиеся ко мне, лишили меня какой бы то ни было предвзятости, которую в противном случае я мог бы допустить по отношению к ним.

Наконец, мой отец – из племени великороссов, а мать – из племени финно-угров (зырян), я – один из тех этнических «полукровок», которые, по мнению Гитлера, являются «человеческими отбросами». Этот гибридный характер компенсируется, однако, тем, что, как этнический полукровка, я, естественно, отношусь к национальностям России с минимальной предвзятостью.

Поскольку эта книга написана для американцев, я уделил в ней гораздо больше внимания России, чем Соединенным Штатам, так как они сравнительно мало знают о России, но хорошо знакомы со своей собственной страной. Если бы я писал для русских, то, конечно, большую часть страниц посвятил бы США.

В заключение следует сказать несколько слов об основных принципах моей интерпретации и диагностики. Они основаны не на учете мотивов, желаний и фантазий того или иного представителя власти, будь то диктатор, царь или президент. Глубинные и фундаментальные исторические процессы мало зависят от индивида, какое бы положение он ни занимал. Они определяются гигантскими коллективными и анонимными силами, корнящимися в историческом прошлом нации, другими народами, биологическим составом населения и, наконец, географической средой. Мои выводы основаны именно на изучении совокупности этих сил в обеих странах. Такой подход кажется мне гораздо более надежным, чем гадание о том, что, вероятнее всего, сделает тот или иной правитель. Если правитель хочет остаться у власти, он будет делать именно то, что будут диктовать ему эти гигантские силы. Если он не подчинится их голосу, то лишится своей власти. *Volentem fata ducunt, nolentem trahunt*^{2*}.

Если этот небольшой том хотя бы в малой степени послужит цели достижения лучшего взаимопонимания между двумя великими народами, я буду считать, что мои усилия были щедро вознаграждены.

Я признателен Гарвардскому Комитету по исследованиям в области социальных наук (Harvard Committee for Research in the Social Sciences) за финансовую помощь, оказанную для перепечатки и типографского набора рукописи, Американской исторической ассоциации (American Historical Association) и Комиссии по изучению основ справедливого и прочного мира (Commission to Study the Bases of a Just and Durable Peace) за разрешение перепечатать некоторые мои статьи, опубликованные в их изданиях.

Питирим А. Сорокин
Harvard University

RUSSIA AND THE UNITED STATES

BY

PITIRIM A. SOROKIN, LL.M.

Doctor of Sociology; Fellow of the American Academy of Arts and Sciences; former President of the International Institute of Sociology; Founder and Chairman of the Department of Sociology of the University of St. Petersburg, Russia, and of Harvard University; and Director of the Research Centre in Altruistic Integration and Creativity at Harvard University

SECOND EDITION

Published under the auspices of
THE LONDON INSTITUTE OF WORLD AFFAIRS

LONDON
STEVENS & SONS LIMITED
1950

Глава первая

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ УРОК РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

---

1. Надежды и опасения^{1*}

Наше отношение к России достаточно противоречиво. Мы восхищаемся русской армией, ее выучкой, героизмом и мужеством, сочувствуем ее потерям; мы очень благодарны ей за спасение нас и всех Объединённых Наций^{2*} от катастрофы. В то же время многих из нас терзают серьезные подозрения и мучают смутные опасения по отношению к русскому коммунизму, атеизму, «империализму» и «варварству». Некоторые заходят так далеко, что ругают Россию за все, *что бы она ни сделала*. Если ее армии отступают под натиском немецких полчищ, такие недоброжелатели осуждают ее за неспособность без посторонней помощи победить общего врага. Они со злорадством кричат: «Разве мы не говорили вам, что Красная армия никуда не годится и будет наголову разбита за три недели? Разве мы не предостерегали от каких бы то ни было контактов с ни на что не способными варварами?» С другой стороны, когда Красная армия заставляет германские легионы отступать, такие критики предупреждают нас о серьезной опасности русского вторжения в Европу – о страшной угрозе для цивилизации, которая нависнет над ней в результате победы этих «скифов» XX века! Их главная цель состоит в том, чтобы увидеть народ и культуру России истребленными, а землю – очищенной от «этой мрази». Здесь они находятся в полном согласии с Гитлером, Геббельсом и компанией!

Другие хотя и не заходят так далеко, как эти «спасители цивилизации», тем не менее придерживаются той же линии. Возьмем, например, большинство сторонников разного рода нынешних «союзов» и послевоенных альянсов. Большая часть подобных планов не принимает во внимание желательность и возможность тесного союза с СССР, хотя они предусматривают множество схем для углубления сотрудничества с Великобританией, Францией, Испанией, Латинской Америкой и даже Германией. Если союз с Россией в этой связи и упоминается, то он обставляется всевозможными гарантиями, призванными свести к минимуму ее роль в мировой политике.

2. Серьезные вопросы и ответы

Хотя самая крайняя форма проявления антироссийских настроений не получила широкого распространения, будучи ограничена во многом некоторыми влиятельными группировкам в этой стране и других Объединенных Нациях Запада, более мягкое (противоречивое) отношение, в котором смешались надежды и опасения, характерно для значительной части народа Соединенных Штатов и других стран. Распространенность подобного отношения, естественно, вызывает вопросы: в какой мере оно оправдано? Есть ли для него действительные основания? Будет ли оно приниматься во внимание при конструктивном планировании послевоенного порядка? Должна ли Америка, в частности, стремиться к тесному союзу с Россией или должна избегать столь глубокого сотрудничества как в своих собственных интересах, так и ради благополучия человечества?

Эти вопросы очень важны, и на них нужно дать четкие ответы. *На протяжении всей истории Соединенных Штатов Россия была их лучшим другом. Если правительства обеих стран не наделают глупейших ошибок, Россия станет в будущем нашим лучшим и самым важным союзником. В интересах обеих стран и человечества в целом самое искреннее их сотрудничество не только возможно и желательно, но и необходимо. Шансов на такое сотрудничество России и Соединенных Штатов больше, а возможность вооруженного конфликта меньше, чем соответствующие шансы в отношениях каждой из этих стран с любой другой великой державой. Без сотрудничества этих двух стран сколько-нибудь продолжительный мир невозможен. Если после этой страшной войны установится новый, более справедливый социальный порядок, то Соединенные Штаты и Россия неизбежно будут играть главную роль в деле восстановления, и Россия будет выполнять свою миссию добросовестно и честно. Если такая попытка не удастся из-за происков и двуличности эгоистических наций, то ни Америка, ни Россия не будут ответственны за эту неудачу.*

Таков мой ответ на этот вопрос. Он ясен. Он заметно отличается от многих нынешних предположений, выдвигаемых так называемыми «специалистами» по международным отношениям и социально-политическому планированию. На последующих страницах этой книги будут кратко объяснены причины подобного ответа и будет сказано, почему мой ответ более достоверен, чем большинство современных планов послевоенных союзов и альянсов.

3. Чудо длительного нерушимого мира между Соединенными Штатами и Россией

Самая главная причина – это *уникальный и бесспорный факт непрерывного мира между этими странами, сохранявшегося в течение всей истории Соединенных Штатов*. Утопия прочного мира между великими державами фактически реализуется в этих отношениях^{3*}. Россия является чуть ли не единственной крупной державой, с которой США никогда не вели войн и с которой у них даже не было ни одного серьезного дипломатического конфликта. Некоторые незначительные дипломатические трения, конечно, случались, но такие мелкие стычки часто омрачают отношения даже между разными регионами, областями и штатами одной и той же страны. Кроме того, отношения между Россией и Соединенными Штатами были по большей части чрезвычайно теплыми и согласованными. В течение почти всего XIX в. Россия признавалась в этой стране «лучшим другом США», а Соединенные Штаты были чрезвычайно популярны в России. Отметим лишь некоторые черты этого знаменательного явления.

Франция и Россия были первыми иностранными державами, которые помогли Соединенным Штатам как суверенному государству. Уже в 1779–1780 гг. Россия помогла этой стране в ее борьбе за независимость посредством вооруженного нейтралитета Лиги Балтийских королевств, организованной Россией и направленной против Англии^{4*}. В 1781 г. Соединенные Штаты при российском дворе представлял Френсис Дейна^{5*}. В последующие годы взаимовыгодные дипломатические и социальные отношения стремительно умножались. В 1798 г. Россия предложила Соединенным Штатам коалицию против Франции. В 1801 г. между царем Александром I и Джефферсоном, искренне восхищавшимися друг другом, завязалась тесная дружба, отмеченная интенсивной личной перепиской. В 1807 г. отношения стали еще теплее и доверительнее. В 1812 г. император Александр I предложил себя в качестве посредника между Соединенными Штатами и Великобританией. В 1812 и последующих годах были заключены соглашения о нейтралитете и свободном мореплавании и по другим важным вопросам, в которых интересы двух стран совпадали. В этот и последующие периоды Россия оказывала США жизненно важную помощь в деле обеспечения свободы мореплавания для нейтральных стран, что было важным фактором для экономических и политических интересов этой страны. В то время Россия и ее «князь мира», император Александр I, были чрезвычайно популярны среди американцев.

Позднее было заключено еще несколько договоров, выгодных для обеих стран. Когда одна из двух стран оказывалась в сложном положении, другая, как правило, приходила ей на помощь. Так, когда на Россию напала коалиция евро-

пейских держав в Крымской войне, Соединенные Штаты не только не присоединились к ним, но и заявили о своей симпатии к России. Опять же, если взять недавний пример, то во время тяжкого голода 1921–1922 гг. американская Администрация помощи пришла на выручку и своей щедрой помощью спасла жизнь нескольким миллионам русских людей. Точно так же, когда некоторые европейские державы угрожали вмешаться в американские дела во время Гражданской войны, Россия направила свой флот с секретным приказом предотвратить такое вмешательство. Этим и другими способами Россия реально помогла Соединенным Штатам в этот сложный период. Когда, помимо этого, Россия в 1867 г. продала Соединенным Штатам Аляску всего за 7 млн долларов, ее популярность в США не знала границ.

Лишь изредка – как это было в конце XIX в. и еще раз во время бедственного периода русской революции 1917 г. и последующих лет – эта уникальная дружба омрачалась и обе страны начинали отдаляться друг от друга. Но эта временная отчужденность никогда не приводила ни к войне, ни к каким-либо серьезным дипломатическим конфликтам. Даже отправка американских экспедиционных сил в 1918 г. не опровергает это утверждение: они были направлены не *против* России, а скорее для того, чтобы *помочь* ей. Они были отправлены в ответ на прямое приглашение со стороны различных антикоммунистических правительств и части населения России в тот момент, когда Германия еще угрожала России, а коммунистическое правительство было еще далеко от стабильности. Кроме того, это были незначительные силы, и их военные действия вряд ли совершили что-то такое, что по праву можно было бы назвать войной. Следовательно, их действия никоим образом не были актом агрессии против России.

Между прочим, можно добавить, что, когда обе страны оказывались вовлеченными в одну и ту же войну, они, как правило, оказывались на одной стороне, сражаясь с общим врагом, как это было во время ихэтуаньского восстания^{6*}, во время войны 1914–1918 гг. или в нынешнюю войну.

4. Значение этого чуда

История этих уникальных в своем роде отношений имеет большое значение и заслуживает внимания по ряду причин. В первую очередь следует отметить, что на протяжении истории человечества есть лишь несколько случаев, когда две великие державы, *граничащие и взаимодействующие друг с другом*, наслаждались миром, не нарушаемым в течение срока от 165 до 335 лет (если начать с создания английских колоний на этом континенте). Конечно, мне известны несколько примеров длительного мира между изолированными друг от друга странами, не имеющими непрерывных дипломатических и социальных отношений.

Но на протяжении всей истории Запада я не знаю другого случая столь длительного мира между великими державами, находящимися в *непрерывном взаимодействии*.

Это означает, что вековая молитва человечества: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение»^{7*}, – фактически нашла отклик в случае взаимоотношений Соединенных Штатов и России. Этот феномен, который можно сравнить со светом одинокого яркого маяка в кровавой и мрачной истории межгосударственных конфликтов, доказывает, что вечный мир между народами возможен. В этом смысле он – символ надежды, источник неугасимого вдохновения для человечества, стремящегося к миру. Таково его первое значение.

Второй урок касается всех, кто в настоящее время занимается планами будущей социальной реконструкции. Если они не хотят строить свой храм мира на шатких основаниях благих побуждений, то должны внимательно изучить подлинные причины этого русско-американского чуда. Если они сумеют установить, в чем эти причины, то смогут лучше понять силы, способствующие миру, и те силы, которые ведут к войне^{8*}. Без такого знания результатом могут быть лишь утопии, обреченные на провал. Мы вскоре убедимся в том, что большинство подобных проектов априори обречены на фиаско, поскольку они не устраняют причины войн и не создают условий, необходимых для прочного мира.

Третий урок касается «практических политиков», псевдопатриотов и циничных «крестоносцев», которые при каждом удобном случае кричат или нашептывают о своем презрении, своих подозрениях, опасениях и предчувствиях по отношению к России – о русском «двуличии», о русском коммунизме, русском «милитаризме» и т. д. По разным причинам они считают альянс с Советским Союзом «опасным», «нежелательным», «нецелесообразным» или «не имеющим значения». Уникальный пример нерушимого мира с Россией либо забывается, либо игнорируется. Если бы их заикливость была только их личным делом, на это можно было бы и не обращать внимания, поскольку каждый имеет право на свою собственную манию при условии, что она *социально безвредна*. В данном случае, однако, эта заикливость может оказаться вредной для обеих стран, а также для остального мира. Конечно, вряд ли можно испортить давнее гармоничное сотрудничество двух стран, опирающееся на столь мощные сверхличностные силы, которые не так-то легко разрушить. Однако при определенных условиях эта одержимость может нанести большой вред плодотворному союзу.

Теперь мы готовы рассмотреть этот вопрос более тщательно и обнаружить внутренние причины. Разъяснение этого вопроса может не только способствовать продлению мирных отношений, установившихся между двумя великими народами, но и сыграть важную роль в распространении такого блага, как прочный мир, на международные отношения других стран.

5. Главная причина

Как и почему мир между Соединенными Штатами и Россией в течение столь длительного времени сохранялся? *Это было обусловлено главным образом отсутствием сколько-нибудь серьезного столкновения жизненно важных интересов и фундаментальных ценностей двух стран, что стало возможным благодаря ментальному, культурному и социальному сходству двух народов.* В одной из следующих глав будет показано, что^{9*} основной и необходимой причиной войн всегда было непримиримое противоречие между жизненно важными интересами и фундаментальными ценностями воюющих сообществ. Там и когда такое столкновение происходит, начинается война. При отсутствии такого противоречия война либо не начинается, либо случается редко и в небольших масштабах. В той же главе показано, что сходство менталитетов, социальных институтов и культур является одним из важнейших дополнительных факторов, способствующих сохранению мира^{10*}. (См. также главы вторую и одиннадцатую.)

Не нужно производить глубокого и скрупулезного анализа, чтобы увидеть, что жизненно важные интересы России и Соединенных Штатов никогда не приводили к серьезным конфликтам в экономической, политической, территориальной или социально-культурной сфере. Обе страны охватывают обширные материка, отделены друг от друга океаном, и ни одна из них не была заинтересована в *территориальном расширении за счет другой*. Каждая владела достаточной территорией, и каждая в процессе своего расширения, естественно, обращала свое внимание на более доступные и более выгодные направления, чем у ее дальнего соседа, находившегося по ту сторону Тихого океана.

Общая ситуация вполне подтверждается таким фактом, как добровольная передача Россией Аляски за чисто символическую цену около 7 млн долларов. Не нужно думать, что Россия была вынуждена уступить ее под военным давлением Соединенных Штатов, которые были в то время (отчасти из-за Гражданской войны) слабы в этом отношении по сравнению с Россией. Никакого явного или скрытого военного давления со стороны США для этого оказано не было. И нет никаких оснований предполагать, что российское правительство было глупым – не понимало важнейшего экономического и стратегического значения Аляски. Каждый, кто изучал историю экспедиций, снаряжаемых российским государством на протяжении XVII и XVIII вв. и в начале XIX в. для освоения и присоединения Сибири и Дальнего Востока, Камчатки, Курильских и Алеутских островов, Сахалина, полуострова Беринга и Аляски, имеет достаточно доказательств его дальновидного понимания колоссального значения и важности этих регионов. Уже в 1819 г. чистый годовой доход в девятнадцати

русских колониях на американском побережье достигал 6 млн рублей. Если тем не менее Россия продала Аляску, причины тому были известны и совершенно понятны: в плане геополитическом, экономическом и военном Аляска тяготела не к России, а к Соединенным Штатам (после того, как эта страна достигла Тихого океана). Менее дружелюбная, не такая большая по территории страна (стремившаяся увеличить *Lebensraum*^{11*}) проводила бы другую политику: такая страна пыталась бы удержать Аляску всеми средствами, вплоть до вооруженного конфликта, поскольку ее сохранение представляло бы для нее жизненно важный интерес. России же – с ее огромной территорией, имевшей в своем распоряжении много более доступных регионов, более удобных для развития и не отделенных огромными просторами Сибири от основных центров Российской империи и океаном от материковой России, не содержащих зачатков будущих военных и других осложнений, – уступка Аляски никоим образом не наносила ущерба в плане жизненно важных интересов и не имела принципиального значения. Таким образом, Россия добровольно уступила ее практически по бросовой цене.

Аналогичным образом и чисто *экономические* интересы двух стран избежали каких-либо серьезных столкновений. Больше того, их экономические интересы дополняли друг друга, особенно после развития промышленности в США в тот период, когда Россия в промышленном отношении была развита слабо. Не было необходимости жестко конкурировать и на внешних рынках. Каждая страна довольствовалась собственным основным рынком, каждая обладала огромной территорией собственного развития; каждая из них могла быть самодостаточной, если бы возникла необходимость автаркии. Кроме того, их географическое положение четко определило области их основного экономического влияния: в этих областях другая страна при всем ее желании не может преуспеть.

С другой стороны, как ясно свидетельствует их международная и дипломатическая история, обе страны имели много общих экономических интересов, для достижения которых они гармонично сотрудничали. Будь то принцип «свободного мореплавания» или другие экономические интересы, зафиксированные в дипломатических соглашениях и договорах, обе страны почти неизменно находили свои интересы взаимовыгодными. Поэтому их дипломатические обязательства, а также их взаимная экономическая политика были, как правило, обязательствами и политикой верных союзников. Ступив раньше России на путь промышленного развития, Соединенные Штаты прямо или опосредованно нашли в России рынок сбыта для продукции своей промышленности – и вряд ли когда-нибудь встречали в ней конкурента. Наоборот, Россия извлекла огромную пользу из экономического, промышленного и технологического опыта Соединенных Штатов.

Технологическое и промышленное влияние Америки на Россию стало заметным уже во второй половине XIX в. и возросло вплоть до самых последних лет: всем известно, какую роль сыграли наши технологии и промышленность в деле индустриализации России в период с 1921 по 1943 г. Если Россия нуждалась в промышленной продукции и экономическом руководстве, то вполне естественно было обратиться за помощью к наиболее развитой промышленно и технологически самой продвинутой стране в мире, а именно – к Соединенным Штатам.

Короче говоря, экономические отношения двух стран доказали свою гармоничность, комплиментарность и взаимовыгодность. Некоторые трения по поводу второстепенных и сравнительно незначительных экономических интересов, разумеется, неизбежно случались, как, например, разногласия по вопросу о концессии на строительство железной дороги в Китае (между банками Дж. П. Моргана, Кун-Лёб и К^о и Э.Г. Гарримана^{12*}). Но такие разногласия не приводят ни к войне, ни к сколько-нибудь серьезному дипломатическому конфликту. Гармония интересов обещает дальнейшее сотрудничество, хотя корыстные, невежественные и недальновидные группы могут попытаться превратить холмы мелких интересов в гору экономического конфликта.

Подобное отсутствие трений наблюдается и в *военной* сфере. Ни одна из двух стран не претендовала ради стратегической безопасности ни на какую часть территории другой стороны и ни на какую часть территорий стран, граничивших с ней. Единственно возможный район конфликта – Аляска – был, как мы видели, добровольно передан Россией Соединенным Штатам. С военной точки зрения Россия никогда не проявляла какого-либо интереса ни к американской континентальной территории, ни к островам в восточной и западной части американского материка (за исключением таких островов, как Сахалин), прилегающим к российским берегам. И Соединенные Штаты не стремились приобрести какую-либо часть территории России или территорию, входившую в сферу ее военного влияния. Объективное географическое положение владений России и Америки исключает сколько-нибудь серьезный конфликт в этой области.

Наоборот, жизненно важные интересы двух стран тесно переплетаются перед угрозой со стороны общих врагов. Случай с Японией служит ярким тому примером. Что политические интересы Японии и России конфликтовали в прошлом и конфликтуют до сих пор и что они приводили к войне и могут привести в будущем – это факт очевидный. Глубоко укоренившаяся вражда началась в XIX в., стала явной во время войны 1904–1905 гг. и продолжается до настоящего времени в виде натянутых дипломатических отношений, перемежаемых время от времени острыми дипломатическими конфликтами и необъявленными

ми войнами. Этой борьбе суждено продлиться. До недавнего времени – вплоть до нападения на Перл-Харбор^{13*} – многие наивные американцы не видели непримиримого столкновения жизненных интересов США и Японии и не верили в неизбежность войны между ними. Эти так называемые «эксперты» слепо верили и заявляли, что *Россия, а не Япония* является потенциальным врагом Соединенных Штатов, что Япония и Америка должны стать *союзниками*, объединенными общностью интересов. Этим в значительной мере объясняются наши симпатии к Японии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и на протяжении всего ряда японских агрессий между 1931 и 1939 г., а также глупая политика умиротворения, проводимая до самого дня подлого нападения на Перл-Харбор. Между тем любой грамотный – или хотя бы умный – человек, знакомый с планами японской экспансии, начертанными по меньшей мере за 20, а то и 30 лет до нападения на Перл-Харбор, прекрасно был осведомлен о том, что интересы территориального расширения Японии толкали ее не в сторону Сибири, а к островам и побережью материка на юго-востоке, юге и юго-западе Китая, а именно – в сторону Индокитая, Малайи, голландской Ост-Индии, Австралии, Соломоновых островов, Филиппин и т. д. – одним словом, именно в том направлении, в каком Япония и пошла с 1939 г. Все эти и многие другие совершенно очевидные факты и симптомы, не говоря уже о географическом расположении двух стран, были грубо проигнорированы или неверно истолкованы «экспертами» по этому вопросу. Надо было, чтобы в декабре 1941 г. действительно началась война, для того чтобы они убедились в том, что в отношениях между Японией и Соединенными Штатами столкнулись непримиримые жизненно важные интересы и в будущем этот конфликт неизбежно продолжится.

Подведем итоги. В условиях нынешнего кризиса^{14*}, а также в ряде случаев в прошлом военные интересы России и Америки не только не вступали в конфликт, но фактически совпадали перед лицом общего врага. Этим объясняется, почему, когда обе эти страны участвовали в одной и той же войне, они всегда оказывались товарищами по оружию^{15*}. Такое положение неизбежно будет сохраняться в течение определенного времени. Только нездоровое воображение может увидеть в России возможную военную угрозу. Только глупые промахи политиков и различных «групп влияния» способны создать столь острое состояние напряженности, что оно приведет к войне. Стратегическая солидарность двух стран по основным вопросам позволяет сделать следующий вывод: *вероятность того, что Соединенные Штаты будут участвовать в войне против России, гораздо меньше, чем вероятность их войны с любой другой великой державой, и наоборот, Россия меньше всего имеет шансов быть вовлеченной в вооруженный конфликт с Соединенными Штатами по сравнению с вероятностью ее*

войны с другими передовыми странами. Та же общность интересов определяла и в течение неопределенного времени будет определять их отношения в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Так как непримиримое столкновение жизненных интересов является главной и необходимой причиной войны, то отсутствия таких трений достаточно для того, чтобы считать дружественные отношения двух стран характерными для всей истории российско-американских контактов.

Глава вторая

БЛАГОПРИЯТНЫЕ ФАКТОРЫ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СХОДСТВА

---

1. Роль социально-культурных сходств в вопросе о войне и мире

«Но, – могут возразить, – как же насчет культурных ценностей и социальных институтов двух стран? А менталитет и психология двух народов? Разве не отличаются они до крайности? Разве они не антагонистичны друг другу и разве этот антагонизм не существовал задолго до Русской революции? Какой общий знаменатель можно найти для дореволюционного царского самодержавия и американской демократии, для коммунистической диктатуры и американского республиканского режима, для воинствующего атеизма и свободы вероисповедания, для неграмотного дореволюционного русского крестьянства и относительно просвещенных народных масс Америки, для мистической “славянской души” русских и реалистического прагматичного американского ума, для крайне эмоциональной и печальной русской души и уравновешенного оптимизма американской психологии? С психологической, культурной и социальной точек зрения Россия и Соединенные Штаты находятся на противоположных полюсах. А поскольку социально-культурные и психологические интересы или ценности являются ценностями жизненно важными, они, конечно, противостоят друг другу. Поэтому или ваш анализ причин вышеупомянутого нерушимого мира между двумя странами неверен, или же социально-культурные ценности, по вашему мнению, не представляют жизненно важные интересы – тезис, который вряд ли приемлем».

На первый взгляд это возражение кажется убедительным. Да, в психологическом и социально-культурном отношении эти две страны действительно во многом отличаются. Но ведь достаточно часто отличаются и манеры, и нравы, уровень жизни, вкусы, уровень образования, религиозные верования и психология разных групп, живущих в одном городе или в двух округах одного и того же государства. Однако эти различия не ведут к гражданской войне. Дело в том, что необходимо различать расхождение в психических, культурных и социальных ценностях каких-либо двух групп и непримиримый *антагонизм*

между этими ценностями. В Соединенных Штатах граждане принадлежат к различным профессиям, политическим партиям, религиозным конфессиям, национальностям, клубам и ассоциациям, имеют различные интеллектуальные способности и разные уровни образования; отличаются манерами поведения и образом жизни. Однако эти различия не ведут к вооруженному конфликту. Причина заключается в том, что они совместимы – могут существовать бок о бок без каких-либо серьезных столкновений. Точно так же две какие-нибудь нации могут иметь многочисленные психологические и социально-культурные различия и прекрасно уживаться друг с другом. Даже если бы американские и российские системы психологических и социально-культурных ценностей были совершенно разными, это не обязательно сделало бы их непримиримыми и, следовательно, привело бы к войне.

Во-вторых, предполагаемое принципиальное расхождение между психическими, культурными и социальными ценностями этих двух стран сильно преувеличивается. *По сути дела, Соединенные Штаты и Россия имеют существенное сходство или даже конгенитальность в ряде важнейших психологических, культурных и социальных ценностей.* Это сходство полностью уравнивает различия. Следовательно, оно функционирует как фактор, способствующий поддержанию беспрецедентного по продолжительности нерушимого мира между ними.

Только социального, культурного и психологического родства недостаточно для обеспечения мира между двумя странами, как это видно на примере истории отношений между Америкой и Британией. Многие современные проекты вечного мира обречены на провал, поскольку предлагаемые ими «союзы» и «альянсы» основаны только на социально-психологическом и культурном сходстве. Тем не менее *при отсутствии столкновения жизненно важных интересов двух стран такая близость обычно способствует укреплению мира, как в случае отношений между Россией и Америкой.*

Рассмотрим несколько черт, которые являются для них общими. Такой анализ покажет крайнюю односторонность господствующего мнения о том, что некоторые важные характеристики российского общества, российской культуры и психологии непонятны иностранцам.

2. Обе страны являются огромными континентами

В геополитическом, психологическом и социально-культурном отношении этот фактор очень важен. Обе страны фактически сами по себе являются континентами. Обе имеют колоссальные залежи полезных ископаемых, которые де-

лают их самодостаточными. Обе страны отличаются огромным разнообразием флоры и фауны, климатических и географических условий – от Арктики до субтропиков, от высокогорных массивов до степных и равнинных регионов. Так как совокупность географических, климатических и геополитических условий влияет на менталитет, культуру и общественную организацию населения, то континентальный характер двух стран способствует их существенному сродству. Это налагает на обе страны – хорошо это или плохо – *роль великих держав*. Эта роль, в свою очередь, приносит с собой десятки экономических, политических, психических и социально-культурных функций, присущих природе великой державы. На национальном и международном уровнях она должна кардинально отличаться от небольшого государства. Никакое важное международное изменение невозможно без участия такой державы. Никакого «вечного нейтралитета» (какового придерживаются некоторые небольшие государства) ей нельзя и допустить. Она должна окружать себя «государствами-сателлитами» и «сферами влияния», чтобы обеспечить свою безопасность, а от других великих держав должна отделиться «буферными государствами». Она не может не быть «империалистической» (в хорошем или плохом смысле этого слова). Если она не защищена широкими океанами (как до недавнего времени были защищены Соединенные Штаты), то она должна иметь сильное правительство, армию чиновников и бюрократов, мощные вооруженные силы, культ «великой империи» и т. п.

Психологически этот континентальный характер открывает широкие перспективы: способствует широте умственного кругозора, избавлению от узкого и мелочно-расчетливого склада ума, от осмотрительной политики в экономической, политической и социально-культурной сферах, столь характерных для малых государств.

В социальном и культурном отношении эта черта лишает малые государства, ввиду отсутствия необходимых ресурсов, возможности реализовать масштабные проекты, а именно: создавать огромные экономические корпорации и другие организации, осуществлять политические акции, строить ведущие культурные центры и т. д. Когда нация является великой державой, она стремится к превосходству в литературе и театральном искусстве, музыке и изобразительном искусстве, философии и религии, юриспруденции, экономике, науке и технике и т. д. Она стремится иметь самые большие и самые великолепные города, самый блестящий двор и общество, лучшие университеты, лучшие соборы и музеи и т. п. Если ее величие заключается только в территориальном и военном превосходстве и к тому же носит кратковременный характер, ей редко когда удается добиваться поставленных целей. В большинстве случаев, однако, они достигаются, по крайней мере, в некоторых областях культурного творчества, как это было в Египте во время XII, XVIII и XIX династий, в Ассирии в зените ее могуще-

ства, в Китае в период правления династии Тан и других выдающихся династий, в империи Гуптов и Маурьев в Индии, во времена могущественных правителей Аравии, а также в годы правления Перикла, Александра, Августа, королевы Елизаветы и королевы Анны, Людовика XIV, Петра Великого и Екатерины Великой, в Соединенных Штатах (с конца XIX в.).

В этих отношениях, как уже отмечалось, роль крупных континентальных держав должна резко контрастировать с ролью мелких стран, которые не имеют в своем распоряжении необходимых природных и экономических ресурсов, достаточно рабочей силы и соответствующего творческого гения. Они не могут позволить себе быть беспечными, должны расчетливо и осторожно, если не сказать скупой, выделять средства на научные, культурные и социальные цели, т. е. вести «буржуазную» политику, которую презирают такие огромные континентальные державы, как Россия и Соединенные Штаты.

3. Относительно мирная экспансия двух стран

Еще одно важное сходство двух стран – их сравнительно мирное расширение до континентальных размеров. В отличие от многих прошлых и нынешних империй, это расширение достигалось в обоих случаях не столько путем военной силы, сколько за счет добровольного подчинения различных племен и народов и мирного проникновения первопроходцев – в основном крестьян и фермеров, исследователей, торговцев и миссионеров. Создание обеих империй происходило сравнительно мирно: было пролито мало крови, не было чрезмерного насилия и жестокости. В отношении Соединенных Штатов этот факт хорошо известен и не нуждается в доказательствах. О России же гораздо меньше известно за ее рубежами. По сути, расширение небольшого Московского княжества (занимавшего в XIV в. менее 500 квадратных миль) в фактически самую большую из существующих континентальную империю мира, и особенно его расширение на восток, за Днепр, к Черному морю и на Кавказ, а в Азии (за Волгой) – до Персии и Афганистана, Китая и Тихого океана, этот рост происходил в основном за счет мирного проникновения русских крестьян, путешественников, торговцев и миссионеров и отчасти в результате добровольного подчинения России многочисленных племен и народностей. Лишь в очень незначительной степени эта экспансия достигалась путем военных завоеваний.

Эта экспансия – замечательное явление со многих точек зрения и как таковая заслуживает дополнительных комментариев. Она свидетельствует о том, что русская нация – строитель поистине великой империи, ибо она была создана не

только вопреки всем невзгодам, путем преодоления нечеловеческих трудностей, но и с минимумом жестокости по отношению к покоренным народам, с минимумом их порабощения или истребления.

Она началась в период жестокого двухвекового татарского ига над Московским и другими русскими княжествами. Борьба за освобождение казалась безнадежной. Тем не менее она неустанно велась в одиночку, без помощи других христианских или нехристианских народов. Христиане, например поляки, литовцы, ливонцы, шведы, генуэзцы и другие европейские наемники, часто нападали на русские земли, грабили их, а в решающие моменты даже предоставляли военную помощь их татарским поработителям. Так, например, в войске татарского хана Мамай, стремившегося сокрушить Московское княжество за поднятое им восстание, было много «западных христианских наемников», которые воевали с полками Дмитрия Донского, Великого Князя Московского, в Куликовской битве (1380). Более того, христианские народы без зазрения совести покупали пленных русских, захваченных татарами в ходе их многочисленных набегов, и использовали их в качестве *рабов*.

Тем не менее в 1480 г. татарское иго было окончательно сброшено. Последующая экспансия на запад заключалась большей частью в отвоевывании исконно русских земель, захваченных Польшей, Литвой, Ливонией, Швецией и другими странами, в ходе освободительных войн (и, следовательно, по существу, носивших характер войн оборонительных), которые в итоге привели к воссоединению большинства русских территорий, захваченных ранее западно-европейскими странами, с Московским княжеством.

Экспансия Московского княжества на восток и юг – особенно до Волги и за ее пределы, до Кавказа, Урала, Афганистана, Китая и Тихого океана – носила гораздо более мирный характер. Московское государство вновь обрело Киевское княжество, самое древнее русское государство, главным образом, благодаря добровольному подчинению населения этого региона и его гетмана Богдана Хмельницкого^{1*}. В своей бесконечной борьбе против угнетения, грабежа и эксплуатации со стороны поляков и турок Киев видел свое единственное спасение в воссоединении с Московским государством. То, что последнее, в конечном счете, достигло Кавказа, объяснялось преимущественно тем, что христианское Грузинское царство добровольно подчинилось России. Зажатая между могущественными в то время странами – Турцией и Персией, Грузия полностью зависела от милости этих нехристианских стран. Как и в случае с Киевским княжеством, ее единственное спасение заключалось в том, чтобы стать русским протекторатом, – этот шаг и сделал ее царь Ираклий II в 1783 г.^{2*}

Другим методом мирной экспансии было уже упомянутое постоянное проникновение крестьян, путешественников, торговцев и миссионеров в районы,

населенные первобытными племенами, либо вовсе безлюдные. Это был преобладающий метод русской экспансии в Азию, от Волги до Афганистана, Маньчжурии, Китая, Берингова пролива и Аляски. Эти первопроходцы, как первопоселенцы в Америке, открывали, заселяли и осваивали новые земли, чаще всего без военной помощи со стороны государства, хотя незначительные отряды войск иногда прибывали после занятия новых земель.

Следующие примеры могут служить иллюстрацией этой тенденции. Значительная часть Сибири – огромной территории, лежащей между Пермской губернией (на европейской стороне Уральских гор) и реками Иртыш и Тобол, а также китайской провинцией Синьцзян, – была приобретена в 1587 г. частной группой первопроходцев, насчитывавшей всего 840 человек. Более восточный район Сибири, лежащий между рекой Тобол и озером Байкал, рекой Леной и Иркутском, тоже был открыт первопроходцами. Только после того, как они построили срубы и создали торговые центры, туда (в 1641 г.) был послан отряд из 130 человек, чтобы защитить его от нападений некоторых племен. Большинство же аборигенов добровольно согласилось на русский протекторат. Экспансия первопроходцев на остальную часть Сибири, до Охотского моря, Тихого и Северного Ледовитого океанов, представляет собой такую же картину. Отряд, основавший Охотский острог, состоял из 54 человек^{3*}; экспедиция, которая достигла Арктики и совершила замечательное путешествие от устья реки Колымы вокруг Берингова пролива (1648 г.), насчитывала всего 25 человек^{4*}. Аналогичным образом, отряды, которые осваивали долину Амура, Маньчжурию, Камчатку, Курильские, Алеутские острова и Аляску, были крайне малочисленны.

Сходство с экспансией Соединенных Штатов на огромную территорию Америки очевидно. К чести первопроходцев обеих стран следует отметить, что они быстро превращали дикие края в центры цивилизации, не только строя крепости для самозащиты, но и создавая торговые центры, школы и церкви, прокладывая дороги, налаживая регулярную почтовую службу и т. д., превращая безлюдные до тех пор местности в густонаселенные сельскохозяйственные и промышленные районы. Например, в 1662 г. население Восточной Сибири едва достигало 70 000 человек, а к 1710 г. оно увеличилось до 250 000.

Еще более примечателен тот факт, что с самого начала эти первопроходцы – а позднее и русское государство – обращались с местным населением гораздо справедливее и гуманнее, чем большинство европейских колонизаторов с туземцами подвластных им колоний. Главным бременем аборигенов Сибири была выплата дани в виде пушнины. Их не уничтожали, не превращали в рабов, не подвергали жестокому обращению. Кроме того, обратившись в христианство, они не только получали одинаковые с русскими гражданские и политические

права, но и могли поступать на государственную службу в качестве чиновников и даже вступать в брак с русскими. *Там никогда не было никакой расовой дискриминации.*

Для того, чтобы расширяться (или даже выжить), Россия должна была создавать сильное централизованное правительство; и в ходе этого процесса фактически все слои населения лишились значительной части своих свобод, но обязаны были нести службу, что в конечном счете означало крепостное право. Но эти жертвы касались в основном русского населения, на долю *коренного населения колонизованных районов выпало сравнительно мало лишений.*

4. Обе страны проявляют единство в разнообразии

Третье существенное сходство сравниваемых стран – то, что *обе они являются своеобразными плавильными котлами для различных расовых, этнических, национальных и культурных групп и народов.* В действительности Россия представляет собой плавильный котел даже более разнообразный, чем Соединенные Штаты. Более 150 различных этнических групп с разными языками мирно сосуществуют здесь бок о бок. Этот факт единства в разнообразии оказывает мощное влияние на психологию, культуру и общественную жизнь обеих стран. Это делает их умственный кругозор более широким и восприимчивым, чем у народов, представляющих собой единый этнос. Это придает их менталитету и культуре большее разнообразие и богатство, чем у любого этноса, потому что каждая из многочисленных национальностей и рас вносит свой уникальный вклад в общую культуру нации. Как мы увидим позже, Соединенные Штаты и Россия, особенно с середины XIX в., постепенно выросли, возможно, более быстро, чем большинство других европейских наций. Одной из причин этого был именно этот пестрый состав их населения с расовой, этнической и культурной точек зрения.

Это явление имеет еще одну важную сторону. Страна представляет собой единую нацию, единство которой базируется не на этнической или расовой однородности ее населения, а на его *разнообразии.* Такой своеобразный социальный организм значительно отличается от того, который представлен одной однородной группой. Гитлер и многие другие утверждают, что только такое однородное общество (образующее одно государство и состоящее из одной национальности, одной культуры, одной языковой группы) обладает настоящим единством и подлинной ценностью. Пример Соединенных Штатов и России – прямое опровержение подобных утверждений. Эти две страны наглядно демонстрируют не только то, что единство в многообразии возможно, но и то, что

такое единство может быть столь же мощным, творческим и жизнестойким, как любой социальный организм, состоящий из одной расы или этнической группы. Опыт Гитлера в этой войне^{5*} должен убедить его в том, что он ошибался. Он надеялся, что под его мощным натиском русский и американский плавильные котлы сразу же расколются. В ожидании этого он избрал политику, одобрявшую узкий эгоизм различных расовых и этнических групп в России и Америке, поощряя их сепаратизм, взаимные антагонизмы и исключительные интересы. Объективным результатом стала полная неудача: вместо распавшейся России он столкнулся с единой как никогда ранее нацией, все этнические группы которой героически сражаются против захватчиков. В несколько иной форме он испытал такое же разочарование в отношении Соединенных Штатов. В обоих случаях «треснувший плавильный котел» оказался неделимым и нерушимым единством, настолько прочным и сильным, насколько только может быть какое-либо общество.

Этот факт имеет большое значение не только для настоящего, но и для будущего. Если бы единство нации было возможно только тогда, когда она состоит лишь из одной расы или этнической группы, то все надежды на будущее объединенное человечество, на мировую федерацию или даже на союз двух или большего числа отдельных стран на основе подлинного равенства и свободы были бы абсолютно несбыточными. В таком случае был бы возможен только союз «высшей расы» с закабаленными ею народами, основанный на кровавом насилии. Именно таковы идеология и политика Гитлера и его сторонников. Соединенные Штаты и Россия наглядно демонстрируют полнейшую ошибочность таких теорий и таких методов. Они доказывают, что единство в разнообразии, основанное не на господстве «высшей» группы и рабстве «низших» групп, но на подлинном равенстве, – возможно. Ни в одной из этих стран нет сколько-нибудь серьезной проблемы национальных или расовых меньшинств, сепаратизма, этнических или расовых антагонизмов. Все элементы живут мирно и гордо, бок о бок друг с другом, все в равном положении, каждому даются равные возможности для развертывания творческих сил, без какого-либо разделения на господ и рабов, доминирующие и подчиненные группы, высшие и низшие элементы. Безусловно, следы неравенства еще остаются, так как великий социальный эксперимент пока не завершен; но это *только пережитки*. Одним словом, обе страны являют собой огромные лаборатории, успешно выполняющие замечательный социальный эксперимент – создание единого общества из разных элементов, связанных узами равенства и солидарности. Кроме того, этот эксперимент показывает, что объединение человечества или большей его части действительно возможно, и указывает самый верный способ достижения этой великой цели.

Что касается России, то следует отметить, что этот эксперимент начался не с Русской революции, а до нее. В некотором смысле он берет свое начало с возникновения русской государственности. А она началась не с завоевания, а с добровольного призыва скандинавских вождей, чтобы они выполняли государственную и особенно военную функции. Так в России появилась первая династия – династия скандинавского Рюрика. Привилегированное положение было добровольно отдано русскими племенами представителям нерусской национальности. С этого времени высшие и правящие классы стали набираться из всех рас и этнических групп, как отечественных, так и зарубежных. Аристократия и правящий класс Московского княжества были настоящим плавильным котлом. Самые известные аристократические семьи состояли не только из русских, но и из представителей нерусских племен: потомков литовской династии Гедиминовичей, таких как Голицыны и Трубецкие; германских изгнанников, как Толстые и Щербатовы; потомков финнов и татар, представленных родами Мещерских, Мордвиновых и Урусовых; выходцев с Кавказа, таких как Черкасские, и т. д. Некоторые из этих нерусских аристократов даже становились царями, как, например, Борис Годунов. Особенно примечательна та доля нерусских по происхождению представителей высших классов, которая появилась со времен Петра Великого. Петр не жалел сил на то, чтобы привлекать в Россию талантливых иностранцев, и, как и его преемники, назначал их на высокие посты и осыпал наградами. При его преемниках шотландцы, французы, голландцы, евреи, итальянцы, грузины, поляки, литовцы, татары, монголы и особенно немцы были представлены в высших классах в пропорции, не сопоставимой с их долей в общей численности населения.

В период между царствованием Петра Великого и правлением Александра I немецкое засилье приобрело огромные масштабы. Постепенно оно стало еще худшим источником угнетения русского населения, чем татарское иго. Выходцы из Курляндии, Брауншвейга и Голштинии^{6*}, состоявшие в основном из глупых, алчных, жестоких людей, ненавидевших русских, захватили даже российский престол. Цари и царицы этого периода (Екатерина I, Анна Иоанновна, Петр III) практически не имели в своих жилах романовской крови и представляли собой – в основном или исключительно – захудалую немецкую породу. Все руководящие должности в армии, флоте и правительстве (включая диктаторские полномочия Бирона, самого омерзительного правителя, какой когда-либо был в России) были захвачены представителями этой клики. «Россия, – по словам историка, жившего в то время, – превратилась в торговую лавку, где воры продавали свою добычу». Бироны, Минихи, Остерманы, Лиленфельды и прочие с легионами своих приспешников, выходцев из Курляндии, Брауншвейга и Гол-

штинии, вместе с еврейскими советниками, такими как Липман, вписали в русскую историю одну из самых мрачных страниц¹.

Формирование правящего класса из представителей самых разных национальностей продолжалось до самого последнего времени. Потомки польской аристократии, такие как Радзивиллы и Чарторыйские, так называемой украинской аристократии, как Кочубеи, лица грузинского, финского, французского, шотландского, еврейского и особенно немецкого происхождения продолжали пополнять ряды правящего класса в пропорции, намного превосходящей их долю в составе всего населения. То же самое можно сказать о представителях среднего класса. Иными словами, население в целом, особенно его высшие и средние классы, представляло и продолжает представлять собой настоящий плавильный котел для лиц русского и нерусского, в частности немецкого, происхождения². Если какая национальность и была ущемлена в своем представительстве в верхах, то это, безусловно, были великороссы, малороссы и белорусы, т. е. представители именно тех национальностей, которые и были главными создателями Российской империи и русской культуры и которые даже теперь, после включения в состав империи около 150–175 разных этнических групп, составляют 77–80% от общей численности населения.

Эта историческая традиция прослеживается и в составе нынешнего советского правительства. Его диктатор – грузин Сталин (Джугашвили), его правая рука – русский (Молотов), другой его ближайший соратник – еврей (Каганович). Затем следует множество других политических руководителей – настоящая смесь самых разных национальностей и этнических групп, в которой русские (составляющие 80% от общей численности населения) играют более чем скромную роль.

Таким образом, мы видим, что Россия всегда была настоящим плавильным котлом для разных этнических и расовых групп, что все они сотрудничали в этом единстве в разнообразии, внося свою лепту в создание русской культуры и российского государства, и что вопреки широко распространенному,

¹ Вообще говоря, влияние великой во всех других отношениях немецкой нации на Россию носило скорее отрицательный характер. Немцы не дали России ни ее Кантов, ни Бетховенов, ни Гете, ни Шиллеров, ни даже Бисмарков или иных творческих умов. Вместо этого они поставляли по большей части людей заурядных, алчных или жестоких. В результате вклад русских немцев в русскую культуру – литературу, музыку, скульптуру, живопись, театр, философию и науку, религию, право и мораль, политическое руководство и военное дело – был очень скромным. Короче говоря, за редким исключением в Россию из Германии попадали в основном ее отбросы^{7*}.

² Следующий анекдот хорошо иллюстрирует немецкое засилье. Когда царь Николай I спросил Ермолова, завоевателя, усмирителя и правителя Кавказа: «Какую награду ты хочешь за твои услуги?», Ермолов с иронией ответил: «Ваше Величество, произведите меня в немцы!»

но ошибочному мнению это единство основано не на господстве русских над другими народностями. Верно, что русские были главными творцами Российского государства и русской культуры. Но именно на них лежит вся тяжесть труда и лишений, в том числе участие в военных действиях³. На их долю выпало непропорционально много пролитой крови, пота, тяжелого труда, бесправия и даже крепостничество и сравнительно мало наград и привилегий (см. главу четвертую, п. 5).

Я повторяю: якобы тотальное господство русской национальности над другими этническими группами – *чистейший миф*. Я знаю, что многим это утверждение может показаться неправдоподобным. Сразу же возникает множество возражений: «А как, например, насчет ограничения прав поляков, евреев, финнов? Разве не правда, что они были лишены многих прав, которыми пользуются русские?» Это заявление звучит достаточно убедительно, и его использовали, чтобы осудить мнимые гонения нерусских элементов. Однако более глубокое изучение положения поляков, финнов и даже евреев в дореволюционной России приводит к совершенно иному выводу.

Начнем с *Польши*. Несколько столетий ожесточенной борьбы между Польшей и Россией не могли не повлиять на их последующие отношения, что особенно ярко проявилось в последние полтора века. Раздел несчастной Польши был делом рук прежде всего Европы, а не России, хотя Россия участвовала в нем и, следовательно, должна нести за него свою долю ответственности. Весь вопрос относится к сфере международной войны. Как таковой это вопрос не о том, как к полякам относились, когда они были подданными России. Если же мы обратимся к этому вопросу, то решающие факты таковы. Несмотря на горькие исторические воспоминания и несмотря на то, что Польша воевала на стороне Наполеона, когда он вторгся в Россию, после победы России над Наполеоном император Александр I наперекор Меттерниху и другим европейским дипломатам добился создания нового Польского королевства, дал российской части Польши конституцию, обеспечил ей парламентское самоуправление и право иметь собственную армию – *привилегии, большей части которых не было и у самих граждан России*. В письме, адресованном председателю Сената Царства Польского графу Островскому в мае 1813 г., Александр I писал: «Если великий интерес всеобщего спокойствия не допустит (из-за противодействия Австрии и Пруссии. – П.С.), чтоб

³ Даже в настоящее время, хотя представительство русской национальности в советской политической аристократии непропорционально низко, ее доля в вооруженных силах непропорционально высока, ибо Красная армия в подавляющем своем большинстве является русской по национальному составу и более 90% ее генералов (Шапошников, Жуков, Ватутин, Воронов, Тимошенко и т. д.) и офицеров являются русскими.

все поляки были соединены под одним и тем же скипетром, то я, по крайней мере, старался смягчить, насколько возможно, суровость разъединения их и доставить им повсюду возможное пользование их национальностью»^{8*}. 21 июня в Варшаве было торжественно провозглашено новое царство во главе с Александром I в качестве короля Царства Польского, наделенное упомянутой выше либеральной конституцией и правами гораздо большими, чем те права, которые имело население собственно России. Несмотря на волну реакции, которая прокатилась по всей Европе, польская конституция и ее парламентское самоуправление (в том числе неограниченная свобода слова и принятия решений) сохранялись в течение многих лет.

Радикальные изменения в этой великодушной и просвещенной политике произошли из-за восстаний польской шляхты в 1830 и особенно в 1863 г. Эти восстания, естественно, были расценены как нарушение торжественного договора со стороны Польши, что освобождало правительство России от его обязательства признавать конституцию Польши и другие ее привилегии. Однако даже это изменение наносило ущерб главным образом знати, оборачиваясь выгодами для крестьянства, которое эта знать безжалостно эксплуатировала. Такая политика привела к освобождению польских крепостных российским правительством, причем это освобождение произошло на условиях, гораздо более выгодных для поляков, чем для крепостных в самой России. Последние после освобождения должны были выплатить своим бывшим хозяевам немалую сумму денег за землю, которую они получили, в то время как польские крепостные были освобождены от такой компенсации. Более того, польским крестьянам разрешалось сохранить все земли, которые они брали в аренду, тогда как крепостные в России получили лишь часть этих земель.

После восстания 1863 г. как естественная реакция на него были ограничены некоторые права поляков, в основном касавшиеся таких вопросов, как приобретение земли и владение ею, отправление католических религиозных обрядов, обязательное изучение русского языка как официального языка империи. Такие ограничения, однако, не были слишком суровыми. Во всяком случае, они были мягче, чем обращение с подобными мятежными группами в большинстве других стран, как, например, обращение с ирландскими мятежниками в Великобритании, с повстанцами Юга в Соединенных Штатах сразу после Гражданской войны, с поляками на территориях, входивших в состав Австрии и Германии.

К концу XIX и в начале XX в. большинство этих ограничений были сняты. В XX в. поляки в России имели почти такой же статус, как остальное русское население. Не только в Польше, но и на всей территории России поляки были на равных основаниях с русскими, занимая видное положение на государственной

службе, во всех профессиях и на других высоких должностях, внося определенный вклад в русскую культуру⁴.

Общий вывод из этого краткого обзора таков: если со стороны России отношение к полякам не было идеалом великодушия – особенно после того, как поляки, которым даровали конституцию и прочие привилегии, подняли восстание, – обращение с ними в целом со стороны России было таким же великодушным, как и обращение с такой же покоренной национальностью в аналогичных исторических условиях со стороны любого другого государства, и, конечно, более либеральным, чем обращение с подобными группами со стороны многих западных стран. До восстаний 1830 и 1863 г. поляки пользовались гораздо большими привилегиями, чем предоставлялись населению самой России, а в конечном счете они получили практически такой же статус, как и сами русские⁵.

Очень похожим – и даже еще более великодушным – было *отношение к Финляндии со стороны России вплоть до начала XX в.* Опять-таки за границей по этому поводу бытует представление совершенно ошибочное. Во-первых, Россия не лишала Финляндию ее независимости, ибо Финляндия никогда не была суверенным государством. Прежде чем после русско-шведской войны 1808–1809 гг. отойти к России, она находилась под господством Швеции. И, кстати говоря, период истории Финляндии в составе Швеции был отнюдь не счастливым.

Во-вторых, когда в результате поражения Швеции Финляндия отошла к России, тот же царь Александр I, который впоследствии даровал Польше конституцию, предоставил Финляндии возможность такого национального существования, какого она никогда прежде не имела. Финляндия была провозглашена великим княжеством, ей была дана либеральная конституция, а русский царь стал ее великим князем. Ей было предоставлено практически полное самоуправ-

---

⁴ Например, в мои студенческие годы в Санкт-Петербургском университете преподавали многие польские профессора. Некоторые из них, как, например, мой уважаемый учитель профессор Л. Петражицкий (наверное, самый выдающийся теоретик права в XX в.), знаменитый филолог-классик Ф. Зелинский и блестящий филолог Бодуэн де Куртенэ, занимали лидирующее положение в сфере своей деятельности, все свои произведения писали на русском языке и никогда не жаловались на несправедливое к ним отношение. Довольно любопытно, что вернувшись после 1917 г. на свою родину, они нашли, что их польские соотечественники им чужды и как ученых их ценят здесь значительно меньше, чем в России.

⁵ Я должен с сожалением добавить, что после восстановления Польши по окончании Первой мировой войны обращение поляков с их национальными меньшинствами – русскими, белорусами и украинцами – было гораздо более жестоким, чем обращение с поляками в России даже в самый тяжкий период российского «гнета». Судя по этому, участь поляков при российском режиме была довольно счастливой*.

ление во всех ее внутренних делах⁶, она имела свой сейм и другие привилегии, которых не было у остальной России. Ее граждане были освобождены от воинской повинности, обязательной для остального русского населения. Кроме того, ее железные дороги, крепости, университеты, музеи и т. д. были построены в основном за счет Российской империи. Этот период широкой внутренней автономии, длившийся с 1809 г. до начала XX в., был, безусловно, одним из самых ярких за всю историю Финляндии. В XIX в. Финляндия, находясь в составе России, пережила подлинное возрождение своей социальной, политической и культурной жизни⁷.

В-третьих, только в самом конце XIX – начале XX в., после назначения Бобрикова личным представителем императора, были введены меры, несколько ограничивающие свободы и привилегии Финляндии. Главным пунктом этих «деспотических» мер было требование российского правительства, чтобы финны призывались на военную службу. Такое изменение политики было вызвано изменением условий в стране, в том числе растущей недееспособностью рушившегося старого режима. Но даже после этих ограничений Финляндия оставалась в гораздо более привилегированном положении, чем остальная часть России.

В-четвертых, с началом революции 1917 г. правительство Керенского отменило все эти ограничения и пообещало Финляндии полный суверенитет. Это обещание было выполнено в течение трех лет, и с этого времени Финляндия стала полностью независима от России^{10*}. Гражданская война, которая последовала за предоставлением суверенитета, была борьбой между коммунистической и антикоммунистической группировками, а не войной с Россией.

Этот краткий очерк российско-финляндских отношений показывает, что с Финляндией обращались гораздо более великодушно, чем с самим русским населением, и что ей был предоставлен статус, которому остальная часть России могла только позавидовать.

Наконец, несколько слов об агрессии Советской России против Финляндии в 1939 г. Формально это был акт агрессии, хотя на самом деле это было нечто совершенно иное. Ни Сталин, ни кто-либо другой нисколько не опасались, что Финляндия как таковая может быть опасна для России. Но каждый сведущий человек знал, что Финляндия, будучи страной-должником, находится, так ска-

⁶ Самоуправление было настолько широким, что Финляндия стала надежным пристанищем для русских революционеров: стоило им скрыться в Финляндии, и они оказывались в безопасности от преследований со стороны царской власти – она не нарушала финскую автономию даже в этих вопросах. Этим и объясняется, почему Финляндия стала одним из центров деятельности русских революционеров

⁷ Обо всем этом и о многом другом заявил министр иностранных дел Финляндии А. Хакцель во время своего выступления в Берлине в 1939 г., текст которого был опубликован под заголовком «Положение Финляндии» в журнале «Ost-Europa» (март–апрель 1939).

зять, под опекой Великобритании, США, Германии и Швеции. С 1920 по 1939 г. она занимала такие большие суммы, что в лучшем случае потребуются многие десятилетия, чтобы погасить эти долги. Таким образом, она стала заемщиком с сомнительной платежеспособностью, зависимой от правительств и капиталистов разных стран⁸.

Но еще важнее то, что с ростом практически диктаторской власти клики Маннергейма в Финляндии она стала просто военным придатком Германии, которая после прихода к власти Гитлера начала явно готовить Финляндию к роли плацдарма для вторжения в Россию. Это не было секретом ни для Сталина, ни для тех, кто занимался этим вопросом. Финляндия как таковая была абсолютно безвредна для России. Но Финляндия, используемая крупной державой в ее планах вторжения в Россию, с границей, проходившей всего лишь в 12 милях от Ленинграда, была реальной угрозой для 180 млн русских. Ни один государственный деятель, отвечающий за безопасность своей страны, не стал бы мириться с такой ситуацией. После того как все мирные методы урегулирования проблемы не увенчались успехом, Россия вынуждена была начать превентивную войну. Таков был истинный характер этой так называемой агрессии – вывод, однозначно подтверждаемый последующим союзом Финляндии и Германии и их совместным вторжением в Россию.

В настоящее время Финляндия находится в самом трагическом положении благодаря клике Маннергейма–Рюти^{12*}. С другой стороны, нельзя забывать о том, что в одном только блокадном Ленинграде (осажденном немецко-финскими войсками) погибло около 1,5 млн человек, т. е. почти половина населения Финляндии. С любой поистине гуманитарной точки зрения этот результат немецко-финской агрессии с лихвой компенсирует все «агрессии» России против Финляндии. Еще одним важным фактом является рост империалистических appetитов режима Маннергейма–Рюти после первоначальных успехов немецко-финского вторжения в Россию, о чем свидетельствуют захват территорий России, которые никогда не принадлежали Финляндии, а также обсуждение всерьез вопроса о «Великой Финляндии», которая включала бы огромные территории России и даже районы Скандинавии, которые ранее никогда не относились к Финляндии.

Теперь обратимся к щекотливому *еврейскому* вопросу. И здесь реальная ситуация совершенно отличается от мифов, широко распространенных за пределами России. Во-первых, гонения на евреев – это не монополия России, а явление, широко распространенное в мире, в определенном смысле вечное, берущее свое начало в Древнем Египте и Риме и продолжающееся до настоящего времени.

---

⁸ «Честность» Финляндии, столь восхваляемая в Соединенных Штатах, в выплате процентов по американским займам – это показушная честность, заключающаяся в выплате лишь незначительной части денег, полученных ею от этой страны^{11*}.

Во-вторых, до XVI в. Россия была менее повинна в этом грехе, чем Европа в эпоху Средневековья и Ренессанса. Вплоть до нынешнего века в ней не было исторически зафиксировано преследований русских евреев, в то время как практически во всей Европе в средние века и примерно до эпохи Французской революции евреи подвергались жестоким гонениям и были явно ограничены в правах. Этим объясняется, почему в те времена они в таком большом количестве селились в Польше, Литве и России.

В-третьих, Россия позже последовала примеру Европы и ввела различные ограничения, которые то уменьшались (как при Александре I и Александре II), то увеличивались (как во времена царствования Николая I и Александра III), что продолжалось до начала XX в., причем некоторые ограничения сохранялись вплоть до Русской революции 1917 г. В основном лишение прав заключалось в ограничении территории, на которой могли селиться евреи – для этой цели было выделено несколько западных губерний. В то же время все евреи с определенным уровнем образования или с технической подготовкой, занимавшиеся определенной деятельностью или имевшие капитал, могли свободно селиться там, где им вздумается. Этим объясняется, почему евреев можно найти в каждом городе России. Такие евреи пользовались практически всеми правами российских граждан. Другие ограничения, такие как процентная норма (4% от общего числа студентов), установленная для евреев, поступавших в высшие учебные заведения и университеты, а также некоторые ограничения имущественных прав на землю (введенные для того, чтобы предотвратить попадание русских крестьян в финансовую зависимость от евреев и чтобы они не продавали свои земли ни евреям, ни городским финансовым дельцам), были настоящим лишением прав, хотя они ни в коем случае не были ни жестокими, ни бесчеловечными. Кроме того, эти ограничения на самом деле были гораздо менее тягостными, чем это представлялось на законодательном уровне. Например, четырехпроцентная норма, ограничивавшая число евреев, поступающих в высшие учебные заведения и университеты, превышала процент еврейского населения от общей численности населения России (а именно – около 1,8 или 2%). Кроме того, фактическая доля студентов-евреев была намного больше 4%. И точно так же доля евреев в финансовых и правительственных кругах, среди лиц свободных профессий была значительно выше, чем их доля в общем составе населения России. Их вклад в русскую культуру был гораздо более решающим и результативным, нежели можно было бы судить на основе официальных правовых норм. То же самое можно сказать о многих других ограничениях прав евреев. Такое дискриминационное законодательство, будучи непопулярным среди русского народа в целом, оставалось в значительной степени мертвой буквой.

Другим обстоятельством, смягчающим грех России в этом вопросе, является то, что евреи официально подвергались дискриминации не по расовым

или этническим причинам, а почти исключительно на *религиозных* основаниях. Поэтому, как только еврей решал стать христианином, он освобождался от всех ограничений и становился полноправным гражданином. Это одно из объяснений того, почему евреи играли столь заметную роль в высших официальных кругах даже при таких самодержцах, как Николай I. Так, например, его министр финансов граф Канкрин был евреем, а армянский еврей по фамилии Делянов около двадцати лет (в конце XIX – начале XX в.) был министром просвещения России. Эти случаи отнюдь не были исключениями.

Опять-таки следует отметить, что Россия никогда не проводила жестокую, хладнокровную, расчетливую политику, направленную на систематическую эксплуатацию, унижение и полное истребление евреев, что характерно не только для Гитлера, но и для их притеснителей во многих других странах в прошлом и настоящем. Как уже было сказано, евреи никогда не подвергались дискриминации как расовая или этническая группа. (Так, например, смешанные браки между евреями и неевреями в России не были запрещены.) Этим и объясняется тот любопытный факт, что самыми яркими пропагандистами России за рубежом всегда были бывшие российские евреи. Резко обличая царский режим (часто с чрезмерной строгостью), они в то же время питали самые теплые чувства по отношению к самой России.

Остается пресловутый вопрос о *погромах*. Их действительное количество сильно преувеличено. То же можно сказать и о численности их жертв, которая меньше, чем общее число жертв линчевания в Соединенных Штатах. Кроме того, они происходили только в начале нынешнего века, и ответственность за них лежит исключительно на небольшой группе правительственных и полуправительственных бандитов. Подавляющее большинство русского населения всегда решительно осуждало эти преступления и, следовательно, не несет вины за них.

Теперь мы можем вернуться к основному тезису этой главы, а именно к рассмотрению России как «единства в разнообразии», как плавильного котла, как одного из немногих выдающихся экспериментов построения сплоченного общества из разных элементов без какого-либо четкого деления этих элементов на высшие и низшие, хозяев и рабов, привилегированных и бесправных. Приведенный выше анализ доказывает, что если не в идеальном, то в относительном смысле Россия, как и Соединенные Штаты, реализовала эти возможности. Дело революции в этой области было лишь продолжением и завершением этой многолетней тенденции русской истории. Проявления дискриминации – правовой и прочей – в отношении евреев и других 150 различных национальностей наконец-то исчезли. Каждая из них имеет равные возможности для развития своих творческих способностей в рамках своей особой культуры, на своем языке и в соответствии со своими традициями, и это приветствуется. У них есть соб-

ственные школы и книги, изданные на их родных языках. Хотя русский язык как исторический язык России и язык преобладающей в ней национальности (как и английский язык в нашей стране) является общим средством выражения, это никоим образом не препятствует свободному употреблению 150 других языков, на которых говорят в Советском Союзе.

Даже такая частность, как официальная замена названия «Россия» термином «Союз Советских Социалистических Республик» (напоминающим «Соединенные Штаты Америки»), является логическим развитием обсуждаемого явления, так же как и многонациональный состав нынешнего советского правящего класса. В этом, как и во многих других отношениях, Россия конструктивной фазы революции представляет собой увековечение (как мы увидим дальше) жизненно важных тенденций дореволюционной России.

Глава третья

АМЕРИКАНСКАЯ И РУССКАЯ ДУША

---

1. Миф о «славянской душе»

Следующее принципиальное сходство между Россией и Америкой заключается в психологии и менталитете их народов. Это не означает, конечно, идентичность (или полное совпадение) их психических, эмоциональных, аффективных и волевых свойств. Нет двух русских или двух американцев, которые были бы абсолютно идентичны. Оба народа имеют тысячи психологических типов. Первым делом следует отметить, что представление об особой славянской душе – загадочной и мистической, непрактичной, печальной, чересчур эмоциональной, неуравновешенной, впадающей в состояние то восторга, то глубокой подавленности – нелепая выдумка. Принято считать, что русская душа якобы диаметрально противоположна душе американской, которая неизменно представляется рассудительной, уравновешенной, рациональной, практичной, свободной от излишней эмоциональности и совершенно чуждой какой бы то ни было мистики. Это представление столь же фантастично. В обеих странах эти два типа, как и множество других типов, присутствуют примерно в одинаковых пропорциях. Если и обнаруживается сколько-нибудь заметное различие в распределении этих психологических типов, то объясняется это главным образом различием исторических эпох с их конкретными социальными обстоятельствами, а не какими-то вечными и внутренне присущими обстоятельствами, коренящимися в биологической природе народов.

Никакие глубокие и извечные различия в психологии двух народов не могут быть объяснены их *расовой принадлежностью*, потому что в расовом или антропологическом отношении русские не отличаются принципиально от американцев. Основная часть населения России относятся к так называемым альпийскому и нордическому типам. За исключением монгольской и азиатской групп, составляющих 8% населения России, средний кефалический показатель^{1*} равняется примерно 82: у значительной части населения он ниже 82, у другой – чуть выше. С точки зрения этого важного показателя русские мало отличаются от основной массы населения Северной и Центральной Европы,

включая такие страны, как Швейцария, Германия, Австрия, Франция и Северная Италия. У них чуть больше (если вообще они есть) нордических черт, чем у населения Центральной Европы, включая Францию. Кроме того, они более однородны, отклоняясь от показателя 82 примерно на 3 единицы в обоих направлениях, тогда как колебания кефалического индекса во Франции, Германии и Центральной Европе имеют более широкий диапазон. Что касается цвета глаз и волос (а это еще один расовый критерий), то мы находим около 67% блондинов среди летто-литовцев, 57% – среди белорусов, 40% – среди великороссов и 35% – среди украинцев, в общем, примерно от 45 до 50% европейского и неазиатского населения России. По сравнению с Францией, Бранденбургом и Пруссией, Швейцарией, Южной Германией, Чехословакией, Италией, Испанией и многими другими странами большинство русских в этом отношении принадлежат скорее к скандинавскому или альпийскому типу. То же самое касается роста и других расовых показателей.

Так как население Соединенных Штатов состоит в основном из европейских иммигрантов, оно не может принципиально отличаться от этнических типов Европы или России. Если Россия в этнологическом отношении состоит из 8–10% азиатов, то в США проживает примерно такая же доля индейцев, негров и азиатов. Во всяком случае, главная разница в расовом составе заключается в том, что в Соединенных Штатах, возможно, чуть больше доли населения средиземноморского и крайне-северного типов. Это обстоятельство, однако, слишком незначительно, чтобы повлиять на сколько-нибудь серьезные различия в психологии двух народов, даже если предположить, что конкретные психологические типы связаны с определенными расовыми различиями. На самом деле, все попытки доказать такую связь пока не увенчались успехом. Поэтому этнический состав не может служить основанием для объяснения внутренних многолетних различий в их национальной психологии. А никаких других оснований для подобных утверждений нет.

Поэтому если какие-либо характерные различия в менталитете американцев и русских и обнаруживаются, то это черты приобретенные, связанные с изменением окружающей среды или историческими обстоятельствами. Как таковые они не являются ни постоянными, ни широко распространенными, но временными и локальными, меняющимися в зависимости от социально-культурных условий. Например, в свете революции 1917 г. многие склонны думать, что русские являются по своему темпераменту прирожденными *революционерами*, тогда как американцы, англичане и голландцы – народы консервативные и дисциплинированные. Но в XVII и XVIII вв. англичане и американцы были более революционны, чем русские. Если принять во внимание все революции в истории России, Польши, Англии, Голландии, Франции, Германии, Испании, Италии, Рима,

Греции и Соединенных Штатов Америки¹ и если внимательно изучить частоту, продолжительность и масштабы этих волнений, то обнаружится, что, по большому счету, между перечисленными странами нет никакого заметного различия в этом отношении. Уж если на то пошло, то Россия по этим показателям даже чуть менее революционна, чем большинство этих стран. Единственное реальное различие заключается во времени: в определенный период одна страна представляется более революционной, чем остальные, тогда как в другое время правильным будет обратное утверждение.

Сказанное о революции относится и к *войне*. За рубежом Россия, как правило, считается страной по сути своей агрессивной, тогда как Соединенные Штаты признаются страной исключительно миролюбивой. Конечно, в XIX в. Америка, уверенная в том, что защищена двумя безбрежными океанами, была более спокойна. Однако если мы подсчитаем все мелкие войны, которые вели обе страны (для Соединенных Штатов это различные военные экспедиции против индейских племен и некоторых латиноамериканских республик, таких как Никарагуа, Куба и Гаити²), то увидим, что в течение любых ста лет своей истории Россия в среднем вела войны 46 лет по сравнению с 48 годами для Соединенных Штатов (или, по крайней мере, 77 лет в течение 158-летнего периода между 1775 и 1933 гг.). По мере того как Тихий и Атлантический океаны становятся все менее надежными барьерами против агрессии, Америка будет становиться все более и более воинствующей, до тех пор пока не будет достигнуто подлинное примирение и объединение человечества. Если собрать статистику всех войн в истории Греции, Рима и других европейских стран и изучить их с любой значимой точки зрения², то не обнаружится никакой принципиальной разницы в относительной воинственности или миролюбивости этих стран. Существенным отличием является лишь разница *во времени*: в определенный период одни страны оказываются более воинственными, чем остальные, в другой период они меняются ролями.

То, что было сказано о революциях и милитаризме, справедливо и по отношению к любому другому различию, какое находят в национальных особенностях. Например, многие в этой стране убеждены в том, что американцы – это люди широкого технического кругозора, тогда как русские абсолютно не способны что-либо изобретать, усовершенствовать или хотя бы грамотно обращаться с машинами. Если сравнить технологическую ситуацию в обеих странах в период до конца XIX в., с таким мнением, конечно, придется согласиться. До этого времени Соединенные Штаты действительно были гораздо более продвинуты в этой области. Если же, с другой стороны, мы внимательно изучим факты, то

---

¹ Систематизированные и на сегодня самые полные данные об этом см. в моей книге «Social and Cultural Dynamics», vol. III (American Book Co., 1937).

² Факты приведены в моей книге «Social and Cultural Dynamics», vol. III.

придем к выводу, что «рационализаторство» – это вопрос чисто *относительный*, зависящий от конкретного выбранного периода и от конкретных обстоятельств каждого народа в данный период.

Например, если подсчитать все документально зафиксированные технические изобретения (и принять их за 100%) и долю каждой страны в этих изобретениях распределить по периодам³, то окажется, что у греков техническая изобретательность была высокой с VI до III в. до н. э. и очень низкой до начала VI и после III в. до н. э. В Риме изобретательность была высокой с I в. до н. э. до III в. н. э. и очень низкой перед этими веками и после них. Арабы по изобретательности занимали чуть ли не первое место в мире в период с 800 г. н. э. примерно до 1300 г. и совсем незначительное до и после этой эпохи. Среди европейских народов в IX и X вв. на долю Италии приходится 40% всех изобретений, в то время как в XIX в. ее доля сократилась до 2–3%. До 1726–1750 гг. доля, принадлежащая в этой сфере Соединенным Штатам, практически равнялась нулю, затем она начала медленно расти и в период между 1900 и 1908 гг. составила 25% от общего числа изобретений. Доля России до 1876 г. была очень незначительной (от 0 до 2%). Затем она медленно увеличивалась, достигнув в 1901–1908 гг. 3,7%. Во второй половине XIX в. русские сделали несколько важных технических изобретений, таких как электрическая лампочка (изобретенная Яблочковым за два года до Томаса Эдисона)^{3*}. Но, поскольку Россия еще не вступила на путь технического развития, эти изобретения почти не использовались. Принципиально иную картину наблюдаем в конце XIX и на протяжении всего XX в. Даже те, кто верит в прирожденные технические способности одних наций и техническую бездарность других, вряд ли откажутся признать, что между 1899 и 1914 гг., а затем в период с 1925 по 1940 г. индустриально-техническое развитие России достигло такого колоссального успеха, что, если нынешняя война не уничтожит главных промышленных центров России, она станет второй наиболее промышленно развитой страной в мире (первое место останется за Соединенными Штатами). Если им это неизвестно, то они, по крайней мере, знают, что в начале войны Россия была хорошо обеспечена самолетами, танками, пушками, грузовыми автомобилями, военной техникой и имела заводы, необходимые для их производства, в пропорциях больших, чем в любой другой стране, за исключением Америки и Германии. Кроме того, им должно быть известно, что даже в этой стране некоторые выдающиеся изобретения (в том числе самолеты, бензин и телевизионные устройства) запатентованы русскими изобретателями (такими, как Сикорский, Ипатьев и Зворыкин).

Всего вышеизложенного достаточно для того, чтобы сделать следующие выводы: во-первых, никто еще не доказал, что технические способности прису-

³ Ср. подробные сведения об изобретениях в моей книге «Social and Cultural Dynamics» (vol. II).

щи только некоторым нациям. Во-вторых, мнение о том, что русские этими способностями не обладают, является ошибочным. В-третьих, Соединенные Штаты начали развивать свои технические навыки раньше, чем Россия. В-четвертых, по окончании XIX в. Россия раскрыла свои замечательные технические способности и в течение сорока лет вышла чуть ли не на второе место (после Соединенных Штатов). В-пятых, едва ли можно сомневаться в том, что это стремительное развитие продолжится в будущем. В-шестых, технические навыки усваиваются гораздо быстрее, чем развивается способность создавать великую литературу и музыку или разрабатывать выдающиеся религиозные, философские и правовые системы.

Нельзя отрицать, что на протяжении истории практически все народы развивали, каждый в свое время, технологии каменного века, бронзового века, железного века и пришедшие им на смену технологии – но одни чуть раньше, другие чуть позже. Это относится к восточным народам, а в равной степени – и к Японии, Китаю, Индии и другим странам. В нашем конкретном случае стремительное техническое развитие России с конца XIX в. доказывает, что нет ни малейших оснований говорить о каких-либо существенных различиях между американцами и русскими в этом отношении. Но не все народы способны создать великую литературу, музыку, живопись, архитектуру или самобытную систему философии, религии, права или этики. (Запад лидировал в этой области начиная с XIV в., а до этого столетия лидерство принадлежало по большей части восточным народам, в том числе арабам.) Мы не должны питать иллюзии насчет того, что технические знания являются высшим типом культурного творчества.

То, что было сказано о технических способностях, в равной степени относится и к другим мнимым различиям между американским и русским складом ума. Разумеется, как и любой другой народ, русские в зависимости от обстоятельств подспудно тяготеют к повышенной эмоциональности и мистицизму. Но то же самое относится и к Соединенным Штатам. Во время революции и Гражданской войны, как и в ходе нынешней войны^{4*}, Америка продемонстрировала чрезвычайно высокий накал страстей. Учитывая многообразие религиозных сект (особенно в Южной Калифорнии), таких как «Свидетели Иеговы» и церковь четырехстороннего Евангелия^{5*}, а также популярность учений, восстанавливающих подлинное христианство (например, Билли Сандей), поневоле приходишь к выводу, что по многим показателям американский мистицизм, если уж на то пошло, больше бросается в глаза, чем в России. Наблюдая за поведением американской толпы на футбольных и бейсбольных матчах, на политических митингах или встречах выпускников колледжа, вряд ли можно сказать, что американцы неэмоциональны или менее эмоциональны, чем русские. С другой стороны, часто можно слышать случайные замечания о том, что, хотя на долю русских выпало

немало лишений и страданий в ходе этой войны^{6*} (голод, холод, потеря близких и т. д.), они переносят эти тяготы легче, чем «цивилизованные» народы, благодаря своей пониженной эмоциональности и неразвитой чувствительности. Нет необходимости говорить, что такое представление так же глупо, как и выдумка о мистической «славянской душе». Русские страдают от лишений и потерь так же, как любой другой народ. Опять же, если бы русские были непрактичными, неблагодарными и неорганизованными, как утверждают сторонники теории «славянской души», то они вряд ли смогли бы создать одну из величайших империй на земле, ибо создание империи является одной из самых сложных задач в мире, требующей столько же практичности, рассудочности, здравого смысла, настойчивости и умения рассчитывать свои силы, целеустремленности и творческой энергии, как и любая другая деятельность. Без этих качеств невозможно организовать даже небольшое предприятие и успешно управлять им. Без реализма и практичности России не удалось бы ни организовать героическое сопротивление Гитлеру, ни одержать в прошлом сотни побед над грозным врагом. Без них никогда не была бы создана реалистическая литература и не были бы достигнуты успехи в области науки и техники. Вышеизложенных замечаний должно быть достаточно, чтобы раз и навсегда развеять эти мифы, по крайней мере, в сфере научных идей и достоверных теорий.

2. Сходство американского и русского склада ума

Второй аспект темы, которой посвящена глава, а именно сходство русской и американской психологии, более позитивен, так как гласит, что у этих народов много общих психических черт, что делает их взаимоотношения более благоприятными, чем те, которые каждый из них поддерживает с другими народами. Главная из этих общих черт – это *свобода от жестких мононационалистических традиций и социальных и культурных шаблонов, открытость и широта кругозора, космополитизм и самоуважение без уничижения других народов и без какого бы то ни было стремления претендовать на Богом данное превосходство над «низшими» группами*. Эти качества обеспечивают независимость мышления, *толерантность к чужим мнениям, нравам и обычаям и экспериментальный склад ума, который стремится установить истинную стоимость самых разнообразных идей и ценностей, независимо от их источника*.

Эти общие черты двух наций являются в большей степени результатом их отмеченного выше неоднородного состава в сочетании с их «единством в многообразии». Хотя каждая из расовых, этнических и национальных групп имеет свои особенности психологии, культуры и морали, они не являются взаимоисключающими в силу их постоянного взаимодействия.

Эти обобщения применительно к Соединенным Штатам американцы вряд ли будут оспаривать. Их истинность подтверждается нашим политическим устройством и нашей терпимостью (и уважением) к любому общественно безвредному кредо, стилю, образцу и моральным установкам. Яркий тому пример – наша почти беспрецедентная терпимость к искаженному английскому, не только во время неформального общения, но даже и со стороны публичных ораторов и лекторов. Если видят, что иностранному преподавателю есть что сказать, и если его английский хотя бы немного понятен, его будут слушать, какими бы плохими ни были его произношение и манера речи. За исключением России, мало есть стран, если они вообще есть, где можно встретить такую снисходительность. Прежние, а также и нынешние иммигранты в Соединенные Штаты могут засвидетельствовать, что эта страна, возможно, единственная, где новичок не испытывает чувство дискриминации – «невидимые, тонкие стеклянные стены», которые практически во всех европейских странах, за исключением России, отделяют его от «старожилов». В этих странах иммигрант остается новичком всю свою жизнь: «тонкие стеклянные стены» очень эффективно отделяют его от «родившихся от родителей-уроженцев». В Соединенных Штатах этого барьера, как правило, нет. Если иностранец въехал в страну легально, занимается честным трудом и не антисоциален, он перестает быть «чужим» и становится полноценным американцем, к которому относятся так же, как и к урожденным гражданам, исключительно на основе его поведения и достижений.

Отмеченные черты свойственны и России. Один из самых известных русских писателей Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине, великом русском поэте, выделил характерные черты, свойственные как Пушкину, так и русской нации. Несколько строк из этой речи стоит процитировать:

«...В европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такою силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из “Фауста”, вот “Скупой рыцарь” и баллада “Жил на свете рыцарь бедный”. Перечтите

“Дон-Жуана”, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме “Пир во время чумы”! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии <...> Вспомните странные стихи: “Однажды странствуя среди долины дикой...” Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, – но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреодолимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания <...> Кстати: вот рядом с этим религиозным мистицизмом религиозные же строфы из Корана или “Подражания Корану”: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее? <...> не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое <...> Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы <...> Мы не враждебно ... а дружелюбно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей <...> Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? <...> Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю “в рабском виде исходил благословляя” Христос»^{7*}.

Этот знаменитый отрывок из речи Достоевского, мыслителя и провидца, в основном справедлив. Все происходившее в русской культуре и истории подтверждает его мысль. *Одна из исторических миссий России, безусловно, состояла в том, чтобы служить европейским и другим народам и защищать их*

независимость, свободу и культуру, принимая на себя основную тяжесть ударов беспощадных завоевателей. Так поступила она с татарами: захватив русские княжества, те истощили свои силы и не смогли разорить и завоевать Европу. Но Россия заплатила за это дорогую цену – более чем 200-летним порабощением и разорением. Такую же роль Россия сыграла в XIII в., отразив вторжение Тевтонского ордена и нанеся захватчикам смертельный удар под руководством великого русского полководца князя Александра Невского. Такую же роль Россия сыграла и во время вселявших ужас набегов северных народов в IX и X вв. Недаром они были известны в Европе как «бич Божий, или чума». Намеренно приглашая некоторых представителей северных народов стать их правителями и таким образом учась у них, русские послужили щитом от их бесчинств для Европы и Византии. Еще один пример: когда шведский король Карл XII начал завоевывать одну страну за другой, Россия – после долгой и изматывающей войны – нанесла ему сокрушительный удар под Полтавой. Такую же миссию Россия с честью выполнила, оставшись один на один с Наполеоном, с немцами в 1914–1917 гг., выполняет ее и сейчас, ведя борьбу с гитлеровскими полчищами^{8*}. Ценой неисчислимых потерь и страданий она спасла многие народы в прошлом, а сейчас содействует спасению Объединенных Наций от нацистской угрозы^{9*}.

Русскую нацию можно сравнить с широкой рекой, в которой слились множество ручейков, представляющих собой огромное количество европейских и азиатских народов, национальностей и культур. Эти элементы не механически, но органически вписались в единый однородный рисунок. Мы уже говорили о том, что на протяжении всей российской истории не было деления на высшие и низшие расы и национальности.

Русский стиль в любом значительном разделе культуры – это единство, состоящее из различных европейских и азиатских элементов. Хотя великая литература России, несомненно, является исконно русской, она тем не менее имеет европейские и азиатские черты. Русская *народная музыка* и *обычная музыка* тоже являются евразийскими в том же смысле. Аналогичным образом русская *архитектура* прошлого и настоящего представляет собой синтез византийской, западной и восточной традиций. В русских музеях *живописи* и *скульптуры* представлены персонажи, пейзажи, жанровые сцены и исторические события многих разных народов, стран и культур. То же самое касается русских икон, которые представляют собой синтез Запада и Востока (включая как примитивные, так и наиболее развитые культуры). Русская *православная религия* демонстрирует такую же универсальность: с одной стороны, глубокая рациональность есть отражение западного христианства, а с другой – своей глубокой мистикой, напоминающей Григория Нисского, Псевдо-Дионисия, Евангелие и Апокалипсис Святого Иоанна и вообще восточные мистические религии, наводит на мысль о визан-

тийском и восточном христианстве. То же самое можно сказать об ее обрядах и догматах и о той своеобразной социальной роли, какую она играет в России.

Всеобщая любовь и братство, универсальный и вечный Логос, высшая реальность как бесконечное многообразие Божества – все это было и остается лейтмотивом русской философии, религии, этики и любви к ближнему. Ее *правовые* кодексы также были «всечеловеческими» в том смысле, что в них органически включены фундаментальные ценности самых разнообразных обычаев и систем обычного права разных народов, а также формально-правовых систем Востока и Запада (в том числе и римское право).

Эти черты представлены не только в основных сферах русской культуры, но и во множестве более мелких повседневных явлений. (Конечно, чтобы правильно понять эти явления, их надо рассматривать в рамках общих характеристик русской психологии, ментальности и культуры.) Вот несколько типичных диагностических фактов.

В России *переведены, опубликованы, восприняты и по достоинству оценены* литературные, художественные, философские, религиозные, этические, правовые, образовательные и научные труды зарубежных авторов, наверное, в большем масштабе, чем в какой бы то ни было другой стране. Таким образом, бóльшую часть самых ценных произведений в этих областях (написанных американцами, французами, немцами, англичанами, голландцами, испанцами, итальянцами, китайцами, индийцами и т. д.) образованные русские люди знают лучше, чем интеллигенция большинства любых других стран. Этим объясняется хорошо известный факт широты познаний русских людей и выдающийся культурный вклад России в области литературы, философии и науки. В России известно больше произведений мировой культуры, чем любой другой народ знает русскую культуру и чужие культуры вообще. Поэтому Россия, как правило, остается загадкой для иностранцев, тогда как зарубежные культуры тайнами для нее отнюдь не являются. Здесь мы снова узнаем широкую, всечеловеческую душу России.

В несколько иной форме такое *стремление к универсальности пронизывает и американскую культуру*. США стали пристанищем для беженцев из других стран в такой степени, что это не имеет прецедентов нигде в мире. Высокие профессиональные, государственные и другие посты в ней занимает больше иностранцев всех национальностей, чем в какой бы то ни было другой стране. Более того, в последнее время Соединенные Штаты воспринимают столько культурных ценностей других стран (Латинской Америки, Европы, Азии, Африки), что соперничать с ними может, наверное, только Россия. В этом отношении сходство души американцев и русских проявляется достаточно ярко.

Этот параллелизм проявляется и во многих других сферах. Именно Россия в лице своего последнего царя Николая II инициировала учреждение Гаагского международного суда^{10*} в качестве инструмента предотвращения войны, как и Соединенные Штаты в лице президента Вильсона инициировали создание Лиги Наций^{11*} в качестве инструмента поддержания мира во всем мире. То же стремление к универсализму и человеческому братству проявляется в частых случаях симпатического идеалистического участия, а иногда даже руководства, со стороны русских и американцев, направленного на улучшение социальных условий в других странах. Ряд российских интеллектуалов (таких, как Печерин в первой половине XIX в.) обратились в католичество, потому что католическая церковь казалась им самой подходящей силой для достижения этой гуманной цели. Другие интеллектуалы (такие как Вырубов и де Роберти) стали мировыми лидерами постконтовского гуманистического позитивизма, потому что этот позитивизм с его религией человечества^{12*} казался им наиболее мощной силой для реализации этой цели. Еще большее количество русских, в том числе Бакунин, Кропоткин и те, кто был связан с Первым, Вторым и Третьим Интернационалом, стали участниками международных революционных движений, борясь, а иногда и погибая (как тургеневский Рудин^{13*}) ради блага разных стран, где у них не было никаких особых личных или национальных интересов. Такой интернационализм является еще одним проявлением универсализма и космополитического «пангуманизма», о котором идет речь. С этой точки зрения даже нынешний российский коммунизм с его Третьим Интернационалом представляет собой – возможно, в извращенном виде – то же стремление к всеобщей справедливости и братству. Хотя марксизм и коммунизм были придуманы в Европе и ни в коем случае не являются оригинальным русским продуктом, тем не менее именно в России они впервые нашли практическое применение в крупных масштабах. Благодаря своей готовности опробовать на себе эти опасные планы социального переустройства Россия служит всему человечеству, показывая, какую чудовищную цену приходится платить за такие эксперименты. Таким образом, ее собственное мученичество служит примером и предупреждением для остального мира.

Подобную склонность проявляет и Америка, играя уникальную роль в служении делу свободы, благотворительности, религии и множеству других ценностей почти во всем мире. Во время и после Первой мировой войны она играла ведущую роль в оказании помощи (включая обеспечение пунктами питания) во время голода, войн и подобных чрезвычайных ситуаций; в создании больниц, школ и миссий; в финансировании разных других благотворительных проектов и руководстве ими – причем американцы в этих случаях не имели никаких личных или национальных интересов, помимо идеализма и стремления к человеческому братству. Все это позволяет провести близкую параллель со склонно-

стью русских «вмешиваться» в дела, которые, если исходить из эгоистических или национальных интересов, вовсе их не касаются. Таким образом, оба государства выглядят «крестоносными донкихотами». Только евреи и, возможно, англичане проявляют эту склонность в меньшей степени.

В качестве дополнительного доказательства психологической близости двух народов можно указать на взаимное влияние их культур. Этот вопрос будет рассмотрен в одной из последующих глав. Здесь же достаточно сказать, что взаимопроникновение их культурных ценностей было обширным и плодотворным. Каждая страна и культура обогатила другую в гораздо большей степени, чем осознают это большинство людей.

Продолжим наше сравнение двух стран и культур, обратившись к тем институтам и ценностям, которые считаются диаметрально противоположными. Важнейшими среди них являются социальные и политические институты России и Америки. Рассмотрим их.

Глава четвертая

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИИ И АМЕРИКИ

---

1. Их демократический характер

Следующее важное сходство между двумя странами состоит в том, что их основные социально-культурные институты носят преимущественно демократический характер. В отношении Соединенных Штатов это утверждение не вызывает никаких вопросов. Но применительно к дореволюционной России оно, несомненно, многим покажется парадоксом, а то и абсурдом. В качестве неопровержимого доказательства ошибочности этого утверждения сразу же укажут на самодержавие и абсолютизм царской власти. Этот так называемый самодержавный царский режим служил ширмой, за которой скрывалось от иностранцев подлинно демократическое устройство основных социальных институтов России – в дотатарские и послетатарские времена, а особенно во второй половине XIX в., не говоря уже о нынешнем послереволюционном периоде. Кроме того, за чрезмерное преувеличение самодержавия самого царского режима несут ответственность поверхностные иностранные журналисты и «эксперты» по России.

Термин «демократия» имеет много разных значений, некоторые из которых противоположны друг другу. Может ли страна, в которой существует рабство, как в Соединенных Штатах до Гражданской войны, называться демократической? Может ли страна, в которой царит крайняя религиозная нетерпимость, как это было в Массачусетсе в колониальные времена^{1*}, называться демократической? Может ли страна, в которой (юридически или фактически) высшие должности в значительной степени монополизированы наследственной или полунаследственной знатью, как в большинстве владений колониальной Америки, а в некоторой степени и в современной Англии, считаться демократической? Может ли страна, обладающая подвластными ей колониями, эксплуатируемыми и почти бесправными, как колониальная Великобритания, Франция или Италия, или с огромной массой рабов и полурабов, как древние Афины, считаться демократической? Может ли страна, в которой центральное правительство жестко регламентирует, контролирует большинство экономических и других социокультур-

ных отношений между своими гражданами и управляет ими, как Соединенные Штаты или Великобритания, не говоря уже об откровенно диктаторских странах, таких как Россия или Германия, считаться демократической? Наконец, может ли страна, в которой существует огромный контраст в уровне жизни, в богатстве и бедности ее граждан, где есть безработные нищие и мультимиллионеры, считаться демократической?

Эти вопросы не носят риторический характер, а ставятся с целью показать, что «демократия» и «демократический» – это термины, которые имеют широкое хождение на рынке интеллектуальной собственности, но не имеют какого-либо определенного смысла. Поэтому уместно будет последовательно рассмотреть основные социальные институты обеих стран и наглядно показать их главные особенности в прошлом и настоящем. Тогда читатель сам сможет решить, приложим к ним или нет термин «демократический» и совпадают они или же не совпадают в этих двух случаях.

2. Семья

Начнем с такого фундаментального института, как семья. Считается, что в настоящее время американская семья – по своей структуре, по отношениям между мужем и женой, родителями и детьми, по существующим в ней имущественным отношениям – является по существу демократической. В прошлом она была, как и преобладающий тип европейской семьи, более патриархальной, а значит, и менее демократичной в современном смысле слова.

А каким был характер русской семьи? С IX по XX в. в России этот институт, как и в других странах, претерпел несколько заметных изменений. В некоторые периоды семья была патриархальной. Но какие бы формы она ни принимала, *она была столь же демократичной, как любой семейный институт в Европе, если не больше.*

Многим это утверждение покажется невероятным, однако оно совершенно справедливо. Рассмотрим статус и взаимоотношения мужчин и женщин, мужа и жены, родителей и детей, а затем семейной собственности как важнейшие элементы, из которых состоит русская – равно как и любая другая – семья.

Статус женщины в России. За последние несколько месяцев^{2*} я прочитал две статьи московского корреспондента «New York Times», несколько статей так называемых «экспертов» по России, а также парочку книг и прослушал множество радиопередач, в которых единодушно подчеркивался резкий контраст между положением русских женщин до и после революции. Судя по этим высказываниям, русские женщины до революции находились в том же положении, что и обитательницы восточных гаремов: были изолированы в своем тереме

от остального мира, во всем зависели от мужа, не принимали никакого участия в общественных, государственных и производственных делах. После революции, по мнению этих «экспертов», ситуация изменилась кардинально – нет, фантастически, – в результате чего русские женщины стали полностью эмансипированы, участвуют на равных правах с мужчинами во всех сферах общественной деятельности, не исключая даже военную.

Не стоит даже говорить о том, что нарисованная ими картина положения женщин до революции насквозь фальшива. Если бы эти авторы и комментаторы имели хотя бы элементарные знания о русской истории, они вряд ли бы написали такую чушь. Они бы знали, что уже в IX или X в. некоторые женщины (например, княгини Ольга, Рогнеда и др.) играли очень важную роль в качестве правительниц в социальной и общественной деятельности или в отстаивании своей независимости и достоинства как жен. В течение последующих веков русские женщины играли такую же видную роль в социальной, государственной, политической и культурной жизни, как женщины в любой европейской стране. Русские женщины занимали высшие государственные посты, такие как глава республики (например, Марфа Посадница в XV в. в Новгородской республике), самовластная императрица (например, Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина Великая) или же могущественная правительница и лидер в политической междоусобице с другим царем (как царица Софья, сестра Петра Великого, боровшаяся с ним за трон). Можно привести внушительный список видных революционерок, боровшихся с царским режимом (таких как С. Перовская, Вера Засулич, Е. Брешковская), или таких женщин, как боярыня Морозова и жены многих декабристов, которые играли ведущую роль в борьбе за религиозную и политическую свободу, военных героинь, как Надежда Дурова, участница Отечественной войны 1812 г. против Наполеона, известных ученых, таких как математик Софья Ковалевская, выдающихся писательниц, драматургов, поэтесс, музыкантов, художников, скульпторов и архитекторов и назвать множество женщин, которые занимали менее видное положение в политической, государственной, профессиональной, социально-благотворительной деятельности и т. п.

Вышеупомянутым «экспертам» следовало ознакомиться хотя бы с российским гражданским законодательством, которое определяет структуру семьи и положение жены, или со списком российских вузов и университетов, в котором значатся имена многих женщин-профессоров, работавших в ведущих дореволюционных высших учебных заведениях для мужчин. Кроме того, они могли бы взглянуть на внушительный перечень имен врачей и юристов, редакторов и журналистов, репортеров, обозревателей, торговцев и даже директоров и управляющих банков и других коммерческих фирм. Они обнаружили бы, что в дореволю-

ционной России в ведущих вузах для мужчин женщин-профессоров было больше (в том числе и «полных профессоров»), чем в современных американских вузах для мужчин и в учебных заведениях совместного обучения. Они узнали бы также, что в дореволюционной России наряду с институтами совместного обучения были первоклассные женские университеты, институты и другие учебные заведения. Кроме того, они заметили бы, что в России до революции женщин-медиков было, вероятно, гораздо больше, чем медицинских работниц в США в 1943 г. Во всех этих разнообразных сферах деятельности доля женщин в дореволюционной России в конце XIX и в первые годы XX в., безусловно, была не меньше, чем в Соединенных Штатах до начала нынешней войны^{3*}. То же самое касается женщин, работавших на фабриках и заводах и во многих отраслях производства, а также в сельском хозяйстве. Это означает, что до революции женщины России были эмансипированы в той же степени, как и в любой другой стране, включая и Америку, и, вероятно, в большей степени, чем в большинстве европейских стран.

Наконец, если бы иностранцу довелось побывать на собраниях, устраиваемых крестьянами на сельских «сходах» для обсуждения и решения общих дел, он увидел бы немало женщин, участвующих в обсуждении и голосовании наравне с мужчинами.

Во все эти, так же как и во многие другие отношения, революция не привнесла ничего нового, а просто продолжила тенденции, существовавшие задолго до нее в русской истории. Полная эмансипация и равноправие женщин в современной России – это просто реализация непрерывного исторического процесса. Революции оставалось лишь, образно говоря, добавить последние штрихи, так как это движение в основном достигло своей кульминации в дореволюционной России XX в. Это доказывает, что в этом отношении Россия всегда была столь же демократической, как любая из западных стран, и более демократической, чем большинство из них.

Статус супругов в русской семье. Этот вывод подкрепляется изучением структуры русской семьи как союза мужа и жены. Вот некоторые основные моменты, которые достаточно ясно показывают, что на протяжении всей истории России семья здесь была более демократическим институтом, чем в большинстве европейских стран. Во-первых, определенная доля полигамии, существовавшая у русских племен до введения христианства (в IX в.), быстро исчезла. Хотя под татарским господством и (в Московском княжестве) с XV до XVII в. в определенной степени практиковалась изоляция женщин, такое заточение было незначительным по сравнению с положением женщин в странах Западной Европы в тот же период. Во-вторых, свободное согласие сторон, вступающих в брак, было общим правилом в древние времена, а после воцарения Петра Великого оно было предусмотрено законодательством даже в отношении крепостных,

чьим хозяевам запретили принуждать стороны к вступлению в брак вопреки их желанию.

В-третьих, были разрешены браки между русскими и нерусскими, между православными, католиками, протестантами и другими христианами. Запрещались только смешанные браки между православными и нехристианами. Однако неправославным христианам (например, протестантам) разрешалось вступать в брак с мусульманами и иудеями. Эти ограничения (которые были весьма распространены по всей Европе, причем носили более радикальный характер, чем в России) не были мотивированы расовыми или национальными соображениями, а опирались исключительно на религиозные основания. Как только нехристианин обращался в христианство, все ограничения исчезали. К началу XX в. практически все запреты в этой сфере были отменены.

В-четвертых, хотя (за исключением разрушительного периода революции) число разводов было очень низким по сравнению с западными странами, свобода развода была узаконена в большей степени, чем в большинстве европейских стран, и – что еще важнее – права жены в этом отношении были практически равны правам мужа, тогда как практически во всех западных странах мужа зачастую находились в более привилегированном положении, чем жены. Еще в московский период русской истории правовые основания для расторжения брака (в том числе по взаимному согласию) были более либеральны, чем в большинстве европейских стран. Позднее происходили небольшие изменения в этом плане, но на протяжении всех последующих веков в России развод получить было легче, чем в большинстве других западных стран. В частности, со времен Петра Великого равенство супругов в том, что касалось развода, стало правилом – как теоретически, так и фактически, – являлись ли основанием для развода супружеская измена, импотенция, преступление, отсутствие одного из супругов в течение более пяти лет и т. п.

В-пятых, что касается личных и имущественных прав, российские законодательство и практика (особенно со времен Петра Великого) всегда отстаивали полное равенство и, если говорить о владении и пользовании имуществом, полную независимость супругов. Такое положение резко контрастирует с германской семьей, где с древнейших времен жена почти полностью находилась под властью и руководством мужа (*mundium*), теряла все свои имущественные права (даже на имущество, которое ей принадлежало до брака) и где муж был единственным представителем семьи в экономических и других отношениях с обществом, и лишь менее резко контрастирует с семейным статусом жены в большинстве европейских стран, в которых, между прочим, ее экономическая самостоятельность до недавнего времени была серьезно ограничена. Основным принципом российских права и практики в этом отношении было то, что экономически обе стороны равны и независимы. Вследствие этого жена после вступ-

ления в брак оставалась единственной собственницей всего, чем она владела до брака или приобрела впоследствии¹.

Подводя итог, можно сказать, что русская семья как союз мужа и жены давно уже была более демократичной, чем в большинстве западных стран. В этом отношении, повторимся, революция (если отбросить ее разрушительную фазу) не привнесла ничего нового, а лишь продолжила давнюю тенденцию в сфере семейной жизни. То, что в настоящее время жена имеет точно такой же статус, что и муж, хорошо известно даже «экспертам» и не требует никаких доказательств.

Вопреки (или, может быть, *благодаря*) принципиальному равенству статуса мужа и жены, русская семья (за исключением разрушительной фазы революции, пришедшейся на 1918–1934 гг.) была и остается весьма стабильной. Процент разводов и случаев раздельного проживания был явно ниже по сравнению с их числом в большинстве западных стран, особенно в Соединенных Штатах. Разумеется, во время разрушительного периода революции, когда коммунистическое правительство преднамеренно пыталось подорвать моногамный брак и семью как краеугольный камень частной собственности, стабильность семьи резко снизилась, уровень разводов достиг небывалых высот. Однако к середине 30-х гг. эта тенденция была преодолена, и в настоящее время русская семья снова входит в число наиболее стабильных в мире.

Отношения между родителями и детьми в русской семье. То, что было сказано об отношениях между мужем и женой, можно сказать – с небольшими изменениями – и об отношениях между родителями и детьми. Юридически и фактически эти отношения в дореволюционной России были столь же демократичны, как в любой западной стране, и, за исключением разрушительного периода революции, семья как союз родителей и детей всегда была в России столь же крепким и стабильным институтом, как и в любой другой стране.

В далеком прошлом русская семья носила патриархальный характер, и еще до второй половины XIX в. не редкостью были семьи численностью от 20 до 50 человек, представлявших три разных поколения, живших вместе в одном доме. Впоследствии семья, как правило, стала состоять из родителей и детей (одного или более), состоящих в браке. Отделение детей от родителей происходило реже и в более позднем возрасте, чем в Соединенных Штатах и во многих других странах.

---

¹ Есть исключение из этого общего правила, которое следует отметить, а именно: если стороны принадлежали к разным сословиям (муж, например, был дворянином, а жена – из одного из низших классов), то привилегии мужа распространялись на его жену, которая автоматически становилась «знатной», когда же жена принадлежала к знати, а муж нет, статус жены на мужа не распространялся. Аналогичным образом любые привилегии, приобретенные мужем после вступления в брак, становились привилегиями жены, но не наоборот. Эта разница, как легко увидеть, действовала в пользу жены и в ущерб мужу.

При строго патриархальном режиме родители имели широкую власть над детьми, хотя вряд ли она была столь же безграничной, как власть *pater familias*^{4*} у древних греков, римлян и средневековых германцев; в России отец никогда не обладал правом жизни и смерти над своими детьми. Отношения родителей и детей – и юридические, и фактические – всегда было принято считать «естественными», «моральными» и «социальными», т. е. права и обязанности каждой из сторон свободно и добровольно распределялись в пользу и родителей, и детей, и общества в целом. Судебник 1550 г. категорически запрещал продажу детей в рабство, а указы Петра Великого ограничивали право родителей отдавать внаем своих детей на срок более пяти лет и запрещали им заключать их в монастырь или принуждать вступать в брак против их желания. Взаимные обязанности родителей и детей, например, обязанность родителей заботиться о своих детях, воспитывать их и т. п., как и обязанность детей уважать своих родителей, поддерживать их в старости и т. д., были характерны для уважающей себя семьи в любой цивилизованной стране. Дисциплинарные меры, которые законодательство дореволюционной России позволяло применять родителям в отношении непокорных детей, были весьма ограничены в том, что касалось карательных мер: максимальный срок по судебному приговору предусматривал тюремное заключение до четырех месяцев. Но реальная практика была так далека от этого, что многие юристы даже не знали, что в Уголовном кодексе есть такая статья. За жестокое или неоправданное наказание своих детей родители несли серьезную ответственность и могли быть наказаны. Примечательно, что, если родители, совершившие преступление, лишались гражданских прав, то на детей это лишение не распространялось. Более того, как и в случае с женой по отношению к мужу, имущественные права детей были достаточно защищены.

Подведем итоги. Следует считать в целом доказанным, что русская семья как союз родителей и детей – в моральном, социальном и юридическом отношении – была столь же респектабельна, надежна и стабильна, как и в любой из западных стран. В целом она была гораздо демократичнее, чем преобладающий тип семьи во многих западных странах. Она была более или менее свободна от крайностей, которые часто разрушают эти отношения: таких как чрезмерная власть родителей, с одной стороны, а с другой – преждевременная свобода детей и их пренебрежение обязанностями по отношению к родителям, взаимоотношения, отмеченные чрезмерным формализмом, законничеством и расчетом, в том числе отношение к денежным вопросам, или семейные отношения, характеризующиеся неустойчивостью и постоянной непредсказуемостью. Как уже было сказано, коммунистическая революция на время разрушила семью, но начиная с середины 30-х гг. восстановила ее дореволюционные особенности (см. девятую главу). В этом, как и в других отношениях, революция ликвидировала то, что уже дышало на ладан, обозначив жизнеспособные тенденции русской семьи.

3. Губернское, местное и городское самоуправление в России

Сельское самоуправление: политическая и экономическая демократия. Если мы посмотрим на губернское, городское и сельское самоуправление в дореволюционной России, то в очередной раз поразимся чрезвычайной демократичности ее институтов. Начнем с крестьянского самоуправления.

После отмены крепостного права в 1861 г. и до ликвидации крестьянского мира и общины (в XX в.), когда положение крестьян было уравнено с положением населения в целом, они управляли своими делами (включая происходившие путем всенародного голосования выборы уездного начальника и секретаря или волостного старшины и волостного писаря) на сходах, созывавшихся в их деревнях или окружных центрах и аналогичных муниципальной демократии в Новой Англии. Более того, в обсуждении и голосовании на равных основаниях принимали участие мужчины и женщины. На рубеже веков эта система крестьянского самоуправления была поставлена под надзор и контроль центральной власти, назначавшей специальных агентов (земских начальников), которые, однако, были отменены после 1905 г.

Демократический характер системы, которую мы рассматриваем, был гораздо более глубоким, чем кажется на первый взгляд. Мир и община представляли собой не только политическое единство, но и экономическую общность, ибо земля принадлежала не тому или иному владельцу, а всей деревне или общине. Одной из причин такого положения было желание предотвратить отчуждение крестьянского имущества, обнищание крестьян и безземельных крестьян-арендаторов и батраков. Каждому жителю деревни предоставлялся участок земли для обработки и использования, но никто не был землевладельцем – правом собственности наделялась вся крестьянская община. Каждый крестьянин получал долю земельного участка пропорционально размеру его семьи. Кроме того, поскольку земля разнообразна по качеству, ему не только отводились определенные площади хороших, средних и бедных земель, но и причиталась доля от общей площади пастбищной и сенокосной земли. Так как численный состав одних крестьянских семей увеличивался, тогда как состав других уменьшался, время от времени – скажем, каждый второй или каждый пятый год – крестьяне производили передел деревенской земли, чтобы привести ее в соответствие с изменением численности их семей.

Вдобавок к составляющим политическую и экономическую демократию этой крестьянской системы (каковыми были мир и община) существовала еще социальная коллективность, в силу которой вся община заботилась о своих членах не только в плане справедливого перераспределения земли, но и в плане взаимопомощи. Например, оказывалась помощь бедным. Опять же, если кре-

стьянин хотел построить дом, то соседи бесплатно ему помогали. После смерти крестьянина вся община приходила на его похороны. Кроме того, до введения земства, «министерских» и церковно-приходских школ мир нанимал учителей и устраивал школы за свой счет.

Кооперативное движение. Существованием общинной системы объясняется необычайный успех кооперативного движения до революции. Иностранцы в большинстве своем не знают, что это движение, охватывающее потребителей, производителей и других, в дореволюционной России было более развито, чем в любой другой стране. В нем участвовало более 13 млн человек, а его капитал в начале XX в. составлял сотни миллионов. Помимо выполнения чисто экономических функций российские кооперативы все более активно участвовали в таких культурных мероприятиях, как создание и поддержание школ и институтов, газет и журналов, политическое, научное и нравственное руководство массами. С точки зрения качества экономического и культурного служения российское дореволюционное кооперативное движение было, конечно, одним из лучших в мире. Количественно оно было вне конкуренции. В отличие от современных правительственных псевдокооперативов, оно было абсолютно добровольным. Само по себе это наглядно демонстрирует глубоко демократические наклонности русского народа. Необычайный успех этой кооперативной организации во многом был обусловлен миром и общиной и другими общественными и коллективными институтами. Следует с сожалением отметить, что во время разрушительной фазы революции такие свободные кооперативы были заменены принудительными бюрократически контролируруемыми псевдокооперативами. К счастью, они начинают оживать и, несомненно, сыграют важную роль в будущем^{5*}.

Провинциальное и муниципальное самоуправление. Не только крестьянство, но и все другие классы дореволюционной России имели заслуживающий внимание институт губернского, или волостного, самоуправления, известного под названием земство. Учрежденное после освобождения крестьян в 1861 г. земство стало одним из самых эффективных в мире органов местного самоуправления. Благодаря совокупности благоприятных обстоятельств, характеру его личного состава² и тому, что выполнение земством административных и культурных функций оказалось столь успешным – совершенно свободным от политической коррупции и других пороков, часто свойственных местной администрации, – его роль трудно переоценить. За примерно 55 лет своего существования земство превратилось в одну из важнейших образовательных и культурных сил России. (Кстати говоря, оно послужило прототипом для американской системы окружных агентств.) Хотя многие подобные органы самоуправления можно усмотреть

---

² Не только личный состав земства, но и суды, учрежденные реформами 1861 г., отличались большой степенью практического идеализма.

и в других странах и на основе их письменных конституций их можно считать более либеральными и радикально-демократическими, вряд ли земство будет превзойдено с точки зрения его социальных идеалов и фактической результативности.

С конца XIX в. приходившее в упадок царское правительство, пока его не свергли, вмешивалось в деятельность земств с целью осуществления контроля над ними и ограничения их прав, так же как и в случае с крестьянским самоуправлением и другими учреждениями по крестьянским делам. Однако эти попытки центрального правительства практически не увенчались успехом, а затем разразилась коммунистическая революция. Поскольку деструктивная фаза революции прошла, есть серьезные основания полагать, что земство (или его эквивалент) возродится в качестве незаменимого органа самоуправления.

Наконец, в дореволюционной России была также хорошая система городского самоуправления (в чем-то, конечно, уступавшая земству по своим административным и культурным функциям), основанная на выборах из числа зажиточных слоев городского населения. Центральное правительство в период своего упадка пыталось взять ее под свой контроль, но не преуспело в этом. С началом большевистской революции местное самоуправление было заменено бюрократической диктатурой коммунистической партии.

Вышеизложенное ясно показывает, что в России такие фундаментальные институты, как семья и системы сельского, губернского, волостного и городского самоуправления, носили подлинно демократический характер – может быть, более демократический, чем в большинстве западных стран того же периода. Прежде чем перейти к рассмотрению относительного абсолютизма центральной власти, рассмотрим кратко правовую и судебную системы и аристократию в том виде, в каком они существовали до революции, особенно после реформы 1861 г.

4. Правовая и судебная система в России

Недостаток места не позволяет даже кратко изложить историю правовой и судебной систем России. Большая часть бытующих в зарубежных странах представлений об этих институтах совершенно ошибочна, а порой и фантастична. Российское право и правосудие в течение последних веков, конечно, были отнюдь не идеальны, но они едва ли уступали соответствующим структурам других стран, а в некоторых отношениях они были более разумны и гуманны. Например, если мы обратимся к уголовному праву, то обнаружим, что примерно в середине XVIII в., во время правления императрицы Елизаветы Петровны, смертная казнь была отменена за все виды преступлений, за исключением по-

кушения на жизнь царя и ближайших членов его семьи. Этот факт сам по себе доказывает ошибочность распространенного за границей представления о российском законодательстве и правосудии как о чем-то варварском и жестоком³.

Гражданское и уголовное право, установленное реформами 1861 г., было почти так же гуманно, демократично, прогрессивно и эффективно, как любой гражданский и уголовный кодекс на Западе, а в некоторых отношениях даже более справедливо и демократично. Хотя у него были некоторые особенности, неизвестные за пределами России, они отнюдь не были недостатками, а были просто механизмами, необходимыми для существования в социальных условиях России. Причем подобные расхождения обнаруживаются между гражданскими и уголовными кодексами Франции, Германии, Италии и кодексами, законодательными актами и общим правом англо-саксонских стран. В отличие от англо-саксонского права, которое до сих пор остается не кодифицированным и по-прежнему сильно зависит от взглядов и настроений судьи, российское законодательство было кодифицировано уже давно и трудами Сперанского было основательно реформировано в начале XIX в. Впоследствии время от времени оно в некоторых частностях пересматривалось, чтобы соответствовать изменившимся условиям и учитывать результаты большинства реформ (таких как процедура суда над несовершеннолетними и применение воспитательных мер для заключенных), которые проводились в западных странах.

Уголовный кодекс Советской России, принятый в 1926 г., во время разрушительного периода революции, как собственно и отправление правосудия, соответствующего этой системе, напротив, представляет собой значительный регресс в сторону варварства^{6*}. Число преступлений, караемых смертной казнью (официально именуемой в советском кодексе «высшей мерой наказания»), чрезвычайно возросло по сравнению с дореволюционным кодексом, как и тяжесть назначаемых наказаний, а многие вполне безобидные социальные действия были объявлены преступлениями. На деле советское «правосудие» того време-

---

³ Довольно ярким явлением в этой связи было крайне небольшое число случаев смертной казни в России в обычные годы. В период 1881–1905 гг. среднегодовое число казненных составило от 9,6 до 18,6 – цифра, которую зачастую превышали многие отдельные штаты США. Количество их резко возросло во время революции 1905–1908 гг. и после 1917 г., достигнув в 1918–1922 гг. фантастической цифры – примерно 150 000 в год. Но такое увеличение характерно для всех стран в подобных чрезвычайных ситуациях. Распространение за рубежом ложной информации о якобы жестокостях царизма в конце XIX и в первые годы XX в. объясняется в первую очередь русской революционной пропагандой. Исходя из моего опыта работы в качестве университетского профессора уголовного и процессуального права и в качестве заключенного (трижды) при старом режиме, я считаю, что главный порок умирающей системы Романовых заключался не в ее жестокости (которой было сравнительно мало), но, скорее всего, в ее бездарности и бессилии – даже импотенции.

ни было одним из самых жестоких во всей истории пенологии: оно отмечено беспорядочным истреблением не менее 600 000 человек только за 1918–1922 гг. Однако подобная кровожадность характерна для всех больших революций, начиная с самых ранних, письменно зафиксированных революций в Египте (ок. 2500 до н. э.), Древней Греции и Риме и заканчивая внутренними потрясениями современной Европы. После прохождения советской революцией разрушительной фазы появилась прогрессивная тенденция к восстановлению системы судопроизводства, имеющего некое подобие подлинной справедливости^{7*}.

Поскольку я изучал право, я знаю, что как бы хорошо ни выглядела на бумаге судебно-правовая система, ее достоинства в значительной степени могут быть сведены на нет тем, как ее применяют на практике представители этой системы, а именно судьи, адвокаты и прокуроры. Поэтому возникает вопрос: какого рода судьи, адвокаты и прокуроры были в дореволюционной России? После судебной реформы 1861 г. они были одними из лучших в мире. Как и в случае с земством, работавшие в этой системе представляли собой редкое сочетание подлинного идеализма, отличной профессиональной подготовки и глубокого чувства практического реализма. Воодушевленные желанием сделать свою судебную социальную службу как можно более справедливой и эффективной, рядовые российские судьи, прокуроры и адвокаты в период с 1861 по 1917 г. руководствовались такими высокими стандартами, как американский Верховный суд или лучшие представители английского судопроизводства. Российское судопроизводство того периода было не только компетентным, но и явно гуманным и идеалистичным. Коррупция, взяточничество, циничное манипулирование юридическими тонкостями, пристрастность и другие пороки были сведены к минимуму⁴.

Высокие качества личного состава были связаны, я думаю, с идеалистическим *élan*^{8*}, охватившим российское общество в период знаменитых реформ 1860-х гг. Его компетентность была обусловлена хорошей подготовкой будущих юристов в университетах. Это обучение (которое автор сам прошел, изучая право) было столь же основательным, как и у студентов в американских юридических школах, и гораздо более широким по сфере применения. В последних общей теории права, истории права (в том числе римскому праву), сравнительному правоведению и целому ряду других фундаментальных дисциплин уделяется гораздо меньше внимания по сравнению с учебным планом юридических факультетов российских университетов. В дополнение к этой солидной теоретической подготовке будущие русские юристы (судьи, адвокаты и прокуроры) должны были пройти длительное практическое обучение, аналогичное тому, что

⁴ Это обобщение, строго говоря, относится к обычным судам, а не к административным наказаниям, выносимым представителями центральной власти, особенно в отношении политических преступников. Управленческий аппарат и сотрудники полиции и жандармерии были почти насквозь коррумпированы.

проходят врачи, прежде чем они будут полностью подготовлены к выполнению своих судебных и правовых функций. Наконец, все кандидаты подвергались серьезным испытаниям, касавшимся не только их профессиональных знаний, но и личной честности и общей подготовки. Все эти факторы обеспечивали очень высокий уровень правовой системы России на протяжении рассматриваемого периода.

Система была столь же подлинно демократичной, как и любая тесно приближающаяся к английской системе. *Мировые судьи избирались*, как в Англии и Соединенных Штатах, но только из числа лиц, обладавших необходимой юридической подготовкой и высокими нравственными качествами. Судьи высшей инстанции, включая Сенат (орган, аналогичный Верховному Суду Соединенных Штатов), назначались из числа кандидатов, не только имевших лучшую подготовку, но и рекомендованных адвокатурой и наиболее авторитетными судьями, как лица, обладавшие всеми необходимыми качествами. Их назначение, как и назначение английских судей и судей нашего Верховного Суда, было пожизненным, их нельзя было уволить, кроме как за преступление и другие проступки, несовместимые с их высоким званием. Это обеспечивало их независимость от правительства, политических партий, экономического давления и других факторов, которые часто мешают судье надлежащим образом исполнять свои обязанности. Во всех этих отношениях судьи высших категорий имели статус, очень похожий на статус английских судей и судей Верховного Суда Соединенных Штатов. В целом, суды в России были более свободны от политического давления, чем суды в США, за исключением Верховного Суда.

Наконец, *все серьезные правонарушения (или уголовные преступления) в России, как и в США, рассматривал суд присяжных*, выбираемых, как и в Соединенных Штатах, демократическим путем. Присяжные решали вопрос о виновности, судья определял лишь меру и степень наказания, если подсудимого признавали виновным. Кроме того, свобода действий у судьи была меньше, чем в Соединенных Штатах, поскольку российский Уголовный кодекс четко определял минимальное и максимальное наказание и содержал перечень почти всех основных отягчающих и смягчающих обстоятельств. Кроме того, в случае тяжкого преступления наказание определялось не одним судьей, а *тремя или бóльшим количеством* (как в Верховном Суде США).

В общем, и в уголовных, и в гражданских делах население России, в том числе представители беднейших классов, имело столь же большие, как и в США, шансы добиться справедливости, а судья исполнял свои обязанности столь же честно и добросовестно, как в любой другой стране.

Вышеприведенные факты демонстрируют абсурдность сложившегося за рубежом мнения о российской дореволюционной юридической и судебной системе. Хотя в первые годы революции этот замечательный институт был разрушен,

будучи вытеснен деспотичной и кровавой коммунистической псевдоправовой системой, тем не менее, как я уже отмечал, такой всплеск варварства под влиянием серьезной революции свойствен не одной только России. Возвращение к дореволюционной системе правосудия уже просматривается, и эта тенденция будет продолжаться, пока это драгоценное наследие русской культуры не восстановится полностью если не на бумаге, то, по крайней мере, по своему духу и своей сущности.

5. Русская аристократия и буржуазия (или средние классы)

Среди иностранцев распространено мнение о том, что высший и средние классы России были кастами, или чем-то вроде орденов, закрытыми для родившихся в низших классах, и поэтому крайне недемократичными. Такое представление ошибочно, особенно если речь идет о периоде после реформ 1861 г.

Что касается аристократии, то я уже указывал, что с точки зрения национальных и этнических групп она всегда была менее замкнутой, чем в западных странах. То же, по существу, можно сказать и о проникновении в нее представителей низших классов населения. Указ Петра Великого о так называемой Табели о рангах^{9*} сделал ее еще более открытой, чем английская или американская аристократия. Табель о рангах разделила свободное население на 14 классов и в качестве основы для продвижения по службе выдвинула критерий *индивидуальных способностей и достижений, независимо от расы, места рождения, социального статуса и любых других условий*. Процитируем русского историка (Платонова): «Все нижние чины – как знатные, так и незнатные, как из служилых семей, так и из простонародья – одинаково могли дослуживаться до высших чинов и занимать высшие должности. Порядок такой выслуги был точно определен “Табелью о рангах” (1722). В этой табели все офицерские, канцелярские и высшие государственные должности были распределены на 14 рангов, или “чинов”... Начало личной выслуги окончательно восторжествовало здесь над “породою”, началом знатности»^{10*}. После этого революционного указа знать и аристократия все меньше и меньше определялись кровью и сословием и все больше и больше становились слоем способных государственных чиновников, набираемых из всех классов. Например, сын крестьянина или ремесленника, который окончил университет, переставал быть крестьянином или рабочим и автоматически становился «благородным». То же можно сказать и о многих других возможностях продвижения из рядов низших классов. Во всех этих отношениях российское дворянство, в том числе и на высших его уровнях, было более от-

крыто для талантливых представителей низших классов, чем даже английская знать и аристократия. Если проанализировать родословные российского дворянства в существующем до революции виде и социальное происхождение высших правительственных чиновников XIX и начала XX в., то обнаружится, что лишь небольшая доля дворян имели глубокие аристократические корни, большинство дворянства составляли семьи или отдельные лица, имевшие только одно или два поколения – а то и ни одного – благородных предков. Этот процесс развивался ускоренными темпами по мере перехода от XVIII к XX в. С точки зрения аристократии по заслугам русская аристократия была, по крайней мере, столь же демократична, как и в большинстве западных стран, если не больше.

Наряду с этим явлением на протяжении XIX и в начале XX в. привилегии и богатства аристократии и знати стремительно уменьшались. Освобождение крепостных нанесло высшим классам тяжелый удар. В дальнейшем основной источник богатства знати (земля) стал стремительно переходить в руки крестьянства и других сословий, так что накануне революции только от 8 до 10% всех обрабатываемых земель оставалось в ее руках. Постепенно благодаря обеспечению всех граждан равными правами и росту состоятельности буржуазии аристократия утратила и остальные привилегии. Революция застала дворянство обедневшим и относительно бессильным, игравшим гораздо более скромную роль, чем новая буржуазия. Фактически она уже дышала на ладан – была лишь тенью бывшей себя. Революция, таким образом, произвела лишь *coup de grâce*^{11*}.

Что касается буржуазии, или среднего класса, в дореволюционной России, то, несмотря на интенсивное количественное и качественное развитие после 1861 г., к моменту начала революции она, к сожалению, не стала численно одним из самых мощных классов в государстве. Поэтому она не смогла сдержать революцию. Однако с качественной точки зрения развивающаяся буржуазия, особенно специалисты, обнаружила все положительные качества: энергичность, инициативность, трудолюбие, общественное служение, социальная ответственность и талант.

Российские деловые круги конца XIX – начала XX в. очень похожи на предпринимчивых американских бизнесменов недавнего прошлого, таких создателей промышленных и финансовых империй, как Карнеги, Рокфеллеры и др. Этому классу Россия во многом обязана стремительным ростом промышленности и своих ресурсов, которые, как мы увидим, выросли в четыре раза в течение короткого периода с 1890 по 1913 г. (увеличившись с 1,5 млрд руб. в 1890 г. до 6 млрд руб. в 1913 г.), что отразилось на росте уровня жизни. Благодаря этому же классу, одержимому духом общественной благотворительности и щедрости, возникли различные частные университеты и школы, социальные учреждения: научно-исследовательские институты, музеи, драматические и

оперные театры и другие художественные объединения, различные религиозные и благотворительные учреждения, а также газеты и журналы и даже революционные движения. Либеральная, социал-демократическая, социал-революционная и коммунистическая партии и их лидеры получали существенную финансовую поддержку со стороны новой российской буржуазии, прогрессизм и либерализм которой проявился и в создании собственных политических партий, например, партии «конституционных демократов» и «трудовой партии». После 1905 г., хотя буржуазия составляла лишь небольшую долю от общей численности населения, ее растущее влияние выразилось в том, что в первой Думе, или парламенте, ее представители сформировали одну из сильнейших фракций, а во второй и третьей Думе они уже претендовали на осуществление контроля.

Подведем итоги. Экономически, социально, политически, культурно и психологически русская буржуазия была очень похожа на американские деловые круги. Что касается других элементов среднего класса, особенно интеллигенции и профессиональных групп, то их талант, способности, техническая грамотность и глубокий дух идеализма и социального служения хорошо известны даже за пределами России. Русских художников, музыкантов, писателей, журналистов, ученых, педагогов и преподавателей, врачей, юристов, инженеров, изобретателей и т. д. справедливо почитали и ценили даже за рубежом. Русский термин «интеллигенция» фактически стал синонимом группы высокоинтеллектуальных, хорошо обученных и компетентных специалистов, обладающих высокоморальным, социально выраженным и альтруистическим духом общественного служения – символом демократически устремленного духа.

Единственным недостатком российского профессионального класса была его немногочисленность. В силу этого он, как класс предпринимателей, не смог противостоять наиболее деструктивной деятельности на первом этапе революции. Пытаясь предотвратить терроризм и зверство коммунистического правления, он в значительной своей части погиб, будучи казнен, заключен в тюрьму, изгнан или лишен принадлежавших ему средств существования. Он добросовестно выполнял свой долг. Если он не смог полностью выполнить свою задачу, то это объясняется просто превосходящими силами противника, с которым ему пришлось бороться.

Таким образом, социальная структура и институты дореволюционной России были столь же демократичны, как в большинстве западных стран. Нам остается рассмотреть центральное правительство, или царский режим, и выяснить, был ли он действительно чем-то восточным по своему абсолютизму и самодержавию. Результаты окажутся поучительными и познавательными.

6. Центральная власть в России

Основные этапы эволюции центральной власти можно обрисовать следующим образом.

Политическая организация русских княжеств и республик до татарского нашествия – с IX по XIII в. – была столь же демократической, как в любой европейской стране. Некоторые княжества, такие как Новгородское и Псковское, имели явно республиканское правление с демократической системой народного вече, несколько напоминающей муниципальное самоуправление колониальной Америки. Другие княжества хотя и не были республиками, не были ни монархиями, ни автократиями. Их правитель в большинстве случаев был своего рода наемным «управляющим княжества» (вроде наших «сити-менеджеров»), на которого возлагались оборона (в первую очередь) и ряд других административных функций, которого нанимали и деятельность которого оплачивали граждане княжества. Другими словами, князь был выборным, и его статус был чисто договорным. Единственным ограничением свободы этого договора было то, что правитель должен был выбираться из числа потомков семьи первого русского князя Рюрика, нормандца, добровольно приглашенного народом. Все важные дела такого княжества решались на вече, т. е. на собрании полноправных граждан. Таким образом, ни один из князей не был настоящим монархом и еще менее – самодержцем.

Иногда некоторым князьям удавалось играть роль почти самодержавных правителей, но таковой их власть оказывалась скорее *de facto*, чем *de jure*, и объяснялась она или их исключительными способностями и заслугами, или удачными происками (как и власть некоторых современных заправил Таммани-холла^{12*}). Еще важнее то, что князья и другие представители власти правили не произвольно, а в соответствии с нормами, закрепленными в правовых актах. Уже в первой половине XI в. Киевское княжество приняло кодекс, известный под названием «Русская правда», гуманный характер которого далеко опережал свое время по сравнению почти со всеми современными ему европейскими кодексами. «Русская правда» не предусматривала смертной казни, и в ее статьях практически не было жестоких наказаний, столь печально известных по карательному праву европейских стран. Почти все наказания, предусматриваемые в «Русской правде», ограничивались денежными штрафами. Аналогичные постановления были приняты и в других княжествах. В целом в период до татарского нашествия Киев и другие ведущие русские княжества и республики были во всех отношениях так же развиты, как практически любая европейская страна того времени.

Татарское нашествие и порабощение Руси привели к глубоким изменениям (особенно к концу татарского ига, которое длилось около 250 лет), связанным

с борьбой Московского княжества за освобождение от этого господства. Задача освобождения, начатого под руководством Московского княжества, была сложной и практически невыполнимой. Чтобы ее осуществить, необходима была жесткая централизация власти Москвы и ее самодержавное правление: любая война требует абсолютно централизованной, самодержавной военной власти – иерархии во главе с главнокомандующим, охватывающей каждого гражданина и солдата. Как во всех демократических странах нынешняя война^{13*} привела к заметной централизации власти, значительному расширению бюрократической регламентации, регулирования и контроля, так и долгая и отчаянная борьба Руси за освобождение от татарского ига, защита своего национального бытия от вторжений других – азиатских, а также европейских народов (поляков, шведов и немцев) – неизбежно вели к централизации власти, насколько это касалось внешней формы ее политического режима. Начавшись примерно с правления Ивана III, этот процесс достиг своей кульминации в конце XVIII в.

Однако, чтобы увидеть это явление в его истинном свете, следует иметь в виду два важных факта. Во-первых, даже в этот период абсолютизм царской России был далек от завершения, все необходимые элементы представительного правления по-прежнему существовали. Во-вторых, Россия не была исключением из общего правила, в эти же столетия аналогичный процесс происходил практически во всех европейских странах. Начиная с XIV в. и почти до Французской революции подобное ужесточение национальной политики – часто гораздо более радикальное – происходило по всей Европе, достигнув своего апогея в большинстве стран в течение XVI, XVII и XVIII вв. Но если у России, ведущей борьбу за освобождение, была реальная причина для таких преобразований, то у большинства европейских стран подобного оправдания не было: они не были поработены и не испытывали угрозы со стороны татар или других азиатских народов, безжалостные удары которых в основном приняла на себя Россия. Более того, даже в московский период власть царя была отнюдь не абсолютной. *Царская власть никогда не была самоуправной и всегда определялась и ограничивалась законом.* После кодификации права в 1550 г. последовал 1649 г., когда был принят полный свод законов, известный под названием «Уложение царя Алексея Михайловича». Этот свод был столь же всеобъемлющим и прогрессивным, как и любой другой кодекс, существовавший тогда в Европе. Власть царя была ограничена не только законом, но и другим гораздо более эффективным и демократичным по своему характеру способом. Все важные указы и правительственные решения московского царя должны были получить одобрение двух представительных органов – Земского собора и Боярской думы. Земский собор был общим собранием представителей основных свободных сословий, очень похожим по характеру на английский парламент и особенно на французские Генеральные штаты^{14*}. Он созывался довольно регулярно, через определенные

промежутки времени, и играл во многом решающую роль. Боярская дума была своеобразным тайным советом, состоявшим из представителей ведущих аристократических (боярских) семей и напоминавшим тайные советы в Европе. Свидетель того времени Котошихин писал: «царь... хотя “самодержцем” писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»^{15*}. Этот совет был постоянно действовавшим органом, функционировавшим не с перерывами, как народный Собор, а постоянно.

Таким образом, царский режим Московского государства был таким же демократическим, как практически любой монархический режим в Европе того времени. Правитель должен был решать все политические вопросы, советуясь с Собором или тайным советом (Думой) или с ними обоими. В Соборе и Думе нашло свое продолжение демократическое древнерусское вече, хотя и в гораздо меньших масштабах.

После воцарения Петра I эти институты были отменены, будучи вытесненными почти неограниченным «просвещенным абсолютизмом», похожим на абсолютизм Фридриха Великого, Людовика XIV и других европейских монархов. В данном случае, как и во многих других, подражание европейским образцам оказало России сомнительную услугу, приведя к отмене добротных местных институтов и замене их импортными. Однако даже в XVII и XVIII вв. некоторые ограничения царского произвола продолжали существовать, а именно: свод законов, Сенат и – позднее – дворянские собрания. Единственное реальное различие между Россией и некоторыми из самых «демократических» стран Европы состояло в том, что официальная замена формально самодержавной монархии монархией конституционной произошла в России на несколько десятилетий позже, чем в Англии, Франции, Германии и Австрии. После принятия Конституции 1906 г. Россия законодательно и фактически стала конституционной монархией – более конституционной, чем, например, Германия или Австрия. В 1917 г. монархия была упразднена и на смену ей пришла федерация республик.

Приведенный выше очерк показывает полнейшую ошибочность мнения о так называемом царском самодержавии как о чем-то уникальном, лишенном каких-либо демократических или представительных элементов. В целом политическая система России с IX по XX в. была практически столь же демократической, как государственная власть в большинстве европейских стран. Следовательно, отнесение ее к разряду восточной деспотии есть миф. Более того, основные изменения, которые она претерпела (несмотря на татарское иго и отчаянную борьбу за существование русской нации) в течение всех этих столетий, были очень похожи на те изменения, которые происходили в государственном устройстве стран Запада. Далее, непосредственное влияние Европы в определенные периоды, например, во времена правления Петра Великого и его преемников, на самом деле способствовало ослаблению представительных институтов

Московского царства и укреплению царского самодержавия. Особенно это касается немецкого влияния: засилье выходцев из Курляндии, Голштинии, Кобурга и Брауншвейга, которые подражали самодержавию Фридриха Великого, является практически самой жестокой, самой деспотической и самой бесплодной главой во всей истории Российского государства.

В заключение можно с уверенностью сказать, что вопреки современным зарубежным мнениям фундаментальная социальная структура России всегда была столь же демократической, как и в европейских странах. Что касается некоторых институтов России, то они фактически были более демократическими, чем в большинстве стран Запада. Даже центральное правительство до революции было очень похоже на правительства европейских народов. Наконец, сравнение основных социальных институтов России и Соединенных Штатов свидетельствует о том, что моменты их сходства были более многочисленны и значительны, чем различия, и что, следовательно, оба государства в целом похожи друг на друга.

Глава пятая

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ

---

1. Русское православие и другие религии

Преобладающее (особенно после революции) за границей мнение о Русской православной церкви, духовенстве и религии в целом, как и многие другие представления о стране, не только совершенно недостоверны, но попросту нелепы. Состряпанные коммунистической пропагандой с целью оправдать воинствующий атеизм власти и жестокие гонения на христианство и другие вероисповедания во время разрушительного периода революции, эти представления рисуют русское православие как примитивное нагромождение невежества, предрассудков и суеверий, облаченных в одеяния, свойственные восточной обрядности, духовенство – как нечистую помесь магов, колдунов, фокусников и эксплуататоров, а культурную роль церкви – как «опиум для народа»^{1*}, основная социальная функция которой заключается в поддержке самодержавной царской власти, чтобы эксплуатировать массы и держать их в повиновении. Кроме того, утверждается, что православная церковь вместе с правительством беспощадно подавляла все другие религии. Проникнувшись такими представлениями, широкие круги за пределами России, в том числе часть христианского духовенства, считали и считают, что коммунистическая антирелигиозная политика не лишена оснований.

Вряд ли есть необходимость говорить об ошибочности подобного мнения. Рассмотрим социокультурную роль Русской православной церкви, а также истинное положение других вероисповеданий (христианских и нехристианских) в России.

1. Благодаря достаточно тесным контактам славянских племен с Византией и Болгарией, христианство начинает проникать в Россию еще в IX и X вв.

2. В X в. его влияние стало настолько сильным, что в 988 г. представители власти, дружина и знать Киевского княжества приняли христианство, после чего рядовые жители Киевского и других княжеств тоже были обращены в христианство (частично, конечно, посредством принуждения). Со временем оно стало официальной (т. е. государственной) религией. Этот шаг, однако, был

сделан не поспешно или необдуманно, а после довольно продолжительного изучения и сравнения относительных достоинств иудейской, мусульманской и «латинской» религий. Сначала их представители были приглашены ко двору князем Владимиром, где они защищали каждый свою религию, после чего в Византию и другие центры была отправлена делегация «мудрецов», чтобы узнать о них из первых рук. Только после детального изучения каждой из религий окончательно было принято христианство византийско-болгарского образца^{2*}.

3. В то время греческая форма христианства ни теологически, ни формально еще не отличалась так резко от «латинской» формы, укоренившейся в Риме. Догматические разногласия имели второстепенное значение, основные расхождения касались социально-психологических факторов и борьбы за власть. Константинополь (или Византий) был в то время прямым наследником греко-римской культуры, одним из центров христианства, столицей фактически самой могущественной империи в христианском мире и самым прекрасным городом на всем Западе, намного превосходящим Рим в области изобразительного искусства, науки, философии, права и т. д. Кроме того, византийская религия вышла из борьбы с «иконоборчеством»^{3*} окрепшей и возмужавшей. С учетом всех этих обстоятельств выбор Руси был понятным и разумным со многих точек зрения. Он дал языческой Руси не только полностью развитую форму христианства, но и образованных греческих священников, миссионеров и т. д., ставших ее первыми религиозными учителями и представителями духовенства. Византия поставляла, кроме того, художников, архитекторов и других мастеров, необходимых для возведения и украшения церквей и зданий духовных учебных заведений, больниц, приютов, богаделен и других аналогичных учреждений. Кроме того, Византия направила на Русь ученых книжников, которые перевели и записали наиболее важные из существовавших религиозных книг, в том числе Священное Писание и Номоканон, или византийский кодекс канонического права.

4. Благодаря быстрому распространению, византийское христианство (которому суждено было обречь до степени неразличимости) почти сразу же стало одной из основных сил исторического развития российского государства, общества, русской культуры и неотъемлемой частью психологии русского народа, понять которую без учета этого влияния почти невозможно. Влияние принятия христианской религии обычно иллюстрируется поразительными изменениями, произошедшими в характере князя Владимира (или святого Владимира), который и ввел христианство на Руси, и его ближайших преемников. Чрезвычайно сластолюбивый, жестокий и воинственный от природы, он после своего обращения стал настолько мягким, что, восприняв библейскую заповедь «не убий», не решался наказывать даже преступников. В духе христианского милосердия он приказал, чтобы на княжеский двор всегда был открыт доступ бедным и обездоленным, которых следовало кормить и обихаживать, а тех, кто не мог прийти,

нужно было обеспечивать едой и другими предметами первой необходимости. Он развернул строительство церквей, детских приютов, церковных школ и т. д. Знаменитый свод законов «Русская правда», принятый его преемником князем Ярославом Мудрым (1016–1054), отменил смертную казнь и пытки за все виды преступлений, заменив их наказаниями в виде денежных штрафов. Следующий выдающийся князь Владимир Мономах (1113–1125) и своим образом жизни, и своим «Поучением», обращенным к его наследникам, являет чудесную метаморфозу, в результате которой языческий скандинавский воин, который высмеивал христианство как то, что годится только для слабых женщин, превратился в кроткого и смиренного последователя Назарянина. «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескучную – это ведь начало всякого добра»; «Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей»; «Не давайте сильным губить человека»; «Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти»; «Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего»; «Пусть не застанет вас солнце в постели... на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: “Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой дивный!” И еще: “Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаявшись, исправил жизнь свою”; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям...»^{4*}. Вряд ли можно представить себе больший контраст с дохристианским воином-язычником!

Раннее русское христианство проявлялось не только в проповеди и богослужении, но и в принципиальном изменении характера народа, его институтов и культуры. Благодаря христианству на Руси появились первые школы, первый свод законов, возникли церковные и гражданские суды для решения нравственных и религиозных вопросов, улучшилась семейная жизнь и возрос общий уровень морали, церковь поощряла благотворительность и систему социального обеспечения, она противостояла тяжелым формам рабства и крепостного права и пыталась облегчить их, сформировала иерархический принцип социальной стратификации и дифференциации, переводила и распространяла первые книги, поощряла изящные искусства – литературу, живопись, архитектуру и музыку – и заложила основы русской философии и мировоззрения. Одним словом, ее религиозное, нравственное, социальное и культурное воздействие было колоссальным.

5. На протяжении всей последующей истории России христианская церковь служила народу и в радости, и в горе. Ее роль была особенно благотворной

в периоды трагических кризисов, когда независимость и само существование нации оказывались под вопросом, как это было во времена татарского нашествия, набегов турок, поляков, шведов и немцев, при нападении Наполеона и гитлеровских полчищ, и в тяжкие периоды внутренней анархии, такие как Смутное время в начале XVII в. Без служения церкви вряд ли удалось бы России пережить некоторые из этих кризисов.

С учетом этих разнообразных и жизненно важных функций, исполняемых Русской православной церковью, она, вероятно, играла более важную роль, чем любая другая христианская церковь в большинстве европейских стран. Как я уже говорил, она стала почти тождественна русской нации. Без нее структура российского общества и культуры была столь же бесформенной и непонятной, как непонятны были бы общество и культура средневековой Европы без римского католицизма. Поэтому абсурдно представление о русской церковной системе как о бремени, искусственно навязанном народу.

Кроме того, это отождествление государственной религии с национальной душой объясняет ту исключительную роль, какую она играла в социальной и культурной жизни России до революции, а также то все возрастающее значение, которое стали ей придавать после окончания деструктивной фазы революции. Мы уже видели, что Россия почти не знала расовой или этнической дискриминации. Если некоторые группы, такие как евреи, поляки или язычники, подвергались дискриминации, то это было обусловлено не их расовой или национальной принадлежностью, а их религией, и как только они принимали русское православие, все ограничения их прав и привилегий автоматически снимались.

Этим же объясняется и то несколько привилегированное положение, какое занимала Русская православная церковь (особенно в сравнении с нехристианскими сектами) до начала XX в. Однако это привилегированное положение не влекло за собой подавление и тем более преследование других вероисповеданий в дореволюционной России. По сути, ее положение не очень отличается, например, от примата англиканской церкви над другими религиозными конфессиями Англии, и, конечно же, ее влияние не было столь велико, как, скажем, исключительное влияние, каким пользовалась господствующая церковная фракция в колониальном Массачусетсе. Все христианские конфессии, равно как иудаизм, мусульманство и многие языческие религии, были разрешены и открыто осуществляли свою деятельность. Более того, именно государство выплачивало большую часть жалования римско-католическому и протестантскому духовенству. Были запрещены только секты, считавшиеся антиобщественными, как, например, хлысты, радения которых сопровождались сексуальными оргиями, или скопцы, практиковавшие калечение половых органов. Вполне естественно, что правительство должно было поощрять обращение в православную веру и,

наоборот, с неодобрением относиться к присоединению бывших членов государственной церкви к другим религиям. Но что касается препятствий, чинимых обращению в другие религии со стороны закона, то они действовали лишь косвенно, в том смысле, что обращенный терял некоторые привилегии, которыми он пользовался как член православной церкви. Эти ограничения (существовавшие по большей части *de facto*, а не *de jure*) впоследствии были отменены конституцией и реформами 1906 г. и последующих лет.

Наконец, в истории русской государственной церкви гораздо меньше широкомасштабных религиозных войн и преследований, чем в анналах римско-католической церкви и даже некоторых протестантских конфессий (прежде всего кальвинизма). В отношении «еретиков» и неверующих православие не проявляло ничего похожего на жестокость инквизиции (с XII по XVI в.), безжалостные войны против альбигойцев и гугенотов^{5*} или массовую резню во время Варфоломеевской ночи^{6*}.

Не считая насильственных мер, применяемых киевским правительством после принятия христианства, практически единственным историческим примером серьезной религиозной розни является яростное столкновение между двумя соперничавшими внутри русской церкви фракциями, а именно между так называемыми «староверами» и «никонианцами» во время правления царя Алексея Михайловича (1645–1676). Реформы, проведенные патриархом Никоном, затрагивавшие такие вопросы, как точный текст Писания, правильное написание имени Иисуса, замена восьмиконечного креста на двоечастный (четырёхкрестный), усиление власти патриарха за счет власти царя и т. д., натолкнулись на упорное сопротивление. Это противостояние в ряде случаев привело к гонениям на «староверов» со стороны государства. Некоторые из них были брошены в тюрьмы, другие изгнаны, а публичное отправление их обрядов было запрещено. Некоторые из числа особо стойких зашли так далеко, что принимали мученическую смерть, сжигая себя заживо в развалинах своих церквей, обреченных правительством на закрытие или снос. Но, несмотря на его остроту, этот конфликт был лишь внутренней распрей, а не борьбой между русскими и нерусскими формами христианства.

2. Богословско-философские аспекты русского православия

В богословском, философском, моральном и социальном аспектах православие во многом отличается от католицизма и протестантизма, но ни одно из этих различий не дает оснований утверждать, что русский тип христианства уступает той или иной из этих основных христианских конфессий.

По своему богословию и обрядам православие очень похоже на так называемую Высокую Церковь в протестантской епископальной религии, и они действительно настолько родственны, что их службы могут легко заменять друг друга. С богословской точки зрения основное отличие восточного христианства (в том числе и русской церкви) от римского католицизма связано с известным догматом «филиокове», входящим в состав римско-католического символа веры, т. е. вопросом, исходит ли Святой Дух только от Бога-Отца, как утверждает восточная церковь, или же и от Бога-Сына (*filioque*)^{7*}, на чем настаивает римско-католическая церковь. Это различие, как известно, стало яблоком раздора и привело к окончательному расколу христианства (1054) на восточную и западную ветви.

По своему духу и философии Русская православная церковь занимает промежуточное положение между католицизмом и протестантизмом. Конечно, очень сложно в двух словах достоверно передать «душу» любой великой религии. Но существенные различия между «душами» этих трех ветвей христианства, как они понимались самыми видными русскими богословами, религиозными мыслителями и философами, такими как В. Соловьев и Ф.М. Достоевский, можно суммировать следующим образом. Русская религия менее догматична и авторитарна, чем католицизм, но в большей степени авторитарна и догматична, чем протестантизм. Иерархический принцип в русской церкви развит гораздо сильнее, чем в большинстве протестантских деноминаций, но в меньшей степени, чем в римской церкви. Патриарх никогда не обладал такой властью, как папа, и никогда не утверждал ни своего превосходства над другими патриархами, ни своей непогрешимости, как Папа Римский. Русский патриарх в ряду высших иерархов русской церкви был просто *primus inter pares*^{8*}. Видным русским мыслителям, например Достоевскому, католичество как религиозно-политическая система представлялось великолепным механизмом, утратившим в значительной степени живой дух Иисуса. Протестантизм впечатлял их главным образом как протест против католицизма – негативное явление, которое не может ни процветать, ни даже существовать без объекта своего протеста. В очерке «Три идеи» и в «Легенде о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» Достоевский рисует поразительную картину римско-католической, протестантской и русской церкви. Согласно концепции Достоевского, как и других ведущих российских религиозных и философских мыслителей, русская церковь занимает среднюю позицию: она в гораздо меньшей степени, чем римская церковь, представляет собой механизм и гораздо менее глубоко проникнута духом протеста, чем протестантские конфессии. Точно так же она менее формальна, чем католическая система, и более формальна, чем протестантизм. Она предоставляет больший простор человеческому разуму, опыту и интуиции в религии и этике, чем католицизм, но меньший, чем многие протестантские конфессии. Она не требует без-

условного и беспрекословного принятия решений церковных властей, как этого требует римский католицизм, что открывает гораздо большие границы автономии ищущего ума верующего, но не оставляет проблемы всецело на усмотрение ума или наитие индивида, как это делают некоторые протестантские конфессии. Она более уютна и сердечна, менее холодно-рациональна и авторитарна, чем католицизм, но менее «анархична» и «стихийно вдохновенна», чем протестантизм. Она особо подчеркивает свободный, спонтанный, всеобъемлющий характер любви Бога к человеку и человека к Богу, а не беспрекословное подчинение распоряжениям власти, как в римском католичестве и кальвинизме, или утилитарную свободу, что характерно для большинства протестантских сект.

По словам Достоевского, католицизм сделал три главные силы основой своего учения и существования, а именно: авторитет, тайну (или догмат) и чудо. Его Великий инквизитор упрекает Иисуса за то, что Он отверг эти силы, когда Его искушал в пустыне Великий Дух. Ради счастья человечества, говорит инквизитор, мы приняли их все. «Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг... мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными... дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей»^{9*}.

Кроме того, продолжает инквизитор, мы приняли от Великого искусителя тайное учение об авторитете, которому все люди должны слепо подчиняться, потому что это абсолютно необходимо для их счастья и в этом смысле весьма полезно. То же самое касается утилитарного «чуда» с превращением камней в хлеба, который Иисус отказался выполнять, когда Великий искуситель побуждал его это сделать. «Ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и Бога, ибо человек ищет не столько Бога, сколько чудес... Ты не сошел с креста, когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: “Сойди с креста, и уверуем, что это Ты”. Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. [Отказавшись превратить камни в хлебы, как побуждал Великий искуситель.]... Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом...»^{10*}.

Посредством этих и подобных им *преувеличений* Достоевский и другие выдающиеся русские религиозные мыслители выявили ряд существенных различий между русским, римско-католическим и протестантским видами «религиозной души». Принцип цезаризма, безусловно, нашел гораздо меньшее выражение в русской духовной системе, чем в католицизме и кальвинизме. То же самое ка-

сается принципа слепого подчинения догме или эмпирического утилитаризма в области религии.

По своему духу и философии Русская православная церковь гораздо ближе к восточным отцам церкви, таким как Григорий Нисский, Василий Великий, Псевдо-Дионисий, Иоанн Златоуст, чем к святому Августину, а среди западных религиозных мыслителей ей ближе Иоанн Скот Эриугена и святой Франциск Ассизский, чем Фома Аквинский, Кальвин, папа Лев Великий, папа Григорий IX и подобные им выдающиеся деятели римской церкви. Дух мистицизма в ней был столь же силен, как в католицизме, и даже сильнее, чем в протестантизме, но проявлялся менее формально и, следовательно, его проявления были более разнообразны и неортодоксальны, чем в западном католицизме.

Этих пунктов расхождения между русской религией и другими разновидностями христианства достаточно, чтобы увидеть, что первая ни в коем случае не является более примитивной, суеверной или мракобесной, чем вторые. Промежуточное положение, которое «душа» русской религии занимает между полярно противоположными «душами» католицизма и протестантизма, само по себе свидетельствует против такого предположения. Избегая этих двух крайностей, она на многих мыслящих людей производит впечатление религии более уравновешенной и гармоничной, чем католицизм и протестантизм. Изучающий ее древние и сравнительно недавние богословские и философские труды вынужден признать, что по-своему они столь же глубоки, как самые главные римско-католические и протестантские памятники богословской и философской мысли. Среди недавних таких работ труды Сковороды, В. Соловьева, Достоевского, Флоренского (его «Столп и утверждение истины»), Н. Лосского и Н. Бердяева дают достаточно адекватное представление о духе и философии русской религии.

3. Иерархическая организация

Иерархически русская церковь первоначально подчинялась византийской церкви, находясь под юрисдикцией ее патриарха. В сравнительно короткое время, однако, она фактически, а затем и юридически стала независимой от этой юрисдикции. Русский патриарх, избранный уполномоченными представителями русской церкви, стал ее главой (1588). Никогда за всю свою историю русская церковь не находилась под контролем римско-католического престола.

Административная и руководящая роль русского патриарха была огромной, и большинство патриархов выполняли свои обязанности добросовестно и эффективно. Особенно стоит отметить услуги, оказанные России ее патриархами и другими религиозными лидерами в периоды острых кризисов. Будь то сплоче-

ние России в единую нацию, или борьба с внутренними кризисами, или стремление избавить страну от иностранных завоеваний (например, от татарского ига) религиозные лидеры России играли в этом такую же важную роль, как ее великие князья, цари и прочие светские правители. Имена таких настоятелей, как Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Авраамий Палицын, Дионисий, и таких патриархов, как Гермоген, Петр, Алексей, Иона и Филипп, оставили неизгладимый след на страницах истории России. Допатриаршья и патриаршья эпохи в целом носили героический, творческий и демократический характер. Прямо и косвенно церковь была подлинным *Corpus Mysticum*^{11*}. Ее руководители и члены ее клира набирались из всех слоев населения. Иерархия была демократической по духу, тесно связанной с народом и во многом выборной – настоящий собор, или религиозный коллективный орган. Со всех этих точек зрения она была не менее демократична и не более деспотична (если эти термины позволено употреблять применительно к религии и церкви), чем другие христианские религии Запада.

Реформы Петра Великого отменили патриаршество (в 1721 г.) и значительно урезали самостоятельность церкви и ослабили ее роль. Как и другие «просвещенные монархи-реформаторы», он стремился устранить всякое соперничество между церковью и государством и пресечь любые попытки воспрепятствовать реформам, начатым правительством, – одним словом, лишить церковь всякой независимости. Поэтому он упразднил патриаршество, заменив его коллективным патриархом – Синодом, духовной коллегией в составе митрополитов и епископов, исполнявшим высшую церковную власть, и учредил должность обер-прокурора в качестве своего личного представителя для надзора за деятельностью Синода и координации его деятельности с политикой правительства. Объективными результатами этих непродуманных реформ стали, помимо всего прочего, полная потеря церковью независимости в судебной, социальной и экономической сферах, бюрократизация административного аппарата, подчинение церковной иерархии царской власти, частичная утрата стихийно сложившейся общности (по крайней мере в высшем слое иерархии) и замена демократических принципов авторитарными при выборе иерархов и других священнослужителей и в церковной жизни вообще. Живое творческое единство церкви в верхних ее слоях было вытеснено официальной мертвечиной, которую столь решительно осуждал Достоевский.

Однако не стоит преувеличивать эти недостатки, как это недавно делали коммунисты и другие противники русской церковной системы. Хотя петровские реформы кардинально изменили административный механизм в высших слоях общества, они не поменяли коренным образом основной характер русской религии, религиозные устремления, взгляды и убеждения людей и функции рядового

духовенства. Все это, по существу, продолжало функционировать, как и прежде. Церковь по-прежнему оставалась с народом, особенно в самые тяжелые периоды русской истории, в частности, когда делами в государстве заправляла немецкая клика, во время наполеоновского нашествия и т. п. Точно так же и народ оставался с церковью. Поэтому реформам Петра не удалось разорвать узы, связывавшие народ и церковь в единое целое.

4. Упадок религии до революции

Заметные изменения, произошедшие в период с 1721 по 1917 г., были обусловлены не столько вышеупомянутыми реформами, сколько общим изменением социально-культурных условий жизни в России и переменой умонастроения некоторых русских классов. Это изменение «культурного климата» привело к упадку религиозного духа у представителей образованных классов, к заметному снижению авторитета церкви в глазах некоторых слоев населения, ослаблению духовного руководства церкви, ослаблению и бюрократизации религиозных функций у некоторых священников и церковных деятелей и общему снижению творческой роли церкви. «Подчинение русской церкви царизму» было не столь широким и значительным, как утверждали и утверждают клеветники. Как уже отмечалось, обсуждаемый нами упадок был обусловлен более фундаментальными причинами, а именно глубокими изменениями в культуре и умонастроениях российского общества, и подобен тому, что произошел в европейских странах. Этот вывод подтверждается тем фактом, что подобный же упадок наблюдался и в других ветвях христианства на Западе: престиж и решающая роль средневекового христианства здесь тоже снижались начиная с XIV в.

Особенно резким спад религиозного чувства был у представителей образованных классов. Более революционные элементы открыто называли себя неверующими и одинаково враждебно относились к христианству и к нехристианским вероисповеданиям, другие утратили прежний религиозный пыл, некоторые продолжали придерживаться церкви, но только по привычке. Подобный дух иррелигиозности – отмеченный еще большей пошлостью – проник и в другие классы, особенно в среду городского населения. Хотя основная масса крестьянства оставалась внешне религиозной, однако и их благочестие все больше и больше становилось обрядовым, ограничиваясь церемониями, молитвами, службами и другими формально-казенными действиями. Живой дух религии испарялся повсеместно. Во второй половине XIX в. этот процесс получил дополнительный импульс, продолжившись вплоть до 1917 г. Отсюда видно, что антирелигиозная тенденция не была инициирована революцией, а существовала задолго до нее.

5. Церковная реформа и гонения на церковь во время революции

Одним из первых актов революции было провозглашение Временным правительством (во главе с князем Львовым, а затем Керенским) полной свободы вероисповедания. Одновременно церковь и народ получили возможность избавиться ее от раболепства перед государством, т. е. от того положения, в которое ее поставили реформы Петра Великого, отделить ее от государства, восстановить патриаршество вместо бюрократического Синода, ликвидировать все нежелательные черты, которые приобрела церковь, и восстановить героическую и подлинно творческую роль, которую она играла до реформ Петра Великого. Летом 1917 г. Всероссийский Собор, состоявший из должным образом избранных представителей всех верующих, открылся в Москве и единогласно проголосовал за эти и многие другие реформы. Митрополит Тихон, бывший представитель русской церкви в Соединенных Штатах, был избран патриархом. Быстро началось возрождение религии и церкви. Если бы церкви было дано несколько лет для завершения этого перспективного возрождения, то нет никаких сомнений в том, что это стало бы началом новой творческой и героической религиозной эпохи.

Коммунистическая революция пыталась уничтожить религию в целом и Русскую православную церковь в частности. Ее смертоносные атаки были совершены именно в то время, когда русская церковь стала свободной и демократической. Лицемерно провозгласив свободу вероисповедания, коммунистическое правительство с позиции воинствующего атеизма заклеило религию как «опиум для народа» и приступило к безжалостной травле, направленной особенно против православной церкви. В сборнике «Правда о религии в России», официально изданном в 1942 г. Московской Патриархией и состоящем из статей, написанных высокопоставленными российскими святителями, утверждается, что никаких гонений на религию со стороны Советского правительства не было^{12*}. Такое замалчивание со стороны местоблюстителя патриаршего престола Патриарха Московского митрополита Сергия можно оправдать, так как, хотя нынешние условия сильно отличаются от тех, что были во время разрушительной фазы революции, патриарх и церковь в целом до сих пор во власти Советского правительства и, следовательно, вряд ли могут себе позволить быть искренними. При всем уважении к Патриарху Сергию факты гонения на религию в ходе первого этапа революции слишком многочисленны, слишком хорошо известны и неоспоримы, чтобы их можно было опровергнуть даже по заявлению главы русской церкви. Вот несколько из них. Большинство церковных зданий и практически все другие церковные ценности (включая золотые, серебряные и драгоценные обрядовые предметы) были изъяты правительством, несмотря на про-

тест прихожан, которым и принадлежали эти церковные здания и все, что в них находилось. Другие церкви, закрытые в принудительном порядке, были превращены где-то в коммунистические клубы, а где-то в складские помещения и т. д. Вряд ли это можно назвать свободой вероисповедания! Кроме того, под угрозой довольно жестких санкций было запрещено вести религиозное обучение в любой группе лиц, за исключением семьи, где число проходивших такое обучение было бы не больше 5–6 человек. Но даже это не одобрялось и нередко каралось. В те годы, когда самые необходимые средства существования можно было получить только по продовольственным карточкам, священнослужители либо вообще их не получали и поэтому были практически обречены на голодную смерть, или получали карточки, обеспечивавшие минимальный рацион, достаточный лишь для того, чтобы они «не забыли, как пахнет хлеб» (по словам Зиновьева, в то время крупной коммунистической «шишки», впоследствии «вычищенного» и расстрелянного)^{13*}. Это опять-таки не похоже на свободу вероисповедания. Кроме того, религиозные обряды нельзя было исполнять за пределами церковных зданий. Наконец, более тысячи представителей духовенства и религиозно настроенных гражданских лиц были безо всяких на то оснований арестованы и казнены. Официальной причиной казни была лицемерно объявлена «контрреволюционная деятельность». Но, так как чисто религиозные деяния рассматривались (то явно, то неявно) как контрреволюция и так как подавляющее большинство жертв не участвовали в какой-либо реальной контрреволюционной деятельности, лживость официального лицемерия тоже вполне очевидна. Несколько моих коллег по Петроградскому университету и несколько друзей и знакомых были казнены только за активное участие в религиозной деятельности: они не имели ни малейшего касательства к деятельности контрреволюционной. Точной статистики этих жертв нет: во время деструктивного периода революции расстрелы проводились в таком масштабе (по крайней мере 500 тыс. были убиты), что никто не удосужился записать их численность. К жертвам религиозных преследований, которые были казнены, следует отнести по меньшей мере 28 епископов и 1 219 священников, не говоря уже о тысячах рядовых верующих. К этому можно прибавить гораздо большее количество лиц, брошенных в тюрьмы, отправленных в концентрационные лагеря или приговоренных к каторжным работам (и, следовательно, обреченных на медленную смерть).

Учтите также детей и других родственников религиозно настроенных людей, особенно детей священнослужителей, которые пострадали за «грехи отцов». Добавьте к этому лишение верующих гражданских и политических прав. Не забудьте, далее, об атеистической пропаганде, которую вели видные коммунистические деятели, официально санкционированной и финансируемой, в десятках журналов и газет, на страницах которых высмеивали и поносили Бога, Христа,

Богородицу и все главные религиозные ценности в самых несдержанных и зачатую злобных и непристойных выражениях. Имейте в виду, что «воинствующие атеисты» не ограничивались публикациями и речами, но часто нападали на церкви, прерывали службы и открыто совершали кощунственные (с точки зрения истинно верующих) поступки. Под угрозой сурового наказания такой пропаганде и иным мероприятиям невозможно было открыто противостоять: никакая контрпропаганда или иное сопротивление не допускались.

Этих фактов достаточно для того, чтобы показать масштаб осуществляемых коммунистическим режимом на начальном этапе революции гонений на религию. Такой жестокости со стороны противников не знала предшествовавшая история религиозных гонений.

Обрушившиеся на церковь в момент ее возрождения и реконструкции, эти гонения, наряду с другими мерами, имевшими ту же цель, принесли свои плоды: подрастающее поколение, практически лишенное религиозного обучения (особенно в городах), было либо воинственно настроено к религии, либо совершенно равнодушно к ней. Многие взрослые под угрозой наказания и потери тех или иных привилегий утратили почти весь свой религиозный пыл. Сама церковь – и духовенство, и прихожане – раскололась на несколько фракций, включая «живоцерковников»^{14*}, которые сделались раболепными прихвостнями коммунистического правительства, и фракцию тех, кто был радикально настроен против власти (эти группировки, конечно, могли легально существовать только за рубежом, в среде русских эмигрантов). Патриарх Тихон, будучи узником коммунистического правительства, не мог оказать никакого объединяющего влияния: он находился под строжайшим надзором и не мог свободно передвигаться или опубликовать что-либо не санкционированное советскими властями. Таким образом, его голос был совершенно не слышен. В 1925 г. он умер. Его преемник, местоблюститель патриаршего престола¹ митрополит Петр, был вскоре арестован и сослан в Сибирь. В свою очередь его преемник, епископ (затем митрополит) Сергей, проводил политику сотрудничества (в допустимых пределах) с коммунистическим режимом. Такая политика, естественно, оказавшаяся полностью неэффективной во время первого этапа революции, привела местоблюстителя патриаршего престола к утрате авторитета среди многих групп верующих, формальному отказу от своих полномочий в ряде епархий как в России, так

---

¹ Патриарха положено выбирать на Всероссийском съезде законно избранных представителей церкви – как священнослужителей, так и мирян. При советской власти такой собор, или съезд, не мог быть созван; к тому же в любом случае у него не было бы свободы, необходимой для обсуждения. Поэтому после смерти патриарха Тихона не было возможности избрать нового патриарха. Вместо этого был назначен «местоблюститель патриаршего престола» – или, скорее, исполняющий обязанности патриарха. Однако в 1943 г. патриаршество было восстановлено, и патриарший местоблюститель был избран патриархом.

и за рубежом, к административному отделению несколько русских церквей за границей (в Европе вообще, в США, Канаде и других странах) от действующего российского патриархата и другим аналогичным результатам.

Таким образом, единство русской церкви было окончательно разрушено, а ее иерархическая структура претерпела изменения – она оказалась разделенной на несколько фракций. В настоящее время она перестала быть единым *Corpus Mysticum*.

6. Возрождение религии по окончании деструктивного периода революции

Каждый серьезный исследователь великих революций знает, что они уничтожают только те институты, ценности и тенденции, которые уже находились при смерти и в конце концов отмерли бы, даже если бы не было никаких революционных потрясений. Институты, ценности и тенденции, которые еще здоровы, жизнеспособны и прочны, хотя они и могут быть временно разрушены во время деструктивной фазы революции, по окончании этой негативной фазы обязательно возрождаются в очищенной и облагороженной форме, возобновляют дореволюционный курс своего развития и доводят его до логического конца. Их сила, действительно, настолько неодолима, что революция в конечном счете вынуждена признать и поддержать их, заходя при этом так далеко, что возникает впечатление, будто вместо противостояния им она настойчиво стремилась сохранить и сберечь их. Как мы увидим, именно это и произошло со многими основными институтами и ценностями по окончании деструктивной фазы русской революции. Среди них – русская религиозная система.

В 30-е гг. медленно, шаг за шагом начали проявляться изменения в положении русской церкви и религии и в политике правительства в отношении этого института. Несмотря на то что хотя количество религиозно настроенных людей значительно сократилось, стало заметно, что те, кто сохранил свою веру, а также обратившиеся к вере бывшие атеисты проявляли особое религиозное рвение. Очищенное и облагороженное благодаря пережитой национальной трагедии, их религиозное чувство вышло за сравнительно узкие рамки повседневной обрядности и унаследованных традиций и поднялось до величайших высот, предполагающих единение с Богом и Его вечными ценностями и не омраченных никакими мирскими соображениями. Будучи таковым, это чувство окрепло и сделалось неодолимо сильным, всецело овладев душой и телом верующего.

Это преображение затронуло представителей разных классов. Интеллигенция, до сих пор бывшая, возможно, более атеистической или агностической,

чем в какой бы то ни было стране, сделалась в большинстве своем чрезвычайно религиозной. Университетские профессора и представители других профессий, которые до революции едва ли когда произнесли хоть одну проповедь, теперь почувствовали потребность проповедовать перед паствой. Другие представители образованных классов стали с искренним уважением относиться к религии как к одной из главных культурных сил. Прежнее агностическое, атеистическое и враждебное отношение к религии в значительной степени исчезло. Примеры с С. Булгаковым и Н. Бердяевым, профессорами политической экономии в Московском университете, типичны^{15*}. Оба были одними из немногих интеллектуалов, которые стали первыми видными русскими марксистами и познакомили Россию с этим учением. Во время революции Булгаков был рукоположен в священники и стал главой русского Богословского института в Париже, а Бердяев стал выдающимся религиозным мыслителем и философом. Выступления автора этой книги перед большой аудиторией профессоров и студентов в Петрограде в 1921 и 1922 гг., в годовщину основания университета, выступления, в которых роль религии была оценена высоко, были встречены бурными аплодисментами, заглушившими протесты коммунистов – такое было абсолютно невозможно до революции^{16*}. Подобное религиозное преобразование произошло и с крестьянами и представителями других сословий, включая даже некоторую часть самой коммунистической партии. Беспристрастный наблюдатель, который присутствовал бы на богослужениях в эти годы, если бы он был знаком с тем, как они осуществлялись до революции, был бы поражен религиозным пылом, охватывавшим собравшихся. Чуткий наблюдатель не мог бы не подумать о том, что царящая здесь атмосфера сродни той, какая, наверное, витала в раннехристианских катакомбах – дух безграничного религиозного стремления, преданности и веры в Бога и готовности, если надо, умереть за свою веру.

У кого-то эта метаморфоза приняла форму мистицизма и гностицизма в подлинном смысле этого слова. В большинстве случаев это носило вид преданности Русской православной церкви в чистой и высокодуховной форме. Некоторые соблюдали обряды и другие традиционные ритуалы, регулярно посещали церковные службы и признавали административную власть Московского Патриархата, его действующего главы и других церковных авторитетов. Другие, более связанные с внутренними, субъективными ценностями, считали обряд чем-то вторичным – скорее средством, а не целью – и поэтому, как правило, несколько игнорировали внешние атрибуты православной веры. Эти различия проводятся для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что *масштабы религиозного возрождения, о котором идет речь, неправильно было бы оценивать только на основе присутствия на богослужениях и официальных отчетов о числе верующих.*

Подобное возрождение произошло в рядах священников и иерархов. Наименее стойкие – те, кто зарабатывал себе на жизнь в качестве церковных чиновников, кто в большей степени служил мамоне, чем Богу, или те, кто боялись ущемления прав и иных подобных наказаний, – все они постепенно отсеялись, пройдя через горнило революции. Желая спастись и заслужить расположение правящего класса, они отказались от священства и стали «мирянами», преданно прислуживавшими коммунистической власти. Только те, кто был истинным служителем Бога, ставившим свои духовные обязанности превыше всего, остались в рядах духовенства. Очищенные и преображенные трагическим испытанием, через которое прошли они и их страна, они выдержали самый высокий экзамен на право быть религиозными и нравственными учителями и таким образом заработали авторитет в глазах всех верующих, которым они так преданно и беззаветно служили.

Воскресшая в рядах духовенства и в сердцах людей религия начала оказывать (нематериальным и неосязаемым образом) все большее влияние на народ и правительство. Крепко стоявшее у власти, имевшее церковь, исполнявшую исключительно религиозные, а не политические функции, государство в конце концов утратило свою параноидально-истеричную склонность повсюду видеть признаки злобной «контрреволюционной» деятельности, что привело к затиханию политики гонений с его стороны. Столкнувшись с задачей социального переустройства, правительство пришло к осознанию необходимости фактического сотрудничества с церковью. Принудительные полицейские меры, столь эффективные для того, чтобы подавлять, оказались совершенно недостаточными (если не бессильными) как средство для укрепления семьи, воспитания масс, воспитания честности, общественного служения и альтруизма, развития искусств и наук, экономики и политики. Наконец, когда очевидной стала неизбежность войны и необходимо было пробудить в народе чувство верности своей стране, мужество, героизм и готовность идти на жертвы, сотрудничество с религиозными силами стало еще более необходимым. Хотя многие не хотели воевать ни за Сталина, ни за коммунистическую партию, рядовые граждане, как всегда, готовы были жертвовать собой ради Отечества и его основных исторических ценностей. Среди этих фундаментальных ценностей были религия и церковь. Как и в предыдущие кризисы, эти институты способствовали поднятию духа верности, мужества и жертвенности.

В таких обстоятельствах религиозная политика правительства неизбежно должна была постепенно меняться, появились первые признаки, свидетельствовавшие о повышении уровня терпимости, а потом и явного признания позитивной ценности религии, в том числе и полное признание заслуг таких лидеров, как князь («Святой») Александр Невский и те или иные патриархи, епископы,

игумены и священники, которые помогали создавать Россию и организовывать отпор врагу в мрачные времена иностранного вторжения.

Это изменение в политике вызвало, в свою очередь, возрождение самой религии. После прекращения коммунистических гонений многие из тех, кто был запуган репрессиями, начали возвращаться в лоно церкви. Многие религиозные обычаи, включая празднование Рождества и Пасхи, были восстановлены, участились случаи соблюдения воскресных и церковных праздников, стремительно росло число тех, кто посещал церковь, даже среди членов коммунистической партии. Атеистическая пропаганда поутихла и вскоре практически сошла на нет. В настоящее время^{17*} большинство атеистических организаций расформированы, их публикации значительно сократились, они больше не получают сколько-нибудь значительных средств из государственной казны^{18*}.

Вторжение в страну гитлеровских полчищ стало мощным толчком к религиозному возрождению. Вопреки ожиданиям, нападение нацистов лишь сплотило россиян всех фракций и вероучений в неразрывное единство – в единое целое, безоговорочно решившее бороться за свободу и независимость России. Едва началось вторжение, как церковь и ее пастыри призвали граждан объединиться и встать на защиту Отечества. На этот призыв верующие откликнулись горячо, жертвуя деньги и ценности, продукты питания и одежду, почти все, что они имели, на оборону страны. Прихожане и священники присоединились к вооруженным силам, лояльно сотрудничая с правительством. Последнее, в свою очередь, стало проявлять все более доброжелательное отношение к церкви, услуги которой ему столь настоятельно потребовались. В настоящее время оно^{19*} санкционировало восстановление патриаршества, расширило религиозную свободу и прекратило гонения на религию.

Было бы, конечно, неправильным считать, что эта тенденция достигла своей кульминации. В глубине души советская власть относится к религии, вероятно, еще враждебно, подозрительно или, по крайней мере, безразлично. Тем не менее минимум религиозной свободы был достигнут, и он, несомненно, будет неуклонно расти, независимо от идеологии политического режима. Между тем само правительство под давлением мощных исторических сил будет неизбежно занимать все более дружественную позицию по отношению к различным религиозным организациям страны.

Подведем итог. После долгого дореволюционного периода постепенного упадка, за которым последовала трагическая катастрофа распада на первом этапе революции, русская религиозная система начала стремительно оживать, очищенная, сублимированная, облагороженная и оживленная огненным испытанием кризиса, через который она прошла. Сейчас она потенциально столь же сильна, как и в любой стране (наверное, даже сильнее, чем во многих), имея

огромные скрытые ресурсы веры и нравственной силы. Ее нынешняя стратегическая ситуация и внутреннее устройство таковы, что исключают какие-либо опасения насчет будущего статуса религии в России, указывая, действительно, на столь же замечательное духовное возрождение, какое известно из летописей церковной истории России.

В заключение можно сказать, что в целом русская религия и церковь на протяжении веков были практически столь же демократичны, как аналогичные религиозные системы в мире. В настоящее время они отвечают духовным, этическим и психологическим потребностям масс. Кроме того, они *свободны* – свободны от контроля со стороны государства и последних остатков мертвящего бремени бюрократии^{20*}.

Глава шестая

МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ ДВУХ СТРАН

---

1. Россия

«Поскреби русского – найдешь татарина!»^{1*} Этот известный афоризм означает, что в моральном и социальном плане русские – это варвары, для которых никакие нравственные нормы не святы, никакие человеческие или божественные законы не писаны. Будучи всего лишь дикими скифами, они считаются серьезной угрозой для цивилизации, культуры и морали. Вариации на эту тему повторяли и повторяют *ad infinitum et ad nauseam*^{2*} самозванные крестоносцы и спасители цивилизации, в том числе Адольф Гитлер и его «министр просвещения» Herr Геббельс.

Мы видели в предыдущих главах, что политические, социальные, психологические и религиозные характеристики русской нации никоим образом не соответствуют этой картине. Если мы возьмем такой абсолютный эталон нравственности, как Нагорная проповедь, то должны будем заключить, что *все народы* без исключения являются варварами. До сих пор христианские идеалы, воплощенные в Нагорной проповеди, были полностью реализованы лишь немногими святыми. Если мы применим условный эталон морали и социальности, то увидим, что русские – такая же здоровая нация, как и любая другая.

Для максимальной наглядности рассмотрим один из самых надежных показателей общественной морали, а именно уголовную преступность. Следует заметить, что уголовная статистика во всех странах несовершенна, но она, тем не менее, является более или менее точным критерием. Независимо от того, учитывает ли статистика преступления против личности (убийства, непредумышленные убийства, нанесение телесных повреждений, изнасилования и другие преступления на сексуальной почве), или против собственности (кража, воровство, грабеж, подлог и т. д.), или же преступления против общественной нравственности, предоставляет ли она частоту преступлений на тысячу человек всего населения, взрослого населения, трудового населения, городского и сельского населения, или же измеряет преступность по данным о количестве арестованных, заключенных в тюрьмы, или о количестве вынесенных приговоров – во всех этих отношениях относительный показатель преступности в России

в течение нормальных периодов (т. е. исключая периоды революции) окажется одним из самых низких по сравнению с европейскими странами¹. Поскольку тяжкие преступления являются симптомом крайней аморальности и антиобщественного поведения, Россия находится почти на верхней ступени социальной лестницы. Этот вывод покажется еще более убедительным, поскольку пенитенциарная система до революции была чрезвычайно мягкой. Как уже было сказано, в Уголовном кодексе смертная казнь за любые преступления, кроме покушения на жизнь царя и членов его семьи, была отменена еще в середине XVIII в.

Основные причины данного явления далеко искать не надо. В городских и промышленных центрах уровень преступности, как правило, выше уровня преступности среди сельского населения. Среди занимающихся сельским трудом уровень преступности обычно ниже, чем среди представителей других профессий, за исключением представителей свободных профессий и некоторых других. Кроме того, строгие нравы обеспечивают большую моральную устойчивость, чем нравы свободные и быстро меняющиеся. Поскольку Россия до XX в. была страной преимущественно аграрной, менее урбанизированной и промышленно развитой, чем большинство западных стран, этот фактор сам по себе был достаточным, чтобы обеспечить относительно низкий уровень преступности, как и в случае с преимущественно аграрными балканскими странами.

Революция 1905–1906 гг. и особенно революция 1917 г. и последовавшие за ней годы привели к резкому подъему уровня преступности. Но в каждой стране социальная нестабильность связана с серьезными внутренними катаклизмами, неизменно ведущими к росту преступности. В этом отношении Россия просто соответствует обычному историческому шаблону. По окончании деструктивной стадии революции 1917 г. преступность начала быстро уменьшаться и вскоре вышла на низкий дореволюционный уровень.

От негативного показателя нравственности перейдем к критериям положительным, таким как степень готовности *пожертвовать собой ради других, особенно ради своей страны*. Беспримерный героизм и самопожертвование миллионов русских людей в ходе нынешней войны^{3*}, готовность отдать свое самое драгоценное достояние – собственную жизнь (явление, кстати говоря, представляющее собой типичную реакцию народа на все подобные кризисы в прошлом) свидетельствуют о высоких моральных принципах народных масс, которые, судя по этому показателю, у них гораздо выше, чем аналогичные принципы у любого другого народа. Более того, жертвы эти были принесены и приносятся в ходе *справедливой войны*, а не в интересах угнетения и порабощения других народов, за что воюют нацисты. Кстати говоря (как уже отмечалось во второй главе), по-

¹ Уровень преступности в России был ниже, чем, например, в Германии. Поэтому заявления гитлеровских «крестоносцев» – наглая и лицемерная ложь.

литика правительства России по отношению к подвластным народам (некоторые из них были завоеваны силой оружия) всегда была чрезвычайно благожелательной и великодушной. Господствующая этническая группа, далекая от намерений добиться для себя максимума привилегий и свести к минимуму бремя своих обязанностей, брала на себя всю полноту этих обязанностей и нередко предоставляла малым народам непропорционально большую долю преимуществ.

Этот дух самопожертвования во имя благополучия народа и сохранения культурных ценностей, дух, засвидетельствованный бесстрашием и мужеством, бескорыстной преданностью, стойкостью и выносливостью, проявляется во многом: например, в поведении врачей, учителей и других специалистов, которые в массе своей выполняли свои обязанности профессионально и добросовестно, жертвуя личным комфортом, здоровьем и другими благами. Представители русского образованного класса по праву считаются одними из самых бескорыстных в мире.

Такой же альтруизм обнаруживается в деятельности десятков специализированных институтов. Понятия «взаимопомощь» и «кооперация» в России сразу же приходят на ум в качестве одних из первых и наиболее заметных образцов соответствующих видов деятельности. В третьей главе я отмечал, что кооперативное движение и в экономической, и в культурной сфере было так же сильно развито в России, как и в любой передовой стране, а может быть, даже сильнее. В той же главе я упомянул о том, что взаимопомощь среди крестьян в их повседневных отношениях друг с другом была обычным явлением. В книге П. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции» можно найти много других примеров взаимопомощи, практиковавшейся в России. *Социальная служба и благотворительность* в виде официальной и неофициальной помощи, оказываемой сиротам, нищим и другим нуждающимся, является еще одним показателем нравственного сознания народа. В России они существовали со времени принятия христианства. До революции целое правительственное министерство – так называемое «Ведомство учреждений императрицы Марии» – было создано для этой цели, не считая социальных и благотворительных учреждений, городских, губернских, земских, уездных и частных организаций. Спонтанно и в неофициальной форме благотворительность проявлялась каждый день и в миллионах случаев, особенно среди крестьян. Однако как бы ни был низок уровень жизни крестьян в деревне, но, пока они хоть чем-то владели, вероятность голода в деревне была меньше, чем в большом городе в большинстве стран мира. Не дать куска хлеба незнакомому нищему или отказать ему в удовлетворении других элементарных потребностей считалось неприличным. Такие нравы и обычаи, типичные для крестьянства, которое до революции составляло примерно 85% от общей численности населения, говорят сами за себя. Если бы по-

добный дух сострадания, отзывчивости, альтруизма в такой же степени оживлял города и промышленные центры мира, было бы гораздо меньше нищеты, страдания, одиночества и отчаяния, а также их трагических последствий, а именно: зависти и ненависти, пороков и преступлений.

Если мы теперь обратимся к *религии, философии, литературе и искусству* как зеркалу моральных норм народа, то и по этим показателям Россия стоит столь же высоко, как и любая другая нация. Дух всеобщей любви и сострадания, как уже было сказано, это их основополагающий принцип и мотив. С середины XIX в. в русской литературе и искусстве, не говоря уже о религии и философии, этические проблемы занимали больше места, чем в литературе и искусстве любой другой страны. Когда заходит речь о литературных произведениях, в которых глубокому анализу подвергаются этические проблемы, как правило, первыми на ум приходят имена Достоевского и Толстого. В мировой литературе той эпохи самые положительные и экзальтированные типы моральной личности изображены по преимуществу в русской литературе. Легкомыслие, этический негативизм и цинизм, проституирование нравственных ценностей ради материальной выгоды, аморальный гедонизм – эти и аналогичные им симптомы разлагающейся морали играют гораздо менее заметную роль в литературе и искусстве России, чем в большинстве западных стран.

Что касается такого критерия, как *соблюдение международных обязательств и соглашений*, то ни один исследователь дипломатических отношений не сможет доказать, что Россия нарушала свои обязательства чаще, чем другие страны, или так же часто, как некоторые из них. Даже советское правительство после окончания деструктивной фазы революции оказалось в этом отношении столь же надежным, как любое из современных правительств.

Если, чтобы умножить примеры, мы посмотрим с нравственной точки зрения на *семейную жизнь*, то окажется, как оказывалось и раньше, что русская семья (за исключением первого периода революции) ни в какой апологии не нуждается.

О таких ценностях, как *гостеприимство, общительность, доброжелательность, честность, трудолюбие* и обычные проявления терпения и настойчивости, не нужно особо и говорить, поскольку с этой стороны о русских людях всегда отзывались с похвалой даже случайные иностранные визитеры.

Теперь обратимся к нравственным аспектам *Русской революции*. По сравнению с другими великими революциями, только она обнаруживает черту, очень важную для наших целей. Как и все подобного рода внутренние потрясения, она во время своей разрушительной стадии, безусловно, привела к глубокой деморализации значительной части населения. Но обратим внимание на одно важное отличие. Как и в случае с американской революцией, ее вооруженные силы

не вторгались в чужие земли, не завоевывали, не аннексировали их, как это делали, например, армии французских революционеров, Кромвеля, Гитлера и Муссолини. Разрушительные, дезинтеграционные силы Русской революции действовали исключительно на собственной территории. Более того, некоторые владения царской России, как, например, в Маньчжурии и на Дальневосточной железной дороге, со всеми принадлежавшими им концессиями советское правительство добровольно вернуло Китаю, а также предоставило независимость Финляндии. Эта особенность революции весьма симптоматична: она означает, что даже если Россия и страдала от моральной и социальной болезни, она, по крайней мере, воздержалась от распространения этой болезни на другие страны. Она страдала (и страдает) *в одиночку* за собственные грехи. Сравните это, например, с революцией нацистов: как только они накопили достаточно сил, они напали на другие народы с целью их завоевания, эксплуатации, порабощения или откровенного уничтожения самыми жестокими и бесчеловечными методами.

Кроме того, нацизм был метко охарактеризован как «революция нигилизма» – характеристика, которая никак уж не относится к Русской революции, за исключением, быть может, религиозной сферы. Можно справедливо осуждать полную деморализацию, которую она за собой повлекла, но этот процесс во всяком случае не был «нигилистическим». Она все время была пронизана глубокими этическими убеждениями и чувствами – извращенными, ошибочными и ненормальными, спору нет, но тем не менее идеалистическими. Высшей целью революции было всемирное уничтожение капиталистической системы с ее эксплуатацией и порождаемыми ею несправедливостью, бедностью и нищетой. Кроме того, «диктатура пролетариата» все-таки была продиктована глубоко идеалистическими соображениями, хоть и неправильно толкуемыми. Цели и задачи русских антикоммунистов тоже, по сути, носили нравственный характер. Тысячи людей, которые погибали, воюя на стороне как коммунистов, так и их противников, не преследовали свои корыстные цели, а сражались во имя идеалов и нравственных ценностей, пусть даже извращенных, в которые они искренне верили. Во всех этих отношениях Русская революция была антиподом революции нацистов.

Кроме того, несмотря на огромное количество жертв Русской революции, это число ничтожно мало по сравнению с десятками миллионов человек (главным образом иностранцев), уничтоженных нацистами.

Наконец, если беспристрастно оценивать «этику» нацизма в связи с ее практическими последствиями, особенно что касается обращения с завоеванными странами и их населением, то возможен только один вывод: если это и есть истинная нравственность, крестовый поход для спасения цивилизации и культуры, то лучше уж быть аморальным и оставаться *нецивилизованным*.

Ибо нацисты попрали все законы, человеческие и божеские, и все моральные ценности, в том числе и элементарную порядочность. Посмотрите на массовые уничтожения, которые они произвели во всем мире – на десятки миллионов людей, которых они хладнокровно и планомерно истребили. Вспомните их бессмысленное разрушение – исключительно ради разрушения – городов и сел в России, которые они захватили, а потом вынуждены были оставить. Вспомните, как они сгоняли, подобно скоту, трудоспособных жителей, включая детей, в оккупированных областях России, Польши, Чехословакии, на Балканах, во Франции и в меньшей степени в Голландии и Норвегии, угоняя их сотнями тысяч на каторжные работы в Германию, отделяя родителей от детей и мужей от жен; как они гнали толпами женщин и девушек в «массовые бордели» для развлечения своих офицеров и солдат; как они вырезали сотни тысяч людей не из военных или стратегических соображений, а просто ради удовлетворения своих садистских наклонностей или для того, чтобы обеспечить себе более обширное *Lebensraum*^{4*}, уничтожая такую «мразь»; как они убивали пленных; как жестоко издевались в тюрьмах и концентрационных лагерях над теми, кто еще не был убит, и мучили их; с каким наслаждением уничтожали или калечили памятники истории и культуры (здания, документы и т. п.) и как повсюду на своем пути сеяли нищету, голод, эпидемии и тому подобные бедствия. И тогда станет совершенно очевидно, что все прошлые нашествия варваров, в том числе нашествия Чингисхана и Тамерлана с их татарскими ордами, были бесконечно более гуманны и этичны, чем фашистский «крестовый поход в защиту культуры и цивилизации». Трудно найти адекватную историческую параллель масштабам разрушения, садизма, зверства и варварства нацистского вторжения. Назвать его зверским или варварским – значит, по сути дела, оскорбить зверей и варваров. Любой, кто, подобно мне, наблюдал в течение пяти лет самые страшные злодеяния, совершаемые коммунистической революцией (а они действительно были страшные), вынужден будет признать, что клеймо коммунистического варварства и зверства гораздо предпочтительней, чем клеймо нацистское. Вся абсурдность геббельсовской пропаганды становится совершенно очевидной, если учесть тот факт, что гитлеровское нашествие началось в то время, когда деструктивная фаза Русской революции закончилась и Россия в значительной степени уже вернулась к своим обычным нормам морали и правилам поведения – к уважению человеческих и божеских законов, норм и ценностей. Фашистский «крестовый поход», таким образом, представляет собой один из немногих за всю историю человечества случаев *полного, абсолютного морального разложения*.

Подытожим. Если судить на основании каждого из выделенных критериев нравственности, то Россия доказала, что на всем протяжении своей истории

она была столь же достойной и законопослушной, мужественной и героической страной, как и любая другая передовая страна мира.

2. Соединенные Штаты

Соединенные Штаты в этом отношении не нуждаются в особой защите. Даже их злейшие враги никогда не пытались обвинить их в том, что они морально ущербны. Вместо этого они прибегают к измышлениям о господстве в США «уолл-стритской еврейской плутократии». Такое обвинение, по своей сути, изобличает тех, кто его выдвигает. Безусловно, некоторую долю плутократии (как и лицемерия) можно найти в нашей общественной и политической жизни. Но какой народ был когда-либо полностью свободен от этого греха? Поэтому следует обратить внимание на сравнительную величину и качество этого явления. С этой точки зрения американская плутократия является, пожалуй, наиболее приемлемой и созидательной во всем мире. Если под «плутократами» понимать капитанов промышленности и финансов (таких как Карнеги, Рокфеллеры, Форды и т. п.), то они были создателями огромных промышленных и финансовых империй, выгодных для миллионов людей. Большинство из них, нажив состояние, добровольно жертвовали значительную его часть на общественную благотворительность (как в Америке, так и в зарубежных странах), создавая, например, огромные фонды для поощрения развития науки, философии, образования, этики, изобразительного искусства, здравоохранения и т. д. То же самое, но в меньших масштабах делали все более или менее состоятельные люди. Подавляющее большинство социальных, благотворительных, религиозных, культурных, образовательных, научных и тому подобных заведений живет за счет взносов американских «плутократов», больших и малых. Вряд ли есть другая страна, в которой наблюдаются такое же развитие социально-благотворительных «промышленно-финансовых империй» и, соответственно, щедрое возвращение обществу всех богатств, нажитых в процессе строительства этих экономических империй. Что-то похожее демонстрировала, кстати говоря, зарождающаяся в России «плутократия». Хотя в других странах плутократов (в процентном соотношении со всей численностью их населения) столько же, как и в Соединенных Штатах, они, к сожалению, не обнаруживают таких же достоинств, как «плутократия» американская. Слишком часто они наживали свои богатства менее социально-полезными способами, а тратят их на себя в большей мере, чем американские бизнесмены. В свете этого сравнения американская плутократия предстает как самая созидательная, щедрая и высоконравственная из всех плутократий мира. Если бы официальная плутократия нацистских и других диктаторских правительств проявила хотя бы небольшую часть творческих, изобретательских и организа-

торских способностей и щедрости, типичных для американских плутократов, большинство таких стран были бы гораздо счастливее: их страдания были бы гораздо менее острыми, их нищета – не столь трагичной, а человеческое достоинство их подданных – куда более уважаемым, чем, например, под гнетом таких кровавых плутократов, как Гитлер, Геринг, Геббельс и их прихвостни.

Еще один грех, в котором обвиняют Соединенные Штаты, – это *империализм*. Америка, конечно, не совсем свободна от этого недостатка, несколько большего у нее, чем у любой другой великой державы. Но есть *империализм* и империализм. Когда Соединенные Штаты по «империалистическим» мотивам вступили в Первую мировую войну и в то же время открыто отказались от всех территориальных или иных эгоистических преимуществ, это представляет *одну* разновидность «империализма», кардинально отличающуюся от империализма гитлеровской Германии, Италии Муссолини и многих других великих держав, которые захватили все, что могли прибрать к рукам, нарушая практически все законы, человеческие и божественные. Опять-таки Соединенные Штаты вели себя по-«империалистически», когда взяли под свой протекторат Филиппины, развили политические, социальные и другие институты этой страны и, наконец, добровольно предоставили ей полную свободу и национальный суверенитет^{5*}. Такой «империализм», однако, столь же кардинально отличается от империализма их противников – особенно от империализма держав оси^{6*}, – как рай отличается от ада. Поскольку некоторый вид империализма был до сих пор, по-видимому, неизбежен, едва ли можно сомневаться в том, что американская его разновидность предпочтительнее практически всех остальных.

Американский *гангстеризм*, как и *преступность*, часто приводят в качестве доказательства морального разложения. Это обвинение предъявляется без глубокого анализа явления и значительно преувеличивает его масштаб. С объективной точки зрения американский гангстеризм оказывается явлением чисто временным, возникшим в результате особого стечения обстоятельств и ограниченным очень небольшой группой лиц. Через несколько лет после его появления, особенно после отмены сухого закона^{7*}, он в значительной степени исчез. В настоящее время это по большей части всего лишь неприятное воспоминание.

Более того, если правильно проанализировать высокий уровень американской преступности, то выяснится, что в значительной степени он обусловлен такими «преступлениями», как нарушение сухого закона, правил дорожного движения и аналогичными правонарушениями. Показатель же тяжких преступлений в Соединенных Штатах примерно такой же, как в большинстве других промышленно развитых стран, или (в худшем случае) лишь немного выше.

Кроме того, этот народ обвиняли и обвиняют в *материализме*, но эти обвинения никогда даже слабо не подкреплялись именно тем, что понимается под термином «материализм», или показом того, что материализм в Соединенных Штатах более распространен, чем где бы то ни было. В большинстве случаев обвинение оказывается не больше чем проявлением зависти к процветающему соседу со стороны тех, кто менее обеспечен материально. Еще более наивными являются некоторые другие моральные упреки, звучащие слишком по-детски, чтобы заслуживать серьезного рассмотрения.

Следует иметь в виду, что *целостный моральный облик нации включает в себя не только ее отрицательные, но и положительные характеристики*. Если наряду с недостатками перечислить положительные моральные качества американского народа, то, безусловно, выяснится благопристойный, иногда исключительно альтруистический, а порой и героический моральный облик нации. Наиболее важные этические достоинства нашего народа суть следующие. Во-первых, твердое убеждение в том, что этические заповеди христианства всегда остаются в силе и не могут быть заменены никаким набором противоположных принципов. Эта уверенность, как правило, предохраняет нацию от серьезных заблуждений, как это произошло с немцами под нацистским руководством и русскими в деструктивный период революции. Американцы могут совершать преступления, но они не отрицают правильности Нагорной проповеди. Во-вторых, искреннее убеждение (сформулированное в конституции и в значительной степени воплощенное в реальной общественной жизни) в том, что с этической точки зрения по своим нравственным достоинствам все люди равны и, следовательно, имеют право на уважение, должны оцениваться по их заслугам, иметь равные возможности и достойный минимум экономических, образовательных и культурных благ. Глубоко укоренившийся идеал свободы, понимаемой не как вседозволенность; ярко выраженное чувство справедливости в человеческих и социальных отношениях; дух подлинной терпимости к разным ценностям, если они не наносят явного нравственного и социального вреда; стремление к достижению братства народов (см. третью главу); практический идеализм и благородство (часто незаметные для поверхностных наблюдателей), глубоко коренящиеся в недрах американской социальной жизни; необычайное распространение добровольной частной благотворительности и социального служения в масштабах, невиданных ни в какой другой стране; такая же склонность к оказанию международной помощи и почти полное отсутствие глубокой классовой ненависти и серьезной классовой борьбы. Если эти и другие этические и социальные черты оценить надлежащим образом, то окажется, что при всех своих недостатках Соединенные Штаты не нуждаются ни в какой апологии.

Общий вывод этой главы состоит в том, что обе нации обнаруживают, по крайней мере, столь же высокие моральные качества, как и любой другой народ. По некоторым специфическим нравственным качествам обе страны очень похожи друг на друга. Поэтому в сфере этических ценностей, как и в других областях, между Россией и Соединенными Штатами нет глубоких противоречий и разногласий^{8*}.

Глава седьмая

ТВОРЧЕСКИЙ РАСЦВЕТ ДВУХ СТРАН

---

1. Беспрецедентный прогресс

Среди множества черт, присущих обоим сравниваемым странам, есть одна, заслуживающая особого внимания. Это *поразительно быстрый прогресс, который совершили и совершают оба народа, особенно с середины XIX в.* Прогресс был настолько стремительным и высвободил так много творческих сил, что обе страны достигли расцвета в очень короткий промежуток времени, в течение которого темпы и масштабы их развития опережали темпы развития практически любой другой страны мира. Конечно, были страны, например Великобритания и Германия, которые тоже прогрессировали, но темпы и масштабы их развития оставались заметно ниже, чем в Соединенных Штатах и России. Другие страны, такие как Франция, просто поддерживали, причем не слишком успешно, уровень развития, достигнутый ранее, а некоторые империи, примером которых может служить Австрия, обнаружили признаки фактического упадка. Только вестернизацию Японии можно поставить на один уровень с культурным расцветом двух сравниваемых держав. Стремительная вестернизация Японии состояла в основном в нетворческом заимствовании западных технологий, методов ведения хозяйства и наихудших форм империализма, не сопровождавшемся ни каким-либо существенным вкладом Японии в эти области, ни сколько-нибудь заметным культурным возрождением японской религии и этики, философии и искусства, нравов и традиций. В этих областях культуры Япония сохраняла свои традиционные ценности или подражала Западу. Эти замечания показывают, почему с точки зрения творческого расцвета с Россией и Соединенными Штатами в рассматриваемый период едва ли можно сравнивать какую-либо другую страну.

Экономический и технологический прогресс (и в меньшей степени социально-культурные достижения) Соединенных Штатов, которого они добились за этот период, мир в общем признал, а вот сравнимый расцвет России, продолжавшийся с середины XIX в., он оценить не сумел. Согласно распространенному мнению Россия находилась в состоянии застоя, и именно это отставание стало

реальной причиной Русской революции. Мнение о том, что застой и отсталость стали основной причиной революций, является одним из самых популярных мифов, бытующих в социальных науках и среди политиков, он завоевал почти всеобщее признание. На самом деле ситуация была прямо противоположной: революции обычно происходят не в период застоя, а в эпоху очень быстрых преобразований, часто в течение десятилетий бурного возрождения культуры. Это касается Греции, где революции чаще всего случались на пике ее могущества в V и IV вв. до н. э., которые были столетиями высочайших достижений греческой культуры и творческой активности. В Риме преобладает такое же соотношение: самыми революционными столетиями были I в. до н. э., I и III вв. н. э., и эти же столетия, особенно I в. до н. э. и I в. н. э., являются зенитом социального и культурного развития Рима. Аналогичным образом в Европе эпохи Возрождения и Реформации, начиная с XIII до XVI в., были временем внутренних беспорядков, происходивших во всех странах континента в масштабах, превзойденных только революциями XX в.¹

Эта преобладающая, хотя и не универсальная закономерность хорошо просматривается на примере России и Русской революции². Рассмотрим кратко некоторые отличительные особенности удивительного прогресса России, начавшегося примерно с середины XIX в. и достигшего своей кульминации к концу прошлого и началу нынешнего века.

2. Рост населения России

За счет естественного прироста население России увеличилось с 67 млн человек в 1851 г. до 129 млн в 1897 г. и до 176 млн в 1914 г. Эти беспрецедентные темпы роста нельзя объяснить никакой иммиграцией, и лишь в очень малой степени этот рост был связан с вхождением в состав России новых регионов с их населением. Прежде всего, он вызван естественным приростом населения, высокая рождаемость которого значительно превысила смертность. С этой точки зрения рост русской нации был поистине уникален и не идет ни в какое сравнение ни с одной из великих западных держав.

С началом Первой мировой войны эта тенденция временно приостановилась. На протяжении всех военных лет и особенно во время деструктивного периода революции, длившегося с 1918 по 1922 г., фактически происходило сокращение населения: вместо среднегодового прироста почти на 3 млн человек численность населения сократилась примерно на 13–15 млн в период между

¹ Подробные сведения см. в моей книге «Social and Cultural Dynamics», vol. III.

² См.: *Timasheff N.S. On the Russian Revolution // Review of Politics. 1942, July.*

1918 и 1922 гг. и примерно на 20 млн человек на протяжении более длительного периода с 1914 по 1922 г. Этот регресс был обусловлен гибелью людей во время войны и революции, существенно возросшей смертностью, вызванной голодом, эпидемиями и чрезмерными тяготами жизни, а также заметным снижением рождаемости. Однако, как только тяжкие условия жизни несколько улучшились, население России снова проявило свою необычайную жизнеспособность: после 1923 г. смертность значительно снизилась, рождаемость выросла до своего дореволюционного уровня и быстрый рост населения возобновил дореволюционную тенденцию. Нетто-коэффициент воспроизводства^{1*} в послереволюционной России (1,70) был выше, чем в любой другой стране мира (в большинстве стран этот коэффициент колеблется от 0,67 до 1,5).

В качественном отношении население России по состоянию здоровья и жизнестойкости было одним из лучших в мире. Медицинские осмотры школьников и призывников в вооруженные силы России (с ее всеобщей воинской обязанностью), а также другие показатели здоровья населения за этот период, за исключением разрушительного периода революции, свидетельствуют, судя по врожденным заболеваниям, о сравнительно хорошем здоровье и жизнеспособности основной массы русского народа. Он по-прежнему остается одним из самых крепких и от природы здоровых народов мира, несмотря на то, что жил и живет в более жестких и, возможно, менее хороших санитарных условиях, чем многие страны Запада.

Если нынешняя низкая рождаемость в странах Запада сохранится и если Россия сохранит исключительно высокий уровень естественного роста населения, то понятно, что она будет не только увеличиваться по численности населения, но ее население, скорее всего, начнет все больше и больше вытеснять остающиеся неизменными или сокращающиеся популяции Запада. Если к тому же учесть, что периоды депопуляции той или иной страны, как правило, сопровождаются падением ее культуры, то огромные последствия этого различия в будущем станут понятны каждому мыслящему человеку. Наивно-оптимистические предположения сторонников контроля над рождаемостью о том, что низкая рождаемость связана с культурным расцветом, не подтверждаются историческими фактами, о чем неопровержимо свидетельствует классический случай убыли греко-римского населения.

3. Социально-политический прогресс России

Социально-политическая структура России за последние 90 лет претерпела значительные изменения. В начале периода она была неограниченной монархи-

ей, в 1906 г. она превратилась в монархию конституционную, а в 1917 г., еще до коммунистической революции, – в федеративную республику и, наконец, оформилась в Союз советских республик.

За тот же самый период Россия, по закону 1861 г., *избавилась от такой социальной и нравственной болезни, как крепостничество*. Из общества, юридически и фактически состоявшего из нескольких иерархических сословий, начиная с дворян и кончая крестьянами, каждое из которых имело свои звания, привилегии и обязанности, Россия превратилась в общество, в котором все граждане равны перед законом и имеют равные возможности для реализации своих талантов и способностей (реформы 1861, 1886, 1905–1908, 1917 гг.). Шаг за шагом как юридически, так и фактически неравенство между разными условиями, или классами, было ликвидировано. Дворянству был нанесен смертельный удар реформами 1861 г. и последующих лет. С тех пор оно социально и юридически отмирало. Главным его богатством всегда была земля, и тот ее остаток, который сохранился за дворянами после освобождения крестьян в 1861 г., быстро переходил в руки крестьянства. Накануне революции 1917 г. лишь 8–9% всех посевных площадей России оставалось в руках старой знати – это меньше, чем доля обрабатываемых земель, находившаяся в собственности высшего и среднего (не сельского) класса в большинстве стран Запада. Не вникая в существо дела, некоторые авторы вообще утверждают, что до революции почти вся земля в России была в руках дворянства и что только революция действительно дала землю крестьянам. Ошибочность этого мифа становится очевидной в свете вышеизложенных фактов: революция добавила крестьянам совсем немного земли. Во всех остальных правах они также были уравнены с другими гражданами задолго до революции и до такой степени, что после 1906 г. слово «крестьянин» больше не использовалось для обозначения особого сословия в России, и стали употребляться, как и в Соединенных Штатах, словосочетания «занимающиеся сельским хозяйством» или «сельскохозяйственный класс».

В этот же период Россия перешла из состояния ограниченной свободы в состояние, для которого характерны все основные свободы: печати, собраний, вероисповедания, ассоциаций, союзов и т. д., – принятые в демократических странах. На основе Конституции 1906 г. все эти свободы были введены и практиковались так широко, что в некоторых отношениях их было больше, чем во многих других странах. Нынешние представления о тирании царизма в некоторой степени соответствуют действительности, если речь идет о периоде до 1861 г., и в значительно меньшей степени – о периоде 1861–1906 гг. После этого периода основными пороками царизма были не его деспотизм и тирания, а его некомпетентность, мягкость и бессилие. Его открыто критиковали

в печати, на публичных собраниях, в Думе (российском парламенте), на лекциях в университете и т. д., причем гораздо более резко и хлестко, чем американское правительство подвергается критике со стороны своих злейших противников. Если бы критика, направленная против американского правительства, велась с такой же жесткостью, как критика царского режима в России, мы испытали бы шок. То же самое можно сказать и о так называемой жестокости царского правительства по отношению к своим политическим оппонентам. Социалистические и революционные организации, в том числе партии социалистов-революционеров, социал-демократов и коммунистов, имели – открыто и легально – своих представителей и фракции в Думе. Все эти партии, не говоря уже о более умеренных оппозиционных политических группах, после 1906 г. легально издавали свои газеты, журналы и книги. Короче говоря, свобода печати и мысли в России после 1906 г. была почти столь же велика, как и в большинстве демократических стран. Типичным для старого режима бессилием, смешанным с непоследовательным гуманизмом, отмечена даже его уголовная политика, особенно после 1906 г. Это относится как к политическим преступлениям, таким как революционная деятельность, так и к обычным уголовным преступлениям. Ярким примером этого гуманизма является тот факт, что с середины XVIII в. смертная казнь не применялась даже за убийство первой степени. Правда, она полагалась за покушение на жизнь царя и ближайших членов царской семьи или же когда акты насилия совершались во время военного положения. Но этот вид наказания за покушение на жизнь президента или короля или за насилие во время военного положения применяется во всех демократических странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Но даже и при таких преступлениях представители царской семьи проявляли иногда к убийце такое сострадание и сочувствие, которые немислимы где бы то ни было еще. Именно такое отношение проявила супруга Великого Князя Сергея Александровича к убийце ее мужа Каляеву^{2*}. В случаях когда такие преступления разбирались судом присяжных, иногда даже политическим убийцам выносился оправдательный приговор. История знаменитой революционерки Веры Засулич, убившей генерал-губернатора во время военного положения, служит тому примером: она была признана невиновной и оправдана, хотя ее защита не отрицала, что она покушалась на убийство^{3*}. В остальных отношениях политические преступники наказывались старым режимом XX в. очень мягко. Не будет большим преувеличением сказать, что ссылка и заключение в тюрьму политических преступников были, по сути, больше похожи на предоставление им отпуска с оплатой большей части расходов. В самом деле, университетские профессора нередко именно так и смотрели на лишение свободы; мы обычно говорили, что в тюрьме или в провинциальной ссылке у нас было бы много времени,

чтобы писать наши труды и проводить исследования. И действительно, множество исследований и книг были завершены именно в таких условиях³. Изредка тот или иной представитель власти под влиянием гнева мог прибегнуть и к крайним мерам наказания, но подобные нарушения можно найти в любой тюремной системе. Они были исключением, а не правилом. Политические заключенные были строго отделены от обычных преступников, и обращались с ними совсем по-другому.

Бытующее представление о том, что карательная политика старого режима отличалась особой жестокостью, представление, ставшее популярным после работ Кеннана^{4*} и других авторов, имеет под собой некоторое основание, когда оно относится к концу XIX в. Но даже в то время оно было не чем иным, как анахронизмом⁴. Повторюсь: главный недостаток умирающего царского режима заключался не в жестокости и тирании, а только в бессилии, нерешительности и глупости. После 1906 г. царский режим был уже при смерти и постепенно терял силы. Даже если бы не было революции, он либо был бы отменен, либо превратился в либеральную монархию, чем-то напоминающую британскую, при которой король царствует, но не правит.

Таким образом, Россия, в прошлом «отсталая и заторможенная» страна, за удивительно короткое время создала социально-политическую систему, которая ничем не отличалась от демократической системы большинства республик. Если бы не было Первой мировой войны, этот переход России в разряд одной из самых свободных, благополучных и творческих стран был бы достигнут мирным путем, без всяких революций. Именно быстрота восстановительного процесса России сделала нацию нестабильной и восприимчивой к любому возмущению. Великая война нарушила это хрупкое равновесие, и все закончилось революцией.

Первый период революции характеризуется резким регрессом – чертой, которой отмечены все великие революции. Были уничтожены основные права

³ При старом режиме меня трижды сажали в тюрьму. Во время первого моего заключения (в Кинешме Костромской губернии) нам разрешали свободно входить в кабинет начальника тюрьмы, чтобы позвонить по телефону, и пользоваться другими льготами; на деле мы очень быстро превратили тюрьму в одно из самых безопасных во всем городе мест для хранения агитационной революционной литературы. Почти такие же условия были и во время других моих посадок при царском режиме. В отличие от этих заключений тюремные условия при советской власти в 1918–1922 гг. было гораздо хуже. С нами обращались самым жестоким образом; некоторые из моих политических соратников, такие как профессора Кокошкин и Шингарев (министры в правительстве Керенского) были убиты большевистской охраной в тюремной больнице, жизнь наша постоянно находилась под угрозой. Царская тюрьма была раем по сравнению с коммунистическим адом.

⁴ Я говорю это не только исходя из своего личного опыта, но и в качестве профессора уголовно-процессуального права – это была моя первая специальность, прежде чем я стал социологом.

и свободы, и вместо созданного правительством Керенского демократического республиканского режима установилась неограниченная диктатура коммунистических правителей. Элементарные права человека и гражданина были попорчены. Не уважались ни право на жизнь, ни любое другое право. Все враги коммунистической власти и даже люди, только подозреваемые во враждебном к ней отношении, были убиты, изгнаны или брошены в тюрьмы. Иначе говоря, был установлен *режим беспощадного террора и истребления*. К счастью, по окончании деструктивной фазы революции режим управления посредством массового террора постепенно сошел на нет. Революция шаг за шагом уничтожила привилегированные и богатые слои, потом средний класс, и, наконец, чисткам подверглись сами коммунисты. В стране просто не осталось никаких групп населения для уничтожения. К 1940 г. мелиоративный процесс зашел уже далеко, хотя дореволюционные права все еще не были восстановлены. Вторая мировая война внесла свои коррективы в российский сценарий, как это произошло и в любой другой стране, участвовавшей в этой отчаянной и страшной борьбе. Нынешний режим в России – это, конечно, режим военного положения, от которого вряд ли можно ожидать мягкости, либерализма и гуманизма. Но суровый режим, вытекающий из *национальной необходимости*, кардинально отличается от террористического режима коммунизма. Когда война закончится, режим военного положения уступит место дореволюционному режиму политической, экономической и социальной демократии, еще более справедливому и облагороженному, чем старый режим был после его реформирования^{5*}.

Таким образом, мы видим, что Россия за короткий период в 90 лет действительно проделала огромную работу в области социально-политической реконструкции. Больше того: в этой сфере, как и в других, ярко проявились творческие силы русского народа. Россия показала, во-первых, что она может осуществлять крупные социальные реформы планомерно и мирным путем. Великие социальные реформы 1861 г. и последующих лет являются одним из самых успешных опытов проведения мирных реформ, которые когда-либо осуществлялись. Они преобразовали Россию в политическом, экономическом, социальном, культурном и моральном плане без кровопролития и каких-либо внутренних потрясений. Поэтому они по праву заслужили от историков наименование «Великие реформы». Это свидетельствует о том, что *Россия, так же как и любая другая страна, может осуществлять великие социальные преобразования постепенно и мирным, ненасильственным путем*. Эти реформы, кроме того, не были просто имитацией иностранных институтов: такие достижения, как создание новой правовой и судебной системы, земства и ряда учреждений культуры, во многом были оригинальны.

Еще бóльшую смелость продемонстрировала Россия в деле установления советской власти. Какие бы разрушения и зверства ни несла революция в своей начальной коммунистической фазе (показавшая, по крайней мере, что Россия способна совершить такую великую революцию, какой человечество еще не знало), *советская власть, безусловно, является одним из четырех самых великих экспериментов, которые с конца XVIII в. проводились с целью создания новой общественно-политической системы. Первым из них было установление демократической республиканской формы правления, разработанной в США и революционной Франции. Вторым – великое изобретение англосаксов: создание свободного Содружества наций, проект которого был разработан Великобританией в течение последних трех десятилетий и который до сих пор совершенствуется. Третьим великим экспериментом стали Лига Наций и Международный суд в Гааге, хотя обе эти попытки были лишь отчасти успешными. Наконец, четвертый великий эксперимент – это советская власть.* Если бы не кровавые методы, с помощью которых она была установлена и которые стали ее неотъемлемой частью, то она, безусловно, стала бы одной из самых смелых и необычных социально-политических инноваций. Она ставит своей целью установление не только политической, но также экономической и социально-культурной демократии; она стремится устранить эксплуатацию и несправедливость гораздо более радикально, чем режимы чисто политической демократии. Она пытается объединить преимущества современной технологической централизации, крупномасштабного производства и управления с автономией местных групп; объединить преимущества коллективизма с преимуществами свободы, самовыражения и личной инициативы; согласовать наиболее деспотическую государственную бюрократию со свободой; интегрировать социальное планирование со свободным и творческим полетом; найти компромисс между радикальным равенством и неравенством заслуг и способностей; согласовать ответственность общества перед каждым своим членом и ответственность индивида перед самим собой и обществом.

Пока что режим не преуспел в решении некоторых из этих задач, тогда как при решении ряда других он проявил большое упорство, что позволяет надеяться на успех. Это самый актуальный вопрос сегодняшней повестки. В этом причина не только того, почему ему удалось закрепиться в России, но и того, почему он распространился и был скопирован в несколько измененном виде многими другими странами. Самым наглядным примером тому могут служить фашизм и нацизм. Несмотря на их «крестовые походы» против Советской России, обе эти системы есть не что иное, как подражательные вариации советской модели; обе заимствовали у нее свои основные черты вплоть до мельчайших подробностей, *однако не смогли перенять ее достоинства, довольствуясь*

лишь пороками. В этом смысле советская система является родительницей этих двух детей-выкидышей⁵. Другие особенности советской системы, такие как «всеобъемлющее социальное планирование», чрезвычайное усиление государственного регулирования, технологически рационализированная централизация управления производством, внедрение демократии в экономическую сферу, «ликвидация бедности» и обеспечение всем достойных минимальных экономических и социокультурных условий, распространились и проникли во многие страны благодаря импульсам со стороны советского эксперимента. Наконец, сама популярность советской системы среди многих людей во всем мире свидетельствует о нетривиальности этой системы. Все это дает основание считать, что в советской системе есть полезные и уникальные элементы, благодаря которым ей суждено остаться в истории в качестве великого социально-политического эксперимента. Таким образом, мы ясно видим полнейшее раскрытие творческих сил России в этой области в рассматриваемый период. Величайшая социально-политическая инновация XX в. пока еще, безусловно, принадлежит России.

4. Экономический, промышленный и технический прогресс России

Сегодня даже обыватель что-то знает о поразительном техническом, промышленном и экономическом прогрессе, который Россия пережила за три последних пятилетки. Большинство считает, однако, что этот прогресс является чем-то неожиданным и наблюдается в России впервые. На самом деле это всего лишь логическое продолжение тенденции, которая началась еще в середине XIX в., набирала обороты в течение последующих десятилетий и стала заметной в конце XIX в. и в предвоенные годы XX в. Эта тенденция была прервана Первой мировой войной и разрушительной фазой революции, но по окончании этого деструктивного периода она возобновилась в виде пятилеток с их знаменитыми достижениями⁶. В этом мы находим еще одно подтверждение общего положения, согласно которому любая великая революция после своей разрушительной

---

⁵ Любой компетентный исследователь этих режимов знает, что советская система была досконально изучена – и затем во многих отношениях сымитирована – нацизмом. Таким образом, гестапо было организовано во многом по образцу ВЧК. То же самое относится, хотя и в меньшей степени, к фашизму.

⁶ Стоит отметить, что старый режим и особенно режим Керенского составляли планы ускоренной индустриализации России и готовились к их осуществлению задолго до Советов. Советская власть заимствовала «наброски» своих пятилеток у предшественников и, слегка модифицировав, реализовала их.

фазы всего лишь возрождает и продолжает общие тенденции дореволюционного периода.

Рассмотрим несколько фактов, которые раскрывают этот экономический прогресс.

Если в середине XIX в. *хлопчатобумажная* промышленность в России практически не существовала, то к 1905 г. она уже насчитывала 7 350 683 веретена и 178 506 ткацких станков, к 1914 г. – около 9 000 000 веретен и 250 000 ткацких станков, что сделало ее четвертой по величине хлопчатобумажной промышленностью мира после США, Великобритании и Германии. К 1940 г. хлопчатобумажная промышленность России занимала примерно второе место в мире.

Металлургическая промышленность в 1900 г. производила 91 000 000 пудов (один пуд составляет около 40 английских фунтов), в 1914 г. выплавка составила 223 700 000 пудов. К 1940 г. металлургическая отрасль России находилась на втором месте в мире (первое место занимали Соединенные Штаты).

Нефтедобывающая промышленность Бакинского района в 1860 г. давала несколько пудов, в 1905 г. – 455 900 000 пудов, в 1913 г. – 561 300 000 пудов. К 1940 г. эта отрасль производства России занимала второе место в мире. Точно так же *угольная* промышленность в период с 1900 по 1914 г. увеличила объем добычи в три раза. В тот же период, с 1900 по 1914 г., производство *сахара, табака, алкоголя и муки* возросло в три, четыре и пять раз.

В 1860 г. в России было только 660 миль *железных дорог*. К 1912 г. их общая протяженность выросла до 40 194 миль, к 1914 г. – до 49 000 миль, превратив систему железных дорог в России по протяженности во вторую в мире после Соединенных Штатов. К 1940 г. она практически обогнала железнодорожную систему США по общей протяженности. Составной частью этой системы являлась Транссибирская железнодорожная магистраль, построенная в период с 1892 по 1905 г., протяженностью в 5 542 мили – самая длинная железная дорога в мире. Как и строительство великой американской трансконтинентальной линии, прокладка Транссибирской магистрали осложнялась необходимостью преодоления естественных преград и поэтому справедливо считается одним из самых смелых железнодорожных проектов в мире. В целом в период с 1890 по 1913 г. *общий объем производства крупной промышленности в России вырос в четыре раза*, увеличившись в цене с 1,5 млрд золотых рублей до 6 млрд.

Не менее значительные успехи были достигнуты и в области *сельского хозяйства*. После освобождения крепостных крестьянам были розданы 148 млн га пахотной земли в Европейской части России, 89 млн га осталось в руках помещиков и 8 млн – в руках государства. К 1914 г. сохранилось только около

30–35 млн га помещичьих владений, остальная земля перешла к крестьянству. Этот переход шел быстрыми темпами в период с 1900 по 1914 г., однако на деле происходила точно такая же передача земли крестьянам, какая имела место в течение предыдущих 40 лет. В период с 1914 по 1917 г. большая часть земли перешла в руки крестьян. Следовательно, накануне революции лишь от 8 до 10% пахотной земли находилось по-прежнему в руках других классов, а не в собственности крестьянства. Русская революция только завершила этот процесс, который, как видим, был практически закончен до революции. Это еще раз свидетельствует о полной ошибочности широко распространенного мнения о том, что крестьяне получили землю в результате революции и что до нее у них вообще ее не было.

Площадь обрабатываемых земель также стремительно расширилась с 92 690 000 десятин в 1905 г. до 109 670 000 десятин в 1914 г. *Средняя урожайность* крестьянской земли (вычисляемая по «сам столько») за рассматриваемый период почти удвоилась^{6*}. Заметно выросло и животноводство: количество лошадей увеличилось с 25 млн в 1895 г. до 36 млн в 1916 г., поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 31 млн до 61 млн в 1916 г.

Аналогичным образом *стремительно росли центральные бюджеты и бюджеты местных органов власти*, что было отражением экономического развития страны. Расходы центрального правительства составляли 1 889 000 000 руб. в 1900 г. и 3 382 000 000 в 1913 г., из которых только четверть шла на армию, флот и оборону страны, а остальная часть бюджета тратилась на экономические и культурные цели. Общая сумма расходов всех земств в 34 губерниях России в 1875 г. составила 28 870 000 руб., в 1905 г. – 124 185 000, в 1914 г. – 400 000 000 руб.

В начале XX в. вряд ли можно было говорить о кооперативной организации, но к 1915 г. в России было около 33 000 кооперативов с общим числом членов почти 13 000 000 человек, большинство из которых были крестьяне.

Наряду с *национальным богатством* России стремительно рос и уровень жизни населения, особенно в период с 1900 по 1914 г. Выдающийся английский экономист и статистик А.Л. Боули справедливо отмечает, что в конце XIX и в предвоенные годы XX в. наибольший реальный прирост национального богатства и дохода на душу населения был именно в Соединенных Штатах и России, в то время как в других странах, таких как Великобритания, «средние доходы населения в 1913 г. по сравнению с 1880 г. увеличились лишь на треть», и даже здесь «рост наблюдался главным образом до 1900 г., а с тех пор едва поспевал за снижением реальной стоимости денег»⁷.

---

⁷ Bowley A.L. The Change in the Distribution of the National Income, 1880–1913. Oxford University Press, 1920, p. 26 et passim.

В годы Первой мировой войны⁸ и особенно во время деструктивного периода революции уровень жизни и, соответственно, доход на душу населения сократился в России, как это произошло и в большинстве воюющих стран: средний доход на душу населения со 101,35 золотых рублей в 1913 г. упал до 85,60 в 1916–1917 гг. и до 40 золотых рублей в 1922–1923 гг. По окончании деструктивного периода революции он начал расти, и этот рост продолжался до 1940 г., после чего на Россию обрушилась разрушительная война и временно прервала тенденцию.

Стремительная урбанизация началась в России в середине XIX в. и становилась все более ощутимой к концу века и в XX в. Урбанизация Сибири и Маньчжурии имеет поразительное сходство с соответствующим процессом в Соединенных Штатах. Большое количество сравнительно крупных городов, таких как Харбин в Маньчжурии, который был основан и построен русскими, достиг 100-тысячной отметки всего за 10 или 15 лет. Особенно стремительно этот процесс шел в реконструктивный период революции, когда крупные промышленные центры буквально росли как грибы в каждой области страны, включая даже не обитаемые до тех пор арктические и пустынные регионы.

Подведем итог. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, с конца XIX в. Россия переживала значительный экономический прогресс, уступая только Соединенным Штатам; во-вторых, что этот прогресс начался за несколько десятилетий до революции и начиная с середины XIX до XX в. шел по нарастающей; в-третьих, что этот впечатляющий технический и экономический прогресс России после окончания разрушительного периода революции не начался, а скорее возобновился и продолжил тенденцию, существовавшую до революции.

В результате к 1940 г. Россия стала по всем основным направлениям второй из наиболее промышленно развитых и технически вооруженных стран в мире, производя от 20 до 25% мировых железных руд, от 15 до 20% мировой добычи нефти, от 10 до 12% мировой добычи угля, от 10 до 12% гидроэлектроэнергии, от 8 до 10% меди, от 65 до 70% марганца, от 45 до 50% ржаной и от 25 до 30% пшеничной муки, от 35 до 40% фосфатов, от 10 до 12% хлопка, от 35 до 40% конопли, от 75 до 80% льна (зерна), от 13 до 15% золота, от 20 до 22% льна (волокна), от 3 до 5% шерсти, от 3 до 5% цинка, свинца и никеля, и заняла первое или второе место в мире по производству искусственного каучука.

⁸ Несомненно, что именно стремительное развитие России было одной из главных причин вторжения немецких войск в Россию в 1914 г. (а также в 1941 г.): немецкий Генеральный штаб справедливо считал необходимым нанести по России упреждающий удар, ибо с каждым годом она развивалась в военном, экономическом и культурном отношениях все более быстрыми темпами, тем самым с каждым годом оставляя все меньше шансов на победу над собой и становясь все более и более грозной в качестве возможного противника.

В целом к 1940 г. только Соединенные Штаты превосходили Россию по промышленной продукции, масштабам и темпам экономического и технологического развития. Когда война закончится, и если России и всему человечеству будет дарован период длительного мира, нет ни малейших сомнений в том, что этот быстрый экономический прогресс страны возобновится, несмотря на огромные людские потери, разрушение городов, промышленных центров, сельского хозяйства и экономических ресурсов, которые эта война сеет по России. У нации есть средства, ресурсы, мозги, энергия и все остальное необходимое для возрождения^{7*}. Кроме того, она призвана, чтобы решить эту задачу. Когда какая-нибудь нация находится в таком положении, ничто, даже самые страшные разрушения, причиненные войной и революцией, не может помешать ей исполнить предначертанное.

5. Образовательный и культурный прогресс России

Еще более заметным был прогресс России в сфере культуры, ставший следствием быстрого распространения образования и медицинской помощи по всей стране, и особенно – следствием творческого подъема, достигшего в эти годы небывалых высот. Вот несколько обобщенных данных для основных характеристик этого прогресса.

Если верить всему тому, что распространяют о российском образовании иностранные авторы, радиокomentаторы и газетные репортеры, то можно подумать, что Россия была темной, невежественной страной, а грамотность, школы, науки, технологии и изобретения появились в ней только после революции. Согласно этой получившей широкую популярность «философия истории», революция одним волшебным взмахом, внезапным «престо»^{8*} достигла за несколько лет почти поголовной грамотности, построила *ex nihilo*^{9*} школы и университеты. Следуя этой же философии, только благодаря революции (само собой, с помощью того же самого волшебного «престо») появились свобода, право, экономический прогресс и т. д. Излишне говорить, что подобного рода теория социального прогресса совершенно нелепа и свидетельствует о невежестве ее сторонников.

Быстрое распространение грамотности и образования в России, как и прогресс в других сферах, началось вскоре после реформы 1861 г. и в последующие десятилетия ускорялось вплоть до 1917 г. Затем в течение нескольких лет эта деятельность была остановлена деструктивной фазой революции, но вновь возобновилась и продолжилась по ее окончании. До 1861 г. основная масса на-

селения России было неграмотной, а количество начальных школ для крестьян и трудящихся сословий было столь незначительным, что их можно считать как бы и несуществующими. В 1881 г. число учащихся в начальных народных школах составляло 1 141 000 человек, в 1903 г. – 5 237 000, в 1915 г. – 8 147 000. В это число не входит значительное количество тех, кто получал образование дома и в привилегированных частных школах.

Параллельно с ростом числа школ и учащихся стремительно рос и процент грамотных. Среди новобранцев, призванных на службу (военная обязанность в России была обязательной и всеобщей), процент грамотных, т. е. умеющих читать и писать, был 21,98 в 1874–1883 гг., 43,75 в 1894–1903 гг. и 62,62 в 1904–1913 гг. Доля детей школьного возраста, которые получили начальное школьное образование, составляла 45% в 1905 г. и 70% в 1914 г. В 1916 г. Дума (российский парламент) приняла закон о выделении средств, необходимых для введения всеобщего начального образования, который ставил целью достижение всеобщей грамотности детей школьного возраста к 1919 г. Таким образом, даже если бы не было революции, 100-процентная грамотность среди детей школьного возраста была бы достигнута в 1919 г.! Эти данные наглядно показывают абсурдность сложившегося мнения по поводу грамотности и неграмотности в дореволюционной России. Мы уже знаем, что в деле грамотности, особенно в XX в., были достигнуты большие успехи и что до революции не менее 70% детей имели начальное образование и умели читать. Революция в свои деструктивные годы нарушила эту тенденцию и отбросила страну в этом отношении назад. Но по окончании деструктивной фазы прежняя тенденция возобновилась, и к 1940 г. произошел стремительный рывок, так что к этому году практически 100% детей школьного возраста и значительная доля ранее неграмотных взрослых стали грамотными. В общем, в 1940 г. в России почти 40 000 000 школьников и студентов учились в школах того или иного типа, начиная с начальных школ и заканчивая университетами. Другими словами, каждый четвертый житель России учился в той или иной школе.

Таким образом, в данной области культуры Россия достигла такого же уровня, как и все остальные нации в мире.

Столь же быстрый прогресс наблюдался в рассматриваемый период и в *сфере среднего и высшего образования*. К середине XIX в. было очень мало средних школ, и эти немногие были доступны почти исключительно привилегированным классам. К 1894 г. число учащихся в государственных средних школах достигло 225 000 человек, а к 1914 г. – 820 000. Количество учащихся обоего пола в университетах и институтах, в высших технических, юридических и медицинских училищах до 1861 г. было ничтожно, и большинство из них были представителями привилегированных классов, в 1894 г. их количество составляло около

15 000; в 1912 г. – 137 000⁹. Цифры говорят сами за себя¹⁰. Среди студентов доля поступивших крестьян, представителей трудовых и бедных классов постоянно увеличивалась – к 1914 г. чуть ли не половину всех студентов составляли выходцы из этих классов. Российские университеты и высшие учебные заведения выплачивали значительное количество стипендий способным студентам из более бедных классов. К этому можно добавить, что администрация и управление университетами и институтами были более демократичны, чем в Соединенных Штатах: ректор (или президент) и деканы избирались из числа профессоров на короткие сроки от двух до четырех лет. Таким образом, ректор был только временным администратором. Все общеуниверситетские дела решались факультетом и представителями студенчества. Не было всемогущего «опекунского совета», «регентов» или «корпораций», которые управляли бы университетами. Точно так же все профессора и преподаватели избирались факультетом на конкурсной основе. Короче говоря, российские университеты до революции обладали очень большой самостоятельностью и широким самоуправлением.

В первые годы революции было создано огромное количество «фиктивных университетов» и «фиктивных общеобразовательных школ». Стандарты их были настолько низкими, что среднее и высшее образование было почти уничтожено, не говоря уж об ухудшении качества начального образования. В свой более конструктивный период революция возобновила прерванную тенденцию и значительно ее усилила. Как и накануне революции, среднее и высшее образование теперь стало доступно всем, кто хотел и был способен его получить. К 1940 г. число учащихся в университетах и высших учебных заведениях всех типов достигло 600 000 человек, учащихся технических училищ – 700 000. Если добавить к этим цифрам количество студентов, обучавшихся в некоторых других учреждениях заочно, то общая численность составит около 2 000 000 человек. Эти советские цифры, вероятно, несколько завышены, вполне вероятно также, что стандарты обучения и преподавания во многих из этих «университетов», «институтов» и «технических училищ» были значительно ниже, чем в университетах и технических вузах до революции. Тем не менее даже с учетом всех этих оговорок прогресс высшего образования в России после раз-

---

⁹ Русские университеты и высшие учебные заведения до революции были первоклассными институтами, способными конкурировать со стандартами лучших университетов мира. Они заметно отличаются по своим характеристикам от многих наших так называемых колледжей, университетов и институтов, которые фактически не относятся к разряду высших учебных заведений. В России все подобные заведения назывались «техникумами» или носили аналогичные наименования и четко отделялись от настоящих университетов и высших учебных заведений. Если учащихся таких «техникумов» включить в указанное выше число студентов, то оно увеличится в несколько раз.

¹⁰ Для сравнения можно отметить, что в Соединенных Штатах в период с 1815 по 1920 г. высшее образование получили 496 618 человек.

рушительного периода революции неоспорим. Как и в других областях, после разрушительного периода революции дореволюционная тенденция возобновилась и усилилась.

Итак, во всех видах образования и обучения Россия опять же добилась значительного прогресса за последние 90 лет своей истории. Если до середины XIX в. русская нация заметно отставала от стран Запада в этом вопросе, то в XX в. она ликвидировала эту разницу и в настоящее время в этой области культуры не нуждается в оправдании ни перед какой другой страной.

Прежде чем перейти к рассмотрению расцвета культурного творчества на самых высших уровнях, остановимся ненадолго на таких элементах культуры, как *медицинская помощь и социальное страхование*. За годы моей жизни за границей и в Соединенных Штатах я много раз читал, нередко в работах известных специалистов по этим вопросам, о том, что до революции в России не было никакой медицинской помощи и социального страхования и что эти службы, особенно бесплатная и общедоступная государственная медицинская помощь, были впервые созданы после революции. Мне даже показывали фотографии великолепных больниц, которые, по мнению этих мнимых экспертов, были построены советской властью, но которые я видел построенными и функционировавшими еще до революции. Другими словами, наши так называемые эксперты еще раз навязали общественности якобы «научные факты», касающиеся медицинского обслуживания в России, которые в реальности являются не чем иным, как мифами.

На самом деле ситуация вкратце была такова. Во-первых, государственное медицинское обслуживание в рамках государственных, земских и других общественных органов, бесплатное и доступное для всех, в России было введено давным-давно – это была основная система медицинской помощи до революции, ибо частные врачи и больницы составляли лишь незначительную часть медицинских услуг в России. Во-вторых, эта государственная система ни в коем случае не была некачественной или второсортной и не уступала по профессиональной подготовке персонала и качеству больниц частной системе медицинской помощи, но была столь же хорошей, как и эта последняя. По сути дела, большую часть врачей, особенно известных и выдающихся, составляли «государственные врачи», которые получали зарплату от государства, земства и других общественных институтов. Лишь небольшая часть из них имела дополнительную частную практику. В-третьих, до 1861 г. не было никакой медицинской помощи для населения, особенно для больших масс людей. В 1914 г. не только города, но и все сельские территории обслуживались государственными больницами и поликлиниками, созданными земством, государством и другими местными и муниципальными органами. Средняя площадь сельского врачебного участка составля-

ла около 10 миль. В 40 губерниях России, где были земства, в 1914 г. имелось 33 сотни медицинских округов, подведомственных только земствам, не говоря уже о больницах, диспансерах и врачах, которые находились в ведении государства и других публичных учреждений.

Подведем итоги. Накануне революции медицинская помощь в России была доступна всем, кто в ней нуждался, и предоставлялась она совершенно бесплатно. Имеются в виду госпитализация, услуги врачей и обеспечение лекарствами. Система действительно была одной из лучших в мире, как по качеству обслуживания, так и по общедоступности. Лишь в последние годы многие западные страны, в том числе и Соединенные Штаты, начали внедрять у себя принципы «социализированной» медицины и медицинской помощи, которые были введены в России несколько десятилетий назад.

Революция после разрушительной фазы лишь продолжила эту историческую традицию России, добившись, безусловно, дальнейшего прогресса к 1940 г. К этому времени были созданы 13 500 сельских медицинских центров, в которых работало 20 000 врачей и 39 500 фельдшеров. Об этом аспекте культурных достижений сказано достаточно.

Если мы обратимся к *социальному обеспечению и системе государственного социального страхования*, в частности к страхованию трудящихся от несчастных случаев, то увидим, что они были введены в России в соответствии с законами, принятыми в 1903 и 1912 гг. Это были общественные программы, такие же как в Америке акты о федеральном или государственном социальном страховании. Некоторые виды страхования еще отсутствовали, в частности страхование по старости и страхование по безработице, но они находились в процессе разработки, когда начавшаяся в 1914 г. война пресекла работу над ними. Страхование здоровья, конечно, было необязательным при наличии системы всеобщего бесплатного медицинского обслуживания, о которой мы уже говорили. Советская власть по окончании начальной деструктивной фазы революции восстановила прерванную программу и приступила к ее дальнейшему развитию – по крайней мере в той степени, в какой позволяли финансовые ресурсы страны. К 1940 г. каждый в России был застрахован от последствий безработицы, болезни, несчастных случаев и других подобных бедствий, реальная ситуация в значительной мере соответствовала этому принципу. «Свобода от нужды» и достойный минимум жизненных потребностей были провозглашены правом каждого гражданина. Фактическая реализация этой «четвертой свободы»^{10*} была несколько скомпрометирована нехваткой необходимых ресурсов, но по мере роста производственных мощностей размах ее реализации постепенно прогрессирует. В этом отношении Россия, далеко отставшая от западных стран, накануне нынешней войны^{11*} в чем-то их опередила.

Еще более примечательным было *творческое развитие в течение XIX и XX вв. в области науки, технических изобретений, философии, юриспруденции, в искусстве и особенно в литературе, музыке, театральном искусстве, живописи*. В некоторых из этих сфер Россия задавала тон всему миру.

В области *естественных наук* этот период характеризуется появлением плеяды первоклассных ученых – профессоров и исследователей, столь же авторитетных, как и в любой другой стране. Особенно после реформы 1861 г. российские ученые были хорошо осведомлены о зарубежных достижениях в соответствующих сферах, в отличие от западных ученых, не знавших, чем занимались российские исследователи. В этой постоянно увеличивавшейся плеяде ученых было большое количество талантливых открывателей и творцов, внесших выдающийся вклад в свои области, лишь небольшая часть которого опять же попала в анналы науки на Западе. Наконец, по мере приближения к XX в. обнаруживается увеличение частоты, с какой в России появляются такие выдающиеся деятели науки, как Лобачевский в математике, Менделеев в химии, И.П. Павлов в области физиологии нервной системы и психологии, если упомянуть лишь несколько имен. Накануне революции русское естествознание могло гордиться достижениями, равных которым не было во всем мире.

То же самое с еще бóльшим основанием можно сказать о *гуманитарных и общественных науках*. История, экономика, право, политология, социология, филология, антропология, психология и другие науки процветали и в количественном, и в качественном отношении, о чем свидетельствуют оригинальность, фундаментальность, яркость и основательность работ, созданных в этих областях. Большинство этих российских работ до сих пор остаются совсем неизвестными или очень мало известными за рубежом. Свидетельствами столь высокого уровня российской науки являются та легкость, с какой многие ее представители, вынужденные стать беженцами в результате революции, получали места в американских и европейских университетах, научно-исследовательских институтах и лабораториях, и быстрое достижение ими международной известности в их областях.

Русская философия, столь же мало известная за рубежом, во второй половине XIX – начале XX в. стала весьма продуктивной и оригинальной. Даже такие основные течения западной философии, как материализм, марксизм, позитивизм, эмпиризм, гегельянство, неокантианство и т. д., нашли в России своих представителей, которые стояли вровень с ведущими философами большинства западных стран, если не превосходили их. В области философии достижения России не нуждаются в апологии ни перед какой другой страной.

И в области *права*, помимо замечательной кодификации российского законодательства, произведенной Сперанским в первой четверти XIX в., а также не-

скольких более поздних кодексов, уголовных и гражданских, которые были приняты в течение XIX в. и в дореволюционные годы XX в., сфера истории и теории права и этики была развита в России до такой степени, что была несравнима с большинством западных стран.

Наконец, как мы уже знаем, *техническое изобретательство и прикладные науки*, такие как агрономия и медицина, в конце XIX – начале XX в. переживали период бурного развития. Благодаря развитию естественных наук, технологий и индустриализации Россия все больше и больше становилась страной «изобретательства и рационализаторства». Результатом стало увеличение числа прикладных изобретений во всех областях человеческой деятельности. В 1900 г. только в России было сделано около 3–4% всех изобретений в мире, а к 1914 г. этот показатель удвоился. Некоторые изобретатели, ставшие беженцами вследствие революции, внесли значительный вклад в развитие стран, в которых они обосновались. Имена таких людей, как Сикорский, Зворыкин, Тимошенко, Ипатьев и других выдающихся русских изобретателей, стали известны в приютивших их Соединенных Штатах.

Небывалый расцвет науки и техники в разрушительные годы революции был резко остановлен. Из-за казней, гонений, изгнаний, смерти от голода и болезней и, наконец, эмиграции из России ученых и изобретателей произошел откат назад. Однако по окончании разрушительной фазы революции дореволюционная тенденция возобновилась и получила дальнейшее развитие. К 1940 г. естественные и технические науки и в меньшей степени гуманитарные, общественные, философские и юридические науки (в которых свобода мысли и свобода исследований более ограничены, чем в «политически нейтральном» естествознании) успешно вышли на дореволюционный уровень своего развития. Российские математика и астрономия, физика и химия, биология и медицина, агрономия и технологии к тому времени стремительно развивались. Россия с большим на то основанием действительно становилась «нацией изобретателей». Нынешняя война несколько нарушила этот процесс, усилив его в одних областях и затормозив в других. Вряд ли могут быть сомнения в том, что, когда война^{12*} закончится, этот великий *élan*^{13*} научно-технических, социальных, юридических и философских наук возобновится и достигнет еще более высокого уровня: с середины XIX в. до настоящего времени его прогресс в России только начинался.

В области *литературы, музыки, театрального искусства и в меньшей степени в области живописи* Россия в рассматриваемый период вышла на *первые позиции в мире*. Русская литература, начиная с первой четверти XIX в., несомненно, была величайшей в мире. Несколько лет назад «Saturday Review of Literature» поведала об оценках Джона Голсуорси и Арнольда Беннета: по словам одного из этих выдающихся литераторов, из двенадцати величайших романов, написан-

ных в XIX в., десять написаны русскими писателями; по мнению другого, русская литература, бесспорно, является величайшей в XIX в.

Даже если допустить, что эти оценки двух выдающихся английских писателей несколько преувеличены, вряд ли можно сомневаться в том, что в рассматриваемый период русская литература не знала себе равных. Творчество Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Толстого, Достоевского, Тургенева и других писателей сделало русскую литературу последних трех четвертей XIX в. лучшей.

Это превосходство русской литературы сохранялось и в дореволюционные годы XX в. Достаточно вспомнить таких писателей, как А. Чехов, М. Горький, Л. Андреев, И. Бунин и многие другие, и таких поэтов, как Бальмонт, Брюсов, Блок, Гумилев и многие другие. По завершении разрушительной фазы революции появились некоторые признаки продолжения этой великой дореволюционной традиции. Современная русская литература хотя и не достигла высот русской литературы времен Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского и Тургенева, безусловно, не имеет себе равной.

Аналогичное «чудо» наблюдалось и в области *музыки*. Как и русская литература, она возникла внезапно, расцвела пышным цветом и к концу XIX – началу XX в. дала такие плоды, равных которым на тот период не было нигде в мире. На музыкальном Олимпе XIX в. запечатлены имена Глинки, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, Даргомыжского, Балакирева и многих других, не говоря уже о выдающихся композиторах того времени, создававших замечательную духовную музыку. Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Скрябин, Рахманинов и многие другие – хотя все они не столь значительны, как их предшественники – лидируют сегодня, в век, когда композиторы всех народов занимают более низкую ступень, чем их предшественники. Одним из проявлений той высокой степени развития, какой достигла музыкальная культура дореволюционной России, является тот факт, что величайшие виртуозы музыкального исполнительского искусства, известные в Соединенных Штатах, такие как Шаляпин, Хейфец, Пятигорский, С.В. Рахманинов (как пианист), а среди дирижеров Кусевицкий (мы упомянули лишь немногих), – все они родились, выросли и получили образование в России.

Такой же внезапный творческий взрыв демонстрируют русская *опера*, *театр* и *балет*. С дореволюционной русской оперой трудно было конкурировать кому бы то ни было, то же самое относится к русскому балету и театру (в том, что касается новых творческих форм). Московский художественный театр, Императорские театры в Петербурге и Москве, Театр Комиссаржевской и другие частные театры установили небывало высокий уровень этого искусства для XIX и XX вв. Почти у всех балет ассоциируется прежде всего с Россией. Это превосходство объясняется не только техникой исполнения, но и теми операми и пьеса-

ми, которые создали русские авторы. Только Германия с ее вагнеровской оперой соперничала с Россией до конца XIX в. После этого не было ничего по-настоящему великого, созданного немецким гением в этой области.

Конец XIX в. и дореволюционные годы XX в. ознаменовались возрождением *живописи*. Именно в это время в России появился целый ряд замечательных школ живописи и необычайно ярких художников. Репин, Васнецов, Нестеров, Серов, Врубель, Рерих, Петров-Водкин, Кустодиев, Малявин и многие другие подняли это искусство на уровень, которого не смогли достичь и тем более превзойти ни в какой другой стране.

Итак, в рассматриваемый период в России наблюдался мощный всплеск культурного творчества: во всех областях культуры Россия, преодолев отставание от других наций, стала вровень с ними. В действительности она пошла дальше и создала шедевры, равных которым не было ни в одной стране.

Такой внезапный всплеск культурного творчества – редкое явление в истории. У каждой великой нации есть для этого свой час. У большинства великих народов он редко повторяется. Период, который начинается во второй половине XIX в., и является историческим «часом» России. Творческий гений человечества, переходя от одного народа к другому, в этот период выбрал главным местом своего обитания Россию (и Соединенные Штаты). Ни в каких других странах не найти в рассматриваемый период сопоставимого расцвета культуры. Наивность и абсолютное невежество тех людей и народов, которые думают о России как об отсталой стране, бедной и некультурной по сравнению с «цивилизованными странами», как о стране, которую они не пригласят в свои «гостиные», должны быть очевидны каждому^{14*}. Россия сама вряд ли захочет посетить «изысканные салоны» некоторых из этих цивилизованных стран, в которых нет и следа творческого гения. Не Россия, а скорее эти «изысканные бесплодия» окажутся в неловком положении, если Россия все же снизойдет до посещения их салонов. Снисходительные оценки таких стран совершенно безразличны России.

6. Уникальный прогресс Соединенных Штатов

Еще более впечатляющим был социальный и культурный рост Соединенных Штатов в течение их сравнительно недолгой истории, особенно после Гражданской войны, время которой удивительным образом совпадает с великими реформами 1861 г. и последующих лет в России. История этого роста в кратком виде такова.

По численности населения США в силу естественного прироста населения и за счет иммиграции превратились из небольшой страны в почти 130-миллион-

ную нацию. Естественный прирост населения шел здесь медленнее, чем в России. Тем не менее вплоть до последних двух десятилетий он был вполне достаточным для сохранения роста населения. В последние два десятилетия наряду с заметным снижением смертности наблюдается снижение рождаемости, как и в большинстве промышленно развитых стран Запада. Если это снижение будет остановлено, то страна избежит опасности депопуляции и численность ее населения сохранится в течение длительного времени. Гораздо лучше, конечно, было бы повысить рождаемость без увеличения уровня смертности.

С другой стороны, если говорить о физическом состоянии американского населения, оно отличается удивительной энергией и здоровьем. Благодаря хорошим условиям жизни средняя продолжительность жизни у американцев больше, чем у любой другой великой нации в мире. В общем, в этой области все обстоит благополучно, и ничто не предвещает серьезной опасности. Конечно, каких бы то ни было опасностей гораздо легче будет избежать, если пройдет нынешняя мода на низкую рождаемость.

В *экономическом и технологическом* отношении нация поднялась на небывалый уровень и заняла первое место в мире. Это утверждение справедливо, какой бы критерий оценки мы ни выбрали: уровень жизни, среднедушевой доход, совокупное национальное богатство, объем промышленного производства или количество изобретений и используемых машин, изготовленных начиная с 1870-х гг. По всем этим показателям Соединенные Штаты лидируют в мире. Это уникальный результат, если учитывать краткость времени, в течение которого он был достигнут. В технической и экономической областях творчество американской нации было и остается непревзойденным.

Если говорить об экономическом и техническом прогрессе в этой стране, то нельзя не отметить стремления обеспечить всем достойный минимум жизненных благ и материальных удобств. Конечно, успех на этом поприще не был абсолютным, но если сравнить с попытками, предпринимавшимися другими странами в этом направлении, можно отметить следующее: на что в других странах еще только надеялись, здесь в значительной степени было уже достигнуто. В последние годы даже уровень жизни у безработных достиг практически такого же показателя, как у работающих представителей трудящихся классов во многих странах. Примечательно то, что это было достигнуто мирным путем, без каких-либо серьезных кровопролитий и революций.

В *социально-политическом отношении* нация освободилась от рабства, позорящего страну. Первоначально небольшое государство, Соединенные Штаты превратились в великую империю, которая сегодня столь же могущественна, как любая другая империя, а возможно, даже более сильна и влиятельна, чем какая бы то ни было из них. Это превращение произошло без какого-либо значитель-

ного ущемления свобод граждан, без сколько-нибудь заметного превращения правительства в самодержавных или абсолютных правителей, без сколько-нибудь заметной утраты гражданами своих прав и привилегий и безо всяких ограничений равенства возможностей или других ценностей, подразумеваемых под словом «демократия». Социально-политическим режимом Соединенных Штатов по-прежнему остается власть народа, осуществляемая самим народом и во благо народа^{15*}, причем в гораздо большей степени, чем в любой другой великой империи.

Даже «империалистическая» экспансия Соединенных Штатов была, как мы видели, более мирной и справедливой, чем у большинства прежних или нынешних великих империй. Это важно, поскольку почти во всех известных истории случаях народ, который вырастал из небольшого государства в одну из величайших империй, добивался этого за счет свободы и прав простых людей. Соединенным Штатам удалось вырасти, не заплатив эту страшную цену.

Одним из заслуживающих внимания достоинств американской социально-политической структуры является исключительная роль *частных лиц и частных объединений* во всех сферах социальной и культурной жизни. В большинстве других стран, за исключением Англии, вмешательство правительства в деятельность частных объединений ощущается гораздо сильнее, чем в Соединенных Штатах. Здесь же (за исключением, разумеется, военного времени) частные объединения и общества выполняют гораздо больше социальных и культурных функций – в сфере образования, бизнеса, искусства, науки, религии, права и морали, отдыха и даже политики, – чем федеральные власти и власти отдельных штатов. Так как сама природа частного объединения – это добровольное сотрудничество, свободное от принуждения, явно или неявно присутствующего в любой власти, то это необыкновенное развитие частной инициативы, сотрудничества и ассоциаций есть верный признак реальной степени свободы, добровольного объединения и спонтанной социальности американской нации – нечто такое, что вряд ли могут продемонстрировать страны, имеющие сильное центральное правительство. Относительно краткая история становления и развития социально-политической структуры в Соединенных Штатах представляет собой один из самых успешных экспериментов в этой области.

В плане *образованности* эта страна также ставит замечательный рекорд, превосходя в этой области все нации. Несмотря на массовый наплыв неграмотных иммигрантов из других стран, Соединенным Штатам удалось добиться практически стопроцентной грамотности. Американская система начальных и средних школ – частных и государственных – является самой развитой и технически оснащенной в мире. То же относится и к американским колледжам, университетам и высшим учебным заведениям. Особенно быстро развивались эти заведения

в конце XIX–XX вв. Если ко всему этому добавить обучение взрослых, прессу и радио, многочисленные частные организации, бесчисленные публичные лекции и выступления, то в итоге получится такой уровень общего образования, который впечатляет. Немалое достоинство образовательной системы заключается в том, что важную роль в ней играют частные школы, институты, колледжи, университеты, академии, научные общества и т. д. Это придает системе образования в этой стране огромное разнообразие и обеспечивает ей гораздо бóльшую свободу от «одностороннего и свыше одобренного направления» и истинную свободу мысли, научных исследований и образования. И это же обеспечивает подлинную конкуренцию за успех и выживание разных, порой противоположных теорий, идеологий и культурных ценностей в противовес системе одобренных правительством монопольных ценностей, которые существуют (и доминируют) в течение некоторого времени за счет искусственной ликвидации всех их конкурентов. Если в сфере бизнеса конкуренция необходима, чтобы избежать экономического застоя и засилья некачественной продукции или второсортных экономических систем и фирм, то это еще более важно в области культурных ценностей. Без этого нация неизбежно превратится – интеллектуально, нравственно, эстетически и социально – в застывшую интеллектуально мумию или застынет в интеллектуальном бесплодии.

Страна, имеющая такую прекрасную образовательную систему, сделала ошеломляющие успехи в области *естественных и технических наук*. Этот успех был настолько велик, что сегодня в этих областях она занимает первое место в мире. В общей сумме научных открытий и технических изобретений, сделанных во всем мире в XX в., доля Соединенных Штатов больше, чем любой другой страны. Это лидерство, вероятно, будет сохраняться в течение длительного времени.

Не столь значителен, но тем не менее заметен прогресс Соединенных Штатов в области *философии, гуманитарных и общественных наук, этических и правовых дисциплин и в сфере изящных искусств*. В этих областях, за исключением, может быть, архитектуры и прикладного искусства, Соединенные Штаты вряд ли займут первое место среди стран мира, тем не менее начиная со второй половины XIX в. они создали великую литературу, целый ряд важных философских и этических систем, здесь хорошо развиты гуманитарные и общественные науки, появились и значительные произведения в сфере живописи, скульптуры, театра, музыки и особенно архитектуры. Если говорить об архитектуре, Соединенные Штаты в настоящее время являются в этом виде искусства самой передовой страной мира. Кроме того, они имеют лучшие в мире симфонические оркестры и вырвались вперед в некоторых других формах и жанрах музыки. Перспективы для дальнейшего развития в этих областях еще более многообещающи.

Этот краткий обзор наглядно показывает поистине уникальный прорыв в социальной и культурной сферах Соединенных Штатов за последнее столетие. Если не с точки зрения пройденного пути, то по масштабам фактических результатов достижения этой страны превышают даже то, чего добилась Россия. Обе страны реализовали свои творческие возможности в такой степени, в какой не смогла этого сделать ни одна страна в мире в рассматриваемый период. Говоря иными словами, можно утверждать, что в течение последних ста лет эти два народа действительно пережили свой «исторический час». Они, таким образом, не только достигли совершеннолетия, но стали главными факелоносцами социально-культурного прогресса. В этом заключается еще одно очень важное сходство между двумя народами.

7. Последствия этих сходств для нерушимого мира

В предыдущих главах было показано, что американцы и русские отнюдь не являются полярными противоположностями, а имеют целый ряд поразительных сходств в геополитическом, психологическом, культурном и социальном отношениях. Эти сходства делают Соединенные Штаты и Россию во многом близкими друг другу. Русским и американцам гораздо легче понять друг друга, чем каждому из них понять представителей других наций. Поскольку социально-культурные сходства способствуют мирным отношениям между человеческими сообществами, фундаментальное родство основных ценностей народов России и Соединенных Штатов в значительной мере объясняет длительный и прочный мир, установившийся между этими странами. На протяжении приблизительно 160 лет американской истории менялись президенты, кабинеты министров, члены Конгресса и политических партий, имевшие разные интересы, темперамент, симпатии и антипатии, идеологию и т. д. В этот же период в России сменяли друг друга цари и правящие группы, различавшиеся складом ума, психологией, характером, симпатиями и антипатиями. Однако в течение всего этого времени между двумя народами сохранялся нерушимый мир. Это означает, что война и мир мало зависят от капризов, предпочтений и антипатий того или иного правителя, будь то самодержец или демократ. Они зависят скорее от факторов, которые мы уже подчеркивали в этой работе^{16*}. Поскольку эти факторы были и продолжают оставаться в отношениях между Соединенными Штатами и Россией, то именно они и обеспечивают сохранение длительных мирных отношений между этими странами. Так как эти факторы существуют и в настоящее время (и, несомненно, сохраняются в ближайшем будущем), они, безусловно, удержат

этот рекордный показатель мира между двумя народами, независимо от прихотей их правителей. Если (и когда) эти правители утратят здравый смысл и начнут совершать одну ошибку за другой, тогда, вполне возможно, возникнут какие-то временные разногласия и ссоры между странами. Но даже эти конфликты, безусловно, будут незначительны и вряд ли смогут привести к вооруженному столкновению. Расстановка социально-культурных сил, к счастью, свидетельствует о том, что такой трагедии не произойдет.

Глава восьмая

ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ ДВУХ СТРАН НА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ ДРУГ ДРУГА

---

1. Влияние Соединенных Штатов на Россию

Две такие страны, как Россия и Соединенные Штаты, основные ценности которых очень близки друг другу по духу и которые всегда сохраняли мирные отношения, неизбежно должны были оказывать значительное влияние на социальную и культурную жизнь друг друга. Отношения между этими странами не были просто сосуществованием, но влекли за собой активное и творчески плодотворное влияние друг на друга. Менталитет, социальная жизнь и культура каждой из них стимулировались и обогащались за счет другой страны, и это шло на благо им обеим. Реальные масштабы этого социального и культурного влияния большинством людей вряд ли осознаются.

Влияние Соединенных Штатов на Россию началось давно и прямо или косвенно способствовало внедрению в России широкого набора американских ценностей, превращению их в органическую часть русской культуры, тем самым ощутимо воздействуя на российское общество и русскую жизнь. Основные области, в которых американское влияние было особенно сильным, следующие: во-первых, сфера общественно-политической организации, во-вторых, сфера технологий и бизнеса, в-третьих, литература, архитектура, кино, наука и философия, в-четвертых, общий склад ума русского народа.

Влияние Соединенных Штатов на социальную и политическую жизнь России было связано не столько с какими-либо активными, заранее спланированными действиями со стороны этой страны, сколько с «каталитическим эффектом» самого существования американской общественно-политической системы. Большинство людей, включая ученых-обществоведов, и не догадываются о том, что в социальной жизни само по себе сосуществование двух сил предполагает определенную степень их влияния друг на друга. Аналогичный процесс в химии называется катализом. Этот процесс предполагает ускорение химической реакции благодаря присутствию катализатора, причем сам ката-

лизатор остается неизменным и не участвует в ходе реакции. В социальной жизни взаимодействие или сосуществование двух людей вызывает какие-то эмоции, будь то гнев, любовь или ненависть. Точно так же само по себе наличие определенного социума оказывает на другое общество ощутимое влияние, которое, как правило, гораздо эффективнее влияния какого бы то ни было пропагандиста. Если в течение последних двух десятилетий коммунизм и фашизм в той или иной степени затронули большинство стран мира, то эти воздействия следует приписать не столько тому, что правительства этих стран покровительствовали им, сколько самому факту их существования в качестве политических сил, или, выражаясь иначе, их каталитическому воздействию. Это каталитическое влияние было гораздо сильнее, чем все коммунистические и фашистские пропагандисты вместе взятые.

Точно так же *сам факт появления и существования Соединенных Штатов с их политической конституцией и организацией оказывал постоянное влияние на политическую мысль и политическую жизнь России*. Это влияние началось еще в царствование Александра I, который после победы над армией Наполеона стремился создать либеральную федерацию европейских народов, основываясь на принципах, чем-то напоминавших американскую конституцию¹. К сожалению, либеральным планам императора противодействовали Меттерних и некоторые европейские державы, так что единственным плодом его деятельности стал Священный союз^{2*}.

Подобным образом Америка вдохновляла руководителей первого в России революционного движения в XIX в. – восстания декабристов 1825 г. Один из участников этого восстания, полковник Муравьев, разработал проект реорганизации России по федеральному принципу, во многом взяв за образец Конституцию Соединенных Штатов. Его конституция была официально утверждена Северным обществом декабристов. С того времени политическое устройство и политическая жизнь Соединенных Штатов стали предметом изучения и обсуждения в университетах, популярных журналах и газетах, среди студентов, политиков и среди ведущих государственных деятелей России. Ими искренне восхищались, а некоторые их элементы были заимствованы и внедрены в различные социально-политические институты России. Самой первой и главной в американской политической организации стала для России идея народной демократии. Некоторые черты американской конституции, такие как принцип

---

¹ Даже раньше. Еще в 1789 г. Б. Франклин был избран почетным членом Российской академии наук. В работах ведущих политических мыслителей XVIII в. Радищева и Новикова (1784) можно найти высочайшую оценку Соединенных Штатов и Дж. Вашингтона^{1*}. С того времени эта оценка стала традиционной в русской общественной мысли и литературе.

разделения и равноправия законодательной, исполнительной и судебной власти, независимость и высокие этические нормы Верховного суда Соединенных Штатов, не говоря уже о самой идее власти народа, волей народа и для народа^{3*}, особенно ценились в России, и предпринималось немало попыток, чтобы воплотить их в ее политическое устройство и политическую жизнь. То же самое можно сказать о той исключительно большой роли, какую играли Соединенные Штаты в деле частной инициативы и частных объединений и организаций. Страдая от чрезмерного централизма и от чрезвычайно большой роли, которую играло в России правительство, и не в меру скромной роли, выпадавшей на долю частных организаций, Россия испытывала реальную потребность в этих составляющих американской социально-политической организации и деятельности. Отсюда и их популярность в России. Этим же объясняется, почему недавний проект новой российской конституции, составленной в период правления Керенского, был написан под сильным влиянием американской конституции и в нем предполагалось целенаправленное введение многих ее принципов. Даже в новой Конституции СССР 1936 г. в том виде, как она существует на бумаге, многие пункты заимствованы из американской конституции. Аналогичным образом, когда придет время разрабатывать новую конституцию для послевоенной России, адаптированной к нормальным условиям жизни, нет практически никаких сомнений в том, что многие понятия американской конституции будут в нее включены.

Огромное влияние *американских технологий и организации производства* на российские технологии и экономическую жизнь никаких сомнений не вызывает. Это хорошо известный факт. Во-первых, Соединенные Штаты опосредованно оказали глубокое влияние на то, что Россия все больше и больше усваивала американские изобретения, начиная с парохода, сельскохозяйственных машин, электроприборов и телефона вплоть до автомобиля и технологии массового производства в промышленности. Косвенно же Соединенные Штаты заметно повлияли на формирование экономической и технологической жизни России, точно так же как они повлияли и на все другие страны.

Помимо этого косвенного воздействия, Америка повлияла на технологическую и экономическую жизнь России *непосредственно*, причем самыми разными путями. Так, например, американские инженеры и специалисты по организации производства приглашались для консультаций и руководства строительством или реконструкции технологических и экономических предприятий. Такие приглашения, направляемые и до революции, приняли огромные масштабы в ходе революционной перестройки России. Каждый знает, что американские специалисты сыграли решающую роль в деле индустриализации и экономического переустройства России. Величайшие строительные подвиги того периода,

такие как строительство Днепрогэса и Магнитогорска, а также развитие новых крупных промышленных центров были бы невозможны без непосредственного участия американских экспертов, которые выступали в роли проектировщиков, консультантов и советников. Американский полковник Хью Л. Купер, строитель Днепровской плотины, был первым иностранцем, награжденным Верховным Советом СССР^{4*}. Практически все основные отрасли промышленности в СССР были реконструированы и созданы под руководством американских специалистов.

Другой разновидностью этого прямого влияния было обучение русских специалистов, инженеров и хозяйственников в Соединенных Штатах. Это опять-таки происходило не только в период революционной реконструкции, но и до нее. Например, г-н Хилков, который стал министром транспорта в России и занимал этот пост в течение нескольких лет и который сыграл важную роль в развитии российского железнодорожного транспорта, несколько лет провел в Соединенных Штатах, изучая американскую железнодорожную систему теоретически и практически, работал на некоторых американских железных дорогах в разных должностях, начав с самого низшего обслуживающего персонала и дослужившись впоследствии до высших чинов. Его случай не единичен. Десятки русских побывали в этой стране, изучали различные отрасли промышленности и впоследствии применяли этот опыт в своей стране. Такая подготовка будущих российских специалистов в Соединенных Штатах приобрела очень большие масштабы во время революционной реконструкции. Советская власть отправляла сотни своих граждан в США, пользуясь щедрой помощью многих американских технологических институтов и инженерно-экономических факультетов американских университетов. Крупные промышленные предприятия страны, такие как «Дженерал электрик», компания «Форд», «Дженерал моторс»^{5*} и другие, обучали и обучают российских специалистов в области технологий и управления бизнесом. Вернувшись в Россию, они стали руководителями технических и производственных предприятий. Влияние, оказываемое таким образом, действительно было огромным. Даже случайный визитер мог увидеть, что все промышленное и техническое оборудование в России было реконструировано именно по американским образцам, причем так точно, что сами здания и их оснастка выглядели как второе издание американских моделей. Российские специалисты, которые никогда не были за границей, систематически изучали, как до, так и после революции, каждое новое американское изобретение и устройство, каждый новый метод, появившиеся в их профессиональной сфере. Многие американские машины и приспособления, попадая в Россию, копировались и распространялись. Если

учитывать эти и другие пути влияния Соединенных Штатов на российские технологии и промышленность, то нетрудно будет понять, почему термины «индустриализация» и «американизация», «технология», «эффективность», «изобретательность» и «американизм» нередко употребляются в России как синонимы. Можно понять, почему и высший идеал индустриального развития России состоит в том, чтобы достичь американского уровня успешности. Ни одна другая страна (конечно, не только за последние десятилетия) не оказала столь большого влияния на Россию в этих сферах социальной деятельности. Индустриализация и вторичная индустриализация России действительно во многом были «американизацией».

Если этот факт хорошо известен и здесь, и в России, то гораздо меньше известно о *культурном влиянии, которое американская литература, современная архитектура и кинематограф оказали на русскую культуру*. Тем не менее это влияние было весьма значительным. Широкое распространение и популярность американской литературы в России объясняется духовной близостью двух народов. Вряд ли есть какой-нибудь классик американской литературы, который не был бы переведен на русский язык и не встретил бы в России такого же теплого приема, как и у себя на родине. Все основные произведения Фенимора Купера, Марка Твена, Лонгфелло, Эдгара По, Г. Мелвилла, У. Уитмена, Джека Лондона, О. Генри, Гарриет Бичер-Стоу, Н. Готорна, а из современных авторов романы Синклера Льюиса, Эптона Синклера, Теодора Драйзера, Джона Стейнбека, если упомянуть лишь некоторых, были переведены на русский язык и пользовались широкой популярностью в России задолго до революции и после нее. Некоторые из книг, такие как «Хижина дяди Тома», «Принц и нищий», «Том Сойер», «Приключения Гекльберри Финна», «Песнь о Гайавате», «Ворон» и ряд фантастических рассказов Э. По, а также многие рассказы Джека Лондона, были, возможно, даже более популярны в России, чем в Америке. Некоторые из них стали очень популярны как «обязательное» чтение для русских детей.

Современные *архитектурные стили* с использованием железобетона, разработанные в Америке, в модифицированном виде стали ведущими в архитектуре современной России.

Американские *кинофильмы* тоже пользовались и пользуются необыкновенной популярностью в России – как до, так и после революции.

Наконец, американская *наука*, как естественная, так и социальная, и даже американская *философия* вошли в культурную жизнь дореволюционной России, а затем продолжили свое проникновение во все возрастающей степени. Американские естественные науки и технологии изучались в России наиболее

тщательно. Ни одна значительная теория и ни одно открытие не оставались без внимания. Американские научные публикации можно найти, за исключением деструктивных лет революции, в любом университете и во всех главных библиотеках страны. Вообще говоря, на протяжении всего XX в. американское естествознание оказывало такое же сильное влияние на естественные науки в России, как и в любой другой стране, и это влияние постоянно растет.

То же самое касается и *общественных наук, особенно социологии*. Труды таких американских социологов, как Лестер Уорд и Франклин Гиддингс, были переведены на русский язык и стали обязательными для специалистов, работающих в этой области.

В сфере *психологии и философии* были переведены на русский язык труды Уильяма Джеймса, а позже У. Макдугалла, которые в мои студенческие годы считались одними из основных в некоторых российских университетах, особенно такие произведения Джеймса, как «Психология», «Прагматизм», «Многообразие религиозного опыта», и «Социальная психология» Макдугалла.

Кроме того, американская симфоническая *музыка* (Харриса, Копленда и др.), а также американский джаз и свинг в последнее время сильно вторглись в русскую музыку. Часто исполняется симфоническая американская музыка, но как у нас, так и в других странах ни джаз, ни свинг еще не встречали столь теплого приема, как в России.

Наконец, *английский язык* был одним из трех основных иностранных языков наряду с немецким и французским, которые были обязательными и изучались до революции в гимназиях и университетах. После начала Первой мировой войны немецкий язык перестал быть обязательным, а английский стал одним из двух обязательных иностранных языков. В настоящее время английскому языку придается первостепенное значение среди иностранных языков, которые изучают и преподают в России

И, как говорится, *last, но ни в коем случае not least*, не забудем о том влиянии, которое Соединенные Штаты оказывали и оказывают на *психологию, склад ума и поведение русского народа*. Конечный результат этого влияния можно выразить в короткой, но весомой формуле: *Соединенные Штаты, американцы и американизм в течение длительного времени были и остаются чрезвычайно популярными в России*^{6*}. Многие конкретные ценности, так же как и сама система ценностей американского народа, вызывают восхищение у русского народа, высоко им ценятся, зачастую имитируются, частично усваиваются и нередко рассматриваются как идеал.

Когда среди русских появляется необычайно энергичный, успешный, изобретательный и оптимистичный по натуре человек, его зачастую называют «наш русский американец». Если что-то сделано хорошо, то про это говорят:

«сделано по-американски». Любое честное соблюдение правил тоже характеризуется как проявление «американского духа». Каждый шаг вперед в области технологий и управления производством, а также в сфере социального обслуживания, демократии и правосудия опять же считается шагом к «американизму». У русских вызывает такое же восхищение удачное сочетание идеализма с практическим реализмом, настоящей щедрости и доброты со смекалкой и находчивостью, свободы с порядком и законностью, а также неукротимая энергия, упорство и нежелание признавать поражение, будь то в борьбе с природой или с неблагоприятными социальными условиями. Факты и явления такого рода рассматриваются как типично американские. Эти примеры дают представление о том, как американцы и американские ценности воспринимаются в России и почему ими так восхищаются. Если обычного русского спросить, с какой страной Россия должна находиться в самом тесном союзе, то ответ в подавляющем большинстве случаев будет: «Америка», – под которой понимаются Соединенные Штаты. «Америка» стала символом всех перечисленных и многих других позитивных ценностей. В определенном смысле она стала живой легендой, воплощением всего того, о чем мечтают и к чему стремятся. Иногда эта идеализация Соединенных Штатов даже превосходит подлинные достоинства этой нации.

Такое отношение к Соединенным Штатам не только характерно, но и очень важно для обеих стран и их нынешних и будущих отношений. Оно не только свидетельствует о благоприятном впечатлении, производимом «Америкой» на русский народ, но и является лучшим и самым прочным основанием для дальнейшего плодотворного сотрудничества двух стран^{7*}. Оно является одной из двух основных сил, делающих возможным такое сотрудничество. И свидетельствует – и очень явно свидетельствует – о родстве душ и культур двух народов.

2. Влияние России на Соединенные Штаты

Очень значительным было и влияние России на Соединенные Штаты и их культуру. Это влияние наиболее заметно в общественно-политической и научной сферах, но особенно – в сферах литературы, музыки и театра. Влияние было и непосредственным, и косвенным и в целом усиливалось (и усиливается) в течение всего периода контактов между двумя странами.

В *общественно-политической* сфере Россия влияла на судьбу Соединенных Штатов, оказывая им помощь в некоторых критических случаях, особенно когда эта страна была сравнительно небольшой или когда оказывалась в состоя-

нии острого кризиса, таком как гражданская война. Неизменно дружественное отношение России во время этих критических периодов американской истории играло весьма существенную роль в формировании общественно-политической истории этой страны.

Еще более непосредственно Россия оказала и оказывает огромное влияние на Соединенные Штаты благодаря каталитическому фактору, каким является возникновение и само существование советской власти, причем влияние как положительное, так и отрицательное. Величина каталитического влияния намного превосходит все, что может исходить от пропаганды российских коммунистов или от сочувствующих им американцев. Советская власть, установленная в России, является самым радикальным политическим экспериментом нашего времени, и этот эксперимент оказал гораздо большее влияние на политическую жизнь всего мира, чем любое другое социально-политическое новшество XX в. Как и другие страны, Соединенные Штаты не избежали этого влияния. Влияние проявляется не только в том, что в Америке возникла коммунистическая партия, – само по себе это незначительное и почти незаметное событие, – а в том факте, что советская система внедрилась в сознание людей, проникла в политическую мысль как интеллектуалов, так и обывателей и сказывается практически в каждом секторе американской социально-культурной жизни. Независимо от того, дружелюбно или враждебно относятся люди к советской системе общественно-политической организации, всем им – и друзьям, и недругам – приходится с ней считаться и иметь дело. В этом смысле советская система стала неотъемлемой частью социально-политического мышления и социально-политической жизни нашего времени. И поэтому реальные последствия русского эксперимента в этих сферах совершенно очевидны. Вряд ли можно, открыв наугад свежую газету, номер какого бы то ни было журнала или только что вышедшую книгу по политологии, социологии, экономике, социальной этике или философии, не найти в них значительного объема, посвященного этой теме. Вряд ли можно посетить какое-нибудь важное политическое мероприятие или прослушать серьезный курс социальных наук в колледже и ничего не услышать о советской системе. Она задает темы для обсуждения на сессиях Конгресса, для церковных проповедей, публичных лекций и служит предметом спора при повседневном общении в кругу друзей и соседей. Сотни томов были посвящены этой теме, не считая лавины коммунистических изданий. И что еще важнее, каждое такое обсуждение обычно сопровождается повышенной эмоциональностью – как сторонников советской системы, так и ее противников и врагов. Десятки специальных комитетов (Комитет Дайса в Конгрессе^{8*} только один из них) были созданы для пропаганды советской системы или для борьбы с ней.

Влияние организации советской общественно-политической системы не ограничивается лишь дискуссией. Она оказала самое мощное влияние на реальный ход общественно-политической жизни и поведение как ведущих государственных деятелей, так и рядовых людей. Более того, вследствие неизбежного расширения государственного регулирования и контроля², всегда сопутствующего депрессии и войне, сама организация власти как в Соединенных Штатах, так и в других странах претерпела изменение в сторону советской системы. В ходе этой трансформации некоторые черты советской системы были преднамеренно скопированы и заимствованы.

Таким образом, хорошо это или плохо, но Россия оказала и оказывает очень глубокое влияние на общественно-политическую жизнь США.

Как американская наука влияла на науку российскую, точно так же происходило и обратное воздействие. *Непосредственно и косвенно русская наука своими достижениями заметно влияла на американскую науку, особенно это касается естественных, гуманитарных и общественных дисциплин.* Крупные открытия русских ученых в области естественных наук, такие как открытия Н.И. Лобачевского и блестящей русской математической школы, открытия Д.И. Менделеева и других видных русских химиков, И.М. Сеченова и других ученых-биологов, И.П. Павлова и множества русских физиологов и психологов – все эти открытия оказали существенное влияние на естественные науки в Соединенных Штатах. Это все возрастающее взаимное влияние обеих стран в области естественных наук продолжается и в настоящее время.

То же самое можно сказать и о взаимном влиянии в сфере социальных и гуманитарных наук. Российские социальные и исторические науки влияли на соответствующие дисциплины в Соединенных Штатах разными путями. Одним из таких путей были произведения коммунистических теоретиков – Ленина, Троцкого, Сталина, Бухарина и многих других, переведенные, опубликованные и получившие широкое распространение в Америке. Другим проводником влияния была публикация на основных европейских языках фунда-

---

² Основным фактором, влияющим на расширение государственной регламентации и контроля, всегда является возникновение чрезвычайных ситуаций в обществе, таких как голод, война, революция, эпидемия и т. п. Окончание или смягчение чрезвычайной ситуации и бедствия всегда приводит к уменьшению правительственной регламентации и контроля. Советская система возникла во время одной из величайших опасностей в истории России – большой войны, революции и сопутствовавших им голода и эпидемий. По этой причине нынешняя война^{9*} привела к чрезвычайному усилению правительственной регламентации во всех воюющих странах. Поскольку до сих пор практически безграничная централизованная правительственная регламентация является сердцевинной советской системы, сдвиг в этом направлении во всех воюющих странах оказывается сдвигом в сторону советской системы. Об этой закономерности см. в моей книге «Man and Society in Calamity» (New York, 1942, chap. VII).

ментальных работ русских социологов и социальных философов, таких как крупный теоретик права Л. Петражицкий, великий русский историк В. Ключевский и другие историки, рангом ниже, как Милюков, Платонов, Корнилов, а также трудов выдающихся философов и социальных мыслителей, таких как Н. Бердяев, Н. Лосский, В. Соловьев и др. Третий канал – работы российских ученых, которые впоследствии стали американскими гражданами и профессорами. Эти ученые, в числе которых немало выдающихся, таких как М. Ростовцев и др., привнесли в американскую социальную науку новые ценности, имеющие происхождение из их русского наследия. Через эти и подобные им каналы все отрасли русской науки и проникли в научную культуру американского народа.

Но особенно велико было влияние *русской литературы, музыки и театра* на сознание и культуру американского народа. Великие русские писатели влияли в первую очередь на американских писателей и их творчество. Их произведения, переведенные на английский язык, стали очень важным элементом литературы и культуры американского народа. Произведения Толстого и Достоевского, Тургенева и Гоголя, Чехова и Горького, вплоть до произведений современных советских писателей, известны большинству по-настоящему культурных американцев. Некоторые из них даже становятся бестселлерами, как стало недавнее издание «Войны и мира» Толстого. За исключением английской литературы, русская литература, наверное, наиболее читаемая и наиболее известная в Соединенных Штатах, по сравнению с литературой любой другой зарубежной страны. Он вошла в американскую культуру как ее органическая часть.

То же самое касается *русской музыки*, особенно симфонической. Недавнее исследование, в ходе которого была подсчитана частота, с которой восемь ведущих американских оркестров в период с 1876 по 1940 г. исполняли произведения разных композиторов³, показывает, что Чайковский занимает третье или четвертое место среди всех композиторов, уступая только Бетховену, а в некоторые годы указанного периода – Вагнеру, Брамсу, Моцарту и Баху, в то время как в другие годы он превосходил их всех, за исключением Бетховена. Следом за произведениями этих поистине великих композиторов всех времен среди композиторов современного периода по частоте исполнения идут произведения таких известных русских композиторов, как Глинка, Римский-Корсаков, Мусоргский, Стравинский, Прокофьев, Мясковский, Шостакович, Скрябин, Рахманинов, Глазунов, Глиэр, Рубинштейн, Бородин, Лядов, Балакирев, Мосолов^{10*}, Дукельский, Березовский, Ипполитов-Иванов и другие. Хотя благодаря Бетховену, Баху и Моцарту первое место в репертуаре основных

³ Mueller J.H., Hevner K. Trends in Musical Taste. Bloomington, 1943.

американских оркестров занимает музыка немецко-австрийская, музыка России занимает второе место. Если взять композиторов XX в., то русская музыка в репертуаре восьми основных американских оркестров оказывается на первом месте. Русская народная музыка тоже стала очень популярной в Америке и является ее неотъемлемой частью. Мелодии таких песен, как «Дубинушка», «Очи черные»^{11*} и сотен других русских народных песен благодаря многочисленным музыкальным коллективам и отдельным исполнителям стали чрезвычайно популярны.

Кроме того, достаточно посмотреть список музыкальных виртуозов Америки – скрипачей, виолончелистов, пианистов и т. д. (Хейфец, Пятигорский, С.В. Рахманинов, Кусевицкий и др.), а также состав ведущих оркестров, чтобы увидеть, что Россия оказала большое влияние на американскую музыкальную культуру. Доля таких музыкантов, выросших и получивших образование в России, очень велика среди ведущих музыкантов Соединенных Штатов. Влияние, оказанное Россией на американскую музыку этими и подобными им способами, было огромным.

Весьма плодотворным было и влияние русского *театрального искусства*, особенно оперы, драмы, комедии, трагедии и балета, на американский театр и балет. Помимо постановки большого числа российских пьес, опер и балетов, американское театральное искусство, несомненно, много заимствовало и скопировало как из искусства русской оперы и драмы Московского художественного театра, так и из русского балета, который в Америке и по своему составу до сих пор остается преимущественно русским. И даже американские фильмы не были полностью свободны от этого влияния русского театра.

Подведем итог. В сферах, которые мы рассмотрели, Россия внесла огромный вклад в американскую культуру, способствуя ее многообразию, обогащению и облагораживанию. Каждая из этих культур заметно обогатила другую, каждая дала другой ряд подлинно великих ценностей, которые стали органичной частью жизни и культуры обоих народов. Вместо обмена ударами и снарядами, вместо взаимного разрушения и ненависти, обе страны добровольно и щедро одарили друг друга лучшим из того, что они создали. Интенсивность и масштабность этого благотворного обмена свидетельствуют о глубинной конгениальности душ и культур двух народов.

На этом мы можем закончить наше рассуждение о глубоких и важных сходствах в складе ума, социальных институтов и культуры двух народов. Это сходство, наряду с отсутствием непримиримых противоречий между их жизненными ценностями, стало решающим фактором их долгого и нерушимого мира^{12*}. Исходя из тех же соображений, можно ожидать продолжения их твор-

ческого сотрудничества в будущем для взаимной выгоды как обоих государств, так и всего человечества. Остается, однако, еще одна проблема, которая, кажется, противоречит этому прогнозу, а именно проблема русского коммунизма, советизма и революции, которые, очевидно, невозможно согласовать с американским образом жизни и системой ценностей. Проблема настолько важна, что нельзя ни отмахнуться от нее, ни пройти мимо. Поэтому я намерен обсудить ее в следующей главе.

Глава девятая

РОССИЯ ПОСЛЕ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ ФАЗЫ РЕВОЛЮЦИИ

---

1. Призраки коммунизма и капитализма

Если бы Россия по-прежнему была чисто коммунистической страной, а Соединенные Штаты – чисто капиталистической, если бы сегодняшняя Россия была Россией первого периода революции (особенно в 1918–1922 гг.), а Соединенные Штаты находились в таком же положении, как в 1920–1929 гг. (до Великой депрессии^{1*}), то очевидно, что непримиримый конфликт между двумя народами был бы неизбежен. Никакое длительное примирение между этими диаметрально противоположными системами ценностей было бы невозможно, следовательно, всякое долговременное сотрудничество было бы исключено. Если бы нынешняя ситуация действительно была таковой, то те, кто говорит о неизбежности конфликта между Россией и Америкой, высказывает подозрения и серьезные опасения относительно русского коммунизма, призывает крестовый поход против коммунистической России или готовит либо советует хотя бы держаться подальше от нее, возможно, были бы совершенно правы.

К счастью, их предположения, равно как и выводы, сделанные на основании этих предположений, совершенно ошибочны. Они, кажется, проспали, по крайней мере, последние 15 лет и не заметили глубоких перемен, произошедших в обеих странах за этот период. Они не заметили, что классическая капиталистическая система, основанная на классической теории частной собственности, понимаемой как возможность владеть каким-либо имуществом, использовать его, управлять и распоряжаться им без каких бы то ни было ограничений, умирала в Соединенных Штатах в течение последних 50 лет и особенно в последние 15 лет, уступая место по большей части системе «корпоративной экономики», или «государственно управляемой экономики», которая принципиально отличается от классической системы капитализма и частной собственности.

Они поступают еще более глупо, когда не учитывают тот факт, что к середине 30-х гг. коммунистическая фаза Русской революции с ее воинствующим атеизмом, полным отказом от «буржуазных ценностей», с ее жестокостью и зверством, со своей фанатичной идеологией и т. д. практически подошла к концу и что Россия постепенно входит в постреволюционный этап – этап восстановле-

ния своего разрушенного хозяйства в соответствии с жизненно важными национальными тенденциями, нарушенными в ходе первой фазы революции. Они не понимают, что американский капитализм и русский коммунизм сейчас больше похожи на свои собственные призраки. Говоря об их неизбежном конфликте, они на самом деле говорят о борьбе мертвецов – о чем-то таком, что происходит лишь в ночных кошмарах или патологических фантазмагориях. Чтобы избавиться от этих наваждений, посмотрим более внимательно на то, что произошло с русской революцией и коммунизмом в течение примерно последних двух десятилетий.

2. Цикл крупных революций

Практически все думающие исследователи крупных революций, включая близких к нам по времени Алексиса де Токвиля и И. Тэна, справедливо отмечали, что они всегда преуспевали в деле уничтожения только тех институтов и тенденций, которые уже отмирали и которые непременно отмерли бы, даже если бы и не было никакой революции. Те же тенденции и институты, которые являются жизненно важными, только на время прерываются и перестают существовать в период разрушительной фазы революции. По окончании этого этапа они появляются снова, возобновляя дореволюционный курс своего развития наравне со спадом революции и особенно после ее окончания¹.

3. Цикл Русской революции

Эта закономерность справедлива и для Русской революции. В период примерно с 1918 по 1934 г. были ликвидированы все отжившие институты и культурные ценности России. Революция временно разрушила и большую часть работоспособных институтов, прервала течение плодотворных дореволюционных тенденций. Наблюдателю, не знакомому с реальным ходом революции, ситуация представлялась бы так, будто длительный период российской истории и развития национальной культуры резко оборвался и внезапно возник совсем другой социально-культурный строй. Действительно, именно так характеризовали ход революции ее руководители и ее жертвы, а также множество поверхностных наблюдателей. По сути, однако, ее разрушительная фаза закончилась примерно в середине 30-х гг. После этого ход развития социально-культурной жизни в России сделал резкий поворот и принял совсем другой характер – чуть ли не прямо противоположный тому, что был ранее. Много из того, что революция должна была уничтожать в первый свой период, теперь нужно было восстанавливать. Много из того, что она в свое время оклеветала,

---

¹ См. мои книги: «Sociology of Revolution» (J.P. Lippincott Co., 1925) и «Dynamics», vol. III.

теперь стали превозносить. С другой стороны, многие псевдоценности и псевдоинституты, которые были созданы на первом этапе революции, на втором ее этапе начали разрушать. Жизненно важные социально-культурные ценности, на время забытые в ходе первой фазы революции, постепенно стали укреплять свои позиции и вынуждали революцию отступать все больше и больше, пока она почти не была ликвидирована. Таков, вкратце, циклический ход развития Русской революции^{2*}.

Этот ход событий^{3*} больше удивляет тем, что Сталин по-прежнему остается диктатором России, а Россией, по-видимому, правит та же коммунистическая партия, которая заправляла делами во время деструктивной фазы революции. Для поверхностного наблюдателя это является бесспорным доказательством неизменного характера революции. В душе коммунистические лидеры, может быть, еще движимы теми устремлениями и ценностями, которые вдохновляли их во время первой фазы революции. Тем не менее их тайные устремления не имеют никакого отношения к реальному ходу событий. Главное – это тот курс, которого Сталин и коммунистическая партия фактически придерживаются с середины 30-х гг. А еще важнее характер и направленность тех изменений, которые претерпела за этот период социально-культурная жизнь России. Если вопрос поставить в такой форме, а это единственно правильная научная и социологическая его постановка, то ответ будет таким: во-первых, Сталин и коммунистическая партия во второй период революции выполняли задачи не только отличные от задач, выполняемых на первом этапе, но во многом и прямо противоположные им. Во-вторых, направление социально-культурных изменений в этот период резко отличается от изменений более раннего периода и отчасти противоположно им. Эта радикальная смена вех был произведена советскими вождами под давлением непреодолимых социально-культурных сил, требования которых они не могли игнорировать, поскольку могли поплатиться за это лишением власти. Они постепенно стали все более превозносить многое из того, что отвергали раньше, и все более осуждать многих «коммунистических божков», которых они прежде превозносили. Иначе их давно бы свергли, заменив руководителями, готовыми подчиняться неумолимым требованиям истории. Такие превращения с лидерами революции происходили уже не раз.

4. Закат коммунизма и рост новой жизнеспособной России

Фактов, подтверждающих этот вывод, так много, что невозможно их все перечислить. Вот несколько типичных примеров.

От разрушения семьи к ее восстановлению. Во время первого этапа коммунистической революции ее лидеры сознательно стремились уничтожить многоамную семью и брак как основу капиталистической системы и частной собственности, которую они намеревались отменить. В соответствии с этим была

введена полная свобода развода. Воспевали свободную любовь, проводя известную аналогию со «стаканом воды»^{4*}: если человек хочет пить, то безразлично, из какого стакана он утоляет свою жажду; если человек сексуально голоден, то столь же маловажно, какой «сексуальный стакан утолит его жажду». Кроме того, было практически отменено правовое различие между социально санкционированным браком и случайной половой связью. Коммунистическое право говорит о контрактах между мужчинами и женщинами для удовлетворения их сексуальных потребностей. Договор может быть заключен как на неопределенный, так и на определенный срок – скажем, на год, неделю, месяц или на один раз. Очевидно, что при таких условиях не только была полная свобода развода, но желающие развестись даже не обязаны были проходить официальную процедуру развода: жена или муж могли расторгнуть брак, не уведомляя об этом. Не обязаны они были и регистрировать свой «брак». В таких условиях многоженство, двоеженство и любые другие формы брака были вполне законны. Аборты поощрялись, и государственные институты даже способствовали им.

Последствия такой «свободы» отмечал уже Аристотель, критикуя коммунистическую систему Платона применительно к женщинам^{5*}. Орды диких, бездомных детей вскоре стали реальной угрозой для самого Советского Союза. Миллионы жизней были загублены, особенно девушек и женщин. По советскому закону женщина или девушка имеет право на алименты от отца ее детей. По данным некоторых зарубежных панегиристов коммунизма, эти алименты надежно защищают интересы жены и детей. Однако на самом деле, если совокупный доход мужчины составляет, скажем, 12 долларов в месяц, а фактически в среднем он и того меньше и если на эти 12 долларов он должен содержать себя, свою первую жену и детей, свою вторую жену с детьми и т. д., то очевидно, что его дохода не хватит, чтобы он мог прожить сам и поддерживать всех своих иждивенцев. Чтобы сократить наш длинный трагический рассказ, достаточно отметить, что после нескольких лет экспериментирования даже Советское правительство и коммунистическая партия пришли к осознанию губительности своей политики. Под давлением катастрофических последствий эксперимента они были вынуждены постепенно отказаться от нее и в конце концов переменить ее на противоположную, а именно восстановить семью и брак на их дореволюционной основе. Теория «стакана воды» была отвергнута, а ее приверженцев объявили «контрреволюционерами» и стали подвергать соответствующему наказанию. Ей на смену пришли строгий викторианский кодекс верности и преданности до гроба, восхваление целомудрия и девственности, похожее на наставления апостола Павла, и ряд радикальных изменений в законах, регулировавших брачные и семейные отношения. Свобода развода снизилась до дореволюционного уровня. Стали проводить четкое различие между социально санкционированным браком и случайными половыми связями. Святость брака была восстановлена. За аборты стали наказывать, за исключением немногочис-

ленных случаев, предусмотренных в законе, таких как угроза жизни матери или другие причины, прописанные в законодательстве большинства западных стран. В 1943 г. даже система совместного обучения в средних школах была отменена и введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Короче говоря, в постдеструктивный период Русская революция полностью изменила свою политику и была вынуждена восстановить брак и семью в том виде, в каком они существовали до революции. К 1940 г. цикл был почти завершен. В это время семья и брак стали более «викторианскими» (без лицемерных черт викторианской семьи), чем в большинстве западных стран. «Свободная любовь» (в специфическом смысле) в России к 1940 г. была гораздо более редким явлением, чем во многих других странах. Таков цикл, пройденный российской семьей за короткий двадцатилетний период. Революция, после тщетной попытки ее уничтожить, в конце концов поддалась давлению социально-культурных сил, слишком сильному, чтобы его можно было игнорировать^{6*}.

От гонений на религию к веротерпимости. Подобный же цикл, еще не завершенный, наблюдается и в сфере *религии и свободы совести*. Мы видели (в пятой главе), что первый период революции был отмечен негативным или враждебным отношением к религии, особенно к Русской православной церкви. Религия подвергалась гонениям и искоренялась всеми имевшимися в распоряжении коммунистических правителей средствами. Сосуществование коммунистической и религиозной систем казалось невозможным. С начала 30-х гг. стали очевидны изменения в этой области. Воинствующий атеизм коммунистической партии начал затихать, гонения ослабли, и стала проявляться некоторая доля веротерпимости. С того времени эта новая политика достигла заметного прогресса, так что теперь между Советским государством и Русской православной церковью установилось довольно теплое сотрудничество, они работают бок о бок в деле обороны страны, а также в ряде других сфер деятельности. Преследования и дискриминация в значительной степени исчезли. Ценность религии признается открыто. Правительство восхваляет великих русских религиозных деятелей прошлого, особенно за их заслуги перед страной. И наоборот, Русская православная церковь, ее иерархи относятся к власти уже не так настороженно и негативно, как это было в период гонений. Православная церковь полностью отделена от государства; приверженность к ней сугубо добровольна; она не имеет привилегий перед другими религиями; является демократической и сама выбирает своих иерархов; сохраняет главенство патриарха, должность которого была учреждена в 1917 г. на Всероссийском православном соборе; священники и епископы не являются государственными служащими, в основном это харизматичные духовные и нравственные авторитеты. Короче говоря, Русская православная церковь приняла на себя тот образ, который был четко определен ею до революции.

Конечно, было бы неверно утверждать, что полная религиозная свобода уже достигнута или что церковь совершенно независима от государственной власти.

Коммунистические лидеры не изменили своих убеждений радикальным образом: они, скорее всего, предпочли бы не иметь ни церкви, ни религии – ничего, что могло бы помешать им реализовать свои планы. Тем не менее положение религии и церкви в России сильно отличается от того, каким оно было в первый период революции. Хотя цикл еще не завершился, он уже пройден на две трети. Нет никаких сомнений в том, что он будет завершен, независимо от личного отношения и убеждений правителей и правящей партии. Религия, в частности православие, выдержала решающее испытание революции и, несмотря на значительное сокращение числа ее приверженцев, возрождается очищенной, одухотворенной и облагороженной. Рост числа ее сторонников – это всего лишь вопрос времени^{2/7*}.

От деспотизма к глотку свободы. Такая же тенденция, хотя и в меньшей степени, просматривается и в случае со *свободой мысли, слова, печати и собраний*. В первом периоде коммунистическая догма утверждала, что все эти «свободы» не более чем «лицемерные буржуазные предрассудки»^{8*}. Над ними издевались, их отрицали и отвергали. Во втором периоде новая Советская конституция 1936 г. официально провозгласила их неотъемлемыми правами граждан^{9*}. До сих пор этот новый принцип далек от полного воплощения в жизнь. В России до сих пор существует только правительственная пресса, все типографии находятся в руках властей, ничто не может быть опубликовано без их одобрения, любая открыто оппозиционная речь, скорее всего, приведет оратора в тюрьму, никакие объединения без разрешения властей недопустимы и т. д. Однако в рамках контролируемой правительством прессы и мысли сейчас гораздо больше терпимости к мнениям несогласных, чем в первый период революции. В настоящее время множество теорий и оценок можно высказать и опубликовать без риска получить тюремное заключение или другое наказание. В более ранний период публиковались и распространялись только те работы, которые так или иначе были связаны с коммунизмом и советской властью. К 1940 г. стало все больше публиковаться литературных произведений (в том числе с резкой критикой коммунизма, советской власти и коммунистических вождей), появилось большое число научных, учебных и других работ, не имеющих прямого отношения к коммунизму, и даже несколько религиозных и философских трудов (за счет сокращения объема коммунистической литературы). Общая атмосфера стала гораздо более благоприятной для роста свободной и либеральной мысли, чем была до сих пор. Короче говоря, свобода мысли, слова и печати значительно расширилась во втором периоде революции^{10*}. Хотя прогресс, достигнутый в этой области, пока еще весьма невелик и цикл далеко не закончен, нет сомнений в том, что новая тенденция сохранится и будет усиливаться. И в этом отношении России возрождает тенденции, которые наблюдались до революции.

От развенчания к восхвалению русской культуры. Еще больше поражает отношение правительства к общекультурным ценностям. Во время разрушитель-

² См.: *Timashev N.S. Religion in Soviet Russia* (Sheed, 1942).

ной фазы революции не только отрицались и поносились религия, семья, юридические и этические ценности, но яростно разоблачались даже достижения великих русских писателей, композиторов, ученых и философов. Выдающихся русских писателей, например Пушкина, Толстого и Достоевского, третировали как «рупоры выродившейся аристократии». Некоторые произведения, такие как «Бесы» Достоевского, были включены в индекс *Librorum Prohibitorum*^{11*}, и даже его «Братьев Карамазовых» запретили ставить на сцене МХАТа.

То же самое касается музыкальных произведений и композиторов. Некоторые произведения Чайковского, такие как «Славянский марш» и увертюра «1812 год», а также несколько опер Римского-Корсакова были запрещены для публичного исполнения. Причина этих и подобных запретов объяснялась, конечно, необходимостью подавления «контрреволюционного духа».

Такое негативное отношение и грубая нетерпимость к «буржуазным ценностям» наблюдались в течение всего указанного периода. Тысячи книг, нередко совсем далеких от политики, были по указанию свыше либо изъяты из библиотек и уничтожены, либо изъяты из обращения. Большинство немарксистских исторических и социально-научных трудов, трудов по психологии и философии, которые отклонялись от ортодоксальной трактовки марксистской догмы, представленной Лениным, Троцким, Бухариным или Сталиным, попали в этот разряд. Американской общественности интересно будет узнать об изъятии работ Уильяма Джеймса (в переводе на русский), которые попали в разряд запрещенной «контрреволюционной» литературы.

Точно так же в сфере изящных искусств все, что отклонялось от предписанного коммунистическим правительством образца, так или иначе попадало под запрет. Например, в первые годы после революции правительство было активным сторонником различных «футуристических» и «модернистских» течений. Поэтому любое произведение, каким бы нелепым оно ни было, созданное в рамках этих литературных течений, поощрялось, а любое произведение в «устаревшем буржуазном и контрреволюционном стиле» не приветствовалось или даже запрещалось.

Это тупоумное рвение дошло до того, что в университете и средней школе учебные программы большинства социальных, гуманитарных и философских дисциплин, которые не были марксистскими, были отменены и заменены тем, что получило прозвище «коммунистическая теология», которая состояла из ортодоксальной истории коммунистической партии, коммунистической революции, политического устройства СССР, экономической организации Советского Союза и популярного учебника коммунистических догм. Немарксистские профессора (если их еще не расстреляли или не посадили) были уволены. В этой области практически не осталось никакой возможности опубликовать труд, если он не соответствовал строго догмам официальной истины, предписанной правительственным указом.

Даже математические и естественные науки были объявлены «буржуазными», и была сделана попытка заменить их «пролетарской» математикой, физикой, химией и биологией. Настоящих ученых заменили невежественные «красные профессора». В учебнике по арифметике все задачи на сложение, вычитание, умножение и деление, в которых «один купец продал столько-то яблок по столько-то копеек за штуку» и т. п., были убраны как «контрреволюционные и буржуазные». Их заменили задачами о том, как много, например, Красная армия порубила контрреволюционеров. Разумеется, от этой нелепой «пролетаризации» науки и математики в конечном итоге отказались, но сама попытка служит хорошим показателем настроения, преобладавшего в то время в среде коммунистических правителей.

С начала 30-х гг. такое отношение начало меняться, сначала незаметно, а затем все более ускоряясь. На смену предыдущему негативному пришло бережное отношение к большей части культурных ценностей. В 1937 г. по случаю столетия со дня смерти Пушкина правительство организовало сотни официальных праздников и тысячи общественных собраний в его честь, устроило переиздание его произведений и до невероятности превозносило его гениальность. Коммунистические книги, в которых его разоблачали как «рупор выродившейся аристократии», теперь были признаны антикоммунистическими и контрреволюционными. Авторам, в том числе и коммунистам, которые упорствовали, отстаивая свое прежнее к нему отношение, было предложено прекратить их «контрреволюционные бредни». Короче говоря, произошел полный переворот.

То же самое можно сказать об остальной великой русской литературе, а также о выдающихся музыкальных произведениях, картинах, архитектурных сооружениях (в том числе церквях, представляющих ценность с точки зрения истории русской архитектуры) и, наконец, о научных, философских, религиозных, этических и юридических ценностях. Все они высоко ценятся и превозносятся. Все попытки развенчать их были запрещены, их хулителей публично порицают, осуждают как контрреволюционеров, а иногда и карают.

Реакция на первый период революции зашла так далеко, что большинство марксистских учебников по истории России были запрещены, особенно те, что ранее были рекомендованы и написаны [заместителем] наркома просвещения Покровским. Эти и подобные им «произведения» были заменены такими, которые мало чем отличались от дореволюционных учебников по русской истории. Подобно последним, они не ограничивались простым упоминанием о знаменитых русских царях и князьях, генералах, промышленниках, изобретателях и ученых, художниках, религиозных деятелях и т. д., но и высоко оценивали их как гениальных творцов и выдающихся создателей русской цивилизации. Большое количество книг, написанных коммунистическими вождями и опубликованных

в первый период, теперь запрещены и изъяты из обращения, будучи объявленными изданиями «троцкистскими» или «уклонистскими».

Кроме того, в кинофильмах начали прославляться некоторые исторические личности, которые в течение первого периода были объявлены «контрреволюционерами». Такие фильмы (в их числе «Александр Невский», показанный в Соединенных Штатах, и «Петр Первый») увековечили имена известных русских князей и святых (Александра Невского), царей (например, Петра I и Александра I), полководцев (таких как Суворов и Кутузов), а также видных – хоть и весьма консервативных – русских ученых (например, М.В. Ломоносова, Менделеева и Павлова) и промышленников и т. д.

В соответствии с этим радикальным поворотом большинство социальных, гуманитарных и философских дисциплин были возвращены в учебные программы университетов и средних школ, настоящих ученых вернули на их профессиональные и научно-исследовательские должности, в сфере экономики, техники, науки, образования, искусства и даже в военном деле на смену невежественным коммунистам стали постепенно возвращаться подлинные эксперты. Пьеса под названием «Фронт», написанная одним из ведущих коммунистических писателей Александром Корнейчуком и опубликованная 25–27 августа 1942 г. в газете «Правда» (официальном органе коммунистической партии), является типичным образчиком этой новой культурно-практической направленности. Главный отрицательный герой этой пьесы – командующий фронтом, известный коммунист по фамилии Горлов, прославившийся еще во время гражданской войны. Он изображен как ограниченный, своекорыстный и тщеславный человек. Ему противостоит группа молодых генералов, которые никак не проявили себя в годы гражданской войны, не занимают высокое положение в органах коммунистической партии и не могут похвастаться никакими наградами за революционные заслуги. Горлова раздражает их пренебрежительное отношение к его стратегическим планам и военным приказам. Он угрожает наказать их за неповиновение. Они спокойно отвечают, что его приказы бездарны, что его заслуги в годы гражданской войны не имеют никакого отношения к требованиям этой войны, что он заплыл «жиром», почивая на лаврах своих революционных заслуг, и должен уйти в отставку. Горлов снимает их с должностей и отдает под трибунал. Но в этот момент приходит приказ из Москвы о снятии Горлова и назначении вместо него командующим фронтом одного из этих генералов.

Такая пьеса, написанная коммунистом, опубликованная в «Правде» и поставленная в России, символизирует радикальную перемену, которая произошла с революцией в отношении практически всех подлинных ценностей русской культуры. Временному забвению этих ценностей на первом этапе революции сейчас определенно наступает конец, коммунистические попытки заменить историческую культуру декретной псевдокультурой оказались тщетными.

Завершение этого цикла означает *коренное изменение российского менталитета и русской психологии, резко расходящееся с первым периодом революции и возвращающееся в этом отношении к плодотворным тенденциям дореволюционной эпохи*. То, что умирало в этой области до революции, умерло, то, что было жизнеспособно, возродилось и процветает. Ушла психология классовой ненависти, культивировавшаяся в течение первого периода революции, и на смену ей пришла глубокая убежденность в национальном единстве и солидарности всех классов и групп. В первом периоде сами термины «патриотизм», «Россия», «отечество», «родина» были взяты под сомнение. Любимыми девизами были: «Да здравствует пролетариат!», «Коммунистический Интернационал» и подобные лозунги. Эти лозунги теперь забыты. Коммунистический Интернационал распущен. Даже в официальных приказах Сталина, таких как приказ от 1 мая 1943 г. (№ 195), читаем: «Да здравствует наша славная Родина! Да здравствует наша доблестная Красная Армия! Да здравствует наш доблестный Военно-Морской Флот! Да здравствуют наши отважные партизаны и партизанки! Смерть немецким захватчикам!»^{12*}, а не «Да здравствует коммунизм, пролетариат, Третий Интернационал!» или «Смерть капитализму и буржуазии!». Призывы к национальному патриотизму заменили призывы к пролетарской солидарности и международному коммунизму. Призывы к национальному единству заменили призывы к классовому расколу. Это изменение началось еще за несколько лет до начала войны^{13*}.

Если понимать этот цикл революции, то множество фактов, в противном случае непонятных, становятся понятными и встают на свои места, как фрагменты сложной головоломки.

От коммунистической Красной армии к русской национальной армии. Многие люди были поражены героизмом и необыкновенным боевым духом Красной армии, талантом ее генералов, технической подготовленностью России, бесчисленными жертвами, принесенными русским народом во время войны, и множеством других неожиданных военных характеристик России. Мы все знаем, как сильно ее армию недооценивали практически все зарубежные специалисты, в том числе и Гитлер со своими генералами. Увидев неожиданную ее мощь, многие пришли в замешательство и не могут ее объяснить. Другие – легион поверхностных репортеров – объясняют это чудом революции. Согласно этим «наблюдателям», вплоть до революции у России не было заслуживающей внимания армии, не было у нее ни генералов, ни военной техники. Все эти изменения, как они полагают, были произведены революцией словно по мановению волшебной палочки. Вряд ли стоит говорить об абсурдности подобных взглядов. Не надо много ума, чтобы совершенно ясно понять: сам факт выживания России и ее превращение в одну из величайших империй были бы невозможны, если бы с самого начала ее истории у нее не было сильной, хорошо вооруженной армии, которой командовали первоклассные полководцы, и если бы у нее не было хорошо

организованной обороны. Россия – открытая равнина, простирающаяся по всей Восточной Европе и Азии. У этой равнины нет естественных преград, таких как океаны, моря или непроходимые горы. На ее территорию постоянно вторгались как азиатские, так и европейские завоеватели. Если, несмотря на это, Россия не была уничтожена, если почти все вторжения были отбиты и захватчики побеждены, если через почти двенадцать веков своей истории Россия все еще на карте – да еще как! – то это означает, что она была способна успешно организовать свою военную оборону, создать первоклассную армию, состоящую из прекрасных солдат и полководцев, соответствующим образом вооруженных. Те, кто знаком с военной историей России, знают, что она была столь же славной, как у любого другого государства; что победы увенчивали ее военные усилия так часто, как ни у одного другого народа, что у нее были столь же выдающиеся военачальники, как в любой другой армии. Имена Святослава, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Александра Невского, Петра Первого, Суворова, Кутузова и Скобелева стоят в одном ряду с именами самых выдающихся военачальников в истории Европы.

Подведем итоги. Только тем, кто ничего не знает о русской армии и русских людях как воинах, а также о военной истории России, упорство, стойкость, героизм и боевой гений Красной армии могут казаться неожиданностью, загадкой или магией революции. Те, кто знаком с русской военной историей, знают, что эти качества вполне соответствуют многовековой национальной военной традиции страны, несмотря на кратковременные отступления от нее³.

Красная армия в первый период революции была очень слаба, не могла противостоять вооруженным силам любого сильного народа или даже сравнительно слабым армиям Польши и Финляндии или уже частично дезорганизованной Германии 1918 г. Сначала Красная армия терпела много поражений от малочисленных отрядов так называемой Белой армии. Эта слабость как раз и стала причиной того, почему уже в 1921 или 1922 г. ее начали преобразовывать в национальную армию России, почему для проведения этой реорганизации коммунистическое правительство пригласило бывших царских генералов, почему ее формирование, как и до революции, стало производиться посредством всеобщей воинской повинности, а не на основе добровольного вступления в нее «пролетариев». С того времени до самого начала нынешнего конфликта^{16*} советская власть и русский

³ Со времен татарского нашествия ни в одном из крупных конфликтов, в которые была вовлечена Россия, врагу не удавалось так далеко проникнуть в глубь ее территории и захватить столь большую и важную часть страны, как это удалось сделать немецкой армии во время нынешней войны^{14*}. Даже гораздо более слабой царской армии во время Первой мировой войны удалось остановить врага у границ империи. Только в Смутное время в начале XVII в., когда анархия и революция серьезно подорвали Россию, ее враги сумели (в основном дипломатическими, а не чисто военными способами) вторгнуться примерно так же глубоко, как это сделали войска «оси» в ходе этой войны^{15*}. В обоих случаях катастрофа была связана в первую очередь с недееспособностью народа, обусловленной затяжной анархией и революцией.

народ последовательно решали задачу восстановления национальной армии. В ходе этой реконструкции (включая звания, организацию и дисциплину среди рядовых, различные технические и другие изменения, требуемые современной войной) главными ориентирами были славные традиции русской армии, подвиги воинов прошлых лет и любовь к отечеству, родине (не к «коммунизму» или «пролетариату»). До недавнего времени оставалась одна из важных особенностей коммунистической идеологии, а именно использование политических руководителей (политруков), которые сопровождали армию с целью обеспечения ее верности коммунистическим вождям. Но даже эта функция была упразднена вскоре после решающего испытания – начавшейся войны. Сегодня так называемая Красная армия фактически является русской национальной армией. Ее руководители и генералы являются преемниками великих русских воинов прошлых времен, идущими по их стопам, подражающими их деяниям и поддерживающими их дух.

Восстановление национальной армии России почти закончено. Символически это показали два недавних нововведения – неважные сами по себе, но знаменательные для наших целей. Примерно год тому назад Советское правительство представило три новых высших военных ордена, которыми награждают за подвиги. Это орден Александра Невского, орден Суворова и орден Кутузова. До этого времени аналогичными орденами были только орден Ленина, медаль Героя Социалистического Труда и некоторые другие ордена, сугубо революционные по своему происхождению и названию. Теперь наряду с наградами, неразрывно связанными с революцией, мы видим эмблемы с изображением знаменитого князя, воина и святого XIII в. (Александра Невского), царского генерала Суворова, одного из самых выдающихся военных гениев всех времен, и другого царского генерала – Кутузова, победителя Наполеона. Какое нелепое сочетание – орден Ленина рядом с орденами святого князя и царских генералов! Такие странные сочетания – не редкость во втором периоде революции.

Еще более важным является восстановление в 1943 г. правительством СССР погон как знаков различия воинских званий. В начале коммунистической революции погоны сорвали бы с любого, кто рискнул бы их надеть, и их носитель, скорее всего, был бы убит или, по крайней мере, задержан. Погоны рассматривались как символ одиозных царских и капиталистических режимов – как знак контрреволюции. С приходом к власти коммунистических правителей они были в армии отменены, и казалось – навсегда. Но в 1943 г. они вновь появились, будучи введенными Сталиным и Советским правительством. Советская печать восторженно хвалит эту реформу, а советские фотографы с удовольствием снимают генералов Красной армии, демонстрирующих это новшество на своих плечах. Даже сам Сталин в 1943 г. начал публично появляться в блистательном мундире Маршала Советского Союза, а не в своем прежнем простом полувоенном френче.

Эти реформы носят символический характер. Они наглядно показывают, что произошло с коммунистической армией первого периода революции: она уступила место национальной армии России, солдаты которой героически сражаются и умирают не за коммунизм и не за Третий Интернационал, даже не за «мировую революцию» и ликвидацию капитализма, а за свою любимую родину, Святую Русь, как боролись и умирали за нее их предки. А бывший коммунист Сталин сейчас командует национальной армией. В этой области цикл практически завершен.

От коммунистической диктатуры к национальной демократии, а затем к военной диктатуре. Сказанное об армии можно – с некоторыми оговорками – сказать почти обо всех основных институтах, существующих в настоящее время в Советском Союзе. Глубокие изменения в структуре центральной власти, произошедшие после окончания первого периода революции, зафиксированы в новой Конституции СССР 1936 г. Во всех своих основных элементах система правления в соответствии с этой конституцией является безусловно демократической, в противоположность системе коммунистической диктатуры (выступавшей под псевдонимом «пролетарской диктатуры», или «Третьего Интернационала»). Конечно, новая конституция остается в значительной степени теоретической реформой: ее положения были реализованы лишь частично из-за краткости периода, прошедшего с момента ее принятия. С началом войны^{17*} дальнейшее применение ее положений прекратилось, точно так же, как нормальный демократический режим перестал функционировать во всех воюющих странах. Его место занял военный режим, который должен быть скорее диктаторским. Однако нынешний режим не является диктатурой пролетариата и коммунистической партии, это национальная диктатура, обусловленная участием в гигантской войне. Наблюдая ее природу и деятельность, едва ли можно обнаружить что-нибудь коммунистическое или пролетарское, за исключением имен ее лидеров и названия партии – коммунистическая (или, как она теперь официально называется, большевистская^{18*}). Имена старые, но политика, которую ведут руководители, и деятельность, которую они направляют, являются насквозь националистическими.

Возрождение дореволюционной внешней политики. С середины 30-х гг. внешняя политика Сталина стала продолжением внешней политики царизма в период его расцвета. Поэтому неудивительно, что, как и в царские времена, сталинская политика должна была привести к ряду явных и неявных конфликтов с традиционным врагом – Японией, что она способствовала установлению хороших отношений с Китаем, что Россия объявила превентивную войну Финляндии с целью защиты от более сильных противников, что она привела Россию в тот же круг союзников, с которыми она была связана во время Первой мировой войны, и к конфликту с тем же главным врагом – Германией, что, наконец, Сталин и русский народ хотят вернуть себе такие территории, как Бессарабия,

прибалтийские губернии и преимущественно русские части Польши, которые после пребывания в составе России в течение одного или нескольких веков были отняты у нее в период ее ослабления и отошли некоторые к Румынии, а некоторые к Польше или же провозгласили себя независимыми государствами (например, Латвия и Эстония). Этот раздел России после Первой мировой войны был не только ошибкой, но актом грубого вероломства по отношению к стране, которая спасла своих союзников и понесла большие потери, чем любая из союзных ей стран. Если после нынешней^{19*} войны не возникнет новый мировой порядок, если международная анархия, царящая между множеством эгоистических суверенных государств, сохранится, Россия будет иметь полное право снова присоединить к себе эти утраченные ею территории. Сталинская политика в этих вопросах, безусловно, опирается на народ, ведущий по преимуществу национальную политику^{20*}.

Изменения в организации экономической жизни. Такой же упадок строго коммунистических тенденций в пользу национально ориентированных тенденций развития во внутренней политике советского правительства наблюдается не только в отношении семьи, религии, армии и культуры в целом, но и в области *экономической реорганизации*. В экономической и финансовой сферах от некоторых чисто коммунистических и уравнилельных новшеств, введенных сразу же после революции, пришлось отказаться уже в 1919–1922 гг. Это, прежде всего, была жесткая политика экономического равенства доходов и уровня жизни, которую коммунистическое правительство попыталось осуществить на практике сразу после своего прихода к власти. В 1918 г. оно установило соотношение между самой высокой и самой низкой заработной платой работников в пределах от 175 до 100. В 1919 г. оно вынуждено было пойти еще дальше в сторону неравенства, издав декрет, устанавливавший более 30 различных градаций размера заработной платы и доходов. В 1921 г. принцип равенства был полностью отброшен и заменен «соразмерностью вознаграждения с эффективностью труда». С этого времени неравенство в разных формах возрастало до тех пор, пока к 1940 г. некоторые группы, такие как высшие чиновники, художники, ученые и инженеры, не стали получать доходы во много сот раз больше, чем основная масса населения. В рамках самого рабочего класса заработная плата резко отличается в зависимости от производительности труда и других факторов. Всячески поощрялся так называемый стахановский принцип стимулирования производительности по соответствующей шкале оплаты труда. Одним словом, коммунистическая уравниловка вскоре умерла естественной смертью.

Другое коммунистическое новшество, которое пытались ввести в первые годы революции, – это *отмена денег и замена их натуральной «продовольственной системой»*: каждому или каждой по его или ее потребностям. Поскольку советская валюта обесценилась до такой степени, что потеряла почти всякое зна-

чение, такая радикальная реформа была более чем понятной. Но она не работала. Поэтому уже в 1922 г. Советское правительство пригласило Кутлера, бывшего царского министра финансов, и некоторых других специалистов по финансовой части для восстановления кредитно-денежной системы. Эта задача была выполнена, и с этого времени советская денежная система функционирует так, как и следовало ожидать. Никаких дальнейших попыток прекращения использования денег больше не предпринималось.

Уже в 1921 г. коммунистическая экономическая система столкнулась с серьезным кризисом. Отчасти в результате Первой мировой войны, а также вследствие гражданской войны и политики коммунистов Россия была доведена до состояния беспросветной нищеты и разрухи. Эти обстоятельства плюс рост восстаний населения против советской власти заставили правительство отказаться от своей коммунистической политики и ввести то, что официально было названо новой экономической политикой (НЭП). НЭП был резким переходом от коммунистической экономики к системе, промежуточной между коммунизмом и капитализмом.

С того времени советская экономическая политика претерпела ряд преобразований. Ее основной задачей была быстрая индустриализация страны, осуществляемая правительством целенаправленно и с использованием самых передовых технологических методов. Эта задача осложнялась пониманием необходимости повышения готовности к войне, что повлекло за собой огромные расходы на вооружение и тяжелую промышленность. Эти цели заставили правительство провести коллективизацию, сократить до минимума (граничившего с нищетой и настоящим голоданием) уровень жизни населения, составить пятилетние планы экономического развития и предпринять ряд других жестких мер. Если бы революции не было, индустриализация все равно произошла бы, и вероятно, даже более успешно – без всех этих насильственных мер. В условиях революции грубое принуждение, несущее страдания многим миллионам людей, было неизбежно для выполнения этой задачи.

К 1940 г., как мы видели, Россия заняла фактически второе место среди промышленно развитых стран мира. Была создана тяжелая промышленность. Теперь появилась возможность наладить масштабное производство товаров народного потребления и таким образом в течение короткого времени значительно повысить уровень жизни народных масс. Если бы не было войны, лет за десять уровень жизни, несомненно, возрос бы очень заметно. К сожалению, война не только остановила этот процесс, но и превратила почти всю европейскую территорию России и часть территории азиатской в подобие кладбища. Города и села, поля и заводы разорены, завалены трупами и обугленными руинами, трудно представить, что прежде это были процветающие сельскохозяйственные и промышленные территории. Второй раз за это столетие война помешала России достигнуть

высокого экономического уровня жизни^{21*}. Таковы в общих чертах преобразования экономического строя в России, произошедшие в последнее время.

Эта контролируемая и управляемая государством экономика (или этатизм: от фр. *état* – «государство») сама по себе не является ни коммунистической, ни капиталистической^{22*}. Она практиковалась много раз прежде, в самых консервативных странах далекого прошлого, например в Древнем Египте при фараонах, т. е. при режиме, максимально далеком от коммунизма. Это была основная экономическая система Птолемеевского Египта, древней Спарты, Липары^{23*}, древнего Рима после III в. н. э., Византии на протяжении почти всей ее истории, а также государства инков в Перу. Этатизм практиковался в определенные эпохи в Китае и других странах при режимах, не имевших никакого отношения к коммунизму. Как я показал в других работах⁴, система этатизма всегда возникает во время чрезвычайных ситуаций, таких как войны, революции, голод и эпидемии, существует до тех пор, пока они сохраняются, и, как правило, идет на спад, когда чрезвычайная ситуация заканчивается. Этот социологический закон является одним из самых обоснованных и достоверных выводов социальных наук^{24*}. В свете этого закона вполне понятно, почему такой сверхразвитый этатизм возник в России и почему с начала нынешнего конфликта^{25*} все воюющие страны (в том числе Соединенные Штаты, Великобритания и другие демократические страны) значительно расширили сферу государственного контроля, управления и регулирования всех своих экономических отношений, резко сократили в этой области функции частных лиц и групп. Мы не называем нашу контролируемую и управляемую правительством экономику коммунистической, но и советская система экономики по своей сути не является коммунистической. Это просто этатизм.

По сути дела, *сейчас едва ли есть принципиальная разница между советской и американской системами экономики военного времени*. Сходств между ними гораздо больше, чем различий. Это утверждение почти всегда оспаривается указанием на то, что в Соединенных Штатах мы признаем существование частной собственности, а советская система ее не признает. Формально такое возражение в какой-то степени убедительно. Но при ближайшем рассмотрении разница в статусе собственности в обеих странах оказывается менее заметной, чем предполагает данное утверждение. Прежде всего, личные экономические ценности, или потребительские товары, находятся в такой же собственности, ими так же пользуются и распоряжаются в России, как и в Америке. Принципиальная разница между двумя системами касается почти исключительно средств и оборудования крупного производства.

Что касается такого рода экономических ценностей, то частной собственности на них в России нет. Они принадлежат народу. Но сегодня частная соб-

⁴ Ср. с моими книгами «Man and Society in Calamity» (chap. VII), «Social and Cultural Dynamics» (vol. III, chap. VII) и «Sociology of Revolution» (Parts III и IV).

ственность такого типа мала даже в Соединенных Штатах, где большая часть крупных средств производства находится в руках корпораций, таких как «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн», «Дженерал Моторс», «Дженерал Электрик»^{26*} и т. д. В 1930 г. 200 крупнейших корпораций контролировали около 38% частного капитала и 22% общенациональной собственности. Все вместе существующие корпорации владеют большей частью благосостояния и почти всеми экономическими средствами производства.

Статус имущества, принадлежащего корпорациям, очень отличается от частной собственности в классическом понимании этого термина. Последний означает право собственника владеть своей собственностью, использовать ее, управлять и распоряжаться ею. В случае корпорации эти функции разделены: те, кто теоретически является владельцами этой собственности – тысячи акционеров, не владеют, не пользуются, не распоряжаются ею, не имеют право отчуждать ее. И наоборот, те, кто управляет и больше всех распоряжается ею – совет директоров или менеджеров, не владеют ею: никто из президентов или директоров 200 крупнейших корпораций в 1930 г. не владел даже 1% их акций. Тем самым полноценной частной собственностью в классическом понимании этого термина, особенно в сфере крупного производства, первый смертельный удар был нанесен корпорациями, которые быстро растут, тем самым поглощая все большую часть национального богатства страны. Когда, наконец, высший контроль над корпорациями, а также частной собственностью во время войны перешел к правительству Соединенных Штатов, был сделан следующий шаг в ликвидации полноценной частной собственности и была принята система эта-тизма, аналогичная той, что преобладает в Советском Союзе.

Что касается орудий производства, то их статус собственности в Советском Союзе не сильно отличается от статуса собственности при корпоративной экономике в Соединенных Штатах, описанного выше. Все средства производства в основном принадлежат русскому народу. Высший контроль и управление возложены на советское правительство. Но как в США они разделены между различными корпорациями, так и в России они распределены между многими отдельными отраслями промышленности или производственными единицами. Каждая отрасль – скажем, металлургическая промышленность – управляется советом директоров, каждый отдельный завод – своим отдельным руководителем. Совет директоров наделен большой степенью независимости и автономии. Капитал, расходы и доходы, пассивы и активы, прибыль и дефицит, единые в данной отрасли, практически так же независимы от капиталов, расходов и доходов и т. д. других отраслей, корпораций и заводов, как в Америке капитал и бюджет «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн» независимы от капитала и бюджета «Радио Корпорейшн». Совет руководителей советской промышленной отрасли или фабрики управляет, но не имеет своей собственности, точно так же и в американ-

ской корпорации менеджеры управляют ею, но не являются ее собственниками. Ни в одной из двух стран реальные собственники – русский народ и сотни тысяч акционеров в Соединенных Штатах – не управляют тем, собственниками чего они теоретически являются. Наконец, правительство осуществляет высший контроль над всей корпоративной и некорпоративной собственностью.

Кроме того, в обеих странах практически под полным контролем частных лиц и групп находится некоторая часть орудий производства (орудий не крупномасштабных), например, лошадь или корова, телега или автомобиль, небольшой дом или квартира, огород, участок земли, орудия труда ремесленников и мастеровых или рабочие инструменты художников, ученых и квалифицированных рабочих. Они владеют, пользуются, управляют ими, могут их покупать и продавать, как в России, так и в Америке. Основное отличие заключается в соответствующей крестьянской и фермерской собственности. В Америке – кроме арендаторов, издольщиков и сельскохозяйственных рабочих – фермы (если они не заложены) вместе с их различным оборудованием принадлежат индивидуальным земледельцам. В России со времени коллективизации сельского хозяйства право собственности на земельный участок было передано государству. Но фактически земля, обрабатываемая тем или иным колхозом, остается в его распоряжении, согласно правовым гарантиям, навечно (статья 8 «Примерного устава сельскохозяйственной артели», утвержденного 17 февраля 1935 г.^{27*}). Каждый коллектив управляет своими делами самостоятельно, как независимая единица. Каждый член имеет свою собственную «частную собственность»: земельный участок для личного пользования, лошадей, коров (от 1 до 10 коров, от 10 до 150 овец) или других домашних животных и жилой дом, хотя наряду с частными домами существуют чисто общественные здания (например, клуб, библиотека, школа, контора и т. д.). Аналогичным образом, колхозник за свою работу получает вознаграждение в зависимости от ее объема и эффективности и разного вида премиальные. (Равная оплата за труд была отменена несколько лет назад.)

За исключением периодов чрезвычайных обстоятельств, когда сельскохозяйственный работник может быть временно «прикреплен» к определенной ферме или промышленный рабочий к какому-либо заводу (как это делается сейчас в Соединенных Штатах на время чрезвычайных военных обстоятельств), работник может свободно покинуть ферму или завод, если он того пожелает. С другой стороны, никто не может быть исключен из колхоза, если только он не совершил преступления или грубо нарушил правила колхоза, причем по крайней мере две трети членов должны проголосовать за его исключение. Руководство колхозами носило сначала автократический характер, а руководители назначались правительством. Сейчас оно носит демократический характер, члены правления избираются колхозниками на определенный срок. Планы экономической и культурно-просветительской работы обсуждаются и определяются всей совокупностью

членов на высшем органе колхоза – на общем собрании. Земля не может быть изъята из совместного пользования или кому-нибудь продана. Она не может стать источником наживы, объектом спекуляции или перейти в руки коммерческих дельцов и капиталистов. В целом *колхоз в настоящее время – это всего лишь модернизированная форма старинного народного института – крестьянского «мира» и «общины» (см. выше), или разновидность производственно-трудового кооператива, известного во всех странах и чрезвычайно развитого в дореволюционной России.* Когда мы переходим от 1930-х к 1940-м гг., мы видим, что личные права колхозников, их частная собственность, их самостоятельность, даже их неравенство в отношении оплаты труда неуклонно возрастают, в то время как строго коммунистические черты, характерные для 1920-х гг., постепенно исчезают. По сравнению со статусом американского арендатора, издольщика, сельскохозяйственного наемного рабочего или даже владельца фермы, у которого хозяйство заложено и находится под угрозой лишения права выкупа, у русских крестьян имущественных прав больше, чем у соответствующих слоев американского сельского населения. В любом случае вышеописанная ситуация свидетельствует о том, что колхоз имеет мало общего с коммунизмом, а по сути является модернизированной реставрацией давних крестьянских институтов – мира и общины. Он сочетает в себе преимущества крупного производства с интенсивным мелким хозяйством. Если освободить его от некоторых недостатков, то он, несомненно, укажет многим странам наилучший из возможных способов решения земельной проблемы.

Таким образом, при более тщательном рассмотрении форм собственности в Советской России и Соединенных Штатах мы видим, что они, как правило, сходятся все больше и больше и что теперь они отличаются гораздо меньше, чем предполагается формальным заявлением о признании частной собственности здесь и ее отмене в России. Полноценная частная собственность, в смысле права собственника владеть ею, использовать ее, управлять и распоряжаться ею, очень сильно урезана в обеих странах. Сейчас она существует в основном в сфере товаров народного потребления, личных доходов и мелких производителей. Основная часть средств производства управляются теми, кто не владеет ими, а их теоретические хозяева ими не управляют. Таким образом, корпоративная собственность и экономика Америки – это брат-близнец соответствующих корпораций и подразделений национализированной промышленности в России. Здесь корпорации платят налоги государству и продают свою продукцию потребителям, в России они платят налоги и продают свою продукцию людям. Здесь руководители предприятия получают высокую заработную плату, частично за счет акционеров. В России они получают, возможно, более низкую зарплату и премиальные за счет остального народа. Здесь явный успех корпорации может привести к увеличению зарплаты и выплате премий работникам, так и в России. В этих и многих других

отношениях якобы капиталистическая экономика американской корпорации фактически является братом-близнецом якобы коммунистической экономики промышленных и сельскохозяйственных предприятий Советской России. Наконец, в обеих странах правительство принимает участие в хозяйственной деятельности и в значительной степени контролирует экономическую жизнь страны и управляет ею. В России в период между первыми годами коммунистической революции и 1940 г. государственное управление и контроль за хозяйственной деятельностью постепенно снижались. В начале революции этот контроль был почти полный. С тех пор тенденция к децентрализации, уровень частной инициативы, ответственности и самостоятельности, объем частной собственности и неравенство в оплате труда неуклонно усиливались и возрастали во всех государственных и других предприятиях. В Соединенных Штатах тенденция была обратной, особенно после кризиса 1929 г. Объем государственного контроля и регламентации систематически расширялся, особенно после нашего вступления в войну. Индивидуальная частная собственность (в классическом понимании) и полнокровный капитализм резко сократились, и нет никаких шансов вернуть их к статусу XIX в., особенно к статусу докорпоративной экономики. Таким образом, в этой области мы замечаем постепенное взаимное сближение экономических форм двух стран. Отсюда и абсурдность ссылок на непреодолимую пропасть между российской «коммунистической» и американской «капиталистической» системами.

Подведем итог. В экономической сфере мы наблюдаем закат коммунистической системы первого периода революции и возрождение – в измененном виде – тенденций, которые существовали до революции. Эти тенденции восстановлены или видоизменены, с одной стороны, условиями сложившейся тяжелой ситуации, а с другой – современной техникой производства и новыми методами управления экономикой. Несмотря на личные пристрастия коммунистов и капиталистов, воспоминания о первой кровавой фазе коммунистической революции, нет непроходимой пропасти или непримиримого конфликта между современной экономикой Советской России и экономикой Соединенных Штатов. В обеих странах сложилась похожая система так называемой «плановой экономики», находящейся под контролем со стороны правительства, управляемой корпоративной бюрократией, которая постепенно вытесняет отживших свой век капиталистических собственников. Подобные изменения произошли практически во всех других промышленно развитых странах, в том числе демократических.

«Чистка» коммунистических вождей коммунистическими вождями. Наконец, цикл Русской революции наглядно демонстрируют чистки коммунистических вождей Сталиным и так называемой коммунистической партией. Большинство лидеров первого периода революции, в том числе и те, кто стоял рядом с Лениным в коммунистической иерархии и стал его преемником, такие как Троцкий, Каменев, Рыков и Зиновьев, а также сотни других видных коммунистов, как

Бухарин («Фома Аквинский коммунизма»), Пятаков, и Карахан, были «вычищены». Тысячи были заключены в тюрьму или отправлены в ссылку. Десятки тысяч коммунистов рангом ниже были «отлучены» от нечестивой церкви русского коммунизма. Кем? Не контрреволюционерами или антикоммунистами, не царскими генералами и западными капиталистами. Нет. Они были казнены, заключены в тюрьму, сосланы или отлучены Сталиным и самой коммунистической партией. Им и следует присудить первую премию за смертельный удар, нанесенный коммунистической фазе революции и вообще русскому коммунизму.

Здесь перед нами одна из постоянных закономерностей, проявлявшихся практически во всех крупных революциях. Как выразился один давний наблюдатель, «революция – это крокодил, пожирающий сначала жирных и толстых, потом – тощих и бедных, наконец, самих революционеров»^{28*}. Эта «чистка» знаменует собой радикальный сдвиг в ходе Русской революции от коммунистической ее фазы к фазе некоммунистической или даже антикоммунистической. Чисто личные мотивы и причины, интриги и контринтриги среди коммунистических лидеров были лишь поверхностными явлениями – всего лишь личными отражениями безликой судьбы глубокой революции, переходящей от своего «тезиса» к своему «антитезису» (если использовать гегелевские и марксистские термины). Большинство «вычищенных» коммунистов не обратили внимание на это неумолимое историческое пророчество: они пытались противостоять этой неизбежной тенденции перехода революции к неревolutionной и некоммунистической фазе. Троцкий и другие упорно стремились увековечить «перманентную революцию» и распространить ее по всему миру. Они пытались изменить ее имманентную обреченность на самоликвидацию и предотвратить неизбежное возрождение жизненно важных национальных тенденций – противостоять неощутимым, но непреодолимым силам, действовавшим на протяжении всей истории русского народа. В результате этого глупого (или, если угодно, романтического и героического) предприятия они были безжалостно сметены. *Fata volentem ducunt, nolentem trahunt*^{29*}. Сталин и его последователи, которые пользовались гораздо меньшим влиянием и авторитетом в начале революции (и даже еще в 1922 г.), чем Троцкий, Рыков, Каменев и Зиновьев, очень легко устранили их – не потому, что они были более сильными, более способными или незаурядными, чем их противники, а потому, что, как Оливер Кромвель, «термидорианцы»^{30*} и другие известные революционные лидеры, Сталин и его последователи (намеренно или нет) шли по течению исторической судьбы, а *не против него*. Вот почему они победили. Отсюда и объективный характер их антикоммунистической политики. Отсюда их первостепенная роль в круговороте Русской революции. Больше, чем кто-либо другой или группа этих других, Сталин и его окружение способствовали преодолению коммунистической фазы революции (вероятно, даже вопреки личным склонностям) и возрождению национальных тенденций

России. В этом смысле им повезло, если только на самом деле они не были мудрыми и дальновидными. Если бы, как «вычищенные» коммунистические лидеры, они попытались остановить волну исторической судьбы, они были бы сметены ею с такой же легкостью, как и их жертвы. Если в будущем они попытаются возродить коммунизм в том виде, в каком он существовал на первом этапе революции, то они будут «ликвидированы» так же неотвратно, как Троцкий и его единомышленники. Вот почему я не боюсь того, что Сталин или какой-нибудь другой лидер попытаются сделать или сделают это. Если они продолжают вести корабль государства по течению, то они будут выполнять полезную работу, какую они выполняли после деструктивного этапа революции, особенно в ходе войны с Германией. Если нет, то их ждет судьба других руководителей, которые не смогли усвоить уроки истории. Наконец, тенденция, о которой идет речь, проявляется также в *реставрации* права и *главенства закона*, которые были отменены на первом этапе революции. (См. об этом: *Лазерсон М.* Восстановление права в Советской России. – Новое русское слово. 1943, 6 ноября.)

Эта глава показывает ошибочность якобы убедительного утверждения о том, что между советским и американским образами жизни существует непримиримый конфликт. На самом деле экономически и политически две страны неуклонно приближаются к сходному типу общественного устройства и экономики^{31*}. Коммунизм и разрушительный период революции уже «трупы». Только политические стервятники могут быть заинтересованы в их возрождении. Вдумчивые, дальновидные и творческие люди и группы, безусловно, испытывают глубокое чувство сострадания к великому народу, с которым произошла трагедия. Но они не стремятся возродить национальный «труп». Скорее они принимают существующую реальность и стремятся изо всех своих сил устранить нанесенный стране ущерб и реализовать ее потенциальные достоинства. У нового типа общества, складывающегося в США, а также в России, много недостатков, но он имеет и много возможностей для совершенствования. Развитие его подлинных ценностей – жизненно важная задача. В этой конструктивной работе две страны могут и будут сотрудничать ко взаимной выгоде.

5. Общий вывод

Это подтверждает мой тезис. Я показал, что благодаря действию определенных факторов два народа (за исключением деструктивного этапа Русской революции^{32*}) установили уникальный рекорд по сохранению длительного непрерывного мира и сотрудничества. Я указал на характер этих факторов, а именно на реальное отсутствие какого-нибудь неразрешимого конфликта между фундаментальными ценностями двух стран, а также на позитивный факт глубинного

социально-культурного сходства, или конгениальность^{33*}. Я показал, что эти факторы продолжают действовать. Это обещает еще более тесное сотрудничество в будущем – желанный удел, выгодный обоим народам и всему человечеству. Это вселяет надежду, без которой мы оказались бы в темном и хаотичном лабиринте событий, надежду на то, что судьба будет к нам благосклонна.

Остается только попытаться описать два возможных способа послевоенного восстановления, имеющих в распоряжении у России и Америки и у народов мира. Рассмотрим вкратце эти проблемы.

6. Роль российско-американского сотрудничества в послевоенном мире^{34*}

При сохранении в будущем дружеского сотрудничества между двумя странами его формы и функции будут зависеть от устройства послевоенного мира. Если он будет состоять из множества суверенных государств, эгоистичных и циничных, нарушающих нормы достойного, нравственного поведения и признающих *raisons d'état*^{35*} как высшую ценность, то российско-американский альянс будет играть, по сути дела, ту же роль, какую он исполнял до сих пор. Но такое положение дел признано неприемлемым, и если будут предприняты серьезные усилия, чтобы отменить его (по крайней мере, в той степени, чтобы можно было обеспечить прочный мир и элементарное уважение достоинства личности), тогда это сотрудничество приобретет гораздо более важные и созидательные функции.

Согласно первому предположению, оно принесет ряд взаимных выгод в экономической, военной и культурной сферах. Даже дипломатическое давление Соединенных Штатов сильно повлияет на советский режим, чтобы он прекратил свое диктаторское попрание элементарных прав российских граждан – увеличивая объемы «четырёх свобод»^{36*} в России. С другой стороны, Россия продолжит оказывать свое плодотворное влияние на культуру, в частности в сфере изящных искусств, Соединенных Штатов, и это будет способствовать уменьшению корыстного лицемерия, эгоизма и эксплуатации, присущих до известной степени любому крупному частному бизнесу.

В международном плане их сотрудничество будет способствовать сохранению мира, смягчению национального и расового неравенства, прекращению колониальной эксплуатации и преодолению разрыва между Западом и Востоком, между так называемыми «цивилизованными» и «нецивилизованными» народами. Оно также будет способствовать развитию важнейших отраслей во многих отсталых регионах, которое будут осуществлять народы этих регионов, причем в своих собственных интересах, а не в интересах зарубежных капиталистов. Наконец, обе страны смогут многое сделать, распространяя дух всеобщего брат-

ства. В случае начала международной войны альянс этих стран значительно усилит каждого из партнеров в преодолении чрезвычайной ситуации.

Если, однако, миллионы жертв настоящей войны не будут напрасны (если будет предпринята серьезная попытка установить более честный и достойный мир и если этот новый порядок поставит своей целью обеспечить человечеству прочный мир и достойный минимум экономических и культурных благ), тогда сотрудничество двух стран сможет сыграть решающую роль. Если они целиком и полностью посвятят себя этой возвышенной цели, если им удастся сочетать высокий идеализм с самым практичным реализмом (невинность голубя с мудростью змия), если они начнут это величественное и рискованное предприятие с полным осознанием не только своих долгосрочных выгод, но и временных жертв, которые оно повлечет за собой, то под их руководством, может быть, наступит величайшая эпоха в истории человечества. Поверив в непоколебимую решимость двух стран приступить к строительству нового мира, остальная часть человечества с удовольствием последует их примеру. Если один или несколько несогласных народов попытаются противостоять этому, то их жалкие, постыдные усилия будут с легкостью пресечены.

Распад структуры современной культуры достиг критической стадии. Губительные силы разрушения достигли масштабов смертоносного урагана. Количество жертв международных и гражданских войн этого столетия является беспрецедентным в анналах рода человеческого. О сохранении «старого порядка», следовательно, и речи быть не может. На повестке дня истории стоит вопрос установления нового строя. Этого требуют интересы сохранения не только культуры и цивилизации, но и самого человечества. Мы стоим перед ультиматумом: либо упорствовать в своем стремлении сохранить старый порядок и тем самым погибнуть, либо, несмотря на нечеловеческие трудности, попытаться создать новый порядок. Народам – и в особенности правительствам мировых держав – предстоит выбрать одну из этих альтернатив. Хотелось бы надеяться, что Россия и Америка сделают правильный выбор. Установление долгосрочного международного и национального мира и создание подлинно гуманных условий для всего человечества являются самой насущной задачей нашего времени. Для того, чтобы эта задача была решена, необходимо устранить причины войн и угнетения. Основные причины распада современной культуры и угнетения человека были проанализированы в других моих книгах⁵. Основные причины и факторы войны и прочного мира рассмотрим в следующих двух главах.

---

⁵ Ср. с моими книгами «Social and Cultural Dynamics», «The Crisis of Our Age» и «Man and Society in Calamity».

Глава десятая^{1*}

ПОДЛИННАЯ ПРИЧИНА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО КОНФЛИКТА

---

1. Видимые причины

Безусловно, можно было ожидать, что сотрудничество между Соединенными Штатами и Советской Россией, сложившееся в предвоенное и военное время, продолжится и в послевоенный период. Это сотрудничество было обусловлено их мирными и по большей части дружескими отношениями на протяжении всей истории Соединенных Штатов: с момента их возникновения, а точнее говоря, после заселения североамериканского континента первыми европейскими поселенцами, эти отношения не омрачили ни одна война и даже ни один серьезный дипломатический конфликт. Многовековое сотрудничество позднее было подтверждено братством по оружию во время Первой и особенно Второй мировых войн. После прекращения войны в пользу этого сотрудничества говорили те бесценные экономические, культурные и социальные преимущества, которые оно сулило и обеим странам, и всему остальному миру. Короче говоря, были все основания продолжить после войны американо-российские дружественные отношения, и не было ни одной явной причины для «холодной войны», внезапно пришедшей на смену военному сотрудничеству этих стран.

Это прискорбное превращение сотрудничества в «холодную войну», естественно, ставит вопрос о поводах для него или его причинах. На этот вопрос есть несколько ответов. Но если проанализировать эти ответы, то окажется, что все они неудовлетворительны. Самая распространенная теория пытается объяснить это явление колоссальными различиями между идеологиями, политическими, социальными и экономическими институтами и фундаментальными культурными ценностями, бытующими в Соединенных Штатах и Советской России. Диалектический материализм вместо христианства, национализированная экономика вместо «свободного предпринимательства», коммунизм вместо капитализма, режим тоталитарной диктатуры вместо выборной демократии, подавление личности и свободы вместо провозглашения индивида высшей ценностью и признания за ним неотъемлемых прав и свобод, империалистическая агрессивность внешней политики Советской России вместо «не-империалистического миролюбия» политики Соеди-

ненных Штатов – все эти «несовместимые» различия и составляют, согласно этой теории, подлинную причину смены военного сотрудничества «холодной войной».

Хотя эта теория отчасти правильная, в целом она не объясняет произошедшего изменения. Во-первых, преобладающие идеологии, основные социальные институты и главные культурные ценности царской России и Соединенных Штатов до 1917 г. практически так же расходились, как расходятся в настоящее время идеологии, институты и ценности Советской России и США. Однако отношения между царской Россией и Соединенными Штатами были мирными и дружелюбными. Если истинную причину вражды усматривать в социокультурных различиях, то непонятными станут мирные отношения, сохранявшиеся между двумя странами на протяжении нескольких столетий. Во-вторых, указанные различия между Советской Россией и Соединенными Штатами были столь же остры в период 1932–1944 гг., как и сейчас. Однако отношения между ними в период 1932–1944 гг. оставались мирными и допускали сотрудничество. Если одни и те же, по сути дела, различия не приводили к конфликтам в тот период, то непонятно, почему они должны привести к конфликту после наступления мира. В-третьих, если причина кроется в острых социокультурных различиях, то почему после окончания войны Соединенные Штаты сохраняют дружественные отношения с Турцией, Саудовской Аравией, чанкайшистским Китаем, франкистской Испанией, перонистской Аргентиной, диктаторским дряхлым режимом Греции и многими другими странами?^{2*} В целом социально-культурные различия между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Турцией, Китаем, Саудовской Аравией и Ираном, с другой, во всяком случае, даже более значительны, чем между Советской Россией и США. Основной институт брака и семьи в Турции, Китае, Саудовской Аравии и Иране в корне отличается от института брака и семьи в Соединенных Штатах, тогда как современные семейно-брачные отношения в Советской России представляют собой не что иное, как усиленно-викторианскую^{3*} разновидность западной моногамной семьи – усиленно-викторианскую, потому что с 30-х гг., и особенно после принятия закона от 8 июля 1944 г.^{4*}, советская семья стала более моногамной, стабильной и нерушимой и демонстрирует более низкий уровень разводов, одиночества, бездетности и т. д., чем американская семья и семья почти любой другой западной страны. Такие религии, как конфуцианство, даосизм, буддизм, ислам и зороастризм, безусловно, сильнее отличаются от различных христианских деноминаций Соединенных Штатов, чем русское православие, которое до сих пор остается самой распространенной религией в России. Что касается атеизма, то неизвестно, выше ли процент настоящих атеистов и агностиков в Советской России, чем в ряде западных стран, в том числе и в Соединенных Штатах. Даже если в Советской России он и выше, что очень сомнительно, то само по себе наличие атеизма не обязательно ведет к «холодной войне» между странами, так же как не ведет оно и к гражданской войне между верующими и атеистами в одной стране. После провозглашения свободы вероисповедания разница между атеистами и верующими перестала быть важным

фактором, провоцирующим войну. Разница между политической автократией Советской России и демократическим режимом Соединенных Штатов едва ли больше, чем между режимом США и политическими автократиями Чан Кайши в Китае, в современной Турции, Саудовской Аравии, Иране, Греции, Португалии и диктаторскими режимами некоторых латиноамериканских стран. Политические режимы этих стран по-своему являются такими же диктаторскими, автократическими и деспотическими, как и советское Политбюро. То же самое можно сказать и о свободе и неотъемлемых правах личности. Во всяком случае, в перечисленных полуфеодальных странах человек имеет меньше свободы и меньше неотъемлемых прав, чем в Советской России, где гражданин хотя в некоторых отношениях и «порабощен» государством, но в других имеет больше свободы, чем даже граждане Соединенных Штатов. По языку, общему складу мышления и культуре Китай, Турция, Иран, Саудовская Аравия, конечно, сильнее отличаются от Соединенных Штатов, чем США по тем же параметрам отличается от России. За исключением периода татарского господства, и до него, и сразу после него русский язык, мышление и культура, в сущности, являются вариантами западных аналогов. Кроме того, для экономических систем Китая, Турции, Ирана и Саудовской Аравии характерно удивительное сосуществование примитивной скотоводческой и сельскохозяйственной общинной экономики, экономики феодальной, экономики частной, индивидуальной собственности и собственности иностранных корпораций, туземной формы капитализма и государственно регулируемой экономики. Экономические уклады этих стран не менее резко – а на самом деле, гораздо сильнее – контрастируют с экономическим строем Соединенных Штатов, чем Советская Россия. Особенность американской экономики заключается в сосуществовании гигантских корпораций, свободного капиталистического «предпринимательства» (сохранившегося в основном в сфере мелкого бизнеса и сельского хозяйства) и государственно управляемых «национализированных» и контролируемых предприятий. Экономика Советской России состоит из государственно управляемых предприятий, сосуществующих с незначительными элементами коллективного и частного предпринимательства. Главное отличие экономики, основанной на подлинной частной собственности, от экономики, основанной на собственности крупных корпораций, состоит в том, что в случае подлинного «свободного предпринимательства» те, кто владеет предприятиями, те ими и управляют, тогда как в большой корпорации те, кто ею управляет (совет директоров и т. п.), не владеют ею, а те, кто владеет, – не управляют. В почти 200 крупнейших корпорациях Соединенных Штатов вряд ли кто из директоров владеет хотя бы 1% их акций и облигаций. С другой стороны, подавляющее большинство акционеров и владельцев облигаций осуществляют свое управленческое право чисто номинально. Поэтому экономика корпораций является формой общественной собственности, не отличающейся принципиально от общественной собственности предприятий, управляемых государством. Разница между господствующей государственно управляемой экономикой России

и доминирующей экономикой крупных корпораций Соединенных Штатов не может привести ни к «холодной», ни к «горячей» войне. Об этом вполне свидетельствует факт дружеских отношений Соединенных Штатов с Великобританией и большинством стран Западной Европы, где основная система экономики – почти такая же государственно управляемая («национализированная») экономика, как и советская. Что эти противоположности не обязательно носят «взрывной» характер, наглядно продемонстрировано и экономикой Соединенных Штатов во время войны, которая была, главным образом, экономикой государственно регулируемой.

О том, что марксистский диалектический материализм, противостоящий любой идеалистической идеологии, не обязательно ведет к конфликту, свидетельствует тот факт, что Соединенные Штаты помогают многим социал-демократическим партиям и режимам (в Германии и других странах), официальной идеологией которых тоже является марксистский диалектический материализм.

Подведем итог. В целом между Советской Россией и Соединенными Штатами социально-культурных различий меньше, чем различий между США и Турцией, Саудовской Аравией, чанкайшистским Китаем, Ираном и Грецией, которые имеют с ними дружественные отношения. Эти индуктивные обобщения опровергают все теории, которые объясняют причины российско-американского конфликта социокультурными различиями двух стран.

2. Реальная причина

Поскольку общепринятая теория не объясняет причину «холодной войны», мы должны искать ее реальную причину в чем-то ином. Мы должны разделить этот вопрос на два: во-первых, почему конфликты, «горячие» и «холодные» войны продолжились и после наступления мира, особенно между союзниками в период войны; во-вторых, почему основной конфликт разразился между Соединенными Штатами и Советской Россией.

Что касается первого вопроса, то ответ состоит в общем состоянии западной культуры и социальных институтов. В моей «Социальной и культурной динамике» (т. 1–4, 1937–[1941]) после детального и систематического анализа греко-римской и западной культур, проведенного на основе большого количества имеющихся логических и эмпирических свидетельств, современному состоянию западного социокультурного мира был поставлен точный диагноз. Этот диагноз гласит: преобладающая (чувственная) суперсистема западной культуры и общества, которая доминировала на протяжении последних пяти веков, ныне находится в состоянии распада. Не имея возможности хотя бы кратко изложить суть моей теории (ее сокращенный вариант представлен в моей книге «Кризис нашего времени»), я вынужден ограничиться утверждением, что природа этой чувственной культуры, ее

социальные институты и тип личности таковы, что на своей перезрелой стадии они не могут не вызывать множества постоянных трений и конфликтов.

1. Все они пронизаны духом, этосом^{5*} и пафосом конкуренции и стремлением к победе над соперниками во всех сферах социальной и культурной деятельности – от науки, футбола, искусства и бизнеса до «империалистического превосходства» религий с их богами и последователями. Этот дух постоянно порождает у участников конкурентной борьбы стремление к первенству, власти и превосходству над соперниками. Эта страсть ведет к культивированию «воинствующего духа» и беспрестанной борьбе с соперниками. Неизбежным следствием подобной ситуации является множество противоречий на индивидуальном и групповом уровнях между победителями и побежденными, между «высшими» и «низшими» (в бизнесе, науке, искусстве, религии и т. д.), между «преуспевшими» и «неудачниками». Другими словами, межличностные и межгрупповые конфликты являются неотъемлемым, имманентным, т. е. внутренне присущим, свойством современной культуры, общества и человека.

2. Это приводит к тому же результату путем придания первостепенного значения чувственным, материальным, утилитарно-гедонистическим ценностям по сравнению со всеми другими ценностями. Несмотря на лицемерную, наполовину механистическую проповедь ценностей «Царства Божьего», современные культура, общество и человек в своей повседневной жизни превыше всего ставят чувственные, материальные, гедонистические ценности, делают их высшей целью человеческих стремлений, амбиций и желаний. Эти ценности варьируются от денег, богатства, материального комфорта, материальной обеспеченности и демонстративного потребления до поцелуев, полового акта, популярности, славы, власти и престижа. Так как эти ценности не бесконечны и ограничены в количестве и ими не могут в абсолютном изобилии обладать все лица и группы, то первостепенное значение, которое придает им наша культура и наше общество, ведет к бесконечной, напряженной, зачастую кровавой и антисоциальной борьбе каждой группы со всеми соперничающими группами за максимально большую долю этих ценностей, какую только можно получить за счет других групп. Что опять-таки приводит к напряженности и конфликтам.

3. Тот же результат получается путем чрезмерной релятивизации ценностей современной культуры. По своей природе чувственные ценности являются относительными. Чувственная культура не признает никакой абсолютной или универсальной ценности.

В первые столетия своего господства (XVI и XVII вв.) чрезмерная релятивизация ее ценностей сдерживалась еще сохранявшимися универсальными ценностями средневековой (идеациональной) культуры. Впоследствии их влияние уменьшилось, прогрессирующая релятивизация всех наших ценностей шла по нарастающей. К XX в. все эти ценности «распылились» до такой степени, что были практически уничтожены. В настоящее время едва ли есть какая-нибудь фунда-

ментальная ценность, будь то частная собственность или Бог, которую одинаково признавали бы и считали для себя обязательной Черчилли и Сталины, коммунисты и антикоммунисты, атеисты и верующие, богатые и бедные. То, что признает одна сторона, другая отрицает. Таким образом, нравственные и правовые устои, которые одинаково признавали бы разные группы, фракции и партии Запада, рухнули. С этим «распылением» ценностей эффективность, т. е. сдерживающая сила, юридических, моральных и религиозных норм значительно снизилась. Они превратились просто в «высокопарные речевые реакции» – «идеологии», «рационализации», «деривации», маскирующие отвратительные эгоистические стремления, мотивы, «остатки», интересы и низменные страсти. Все эти правовые, моральные и религиозные ценности, когда их «соль» потеряла свою «силу»^{6*}, перестали контролировать изнутри взаимосвязи между индивидами и группами. В результате был открыт путь для неприкрытого насилия и мошенничества в качестве высших арбитров правильного и неправильного, справедливого и несправедливого, хорошего и плохого. При таких условиях можно ожидать только необычайной вспышки международных войн, революций и конфликтов.

Систематическое исследование всех войн и крупных внутренних потрясений (революций, бунтов и т. д.) как самых кровавых форм конфликта, происходивших в греко-римской и западной истории с 600 г. до н. э. до 1925 г., полностью подтверждает это ожидание (ср. мою «Динамику», т. 3). Оно показывает, что войны и революции, как правило, возникают именно в периоды, характеризующиеся распадом доминирующей суперсистемы культуры, в особенности культуры чувственной. Исследование продемонстрировало также, что с возникновением и ростом нынешней западной чувственной культуры войны и революции с XIII по XX в. не обнаружили тенденции к снижению, но – с некоторыми колебаниями – проявили тенденцию к увеличению, достигнув своего максимума в эпоху нынешней перезревшей чувственной культуры, которая вплоть до 1925 г. оказалась самым кровавым столетием за все 25 изученных веков. Показатели войны для всей Европы, измеряемые числом потерь на миллион населения, таковы: 2 для XII в., 3 – для XIII и XIV вв., 8 – для XV в., 14 – для XVI в., 45 – для XVII в., 40 – для XVIII в., 17 – для XIX в., 52 – для первой четверти XX в. На основе моих исследований я уже в 20-е гг. без колебаний предсказывал наступление больших и страшных войн, кровавых революций, обнищание и варваризацию. Эти прогнозы, которые многие критики в то время называли «безумными», к сожалению, сбылись. Первая мировая война, затем, как ее следствие, Русская революция, затем, как ее последствия, ряд фашистских и нацистских революций и, наконец, в их результате Вторая мировая война – эти четыре взрыва были пока что самыми крупными проявлениями этого основного процесса дезинтеграции чувственного социально-культурного строя.

Это означает, что Русская революция – явление, порожденное не только российской болезнью и изолированное от Запада, а, напротив, прямое следствие и проявление распада чувственного строя. Она неразрывно связана с этой «болезнью» Запада.

Поэтому неразумно относиться к революции и коммунизму, как к чему-то исключительно русскому, зародившемуся в России и только в России произросшему. Еще более глупо пытаться построить вокруг нее своего рода «санитарный кордон»: микробы явления столь же многочисленны на Западе, как и в России. И уж полнейшая глупость считать, что путем давления на Россию или ее изоляции все микробы дезинтеграции будут уничтожены.

Любая политика подобного рода и все подобного рода действия – суть не что иное, как еще одна разновидность безумия – умственной и нравственной анархии, порожденной глубинным процессом распада, происходящим в наше время с доминирующей формой западной культуры.

Поскольку эта умственная, нравственная и социальная анархия продолжается и после окончания войны, поскольку разрушающийся чувственный порядок еще не сменен новым порядком с присущими ему менее «атомизированными», менее конкурирующими друг с другом и более духовными ценностями и институтами и поскольку в мире «атомизирующихся ценностей» принцип *Pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться») тоже находится в небрежении и нельзя ручаться за то, что он будет безоговорочно соблюдаться, а, скорее всего, будет нарушен, как только одна сторона сочтет, что ей это выгодно, есть все основания ожидать, что в этом мире обманщиков и лицемеров и после наступления мира будут продолжаться дикие межличностные и межгрупповые конфликты. Многочисленные послевоенные революции, «горячие» и «холодные» войны, нагнетание напряженности, забастовки, преступность и прочие виды антагонизма являются достаточным тому подтверждением.

По тем же причинам нет никаких разумных оснований предполагать, что эти конфликты исчезнут в ближайшем будущем или что они не могут привести к новой мировой катастрофе. Таков, вкратце, ответ на первый вопрос: почему после наступления мира сохраняется напряженность и происходят войны?

Те же причины дают ответ и на второй вопрос: почему основной конфликт происходит между Соединенными Штатами и Россией? В мире, где правит грубая сила (прикрываемая высокопарным лицемерием), основной конфликт должен разворачиваться между самыми могущественными странами. В таком мире малые народы в одиночку не могут позволить себе бросить вызов самым могущественным. Если бы небольшой народ осмелился противостоять гораздо более сильной нации, его бы подавили или как-то иначе заставили следовать политике более сильных государств. Следовательно, каждая из таких стран должна либо приспособливаться к обоим или к одному из двух самых мощных центров, либо создавать блок малых государств в качестве третьей основной силы. В противном случае она вынуждена быть просто сателлитом или пешкой одной или обеих самых могущественных стран. Только самые могущественные государства, более или менее равные по военной мощи, отваживаются противостоять

друг другу. Поскольку Соединенные Штаты и Россия вышли из последней войны как самые мощные военные державы, между ними и должен был развернуться основной конфликт. А так как западный мир находится в процессе распада, что делает подлинный прочный мир (международный и внутренний) практически невозможным, и так как его внутренняя болезнь порождает вражду, эта вражда фокусируется между самыми мощными центрами сил. Если бы вместо России второй великой державой стала Франция или Великобритания, Италия или Турция, то и конфликт развернулся бы между Соединенными Штатами и одной из этих стран. Если мысленно устранить Россию, то конфликт будет разворачиваться между наиболее сильными странами современного западного блока, точно так же, как после ликвидации гитлеровского Третьего Рейха он вспыхнул между прежними союзниками. Малые народы, пока они не объединятся в третий столь же могущественный центр, поневоле окажутся сателлитами одной из главных держав. Ситуация в области международной политики прекрасно подтверждает эти выводы.

Подведем итог. Современный распадающийся мир характеризуется политикой с позиции силы и непрекращающимися конфликтами. То, что основной конфликт разворачивается между Россией и Соединенными Штатами с их сателлитами, объясняется не пороками или добродетелями этих народов, а их сомнительной привилегией двух самых мощных военных держав, какими они оказались в результате последней войны. В свете этой теории американо-российский конфликт произошел бы даже в том случае, если бы в России был царский или демократический, или любой другой режим.

Таковы реальные причины продолжающейся «холодной войны». Преобладающее объяснение ее с точки зрения присущих противоположным сторонам различий, или «агрессивности» одной стороны, противостоящей, по мнению противной стороны, ее собственному «рыцарскому благородству», является лишь дымовой завесой, прикрывающей неприглядную реальность.

3. Возможности и пути примирения

Каковы шансы на то, что конфликт прекратится, и каковы наилучшие способы примирения? Если руководители обеих стран и человечество в целом окажутся достаточно мудрыми, шансы неплохие.

Радикальный способ прекращения российско-американского конфликта, а также других многочисленных конфликтов, вспыхивающих повсеместно, очевидно, состоит в прекращении умственной, нравственной и социальной анархии нашего распадающегося чувственного строя. Анархия может быть прекращена только путем реинтеграции наших чувственных социальных институтов, чувственной культуры и преобладающего типа чувственной личности в направлении того, что я называю идеалистическим обществом, идеалистической культурой

и личностью, или, иначе говоря, в направлении творческой любви, или альтруизма. В моей книге «Реконструкция человечества» показано, какие составные части наших основных институтов должны быть изменены и каким образом, начиная с семьи и заканчивая религиозными, политическими и экономическими институтами, а также какие изменения необходимы в нашей культуре, начиная с науки и заканчивая искусством, правом и этикой, и в нашем преобладающем типе чувственной, эгоистической личности, для осуществления этой реинтеграции нашего социального мира. Эта великая задача вполне осуществима. Если человечество не покончит с собой, то эта задача будет стоять на повестке дня истории. Но она не может быть решена в короткий срок. Для ее решения понадобятся десятилетия.

Но если речь идет о прекращении российско-американского конфликта, то эта задача не может ждать десятилетия, а должна быть решена сейчас с помощью некоторых мер, способных ослабить интенсивность и масштаб конфликта и предотвратить его перерастание в «горячую войну». Силы и технические способы для решения этой задачи диктуются реальными причинами войны и мира и другими причинно-следственными связями.

Поскольку основной причиной войны является непримиримый конфликт фундаментальных ценностей и интересов, какова нынешняя ситуация в отношении этих ценностей и интересов двух стран? Являются ли их самые главные ценности и интересы взаимно гармоничными?

Как только вопрос ставится в такой ясной форме, ответ становится очевидным. *Самый непримиримый и самый смертоносный общий враг обоих народов и человечества в целом – один и тот же: смерть и разрушение в любой форме. Самая большая, извечная и самая драгоценная позитивная ценность, или интерес, тоже является общей для обеих стран и для остального человечества. Это сохранение жизни и ее совершенствование с целью продолжения творческой миссии человечества.* Эти две ценности, или интересы (предотвращение смерти, или уничтожения, и выживание для творческой и счастливой жизни), являются общими для обоих народов и не могут быть достигнуты без их сотрудничества. Продолжение «холодной войны» между ними делает успешное продвижение к этой цели невозможным. Третья мировая война затормозила бы прогрессивное развитие обоих народов и всего человечества на столетия. Она привела бы к катастрофическим разрушениям и позволила смерти собрать необычайно богатый урожай.

По сравнению с этими величайшими общими интересами и ценностями все остальные, сталкивающиеся между собой ценности и интересы двух народов, либо совсем незначительны, либо легко согласуемы или же вовсе не противоречат друг другу. Об этом речь пойдет в дальнейшем. А пока можно еще добавить, что, помимо этих двух величайших ценностей, подавляющее большинство других важных ценностей и интересов обоих государств гармонируют друг с другом или друг друга дополняют.

Мирное сотрудничество двух стран принесет им неизмеримую экономическую, культурную, социальную, психологическую и моральную выгоду. Подумать только, сколько сотен миллиардов долларов и какое огромное количество труда, расходуемых на вооружение, можно будет потратить с пользой для удовлетворения насущных потребностей человечества! Как вырастет взаимная торговля за наличные или путем товарообмена! Как можно обогатить друг друга путем обмена научными и техническими достижениями и достижениями в сфере искусства и других областей! Более того, напомним, что каждый из народов и человечество в целом, если не утратит остатков своих моральных и религиозных ценностей, не станет снова на путь убийства миллионов невинных людей, включая детей, женщин и стариков. Этими массовыми убийствами, происходившими во время двух мировых войн, все нации без исключения совершили непростительные преступления против Бога и человечества. Их сокровищница нравственных ценностей сейчас почти пуста. Только фальшивые деньги морали – напыщенные речи – заполняют их этические своды. Новая мировая война уничтожит даже остатки этих моральных ценностей и превратит все народы в безнадежных нравственных банкротов. Демократия или автократия, которые убивают миллионы невинных людей, это не демократия и не автократия, а банда убийц. Тем самым христианская или коммунистическая страна отлучает себя от христианства и коммунизма и становится бесчеловечной стаей зверей.

Итак, выгоды от мирного сотрудничества бесконечно велики, начиная с чисто материальных и заканчивая самыми духовными и нравственными ценностями, убытки также безграничны. Поэтому интересы обоих народов и всего человечества требуют их искреннего сотрудничества и абсолютного запрещения кровавых форм конфликта.

Если говорить более предметно, то подавляющее большинство даже нынешних ценностей в обеих странах гармонируют друг с другом, взаимно друг друга обогащают и творчески стимулируют. Можно наслаждаться музыкой Прокофьева или Шостаковича и музыкой Харриса или Хансона, романами А. Толстого и К. Симонова и романами Стейнбека, Льюиса и Перл Бак. Кого-то может вдохновить идеалистическая философия диалектического материализма некоторых советских философов, и наоборот. Даже убогость атеистической идеологии некоторых советских атеистов может подтолкнуть к религиозной вере и послужить ее утверждению. Сказанное еще более справедливо по отношению практически ко всем научным достижениям, философским системам, художественным произведениям, всевозможным религиозным течениям и к большинству политических и экономических экспериментов обеих стран. Даже серьезная и продиктованная лучшими побуждениями взаимная критика обеих стран служит благой цели: если она справедлива, то помогает устранить дефект, если же она голословна, то лишь укрепляет критикуемый институт или критикуемую ценность.

Итак, помимо высших ценностей, общих для обеих наций, основная масса других важных их ценностей также находится в состоянии гармонии, они дополняют друг друга или друг с другом совместимы.

Что касается конфликтующих на первый взгляд ценностей, то они или только кажутся непримиримыми, или настолько незначительны, что их «несовместимость» – это не более чем «несовместимость» реклам той или иной марки сигарет, каждая из которых доказывает превосходство своих сигарет над всеми остальными. Ни один здравомыслящий человек не обращает внимания на такие «несовместимости».

Возьмем несколько самых важных ценностей, которые кажутся несовместимыми. Одной из таких конфликтующих ценностей представляется, очевидно, советская национализированная экономика и американская экономика так называемого «свободного предпринимательства». Но мы видели, что оба типа экономики существовали в прошлом и существуют до сих пор в обеих странах и что оба народа, как и народы всего мира, приближаются к построению однотипной «экономики и государства всеобщего благосостояния». Мы уже отмечали также, что во время последней войны экономические системы в странах Востока и Запада стали по существу государственно управляемыми и контролируемыми. Мы указывали также, что колебания государственного регулирования экономических и других общественных отношений очень мало зависят от личных прихотей правителей, но определяются наличием или отсутствием чрезвычайной ситуации в данном обществе. По всем этим причинам такие ценности, как «государственно управляемая» экономика и экономика «частной собственности», становятся настолько относительными, столь мало специфическими для каждого народа, что только сумасшедший может объявлять их священными и абсолютными или затевать войну, чтобы искоренять (во имя Бога, демократии или коммунизма) такой «смертный грех», как национализированная экономика или экономика свободного предпринимательства.

Фанатизм таких безумных вождей гораздо менее простителен, чем даже фанатизм лидеров католицизма и протестантизма в эпоху религиозных войн XVI–XVII вв. То, что казалось тогда их главарям несовместимым, сейчас вполне совместимо. Религиозные войны тех столетий были совершенно ненужными и с подлинно религиозной и моральной точки зрения непростительными. Еще менее простительными являются военные действия тех, кто помешан на «свободном предпринимательстве» или «национализированной промышленности». Лично я не пожертвовал бы жизнью ни одного солдата ради торжества того или иного типа экономики. Тем более что эта жизнь в любом случае была бы принесена в жертву напрасно: как только в стране «свободного предпринимательства» возникнет чрезвычайная ситуация, ее экономика качнется в сторону национализированной, тоталитарной экономики. А как только в стране с тоталитарной государственно управляемой экономикой все чрезвычайные ситуации сойдут

на нет, она качнется в сторону «свободного предпринимательства». Таким образом, принесение в жертву жизни одного солдата или жизней миллионов солдат становится совершенно бесплодным.

Еще одна важная несовместимость двух народов – это их *соперничество за мировое господство, или «лидерство»*. Мы видели, однако, что это не столько самостоятельный выбор той или иной нации, сколько роль, навязанная им слепыми силами истории. Если каждый из народов имеет способность к творческому лидерству, он должен сделать все, чтобы не стать «приманкой» в руках деструктивных сил, а выполнять роль господина, контролирующего исторические силы. Конкуренция за такое конструктивное лидерство является взаимовыгодной, тогда как деструктивное лидерство самоубийственно и для обеих стран, и для всего человечества.

То, что было сказано о конфликте между разными типами экономики и разными типами лидерства, можно сказать и о характере политических режимов – республиканском и монархическом, автократическом и демократическом, тоталитарном и либеральном, о «деспотизме» и «свободе». Если их как следует проанализировать, то различия в этом отношении никогда не окажутся абсолютными, а лишь относительными. Не бывает, никогда не было и никогда не будет стран абсолютно свободных и абсолютно несвободных, государств чисто демократических и полностью деспотических. Вместо этого есть общества более или менее свободные, когда некоторые общества свободны в одном отношении (например, что касается многоженства) и несвободны в другом (например, в выборе религии или политической партии), тогда как в других обществах запрещено и карается многоженство, но разрешен свободный выбор религии или политической партии.

Кроме того, степень свободы сильно сокращается во время всякого рода чрезвычайных ситуаций, особенно в ситуациях войны и угрозы войны. Поэтому в действительности все те, кто выступает за «холодную войну» или за подготовку к «горячей войне», оказываются настоящими творцами тирании, деспотизма, авторитаризма и рабства во всех его формах, независимо от того, что они проповедают.

Практически все ценности и интересы, которые агрессивные элементы обеих стран объявляют несовместимыми, по сути дела, относительны и вполне совместимы при наличии минимальной мудрости и ответственности.

Все это означает, что *существует прочная основа для полного примирения обоих народов и их союзников.*

Эта основа диктует и метод достижения указанной цели. *Метод заключается не в том, чтобы быть взаимно агрессивными и «жесткими», а как раз наоборот, чтобы наладить самое тесное сотрудничество и братство по оружию для общей борьбы с извечными врагами обоих народов и всего человечества: со смертью, разрушениями, болезнями и умственными расстройствами, нищетой и преступностью, когда бы и где бы они ни обнаруживались – в советском или ан-*

тисоветском мире. Чрезвычайная активизация этих врагов в нынешнем столетии есть результат основополагающего процесса распада нашей западной чувственной культуры и общества, а стало быть, восточных и прочих обществ и культур. Бациллы этой болезни распада столь же многочисленны на советском Востоке, как и на антисоветском Западе, и одинаково опасны и там, и здесь. Первым крупным проявлением этой болезни стала Первая мировая война, ее следствием и второй вспышкой заболевания стала Русская революция, в результате которой наступил третий ее приступ в виде фашистской, нацистской и других антикоммунистических революций, наконец, четвертым страшным ее приступом стала Вторая мировая война. На Востоке эта болезнь привела к распаду китайской и других культур и послужила первопричиной анархии, беспорядков и революций во всех странах.

Взаимная агрессивность двух блоков, бесконечные революции, восстания и анархия, царящие повсюду в последнее время, являются другими проявлениями этой смертельной болезни. Взаимная вражда разделенного мира, очевидно, не способна убить ее бациллы: она только способствует их активизации, размножению и распространению. Борьба с их проявлениями и жертвами, будь то в советском или антисоветском мире, какими бы ни были эти проявления, будь то коммунистическая или нацистская революция, мировые войны или многочисленные гражданские войны, не исцеляет и даже не ослабляет болезнь. Ее можно победить только путем мобилизации всех здоровых сил человечества, Востока и Запада против этого заклятого врага. И только победив его, человечество сможет освободиться от бедствий, угрожающих его существованию.

Самое сплоченное братство по оружию двух народов и человечества в целом в этой поистине священной войне заменит их взаимную неприязнь сначала «прохладной» солидарностью, которая со временем станет теплой и дружелюбной. Стоит только сделать первый шаг на этом пути, а все остальные окажутся легкими.

Издавна известно, что ненависть порождает ненависть, агрессивность порождает агрессивность, а дружба порождает дружбу. Недавние экспериментальные исследования, проведенные в «Гарвардском центре по изучению альтруизма»^{7*}, подтвердили истинность этого положения: было установлено, что агрессивный подход наталкивается на агрессивную реакцию в 60–90% случаев, на дружелюбное обращение дружески реагируют в 70–95% случаев.

Агрессивные и «жесткие» методы, главным образом используемые обеими странами и их союзниками, есть путь, ведущий к «горячей войне», а не к успокоению и миру.

Все группы и отдельные лица, начиная с правящей группы и заканчивая многочисленными группами по интересам, которые прямо или косвенно способствуют усилению взаимной агрессивности, увеличению военной угрозы и опасности; все то, что усиливает несовместимость советского и американского образов жиз-

ни; все те, кто призывают к антисоветскому или антиамериканскому «крестовому походу» и опираются главным образом на физическую силу, на вооружение и особенно на атомные бомбы, управляемые ракеты и бактериологическое оружие; все, кто голосуют за бесконечное увеличение военных бюджетов, превозносят «избранность» своего народа, превосходство своего наследия, беря на себя монополию на спасение за счет неполноценных народов, – все такие лица, группы и силы, независимо от их высокопарных претензий, способствуют углублению конфликта и приближают Третью мировую войну. Они являются не силами жизни, мира, любви и творчества, а проводниками ненависти, смерти и разрушения.

К сожалению, международная и внутренняя политика находится сейчас в основном в руках именно таких лиц и групп. Эти лица и группы умеют бороться главным образом *за* чувственные ценности, их образование, этические принципы и политические навыки делают из них победоносных бойцов – бойцов, обученных побеждать любой ценой и в любых условиях. Их герой – это победоносный завоеватель, подчиняющий, унижающий и уничтожающий своих противников. Они не были обучены роли миротворцев или созидателей настоящей дружбы. Они с трудом понимают такую роль и ее противостояние таким понятиям, как победители и жертвы или соперничество и конкуренция, не допускающие взаимопомощи и взаимных услуг.

Будучи бойцами, эти группы и лица не способны быть успешными миротворцами, даже когда пытаются ими быть. Отсюда и неизменные неудачи последних мирных конференций глав государств, министров, их заместителей и представителей в ООН и других организациях.

Процесс примирения пойдет гораздо успешней, если этим займутся лица и группы, прошедшие специальную подготовку – в интересах мира и социального служения, чьи ценности отрицают кровавые конфликты и вдохновляются в основном любовью и смирением, а не ненавистью, соперничеством и господством. Общество друзей (квакеры) является примером такого рода групп. Ганди и Швейцер – примеры такого рода людей. Если международная политика будет поручена людям и группам такого типа, человечество вскоре обретет подлинный мир и построит реальный общий дом, в котором разные группы человечества будут помогать друг другу.

Метод мирного сотрудничества особенно рекомендуется тем, кто не любит тоталитаризм и деспотизм во всех его видах. Как уже упоминалось, любая чрезвычайная ситуация, особенно если речь идет о «холодной войне» и угрозе «горячей войны», закономерно влечет за собой усиление и увеличение степени государственной регламентации экономических, политических и других социальных отношений. Она порождает тоталитаризм и деспотизм, национализацию или обобществление экономической и других сфер жизни. Взаимная агрессивность и «холодная война», гонка вооружений, создание враждебно настроенных бло-

ков и союзов – все это и стало причиной послевоенного возрождения государственной регламентации цен и зарплат, профсоюзов и предприятий, забастовок и локаутов, национализации промышленности, ограничения свободы граждан, огромного роста политической секретной полиции и различных «национальных комитетов по антинациональной деятельности»^{8*}, усиления государственного контроля за образом мыслей, попрания неотъемлемых прав, нарушения биллей о правах и конституций, а также усиления прочих мер тоталитарного полицейского государства – и все это в странах Запада. Те же самые факторы способствовали усилению коммунистического тоталитаризма в советском блоке. Эти факторы, появившиеся благодаря антикоммунистической политике, нацеленной на ослабление тоталитаризма, коммунизма и деспотизма и на защиту свободы и демократии, на самом деле чрезвычайно усилили коммунистический и иного рода тоталитаризм и всевозможный деспотизм и сильно ослабили свободу, демократию, свободное предпринимательство, свободное творчество и другие ценности, за которые эта политика якобы выступает. Если смотреть на вещи строго объективно, то не пацифисты и не «прогрессисты», а сторонники доктрины Трумэна^{9*} и инициаторы повсеместного силового «сдерживания» коммунизма, гигантского перевооружения, Атлантического пакта, нового санитарного кордона, подкрепляемого атомной бомбой, – вот кто спровоцировал возрождение коммунистического тоталитаризма на Востоке. И точно так же агрессивный милитаризм со стороны советского блока тоже немало способствовал «тоталитаризации» стран Запада, в том числе и Соединенных Штатов, их милитаризации и отклонению в сторону полицейского государства. В своей борьбе с советским блоком западные антикоммунистические группы и страны все больше «советизировались», вводя у себя все больше и больше элементов советского тоталитаризма, только перекрашенных в другие цвета и под другими названиями.

Если в силу несчастливого стечения обстоятельств агрессивные фракции – советские и антисоветские – преуспеют в деле превращения «холодной войны» в войну «горячую», то человечество может надолго распрощаться с последними проблесками свободы, с самоуправлением, демократией, личным достоинством, свободой предпринимательства и творчества и со всеми подлинными ценностями. После Первой мировой войны, которая велась с тем, чтобы сделать мир более демократичным, и закончилась победой демократического альянса, демократии и свободы в мире стало меньше и возникли коммунистические, фашистские и нацистские тоталитарные режимы. После Второй мировой войны, которая велась во имя «четырёх свобод»^{10*} и снова заканчивается победой демократического альянса, демократия и свобода, капитализм и свободное предпринимательство практически исчезли во всем мире. Вместо этого по всему земному шару распространился коммунизм и прочие тоталитарные режимы, прокатились волны национализаций, бунтов и анархии, усилились нищета и ограничения свободы. Если предположить,

что Третья мировая война закончится полной победой западного блока, то объективными последствиями этой победы станет не возрождение демократии и свободы, а их исчезновение, не возрождение свободного предпринимательства, а его смерть, не власть народа, волей народа и во благо народа^{11*}, а самая кровавая и жестокая тирания, какой еще не знал мир, не раскрытие творческого потенциала, не достижение процветания, здоровья, счастья и долгожительства, а ад разрушения, смерти, болезней, страданий, умственной и нравственной деградации.

Короче говоря, те антикоммунисты, которые прямо или косвенно способствуют росту агрессивности и ненависти к восточному блоку, стремятся развязать с ним войну, просто-напросто роют себе могилы и приближают торжество самой разрушительной формы тоталитаризма. Все те коммунисты, которые прямо или косвенно делают то же самое в отношении западного блока, аналогичным образом роют могилы себе и могилу любому конструктивному варианту коммунизма, потому что после Третьей мировой войны остатки человечества станут непригодными для какого бы то ни было конструктивного коммунизма или социализма. Это будет мир бывших *homo sapiens*, выродившихся до уровня жалких обезьян. Эволюционный процесс повернется вспять, его курс от обезьяны к *homo sapiens* сменится на противоположный: от *homo sapiens* к физически больным и психически ненормальным обезьянам.

Итак, смертельный характер болезни и ее повсеместное распространение требуют мобилизации всех конструктивных сил человечества, сотрудничества Востока и Запада для участия в важнейшей кампании против общих врагов человечества: смерти, ненависти, болезней, разрухи, нищеты, зверства и безумия, независимо от того, где они имеют место. Такое сплочение против этих общих врагов само по себе ведет к прекращению взаимной вражды и является первым реальным шагом к сотрудничеству и дружбе не только между Соединенными Штатами и Россией, но и между всеми людьми и группами лиц на нашей планете. Когда это будет достигнуто (и если это будет достигнуто), начнется объединение всего человечества против общих смертельных врагов. После этого объединения и начнется настоящая борьба против общих врагов. Сомнений в ее успехе нет практически никаких. Чем более единодушно будет вестись эта борьба, тем быстрее будет повержен враг. На смену нынешнему процессу распада чувственной культуры придет конструктивная реинтеграция социальных институтов, культур и распавшейся в настоящее время личности в направлении творческого и бескорыстного сотрудничества. На планете в невиданных до сих пор масштабах воцарятся безопасность, благополучие, здравомыслие, счастье и творческий гений. Таковы основа и способ примирения человечества.

Если это произойдет, все в мире будет благополучно. Если же нет, то безумному *homo sapiens* останется только ждать, когда придет *dies irae, dies illa*^{12*}.

Глава одиннадцатая

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ВОЙНЫ И МИРА

---

1. Главная причина и множественная каузация

Для того чтобы диагноз предпосылок мира мог быть точным и эффективным, мы должны различать *главную и необходимую причину мира и дополнительные факторы, как позитивные, так и негативные*. Под главным и необходимым условием понимается фактор, без которого мир не может быть установлен. Под дополнительными факторами подразумеваются многочисленные разнообразные условия, которые либо способствуют реализации необходимой причины, либо нейтрализуют ее. Так, например, главной причиной дифтерии является инфекция. Положительными дополнительными факторами являются те условия, которые благоприятствуют распространению микробов и снижают иммунитет организма к инфекции; негативные дополнительные факторы – прививки и аналогичных воздействия, нейтрализующие или подавляющие *последствия* заражения, тем самым превращая необходимую причину в причину *недостаточную*. Главной причиной рождения является зачатие. Положительными дополнительными факторами являются все условия, которые способствуют превращению эмбриона в ребенка. Негативные дополнительные условия – все те, которые препятствуют развитию эмбриона, например, аборт или болезнь. Главная причина любого данного явления всегда одна и та же, а дополнительные факторы разнообразны, непостоянны и меняют свой характер, так же как и их комбинации.

Я прекрасно знаю о многочисленных возражениях против разграничения причины и дополнительных факторов. Эти возражения можно найти практически во всех серьезных трудах по индуктивной логике – в сочинениях Дж. Ст. Милля, А.А. Чупрова, Дж. Венна, Х. Зигварта и др., а также в ряде специальных монографий о причинности. Тем не менее логические и исследовательские преимущества такого разграничения столь велики, а его недостатки столь ничтожны, что эти возражения можно проигнорировать. На самом деле они не имеют столь уж решающего значения. Принцип главной причины и дополнительных факторов обычно используется в ходе причинно-следственного анализа в естественных науках. Их опыт подтверждает его надежность и пло-

дотворность. Почти все достижения в области естественных наук были связаны с открытием главной или необходимой причины данного явления и некоторых дополнительных факторов.

Без такой процедуры мы безнадежно запутаемся практически в любом причинном анализе социокультурных явлений вообще и войны и мира в частности. «Многофакторная» теория войны (или мира) хорошо выглядит на бумаге, особенно когда ей придают математический вид: «война – это функция переменных $A, B, C, \dots M$ [$W = f(A, B, C, \dots M)$]». Но как только эта формула наполняется реальными переменными, она либо превращается в бессмысленную ерунду, либо опровергает причинно-следственную связь. Это приводит к бесконечному регрессу, ведущему либо к «перводвигателю», либо к идее о том, что весь мир есть причина всего. Во-первых, невозможно описать бесчисленные условия, предшествующие конкретной войне или войне вообще. Во-вторых, если бы такое описание было возможным, причина войны осталась бы вовсе не выясненной, потому что оно осталось бы не чем иным, как неполным перечнем миллионов условий безо всякого различия, какие из них являются необходимыми, а какие случайными. В-третьих, если теория множественной каузации означает отбор из огромного множества обстоятельств нескольких, при стечении которых вспыхивает война, то этот отбор неизбежно будет произвольным. Отобранные переменные окажутся настолько разнородными, несоизмеримыми и несопоставимыми, что никто не сможет объединить их в смысловое единство. Еще меньше возможностей измерить их относительно-причинную силу.

Предположим, из бесчисленных предпосылок Первой мировой войны мы отберем трудные обстоятельства царской власти в России, выстрел в Сараево, визит Пуанкаре в Россию летом 1914 г., многонациональный состав Габсбургской империи, особенности психологии виконта Грея или Вильгельма Гогенцоллерна, сезон дождей в некоторых частях Центральной Европы, экспансионистскую политику Германии, состояние пятен на Солнце и Франко-англо-русский союз^{1*}. Любой, кто поместит эти или другие разнородные переменные в единую формулу, не получит ничего, кроме ничего не значащего набора слов или символов безо всякого смысла и единства. Мы не можем измерить относительную причинную роль этих несоизмеримых факторов. Следовательно, теория множественной каузации неприменима вообще к социокультурным явлениям, в частности непригодна она и для исследования войны и мира¹. Она гораздо менее адекватна, чем теория главной причины и дополнительных факторов. Это объясняет, почему я предпочитаю использовать последнюю вместо первой.

¹ Подробную критику множественной каузации и других псевдоматематических процедур см. в моей книге «Sociocultural Causality, Space, Time» (Duke University Press, 1943).

2. Основная причина внутреннего и международного мира

1. Главной причиной внутреннего социального мира является наличие в данном обществе целостной, твердо вошедшей в жизнь системы основных ценностей и соответствующих ей норм поведения². Фундаментальные ценности различных частей и членов общества должны по сути своей гармонизировать с этой системой и друг с другом.

2. Главной причиной международного мира является наличие в каждом из взаимодействующих обществ целостной, хорошо интегрированной и усвоенной системы высших ценностей и соответствующих норм, причем эти системы должны быть совместимы друг с другом.

3. В данной группе обществ или внутри данного общества возможность мира находится в прямой зависимости от усвоения целостной системы высших ценностей и их совместимости друг с другом. Когда их единство, усвоение и гармония ослабевают, особенно же когда это происходит внезапно и одновременно, вероятность международной или гражданской войны возрастает.

В связи с этим необходимы некоторые пояснения.

А. Нас интересуют высшие, а не второстепенные ценности данного общества. Каковы именно главные ценности того или иного общества – это следует устанавливать путем конкретного исследования. Как правило, они состоят из основных нравственно-юридических, религиозных, научных, экономических, политических и эстетических понятий и таких ценностей, как самоуважение и независимость. Это не мешает различным обществам выдвигать религиозные, или экономические, или политические ценности на роль *primus inter pares*^{2*}. Несмотря на конкретные различия от общества к обществу и от эпохи к эпохе, эти ценности в общем остаются главными.

Б. Мы говорим не о той или иной конкретной ценности, но о системе всех основных ценностей. Там, где главные ценности усвоены и воплощены, они составляют единую систему, в рамках которой логически связаны и каузально взаимозависимы. Когда одна из основных ценностей общества становится несовместимой с некоторыми главными ценностями другого общества, вся система одного становится несовместимой с системой другого. Та или иная изолированная ценность сама по себе не обуславливает мира или войны – вся система высших ценностей действует как единое целое.

---

² Каждая фундаментальная ценность имеет свой набор норм поведения, свои «ты должен» и «ты не должен». Религиозные, этико-юридические, научные, экономические, политические, эстетические ценности – каждая имеет свой кодекс поведения.

В. Под интеграцией высших ценностей понимается их причинно-смысловая взаимозависимость: смысловая – потому что они логически и эстетически согласованы и выражают, хотя и по-разному, одни и те же идеи, принципы и нормы; причинная – потому что в случае существенного изменения одной из них все другие также претерпевают изменения. Когда вся система претерпевает изменение, каждая из главных ценностей тоже соответствующим образом изменяется. Ценности, не имеющие этой причинно-смысловой взаимозависимости, остаются неинтегрированными, те же, которые утрачивают изначально имевшуюся интеграцию, становятся дезинтегрированными³.

Г. Наконец, нас интересует совместимость систем высших ценностей, а не их сходство, однородность или тождество. Дело в том, что две системы высших ценностей могут быть разнородными, но в то же время вполне совместимыми. В таком, например, обществе, как американское, граждане исповедуют разные религии, имеют разные вкусы и разные политические взгляды. Однако они совместимы друг с другом, и их разнородность не ведет к гражданской войне.

Сформулировав эти предположения, мы можем обратиться к доказательствам их истинности.

3. Доказательство истинности выдвинутых предположений

Можно упомянуть следующие отрицательные и положительные подтверждения. Каждый из этих комплектов доказательств обобщает часто повторяющееся единообразие и, следовательно, является более адекватным доказательством, чем простая совокупность единичных фактов. Начнем с негативных доказательств⁴.

Негативные доказательства. Негативными доказательствами являются те единообразия, с какими войны возникают или количество их возрастает, когда ослабевает интеграция высших ценностей и их совместимость. Если это ослабление происходит внутри частей или среди членов данного общества, то результатом является гражданская война, или жестокое и кровавое подавление. Если ослабление интеграции и гармонии касается систем ценностей различных обществ, то результатом является международная война.

---

³ Об этом см. мою «Dynamics», vol. IV, chaps. I, II, III.

⁴ Фактические данные можно найти в моем труде «Social and Cultural Dynamics» (New York, 1937–1941, vol. III, chaps. 9–14) и в книге: *Quincy Wright. A study of war* (Chicago University Press, 1942), vol. I, II.

А. Первой группой доказательств может служить *бесчисленный перечень войн, когда два ранее изолированных общества с различными системами ценностей впервые вступали в прямые и постоянные контакты*. Контакты реально обнаруживают несовместимость противоположных ценностей. Согласно высказанному предположению такая ситуация ведет к войне, что одинаково ясно наблюдается в древние и более поздние времена. Исследование Квинси Райта установило, что сравнительно изолированные народы имеют наименьший индекс войн (2.03), за ними идут народы средней степени общения (2.59), а высший индекс выпадает на народы, имеющие многочисленные и тесные культурные контакты (2.91)⁵. Древняя история и антропология дают сотни примеров войн, возникавших при встрече двух ранее изолированных племен. Если их основные ценности были различны, этот контакт почти неизбежно вызывал вооруженные конфликты. То же самое относится и к историческим обществам. Значительная часть войн возникала в процессе переселения, распространения или колонизации, когда одно общество впервые встречалось с другим. Контакт почти неизбежно вызывал войну, будь то оборона или нападение, размолвки, притеснения, колонизация, даже когда общества и не ставили себе военных целей. Такова была история Египта, Вавилона, Китая и Персии, Греции и Рима, Европы и Америки. Когда египтяне сталкивались с нубийцами, филистимлянами, гиксосами^{3*} или с какой-нибудь другой группой, имевшей другие ценности, начиналась война. И когда в процессе мирной колонизации греки знакомились с другими обществами и народами, вспыхивали войны. То же самое можно сказать о македонцах и римлянах на протяжении всей их истории. Расширение этих империй означало контакты с другими обществами, имевшими иные системы ценностей. Вспыхивавшие войны длились до тех пор, пока одна сторона не уничтожалась, не покорялась или же ее ценности не становились совместимыми с ценностями победившей стороны. Это одинаково относится к Западу и Востоку, к столкновению испанцев с американцами-аборигенами и ко всей хронике колониальных войн, которые идут постоянно.

Б. Это отчасти объясняет, почему *быстрое распространение контактов и общения после XIII в. сопровождалось увеличением войн на нашей планете. Новые технические средства сообщения и передвижения* сталкивали лицом к лицу все большее число племен, обществ, народов и империй. Несовместимость их ценностей, таким образом, систематически возрастала. Поэтому войны, особенно колониальные, увеличивались в числе до тех пор, пока в XIX в. изолированных групп почти не осталось. Все они были покорены силой и поделены между великими державами.

---

⁵ Quincy Wright. Op. cit., p. 559. См. также таблицу 12 на p. 557.

Причиной всех этих войн был не контакт или расширение отношений. Контакт и отношения сами по себе не являются причиной дифтерита: человек может общаться с больными и оставаться здоровым. Причиной является инфекция, а контакт – лишь способствующее обстоятельство. Так и в отношениях между обществами причиной войны бывал не контакт или взаимодействие, а несовместимость их систем ценностей. Социальные же контакты и взаимодействия суть способствующие обстоятельства.

В. *Третий ряд подтверждений дают гражданские войны, начинающиеся из-за быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении.* Это означало быстрое увеличение несовместимости главных ценностей двух частей общества. Согласно этому тезису подобное преобразование должно сопровождаться некоторой разновидностью гражданской смуты. Так оно и случалось. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили по причине резкого роста несоответствия высших ценностей революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения.

Г. *Четвертый ряд доказательств состоит из тех случаев, когда глубокое изменение в системе высших ценностей происходит только в одном или нескольких обществах, связанных между собой, не затрагивая в то же время остальных.* Такая ситуация опять-таки означает обострение несовместимости ценностей этих обществ. Результатом такого обострения неизбежно оказывалось начало войны между связанными между собой обществами. Взять, к примеру, из истории периоды глубоких религиозных преобразований. Религиозная революция Эхнатона в древнем Египте вызвала сначала гражданскую, а затем международную войну. Распространение буддизма в Индии вызвало аналогичные конфликты. Возникновение христианства, иконоборчества в Византии^{4*}, протестантская Реформация^{5*} – все это сопровождалось бесчисленными войнами. То же самое можно сказать о таких разновидностях христианства, как гуситское движение и альбигойская «ересь»^{6*}. История повторялась несчетное число раз с удивительным однообразием.

Если перемены происходили в области *политических* или *политико-экономических ценностей*, конфликт принимал форму политической или политико-экономической революции. Когда перемены бывали достаточно радикальны, они, как правило, сопровождались «революционными войнами» с нереволуционизированными соседями. Войны Кромвелевской, Французской, Русской и нацистской революций^{7*} служат типичной иллюстрацией этой закономерности. В истории было немного политических или политико-экономических революций, которые не сопровождались бы войной.

Д. Пятая группа доказательств воплощается в том факте, что увеличение войн связано с ускорением общественно-культурных перемен в данной группе взаимодействующих обществ. Это особенно верно в отношении Запада в течение последних пяти столетий. Не ускорение, конечно, является подлинной причиной. Если оно происходит планомерно и однообразно во всех обществах, совместимость высших ценностей не нарушается и нет причин для внутренних или внешних войн. Тому свидетельством – быстрый рост перемен в Европе и Америке во второй половине XIX в. Изменение скорости перемен само по себе не является ни фактором войны, ни фактором мира. Оно нейтрально. Если в некоторых случаях оно способствует войне, то причина этого в том, что не все общества меняются с той же скоростью. Это обстоятельство усиливает несовместимость их систем ценностей, отсюда и рост кровавых конфликтов. Во время быстрого изменения основные ценности находятся в текучем состоянии и не успевают «осесть» и стать всеобщими, они становятся чем-то распадающимся, тем самым еще больше усиливая опасность возникновения войны.

Е. Шестая группа доказательств включает в себя следующие факты. Империи, состоящие из крайне разнородных и враждующих народов и культур, часто затевают внешние войны с целью предупредить развитие внутренних движений, угрожающих их единству. В таких случаях несовместимость сначала обнаруживается внутри, в форме беспорядков или гражданской войны, а затем может вызвать международную войну.

Ж. Далее мы рассмотрим противоположный пример, когда народ внутренне прекрасно интегрирован. Иными словами, весьма националистичен. Но, будучи столь единым, такое общество по своей системе ценностей принципиально отличается от других обществ. Их ценности несовместимы. Ультра-националистическое государство не уважает и не терпит обычаев соседа. Обычно при такой нетерпимости и высокомерии вспыхивает война.

В обоих случаях не разнородность и не однородность *per se*^{8*} являются причиной войн. В зависимости от обстоятельств результаты могут быть различны. В ситуациях, описанных выше, они приводят к войне, потому что провоцируют столкновение ценностей данных обществ.

3. Восьмой серией подтверждений являются резкие скачки, зафиксированные на диаграмме войн в истории Греции, Рима и европейских стран, построенной сначала в моем исследовании и теперь в цитированном труде Куинси Райта. Оба исследования сходятся во мнении практически по всем основным позициям, а никаких других систематических исследований этой проблемы пока нет. Основные колебания построенных кривых не могут быть объяснены никакой иной гипотезой, кроме той, что предлагается здесь. (См. диаграмму 9 на с. 148.) Согласно нашей гипотезе наибольшего размаха войн, измеряемого в потерях на

миллион населения, следует ожидать в периоды радикальной трансформации основных ценностей обществ. Именно это и показывают кривые.

В Греции самыми воинственными столетиями были IV и V вв. до н. э.⁶ Как известно, эти столетия стали свидетелями самой глубокой и быстрой трансформации системы ценностей греческого общества. Старая религиозная, или идеациональная, система разрушалась, новая – чувственная – система еще не была построена. Вся Греция находилась в состоянии непрекращающейся ломки⁷. Не осталось таких норм и ценностей, которые были бы обязательными для всех государств, групп или отдельных лиц. Царила полная социально-культурная аномия^{8*}. В этих условиях несовместимость общих ценностей резко возросла.

Когда ценности перестают быть обязательными для всех, их контролирующая сила иссякает. Человеческие существа и группы оказываются во власти слепых, эгоистичных, биологических импульсов. Верх берет грубая сила, дополняемая обманом. Было бы чудом, если бы при таких обстоятельствах не происходило колоссального роста войн и междоусобиц. И действительно, война достигла самого высокого уровня в истории Греции именно в эти столетия.

Самыми воинствующими столетиями в истории Рима были III в. до н. э. и I в. н. э.⁸ Почему? Третий век ознаменовался длительным кровавым конфликтом между непримиримыми системами ценностей Рима и Карфагена. В I в. до н. э. происходило резкое превращение прежних полуидеациональных ценностей Рима в перезревшую чувственную форму. Это преобразование происходило в чрезвычайно ускоренном темпе благодаря воздействию на римское общество чувственной греческой культуры. В конце II и в I в. до н. э. это, как и в Греции, привело к аномии. В такой ситуации, как того и следовало ожидать, произошел всплеск гражданских и международных войн. Наконец, рост «кривой» в III в. н. э. тоже совершенно понятен. В III в. н. э. на арену в качестве заметной силы выступило христианство с его идеациональной системой ценностей, резко противостоявшей доминирующей чувственной системе. Борьба между языческой (чувственной) и христианской (идеациональной) системами приняла открытую форму. Следовательно, согласно нашему предположению война должна была усилиться. (Для последующих несколько веков нет достоверных данных.)

Если мы возьмем восемь основных европейских стран и изучим самые воинственные периоды их истории, то результаты окажутся аналогичными. Мак-

⁶ Подробные данные см. в моей «Dynamics», vol. III.

⁷ Факты и подробности приведены в четырех томах моей «Dynamics».

⁸ Данные и показатели см. в моей «Dynamics», vol. III.

симумы их войн приходится на периоды усиления несовместимости и распада ценностных систем⁹. Не вдаваясь в подробности для каждой страны, мы можем просуммировать движение войн во всей Европе с XII в. до 1925 г.

Со своей первоначально низкой отметки кривая очень медленно начинает подниматься в XIII и XIV вв., затем ускоряется в XV и XVI вв., пока не достигает своего первого пика в XVII в. Затем она несколько снижается в XVIII в. и гораздо заметнее снижается в XIX в., хотя в конце XVIII и начале XIX в. наблюдается ее небольшой подъем. В XX в. она вырастает до беспрецедентно высокого уровня за все 25 столетий истории западного общества.

Наша гипотеза хорошо объясняет три «максимума» войн. Период с конца XII до XVII в. был свидетелем глубокой трансформации европейской системы ценностей, переходившей от средневековой идеациональной к современной чувственной системе. Идеациональные ценности распались, а современная чувственная система еще не созрела¹⁰. Атомизация и релятивизация ценностей привели к краху их стабилизирующей силы. Их несовместимость – межиндивидуальная, межгрупповая и межгосударственная – сделалась гораздо сильнее, чем раньше. Отсюда – рост международных и гражданских войн по всей Европе. Но к XVII в. Европа обрела новую интегрированную систему высших ценностей. Дезинтеграция сменилась интеграцией. Соответственно кривая войн в течение XVIII и XIX вв. шла на спад.

Ее временный подъем в конце XVIII и в начале XIX в. объясняется просто. Он произошел из-за столкновения между теми, кто хотел ликвидировать последние остатки феодального порядка и идеациональной культуры, и теми, кто хотел их сохранить. После этого недолгого столкновения кривая войн шла на спад на протяжении XIX в. Эти десятилетия стали зенитом хорошо интегрированной чувственной культуры и социального порядка. Столкновение ценностей в границах европейских стран было минимальным. Отсюда и мирный характер этих десятилетий.

С начала XX в. наблюдается быстрая дезинтеграция чувственной культуры¹¹. Все ее ценности атомизировались и релятивизировались до такой степени, что ни одна из них не осталась общезначимой. Семья, частная собственность, Бог – все эти ценности были подорваны, подверглись критике и превратились в пепел. Воцарилась социальная анархия. Никто ни одну ценность не признавал обязательной для всех: ни гитлеровцы, ни антигитлеров-

---

⁹ Данные по этим странам см. в моей «Dynamics».

¹⁰ Доказательства приведены во всех томах моей «Dynamics».

¹¹ Доказательства приведены во всех томах моей «Dynamics» и в моей книге «Crisis of Our Age» (New York, 1941).

цы, ни коммунисты, ни капиталисты, ни богатые, ни бедные, ни верующие, ни атеисты. В результате ценности утратили бóльшую часть своей сдерживающей силы. Все бóльшая часть населения руководствовалась чувственными, эгоистическими и биологическими импульсами. Сила и обман снова стали управлять поведением.

Эта несовместимость ценностей вместе с огромным ростом межиндивидуальных, межгрупповых и межсоциальных отношений сделали неизбежным беспрецедентный взрыв гражданских и международных войн. Таким образом, мы оказались в самом кровавом столетии за последние двадцать пять веков человеческой истории.

Таким образом, фактические максимумы кривой войн в истории, по крайней мере, десяти стран (Греция, Рим и восемь европейских стран) однозначно подтверждают нашу гипотезу.

И. Убийство – это индивидуальная война. В чем причина убийств и как их количество увеличивается и уменьшается с течением времени? Мы знаем, что убийства совершаются по разным причинам. Несмотря на это разнообразие, все убийства имеют одну и ту же причину, хотя их дополнительные факторы различны. Причина убийства – такая же, как у войны. Это касается убийств, совершаемых из-за материальных благ, на почве фанатизма, из-за мести, по причине вражды, под влиянием страсти и безумия, и убийств ради самосохранения. Во всех этих случаях причиной является либо непримиримый характер фундаментальных ценностей враждующих сторон (убийства по причине фанатизма, альтруизма, мести, вражды, страсти), либо крайняя их атомизация (убийства, совершаемые ради материальных благ, ради самосохранения или в состоянии умопомрачения). В последнем случае убийцы подчиняются преимущественно слепым и беспорядочным биологическим импульсам. Оба типа воспроизводят в миниатюре вышеупомянутое состояние социальной аномии.

Это предположение о причинах убийств подтверждается тем, что люди с хорошо интегрированными ценностями не совершают убийств второго типа, как бы ни была велика и заманчива выгода. Мое исследование показывает, что доля лиц, которые посягают на жизнь своих ближних во время голода или оказавшись в других крайне критических ситуациях, составляет не более 1%. Остальные скорее погибнут, но не пойдут на убийство¹². Точно так же убийство первого типа (по причине вражды, мести, страсти, фанатизма) совершают только те лица, нормы которых диаметрально противоположны нормам их жертв и непримиримы с ними.

¹² См. мою книгу «Man and Society in Calamity» (New York, 1942), pp. 81–82 et passim.

К. Еще одним доказательством служат изменения в количестве и строгости наказаний за преступления, особенно смертной казни. Строгость наказания – это показатель непримиримого конфликта между теми, кто наказывает, и теми, кого наказывают. В этом смысле это тоже форма межличностных и групповых войн. Мы знаем, что тяжесть наказания за преступления не является постоянной, но меняется как в уголовных кодексах, так и в конкретной практике, от периода к периоду и от общества к обществу. В другой работе¹³ уголовные кодексы Греции, Рима и основных европейских стран были проанализированы достаточно подробно. Систематически были изучены изменения в тяжести наказания в уголовных кодексах и на практике в этих странах. Когда были определены периоды увеличения и уменьшения тяжести наказания, проблема причины этих колебаний была решена. Решение было таково: *«Всякий раз, когда в данном обществе нравственно-юридическая разнородность и противоречия возрастают, количество и строгость карательных мер одной части общества по отношению к другой тоже возрастают; при прочих равных условиях, чем больше несоответствие ценностей, тем резче этот рост»*¹⁴. В «Динамике» приведено достаточное количество доказательств, подтверждающих достоверность этого положения.

Л. Наконец, высказанное выше положение подкрепляется явной недостаточностью всех прочих теорий относительно причин войны и мира. Они имеют форму либо теории множественной каузации, либо гипотез о каком-нибудь исключительном факторе. Последние опираются на такие величины, как экономические и политические составляющие, солнечные пятна, размеры и плотность населения, климат и т. п. Ни одна из них, однако, не выдерживает даже поверхностной критики. Можно взять мои и профессора Райта кривые войны и попытаться объяснить их движения «вверх и вниз» в свете всех этих теорий. Это будет безнадежная попытка. Теории просто не соответствуют фактам, а факты опровергают теории.

Неадекватность теорий типа множественной каузации была показана выше. К сказанному можно добавить еще один аргумент. Когда множественная каузация принимает форму теории равновесия того или иного рода, утверждающей, что изменение любой переменной в системе равновесия является одной из причин войны или мира, то это не ведет нас никуда. Поскольку переменные многочисленны, они произвольно выбираются из бесчисленных предпосылок, ведущих к войне или миру. Они остаются несоизмеримыми и постоянно изменчивыми в каждом случае. Понятие равновесия неприменимо к социальным системам. Этот вывод вполне подтверждается попыткой Райта

---

¹³ См. «Social and Cultural Dynamics», vol. II, pp. 515–627.

¹⁴ Ibid., p. 595. Там же см. фактические подтверждения.

использовать такую теорию множественной каузации. Несмотря на собранный им огромный материал и весьма ценный вклад, сделанный им, его попытка оказалась неудачной. Он оставляет нерешенной проблему о причине войны и мира¹⁵.

Позитивные доказательства. Поскольку большинство этих доказательств я уже привел в рубрике «негативные доказательства», здесь нужно упомянуть только три наиболее важных подтверждения.

А. Первые касаются минимума войн в истории Греции, Рима и Европы. Во всех этих странах минимум войн и максимум мира падает в точности на периоды высшей интеграции основных ценностей, когда все взаимодействующие государства и нации пребывали в гармонии.

В Греции до V в. до н. э. система основных ценностей была высоко интегрированной. Это была идеациональная, или религиозно-патриотическая система, пронизывающая все составные части греческого общества и культуры, неизменная и непререкаемая. Она была по сути одной и той же практически во всех греческих государствах. По этой причине следовало бы ожидать низкого уровня войн в этот период. Факты показывают, что так оно и было. Войны, конечно, не исчезли, потому что интеграция не была абсолютной, а вторичные аспекты системы в Спарте и в Афинах бывали и несовместимыми. Время от времени греческие государства вступали в контакт с совершенно иными культурами, такими как персидская, ценности которых были совершенно несовместимы с их собственными. В этих условиях иногда вспыхивали войны, но их масштаб был значительно меньше, чем у войн V и IV вв. до н. э.¹⁶ После IV в. до н. э. доминирующей системой в Греции стала чувственная. Анархия переходного периода закончилась, и ценности были реинтегрированы в новую чувственную систему. Отсюда – упадок кривой войн в Греции в III и II вв. до н. э.

В Риме минимум войн приходится на IV в. до н. э. и I–II вв. н. э. Это были столетия сравнительно высокой интеграции римской системы ценностей. Великая экспансия Рима началась только после IV в., а закончилась в основном к началу нашей эры.

Аналогичное объяснение справедливо и для сравнительно низкого уровня военных столкновений в средневековой Европе до XIII в. В Средние века христианская система ценностей была целостной и универсальной для всей Европы. Социокультурная аномия находилась на самом низком уровне. Отсюда и неболь-

¹⁵ См.: *Quincy Wright. A Study of War*, особенно vol. II. Мою критику см. в: *Ethics*. 1943, April. Критику теорий равновесия см. в «Dynamics», vol. IV, ch. 14.

¹⁶ Подробные фактические данные о войнах в Греции, Риме и Европе можно найти в моей «Dynamics» и в книге Квинси Райта «A Study of War».

шое количество войн на протяжении всех этих веков. Относительный спад войн в XVIII и XIX вв. был следствием перехода от идеациональной к сформировавшейся чувственной системе ценностей.

Таким образом, минимум войн приходится на периоды, на которые согласно нашей гипотезе они и должны были приходиться. Этот вывод подкрепляется соответствующими данными для восьми европейских стран, изученных по отдельности. К ним относятся Англия, Франция, Россия, Австрия, Италия, Испания, Нидерланды и Польша с Литвой¹⁷.

Б. Точно так же минимум убийств приходится на периоды хорошо интегрированной системы ценностей. «Коммерческие убийства» закономерно усиливаются в обществах, в которых система ценностей находится в состоянии аномии. С другой стороны, наблюдается заметный рост убийств в переходные периоды, в периоды аномии и во время больших бедствий¹⁸. Группы, которые допускают такие преступления, находятся в состоянии деморализации и распада социальных связей, подчиняются они главным образом беспорядочным биологическим импульсам. С другой стороны, в периоды резкого и внезапного усиления интеграции количество убийств заметно сокращается¹⁹.

В. Хорошо установленным фактом является периодическое смягчение и гуманизация наказаний, к которым одна часть общества приговаривает другую. Такие послабления строгости наказания неоднократно происходили в эпохи социальной интеграции²⁰.

Совокупность приведенных доказательств вполне подтверждает выдвинутую нами теорию об основной причине войны, во всяком случае, гораздо лучше объясняет ее, чем любые другие гипотезы о причине (или причинах) войны. Поэтому эта теория заслуживает – и даже требует – серьезного внимания со стороны всех, кто прямо или косвенно занят проблемами войны и особенно вопросом установления прочного мира. До тех пор пока они одурачивают самих себя (и других) на первый взгляд очень конкретными и очень «практическими» теориями, объясняющими причины мира, их благие планы по обеспечению прочного мира после нынешней войны^{10*} обречены на провал. Точно так же, как эти «практические» плановики трагически провалились после Первой мировой войны со своими попытками запретить войну, так же они провалятся

---

¹⁷ Данные см. в моей «Dynamics». Смертный грех практически всех теорий о причинах войн заключается в том, что их авторы никогда не утруждали себя тем, чтобы собрать полные данные о движении войн, а затем проверить на них свои теории. Все они только высказывали предположения и строили догадки.

¹⁸ Факты см. в моей книге «Man and Society in Calamity», chaps. X–XII.

¹⁹ Ibid.

²⁰ См. мою «Dynamics», vol. II, chap. XV.

и в будущем, если будут принимать псевдопричины войны и мира за их истинные причины.

В следующей главе будут кратко описаны условия необходимые для установления прочного мира, которые непосредственно вытекают из приведенного выше анализа основных причин и дополнительных факторов войны (и мира).

Глава двенадцатая

УСЛОВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЧНОГО МИРА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

---

1. Основные причины провала всех предыдущих планов и усилий

Прочный мир после этой войны^{1*} возможен только в том случае, если причина войн будет либо устранена, либо существенно ограничена. Без этого решающего шага ни один план не сможет увенчаться успехом. Многие меры, предлагаемые для установления нерушимого мира, не затрагивают реальной причины войн. Поэтому они обречены на провал. По сути, многие из этих планов на самом деле усиливают, а не устраняют причину войн. Они повторяют трагические ошибки Версальского договора^{2*}. Настало время остановить азартные игры с жизнями миллионов человеческих существ и приступить к организации прочного мира с помощью тех мер, которые реально устраняют или ограничивают причину войн.

Все многочисленные планы и усилия по установлению прочного мира до сих пор были неудачны. Основных причин этой неудачи две: во-первых, объективные социокультурные условия были неблагоприятны и не созрели для такого начинания; во-вторых, меры, предлагавшиеся для установления прочного мира, не соответствовали своему назначению.

А. Объективно неблагоприятные обстоятельства. Они состояли, во-первых, в существовании большого количества обществ с несовместимыми системами ценностей и в отсутствии взаимодействия и взаимозависимости между отдельными частями и группами человечества. Человечество представляло собой не единый организм, в котором все народы, государства и большие общества взаимосвязаны, а ряд отдельных изолированных народов, государств, обществ без какой-либо общей системы ценностей и устойчивых связей, их объединяющих. В такой ситуации любое означенное общество или нация могли жить и функционировать без серьезного воздействия на большинство других обществ и не испытывая воздействия с их стороны. Ясно, что в такой ситуации – без постоянной взаимозависимости, без социальных, экономических, культурных или

любых других уз, связывающих человечество, – никакая международная организация не представляется возможной. Без этого же всеобщий прочный мир также невозможен. Каждое государство, или группа, или нация действовали за себя и во имя своих интересов, не заботясь об остальной части человечества. Групповые эгоизмы или столкновения основных ценностей этих обществ неизбежно приводили к конфликтам, которые, в свою очередь, неизбежно вели к войне в качестве крайнего средства для их решения. При таких обстоятельствах любой план прочного всеобщего мира был обречен на провал.

Другим основным препятствием к миру, существующим в объективной социально-культурной реальности, было и остается наличие множества корыстных интересов или конфликтующих ценностей у всех этих отдельных государств, наций и прочих групп. Эти интересы и ценности сильно противодействовали кардинальной реконструкции всего социально-культурного мира, необходимой для успешного установления прочного мира. До тех пор пока существует множество эгоистических государств или обществ, каждое из них, естественно, противится любому ограничению своего суверенитета, территориальной целостности и интересов. Их правительства и правящие верхушки прикладывали все силы, чтобы сохранить свое высокое положение, обеспечивавшее им их привилегии и преимущества. Большинство религиозных, культурных и других групп населения в этих государствах действовали таким же образом, как только предпринималась попытка изменить условия их существования.

Короче говоря, бесчисленные корыстные интересы или конфликтующие ценности мощно сопротивлялись – и должны были сопротивляться – любому плану, любому усилию, направленному на радикальные изменения, которые требуются для установления прочного мира. Проектировщики такого мира оказывались в положении планировщика идеального города, которому запрещено сносить, изменять любое существующее здание, от многоквартирного дома до особняка, любую кривую улицу, любой рассадник заболеваний или очаг инфекции или даже касаться их. Очевидно, при таких условиях ни один проектировщик не сможет построить здоровый, красивый город. В лучшем случае он сможет только перекрасить или слегка подремонтировать несколько зданий, но такой «ремонт» не создаст новый город. При таких ограничениях трудились все те, кто с незапамятных времен мечтал построить Город Вечного мира. Они были обречены быть лишь мечтателями-утопистами и практическими неудачниками, наталкивавшимися на гигантское сопротивление со стороны конфликтующих ценностей большинства существующих социальных, политических, экономических и культурных групп.

Б. *Несоответствие предлагавшихся мер.* Второй основной причиной неудачи мирных планов было несоответствие предлагавшихся мер. Большинство пла-

нировщиков обольщают себя и других верой в то, что достаточно слегка подкрасить и переделать фасады нескольких социальных и политических институтов, т. е. произвести лишь поверхностные изменения существующих политических и экономических условий, добавить к ним еще более поверхностные «образовательные» и «культурные» мероприятия – и величайшее здание на земле – Храм Вечного мира – будет построено. Таких чудес не бывает даже при строительстве обычных материальных зданий, и уж тем более при организации величайших социальных институтов. В обоих случаях используемые материалы и применяемые методы должны соответствовать поставленной цели. Практически все планы установления прочного мира, начиная с самых древних и заканчивая совсем недавними, страдают от этого несоответствия, т. е. от того, что меры, предлагаемые для достижения прочного мира, были совершенно недостаточны для этой цели. Они состояли главным образом в новой, но очень умеренной реорганизации ряда суверенных государств, их границ, их политических систем, международной торговли и валютной системы, природных ресурсов и т. п. Можно смело утверждать, что эти меры не приведут к прочному миру. В лучшем случае они могут обеспечить лишь временное перемирие, но даже и это сомнительно. Эти самые меры были применены после Первой мировой войны. Результаты были ужасающими: вместо прочного мира они привели к самой разрушительной, страшной и гигантской войне. Повторение одних и тех же мер, даже в новой вариации, может привести не к прочному миру, а к новым войнам, еще более страшным, чем нынешняя. Эти планы неадекватны, поскольку в них почти не упоминаются четыре условия, без которых никакая реализация установления прочного мира невозможна.

2. Четыре обязательных условия для установления прочного мира

Эти неперемненные условия таковы: во-первых, основательный пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей; во-вторых, действительное распространение и внедрение во все государства, народы и социальные группы системы основных норм и ценностей, которые должны всех объединить; в-третьих, ясное ограничение суверенности всех государств в отношении войны и мира; и, в-четвертых, учреждение высшего международного органа, обладающего правом и возможностью обязывающего и силового решения всех международных конфликтов.

А. Первым важным шагом является реинтеграция основных ценностей, чтобы прекратить существующую аномалию и устранить ее последствия. Чтобы преодолеть нынешнюю атомизацию и релятивизацию, нужны энергичные усилия

по универсализации основных ценностей и соответствующих им норм поведения. Чисто материальные ценности без сверхчувственных, духовных ценностей не могут быть универсальными. Они могут только бесконечно атомизироваться. Таким образом, переоценка нынешних чувственных норм путем их слияния с более духовными принципами как ценностями высшими становится неизбежной. Очевидно, что необходим глубокий умственный и нравственный переворот, чтобы сделать господствующий дух более идеалистическим и возвышенным. Те, кому эти термины не нравятся, могут заменить их более нейтральными – такими, как категорический императив, безусловный общественный долг и т. п. Когда данная норма поведения станет обязательной и священной, она превратится в ценность трансцендентальную, возвышающуюся над соображениями пользы и удовольствия¹.

Б. Мы не можем сделать одинаковыми все религиозные, этические и правовые нормы, эстетические ценности, экономические и политические организации разных народов и разных культур. Но мы можем сделать их совместимыми путем универсализации их основных норм поведения. Без организации нравственной общности прочный мир невозможен, какие бы экономические и политические реформы мы ни проводили. Нет таких договоров или обязательств, которые могли бы связать стороны, проникнутые цинизмом и нигилизмом, не признающим категорического императива предписанных норм и ценностей. Если не Нагорная проповедь, выражающая высшие нравственные ценности и превосходящая возможности большинства смертных, то хоть нечто приближающееся к ней в виде императива: «Не делай другим людям того, чего не желаешь себе» и «Поступай с другими людьми так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой» – должно быть провозглашено и глубоко запечатлеться в сердцах, душах, умах и поведении всех людей, всех государств, наций, народов и их руководителей, прежде чем прочный мир сможет действительно установиться.

Предыдущая глава, посвященная причинам войн, показывает, что основной и необходимой их причиной является несовместимость систем норм и ценностей, которые регулируют поведение одной или всех воюющих стран. Без такого несоответствия – или конфликта – норм ни стадный инстинкт, ни империализм и национализм, ни расовые различия, ни какие-либо иные экономические и политические причины не могут привести и никогда не приводили к войне. Когда же такая атомизация и конфликт систем ценностей двух или более обществ налицо, малейшее событие может произвести и производит взрыв. Война неимоверно усиливалась именно в периоды такого распада и расхождения. Если такова необходимая причина войны, то она, очевидно, должна быть устранена или разрушена, прежде чем может быть установлен прочный мир. Без ее устранения все другие меры окажутся напрасными.

¹ Подробнее см. мою книгу «Crisis of Our Age».

Эти нормы Золотого правила^{3*} могут быть повсеместно внедрены, если все общества провозгласят их в качестве основы своей конституции и своих взаимоотношений и если все их силы (при содействии семьи, школы, церкви, прессы, радио и всех имеющихся средств воспитания и формирования характера и поведения) по-настоящему пойдут на внедрение этих норм в поведение их членов, начиная с дошкольников и заканчивая взрослыми. Воспитание должно быть настолько глубоким, чтобы эти нормы стали священными, универсальными и действительно обязательными для всех.

Не будем останавливаться здесь на деталях, существо задачи совершенно ясно. Все планы прочного мира, пренебрегающие ею или рассматривающие ее как второстепенную деталь или благое пожелание, обречены на неудачу: они обманывают даже своих авторов, ибо без этой минимальной нравственной организации прочный мир невозможен. Вряд ли можно рассчитывать на прочный мир между ворами и бандитами, какие бы договоры, контракты и соглашения они ни заключали между собой. Кроме того, без реализации указанных выше норм все высокопарные фразы о демократии и демократическом строе суть либо пустые, либо лицемерные фразы, ибо любой режим или социальное устройство, не отвечающие условиям такого мира, не являются и не могут быть подлинно демократическими. Так называемые «демократические государства», лишённые этого принципа, суть не что иное, как эгоистические, коррумпированные и хищнические политические машины, столь же плохие, как и любая единоличная тираническая власть.

Если «практичные» люди возразят, что внедрение таких норм невозможно, и если на миг допустить, что они правы (хотя на самом деле они неправы), то это будет означать только то, что прочный и по-настоящему справедливый и демократический мир невозможен, и поэтому все попытки установить его нужно оставить раз и навсегда. Ибо без признания этого условия человечество обречено вести такие войны, каких никогда не было во всей его предыдущей истории. Если мы хотим предотвратить такую катастрофу, как война, то вышеуказанные нормы, регулирующие отношения между людьми, должны пронизать все межгрупповые отношения, начиная с отношений между государствами и нациями. Никакая альтернатива здесь невозможна.

В. Третьим обязательным условием для установления прочного мира является четкое ограничение суверенитета всех государств в вопросах, касающихся войны. Правительства всех государств должны быть полностью лишены права начинать войну на том же основании, на каком лишены его торгово-промышленные палаты, университеты и все иные социальные институты, за исключением государства и его правительства. Пока будут существовать государства, суверенные в этих вопросах, с их более чем несовершенноправительствами, войны неизбежны. Тем более это верно в отношении современных

государств-левиафанов^{4*} с их бездарными, часто циничными, еще чаще эгоистичными и, как правило, близорукими правительствами. Несмотря на все эти Священные союзы, Тройственные, Четырехсторонние союзы, Системы равновесия сил, Антанты, Паназиатские и Панамериканские союзы^{5*}, войны не прекращались и даже количество их не уменьшалось, поскольку существовали суверенные государства с их эгоистическими интересами. Несмотря на существование Лиги Наций, Гаагского арбитражного суда^{6*}, многочисленных международных конференций и соглашений, направленных на устранение войны, война не была отменена. Наоборот, Лига Наций и все эти пакты и конференции увенчались самой чудовищной войной в истории человечества. Пока государства-левиафаны обладают суверенитетом, а их правительства имеют полномочия решать вопросы войны и мира, повторение этих попыток не может обеспечить прочный мир для страждущего человечества. Таких чудес не бывает, особенно в современном циничном и нигилистическом мире.

Опять же, если бы кто-то сказал, что такое явное ограничение государственного суверенитета невозможно, и если бы это утверждение было справедливо, то это означало бы лишь то, что прочный мир невозможен и что поэтому не надо обманывать себя и других безнадежными попытками. Если мы хотим такого мира, суверенитет всех государств в этих вопросах должен быть отменен, и отмена эта должна осуществиться на деле со всеми вытекающими отсюда практическими мерами и последствиями.

Г. Четвертым неременным условием прочного и длительного мира является создание настоящей, работоспособной и могущественной международной власти, наделенной правом решать все внешние конфликты между государствами (и многими другими группами) и обладающей силой, необходимой для проведения решений в жизнь. Этот международный организм один должен обладать суверенным правом в вопросах войны и мира, причем его решения должны быть окончательными (они могут быть пересмотрены только им самим); в их основе должны лежать вышеуказанные нормы, а война должна быть либо вовсе уничтожена, либо сведена к карательным мерам против насильников, применяемым в редких случаях и в ограниченных масштабах, с упразднением наиболее разрушительных и бесчеловечных орудий войны.

Подробности технической организации и задач такого международного учреждения выходят за пределы этой главы. Однако одно обстоятельство следует отметить. Такой международный орган должен состоять не только из представителей государств, как это бывало прежде в разных союзах и в Лиге Наций, но и из представителей главных религиозных организаций, науки, искусств, земледелия, промышленного труда и управления. Одним из главных недостатков всех прежних объединений и Лиги Наций было то, что они состояли только из представителей политических групп. Государство не является единственной важ-

ной общественной организацией. Наряду с ним существуют не менее важные – а с точки зрения творчества даже более важные – организации: религиозные, научные, художественные, экономические и семейственные. Они содействовали прогрессу человечества не меньше, а, пожалуй, больше, нежели государства. Государства, монополизировавшие дело войны, гораздо более воинственны и развязывают войны гораздо легче, чем многие другие общественные организации. Созидательные ценности религии, науки, искусства, промышленности, сельского хозяйства и семьи значительно миролюбивее и менее воинственны, нежели интересы государств и особенно их несовершеннолетних правительств. Роль великих неполитических организаций была весьма конструктивной в истории человечества и, безусловно, менее разрушительной, чем роль государств. С другой стороны, влияние и власть этих организаций огромны. Присутствие их представителей среди полноправных членов великого международного органа придало бы ему мудрость и увеличило бы его знания, подняло бы на чрезвычайную высоту его общественный, научный, нравственный и правовой престиж. В таком виде он действительно мог бы стать выражением человеческой мудрости, Верховным Судом Человеческой Справедливости.

Однако большинство существующих планов ограничивают состав международного органа представителями государств. Этот серьезный недостаток должен быть устранен и исправлен путем включения представителей других великих социальных и культурных организаций, о которых говорилось выше. Иначе сверхгосударственный Левиафан новой Лиги Наций будет обладать всеми старыми пороками эгоистического государства и повторит все неудачи прежней Лиги Наций. Он может даже превратиться в настоящую мировую тиранию.

Если кто-нибудь опять возразит, что подобный международный орган невозможно создать, то единственным ответом на это будет тот, что длительный мир, значит, тоже невозможен.

Таковы в грубом эскизном наброске четыре условия, которые логически и индуктивно необходимы для достижения прочного мира.

3. Осуществим ли предлагаемый план?

В прошлом по причинам, указанным выше, планы прочного мира, основанные на выполнении четырех намеченных здесь условий, никак не могли быть осуществлены. Даже в настоящее время, если бы мир не корчился в судорогах войн, голода, эпидемий, революций и прочих бедствий, если бы человечество не переживало величайшего кризиса в истории, подобный план показался бы утопичным и не мог бы рассчитывать на осуществление. Однако происходящая катастрофа создала совершенно иное положение. Если мы искренне хотим проч-

ного мира, то желание это вполне осуществимо. Теперь к этой цели следует относиться не как к благому пожеланию, а как к практической задаче.

Причины открывшейся ныне возможности вполне очевидны. Во-первых, человечество уже связано в одно целое множеством общественных, культурных, экономических, технических и политических уз. Любое значительное изменение в одной части огромного человеческого сообщества существенно затрагивает остальные части. Теперь уже невозможно построить – во имя добра или зла – одно общество или нацию без оглядки на все остальные: все другие общества будут влиять на такое строительство, а само строительство будет так или иначе испытывать влияние со стороны остальных обществ. Времена изоляционизма в широком смысле слова прошли безвозвратно. Мы живем и действуем в действительно едином мире. Как бы мы того ни хотели, но невозможно установить прочный мир в одной стране, если он не установлен одновременно во всем мире. Невозможно построить счастливую, мудрую и благополучную жизнь, изолировав себя от остального человечества. Это означает, что база для всеобщего длительного мира существует и что длительный мир возможен только во всемирном масштабе. Прочный локальный мир отныне невозможен. Таким образом, первое из главных препятствий на пути к прочному миру уже преодолено.

Точно так же и второе главное препятствие – столкновение корыстных интересов или конфликтующих ценностей существующих государств или других групп – можно считать значительно ослабевшим. Вряд ли еще есть для государств основание возражать против ограничения их суверенитета, раз суверенитет большинства из них уже сведен к нулю, о чем свидетельствует тот факт, что на протяжении последних десятилетий государства возникали и исчезали, как мыльные пузыри. Нет никаких оснований для государств настаивать на их старых границах, потому что границы эти уже стерты и в большинстве случаев восстановление их невозможно. В течение последних десятилетий политические границы беспрестанно менялись, окончательно стали текучими, непрочными и расплывчатыми. Большинство правительств, существовавших до Первой мировой войны, уже нет, а большинство правительств, действовавших до 1939 г., ныне просто беженцы, в то время как оставшиеся, включая диктаторов, сменяются в течение ближайших лет, самое большее в течение одного или двух десятилетий. Прежние политические мечты становятся слабым воспоминанием об ушедшем прошлом и, поскольку анархия продолжается, будут становиться ими все быстрее. Надежды восстановить эти вечно меняющиеся и взаимно враждебные правительства совершенно беспочвенны. Ни одна великая революция не восстанавливает старых правительств и старой аристократии – они отправляются в отставку навечно. А современный кризис является величайшей из всех известных нам революций.

Даже высшие классы недавних и нынешних обществ не имеют прочной основы, чтобы противостоять великой перемене. Их положение стало шатким и недолговечным, его едва хватает на одно поколение. С 1914 г. в большинстве западных и восточных стран две или три волны разной «аристократии» уже сменили друг друга. Каждая новая волна этих «калифов на час» быстро уступала место другой, которая в свою очередь тоже исчезала. Ни одна из этих «аристократий» не может рассчитывать на возвращение к своему прежнему кратковременному величию. При существующих условиях они не имеют ни силы противостоять великой реформе, ни достаточно властного стимула к сопротивлению.

Другие зажиточные, профессиональные и средние классы ныне разорены или почти разорены существующими условиями войны и анархии. Они ничего не потеряют от великой реформы, за исключением унижений, нужды и страданий.

Всему остальному человечеству, подавляющему большинству рядового населения во всех странах, от рабочих и крестьян до торговцев и служащих, от отцов и матерей до сыновей и дочерей, нынешние войны между суверенными государствами ничего не дали, кроме несчастья, горя и гибели. Эти классы платят самую дорогую цену по счетам убитых и раненых на полях сражений воюющих суверенных государств, не приобретая ни славы, ни прибыли за свои жертвы. В основе несчастий лежит анархия, созданная множеством суверенных государств, и огромное большинство человечества ничуть не заинтересовано в ее продолжении, сулящем бесконечную серию новых катастроф.

Наконец, все люди с элементарным нравственным чувством и чувством социальной ответственности могут жить только надеждой на упразднение анархической системы, являющейся источником величайших напастей, обрушивающихся на род человеческий.

Таким образом, за исключением ничтожного числа человеческих хищников, ни государства как таковые, ни их бывшие и теперешние правительства, ни народы не могут извлечь никакой выгоды из нынешнего положения, не могут сохранить свои интересы в неприкосновенности, надеяться на возвращение статус-кво или на создание новой счастливой жизни на старых основаниях. Все они очутились теперь посреди развалин не только своего личного благополучия, но и всего общественного, культурного, политического и экономического здания прошлого. Реставрация развалин в прежнем виде невозможна, а попытка лишь слегка подновить их приведет только к повторению прежних катастроф. Суверенные государства, сыгравшие огромную положительную роль в прошлом, теперь стали источником гибели.

Когда старый город разрушен, мудрые строители не занимаются восстановлением поверженных зданий с их прежними недостатками и неудобствами. Они пытаются построить новый город без дефектов старого, с учетом требований

пользы, здоровья и красоты. Их не должны останавливать частные интересы, будь то интересы собственников разрушенных частных и публичных домов или интересы миллионеров, погрязших в преступности, коррупции и общественных нечистотах.

Нашему и следующему за нами поколению придется жить среди развалин старого общественно-культурного порядка. Мы должны построить новое общество, свободное от угрозы войны, насколько это в пределах человеческих возможностей. Частные интересы прошлого, потрясенные или сметенные катастрофой, никак не могут препятствовать нашим планам. История предоставляет нам исключительный случай свободы от реакционных влияний и давлений. То, что в прошлом было недостижимо, казалось утопическим, в нынешних условиях перестает быть невозможным. С мудростью, мужеством и верой во славу Божию и в прославление человека мы можем, наконец, приступить к постройке Храма Вечного Мира.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Рецензии на книгу

«КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рид Бейн^{1*}

**The Crisis of Our Age. By Pitirim A. Sorokin.
New York: E.P. Dutton & Co., 1941. Pp. 338. \$3.50**

Эта книга представляет собой краткое изложение «Социальной и культурной динамики». Формально же это переработанный вариант лекции «Сумерки чувственной культуры», прочитанной в Институте Лоуэлла (1941), с добавлением фрагментов из докладов к 100-летию Дюкского университета, к 150-летию Джорджтаунского университета (1939) и доклада на собрании Американского католического социологического общества (1940). Последний доклад на следующий день был прочитан в Американском социологическом обществе, о чем в предисловии к книге не упомянуто^{2*}.

Книга не содержит ничего нового для читателей «Динамики», если не принимать в расчет, что это несколько более эмоциональный подход к полярности чувственной и идеациональной культур (и плохо определенной культуры идеалистической [идеациональной], занимающей промежуточное положение между ними [золотая середина?], к которой сам Сорокин, кажется, привержен) и сильнее подчеркивается ужасающая перезрелость, сверхспелость (сорокинский эвфемизм для «гнилости»?) нашей декадентской, распадающейся, пошлой и плотской чувственной культуры. Стиль – сверхспелый, с эмоционально окрашенными прилагательными, фигурами речи, разного рода *obiter dicta* и *ipse dixit*^{3*}, поговорками о страшном суде и правде-матке и собственными чудовищными толкованиями. Наша «чувственная» культура (с 1500 г.) представлена им в наихудшем свете; все ее недостатки с негодованием перечислены, а те ее элементы, которые Сорокин признает ее главными достоинствами (наука и техника), вконец обесценены тем, что они якобы прокляты. С другой стороны, «идеациональная» культура 500–1200 гг. рисуется им как Золотой век, к которому мы должны вернуться, если хотим спастись: мерзости, жестокости, невежество, похоть, болезни, голод, угнетение, репрессии, революции, войны, кровавое насилие и попрание человеческого достоинства в течение этих веков – все это опущено. Жирный обжора

Фома Аквинский представлен как идеалистическая (идеациональная) модель мышления и поведения, предназначенного спасти нас от грозящих нам гибели и убожества. Отмечая (р. 146/102), что «...несколько капель яда способны отравить или интоксигировать всю воду», Сорокин показывает, как меньшее количество релятивизма портит немного большее количество абсолютизма в нашей культуре. Так же, возможно, он отчитал бы за декаданс и скотство идеологического периода те ядовитые семена чувственной культуры, которые, как сорняки (стиль Сорокина, не мой), проросли в замечательном во всех других отношениях саду идеационального поклонения сверхчувственному Абсолюту.

Для того, чтобы полярность «чувственное-идеациональное» могла быть подтверждена или опровергнута, те данные, которые использует Сорокин, должны быть собраны и классифицированы целым рядом независимых следователей, использующих те же самые критерии (вот где загвоздка!). Затем эти данные должны быть использованы для проверки альтернативных гипотез. Данные, собранные и используемые примерно так же, как это сделал Сорокин, с таким же успехом и убедительностью можно было бы применить для доказательства совершенно других гипотез. Однако, насколько я знаю, никто не делал этого в таких крупных масштабах, как Сорокин, использующий то, что на первый взгляд кажется эмпирическими и даже количественными методами. Хотя эмпирическая наука осуждена Сорокиным как лженаука, именно с помощью ее методов он и пытается доказать свой тезис. «Количественные методы» Сорокина вызывают, мягко говоря, большие подозрения. Используемая им процедура во многом напоминает доказательство того, что сладкий пирожок лучше яблока, поскольку такова количественная оценка, данная дегустаторами пирожков.

«Динамика» являет собой один из ярких примеров сверхчувственной гигантомании в современном научном исследовании. Это небоскреб^{4*} учености, а «Кризис нашего времени» – это повторяющая одно и то же Осса^{5*}, взгромоздившаяся на вершину этого колоссальные словесного Пелиона^{6*}. Возможно, таким образом доказывается, что гигантомания действительно есть симптом чувственного распада, но с таким же успехом можно утверждать, что гигантомания является симптомом распада того же идеационализма и доказать это на примере многословных сочинений Фомы Аквинского и Альберта Великого, а также гигантских средневековых соборов.

Встречается некоторое передергивание терминов, в результате чего происходит терминологическая путаница. Говоря об «интуиции» (р. 105–112/76–80), Сорокин «озарения» Пуанкаре, Ньютона, Архимеда и др. рассматривает в качестве синонима «интуиции» у апостола Павла, Августина и прочих восприимчивых «откровений» Абсолюта. Мистицизм, сверхчувственный опыт составляют необходимые аспекты любого истинного знания, хотя чувства и разум, по общему признанию, также необходимы для истинного познания, о чем говорит нам и

Фома Аквинский. Реальная проблема – это логика, лежащая в основе самой схемы чувственного, идеалистического и идеационального знания. Означают ли эти термины нечто настолько определенное, что ими может пользоваться не только Сорокин, но и другие? Сорокин, как правило, использует термин «чувственное» как порицание, а «идеациональное» – как похвалу. Может ли такое использование служить какой-нибудь полезной научной цели? Он постоянно утверждает, что эти «ментальности» всегда, во всех культурах и в отдельных людях в той или иной степени смешиваются. Является ли Сорокин единственным авторитетом, чтобы судить, сколько чувственного и идеационального заключено в каждом человеке, в каждой культуре и в каждом аспекте каждой культуры? Что он подразумевает под распадом, вырождением, испорченностью и ядом? Не является ли все это тем, что ему просто не нравится? Судя по «Динамике» и «Кризису нашего времени», дело обстоит именно так.

Эта книга не имеет отношения ни к науке, ни к философии. Она задается высокой моральной целью и звучит, как страдальческий крик поверженного идеалиста, которому будущее представляется черным, и поэтому он бунтует против мира, который ему отвратителен, и призывает грешников вернуться в спасительное лоно Абсолюта. Лично я думаю, что этот путь закрыт; Фома Аквинский мертв так же, как Зевс. Конечно, большинство ученых, как и Сорокин, так же сильно верят в то, что благосостояние человека является высшей ценностью и что наша культура страшно больна, но лично я, например, отношу к числу болезни в немалой степени и те остатки сверхчувственного мистического Абсолюта, к которому ему хотелось бы нас вернуть. Мы должны избавиться, в частности, и от этого отрицания величия человека; человек должен сам управлять своей судьбой – если его судьбой вообще можно управлять. Нам нужно больше, а не меньше науки, и она должна быть наукой естественной, а не псевдонаукой идеационального средневековья.

Путь, который ждет нас впереди, покрыт мраком, но это не мрак и промозглость средневековой ямы, из которой мы выкарабкались. За этими темными днями может наступить яркий рассвет, а может последовать и забвение. В любом случае мы не можем теперь вернуться к Фоме Аквинскому, даже если бы захотели. Такое разрешение мирового кризиса невозможно. Нам нужны пророки, которые поведут нас, но они должны вывести нас из пустыни, а не вернуть обратно во тьму египетскую.

**The Crisis of Our Age. By P.A. Sorokin
New York: E.P. Dutton and Company, 1941. 338 pp. \$3.50**

На страницах книги в девяти популярно написанных главах кратко излагается четырехтомный труд профессора Сорокина «Социальная и культурная динамика». Ученому-социологу, желающему оценить данные, на основе которых автор строит свой анализ и дает прогнозы, предпочтительнее использовать не сокращенную работу. Для тех, кто желает ознакомиться с общими принципами теории профессора Сорокина, вполне хватит настоящего тома. Обильное использование курсива еще более сокращает объем книги и облегчает ее чтение.

В краткой рецензии трудно изложить авторскую концепцию «Кризиса нашего времени». Тем не менее несколько цитат могут послужить индикаторами его точки зрения. Он утверждает, что изящное искусство нашего времени «постепенно становится все более бесплодным и внутренне противоречивым» (р. 52/41). Он говорит об «устаревшей односторонней концепции истины» западной культуры (р. 131/91) и «прогрессирующей девальвации этических и правовых норм» (р. 157/109). По словам профессора Сорокина, основные социальные институты, организации и ассоциации западного общества находятся в состоянии «угасания договорных отношений в пользу совершенно других по своему характеру – принудительных или семейственных» (р. 194/133). Таким образом, он видит разложение и распад всех основных компонентов евро-американской культуры, что ведет к росту преступности, психических заболеваний, самоубийств, революций и войн. Еще одна цитата: «Мы хорошо знаем, что *необходимой предпосылкой здравого и интегрированного ума является социальная стабильность и безусловные общепринятые нормы*» (р. 207/143, курсив Сорокина).

Одним словом, мы сейчас находимся в процессе перехода от культуры, которая характеризуется системой ценностей, основанных в первую очередь на науке и чувственных явлениях (*чувственная культура*), к культуре, основанной главным образом на религиозной вере и сверхчувственных явлениях (*идеациональная культура*) или, возможно, на удачном сочетании этих двух культур (*идеалистическая культура*). Можно показать, что этот переход и переход в обратном направлении происходили несколько раз в ходе письменно зафиксированной истории. В силу культурологического принципа *ограничений и имманентной причинности* (культура «исчерпывает свои творческие способности») такой переход рассматривается как неизбежный. Более того, трагические особенности периода перехода и социальных потрясений рассматриваются как неизбежные, хотя их можно несколько смягчить.

Анализ профессора Сорокина, которому он подвергает современное состояние западного общества, отличается глубиной. Он опровергает представление о том, что разгром Гитлера приведет к установлению справедливого мира. Его общие предсказания о тенденциях нашей культуры, вероятно, содержат много достоверного. Однако вполне может быть, что социальные науки смогут сделать больше, чем он думает, для управления этим процессом. Следует помнить, что наиболее плодотворный период развития социальных наук начинается с момента последнего великого культурного перехода-переворота, который профессор Сорокин относит примерно к XVII в. Спрашивается: если это так, то не представляет ли собой радикальная демократия со всеми ее духовными последствиями для человеческих взаимоотношений, на которых зиждется наше общество, сдвиг в направлении *идеациональной* или *идеалистической* или культуры?

(Social Forces. 1941, vol. 20, № 2, December, p. 271–272)

Кризис нашего времени

Что наше время есть время кризиса – этого сегодня не станет отрицать никто. Но какова природа этого кризиса? Является ли он просто еще одним из кризисов известного типа, т. е. в основном экономическим, возможно, усугубляемым неблагоприятными событиями в международных отношениях? Или это болезнь общества, которая – поскольку общество так же смертно, как и человек, – неизбежно закончится смертью? Или это что-то другое?

В новой книге, носящей вызывающее название «Кризис нашего времени»¹, профессор Сорокин говорит – и, очевидно, говорит не он первый, – что кризис этот по сути дела духовный: кризис культуры, которая отвергла Бога и религию и попыталась обойтись без них. Но в чем Сорокин первый, так это в том, что он собрал неопровержимые эмпирические доказательства в пользу этого утверждения; и, следовательно, оказался в состоянии точно указать место этого кризиса в общей истории западной культуры. По его словам, за тридцать столетий письменно зафиксированной истории Западной Европы было всего три кризиса такого же масштаба. Этот диагноз позволяет ему отважиться на определенные прогнозы.

В четырех томах своей монументальной «Социальной и культурной динамики» (New York, 1937–1941) он представил скрупулезное аналитическое исследование почти невероятного количества данных относительно флуктуаций во всех аспектах социальной и культурной жизни. В «Кризисе нашего времени» этот материал приведен в сжатом виде. Сорокин пришел к выводу, что культура постоянно движется между тремя основными типами. «Всякая великая культура, – говорит он, – есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность». Система культуры, «основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности, может быть названа идеациональной». Ее противоположностью является культура чувственная, которая считает, что истинная реальность и ценность носит чувственно воспринимаемый характер. Между ними располагается идеалистическая культура, «основной посылкой которой является то, что истинная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна». Культура раннего Средневековья была идеациональной; культура XII–XIII вв. – идеалистической; в последующие века вплоть до сегодняшнего дня в целом преобладает чувственная культура.

¹ The Crisis of Our Age. By P.A. Sorokin. New York, Dutton & Co., 1941. Pp. 338. \$3.50.

Фундаментальные формы культуры не бесконечны в своих творческих возможностях. Когда ограниченные созидательные силы культурной системы исчерпаны и все ее возможности реализованы, она либо принимает другую форму, либо гибнет и исчезает, либо же обрекается на застой и наполовину мумифицированное существование. Переход к новой форме облегчается тем, что «принцип ограничения» действует не только в социальной динамике, но и в социальной статике: культура никогда не бывает полностью интегрированной, так в чувственном обществе присутствует хотя бы несколько идеациональных элементов, и наоборот.

Используя эти общие положения для диагностики кризиса нашего времени, профессор Сорокин приходит к выводу, что современная культура является перезревшей чувственной культурой и что кризис означает начало ее распада. Современное искусство становится все более и более поверхностным и болезненно сосредоточенным на патологических типах и событиях; современные чувственные^{8*} системы истины затрудняют наше понимание действительности и ослабляют творческие способности науки; этика и право все больше и больше рассматривается как дымовая завеса, за которой скрываются прозаические интересы, эгоистичные стремления и жажда материальных благ; договорный принцип социальной организации, который доминировал в современной чувственной культуре, когда она была молодой и энергичный, перестает соблюдаться в политике, экономике и семейной жизни: «немногие периоды за всю историю народов демонстрируют такой полный провал контрактуализма в международных отношениях». Как следствие, и вопреки прогнозам социологов, придерживающихся теории прогресса, частота войн и революций возрастает, увеличиваются и их разрушительные последствия.

Все эти утверждения были сделаны, главным образом, на основе европейских данных. Есть ли, однако, надежда, что американская культура сумеет избежать этих катастрофических тенденций? Сорокин не допускает подобного оптимизма. Американская культура, отличающаяся от европейской только своими второстепенными чертами, по сути, является такой же в плане основных признаков и, следовательно, «скорее всего, судьба ее будет одинаковой на обоих континентах». Надеяться, самое большее, можно только на то, что в течение какого-то времени Америка будет играть по отношению к Европе такую же роль, какую играл Рим в отношении Греции.

Сорокин считает, что его исследование однозначно выявило упадок творческих сил современной чувственной культуры. Увядающей чувственной культуре суждено уступить дорогу новой идеациональной или – что менее вероятно – идеалистической культуре. Только такой переход может сохранить западную цивилизацию от полного распада или превращения в мумию.

Новая религия или возрождение одной из старых – в этом состоит «решение проблемы перезревшей чувственности». Как социолог Сорокин не может на основании имеющихся эмпирических данных предсказать, у какой из двух возможностей больше шансов на реализацию; но он надеется на возрождение христианской культуры, поскольку она никогда не была полностью устранена торжествующей чувственной культурой.

Против идей Сорокина категорически выступает большинства американских социологов. Однако сбывшийся прогноз и события последних нескольких лет вполне очевидно подтвердили его (высказанные еще в 1927 году), а не его оппонентов, взгляды.

Конец великой эпохи и начало новой, может быть, более великой эпохи, в течение которой люди вернутся к Христу – таков его окончательный диагноз кризиса нашего времени и прогноз на будущее.

(Thought. 1941, vol. XVI, № 63, December, p. 610–612)

[Аноним]

**The Crisis of Our Age, by Pitirim A. Sorokin
New York: E.P. Dutton and Company, Inc., 1942, 338 pages**

По мнению профессора Сорокина, существуют три системы истины и знания. Первая, идеациональная, в качестве источника своей истины и ценности имеет Откровение. Вторая, чувственная, характеризуется отказом от сверхъестественного и зависимостью от эмпирического знания. Третья – представляет собой синтез двух других и называется идеалистической. Прошлые цивилизации чередовались от идеациональной к чувственной и умирали, когда население отказывалось принимать эту смену как неизбежную. Наш нынешний кризис есть результат упадка нашей чувственной системы, которая особый упор делала на механистическую и атомистическую природу человека. Мысль автора состоит в том, что мы должны перейти к более идеациональной системе. Если мы поймем и примем это изменение, нам обеспечен еще больший всплеск творческой активности, хотя и иного рода; но если мы отвергнем его, наша цивилизация должна будет умереть и отправиться в «морг истории».

Автор, видимо, один из тех, кто для понимания человеческого поведения скорее ориентируется на ряд «естественных законов», а не на общественную организацию. Этот цикл лежит в природе вещей, поскольку каждая система несет в себе семена своего собственного разрушения и нет никаких альтернатив. Таковы были аргументы сторонников циклической теории истории, железного закона заработной платы, закона спроса и предложения, мальтусовского закона народонаселения.

Большинство социологов не согласится с главными постулатами Сорокина, потому что они рассматривают социальные явления в других системах координат. Большинство людей имеют веру в некоторые ценности, которые они считают абсолютными. Последователи Самнера^{9*}, однако, скорее всего сочли бы, что эти ценности культурно детерминированы и являются результатом размышлений о проблемах, связанных с изменениями, а не результатом сверхчувственной интуиции. Причиной нынешнего разброда в отношении высших ценностей они назвали бы социальные изменения, затронувшие нашу культуру. Они предпочитают такого рода реинтеграцию, которая повлечет за собой меньше конфликтов, когда мы освоим эти изменения. Большинство из них в настоящее время работают со многими организациями с целью помочь этому освоению.

Философы с давних времен пытались сложить фрагменты культуры в некую понятную картину. Так что если кто-то пытается сделать это с помощью социологических методов, то это грех невеликий. Д-р Сорокин выходит за границы своей роли ученого и становится философом-пророком-проповедником. Как и

у всех пророков, мир, который он наблюдает, плох. Как и древние пророки, он не стесняется использовать все современные словечки и эпитеты, какие может подобрать, критикуя современных лжепророков (ложных по Сорокину), которые не согласны с предлагаемой им панацеей. Как пророк, он предрекает нам гибель, если мы не покаемся в выборе наших путей и не «вернем престол» подлинным ценностям, с которого она (наша чувственная культура) их свергла. Человека надо представлять себе как «носителя абсолютной ценности» и «в качестве такового – священным»!

Какими должны быть эти абсолютные ценности, – непонятно. Нацистская Германия стала ультраидеациональной – вплоть до того, что нашла сверхчувственное руководство в галлюцинациях Адольфа Гитлера. Мало кто из нас станет заботиться о таком типе творчества – хоть он и обладает достаточной энергией, чтобы покорить Европу. Автор призывает нас покаяться в своих грехах и уверовать. Но как можно уверовать, когда панацеи, которыми торгует за прилавком даже гарвардский профессор, совершенно чужды рациональному мышлению.

В любом случае это заставляющая думать книга и ее должны прочитать все.

(Journal of Educational Sociology. 1942, vol. 16, № 1, p. 59–60)

Мозес Дж. Аронсон^{10*}

**Sorokin P.A. The Crisis of Our Age
New York: Dutton. 1941. pp. 338. \$ 3.50**

Выход в свет книги профессора Сорокина «Кризис нашего времени» сразу же вслед за изданием таких книг, как «The Human Enterprise» М. Отто и «The Social Mind» Дж. О. Будина^{11*}, наводит рецензента на мысль, что это нечто большее, чем просто случайное совпадение. Это больше, чем совпадение, но и больше, чем случайное пересечение личных научных интересов. Эти мыслители не только разрабатывали свои концепции независимо друг от друга, но весьма вероятно, что в той степени, в какой они хоть немного знакомы друг с другом, они считают себя антагонистами. Можно уверенно заключать пари, что окажись профессора Будин, Отто и Сорокин за общим столом, то не успеете вы произнести «Перл Харбор»^{12*}, как полетят пух и перья. И тем не менее несмотря на все расхождения, единый дух движет этими учеными, соединяя их узами интеллектуального родства.

Я думаю, что появление такой книги, как «Кризис нашего времени» Сорокина примерно в то же время, что «The Human Enterprise» Отто и «The Social Mind» Будина, следует понимать как отражение общей тенденции, возникшей в нашей интеллектуальной среде, тенденции, которая носит сверхиндивидуальный и сверхорганический характер, т. е. является тенденцией культуры. Этой культурной тенденции такие писатели, как профессора Будин и Отто, поскольку они философы, дают творческое выражение, находясь в то же время под ее влиянием. Тогда как профессор Сорокин, будучи социологом, изучает культурные тенденции современного общества и подвергает их объективному анализу.

В своей книге «Кризис нашего времени» профессор Сорокин не собирается излагать философское учение. Его задача состоит, скорее, в том, чтобы дать реалистичную интерпретацию тенденций, характерных для нашей культуры, поскольку она развивается через кризис. Он намерен исполнить роль социального диагноста. «Кризис нашей времени» хочет быть, в первую очередь, медицинской картой, фиксирующей состояние пациента; и только случайным и косвенным образом она оказывается и рецептом.

Это обстоятельство очень важно для понимания основной мысли «Кризиса нашего времени». Если постараться избежать истерии, которая является результатом смешения ценностных суждений с суждениями факта, то будет понятно, что профессор Сорокин мало озабочен тем, чтобы воздавать хвалу какой-то вымершей «идеациональной» культуре, как, впрочем, и обличать недостатки нашей нынешней «чувственной» культуры. Вместе со Спинозой Сорокин вполне может утверждать, что в своем исследовании культуры нашего времени он ста-

рался не осуждать ее и не высмеивать, не оплакивать и не превозносить, а только лишь ее понимать^{13*}.

К чему стремится профессор Сорокин, так это понять природу явного кризиса нашей эпохи. В том, что этот кризис налицо, согласны все. Однако в вопросе о природе кризиса мнения расходятся. Некоторые говорят, что это сравнительно поверхностное расстройство экономической или политической системы, которое можно устранить соответствующими экономическими и политическими методами или же посредством расовой селекции. Другие считают, что кризис – это исключительно дело рук кучки злодеев, которым правдами и неправдами удалось захватить власть, и поэтому, как только эти зловредные лица будут устранены, кризис тотчас же и закончится. С третьей точки зрения, ставшей популярной благодаря Шпенглеру, считается, что нынешний кризис – это суровая реальность, настолько суровая, что, действительно, близится смерть западной цивилизации и что мир в буквальном смысле слова движется к бесславному концу.

Эти три точки зрения Сорокин отвергает. Теории, которые рассматривают кризис в понятиях экономики, политики или расы, равно как и разговоры о «зловредных людях» он отвергает как чересчур поверхностные. Анализ Шпенглера он, однако, признает адекватным глубине проблемы, но считает его теоретически несостоятельным. Учение Шпенглера делает ущербным неправильный подход к обществу как к организму. Культура – это не биологический организм, и нельзя говорить, что она погибает таким же образом, как умирает животное. Культура может утратить свои отличительные черты, но цивилизация всегда сохраняется посредством других культурных форм.

Одряхлевшая культура распадается только для того, чтобы уступить место новой, более жизненной форме – в этом суть теории Сорокина. И он применяет ее для решения проблем, которые и составляют кризис нашего времени. Наш век представляет собой состарившийся или «перезревший» этап «чувственной» культуры. Этот «перезревший» этап наступил для нас благодаря тому, что можно назвать внутренними противоречиями образа жизни, основанного на чувственной или эмпирической философии. Сегодня «чувственная» культура зашла в тупик. Она больше не функционирует. Однако было время, когда она, действительно, функционировала и находилась в полном расцвете своих сил. В период с XVII по XIX в. она внесла свой большой вклад в науку и технологию человеческого рода. Сегодня она создает бомбы, подводные лодки, отравляющий газ, «Корпорацию убийств»^{14*}, способствует хронической безработице, бандитизму, инфляции и бюрократизации. Плоды аморальный «чувственной» культуры превратились в яд, подобно тому, как незащищенный корпус корабля превращается в ржавчину.

Из ржавчины и яда прорастает новая жизнь. Вот где Сорокин расходится со Шпенглером. В то время, как Шпенглер видит смерть и разруху в ядовитом кон-

це нашей «чувственной» культуры, Сорокин смотрит вперед и видит, что новая культурная эпоха, эпоха «идеалистическая» вытесняет былую славу эмпирической науки и меркнущее величие чувственной культуры.

Какой будет эта новая «идеациональная» культура, Сорокин, конечно, не может сказать в подробностях. Однако обобщая материал, сохранившийся с самых древних времен, он приходит к выводу, что за уходящим чувственным периодом должен следовать период идеациональный или идеалистический и что такой период характеризуется наличием общественного сознания, ориентирующегося на идеалы и духовные ценности в противоположность периоду чувственному, который делает упор в основном на материальные блага.

Профессор Сорокин воздерживается от живописания той «идеациональной» культуры, которую он предвидит. На мой взгляд, эта его сдержанность похвальна, ибо она свидетельствует о должном признании ограниченности социологического исследования. Пусть такие люди, как Будин, Отто, Хокинг и Селларс^{15*} и вся их философская рать направляют с помощью творческого воображения ход развития идеалистической культуры, которая сейчас находится в процессе зарождения на руинах умирающей чувственной культуры. Философы – это создатели культуры. Их задача творческая, и они уже занимаются тем, что высаживают ростки, которым суждено превратиться в большие и меньшие посылки той культуры, которая еще впереди.

Как социолог профессор Сорокин в своей сфере хорошо служит нашему поколению, анализируя процессы и отслеживая тенденции культуры, которая распадается на наших глазах.

(Journal of Social Philosophy and Jurisprudence. 1942, № 1, p. 184–186)

**Sorokin, Pitirim A. The Crisis of Our Age
Pp. 338. New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 1941. \$3.50**

Это популярное изложение четырехтомной «Социальной и культурной динамики», предпринятое автором, является весьма удачным. Любому читателю вполне доступна ее концептуальная система, которая состоит всего из двух полярных категорий (идеациональное и чувственное) и категории смешанной (идеалистическое), с помощью которых может быть определена любая культура или любая часть культуры. Идеациональное отдаленно напоминает «сакральное» у Дюркгейма и то, что Парето называет «постоянством совокупностей», чувственное же напоминает «профанное» у первого и «инстинкт комбинации» у второго^{17*}. Основная мысль книги тоже изумительно проста, а именно: в Западном обществе чередовались периоды идеациональный и чувственный, а между ними наступал промежуточный идеалистический период. Когда общество находится на идеациональной стадии, все его компоненты – искусство, философия, право, семья, форма правления и остальные – выражают и реализуют сверхэмпирические реалии; а когда оно находится на чувственной стадии, они выражают только эмпирические реальности и чувственные влечения. Естественно, наша культура в настоящий момент переживает распад чувственной стадии (что доказывается хорошо подобранным статистическим материалом), и автор обрушивает на современную жизнь громоподобную критику. Он показывает, что революционные изменения неизбежны, но не те, какие предлагают коммунисты, фашисты или либерал-демократы (все они – сторонники чувственной культуры). Скорее это будут изменения, которые произойдут с восстановлением Абсолюта, Бога, любви, долга, самопожертвования и справедливости.

Знакомый всем лейтмотив, повторяемый на тот или иной лад всеми моралистами, так искусно скрывается за причудливым языком, что неспециалист подумает, будто он читает нечто новое; а поскольку он в то же время ощутит, что все это правда, то будет доволен вдвойне.

Некоторые социологи могут посетовать на то, что термины, положенные в основу классификации, не имеют четкого определения, на то, что субъект культурной интеграции исключен из анализа, что эти два недостатка несколько обесмысливают статистическую часть работы (и с точки зрения выбора единиц и с точки зрения адекватности выборки) и на то, что оценка и факт постоянно смешиваются. Но такие социологи, будучи всецело продуктом чувственной культуры, не в состоянии оценить очевидные истины, которые содержатся в книге, или же отворачиваются от нее с чувством брезгливости. Было бы лучше, наверное, принять г-на Сорокина просто как моралиста, и понять, что обыч-

ная дилемма моралиста – что он предвещает конец, а средства предлагает сомнительные – стоит и перед ним. Конечно, выживание общества зависит как от сверхэмпирической, так и от эмпирической реальности, но если моральный дух утрачен, твердить о том, что его просто надо возродить – это не решение проблемы. Г-н Сорокин не предлагает никаких способов возродить высокую мораль, не приводит никаких примеров такой морали. Он просто и (судя по продажам этой книги) успешно вдохновляет.

(The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1942,
vol. 221, № 1, January, p. 196–197)

Кризис: анализ и прогноз

Кризис, который значится в названии, к нынешней войне не относится. Как бы ни была она важна, и как бы много ни зависело от ее исхода, каких бы жертв она ни потребовала и сколько бы страданий ни принесла – это лишь частное проявление общего кризиса западной культуры. Это симптом того, что историческая эпоха подходит к концу, признак надвигающейся колоссальной перемены, катастрофы, вызванной растущей дезинтеграцией культурного периода, который длится с начала нового времени вплоть до сегодняшнего дня.

Такой, по крайней мере, диагноз знаменитый социолог д-р Питирим Сорокин сообщает читателю в своей последней книге «Кризис нашего времени: социально-исторический очерк»². Эта книга выходит сразу же вслед за публикацией четвертого и последнего тома большого труда д-ра Сорокина «Социальная и культурная динамика». В «Кризисе», по сути, кратко излагаются взгляды, которые автор, опираясь на огромный фактический материал, сформулировал в своей «Динамике».

Идеи д-ра Сорокина столь значительны и кажутся столь хорошо обоснованными, что на них обязательно следует обратить внимание и тщательно с ними ознакомиться. Особенно это касается католических ученых, преподавателей, учителей и вообще всех, кто желает благополучия своему народу и человечеству, кто стремится к сохранению ценностей западной цивилизации и тех великих идеалов, на которых эта цивилизация основана.

Картина нынешнего состояния дел, нарисованная автором, доставляет мало удовольствия, а его картина грядущих времен – еще меньше. Многие будут глубоко потрясены, когда представят себе, что идеи д-ра Сорокина могут оказаться правдой – все его идеи или хотя бы самая значительная их часть. Правда, многие испугаются из-за своего прежнего более или менее чопорного самоуспокоения. Удобную фикцию о том, что мировой кризис не коснется какого-нибудь человека или какого-либо государства, больше поддерживать невозможно. Любой, кто посмеет взглянуть правде в лицо, кто осмелится признаться самому себе в действительном положении в мире, кто не ослеплен предрассудками и не выдает желаемое за действительное, вынужден будет признать, что мы являемся содрогающимися свидетелями начала ужасающих перемен.

Кризис не минует и не может миновать Америку. Д-р Сорокин посвящает этой теме целую главу. Многие надеются, что Америка пострадает меньше, чем дряхлеющая Европа. Они рассчитывают на молодость Америки и присущую ей энергию. В какой-то степени они, надо полагать, правы. Вполне возможно,

² E.P. Dutton, New York.

что Америка сумеет преодолеть культурную катастрофу с меньшими потерями и страданиями, но это возможно лишь в том случае, если американский народ полностью осознает, что поставлено на карту и что угрожает миру.

Д-р Сорокин настаивает на том, что представление о независимости судьбы Америки от судьбы всей остальной западной цивилизации, ошибочно. Американская цивилизация, несмотря на все ее особенности, по сути дела, носит тот же характер, что и остальная западная культура. Основные движущие силы общей культурной эволюции одинаковы и там и здесь.

Культурные изменения происходят не одинаково по всем направлениям. В одной сфере они проявляются раньше, в другой позже. Большие различия обнаруживаются и между разными нациями. Достаточно привести несколько фактов из истории, чтобы это стало очевидным. Интеллектуальное возрождение XII в. началось и было сосредоточено в основном во Франции. Художественное движение эпохи Возрождения и поворот в сторону гуманизма начались в Италии. Первые проявления духа эмпиризма, характерного для нынешнего времени, обнаруживаются у Галилея в Италии, но вскоре инициативу перехватывает английская философия в лице Гоббса, Локка и Юма.

Тот или иной тревожный симптом культурного кризиса может отсутствовать в Америке. Но этот факт сам по себе не служит гарантий того, что данный симптом здесь вскоре не появится, и не свидетельствует о том, что в Америке кризис носит другой характер, чем в Европе. Фундаментальные положения д-ра Сорокина можно свести к нескольким утверждениям, к которым потом следует дать некоторые пояснения.

1) Существуют три основных типа культуры: идеациональная, идеалистическая и чувственная. Идеациональная культура, примером которой служит раннее Средневековье, зиждется на твердой вере в абсолютные, вечные, сверхчувственные ценности, перечисленные в христианском символе веры. Чувственная культура в большей степени или даже исключительно дорожит ценностями материального мира. Идеалистическая культура есть синтез обеих, то есть она характеризуется преобладанием высших, абсолютных ценностей, но признает также и ценности чувственного мира. Такой синтез был достигнут в период высокой схоластики. Чувственная культура стала преобладать с конца средневековья. Следует отметить, что термин «идеалистический», употребляемый в таком смысле, не имеет ничего общего с идеализмом как философским направлением, например, с немецким идеализмом Канта, который у д-ра Сорокина считается одним из проявлений чувственной культуры.

2) Каждая из этих культур развивается из рудиментарных форм, достигает вершины, а затем постепенно склоняется к упадку, распадается и заменяется другим типом культуры. Таким образом, идеалистическая культура высокого Средневековья распалась, и на смену ей пришел чувственный период нового времени.

Этот рост и упадок культур д-р Сорокин представляет как явление неизбежное. Он не говорит, что последовательность должна быть всегда одинакова. Он оставляет открытым вопрос, что придет на смену нынешней чувственной культуре: идеациональная или идеалистическая фаза.

Таким образом, он придерживается теории циклов в эволюции культуры. Эта теория подвергалась и подвергается критике. Многие не хотят верить ни в какие законы истории. Нелегко понять подобное неприятие. Некоторые, видимо, опасаются, что понятие закона истории отвергает глубинную свободу человека. Если есть законы истории, действующие с такой же необходимостью, как физические законы, то это, по их мнению, снимает с человека ответственность и открывает двери детерминизму. Опасение это представляется не вполне обоснованным. Так же как и свобода не является аргументом против существования исторических законов. Мы убеждены, что натура человеческая одна и та же везде и во все времена. Как существует закон индивидуального развития, так может существовать и закон человеческой истории. Это не означает гипостазирования некоего «группового разума». Это лишь означает, что человек должен вести себя в соответствии со своей природой, которая, будучи у всех одной и той же, может приводить к одинаковым результатам в одинаковых условиях.

Понятие культурных циклов, конечно, следовало бы рассмотреть более подробно, чем это можно сделать в нескольких строках, но, очевидно, в этой идее нет ничего такого, чтобы считать ее априори неприемлемой.

3) Переход от одной культуры к другой всегда сопровождается кризисом и катастрофой. Когда культурная система начинает распадаться, неизбежно наступает время нестабильности, конфликтов, войн и революций. Разные социальные группы действуют теперь разобщенно и не образуют единое целое. Творческий потенциал сокращается. Эпоха оказывается неспособной справиться с проблемами, с которыми сталкивается человек.

Такая интерпретация развития культуры помогает лучше понять многие исторические события, чем противоположная точка зрения, считающая распад культуры следствием войн, экономических противоречий, революций и т. п. На самом деле эти события усиливают и ускоряют действие сил, работавших задолго до того, как смертоносные войны и потрясенные массы сметут культурные формы прошлого.

4) Эти катастрофические события не только неизбежны, но и необходимы для сохранения творческого потенциала культуры. Каждая культура рано или поздно оказывается исчерпанной. Она больше не добивается столь великих достижений, каких добивалась в период своего наивысшего расцвета. Без фундаментальных изменений творческая способность человечества умерла бы. Культура как таковая никогда не умирает, как не утрачиваются и ее истинные

достижения. Вопреки мнению Шпенглера, д-р Сорокин настаивает на непрерывном развитии культуры как таковой, несмотря на то, что типы ее изменяются.

Д-р Сорокин, пожалуй, излишне радикален, когда говорит об исчезновении одной культуры и замене ее другой. Можно возразить, что идеациональная и идеалистическая тенденции сохраняются даже в период чувственной культуры и что время от времени они проявляются. Точно так же, чувственные элементы не полностью исчезают в другие периоды. Чувственные ценности, пусть их даже не признают, пусть их даже считают обесцененными в идеациональной культуре, но их не игнорируют. Сама квалификация их как обесцененных предполагает, что они все-таки признаются как ценности, а, кроме того, они сохраняются как символы и аллегории. Иллюстрацией тому служит, по-видимому, раннее средневековое искусство. Горгульи^{19*} и украшения средневековых соборов свидетельствуют не просто о символической тенденции, а о чем-то большем. В них заметен интерес к облику и образу самому по себе и, соответственно, к чувственным ценностям. С другой стороны, можно рассматривать и музыку Баха как проявление идеалистической тенденций, пробивающихся сквозь покров чувственной культуры. Примечательно и то, что в чувственной культуре встречаются индивиды и периоды, пусть и краткие, вполне осознающие значение иных, не чувственных, ценностей.

5) В настоящее время как раз и происходит такой переход, распад одной культуры, чувственной, и болезненное рождение другой. Шесть глав «Кризиса» посвящены доказательству этого тезиса. Д-р Сорокин рассматривает изящное искусство, системы истины, т. е. науку, философию и религию, системы этики и права, общественные структуры, такие как семья, формы правления, а также экономику, свободу и международные отношения, преступность, войны, революции, самоубийства, душевные болезни, обнищание и, наконец, трагический дуализм, характерный для этой эпохи, ее тенденцию к гигантомании, хаотическому синкретизму и снижению творческого потенциала.

Приведено множество фактов, хотя их количество не достигает, конечно, того обилия, которое представлено в четырех томах «Динамики», однако и то, что представлено, производит довольно сильное впечатление. Многие факты представлены в непривычном свете и истолковываются по-другому, чем могло бы показаться на первый взгляд.

В ряде случаев с некоторыми трактовками автора трудно согласиться. Например, совсем не факт, что психических болезней действительно стало гораздо больше, если не включать в их число все нервные расстройства. Если же включать, то их рост не вызывает сомнений. Если же рассматривать только помешательство в строгом смысле этого слова, то рост может быть более очевидным, чем реальный. Д-р Сорокин считает, что предполагаемый рост числа сумасшедших связан с общими психическими факторами, проявляющимися в

загнивающей культуре. Он совершенно прав, объясняя этими факторами рост числа самоубийств. Это соотношение подтверждается и тем фактом, что среди католиков самоубийства случаются реже, чем среди некатолической части населения^{20*}. Это справедливо даже и там, где нет разницы в социальных стандартах жизни или роде занятий. Если бы одни и те же факторы были ответственны за большее количество обитателей психушек, численность сумасшедших среди католиков была бы меньше. Но доказательств тому нет, по крайней мере, насколько известно пишущему эти строки. Однако подобные расхождения в интерпретации имеют второстепенное значение. В целом, пусть даже и неохотно, но с д-ром Сорокиным приходится согласиться.

Анализ современного состояния культуры приятным никак не назовешь. Но предсказание о том, что с ней произойдет, еще менее приятно.

Чувственная культура породила, среди всего прочего, общее представление об относительности ценностей. И эта релятивизация ценностей будет усиливаться. Понятия истины, справедливости, красоты станут еще более сомнительными. Подвергнется отрицанию существование абсолютной истины и права. Что такая сильная тенденция существует, этого не может не заметить ни один внимательный наблюдатель. Прагматизм, позитивизм и подобные «философские» школы подрывали и подрывают идею истины. На протяжении многих веков пробивал себе дорогу этический релятивизм. Известное изречение немецкого министра юстиции, о том, что «право – это то, что хорошо для немецкого народа», является лишь очень грубым выражением общей идеи.

На чувственном уровне также есть более высокие и более низкие ценности. По мере усиления дезинтеграции предпочтение будут отдавать все более низким ценностям. Восприниматься будут только чувственные, материальные ценности. Идея человеческой природы будет все более и более искажаться. Человек больше не будет разумным животным, или, по крайней мере, уникальным среди всех остальных. Он превращается просто в скопление материальных частиц, пучок рефлексов в рефлексологии, набор инстинктов в психоанализе, центр поведения в бихевиоризме. Таким образом, человек постепенно лишается всего своего величия. Человек исчезает и превращается лишь в элемент или частицу более крупного целого, государства или нации.

С потерей всякого смысла абсолютных ценностей и их иерархии чрезвычайно усилится общая неуверенность и нестабильность. Общественное мнение все больше и больше становится добычей фракций и групп давления. Всем правит сила. Усиливается вражда – между расами, между классами, между отдельными людьми. Исчезает безопасность жизни и собственности. Свобода сменяется рабством для большинства и вседозволенностью для немногочисленных правителей. Появляется тираническое правительство, его быстро свергают и заменяют другим, не менее тираническим. Демократия, основанная в нынешнем ее виде на

понятии обязательного договора, устоять не может. В условиях *bellum omnium contra omnes*^{21*} семья тоже непременно должна распасться. Творческий потенциал в искусстве и науке, философии и поэзии, музыке и нравственности снижается до нулевой отметки. Уделом большинства становится нищета. Чувственный гедонизм станет преобладающим настроением, которому будут противостоять аскетизм и стоицизм ничтожного меньшинства.

Это картина, безусловно, напоминает Римскую империю в период ее упадка; но есть и огромное отличие. Когда орды варваров опустошали римскую территорию, они, конечно, уничтожали культуру античности, но в то же время и сами оказывались побежденными ею. Как бы ни была подорвана культура классической эпохи, она сохранилась среди варваров. Культура, которую пришли свергать варвары, была для них новой, культура же, которую намерены уничтожить современные варвары, новой для них не является. Что касается чисто технологической стороны, то здесь они такие же специалисты, как и любой из их противников, а истинные ценности, которым до сих пор удалось кое-где сохраниться среди чувственной культуры, не являются для ее разрушителей новыми. Они хорошо их знают, сами относятся к ним с уважением и отказываются от них сознательно, отбрасывая их и обесценивая. Нет никакой надежды на то, что если захватчики победят, они постепенно подпадут под влияние разрушенной ими культуры. Есть еще одно отличие между нашим временем и эпохой заката античности. Мы знаем историю, и мы превратили общество в предмет пристального изучения. Мы понимаем, что происходит. Таким образом, мы можем подготовиться к будущему, каким бы страшным оно ни было.

Эта подготовка требует умонастроения, которое не было бы полностью подчинено чувственной идеологии. Она требует умонастроения, которое помнило бы об абсолютных и вечных ценностях, которые когда-то господствовали в период идеациональной культуры. Есть только одна группа, о которой с уверенностью можно сказать, что она сохранила понимание этих абсолютных ценностей – это католики.

Если есть какая-то часть населения, которой суждено подготовить путь для новой возникающей культуры, то это католики. На них поэтому ложится огромная ответственность. Им предстоит большая и чрезвычайно сложная задача. Не случайно д-р Сорокин дважды в своей книге цитирует по-латыни слова из Литургии и заканчивает ее словами: *Benedictus qui venit in nomine Domini*^{22*}.

Чтобы справиться с этой грандиозной задачей, католик должен полностью отказаться от самоуспокоенности. Он не может утешаться мыслью о том, что катастрофа его пощадит. Он больше не может оставаться на позиции *beatus possessor*^{23*}, которая, кстати говоря, часто оказывается очень близкой к фарисейству. Он должен осознать свои обязанности не только в отношении к своей собственной вере, но и к нации, к человечеству.

Это требует двойной подготовки со стороны католика. Особенно если он выполняет работу пастора, учителя, ученого, воспитателя. Он должен быть сам подготовлен для того, чтобы суметь подготовить путь для других, он должен быть готов ко всему, что происходит в нашем мире. Он должен научиться глубокому пониманию культурных и социальных событий. Это необходимо не только для постижения действующих тенденций, но главным образом для того, чтобы самому невольно и неосознанно не поддаться вредному влиянию. Только тогда, когда известен источник болезни, можно надеяться, что не заразишься. Необходимо тщательно и внимательно рассмотреть собственные идеи на предмет выявления в них следов чужеродных и зловредных влияний. Если бы католики в тоталитарных государствах Европы подвергли свою совесть такой проверке, они не были бы столь доверчивы, какими в действительности себя проявили.

Мы должны остерегаться принимать слишком охотно современные идеи и оценки происходящего в наше время. Даже жертвуя собой, навлекая на себя упреки в ретроградстве, отсталости и несовременности, мы должны отстаивать абсолютные ценности и донести их до тех, кто будет после нас и понесет их дальше. Мы должны научить молодое поколение, что признавать высшие ценности, а не находить удовольствие лишь в ценностях низшего уровня, это не значит деградировать. Интеллектуальность и признание высокого не следует избегать из-за страха получить упрек в «высоколобости». Есть и другие обязанности, которые лежат на всех, а не только на тех, кто прошел специальное обучение и занимается именно этой работой.

Для достижения этой цели те, на кого так или иначе легла обязанность наставлять, обучать и руководить, должны готовить себя, углубляя свое понимание великих истин веры и философии. Они должны выбросить из головы все идеи, которые идут вразрез с этими истинами. Они должны с корнем вырвать все взгляды, враждебные любви, все тенденции, тянущие вниз, всяческое самодовольство и самоуспокоенность, отрадную мысль о том, чтобы «получить все». Конечно, у католиков есть все, в чем действительно и по-настоящему нуждается человек – Вера, Надежда и Любовь. Есть и будет.

Вера, Надежда и Любовь – вот что прежде всего нужно для спасения. Это обязательное неперемное условие. Если Господь по бесконечной, невообразимой и неиссякаемой милости Своей наделил нас даром видеть Его истину, верить в Его милость, благодатью Его любить Его и наших ближних, то у нас, надо думать, есть и другие обязанности, которые, однако, меняются в зависимости от обстоятельств времени и места. В эти дни приближающегося хаоса и царящей неразберихи недостаточно только неукоснительно придерживаться заповедей. Их надо сделать доступными и понятными для тех, кто стоит снаружи. Поэтому они должны быть представлены в форме, вполне доступной и для этих умов. А для этого совершенно необходимо, чтобы как можно больше католиков были

интеллектуально способными излагать и защищать свою веру. Они должны понять это силами разума, в какой мере это вообще можно понять. *Fides quarens intellectum*^{24*}. Во времена Св. Ансельма переход от одной фазы культуры к другой уже начинался.

Недостаточно надеяться на спасение и тешить себя моральной уверенностью в том, что Бог желает спастись всем. В эпоху сгущающейся тьмы и нарастающего уныния, утраты безопасности и порядка эта надежда должна сказываться и на нашей жизни. То есть все мы, а особенно молодое поколение, должны так осознать полную обоснованность нашей надежды, чтобы другие увидели в католиках непоколебимую скалу, стоящую посреди распадающейся эпохи. Этого нельзя достичь, если не станет общим убеждением то, что вещи, которые наиболее высоко ценятся сегодня, вряд ли стоят того, что дают за них. Ницше оказался лучшим пророком, чем сам подозревал, когда говорил о «переоценке всех ценностей»^{25*}. Только переоценка, о которой он говорил, привела человечество на край пропасти.

Наконец, любовь следует понимать в самом глубоком и полном смысле этого слова. Во-первых, любовь – это не синоним попустительства всему. Нет ничего более антихристианского, чем чувства, выраженные в цитируемых часто словах, что «все понять, значит все простить». Одна из величайших и самых гибельных ошибок нашего времени состоит в том, будто психологическое (конечно, убедительное при этом) объяснение преступления, например, оправдывает его. Любовь не запрещает, а скорее отводит и отвращает от нравственного зла, но она строго запрещает ненавидеть отдельных лиц или отдельные группы. Мы не ненавидим преступника, которого мы наказываем, и не виновника злодеяния мы караем. Любой католик, который призывает к ненависти, слушает подобные речи, бездумно их повторяет, автоматически становится агентом разрушения.

Тяжкая, но благородная, страшная, но ободряющая – такова задача, которая ждет католика в грядущие и уже наступившие времена. Мы, старшее поколение, вряд ли доживем до рассвета нового века. Может быть, и дети наши не доживут, а только наши внуки, поскольку исторический прогресс стал намного быстрее. Тем не менее именно нам предстоит начать подготовительную работу. Никто иной этого не сможет, только те, кому было сказано: *Ego cogito cogitationes pacis et non tribulationis, dicit Dominus*^{26*}.

**P.A. Sorokin. The Crisis of Our Age. 338 p.
New York, Dutton & Co., 1942. \$3.50**

Эта книга представляет собой отредактированный вариант лекций, которые профессор Сорокин читал в Институте Лоуэлла в феврале 1941 г. на основе своей «Социальной и культурной динамики», изданной недавно в четырех томах. Даже самые строгие из ее критиков вынуждены согласиться, что этот труд – один из самых существенных вкладов в общественную мысль нашего времени. Рецензируемая книга, будучи одновременно и более популярной и менее объемной и менее нагруженной специальной терминологией, чем большой труд, может быть рекомендована как наиболее удачный конспект этого последнего.

«Кризис нашего времени» уже пользуются необычайным успехом у широких читательских кругов, и хотя ее трудно назвать популярной, круг ее читателей растет, так что отпечатан уже шестой ее тираж. Это книга, которая будоражит мысль, как ни одна из книг, изданных в последнее время.

Западная культура с какого-то времени находится в критическом состоянии. Профессор Сорокин анализирует и диагностирует природу кризиса, дает свой прогноз и, более того, прописывает лекарство – единственное лекарство, по его мнению. Западная культура или *этос* западных народов исторически рассматривается как представляющий собой три основных вида или этапа развития культуры: *идеациональный, идеалистический и чувственный*.

Западная средневековая культура была идеациональной. Ее доминирующим или главным принципом был Бог, подлинно реальная ценность, и с такой позиции чувственно воспринимаемый мир рассматривался как всего лишь временный «град земной». С появлением в XII в. в совершенно иного принципа, согласно которому истинная реальность и ценность носит чувственный характер, средневековая идеациональная культура постепенно уступает место системе верований, которая считает, что истинная реальность носит характер отчасти чувственный, а отчасти сверхчувственный. Культурную систему, воплощавшую этот принцип и процветавшую в Европе в XIII и XIV вв., можно назвать идеалистической. Начиная примерно с XVI в. чувственное представление о мире начинает формировать чувственную, эмпирическую, светскую, утилитарную и «поюстороннюю» культуру, т. е. чувственную культуру нашего времени.

Мысль профессора Сорокина заключается в том, что «настоящий кризис нашей культуры и общества заключается именно в разрушении преобладающей чувственной системы евро-американской культуры» и что появляется другая форма культуры. Эту новую форму культуры можно назвать интегральной.

«С точки зрения интегрализма противоречия между наукой, религией, философией, этикой и искусством не только не оправданны, но и вредны. В све-

те адекватной ей теории подлинной реальности и ценности все они составляют единое целое и служат одной цели: раскрытию сущности Абсолюта в относительном эмпирическом мире, большому величию человека и еще большому прославлению Бога. А потому они должны и могут взаимодействовать в выполнении этой величайшей задачи» (р. 317–318/216).

Профессор Сорокин предвидит развитие более одухотворенного, более целостного взгляда на жизнь. Действительно, признаки такого развития событий уже начали проявляться, и многие из тех, кто ранее считали себя материалистами, начали понимать, что человек не может жить только наукой и материализмом. В отрывке, датированном 1848 г., Э. Ренан с большой проницательностью писал следующее:

«Самое существенное то, что, не рискуя впасть в легковерие, мы не видели ни одного средства, при помощи которого человечеству можно было бы дать новый доступный для него катехизис. Очень возможно, что за падением веры в сверхъестественное последует падение идеалистических убеждений и что действительное понижение нравственности началось с того дня, когда человечество увидело вещи в их реальной форме. С помощью химер гориллу удалось побудить к удивительным нравственным усилиям; когда не станет химер, исчезнет и та искусственная энергия, которую они вызвали» (Будущее науки, с. XVIII).

Если человек должен стать чем-то большим, чем горилла, которой очень хорошо удается делать себя несчастной, то он должен начать действовать как некое целое и перестать быть отколовшимся существом, каковым он является сегодня и каковым стал уже очень давно. В этом деле гуманитарная наука такими исследованиями, какие проводит Сорокин, поможет окончательно выяснить, охватывает ли духовное начало концепцию полного единения человека с природой, в чьи границы обязательно входит и сверхчувственное, т. е. нечто такое, во что человек верит или не верит.

Если сверхчувственное это часть естественного, которое еще не было понято, то мы нуждаемся в науке не в меньшей, а в большей степени, чтобы понять его, нуждаемся не в бегстве от реальности в фантазию, а в большей реальности. Но пока мы живем и исследуем тот мир, в котором мы живем, ни в малейшей степени не прибегая за помощью к философскому дуализму, разве не должны мы и вести себя как одушевленные существа? Именно это, считает профессор Сорокин, мы и должны делать, но это еще далеко не все.

Анализ литературы, искусства и науки на разных этапах культуры, который дает профессор Сорокин, будет особо интересен читателям «Isis»^{28*} и, безусловно, вызовет массу дискуссий, но я с трудом представляю себе гуманитария, который по большому счету будет не согласен с основными вопросами этой замечательной книги.

**The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook. Pitirim A. Sorokin
New York: E. P. Dutton & Co., Inc. 1941. 338 pp. \$3.50**

Философы уже привыкли к зрелищу грандиозных социологических систем, состряпанных из философских общих мест, личных предрассудков, впечатляющих ярлыков и необъятных диаграмм и таблиц. После четырех томов Парето^{30*} появились четыре тома «Социальной и культурной динамики» Сорокина, популярным изложением которой, сначала в виде лекций, прочитанных в Институте Лоуэлла, и является эта книга, усиливающая все дефекты оригинала. Это одна длинная обличительная речь против того, что автор предпочитает называть «чувственной культурой», в ходе которой он гневно утверждает, что он во всем прав, потому что «так называемые ученые» накануне 1929 года^{31*} ошибочно называли его Кассандрой. Иными словами, беды, обрушившиеся ныне на мир, автоматически подтверждают его собственный мрачный прогноз. Западная культура, утверждает он, некогда была должным образом интегрирована вокруг «идеациональной истины», то есть – «истины, открываемой милостью Божией через его глашатаев...», но в эпоху Возрождения на смену ей пришла «чувственная истина», точную формулировку которой дал Локк. То, что мы сейчас наблюдаем, это распад «суперсистемы чувственной культуры» и всех ее темных дел; но, к счастью, это «не означает полного вырождения и разрушения всей нашей культуры, которая никогда не была интегрирована в единое целое» (р. 299/204). Напыщенные обличения автором всего «чувственного» похожи на бессмыслицу, поскольку на страницах книги нет никаких доказательств того, что он понимает или стремится понять значение современного искусства, литературы и философии. Последняя, вместо того, чтобы держаться за абсолюты, за «познание сущностей и объективной реальности», превратилась во «второстепенную чувственную утилитарную науку...» (р. 100/73). Будучи пророком, предсказывающим будущее, Сорокин с такой легкостью, не заслуживающей доверия, обращается с историческими данными, что они, конечно же, приспособляются к его любимым категориям. Его «сжатая формула» выхода из нынешнего кризиса: «Тяжкие испытания^{32*}–Катарсис–Харизма–Воскресение», несмотря на весь его научный жаргон, представляет собой всего лишь старую капитулянтскую доктрину о всеобщей греховности, облаченную в современное платье. Этот процесс изображается то как неизбежный, то как недостижимый из-за сугубой человеческой глупости. Чувственная демократии не намного лучше, чем чувственный фашизм, чтобы стоило за нее биться. Единственная надежда, по-видимому, это позвонить профессору Сорокину, который знает все об абсолютах – об истине, добре и красоте и о том, что они едино суть, – и дать ему полномочия, чтобы покончить с современностью и торжественно провозгласить новый интегральный авторитаризм. Молиться надо, чтобы избавиться от таких друзей!

(The Journal of Philosophy. 1942, vol. 39, № 4, February 12, p. 110–111)

Гарольд А. Ларраби

Пораженчество Сорокина

Обвинять гуманизм за все плохое на свете – не новость. Папы и архиепископы занимались этим на протяжении столетий. Но посвятить этому четыре тома, снабженные диаграммами и таблицами и всей специальной социологической терминологией – это новость, видимо, для первой полосы. Под таким примерно заголовком: «Социальная наука совершает интеллектуальное самоубийство». Именно это и попытался сделать профессор Сорокин в своей «Социальной и культурной динамике», популярной однотомной версией которой и является настоящая книга*. Несомненно, многих доверчивых людей она собьет с току своими яростными бичеваниями всего, кроме «интегралистской» веры в сверхъестественное, что делает ее автора героем-проповедником с первого курса, неким Франко в профессорском облачении. К счастью, однако, автор настолько выдает себя в каждой написанной им строке, что только интеллектуальных младенцев он, скорее всего, и сможет увлечь.

Панорама, открывающаяся его умственному взору, судя по книге, невероятно широка. Все, что не относится к средневековью, все, что произошло после (и во время) Ренессанса, он ненавидит, сваливая все это в одну кучу, как «чувственную культуру». Напротив, «идеациональная культура» средневекового христианства была должным образом интегрирована вокруг «идеациональной истины», т. е. «истины, открываемой милостью Божией через его глашатаев...» То, что происходит сейчас, – это распад «суперсистемы» чувственной культуры со всеми ее темными делами; но это «не означает полного вырождения или дезинтеграции всей нашей культуры, которая никогда не была интегрирована в единое целое». Отсюда и заблуждение профессора Сорокина, будто бы он «оптимист», поскольку то, что никогда не было интегрировано, не может быть и разрушено! Как только наше общество будет очищено от малейших следов современного секуляризма, что произойдет благодаря возврату к абсолютным ценностям, которые все едины и все совершенно понятны для автора, новый «интегрализм» сумеет спасти испорченное человечество. Ни за что чувственное, конечно, будь то демократия или фашизм, не стоит и бороться; в любом случае, возврат к «идеациональному» в новом средневековье неизбежен. Если это новейшее издание полной развращенности является оптимизмом, то мы все должны молиться, чтобы избавиться от него. Вряд ли можно найти лучшую формулу человеческого пораженчества.

---

* «The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook». By Pitirim A. Sorokin New York: E. P. Dutton & Co., Inc. 1941. 338 pp. \$3.50.

Вердикты, которые выносит профессор Сорокин современному искусству, литературе, науке и философии, которых он не понимает и не желает понимать, если не явно комичны, то напыщенно туповаты. Он стоит буквально в одном ряду с Савонаролой^{33*} и Кальвином. В литературе он везде видит то, что называет «разгребанием грязи». Или, как однажды выразился Джеймс Монтгомери Флэгг^{34*}, «чистюля всюду видит грязь!»^{35*}. Венцом всего этого претенциозного, но покосившегося здания является убежденность в том, что его суждения должны считаться непогрешимыми, ибо до 1929 г. некоторые «так называемые ученые» называли его Кассандрой за его мрачные прогнозы. Никто не сомневается, что человечество находится в кризисе, но без конца твердить о факте, это еще не доказывает правильности зловещего анализа ситуации. Извращать научный метод для того, чтобы проповедовать плохо замаскированный фундаментализм – значит, зарабатывать капитал на человеческом страдании.

(The Humanist. 1942, March–April, p. 39)

Гарри Элмер Барнз^{36*}

The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook.
By Pitirim A. Sorokin. New York: E.P. Dutton & Co., 1941. Pp. 338

Профессор Сорокин хорошо известен как один из самых продуктивных и образованных социологов. Действительно, его научная деятельность носит столь масштабный и разносторонний характер, а литературное дарование столь велико, что его можно назвать самым крупным мастером в области современной социологической литературы из всех ныне здравствующих социологов.

После целого ряда ученых томов он выпустил в свет свой *magnum opus*^{37*} в четырех томах – «Социальную и культурную динамику». Данная же работа представляет собой сокращенный и упрощенный вариант этого выдающегося произведения, адресованный широкому кругу читателей. Нельзя в полной мере оценить все выводы этой книги, не будучи знакомым с методологией и позицией автора, описанными как в «Социальной и культурной динамике», так и во всех остальных произведениях П. Сорокина. Очевидно, нет никакой возможности сделать это и в настоящем кратком обзоре.

Достаточно сказать, что эрудицию профессора Сорокина можно сопоставить разве что с оригинальностью и субъективностью его оценочных суждений. Его работы в целом представляют собой самое мощное подтверждение тезиса Макса Вебера о недопустимости оценочных суждений в социологии^{38*}, так как это роковым образом сказывается на ее научной объективности.

Вкратце, основной тезис профессора Сорокина гласит, что та система, которую он называет современной чувственной культурой, представляющая собой смесь науки, рационализма, скептицизма, капитализма и демократии, переживает сейчас глубокий кризис и после нескольких десятилетий хаоса и насилия на смену ей придет идеациональная культура, которая даст нам новую концепцию истины и социальных ценностей, очищенных от умственных и временных ограничений старой системы.

Считается, что значение профессора Сорокина для современной социологии сопоставимо разве что с ролью Августина для христианской философии. И талант профессора Сорокина доказывает, что подобная оценка недалека от истины.

Августин был великим умом эпохи перехода от языческой культуры к христианской. В его время теология была «царицей наук». В наши дни на подобное звание может вполне претендовать социология. Августин собрал воедино все наследие философской мысли своего времени, чтобы осудить пороки существующего Города Дьявола и изобразить красоту грядущего Града Божьего. Такую же задачу в наше время выполняет Сорокин. Он, как и Августин, считает, что мы

должны возвратиться к этической концепции стоиков, к их представлениям об истине и красоте и отказаться от эпикурейской философии, которая составляет основу нашей чувственной культуры. Ни Августин, ни Сорокин не страдают излишней щепетильностью в полемике со своими оппонентами и не всегда разборчивы в средствах. Кстати, интересно отметить, что, возможно, Сорокин нашел своего Орозия^{39*} в лице Крейна Бринтона, профессора исторического факультета Гарвардского университета^{40*}.

(The American Journal of Sociology. 1942, vol. XLVII, № 5, May, p. 996–997)

Кризис нашего времени*

Спустя почти век после того, как Огюст Конт основал современную социологию под флагом позитивизма, прогресса и движения человечества к эпохе величественного самораскрытия, другой социолог направляет тяжелую артиллерию своей радикальной критики как раз на этот позитивизм и веру в прогресс, на те достижения человечества, которые Конт предвидел как результаты деятельности самого человека, и только человека. П.А. Сорокин, выдающийся ученый, глубокий аналитик социальной динамики, внимательный наблюдатель русской революции и всего, что последовало за ней, представляет нам анализ того этапа западной цивилизации, в котором мы, по счастью и на беду свою, существуем – было бы слишком громко сказать: живем. Этот анализ проникает в самую суть кризиса. И Сорокин при этом не стесняется в выражениях и не щадит ничьих чувств и пристрастий.

В критике позднего этапа западной цивилизации нет ничего нового. Не является новостью и культурный пессимизм. Как показал Хейзинга в своей «Осени средневековья», и критика и пессимизм начались именно с позднего средневековья; частица такого отношения, возможно, лежит в самом фундаменте нашего западного мира. Однако, по мере усиления гуманизма с его акцентом на антропоцентризм, все более громко зазвучали голоса тех, кого можно уподобить Кассандре. Блестящие на вид достижения XIX в. вынудили сторонников культурного пессимизма почти замолкнуть: показательно, что такие люди, как Ж. де Местр и Доносо Кортес, которые задавали тон пессимизму с 1800 по 1830 г., вскоре после этого были забыты. Для пророков прогресса настали лучшие времена. Странно и, безусловно, более интересно, чем убедительно для современников прозвучал голос Ницше, провозгласившего анафему своему веку и осмеявшему все то, чем так гордился XIX в. Великому ученику Ницше Освальду Шпенглеру повезло больше, чем его наставнику: катаклизм мировой войны и большевистская революция подвели под его диагноз и предсказание вполне реальную почву. И все же за пределами Германии философское учение Шпенглера о неизбежном закате Запада оставалось столь же неубедительным, как и философия Ницше. Сегодня мы знаем, что как Ницше, так и Шпенглер исходили из понятия «культурный ландшафт», того, что лежит по ту сторону оптической границы, с которым западная мысль до них не имела дела – поэтому их критике, какой бы очищающей она ни была, не хватало убедительной силы.

* *P.A. Sorokin. The Crisis of Our Age. New York: E.P. Dutton & Co. 1941. Pp. 338. \$3.50.*

Совершенно другой аспект кризиса представил Николай Бердяев в своих многочисленных трудах (в особенности в книге «The End of our Time»^{42*}). Как ни странно это может показаться, но этот русский философ лучше почувствовал душу и пульс западного мира, чем Ницше и Шпенглер. Его диагнозы более убедительны, чем у них. Идеологически Бердяев ближе П. Сорокину, чем кто-либо из других провозвестников упадка.

Кризис Сорокин описывает мастерски: «Без сомнения, наступил жесточайший кризис. Мы оказались в эпицентре громадного пожара, сжигающего все до основания. Всего за несколько недель он уносит миллионы человеческих жизней, за несколько часов он уничтожает города с их многовековой историей, за несколько дней стирает с лица земли целые королевства. Красная человеческая кровь широким бескрайним потоком течет по земле. Нищета, растущая день ото дня, простирает свою зловещую тень, охватывая все новые территории. И вот уже наступил конец удаче, исчезли счастье и благополучие миллионов. На земле исчезли мир, безопасность и уверенность... Солнце западной культуры закатилось. Громадный вихрь накрыл собой все человечество» (р. 14–15/18).

Приступая к анализу кризиса, Сорокин прежде всего выражает несогласие с двумя предыдущими интерпретациям. Одну можно назвать «теорией короткого замыкания», другую – теорией естественной необходимости. Первая пытается уверить нас, что «злые люди», такие как Ленин, Сталин, Гитлер и Муссолини, начали кризис, и что он есть просто столкновение между демократией и тоталитаризмом. Другая интерпретация – это шпенглеровская философия необходимого и неизбежного падения Запада. Оба этих диагноза «абсолютно неправильны». Теория короткого замыкания принимает внешние проявления кризиса за его причину, побочный продукт – за основной. Это кризис породил Гитлера, Сталина и Муссолини, а не они его – они только орудия и марионетки кризиса. Вопреки гипотезе Шпенглера, Сорокин настаивает: «...Настоящий кризис не есть предсмертная агония западной культуры и общества, т. е. кризис не означает ни разрушения, ни конца их исторического существования»; все биологические теории, такие как шпенглеровская, «беспочвенны» (р. 23/23).

В чем, по Сорокину, сущность этого кризиса? Что делает культуру целостной и великой? «Всякая великая культура... есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность» (р. 17/19). Доминирующие части всех элементов культуры «по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры». Поэтому все важные составные части такой интегрированной культуры причинно взаимосвязаны. Если одна важная часть изменяется, «остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации» (р. 17/20). Культура не является, как уверяет нас Шпенглер, органическим образованием, которое, подобно

растению, цветет и увядает по биологическим законам – культура это развертывание потенциальных и реализуемых возможностей, *заложенных* в ее предпосылках и ценностях. И в то, что человечество может их реализовать, Сорокин, безусловно, верит; последняя глава носит название «Кризис–Суд Божий–Катарсис–Харизма–Воскресение» (р. 321f / 219 сл.). С другой стороны, возможности культуры ограничены; она теряет свою созидательную силу по мере их реализации. Когда это происходит, культура либо истощается, становится окаменевшей и нетворческой или же «сменяется новой формой, которая открывает новые созидательные возможности и ценности» (р. 25/24).

Теперь остановимся на этой «смене формы», которая требует некоторого пояснения. Сорокин развивает концепцию, которая на первый взгляд напоминает контовский закон трех стадий^{43*}, хотя и отличается от него. Культура, по Сорокину, может быть или идеациональной, или идеалистической, или чувственной. Унифицированная система культуры, «основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальности и ценности, может быть названа *идеациональной*» (р. 19/21). Такой была культура западного средневековья вплоть до XII в., такой была греческая культура с VIII до конца VI в. до н. э., таковы были культуры буддизма и даосизма. С упадком принципов и ценностей идеациональной культуры возникает новая культурная система. Ее основная посылка заключается в том, «что *истинная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна*, она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный аспекты, которые все вместе образуют единое целое, бесконечное многообразие, Бога». Такая культурная система может быть названа «идеалистической» (р. 20/21). Однако сенсорный зародыш, пересаженный в культурную систему, явно растет и стремится к доминированию; когда он становится господствующим, возникает культура, которая в терминах Сорокина называется чувственной. Она является эмпирической, светской, «посюсторонней», потому что признает новый ценностный принцип, согласно которому всякая истинная реальность и ценность носят чувственно воспринимаемый характер, и интегрирована вокруг этого принципа. «Именно этот принцип провозглашается нашей современной чувственной культурой во всех ее основных компонентах: в искусстве и науке, философии и псевдорелигии, этике и праве; в социальной, экономической и политической организациях, в образе жизни и умонастроениях людей» (р. 21/21–22)

Нынешний кризис состоит именно в распаде доминирующей чувственной системы современной «евро-американской культуры». Начиная с XVI в. западная культура была преимущественно чувственной и наложила свой отпечаток на все сферы жизни. Теперь потенциал этой чувственной системы исчерпался, ее творческая сила уменьшилась, а ее кризис стал всеобъемлющим. Переход из одного культурного состояния в другое всегда сопровождается мощными потрясения-

ми, такими как войны, революции, кровопролития, анархия и хаос, вызванными вспышкой отвратительной жестокости и озверения и временным разрушением главных и второстепенных ценностей человечества, нищетой и страданиями миллионов. Тем не менее Сорокин не разделяет пессимизма Шпенглера. Нынешний кризис не будет ни агонией, ни смертью западной культуры; за Армагеддоном хаоса и разрушения последует новая интеграция этой самой западной цивилизации и общества. Последняя глава включает в себя третий раздел: «Пути выхода из кризиса и дальнейший ход событий», в котором недвусмысленно говорится, что «в этой культуре для продолжения творческой жизни должен произойти сдвиг к другой главной форме культуры – в нашем случае от агонизирующей чувственной формы к идеациональной, идеалистической или интегральной форме... Этому сдвигу следует не противиться, а, напротив, приветствовать его с энтузиазмом, видя в нем единственное спасение от предсмертной агонии» (р. 316/215).

Изложив свои социально-философские принципы, Сорокин переходит к их доказательству на примере разных сфер современной западной культуры. Кризис увядающей чувственной культуры ярко проявляется в изящном искусстве, науке, философии и религии, этике и праве, во всех социальных организациях, росте преступности, войн, революций, самоубийств, душевных болезней и обнищания. Таковы многочисленные побочные продукты чувственной культуры, находящейся в периоде упадка. В принципе мы уже не знаем, что такое человек, какова его ценность, и есть ли она вообще; в каких социальных формах ему по существу надо жить, для чего ему жить, с какой целью. Наша жизнь во всех ее проявлениях утратила свои надежные ориентиры. Отпечаток хаоса и нигилизма лежит на нашем челе. Мы верили, что наука могла научить и учила нас всему, что надо знать, и всему, чем нужно руководствоваться в нашей жизни, но наука привела нас на грань уничтожения, низведя человека до уровня «электронно-протонового агрегата», «комбинации физико-химических элементов», «животного, находящегося в близком родстве с обезьяной», «рефлексирующего агрегата», действующего по схеме «стимул-реакция», «специально отрегулированного механизма», «психоаналитического либидо» и т. п.; «некоторые из [научных концепций] на самом деле заходят так далеко, что лишают человека даже разума, мысли, сознания, совести, воли, понижая его до уровня поведенческого агрегата условных и безусловных рефлексов» (р. 121/85–86).

Сорокин мог бы заметить, что даже великий светоч американских юристов Оливер Уэнделл Холмс^{44*} разделял именно такую релятивистскую и, в сущности, нигилистическую «философию» человека (ср.: *Ford T.C. The Fundamentals of Holmes Juristic Philosophy. In: Phases of American Culture. Holy Goss College Press, Worcester, Mass., 1941*). Однако «если человек всего лишь атом, электрон или организм, то к чему церемониться в обращении с ним? ореол святости сорван с человека и его ценностей; человеческие отношения и социально-куль-

турная жизнь низведены до уровня жестокой борьбы, исход которой зависит от перевеса физических сил» (р. 124/87). Тоталитарные режимы, в конце концов, извлекли уроки у наших учителей и ученых; и Сорокин мог бы сослаться на «Trahison des clercs» (Бенда)^{45*}: по сути, вся его книга – это впечатляющий рассказ об измене интеллектуалов на протяжении последних столетий. Вот послушайте: «На одной половине планеты свобода мысли и творчества уже сбита с толку теми, кто научился контролировать разрушительные силы, созданные эмпирической наукой. Наука опустилась до роли прислужницы современных “варваров”, которые хорошо усвоили лозунг эмпирицизма: “Истина – это то, что удобно и полезно...” Так эмпирическая наука, доведенная до своего логического завершения, еще раз прокладывает путь к своему окончательному падению» (р. 125/88). Действительно, «западная истина чувств (признанная в нашей чувственной культуре) стоит пред лицом трагической развязки в ожидании, когда ее свергнут с престола» (р. 116/82–83). «Далеко же мы ушли от концепции истины как *adaequatio rei et intellectus*^{46*}, исповедуемой св. Фомой Аквинским!» (р. 117/83). Столь же радикален приговор, вынесенный этике и праву нашей чувственной культуры: все больше и больше современных ценностей рассматривается как всего лишь «рационализации», «деривации» или «красивые речевые реакции», маскирующие эгоистические, материальные интересы и стяжательские мотивы индивидов и групп. Юридические нормы все больше и больше рассматриваются как орудие в руках стоящей у власти группы, эксплуатирующей другую, менее влиятельную группу населения. «Юридические и этические нормы стали всего лишь румянами и пудрой для того, чтобы сделать макияж неприглядному телу экономических интересов Маркса, “остаткам” Парето^{47*}, либидо Фрейда... комплексам, стимулам и доминирующим рефлексам других психологов и социологов» (р. 157/109). Вместо «мирового сознания» у нас миллионы противоречивых “рационализаций” и “дериваций”» (р. 162/112). В сумерках этого нравственного хаоса расцветают всякие эрзац-поучения этики: «дело есть дело»; «все хорошо, если сможешь выйти сухим из воды» и т. д.

Отметим в скобках: разве нет специалистов по этике, которые, исследуя дикий рост подобных явлений в сфере деловой, профессиональной и торговой этики, нарисовали бы нам картину царящей здесь полной анархии, беспардонного злоупотребления истинными этическими нормами? Нет социолога, хоть немного знакомого с этикой, отслеживающего и изучающего то, что можно назвать «маргинальной этикой», и разрушительное воздействие такой этики на все сферы жизни, от политики до бизнеса? Я удивлен, что Сорокин с его, во всех других случаях, отменным чутьем на проблемы, пропустил этот момент, а именно огромную власть, которую – в данное время и при данных обстоятельствах – низкие нормы этики и морали имеют над всеми этическими нормами, распространенными в определенных сферах. Сорокин, возможно, считает, что отно-

сительная необходимость, действующая здесь, вынуждает социальные группы принимать чувственные ценности и заменять более высокие стандарты более низкими под влиянием группы, которая приняла более низкие по сравнению с действующими стандартами и выжимает из них максимальную выгоду, пока противоположная группа следует стандартам более высоким. (Например, нацизм, в борьбе со старой Германией, а также Англией и Францией).

Снижение всех этических норм отражается на социальной жизни в целом. Рационализм привел к контракту как главной основе человеческой общности и сотрудничества и признанию того, что контракты преследуют «только интересы». Контрактные формы стали преобладать, а семейственные (или общинные) формы жизни и социальной организации – разлагаться. Но с распадом общинных форм жизни распалась и сама основа договорных форм. Сорокин анализирует четыре предпосылки организации, функционирующей на договорной основе; мы можем свести их к следующим двум: что контракты должны строго соблюдаться и не должны использоваться в качестве средства для эксплуатации одной стороны другой. Повторю, что чисто договорное общество – идеал философов XVIII в. и экономистов и промышленников XIX в. – невозможно. Условие контрактов – *pacta sunt servanda*^{48*} – не может основываться на другом договоре о неукоснительном соблюдении контрактов, что ведет к *regressum in infinitum*^{49*}, оно должно опираться на ценности и принципы, т. е., собственно говоря, на добродетели, такие как верность, преданность, честность и т. д., которые относятся к общинным формам жизни и вытекают из религии или имеют в ней свою питательную почву. В той степени, в какой договорное общество разрушает религиозные силы и подрывает общинные формы жизни, в такой же оно разрушает и свой собственный фундамент. Действительно, Сорокин рисует перед нами весьма впечатляющую и печальную картину этого самоуничтожения договорного общества во всех его сферах, будь то сфера политическая, социальная, экономическая или семейная. Полезно будет всем учителям, проповедникам и законодателям нашей страны прочесть у Сорокина мрачную главу о кризисе этики и права; они согласятся с выводом Сорокина: «Общество достигло крайней точки моральной деградации и сейчас трагически расплачивается за свое безрассудство» тем, что оно стало жертвой открытого физического насилия и обмана (р. 163/113).

Нет нужды описывать почти полный развал договорного общества в сфере международных отношений – это очевидно всем. Хочу только процитировать два высказывания Сорокина: «...первый смертельный удар частной собственности и договорной капиталистической системе... был нанесен не коммунистами и социалистами, а промышленными и финансовыми магнатами во второй половине этого столетия» (р. 185/128); и «борьба между “Старым курсом” Уолл-Стрита и “Новым курсом” Вашингтона^{50*}... не является борьбой между капитализмом и

тоталитаризмом, или частной собственностью и государственной, или же частным бизнесом и государственным, а является борьбой между двумя бюрократиями, равно общественными по своей природе, одинаково разрушающими частную собственность и классический капитализм» (р. 187/129). Правда, чистая правда.

Несколько замечаний о корнях кризиса чувственной культуры. Они произрастают из самой чувственной культуры, поскольку в основании ее лежала «абсолютная убежденность» в том, что действительность и истинная ценность носят в основном или исключительно чувственный характер, отсюда «произросло древо нашей чувственной культуры с его как великолепными, так и ядовитыми плодами», каковыми являются естественные науки и технологии, с одной стороны, и пагубное сокращение сферы подлинной реальности и истинной ценности – с другой (р. 311/212). Таким образом, «представление о человеке как носителе и выразителе божественного духа, как воплощении харизматического дара – в чувственном мире было объявлено суеверным заблуждением. Понимание подлинной сущности и ценности человека было сведено до уровня представления о нем как о простом биологическом организме со всеми присущими ему несовершенствами». Следующим шагом стало подчинение человека прославленному коллективу. Все это Ж. де Местр и Доносо Кортес предсказывали еще более трех поколений назад, первый в своих «Санкт-Петербургских вечерах», второй – в своем знаменитом «Ensayo»^{51*}. И вот сегодня Сорокин констатирует факты и подводит итоги. Печальная история людей, которые ничему не учатся у истории.

Сорокин – не такой законченный пессимист, как Ж. де Местр и Д. Кортес. Он рассматривает пути выхода из ситуации и открывающиеся перспективы. Кортес почти столетие назад отмечал: «Я видел отдельных людей, которые возвращались к истине и вере, но вот что сказать о нации? Конечно, если Провидение того захочет – но захочет ли когда-нибудь Провидение?» В том-то и заключается проблема: изливает ли Провидение свою благодать в сердца коллективов (государств, наций и т. д.) или только в сердца отдельных людей. Во всяком случае, у Сорокина – среди путей выхода из кризиса – находим такое удивительное утверждение: «Когда одна из этих (культурных) форм стареет и обнаруживает признаки творческого истощения (что происходит с каждой из них после завершения некоторого периода их господства), в этой культуре, для продолжения творческой жизни, должен произойти сдвиг к другой главной форме культуры – в нашем случае от агонизирующей чувственной формы к идеациональной, идеалистической или интегральной форме. Только такой сдвиг может сохранить ее от полной дезинтеграции и атрофии» (р. 316/215). Пожалуй, только словесная формулировка вводит в заблуждение: что такое «культура», которая может сдвигаться от одного основания к другому? Существовала ли когда-нибудь культура, которая добровольно признавала тот факт, что она исчерпала свои творческие возможности? Разве культура не подчиняется закону самосохранения?

Мы думаем, что Сорокин имеет в виду смену элит, в данном случае переход от засилья ученых и технологов к тем идеациональным и идеалистическим группам, которые переживут потоп чувственной культуры; он достаточно реалистичен, чтобы признать: такой переход обычно сопровождается войнами, революциями и кровопролитием. Их смысл, очевидно, состоит в том, чтобы очистить землю от «обломков» износившейся культуры и освободить место для новоявленных харизматичных и религиозных сил. Однако когда в истории мы наблюдали подлинное религиозное возрождение как побочный продукт войны, революции и кровопролития? Потребовались столетия медленного роста, чтобы поток чувственной культуры захлестнул западный мир. Могут уйти века на то, чтобы создать новую идеациональную или идеалистическую культуру – если когда-нибудь человеку дано будет «построить» ее; это, может быть, в своих высших формах *donum gratiae*^{52*}, сопровождающая стремление человека в Царство Божье. Даровать славу средневековья на вершине его развития в XII и XIII вв. Собирались ли они создать культуру? В этом пункте я согласился бы со Шпенглером: *культура растет*. Но на этом мое согласие и остановилось бы: они растут, но не так, как хотел бы уверить нас Шпенглер, из «лона материнского ландшафта» – этот своеобразный партеногенез^{53*} существует только в воображении совершенного запутавшихся романтиков сил земных.

* * *

Книга Сорокина, действительно, заставляет задуматься. То, что ее написал профессор Гарварда, – в этом есть знамение времени. *C'est par la tête que le poisson pourrit*^{54*}; – наши современные интеллектуалы внесли свою громадную лепту в дело разрушения подлинной культуры и истинных ценностей; и только что современная интеллигенция подала сигнал о том, что надо измениться. Жюльен Бенда написал книгу о «Предательстве интеллектуалов» и рассказал нам о вине интеллигенции за отдачу человека коллективным силам и за разгул сил зла в современном мире. Книга Сорокина является своего рода социологическим доказательством истинности тезиса, который выдвинул Бенда, хотя он понял то, что Бенда понять не смог – именно секуляризованный «либеральный разум» с его исключительно гуманными идеями и представлениями проложил дорогу к уничтожению свободы и человеческих ценностей.

Остается еще написать историю *Clericus laicus*^{55*} с XIV–XV вв., историю светского мыслителя, который отбрасывает все религиозные истины и ценности и принимается за создание царства чисто человеческого разума и чисто человеческих ценностей. Однако этот светский мыслитель с тех самых пор, как в западном мире возникла чисто светская мысль, шел по своей дороге с травмой в душе; он оторвался от жизненной основы, будучи не в силах заполнить пустоту, образовавшуюся в его в душе. Всю историю светской мысли на Западе прони-

зывает протест против теологии Творца и твари в том виде, как ее преподносит христианское богословие, протест против богословского учения о человеке как творении Бога, созданном для окончательной славы Божьей. Clericus laicus считает, что ценность и достоинство человека умаляются этим утверждением христианской религии. Ницше – самый красноречивый и самый трагический мыслитель, писавший об этом, – пожалуй, он был первым, кто преуспел в преодолении «категорического впечатления» христианства на умы западного человека. Вся история западной светской мысли свидетельствует о протесте – явном или скрытом – против проповедуемого христианской теологией трансцендентного взгляда на мир; против clericus светский мыслитель выдвигает обвинение в ложном толковании мира. Отсюда и бесконечные попытки построить «научное» мировоззрение, предпринимаемые представителями самых разных областей научного знания: биологии, экономики, социологии и т. д. Каждая из этих «псевдо-теологий» намеревается организовать *coup de grâce*^{56*} для верующих в Бога и подобные «суеверия». В лице Сорокина социолог и философ откровенно признали необходимость религиозной основы общества и культуры; массив очень впечатляющей статистики и диаграмм показывает тенденцию дезинтеграции чувственной культуры и необходимость возврата к истинным ценностям и принципам на идеациональной основе. Он говорит нам, что час уже настал. Он возвышает свой голос, пророчествуя о катастрофе, которая произойдет, если чувственное общество не найдет своего пути назад, к Тому, о Ком сказано было: «Benedictus qui venit in nomine Domini»^{57*} – этой цитатой из Ptaefatio^{58*} и заканчивается книга.

* * *

В заключение несколько пожеланий. Терминология, как мне кажется, не адекватна тому, что хочет донести Сорокин. Очевидно, «идеациональная» культура базируется на вере, а не на идее; и очевидно, культура «идеалистическая» опирается на разум (хотя, по справедливому мнению автора, не только на разум; разум выступает как *ancilla fidei*^{59*} в схоластике), а не на идеалы; одна только чувственная культура названа соответствующим ей именем.

Однако, помимо терминологической проблемы, есть еще более серьезная проблема со второй системой культуры – «идеалистической». Она, согласно Сорокину, очень неудобно помещается между двумя другими культурами. Нет четкого указания на ее место и возлагаемого на нее права; ср. с. 13/17, 102/74, 154/107 и др., в частности, на с. 154/107, где всего две строчки уделено ее роли в условиях кризиса права и этики. Появляется идеалистическая культура как своего рода «посредник» и «промежуток» между двумя другими культурами, как приложение к идеациональной культуре и мост к системе чувственной. Однако такая посредническая функция не соответствует тому, что Сорокин хотел бы вы-

разить термином «идеалистическая». Идеалистическая культура по праву занимает свое место, более того, это место, по-видимому, является наиболее выдающимся и привилегированным. Если человеческая культура есть самовыражение человека как творения Божьего, наделенного разумом и свободной волей, предназначенного участвовать в некотором смысле в реализации замысла Божьего, то «идеалистическая» культура является человеческой культурой *kat' exochen*^{60*}, а не каким-то посредником или промежуточком. Сам Сорокин, очевидно, чувствует что-то неладное с местом и достоинством, которыми он наделил «идеалистическую» культуру; действительно, она как-то умалывается, находясь между двумя другими культурами. Ее законное место выходит за пределы альтернативы, представляемой состоянием благочестивого варварства, с одной стороны, и варварства «цивилизованного» – с другой.

Наконец, в книге Сорокина, кажется, есть и напряжение между персоналистическим и коллективистским анализом. Нередко общество и культура предстают как понятия гипостазированные^{61*}, как сущности, которые могут думать, двигаться, перемещаться из одной системы в другую, подчиняясь только своим собственным законам. В иных местах персоналистический элемент подчеркивается очень сильно, в частности, в разделе «Выход из кризиса». Естественно, социологу свойственно подчеркивать «социальные силы», коллективные аспекты и стимулы. Естественно, впрочем, и христианскому мыслителю подчеркивать свободу человека изменять свой образ жизни и уповать на Благодать и искупление. Ложные принципы, идеи и ценности прежде чем они превратятся в социальную силу, должны зародиться в сознании индивидов. Прежде чем марксизм в России и нацизм в Германии стали общественной силой и ураганом, разрушающим культуру, они зародились и укрепились как идеи и ценности в сознании Маркса, Ницше, Х. С. Чемберлена, Гитлера и многих других. Наглый марш ересиархов должен был прозвучать в коридорах времен^{62*}, прежде чем разрушительные социальные силы собрались в грозовую тучу. Так связаны между собой свобода и необходимость, индивидуальная причинность и коллективные силы. То, что Трёльч, Дильтей и Макс Вебер называют *Geistesgeschichte*^{63*}, составляет самую важную главу в анализе нашего времени.

В общем, Сорокин написал великую и мужественную книгу. Она обязательно найдет своих читателей. Безусловно, автор надеется найти не просто читателей, а нечто гораздо большее. Что ж, может быть, и найдет.

(Review of Politics. 1942, vol. 4, № 3, July, p. 315–326)

Макс Лернер^{64*}

**The Crisis of Our Age. By Pitirim Sorokin
(New York: E.P. Dutton and Company. 1941. Pp. 338. \$3.50)**

В этой книге Питирим Сорокин представляет в более яркой и удобоваримой форме содержание своего четырехтомного труда «Социальная и культурная динамика». Он представляет нам философию истории, с помощью ее понятий анализирует нынешний мировой кризис и предписывает, каким образом можно выйти из этого кризиса.

Его теория истории является циклической, с тремя основными культурными формами – «чувственной», «идеациональной» и «идеалистической», – тем или иным образом сменяющимися друг друга. В первой высшая реальность носит чувственно воспринимаемый характер. Во второй она лежит в области сверхчувственного и сверхрационального. В третьей сверхчувственное и сверхрациональное сочетаются с «лучшими» элементами рационального и чувственного, образуя «единое целое, бесконечное многообразие, Бога». Преимущество культурных форм осуществляется по диалектической схеме. Чувственная культура порождает свою противоположность, культуру идеациональную, а идеалистическая синтезирует в себе лучшие элементы каждой из них. Продолжительность исторического бытия культуры не имеет определенного срока. Она начинает умирать, когда перестает быть творческой. Ее смерть сопровождается кризисом, войной, революцией и хаосом, во время которых и зарождается новая культура или культурная фаза.

Сорокинская философия истории служит инструментом для глубокого анализа разных аспектов нашей нынешней чувственной культуры: искусства, философии, религии, институтов. Он рассматривает нынешний кризис как предсмертную агонию чувственной культуры, которая исчерпала себя и должна уступить место идеациональной или идеалистической фазе. Капитализм и социализм, демократия и тоталитаризм, с точки зрения Сорокина, не являются реальным выбором. Они – лишь внешние симптомы культурной дезинтеграции.

Что можно сказать об этой схеме? Во-первых, она вызывает возражение, относящееся ко всякому схематизму. Чарльз А. Бирд^{65*} заметил о Шпенглере, что «миллионы разрозненных фрагментов можно запихнуть в картину, нарисованную Шпенглером, но другой такой же мощный ум, как и он, может запихнуть миллионы других фрагментов в совершенно противоположные гипотезы». Несмотря на кажущуюся отстраненность Сорокина от сегодняшних проблем, трудно отнести к столь изощренной системе серьезно. Вся атрибутика научности – графики и таблицы, показывающие количественные соотношения чувственного и сверхчувственного искусства и философии в данной культуре – оказывают на ум эффект какого-то снотворного.

Кроме того, во всей этой книге есть какая-то изначальная уклончивость – уклончивость по отношению к целям социальных усилий. Цель понимания истории и общества, совершенно очевидно, состоит в том, чтобы их контролировать и поддерживать в них порядок. Однако единственная роль, которую отводит нам Сорокин, это продлевать или укорачивать, благодаря нашему сопротивлению или принятию, срок жизни той или иной фазы культуры. За исключением этого, никакая попытка сформировать будущее не может быть успешной. Победа или поражение фашистских войск в нашу эпоху не имеет почти никакого значения, поскольку ни победа, ни поражение не остановят и не предотвратят распада нашей чувственной культуры. Наша лучшая политика состоит, видимо, в том, чтобы расслабиться, принять неизбежное, делать по возможности то, что может ускорить изменение и сократить период конфликта. Реклама, помещенная на обложке книги, преподносит ее как «вызов волне пессимизма», захлестнувшей сегодня мир^{66*}. Насколько я понимаю, вызов сводится к обещанию, что какие бы процессы ни происходили в наш век, растительный и животный мир не погибнет на нашей земле.

Сорокин, похоже, следует традиции Макиавелли, Вико, Шпенглера и Тойнби. Несмотря на внушительный объем его труда, его следует считать одним из эпигонов этой традиции. В своей страсти к схематизации он упустил из виду чрезвычайную сложность общества. Подлинные нравственные ценности нашего времени просачиваются сквозь щели его этического величия и теряются. Он говорит нам, что малозаметные особенности нашего чувственного общества – его второстепенные идеалистические и идеациональные проявления, которые не интегрированы в доминирующую модель нашего умирающего общества – спасут нас. Это ни на чем не основанная вера или многозначительная отговорка. На самом деле насильственное разрушение общества, столь сложного, как наше, может уничтожить не только культурные ценности, связанные с чувственной культурой, но и более прочные ценности, на которых можно было бы построить будущее общество. Я вспоминаю карикатуру Д. Лоу^{67*}, на которой изображена тонущая гребная лодка, с человеком на корме, деловито вычерпывающим воду, тогда как двое других с совершенно равнодушным взглядом сидят на носу. Даже если согласиться с сорокинской одномерной классификацией культур, какой бы сверхформальной и нравоучительной она ни была, все равно остаются огромные различия между разными типами чувственной культуры. Это одно из тех заблуждений, в которое обычно впадают и механистические логики, и механистические моралисты. Говоря о сухости тех, кто занимается формам жизни, а не ее сущностью, судья Холмс^{68*} сказал однажды, что никакие размышления о кружке не наполняют ее пивом. Человек, чей анализ культурных форм настолько груб, что он не замечает никакой сколько-нибудь заметной разницы между гуманизмом демократии и варварством фашистов, для меня – не пророк.

(American Political Science Review. 1942, vol. 36, № 4, August, p. 751–752)

Арнольд Дж. Тойнби^{69*}

The crisis of our age: the social and cultural outlook. By Pitirim A. Sorokin, chairman of department of sociology, Harvard University; former president of International Institute of Sociology. New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 1941. Pp. 338. \$3.50

В этой книге г-н Сорокин применяет к нынешнему кризису результаты своего большого труда «Социальная и культурная динамика», четыре тома которого уже вышли в свет. Ключевые моменты этой более ранней и более обстоятельной книги кратко изложены в настоящей работе, которая, следовательно, может быть прочитана и использована самостоятельно. В то же время хотелось бы надеяться, что многие читатели, знакомые с бедами нашего времени по личному опыту и с интересом прочитавшие эту краткую книгу г-на Сорокина, захотят проштудировать и его *opus maius*^{70*}, в котором он пропускает через свою лабораторию всю письменно зафиксированную историю западного мира, начиная с VI в. до н. э.

Морфология истории г-на Сорокина отличается особой концепцией и особым методом. Его метод – статистический; и хотя, будучи пионером в этом отношении, он максимально использует статистические данные, вплоть до пределов, установленных современным состоянием наших знаний, а иногда, возможно, и за этими пределами, он заслуживает благодарность будущих исследователей. В наши дни методы статистического изучения жизни цивилизованных обществ неизбежно оказываются довольно опасным занятием, поскольку такого рода общество еще настолько молодо, что набор данных относительно любой группы фактов таких обществ еще очень мал, и нашим умозаключениям поэтому грозит большая опасность оказаться ошибочными. С другой стороны, если документы будут сохраняться в таком количестве и так бережно, как сохранялись они в течение последних двадцати пяти веков, то статистический метод будет единственно полезным методом для историков, которые будут жить, скажем, через миллион лет. Действительно, история даже первобытного общества не может изучаться иначе, чем с помощью статистики, имеющейся на сегодняшний день, если у нас имеются приемлемые письменные источники о деяниях *homo sapiens* в течение этих первых нескольких сотен тысяч лет его существования.

Г-н Сорокин ставит собранную им статистику на службу концепции, которая была особенно близка индийской и древнегреческой мысли. Его мировоззрение – это вариант циклической теории. Он рассматривает течение жизни как ритмическое чередование потустороннего, или «идеационального» отношения к жизни с посюсторонним, или «чувственным» отношением. Когда идеационалистское настроение находится в процессе замены его на настроение чувствен-

ное (но не тогда когда чувственное начинает снова сменяться идеациональным), возникает краткий золотой век гармонии между ними, которому г-н Сорокин присваивает особое название «идеалистический». (Такие периоды он находит в Древней Греции в V–IV вв. до н. э. и в средневековом западном мире в XIII–XIV вв.). Как объясняет г-н Сорокин, мы в наше время мучительно наблюдаем последнюю агонию чувственной фазы нашей собственной западной цивилизации. Эта смута – не просто рябь на поверхности жизни; это фундаментальный кризис, глубоко затрагивающий все аспекты человеческой деятельности. С другой стороны, это не смертельная агония нашей западной цивилизации, а скорее свидетельство неизбывной ее живучести, потому что муки этой уходящей чувственной фазы нашей истории в то же время являются родовыми схватками приближающейся идеациональной фазы. Наши перспективы были бы мрачнее, если бы теперь, когда современная чувственная фаза западной цивилизации приблизилась к тому моменту, когда все ее возможности будут исчерпаны, мы не оказались бы, как это произошло на деле, в состоянии крайней нестабильности и дискомфорта, ибо тогда мы приблизились бы к состоянию окаменелости – такова судьба большинства цивилизаций прошлого, – в то время как наши нынешние стенания и страдания обещают нам новую жизнь, которая может быть плодотворной и прекрасной. В настоящей книге, как и в своем большом труде, г-н Сорокин проверяет свою концепцию на примере самых разных направлений человеческой деятельности.

Этот диагноз кризиса нашего времени является замечательным подвигом, ибо, поскольку чувственный поток все еще течет (хотя, возможно, приближается момент, когда он потечет вспять), не легко разглядеть идеациональное подспудное течение – хотя для историков, которые будут ретроспективно изучать ситуацию несколько веков спустя, она, наверное, будет казаться очевидной. Весь этот процесс будет, конечно, идти долго, так что вряд ли стоит ожидать, что нынешний фурор материализма утратит свою силу прежде, чем индийский и китайский кули не поднимется хотя бы до нынешнего материального уровня жизни квалифицированного рабочего Соединенных Штатов. Тем не менее мы можем быть вполне уверены, что изменение произойдет в течение обозримого периода времени, и можем также предсказать, что, когда оно произойдет, одним из основных признаков этого изменения будет почти всеобщее смещение интересов и энергии от экономики и политики к религии.

Сам г-н Сорокин отмечает, что агонии прошлых цивилизаций создавали социальные условия, при которых рождались великие религии; а это побуждает задаться вопросом, который у самого г-на Сорокина не возникает. Если предположить, что его концепция соответствует истине – т. е. что в социальной жизни происходит поочередная смена идеационализма и чувственности, – то добивается ли общество, которое колеблется взад и вперед между этими двумя полюса-

ми, таким качанием маятника чего-то большего, чем просто сохранение жизни? Если это и все, то мировоззрение г-на Сорокина не столь оптимистично, как он думает. Это картина того меланхолического «колеса бытия», от которого орфизм и буддизм стремились нас освободить. Прах и пепел чувственной деятельности и опыта каждый раз приводят к религиозному пробуждению; но что это нам дает, если каждый раз победивший в результате схватки идеационализм в свою очередь постепенно себя исчерпывает, а затем вступает в новую схватку со своей многократно дискредитировавшей себя чувственной альтернативой. Эта картина лишает и тот и другой альтернативный подход к жизни нравственной составляющей и превращает их чередование в бесполезное повторение. Если духовный опыт, приобретенный ценой целого ряда неудач, постигавших чувственную культуру, на самом деле не имеет кумулятивного влияния на судьбу человечества в этом мире, то перспективы наши безотрадны.

(Journal of Modern History. 1942, vol. 14, № 3, September, p. 370–372)

The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook
By Pitirim A. Sorokin
New York: E.P. Dutton & Co., Inc. 1941. Pp. 338. \$3.50

Эта книга представляет собой попытку автора популяризировать теорию истории, содержащуюся в трех томах его «Социальной и культурной динамики», опубликованных в 1937 г., и в четвертом томе, вышедшем в свет в 1941 г., а также использовать эту теорию специально для интерпретации текущих и ближайших событий, о чем свидетельствует ее подзаголовок. Часть книги составляют переработанные тексты лекций, прочитанных в течение последних двух лет. Привлекательность изложения не увеличивается из-за снисходительного и высокомерного отношения автора к критикам и тем, кто не согласен с его взглядами. Что касается содержания книги, то в ней представлена интересная схема исторической и социальной интерпретации, и разработана она в интересной форме. Все это перемежается с массой исторической информации и материалом из области литературы и искусства.

Книга открывается вводной главой «Диагноз кризиса», следующие за ней примерно две трети книги посвящены рассмотрению различных аспектов кризиса – кризису в искусстве, науке, философии и религии, в этике и праве; кризису форм правления, семьи и экономической организации, а также проявлениям кризиса в таких сферах, как преступность, война и сама болезнь (главы II–VII, р. 30–239/27–165). В последних трех главах ставится диагноз, а последняя часть последней главы называется «Пути выхода из кризиса и дальнейший ход событий».

Основная идея культурной динамики Сорокина теперь уже достаточно хорошо известна публике, проявляющей интерес к подобного рода вопросам. Это циклическая интерпретация истории, в основном истории европейской, и в особенности ее средневекового и современного периодов, описываемой как колебание от «идеациональной» модели культуры к модели «чувственной», при наличии модели «идеалистической» как промежуточной формы. Для понимания общего смысла этих категорий достаточно указать на расцвет Средневековья как образец идеациональной культуры и на современную западную цивилизацию как пример культуры чувственной, а также на общепризнанный смысл обоих терминов. По мнению рецензента (которому он сам не придает никакого значения), все это, вероятно, имеет такую же ценность, какую имеет или может иметь любая простая формула, охватывающую большой промежуток истории. Основной тезис данной книги состоит в том, что кризис нашей эпохи, каким бы революционным и катастрофическим он ни был, это только переходный этап в истории западной

культуры в целом, а не ее разрушение. Мы не против перемен, напротив, мы приветствуем их, тем более что недостатки современной общественной жизни очевидны. После бедствий переходного периода (*dies irae, dies illa*^{72*}) прогресс возобновится, поскольку культура обретет другую фундаментальную форму, т. е. произойдет переход от «агонизирующей чувственной культуры к культуре идеациональной, идеалистической или интегральной».

Подобная логика напоминает, конечно, рассуждение типа: пришла зима, значит и весна не за горами, с помощью которой можно было бы доказать, что чем больше лет прожил человек на свете, тем больше уверенности, что он будет жить и в следующем году. Можно только пожалеть, что книга «Волна будущего»^{73*}, название которой может служить формулой прогнозирования исторического перехода на новую, более высокую систему ценностей, уже написана другим автором. Идеациональную или идеалистическую культуру можно определить как культуру стабильной социальной стратификации, при которой интеллектуальная элита получает «лучшие куски» в качестве естественного вознаграждения за изображение и прославление достоинств нищеты и невежества и преданность «духовным» ценностям. «Чувственная» культура верит в прогресс, совершенствование и распространение плодов прогресса среди всего населения. Но она верит и в свободу как в свой кардинальный этический принцип; и ужасные последствия имело то, что большая часть нашей интеллигенции стала проповедовать «рабочим», будто улучшение их доли идет слишком медленно – а на самом деле в результате насильственной революции им нечего терять, кроме своих цепей; и очень многие из рабочих с готовностью слушали эту проповедь и откликались на нее. Большая практическая разница между этими двумя формами заключается, вероятно, в том, что общество не может быть разрушено консерватизмом до тех пор, пока существует разумное единство в принятии этого идеала, но усилия осуществить прогресс могут привести именно к разрушению, если эти усилия не будут гармонично и грамотно направлять.

(Journal of Political Economy. 1942, vol. 50, No. 5, October, p. 783–785)

**The Crisis of Our Age. By Pitirim A. Sorokin
New York, E.P. Dutton & Co., 1941. Pp. 338**

Эта книга не касается напрямую насущных проблем времени. Это скорее обсуждение модели культурных изменений на протяжении столетий, в которой недавнее прошлое и ближайшее будущее имеют значение как поворотные точки. Это краткое и общедоступное изложение идей, которые подробно развиты Сорокиным в четырехтомной «Социальной и культурной динамике»³, научном труде, прочитать который способны лишь немногие специалисты. Как это неизбежно случается с общедоступным изложением, выводы кажутся более догматичными, чем при наличии соответствующих доказательств и необходимых уточнений, поэтому для мало-мальски серьезной критической оценки метода или содержания этой книги необходимо обращаться к основному труду.

Сорокин испытал глубокое влияние школы «наук о духе» (*Geisteswissenschaft*)^{75*}, поэтому он не претендует на то, чтобы его аналитические категории были свободны от оценочных суждений. Он совершенно не скрывает того, что стоит на идеалистической, в его понимании, точке зрения. В отличие от некоторых представителей указанной школы он пытается делать широкие обобщения, имеющие прогностическую ценность, и подкрепляет свои выводы статистическими данными. Он анализирует историю художественных форм, систем гносеологии, этики и права со времен Древнего Египта до современной Америки, определяет фундаментальные ценности различных культур, а также представляет сведения о войнах и революциях как признаках распада этих исторических культур. Каждая культура подпадает под один из трех основных типов. Культура называется *идеациональной*, если она «основана на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности»; *чувственной* – если «истинная реальность и ее ценности носят чувственный характер»; тогда как органическое сочетание этих двух типов является культурой *идеалистической*, основной посылкой которой является то, что «истинная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна, она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, которые все вместе образуют единое целое, бесконечное многообразие, Бога». Идеациональная культура, по его мнению, преобладала в разные времена на Востоке, в Греции с VIII по VI вв. до н. э., и снова в раннем средневековье Западной Европы. Идеалистическая культура появилось в V–IV вв. до н. э. в Греции, и в XIII–XIV вв. С XVI в. до настоящего времени европейская культура носит чувственный характер.

Изменение «имманентно» каждой культурной системе, а внешние факторы оказывают дополнительное деструктивное воздействие. Эти культурные циклы

³ New York, American Book Co., 1937–1941.

не обнаруживают никакой регулярной периодичности и обязательной последовательности, а циклы различных аспектов культуры не обладают синхронностью. Сорокин трактует нашу нынешнюю цивилизацию как перезревшую чувственную культуру, находящуюся на грани краха, о чем свидетельствуют современные формы искусства, неадекватность современной философии и науки, войны и революции. Нынешние экономические и политические идеологии, хотя и конфликтуют друг с другом, все носят чувственный характер. Сорокин считает возрождение интуитивизма и мистицизма признаками грядущих перемен. И предполагает, что социальная напряженность в течение какого-то неопределенного периода будет все более усиливаться, после чего произойдет возврат к идеациональной или идеалистической культуре, вероятнее всего, к идеациональной, хотя на его вкус предпочтительнее идеалистическая.

В краткой рецензии невозможно охарактеризовать все смысловое богатство сорокинских категорий и значение его труда для социологии и философии истории, нельзя рассмотреть его аргументацию должным образом. Следует отметить, однако, что его акцент на «высшей культуре» исторических эпох затушевывает вопрос о том, в какой степени общественная жизнь соответствует общепризнанным идеалам; подтверждает ли, скажем, чтение Григория Турского идеациональный характер средневековья, или в какой степени идеалистическая нравственная философия Фомы Аквинского сказывалась на экономической и политической жизни его времени. Во-вторых, Сорокин признает, что убедительность его тезиса о последовательности культурных систем зависит от ограниченного числа возможных типов, то есть чем больше количество возможных вариантов, тем больше вероятность, что новая культурная система будет заметно отличаться от предшествующих ей систем. Здесь возникает вопрос об адекватности его категорий. Специалисты по истории тех или иных аспектов культуры вполне могут не согласиться с тем, что многие формы искусства и системы философии правильно подводить под одну из трех рубрик. Например, можно согласиться, что философия со времен Локка началась с сенсуализма в качестве отправной точки, но будет сильным упрощением подводить Юма, Канта, Конта, Карнапа, Бенгама, Джеймса, Файхингера и Бриджмена^{76*} под одну категорию. Поскольку культурные различия на самом деле столь многочисленны, вполне возможно, что любой новый синтез, с учетом того, что ни одна культура не является полностью интегрированной, будет представлять собой новый тип. Кроме того, вполне можно усомниться в том, происходили ли такие интеграции в прошлом. Сорокин не утверждает, что изменения видов культуры происходят синхронно. Кое-кто может усомниться и в том, достаточно ли доказательств и статистических методов для установления степени соответствия, установленной Сорокиным, даже если допустить, что имеющиеся у него данные он использует наилучшим образом.

**The Crisis of Our Age. By Pitirim A. Sorokin
Dutton, New York, 1941. \$3.50**

Читателям, наверное, уже надоели книги о кризисе, но эта по праву может считаться исключением. В ней рассматривается кризис в целом, а не та или иная его фаза, более глубоко раскрываются его причины и возможные способы выхода из него. Д-р Сорокин рассказывает нам, что в период между войнами он играл роль Кассандры и, подобно этой пророчице, не был услышан миром, убаюканным легкомысленным оптимизмом. Последующие события, по его словам, оправдали его. Своих критиков он делится на два основных класса: это, во-первых, те, которые рассматривают кризис просто как одно из повторяющихся событий и которые занимаются каким-то частным его аспектом, например, соперничеством между социальными и политическими учениями, между капитализмом и тем, что противостоит или может противостоять ему, между авторитаризмом и свободой, между теми или иными народами; и которые предлагают свои местные лекарства для своих конкретных больных. Во-вторых, это те, кто, подобно Шпенглеру, злорадствуют по поводу предсмертных страданий западной цивилизации. И те, и другие неправы, говорит автор, то же самое повторяем и мы. То, что мы видим – это муки, сопровождающие конец одного цикла и зарождение другого. Кризис охватывает не то или это, кризис охватил все – искусство, науку, религию, социальные идеи и все остальное. Ибо д-р Сорокин в основе каждого культурного цикла видит некий фундаментальный принцип или главную мысль, которая вдохновляет и окрашивает в свой цвет все наши начинания. Этот архетип проходит свой жизненный цикл, от жизнерадостной юности переходит к плодотворной зрелости, а от нее – к состоянию дряхлости, когда и погибает от бессильной ярости собственной дезорганизованной энергии. Мы видим здесь прекрасную иллюстрацию того, как циклический закон осуществляется в истории жизни любого организма, будь то отдельный человек или какой-нибудь период.

Нынешнему умирающему циклу около 400 лет. Это последний из трех циклов, которые, по мнению автора, сменяли и сменяют друг друга на протяжении всей истории. Он приводит примеры не только из истории западной цивилизации, но и из истории древних культур многих стран. Первый из этих трех циклов – идеациональный; второй, являющийся фактически ступенькой между первым и последним, – идеалистический, третий – чувственный. Первый номер базируется на вере в Бога, второй – на философских системах, номер третий – на чувственных восприятиях. Далее он рассматривает свой предмет в отношении к различным видам человеческой деятельности, начиная с искусства, которое он

считает самым чутким зеркалом культуры. В первую эпоху искусство опирается на Бога, как это видно по сюжетам живописи, скульптуры, архитектуры и литературы. Эти сюжеты носят символический характер. Чувственный период, наоборот, занят миром внешних видимостей и характеризуется изменчивостью и неустойчивостью. Эта форма сейчас распадается; и, соответственно, мы наблюдаем множество экспериментов, причудливые, но ничем не мотивированные попытки уйти от общепринятого, чрезмерное многообразие и избыточность. Мы не только не отражаем реальность, скрывающуюся за внешностью, но мы даже эту внешность представляем неадекватно. Мы сосредоточены на патологических аспектах. Все это сказывается на искусстве, литературе и социальных теориях. Мы подчиняем качество количеству, гениальность – техническому навыку, бескорыстную любовь – профессионализму.

Глава о кризисе в системе истины описывает то же самое тройственное различие; а далее следует подробный анализ различных методов установления истины, древних и современных. Они также раскололись на бесчисленное множество «измов» и «логий» и повергли нас в замешательство, в результате чего мы оказались окруженными целой толпой претендентов, желающих нас просветить. Неспособность чувственного опыта удовлетворить нас привела к отчаянному поиску объединяющей и надежной опоры.

Если бы мы не были ограничены местом, то попытались дать хотя бы краткий обзор остальных глав, которые посвящены различным аспектам человеческой деятельности: кризису в этике и праве; кризису договорной семьи, форм правления, экономической организации, свободы и международных отношений; преступности, войнам и революциям, самоубийству, душевным болезням и обнищанию; трагическому дуализму, хаотическому синкретизму, количественной гигантомании и творческому упадку; корням кризиса и путям выхода из него. Одного списка достаточно, чтобы напугать больного.

Поскольку это не один из повторяющихся незначительных и локальных кризисов, а кризис серьезный, знаменующий собой смерть одной эпохи и мучительное рождение эпохи, идущей ей на смену, то одни лишь местные средства и временные полумеры не действуют. Мы должны перестроить всю нашу жизнь на новой основе. Эта книга, как и многие другие, представляет собой трубный глас, сигнал SOS для теософии. Что еще может стодиться на то, чтобы послужить корнем вещей и стать идеальной основой для новой формы человеческих отношений? Откуда все эти ложные идеалы, если не от наших неправильных представлений о сущности человека и его отношении к миру? Одна из вещей, которую необходимо искоренить, это искусственно созданное представление о триединстве Бога, человека и природы, как отдельных сущностей; оно должна быть заменено на возвышенное древнее учение о том, что три суть одно. Затем нам нужны реинкарнация и карма, с тем чтобы люди научились понимать важ-

ность каждой своей мысли и каждого поступка, своей личной ответственности, которая привязывала бы их к собратьям. Самоуважение Человека, ощущение им своей силы как личности, должно возродиться. Кризис будет тяжелый; но если мы слишком сосредоточимся на мрачной его стороне, то не сможем распознать многих знаков, предвещающих силу, способную справиться с ним. Уже сейчас мы можем понять, почему те, кто основал теософское движение, сделали это именно в это конкретное время.

(The Theosophical Forum. 1944, February, p. 91–93)

II. Рецензии на книгу

«Россия и Соединенные Штаты»

Д. Федотов-Уайт^{78*}

**Sorokin, Pitirim A. Russia and the United States. Pp. 253.
New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 1944. \$3.00**

Эта книга, явно написанная наспех, состоит из двух частей, по сути дела, не связанных друг с другом. Первая и (по крайней мере, для рецензента) более интересная и значительная из этих частей представляет собой остроумную и убедительную апологию^{79*} прошлого и настоящего России. Автор рассматривает сходства между Америкой и Россией, пробегает весь спектр, от международных отношений до роли обеих стран в послевоенном мире. Он рассматривает социально-культурные сходства, «души» двух народов, их социальные институты, моральные нормы, творческие достижения и взаимное влияние их культур. Одна из глав посвящена религиозным и церковным институтам России.

Во второй части (занимающей только 32 страницы из 244) дано краткое изложение теории д-ра Сорокина о причинах и факторах войны и мира, а также его взглядов на возможность и условия прочного мира.

Автор приходит к выводу, что Америка и Россия «имеют целый ряд разительных сходств в геополитическом, психологическом, культурном и социальном отношениях». Что российская и американская культуры «заметно обогатили друг друга» и что «интенсивность и масштабность этого благотворного обмена свидетельствуют опять же о глубинной конгениальности душ и культур двух народов».

В статье д-ра Роджера Доу «Prostor» в первом выпуске «The Russian Review» некоторые из этих сходств подытожены в очень яркой манере^{80*}. Профессор Фостер Реа Даллес в своей книге «The Road to Teheran»^{81*} внешнеполитический аспект проанализировал более трезво и корректно, чем д-р Сорокин, который иногда склонен его переоценивать. Тем не менее книга содержит много новой и ценной информации о России.

Самым оригинальным и, учитывая политическое прошлое д-ра Сорокина, самым удивительным в его книге является его оценка старого режима. В этом

отношении она предлагает широкому читателю столь необходимую поправку к обывательскому представлению о прошлом России.

Отношение к национальным меньшинствам в Российской империи сравнивается с настоящим плавильным котлом, а не с пресловутой «тюрьмой народов». Страстно защищается старая русская судебная система, что приводит к выводу о том, что «суды в России были более свободны от политического давления, чем в Соединенных Штатах, за исключением Верховного суда».

С большой симпатией описывается Православная церковь: «Русская религия и церковь на протяжении веков были практически столь же демократичны, как аналогичные религиозные системы в мире».

Старая система образования в России (после 1861 г.) заслуживает всяческих похвал: «Администрация и управление университетами и институтами были более демократичны, чем в американских университетах». Приводятся некоторые любопытные статистические данные, например, процент умеющих читать и писать новобранцев в период 1904–1913 гг. составлял 62,62, а процент детей, получивших начальное образование, в 1914 г. достиг 70.

Иногда автор пишет с пафосом русского человека, который гордится достижениями своей страны, а не с беспристрастностью социального ученого. Тем не менее многие его аргументы соответствуют исторической действительности и являются долгожданной альтернативой той огульной брани, с которой обычно относятся к историческому прошлому России. Масса мелких фактических ошибок несколько удивляет в книге, написанной заведующим кафедрой университета.

(The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1944, vol. 234, Issue 1,1 January, p. 133–134)

Базовые ценности, необходимые для взаимопонимания

**Russia and The United States. By Pitirim A. Sorokin.
New York: E.P. Dutton & Co. 1944. 253 pp. \$ 3**

Когда Освальд Шпенглер, мрачный пророк «заката Запада»^{82*}, во время Первой мировой войны заканчивал свой монументальный труд, он планировал дать заключительным главам название «Россия и будущее». Однако, когда книга появилась, оказалось, что эта глава не была написана. Даже для Шпенглера эта задача была слишком дерзкой.

Сорокин в своей книге «Россия и Соединенные Штаты» осмеливается приоткрыть завесу будущего. Он прогнозирует падение коммунизма и эволюцию новой России, которую с полным правом можно будет назвать «управленческой революцией». По его словам, чисто разрушительная фаза революции прошла. Ни одна революция не может сделать ничего больше, как разрушить то, что уже отжило свой век и умерло бы, даже если бы не было никакой революции. Что касается Советского Союза, то в нем стремительно растут молодые энергичные силы. Новая жизнь не погибла под обломками того, что Сорокин считает деструктивной фазой русской революции. (Кстати говоря, на примере этих в основном биологических факторов мы можем понять, почему революция в СССР не является революцией нигилизма, тогда как нацистская революция не принесла ничего, кроме нигилизма и разрушения.) После окончания деструктивной фазы русской революции на следующем ее этапе появились новые молодые силы. Они и сцементируют фундамент новой социальной структуры в России. Эта структура будет демократической, ибо Россия всегда была гораздо более демократичной по своим идеалам и по своему образу жизни, чем в это готово поверить подавляющее большинство американцев и европейцев.

Доказательство этого тезиса является одной из главных задач книги, и Сорокин для ее решения использует мощный арсенал фактических данных. Другим основополагающим тезисом монографии Сорокина является утверждение о том, что между Советским Союзом и Соединенными Штатами нет принципиальных различий. В обеих странах возникает общество нового типа. Для обоих народов, считает Сорокин, справедлива истина о том, что суверенитет становится источником гибели. Обе страны, таким образом, должны тесно сотрудничать, чтобы построить новое общество без войны, насколько это возможно для человечества. Это возможно, утверждает Питирим Сорокин: «Мы можем построить храм вечного мира».

Для того чтобы в полной мере оценить значение «России и Соединенных Штатов», мы должны понять, что эти исторические размышления являются еще и социологической исповедью (case history) человека, родившегося 55 лет назад в русской

деревне и ставшего профессором социологии в Санкт-Петербурге. Революция обошлась с профессором Сорокиным сурово. Член кабинета Керенского, он трижды подвергался тюремному заключению при советской власти. В 1923 г. он приехал в Америку. Сегодня он – глава факультета социологии Гарвардского университета, известный автор целого ряда глубоких исследований в своей области.

Карьера Сорокина свидетельствует о том, что в царской России человек из народа, начав с самых низов, имел шанс подняться на самую вершину. Таким образом, книга Сорокина отдает долг признательности общественному устройству дореволюционной России, позволившему ему стать представителем буржуазии. И характерно, что, говоря о российском среднем классе, он отмечает, что к моменту революции он, «к сожалению», еще не стал численно одним из самых мощных классов в государстве. Следовательно, заключает он, представители этого класса не могли предотвратить революцию.

Неудивительно, что Сорокин смотрит на свое отечество глазами представителя ее среднего класса, того самого класса, который, по его словам, не сумел, к сожалению, остановить революционную волну. Не забывает ли он иногда фаталистических слов, которые сам же цитирует: *Volentem fata ducunt, nolentem trahunt* (согласного судьба ведет, а несогласного тащит)? Шпенглер, который ближе Сорокину, чем он это признает, заключает свой «Закат Европы» таким же предостережением.

«История жизни» самого Сорокина является лишь одним из важных факторов в оценке его «России и Соединенных Штатов». Тема этой книги жизненно важна для народа Соединенных Штатов: от того, сумеет или не сумеет он вовремя прочесть надпись на стене^{83*}, будет зависеть будущее наших детей. Никто лучше самого автора не в состоянии помочь нам расшифровать зловещие знаки. Вполне естественно, что он не может полностью освободиться от обиды, которую нанесло ему его российское прошлое. То, что читатель и здесь и там замечает в книге следы этой обиды, ни в коей мере не снижает ее ценность. Она переполнена блистательными идеями, выдвинуть которые мог только великий ученый, в прошлом типичный русский, теперь ставший типичным американцем. Это учебное пособие по России (несколько пренебрегающее другими народами Советского Союза), которое должен прочитать каждый американец, поскольку в нем так своевременно и кстати развенчивается старый миф о том, что Россия якобы всегда была страной варваров. Безусловно, если американский и советский народы и их политические лидеры усвоят как жизненно важный урок, что базовые ценности двух народов конгениальны, что их отношения друг с другом всегда были мирными и что в будущем каждый из них сможет оказать большое влияние на социальную и культурную жизнь другого, то можно надеяться, что «храм прочного мира» будет построен не на песке.

Вальдемар Гуриан^{84*}

Подходы к России^{85*}

3. Питирим Сорокин был активным противником как царского, так и советского режимов. Поэтому его новая книга многих удивит. Это страстный призыв к сотрудничеству с Советским Союзом. Проф. Сорокин считает, что такое сотрудничество «сильно повлияет на советский режим, чтобы он прекратил свое диктаторское попрание элементарных прав российских граждан – увеличивая объемы “четырёх свобод” в России. С другой стороны, Россия... будет способствовать уменьшению корыстного лицемерия, эгоизма и эксплуатации, присущих до известной степени любому крупному частному бизнесу» (р. 210/399). Известный гарвардский социолог говорит далее, что в случае новой войны Советская Россия была бы ценным союзником и что ее помощь имеет первостепенное значение в любой попытке «обеспечить человечеству прочный мир».

История отношений между Россией и Соединенными Штатами, утверждает он, показывает, что сотрудничество между двумя державами достаточно легко наладить. Между ними не было никаких серьезных конфликтов. Даже отношение Америки к советской власти после 1917 г. было продиктовано пророссийскими, а не антироссийскими мотивами. В пользу российско-американского сотрудничества говорит множество «социально-культурных» и психологических сходств. Например, обе страны расширяли свои границы относительно мирным путем. Сорокин считает, что разрушительный атеистически-коммунистический этап русской революции уже в прошлом. Подлинные сторонники коммунизма были уничтожены в ходе сталинских чисток.

Россия все больше и больше возвращается к своим национальным традициям. Революционный поток снес то, что уже отмирало, и укрепил фундаментальные институты, такие как Православная церковь. Очищение церкви, подвергшейся жестоким гонениям, произошло, конечно, вопреки желаниям и чаяниям гонителей, которые надеялись уничтожить религию.

В книге много ценной информации. Прежде всего, она помогает читателю понять, что царский режим был не таким кровавым и варварским, каким его изображает пропаганда, осуждающая все, что существовало до Октябрьской революции. К сожалению, выдающийся русско-американский ученый пытается доказать слишком много. Сходства между Россией и Соединенными Штатами основаны, по его словам, на характеристиках слишком общих; различия же, которые не менее важны, опущены или же упомянуты вскользь, как, например, решающее значение централизованного государства для развития России. Следует также отметить, что со многими его утверждениями нельзя согласиться. Время правления Ивана IV доказывает, что неправильно представлять царя Московской

Руси зависимым от бояр (р. 87–88/308–309). Нельзя утверждать, что к полякам в России относились мягче, чем в Австрии. И не только поляки найдут на страницах, посвященных Польше и России, массу самых поразительных ошибочных утверждений. Сорокин восхваляет гуманное отношение царской России к нерусским народам, а судьба башкир не упоминается^{86*}.

Я полностью разделяю отвращение проф. Сорокина к безответственным утверждениям о России, которые часто являются результатом высокомерного невежества. Но боюсь, что в его ответах на них чересчур много идеализации. Такие институты, как мир и община, принудительное сельское сообщество, без каких-либо оговорок восхваляются как демократические. Об их негативных сторонах, широко обсуждавшихся в России, не говорится ни слова. И когда проф. Сорокин пишет (р. 112/326), что Советское правительство сегодня «открыто признает позитивную ценность религии» и что сегодня в России «церковь свободна... от контроля со стороны государства» (р. 114/328), то это резко контрастирует с другими его же высказываниями. Такие замечания, трактующие в оптимистичном ключе определенные тенденции и тактические уступки, легко могут привести к обратному эффекту.

В целом книга несколько грешит стремлением раскрывать общие тенденции и использовать термины в таком широком смысле, что они могут применяться различными способами. Те, кто станет искать в ней обсуждение реальных трудностей, связанных с Россией, будут разочарованы. Но читатели, разделяющие апологетический энтузиазм Сорокина, воспримут книгу как ценный обзор основных тенденций российской истории и социального развития России.

(The Review of Politics. 1944, vol. 6, issue 2, April, p. 248–249)

Russia and postwar Europe. By David J. Dallin.
New Haven: Yale University Press, 1943. 230 pp. \$2.75

USSR: The Story of Soviet Russia. By Walter Duranty.
Philadelphia: J. B. Lippincott Co., 1944. 293 pp. \$3.00

What Russia wants. By Joachim Joesten.
New York: Duell, Sloan & Pearce, 1944. 214 pp. \$2.50

Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin.
New York: E.P. Dutton Co. (For Literary Classics, Inc.) 1944. 253 pp. \$3.00

A History of Russia. By George Vernadsky. New Revised Edition.
New York: New Home Library, 1944. 517 pp. \$0.69

По мнению советских ученых, Вторая мировая война началась в 1937 г. – с того момента, когда Япония вторглась в Китай. Это несколько предвзятая оценка, так как в Европе настоящая война началась два года спустя – с немецкого вторжения в Польшу. Представления коммунистов всегда и во всем отличаются от представлений других великих держав. Там, где другие традиционно мыслящие державы обсуждают европейскую ситуацию так, будто она изолирована от азиатских и колониальных стран, они видят единую мировую ситуацию в связи с региональными проблемами. Еще в 1920 г. Ленин писал о надвигающемся конфликте между империалистическим миром и Азией. Советское правительство в первое время активно поддерживало все антиимпериалистические движения в Азии – не только в Китае, но и в Персии и Афганистане и в меньшей степени, благодаря своему влиянию на националистические движения, в зависимых странах Европы. Совсем недавно, в 1934 г., Сталин рассматривал в качестве основной задачи советской внешней политики защиту Союза от нападения «буржуазно-помещичьих правительств» как Европы, так и Азии.

Неожиданная мощь, обретенная гитлеровской Германией, сделала другие великие державы более терпимыми к СССР и рассеяла его страхи. Именно это, а не изменение внутренней политики Советского Союза привело к резкому повороту советской внешней политики. Но даже пакт, заключенный с Японией во время визита Мацуоки в Москву в 1941 г.^{87*}, как пишет Дюранти, свидетельствует о том, что недавние сомнения по-прежнему существуют. Очевидная неподготовленность Соединенных Штатов к активному участию в разгроме агрессоров также является фактором немаловажным. Однако, несмотря на отсутствие определенности, Москва по-прежнему рассчитывает на неагрессивный характер американских интересов в Советском Союзе и Восточной Азии. Это – один из немногих постоянных и вполне предсказуемых факторов. Об этом пишет не только Сорокин, детально рассматривающий сходства и различия внешней политики

двух стран, но и И. Йостен, который подчеркивает, что некоторым американцам до сих пор трудно понять, что обе страны почти одинаково заинтересованы во внутреннем развитии Китая.

Превосходная «История» Вернадского, которая опубликована в 1929 г. и основные положения которой озвучены на Московской и Тегеранской конференциях, подчеркивает преемственность политических основ Советского Союза. Он убежден в том, что военное сотрудничество с капиталистическими странами продолжится и в мирное время, потому что взаимная помощь по-прежнему будет важным фактором в период внутреннего восстановления. Внешний мир и стабильность имеют важное значение для Союза при решении им следующей большой задачи – повышении уровня жизни до сопоставимого с тем, какой, по представлениям народа, должен быть при социализме.

Нехватка места не позволяет подробнее рассмотреть названные выше книги, поскольку они касаются лишь вопросов советской политики на Дальнем Востоке, но их можно рекомендовать тем читателям, которые не удовлетворены нынешними многочисленными чисто спекулятивными прогнозами относительно того, каким будет Советский Союз, когда мир будет подписан, точно так же, как произносимые речи и статьи в «Известиях» не могут заменить знание исторических тенденций. Хотя в содержании этих книг тоже есть субъективный элемент, они, по крайней мере, содержат достаточно надежный материал, который позволит заинтересованному читателю-непрофессионалу сделать некоторые собственные выводы.

(Far Eastern Survey. 1944, vol. 13, № 13, June 28, p. 123)

Михаил Т. Флоринский^{88*}

Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin. New York, Literary Classics, Inc.; distributed by E.P. Dutton and Company, 1944. 253 pp. \$3.00

Профессор Сорокин старается доказать, что Россия и Соединенные Штаты «установили уникальный рекорд по сохранению длительного непрерывного мира и сотрудничества», которое он объясняет «реальным отсутствием какого-нибудь неразрешимого конфликта между фундаментальными ценностями двух стран, а также позитивным фактом глубинного социально-культурного сходства, или конгениальностью» (р. 209/398–399). Он совсем не учитывает, что до 1917 г. Соединенные Штаты вели только две незначительные войны с европейскими странами (Великобританией и Испанией), и поэтому до Первой мировой войны, за исключением этих двух случаев, «уникальные» отношения с Россией, которые он прослеживает начиная с XVIII в., в этом плане не отличаются от отношений между США и другими государствами.

Доказательства, выдвигаемые в поддержку этой своеобразной теории о «чуде» российско-американской «дружбы», весьма избирательны. Сорокин считает, что миссия Френсиса Дейны в Санкт-Петербурге в 1781 г. положила начало «взаимовыгодным дипломатическим и социальным отношениям» (р. 16/253), но не упоминает о том, что Дейна даже не был принят при дворе и в 1783 г. вернулся домой ни с чем. Поскольку Сорокин упоминает о «тесной дружбе» между Джефферсоном и Александром I (р. 16/253), то никто и не догадается, что доктрина Монро^{89*} была выдвинута в основном из-за опасений Соединенных Штатов по поводу русской экспансии в Северной Америке и благодаря интригам Священного союза, возглавляемого царем, на Южноамериканском континенте.

Стремясь во что бы то ни стало доказать «существенное сходство» исторического развития двух стран, Сорокин утверждает, что территориальное расширение «достигалось в обоих случаях не столько путем военной силы, сколько за счет добровольного подчинения различных племен и народов и путем мирного проникновения первопроходцев» (р. 29/264). Присоединение Кавказа, по его мнению, объясняется «преимущественно тем, что христианское грузинское царство добровольно подчинилось России» (р. 31/265). Действительно, грузинский царь Ираклий перешел в 1783 г. под протекторат Российской империи, но Сорокин ничего не говорит о той кровавой войне за покорение Кавказа, которая официально закончилась в 1864 г., хотя на самом деле длилась дольше.

Большинство «доказательств», выдвигаемых автором, настолько несущественны, что кажутся легкомысленными. Ни один разумный человек не станет отрицать, что в области науки и искусства между Россией и Соединенными Штатами есть определенное интеллектуальное сходство, но то же самое можно

сказать о любых других двух странах, что не дает оснований для безапелляционного утверждения о «существенном социально-культурном сходстве и конгениальности» России и США. Сорокин может много сказать о природе войны; он чувствует себя как дома, оперируя такими неуловимыми и опасными понятиями, как «предначертанное» (р. 144/351), «исторический час» (р. 161/363), «течение исторической судьбы» (р. 207/397). И однако же он странным образом не видит той роли, какую играли войны в русской и американской истории: в то время как Россия на протяжении веков вела бесконечные войны, Соединенные Штаты до совсем еще недавнего времени почти не знали их разрушительного воздействия. Вероятно, именно поэтому, как хорошо выразился Уильям Генри Чемберлен в своей книге «Russian Enigma»^{90*}, «американец в своей повседневной жизни всегда сталкивался с минимумом, а русский – с максимумом принуждения со стороны государства» (р. 7). И если в нынешнем СССР так сильно восхищаются американским образом жизни, то не из-за «сходства» и «конгениальности» двух стран, как думает Сорокин, а потому, что русские видят в Америке нечто такое, чего у них никогда не было дома.

Сорокин заслуживает доверия, когда подчеркивает известное понятие непрерывности исторического процесса. Любой разумный человек, изучающий советский эксперимент, поражается явным сходством методов и целей Сталина с методами и целями его предшественников. К сожалению, безоглядное восхищение автора всем русским приводит его к доходящим до гротеска преувеличениям. Он утверждает, например, что «не будет большим преувеличением сказать, что ссылка и заключение в тюрьму политических преступников [при царском режиме] были, по сути, больше похожи на предоставление им отпуска с оплатой большей части расходов» (р. 134/341). Нынешнюю экономическую структуру Советского Союза он живописует как очень похожую на структуру Соединенных Штатов и, *horribile dictu*^{91*}, почти не упоминает о плановой экономике.

Профессор Сорокин интересуется не только прошлым и настоящим, но и будущим. Из его четырех обязательных условий прочного мира здесь достаточно процитировать лишь одно: «переоценка нынешних чувственных норм путем их слияния с более духовными принципами как ценностями высшими» (р. 235/434). Это четкое заявление служит мерой ясности авторской мысли и убедительной элегантности ее выражения.

(Political Science Quarterly. 1944, vol. 59, № 2, June, p. 299–300)

Грант С. Макклеллан

**The Road to Teheran. By Foster Rhea Dulles.
(Princeton: Princeton University Press. 1944. Pp. vii, 279. \$2.50)
Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin.
(New York: E.P. Dutton and Company. Pp. 253. \$3.00)**

Возрождение исторической дружбы между Соединенными Штатами и Россией, символизируемое Тегеранской встречей президента Рузвельта и премьера Сталина^{92*}, у многих пробудило надежду на то, что достигнутые соглашения увеличат шансы на прочный и продолжительный мир. Окрыленные этой надеждой, Фостер Реа Даллес и Питирим А. Сорокин предприняли обзор и анализ мирных отношений, складывавшихся между двумя странами в течение полутора веков. Оба автора, хотя и по-разному, попытались ответить на вопросы: почему в течение столь долгого времени был возможен нерушимый мир и какое значение имеют эти гармоничные взаимоотношения для будущего?

В «Пути к Тегерану» профессор Даллес представляет фактический обзор дипломатических отношений двух стран, сопровождая его обильными иллюстрациями, взятыми из современной прессы и фиксирующими отношение Америки к России. Это первый труд подобного рода, охватывающий весь период с 1781 по 1943 г., причем это не скучная дипломатическая история, в мельчайших подробностях описывающая каждый официальный обмен нотами. Многие интересные эпизоды наводят на аналогии с недавним прошлым, однако автор, к счастью, оставил это занятие в основном читателям. Осознавая, что политические системы двух стран всегда находились на разных полюсах, что порождало периоды опасных идеологических конфликтов, исторический обзор тем не менее показывает, что их внешняя политика шла параллельным курсом. Попутно упоминается о сходстве между русским и американским народами и о том, что обе страны являются континентами. Но, что более важно, их интересы во многом совпадали, и угрозы этим интересам возникли с одних и тех же сторон. Так, например, профессор Даллес считает, что в течение большей части XIX в. цели России совпадали с целями крепнущей Америки в противостоянии Великобритании и в желании поддерживать свободу мореплавания. Общие цели торговли и коммерции также способствовали «параллелизму» в политике. Наконец, обе державы дважды оказывались союзниками во время войны с общим врагом. Чуть больше этого можно извлечь из истории российско-американских отношений, хотя это история дружбы, основанной на трезвой оценке национальных интересов каждой страны. Подобную гармонию можно ожидать и в будущем, даже если их функции впредь будут международными по своему характеру, а не только национальными.

Профессор Сорокин, автор книги «Россия и Соединенные Штаты», также считает, что в прошлом обе страны имели общие интересы и что в будущем их плодотворное сотрудничество не только возможно, но и необходимо. Его книга представляет собой, по сути дела, диссертацию, в которой российский опыт в качестве изучаемого объекта привлечен для обоснования аргумента. Кроме того, он ссылается на свой предыдущий обширный труд – «Социальная и культурная динамика» – для доказательства многих широких обобщений, разработанных здесь. Утверждая, что преобладающее мнение о самодержавии как о жестком авторитарном режиме не соответствует действительности, он указывает на то, что многие сферы русской жизни после реформ середины XIX в., по сути дела, носили демократический характер. Русская революция, считает он, вступила в «постразрушительный» этап, и в течение последнего десятилетия мы наблюдали в СССР возвращение и поддержание жизнеспособных демократических тенденций русской национальной жизни. Это согласуется с его теорией, согласно которой любая революция в конечном счете выбрасывает за борт только то, что уже находилось при смерти. Далее приводится масса свидетельств, показывающих, что обе страны обладают поразительным сходством в геополитическом, психологическом, культурном и социальном планах. Автор считает, что эти родственные качества объясняют почти одинаковое отношение двух народов к войне и миру и могут способствовать делу сохранения мира. Поскольку политические и экономические системы Соединенных Штатов и Советского Союза снова сближаются, профессор Сорокин уверен в будущем, даже если мы по-прежнему будем проводить силовую политику. Читатель найдет много нового в такой трактовке. Может возникнуть вопрос: окончательно ли утвердилось такое согласие между двумя народами? Хотя Соединенные Штаты за полтора столетия не были признаны мировой державой, мы не можем исключать возможность изменения властных отношений, способных привести к столкновениям, которым не смогут воспрепятствовать никакие социально-культурные сходства.

(American Political Science Review. 1944, vol. 38, № 3, June, p. 582–583)

Уилфрид Парсонс^{93*}

Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin. New York: Literary Classics, Inc., distributed by E.P. Dutton & Co. 1944. Pp. 253. \$3.00

Цель последней книги профессора Сорокина – доказать, что конфликт между Соединенными Штатами и Советской Россией не является неизбежным или неотвратимым и что послевоенное сотрудничество этих двух стран может и должно быть столь же тесным, каким оно было во время войны. Чтобы доказать это утверждение^{94*}, он принимает основной тезис, который в свою очередь опирается на два второстепенных тезиса, относящихся, соответственно, к обоим странам.

Основной тезис состоит в том, что социокультурные ценности и институты двух стран проявляют все большее сходство, и, если эта тенденция сохранится, это сходство в недалеком будущем превратится в идентичность. «...Американский капитализм и русский коммунизм сейчас больше похожи на свои собственные призраки». Следовательно, «если бы Россия была по-прежнему чисто коммунистической страной, а Соединенные Штаты – чисто капиталистической, если бы сегодняшняя Россия была Россией первого периода революции (особенно в 1918–1922 гг.), а Соединенные Штаты находились в таком же положении, как в 1920–1929 гг. (до Великой депрессии^{95*}), то очевидно, что непримиримый конфликт между двумя народами был бы неизбежен» (р. 178/377).

Сорокин заявляет, что утверждения тех, кто до сих пор стоит на таких позициях, «совершенно ошибочны».

«Они не заметили, что классическая капиталистическая система, основанная на классической теории частной собственности, понимаемой как возможность владеть каким-либо имуществом, использовать его, управлять и распоряжаться им без каких бы то ни было ограничений, умирала в Соединенных Штатах в течение последних 50 лет и особенно в последние 15 лет, уступая место по большей части системе “корпоративной экономики”, или “государственно-управляемой экономики”, которая принципиально отличается от классической системы капитализма и частной собственности» (р. 179/377).

С другой стороны, «к середине 30-х гг. коммунистическая фаза русской революции... практически подошла к концу... и Россия постепенно входит в постреволюционный этап». В подтверждение этого последнего тезиса Сорокин прибегает к своей известной теории революции, разработанной в более ранних работах. Согласно этой теории революция в своей деструктивной фазе устраняет только «загнивающие» и отмирающие институты и ценности, хотя на какое-то время она подрывает и работоспособные институты и жизненно важные тенденции. Как только этот этап заканчивается, творческие и жизненно важ-

ные ценности вновь заявляют о себе и постепенно возвращают свое влияние, нередко более мощное, чем раньше. Это, по мнению Сорокина, и произошло в России. В 30-е гг., после усиления Сталина и падения Троцкого, деструктивная фаза закончилась и началась новая эпоха. Все старые марксистские доктрины были ликвидированы. Семья была восстановлена, отношение к религии стало более терпимым, была дозволена «малая толика свободы», началось прославление старой русской культуры вместо прежнего ее развенчания, армия из красной превратилась в национальную, вернулись к царской внешней политике, на смену коммунистической диктатуре пришла национальная демократии, а затем военная диктатура, а вся коммунистическая экономика была преобразована в государственно контролируемую или государственно управляемую экономику (т. е. *étatisme*^{96*}), которая, по Сорокину, не является «ни коммунистической, ни капиталистической». Более того, «эта радикальная смена вех была произведена советскими вождями под давлением непреодолимых социально-культурных сил, требования которых они не могли игнорировать, поскольку могли поплатиться за это лишением власти» (р. 181/379). Если бы они пытались сопротивляться, «их давно бы свергли, заменив руководителями, готовыми подчиняться неумолимым требованиям истории».

Между тем в Соединенных Штатах, по словам Сорокина, имела место противоположная эволюция. Частная собственность становится корпоративной и коллективно контролируемой, экономические процессы подчиняются централизованной системе управления, а не собственнику, управленцы руководят, но не владеют, а абстрактные собственники не управляют. Частная собственность «сейчас существует в основном в сфере товаров народного потребления, личных доходов и мелких производителей». Столкнувшись с такой концентрацией власти в руках управленцев, не являющихся собственниками, правительство вынуждено было вмешаться и все больше стало усиливать свой контроль. Этот процесс происходит и в других капиталистических странах и идет даже более быстрыми темпами, чем в Соединенных Штатах.

Сорокин не утверждает, что социально-экономические условия России и Соединенных Штатов уже стали идентичными. Но он тем не менее считает, что отношения этих стран приближаются к некоей точке, на которой между ними не будет никаких антагонизмов и на которой они смогут сотрудничать. Эту мысль он подкрепляет многими другими историческими аргументами, фиксирующими конгениальность двух стран.

Хорошо известно, что оспаривать факты, приводимые Сорокиным, небезопасно, хотя у него, как у любого писателя, доказывающего некий тезис, есть тенденция придавать тот или иной оттенок благоприятным и неблагоприятным для него фактам. Поэтому вполне естественно усомниться в истинной природе того, что произошло в России, и в том, как он это интерпретирует. Действи-

тельно, многие черты раннего этапа советской системы при Сталине исчезли. Марксизм более не является целью, которая должна быть достигнута. Но он по-прежнему остается средством для достижения цели, а этой целью является безоговорочное сосредоточение власти, власти самой по себе, в руках правящей группы. Точно так же обстоит дело и с другими изменениями, например, с более терпимым отношением к религии. Можно согласиться с тем, что эти изменения были осуществлены в ответ на глубокую потребность русского народа, но, насколько можно судить, это не означает каких-либо фундаментальных изменений в конечной цели Сталина, каковой является его личная власть.

С другой стороны, Соединенные Штаты, несмотря на увеличение контроля со стороны федеральной власти, остаются конституционной и парламентской демократией, в которой политическая власть по-прежнему рассредоточена среди многих противоборствующих сил. Можно согласиться с тем, что управленческий капитализм в этой стране имеет много сходных черт со своим аналогом в России, и не было бы ничего лучшего, как пойти навстречу недавним изменениям в политике коммунистической партии, предложившей заключить союз с капитализмом. Но, по мнению рецензента, какие бы резкие политические изменения ни происходили в этой в стране, этот отнюдь не противоестественный союз маловероятен, если американский капитализм не захватит всю политическую систему и не произойдет радикальная конституционная революция.

(The American Catholic Sociological Review. 1944, vol. 5, № 2, June, p. 130–132)

**Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin.
(New York, E.P. Dutton and Company, Inc., 1944. 253 pp. \$3.00)**
**USSR: The Story of Soviet Russia. By Walter Duranty.
(New York, J.B. Lippincott Company, 1944. 293 pp. \$3.00)**

В первой из этих двух книг выдающийся социолог применяет свое учение о причинах войны (см. «Social and Cultural Dynamics») к России и Соединенным Штатам и приходит к выводам, что война между этими двумя странами не должна вспыхнуть и что их сотрудничество может стать мощным гарантом мира.

Поскольку «основной и необходимой причиной войн всегда было непримиримое противоречие между жизненно важными интересами и фундаментальными ценностями воюющих сообществ», а между жизненно важными интересами и фундаментальными ценностями России и Соединенных Штатов нет противоречия, их ментальная, культурная и социальная структуры конгениальны, о чем свидетельствуют 165 лет мира между двумя странами, это сулит не войну, а укрепление мира. Не обсуждая основную предпосылку автора, можно согласиться с тем, что выводы в данном случае вполне приемлемы.

Помимо диагностики 165-летнего российско-американского мира, на котором основано предсказание автора, гораздо большая часть книги посвящена показу того, что Россия похожа на Запад и особенно на Соединенные Штаты. А потому об этой книге можно судить с одной только этой точки зрения. Сходства прослеживаются в широком диапазоне – от истории, экономики, политики, культуры, религии до вопросов социальных и нравственных. Хотя автор иногда излишне усердствует в стремлении перечислить как можно больше сходств, факт остается фактом: сходств, пожалуй, больше, чем различий. Ввиду того, что широко распространено именно противоположное мнение и чаще предсказывают будущий конфликт, профессор Сорокин сослужил хорошую службу.

Вторая книга – это еще один популярный репортаж, ставящий своей целью объяснить несколько озадаченной американской публике, что представляет собой новая могущественная Россия. В доступной всем форме Дюранти^{98*} рассказывает о событиях политической, экономической и дипломатической жизни Советской России, начиная с 1917 г. Кроме главы об улучшении положения женщин, ни о каких условиях социальной и культурной жизни в ней не говорится. Дюранти, видимо, писал, опираясь на свои личные обширные знания о Советской России, не изучая и не читая других книг, чтобы заполнить пробелы там, где его знаний было недостаточно для объяснения событий. Изучающий Россию найдет в книге мало нового, если не считать того, что голод 1932 г. объясняется последствием мер, принятых для отражения японского вторжения в Сибирь, и доказывается,

что маршал Тухачевский сотрудничал с немцами. Но обыватель найдет книгу добротной и информативной. Лучше всего Дюранти описывает внутривнутрипартийную борьбу, новую экономическую политику и коллективизацию сельского хозяйства. Его трактовка дипломатических отношений наименее удовлетворительна. Единая тема, которая пронизывает всю книгу, – это сила русского национализма. Несмотря на большевистский переворот, национализм остался доминирующей силой в России, и только благодаря тому, что большевики подстроили под него свою революционную программу, они сумели удержать власть и провести свои реформы. Поскольку позднейшие реформы носили не столько левый, сколько правый характер, Дюранти, как и Сорокин, не видит никакого конфликта между фундаментальными интересами России и Соединенных Штатов.

(Pacific Historical Review, 1994, vol. 13, № 3, September, pp. 349–350)

**Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin.
New York: E.P. Dutton and Company, Inc., 1944. 253 pp. \$ 3.00**

Основная мысль Сорокина сводится к тому, что между Россией и Соединенными Штатами нет фундаментальных противоречий, которые могли бы помешать их взаимопониманию и плодотворному сотрудничеству как в нынешнее время, так и в послевоенном мире. Если они не будут сотрудничать, то перспективы построения всеобщего международного мира безнадежны. Он показывает, что между этими странами всегда царил нерушимый мир, что обе страны являются великими континентальными державами, сталкивающимися с почти одинаковыми проблемами и развивающимися по очень похожей схеме, что они внесли значительный вклад в культуру друг друга, что между ними существует фундаментальное культурное сходство и что их социально-политические системы в будущем обнаружат, скорее всего, больше сходств, чем различий. После анализа геополитических, семейных, религиозных, литературных, научных, правовых, политических, моральных и творческих сходств он приходит к выводу о наличии четырех обязательных условий для прочного мира, а именно: восстановление культурных ценностей, обязательное единодушие в этом вопросе крупных держав, ограничение суверенитета в деле войны и мира, а также создание всемирной организации с полномочиями по обеспечению выполнения решений относительно войны и мира. Эти условия в настоящее время реализуемы.

Хотя рецензент находит много конкретных заявлений и интерпретаций, с которыми он не согласен, он в целом согласен с направлением и выводами книги. Он считает, что доводы автора были бы гораздо сильнее, если бы он не пытался доказать «слишком много». Есть много пунктов, которые граничат с предвзятостью – преувеличением или недооценкой, если не с прямым искажением фактов. Среди них – неспособность автора найти ничего конструктивного в так называемой «деструктивной стадии» революции (1917–1934); в розовом свете дана картина царской России, особенно, когда речь идет о положении крестьян, евреев, поляков, финнов и прочих подвластных народов; заявления о преимущественно «демократическом» характере царской России, о близком сходстве (сближении) советской и американской экономических систем, о «сравнительно бескровной и ненасильственной» экспансии двух стран; когда он доказывает почти «конгениальность» двух народов, приводит аргумент о «единстве в разнообразии» и т. д. Его довод о том, что теория социальной причинности, в которой выделяются «основные причины (высшие ценности)» и «дополнительные факторы (меньшие ценности)», гораздо лучше, чем многофакторная те-

ория, для меня неубедителен. Обе теории представляются примерно одинаково бесполезными для естественной науки.

Сорокин теперь восхваляет советскую власть как «один из четырех самых оригинальных экспериментов» с 1789 г. Он по-прежнему считает, что «разрушительный этап» революции был всецело негативен, за исключением того, что революция уничтожила уже отмирающее, но теперь, когда этот этап «ликвидирован» национализмом, прерванные благотворные дореволюционные тенденции возобновляются. Он, очевидно, начал «ликвидировать» революцию в своем собственном сознании, и, хотя процесс этот еще не завершен, он может сказать: «Смотри на вещи, как они есть, и живи, как живешь». Хотя он, как все добропорядочные американцы, выступает против эксцессов революции, он начинает ценить некоторые достижения новой России и гордиться ими.

Эта книга проливает новый свет на гипотезу о «чувственной и идеациональной» культуре. Три или четыре года назад нам было сказано, что «все чувственные ценности разорваны в клочья, царит анархия», и предрекались страшные события. Теперь же выясняется, что за последние девяносто лет дела во всех отношениях день ото дня шли все лучше как в Соединенных Штатах, так и в России – за исключением «разрушительного этапа» революции. Большинство из этих достижений были и остаются тем, что прежде называлось «чувственной» культурой; теперь они безоговорочно одобряются. Однако мало есть свидетельств тому, что снизилась тенденция к переходу от сверхъестественного к натурализму; «атеистов в окопах» много^{100*}, а «возврат к Богу», ранее выставившийся как *sine qua non*^{101*} спасения, таковым уже не представляется. Не стоит обвинять человека в непоследовательности, я больше надеюсь на то, что эта книга есть признак того, что Сорокин начинает склоняться к мысли о том, что социология – это естественная наука, а не отрасль богословия. Во всяком случае, кажется, что он более благосклонен к «чувственной» культуре и более оптимистично смотрит на будущее, чем несколько лет назад.

Удобочитаемый стиль Сорокина и его убедительная аргументация, его большой авторитет и хорошее знакомство с русской и американской культурами, вероятно, убедят многих читателей в том, что Россия не страна дикарей и не потенциальный враг Америки, что шансы на мир во всем мире окажутся под угрозой, если мы не будем сотрудничать с Россией, и что «единство в многообразии» и мир во всем мире желательны и возможны. Эти утверждения кажутся мне очевидными, но я боюсь, что книга Сорокина не сможет убедить многих из миллионов американцев, которых в этом следовало бы убедить.

**Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin.
New York: E.P. Dutton & Co., Inc., 1944. Pp. 253. \$3.00**

Вот книга, цель которой я всецело одобряю. Она стремится показать, что отношения между Россией и Соединенными Штатами всегда строились на основе симпатии и доброй воли и что можно надеяться на продолжение таких отношений, потому что они базируются на прочной основе. Ближайшая причина заключается в том, что не было «серьезных противоречий между жизненными интересами и основными ценностями двух стран», но «это стало возможным благодаря ментальной, культурной и социальной конгенитальности» двух народов.

И ни одна из стран не была «заинтересована в территориальном расширении за счет другой». Уступив нам Аляску за бесценок, Россия тем самым заявила о своем отказе от экспансии в западном полушарии и удовлетворилась возможностями своего расширения в Старом Свете.

Экономические интересы двух народов носили взаимодополняющий, а не конкурирующий характер. Между ними не было жесткой конкуренции на зарубежных рынках. Соединенные Штаты, которые опередили Россию в плане промышленного развития, нашли в ней рынок сбыта для продуктов своей промышленности: «Всемирно известно, какую роль сыграли наши технологии и промышленность в деле индустриализации России в период с 1921 по 1943 г.».

Обе страны обладают огромной территорией, поэтому обречены на роль великих держав, их континентальный характер «способствует широкому умственному кругозору, широким перспективам, свободе от узкого и мелочно-расчетливого склада ума, от бережливой политики в экономической, политической и социально-культурной сферах, столь характерных для малых государств».

Кроме того, расширение обеих стран до континентальных размеров «достигалось в обоих случаях не столько путем военной силы, сколько путем добровольного подчинения различных племен и народов и путем мирного проникновения первопроходцев – в основном крестьян и фермеров, исследователей, торговцев и миссионеров».

Обе страны являют собой «единство в многообразии». Россия с ее 150 этническими группами представляет собой «плавильный котел» даже в большей степени, чем Соединенные Штаты. У русских и американцев много общих черт, а именно: «свобода от жестких мононационалистических традиций и социальных и культурных шаблонов, открытость и широта кругозора, космополитизм и самоуважение без уничижения других народов и без какого бы то ни было стремления претендовать на Богом данное превосходство над “низшими” группами». Это суждение полностью согласуется с тем, что я написал 26 лет назад,

после того как полгода провел среди русского народа (см. мою книгу «Russia in Upheaval», 1918, p. 129^{103*}).

Наиболее ценным и больше всего привлечшим мое внимание является у нашего автора его анализ влияния Соединенных Штатов на Россию и России на Соединенные Штаты. Каким бы противником коммунизма он ни был, он считает, что советский тип социально-политической организации оказывает сильное влияние на значительную часть мира.

Тем, кто в отличие от него считает, что у капиталистической Америки и коммунистической России нет основы для взаимного доверия и сотрудничества, он отвечает, что за последние пятнадцать лет первая удаляется от капитализма, а последняя отходит от коммунизма. Они, похоже, сходятся на «étatisme», или «государственно контролируемой и управляемой экономике». Указание Сорокиным ряда пунктов, по которым российская коммунистическая партия полностью изменила свою позицию, выглядит убедительно.

Хотя я полностью согласен с главным тезисом этой книги, т. е. с тем, что имеется прочная основа для длительной дружбы между Соединенными Штатами и Россией, я не могу согласиться с Сорокиным, когда он оправдывает царский режим и осуждает революционеров. Шесть месяцев, проведенные мною в России в 1917 г., когда я откровенно разговаривал с разными людьми, убедили меня в том, что переворот был полностью оправдан. Сорокин справедливо осуждает большевиков за их отношение к семье, религии, русской культуре и национальному прошлому, но он мало говорит об их достижениях в экономической сфере. Он подробно останавливается на «постдеструктивной фазе революции», но ни разу не называет ее «конструктивной»!

(American Sociological Review. 1945, vol. 10, № 1, February, p. 104–105)

**Russia and the United States. 2nd ed. By Pitirim A. Sorokin.
London, Stevens for the London Institute of World Affairs, 1950. xi + 213 pp.
Index. (Library of World Affairs: No. 15.
Ed. by G. W. Keeton and G. Schwarzenberger.) 8¾"×5½". 12S. 6d**

Это пересмотренное издание книги профессора Сорокина, которая впервые была опубликована в 1944 г. Добавлена новая глава, в которой анализируется «реальная причина» конфликта между Россией и Соединенными Штатами и предлагается путь примирения. Главная мысль книги состоит в том, что основной причиной войны является «несовместимость систем норм и ценностей, которые регулируют поведение одной или всех воюющих стран» (р. 202/434). При проведении сравнительного анализа истории и социальной структуры России и Соединенных Штатов профессор Сорокин стремится показать, что между двумя странами нет непримиримого противоречия, и приходит к выводу, что существует прочная основа для дружбы, основанной на «совместной борьбе с извечными общими врагами обоих народов»: болезнями, нищетой и преступностью во всем мире (р. 178/414). Гарвардский исследовательский центр альтруистической интеграции и творчества, в котором автор является директором, недавно экспериментально доказал, что в то время как «агрессивность порождает агрессивность», «дружба порождает дружбу» (р. 179/413). Чтобы избежать войны, это положение необходимо применять на международном уровне, хотя в то же время «совершенно очевидно, что необходим глубокий умственный и нравственный переворот, чтобы сделать дух более идеалистическим и возвышенным» (р. 202/434).

У профессора Сорокина в Соединенных Штатах высокая репутация как социолога. Переиздание его книги в Англии не создаст ему репутации историка России или специалиста по Советскому Союзу. В диком хаосе преувеличений, искажений, полуправды и простых ошибок эта книга стремится провести исторические и социальные параллели между Россией и Соединенными Штатами, гораздо более тесные, чем позволяют это сделать факты, и доказать, что и царская, и советская Россия чуть ли не достигают совершенства. Так, например, несколько удивительно читать, что на момент гитлеровского вторжения «Россия в значительной степени уже вернулась к своим обычным нормам морали и правилам поведения – к уважению человеческих и божеских законов, норм и ценностей» (р. 90/334) и что послевоенные ограничения свободы в России являются исключительно результатом «холодной войны» (р. 144/382, прим. 10*). Как в 1921 г., после окончания гражданской войны, после относительной свободы,

допускавшейся в годы войны, были ограничены почти все свободы как внутри, так и вне коммунистической партии, так и в конце Второй мировой войны небольшие послабления, разрешенные в ходе ее для поддержания боевого духа, были отменены, причем задолго до начала «холодной войны».

(International Affairs. 1951, vol. 27, № 1, January, p. 106–107)

**Russia and the United States. Second edition. By Professor P. A. Sorokin.
(Published under the auspices of the London Institute of World Affairs.)
[London: Stevens & Sons, Ltd. 1950. xi and 209 and (index) 5 pp. 12s. 6d. net.]**

Судя по Предисловию к первому изданию, эта книга основана на ряде лекций, прочитанных автором в Соединенных Штатах. Яркий стиль книги и склонность к упрощению свидетельствуют о том, что эти лекции читались не в академических аудиториях. Главная мысль профессора Сорокина состоит в том, что образ жизни американцев и русских не является несовместимым и что есть прочная основа для взаимопонимания между двумя странами. Основной материал в поддержку этой мысли он черпает из дореволюционной России, которую хорошо знает, чтобы писать о ней, поскольку занимал в ней ряд важных должностей, прежде чем в 1922 г. покинул родную страну и переехал в США. Это ободряющая книга, но можно усомниться в том, что профессор Сорокин достаточно оценил в настоящем издании значение того факта, что российско-американские отношения с 1945 г. все более ухудшаются. Следует внести поправку к утверждению на с. 55/303 о том, что мировые судьи в Англии избираются^{105*}.

(The Cambridge Law Journal. 1952, № 2, p. 333–334)

КОММЕНТАРИИ

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Перевод сделан по первому изданию, титульный лист которого помещен на с. 12.

Главы I–IV переведены А.Ю. Согомоновым, они были опубликованы в книге: *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992, с. 427–505.

Главы V, VII–IX переведены Т.И. Шумиловой под ред. И.Б. Орловой.

Глава VI переведена В.В. Саповым.

Полностью книга была опубликована в сборнике «Встречи с Питиримом Сорокиным». М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003, с. 95–336 (второе издание сборника вышло под названием: *Сорокин П. Кризис нашего времени*. М.: ИСПИ РАН, 2009). Во всех этих изданиях были выпущены составленные автором диаграммы. Кроме того, глава VI печаталась в переводе Т.С. Зиглиной (с рядом пропусков), опубликованном в хрестоматии «Американская социологическая мысль. Тексты». М., 1996, с. 356–371.

При подготовке к настоящему изданию текст перевода тщательно сверен, исправлены незначительные неточности (особенно много их в написании имен собственных на русском языке), восстановлены пропуски и диаграммы. Специально для этого издания переведены авторские предисловия.

После 1941 г. нью-йоркское издательство «E.P. Dutton & Co» выпустило еще несколько дополнительных тиражей книги – в 1942, 1943, 1944, 1945 и 1957 гг. (все эти выпуски считаются первым изданием, хотя к выпуску 1957 г. автор написал специальное предисловие)

На английском языке книга вышла также в Австралии (Sydney: Agnus and Robertson, 1942) и Англии (London: Adam & Charles Black Ltd., 1951).

Второе издание книги вышло в 1992 г.: *The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook*. 2d rev. ed. Oxford: Chatham, 1992.

Книга «Кризис нашего времени» вызвала массу рецензий (перечисляем их в алфавитном порядке авторов; рецензии, отмеченные звездочкой, помещены в Приложениях к настоящему изданию, где они расположены в хронологическом порядке):

**Allers R.* The Crisis: Analysis and Prediction // *Ecclesiastical Review*. 1942, № 2, February p. 181–190;

*Anonimus // *Journal of Educational Sociology*. 1942, vol. 16, № 1: Education in a Postwar World, p. 59–60;

**Aronson M.J.* // *Journal of Social Philosophy and Jurisprudence*. 1942, № 1, p. 184–186;

**Bain R.* Review of *The Crisis of Our Age* // *American Sociological Review*. 1941, № 6, December, p. 907–909;

**Barnes H.E.* Review of *The Crisis of Our Age* // *The American Journal of Sociology*. 1942, vol. 47, May, p. 996–997;

**Bittermann H.J.* // *The Philosophical Review*. 1942, vol. 51, № 6, November, p. 614–616;

**Blackwell G.W.* // *Social Forces*. 1941, vol. 20, № 2, December, p. 271–272;

- **Briefs C.-A.* The Crisis of Our Age // Review of Politics. 1942, vol. 4, № 3, July, p. 315–326;
Case C.M. // Sociology and Social Research. 1942, № 3–4, p. 382–383;
 **Davis K.* // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1942, vol. 221, № 1, January, p. 196–197;
 **Edge H.T.* // Theosophical Forum. 1944, № 2, p. 91–93;
Gaddis V.H. The Coming Spiritual Era // Mind Digest. 1946, June, p. 25–31;
 **H.A.L.* // The Journal of Philosophy. 1942, vol. 39, № 4, February 12, p. 110–111;
Hanley Th.R. Some Interpretations of the Present World Crisis // Bulletin of the National Benedictine Educational Association. 1943, vol. XXV, № 3, March, p. 115–183;
Hook S. Review of The Crisis of Our Age // Books. 1942, 11 January, p. 10;
 **Knight F.H.* // Journal of Political Economy. 1942, vol. 50, № 5, October, p. 783–785;
 **Larrabee H.A.* Sorokin's Defeatism // The Humanist. 1942, March-April, p. 39;
 **Lerner M.* // American Political Science Review. 1942, vol. 36, № 4, August, p. 751–752;
 **Montagu A.* // Isis. 1944, vol. 35, № 1, Winter, p. 46–47;
Pinto C. // Sociologia. 1944. № 1, vol. 6, p. 72–74;
Polak F.L. De Crisis Onzer Eeuw // Mens en Maatschappij. Amsterdam, 1952, Sept., p. 273–289;
Roucek J.S. Review of Crisis of Our Age [Фонд вырезок из газет];
 **Timasheff N.S.* Review of The Crisis of Our Age // Thought. 1941, vol. XVI, № 63, December, p. 610–612;
 **Toynbee A.J.* // Journal of Modern History. 1942, vol. 14, № 3, September, p. 370–372;
Woolbert R.G. The Crisis of Our Age by Pitirim A. Sorokin // Foreign Affairs. 1942, vol. 20, № 3, April.

Предисловие ко второму изданию

- ¹ Имеются в виду следующие переводы и издания «Кризиса нашего времени»:
 на португальский язык: A Crise do Nosso Tempo: Panorama social e cultural. São Paulo: Editora Universitaria, 1945;
 на немецкий язык: Die Krise Unserer Zeit. Ihre Entstehung und Überwindung. Frankfurt am Main: Joachim Heinrich-Verlag, 1950;
 на испанский язык: La Crisis de Nuestra Era. Buenos-Aires: Espasa-Calpe, 1948;
 на голландский язык: De Crisis Onzer Eeuw. Meet een woord voorat J.H. Hoop. Deventer: N. Kluwer, 1950;
 на чешский язык: Krise našeho věku. Praha: Tikařské a vydavatelské družstvo československého obchodnictva, 1948;
 на норвежский язык: [Krisen i vår tid]. Oslo: Statistic Sentralbyra, 1948;
 на финский язык: Aikamme kriisi. Englanninkielestä suom. Kai Kaila. Porvoo: WSOY, 1952;
 на японский язык: [The Crisis of Our Age: The Social and Cultural Outlook]. Tokyo: Kitaro Sekine, 1952. — 13

² Принцип неопределенности В. Гейзенберга – фундаментальное положение квантовой теории, утверждающее, что любая физическая система не может находиться в состояниях, в которых координаты ее центра инерции и импульс одновременно принимают вполне определенные точные значения. См.: *Гейзенберг В., Шредингер Э., Дирак П.* Современная квантовая механика. М.-Л., 1934. – 14

³ *Экзистенциализм* (от *позднелат.* *existentia* – существование) – философия существования, возникшая накануне Первой мировой войны в России (Л. Шестов, Н. Бердяев), после Первой мировой войны в Германии (М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер) и в период Второй мировой войны во Франции (Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, А. Камю, С. де Бовуар и др.).

Интуитивизм – направление в философии, рассматривающее интуицию в качестве единственно достоверного способа познания (в России – Н.О. Лосский; во Франции – А. Бергсон).

Неотомизм – философская школа, исходящая из учения Фомы Аквинского (учение которого называется «томизмом» – по латинской форме его имени Thomas); с 1879 г. получила официальное признание Ватикана. Наиболее известные неотомисты – Э. Жильсон, Ж. Маритен (Франция), В. Бруггер, Д. Мерсье, И. де Фриз (Германия) и др.

Интегрализм – философское направление, к которому причислял себя и сам П.А. Сорокин. Одним из крупнейших интегралистов XX в. был индийский мыслитель Ауробиндо Гхош (1872–1950); свою статью в сборнике, посвященном Ауробиндо, Сорокин озаглавил «Интегральная йога Шри Ауробиндо». В ней, в частности, говорится: «Интегральная йога Шри Ауробиндо – это попытка дать синтез всех главных йог и их философских учений. Она стремится интегрировать в одну систему их важнейшие элементы, равно как и все ценное в западной науке и религии» (The Integral Philosophy of Sri Aurobindo. A Commemorative Symposium. London, 1960, p. 205; цит. по: Литман А.Д. Современная индийская философия. М., 1985, с. 141). См. также: Sorokin P. Integralism Is My Philosophy // This Is My Philosophy. New York, 1957 (рус. перевод: Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1991, № 10, с. 134–139).

Под *неомистицизмом* П.А. Сорокин подразумевает такие «модные» в начале XX в. учения, как теософия и антропософия (Е. Блаватская, Р. Штейнер и др.), и таких философов, как У. Джеймс, Симона Вайль, А. Бергсон и др. Об оккультизме XX в. подробнее см.: Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм? Критические очерки. М., 1984.

Неоведантизм – философское учение, разработанное на основе «веданты» (философской основы индуизма) Рамакришной, Свами Вивеканандой, Свами Абхеданандой и др. Подробнее см.: Литман А.Д. Современная индийская философия. М., 1985, с. 73–87. — 13

^{4*} Выражение из «Геттисбергской речи» («Gettysberg Address»), произнесенной президентом США А. Линкольном 19 ноября 1863 г. на национальном военном кладбище города Геттисберг (штат Пенсильвания), в районе которого 1–3 июля 1863 г. произошло решающее сражение в ходе Гражданской войны между Севером и Югом. Речь Линкольна заканчивалась знаменитыми словами: «...Все мы, собравшиеся здесь, должны проникнуться твердой убежденностью в том, что эти люди погибли не напрасно; что народ наш по воле Бога еще узрит новое рождение свободы; что правительство из народа, волей народа и ради народа никогда не погибнет» (цит. по: «Сделать прекрасным наш день...») Публицистика американского романтизма. М., 1990, с. 464). — 15

^{5*} Текст данного Предисловия почти дословно совпадает с заключительным параграфом («Конец дороги») сокращенного однотомного издания «Социальной и культурной динамики», вышедшего в том же 1957 г. См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006, с. 885–887. — 15

Предисловие и выражение признательности

^{1*} Институт Лоуэлла (Lowell Institute), основанный в Бостоне в 1836 г., спонсировал бесплатные публичные лекции и другие образовательные программы. На протяжении десятилетий тысячи слушателей посещали лекции, которые читали ведущие ученые Америки и всего мира на самые разные темы: от науки и искусства до литературы и политических событий в мире.

Основателем Института был Джон Лоуэлл-младший (1799–1836), сын крупного промышленника Френсиса Кабота Лоуэлла, занимавшегося текстильным производством и торговлей. По причине плохого здоровья он не смог окончить Гарвардский университет и, начиная с 1820-х гг., сосредоточился на бизнесе отца и политической карьере в Сенате штата Мас-

сачусетс. В 1830–1831 гг. за считанные месяцы скоропостижно умерли от скарлатины его жена и обе дочери. В 1832 г., отойдя от дел, он отправился в путешествие по Европе, Азии и Африке. Умер в Бомбее 4 марта 1836 г. Согласно оставленному им завещанию, был основан фонд, названный его именем.

Фонд, или, как он стал называться, институт Лоуэлла, по завещанию его основателя, должен был иметь одного попечителя, уполномоченного назначать своего преемника исключительно «из числа мужских наследников Джона Лоуэлла (деда основателя), достаточно компетентного для этой должности и носящего фамилию Лоуэлл».

Согласно этому завещанию, первым попечителем института (после смерти его основателя) стал его двоюродный брат Джон Амори Лоуэлл (1798–1881), тоже бизнесмен и филантроп, человек большого интеллекта, при котором институт заработал чрезвычайно высокую репутацию. Среди лекторов Института было много всемирно знаменитых деятелей в области науки, литературы, политики, экономики, философии и теологии (в том числе знаменитый английский геолог Чарльз Лайель, швейцарский натуралист Луи Агасси, такие писатели, как Чарльз Диккенс и Уильям Теккерей).

Эбботт Лоуренс Лоуэлл (1856–1943), по приглашению которого читал свои лекции П.А. Сорокин, был правнуком первого попечителя Института, возглавлявшим его в течение более сорока лет (с 1900 г.) и унаследовавшим эту должность от своего отца. По образованию он был юристом и педагогом, а его политические взгляды отличались крайним консерватизмом, что отразилось и на выборе лекционных курсов, и на составе приглашаемых лекторов. Типичными были такие темы: «Война 1812 года», «Развитие хоровой музыки», «Миграция птиц», «Американские ораторы» и т. п. Лекций на темы современной литературы и текущих политических событий, как правило, не было. Таким образом, лекции П.А. Сорокина являются своеобразным исключением, обусловленным, может быть, чрезвычайно тревожной и опасной политической ситуацией того времени, а отчасти и личными симпатиями Э.Л. Лоуэлла к Сорокину. Немаловажным обстоятельством, надо думать, было и то, что одновременно с должностью попечителя Института Лоуэлл был президентом Гарвардского университета, где в эти годы работал Питирим Сорокин. — 16

^{2*} См.: Socio-Cultural Trends in Euro-American Culture During the Last Hundred Years // A Century of Social Thought; a series of lectures delivered at Duke university during the academic year 1938-1939 as a part of the centennial celebration of that institution. Durham, N.C.: Duke University Press, 1939, p. 96-125; Chaotic Syncretism, Quantitative Colossalism, and Diminishing Creativeness of Contemporary Sensate Culture // Catholic Sociological Review. 1941, March, p. 1–22. — 16

Глава первая

^{1*} Имеется в виду «великая депрессия», начавшаяся с обвала на нью-йоркской бирже 29 октября 1929 г., когда за несколько часов Уолл-стрит потерял на падении курса акций более 10 млрд. долларов. В период с 1929 по 1932 гг. валовой национальный продукт США упал со 103 млрд. долларов до 58 млрд., численность безработных в стране достигла в 1932 г. 12 млн. человек. — 17

^{2*} Лига Наций – международная организация, действовавшая в 1919–1939 гг. и объединявшая 44 государства, которые или принимали участие в Первой мировой войне на стороне Антанты, или сохраняли нейтралитет. СССР стал членом Лиги Наций в 1934 г. (исключен 14 декабря 1939 г. за развязывание агрессивной войны против Финляндии); США не ратифицировали устав Лиги Наций и не вошли в состав ее членов, хотя сама идея ее создания исходила от президента Соединенных Штатов В. Вильсона. — 18

^{3*} *Epitheta opprobria* (лат.) – бранные эпитеты. — 18

^{4*} Имеется в виду Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г.; в войне участвовали 62 государства из 73 существовавших на тот момент. США вступили во Вторую мировую войну 7 декабря 1941 г. после нападения японской авиации на американскую военную базу Пёрл-Харбор. — 18

^{5*} «Верую» (лат.) – так называемый «символ веры». Начинаясь с этого слова молитва представляет собой краткий свод догматов христианского вероучения. — 20

^{6*} Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого, и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков... и т. д. вплоть до ...Исповедую единое крещение во отпущение грехов. Ожидаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь (лат.). — 20

^{7*} Части литургии: «Аллилуйя», «Слава», «Господи помилуй», «Верую», «Агнец Божий»; церковные службы: «Месса», «Реквием» (лат. и греч.). — 20

^{8*} *Dies irae, dies illa* – Тот день, день гнева (лат.), начальные слова католического песнопения, изображающего Страшный Суд; цитата из гимна, сочиненного в XIII в. итальянским монахом Фомой Челано на библейские слова (Соф. I, 15–16): «День гнева – день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранною крика против укрепленных городов и высоких башен». В переносном смысле – мрачная, печальная эпоха. — 22

^{9*} Имеются в виду Ноябрьская революция в Германии и последовавшее за ней окончание Первой мировой войны. Началом революции считается восстание матросов в Киле 4 ноября 1918 г., 9 ноября была провозглашена республика, днем же окончания считается 11 августа 1919 г.: в этот день президент Ф. Эберт подписал Веймарскую конституцию («Веймарская республика» просуществовала до прихода к власти Гитлера в 1933 г.).

На следующий день после провозглашения республики, т. е. 10 ноября 1918 г. бывший император Германии Вильгельм II пересек границу Нидерландов, где и оставался до конца жизни, а 28 ноября 1918 г. подписал официальный акт об отречении. В начале 1919 г. после разработки и утверждения Версальского договора, которым официально закончилась Первая мировая война, Вильгельм был объявлен военным преступником и главным виновником мировой войны, поэтому он должен был нести ответственность перед судом международного трибунала. Но правительство Нидерландов отказалось его выдать, а державы Антанты хоть и не настаивали на выдаче, но обвиняли бывшего германского кайзера, как говорилось в тексте договора, «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Незадолго до смерти бывший германский император еще успел поздравить Гитлера с разгромом Франции в 1940 г. Гитлер не остался в долгу: когда Вильгельм умер 4 июня 1941 г. в уже оккупированных Германией Нидерландах, Гитлер приказал похоронить его со всеми воинскими почестями. — 23

Глава вторая

^{1*} Имеется в виду настенная живопись в катакомбах, обнаруженных в Риме, Александрии, Сиракузах, Неаполе и Пече и использовавшихся для погребения христиан и иудеев. В период гонений на христиан в катакомбах собирались члены общин. В раннехристианском («катакомбном») искусстве якорь символизировал надежду, голубь – Св. Духа, а масличная (оливковая) ветвь – радость и мир. — 28

^{2*} Интровертный (от *lat.* *intro* – «внутри» и *verto* – «поворачиваю», «обращаю»; букв.: «обращенный вовнутрь») – в аналитической психологии К.Г. Юнга психологическая характеристика самоуглубленной личности, направленной на внутренний мир мыслей, переживаний и т. п. Экстравертный тип личности, наоборот, отличается преобладающим интересом к внешним объектам, направленностью на внешний мир и деятельность в нем. — 28

^{3*} *Primus inter pares* (*лат.*) – первый среди равных. — 29

^{4*} Зуны (зуни) – племя североамериканских индейцев. — 30

^{5*} Традиционная периодизация истории Древнего Египта:

Саисский период – время правления XXVI-й династии (664–525 гг. до н. э.), когда столицей Египта был г. Саис в дельте Нила; саисская династия была свергнута в результате персидского вторжения.

Птолемеевский период – время правления династии Птолемеев (IV-I вв. до н. э.), основателем которой стал диадох Александра Македонского Птолемей I Сотер (время правления 323–283/282 гг. до н. э.); формально последним правителем эллинистического Египта был Птолемей XV Филопатор Филометор Цезарь (47–30 до н. э.), сын египетской царицы Клеопатры VII и Юлия Цезаря, вошедший в историю под именем Цезариона (он правил совместно с матерью). В 30 г. до н. э. после поражения при Акциуме Клеопатра покончила с собой, а Цезариона новый правитель Египта Октавиан Август приказал умертвить.

Римский период истории Египта начинается с 30 г. до н. э. С этого времени Египет стал провинцией Римской империи под управлением проконсула, назначаемого из Рима. Территория провинции практически совпадала с территорией современного Египта, за исключением Синайского полуострова. В таком статусе Египет просуществовал до 395 г., когда после разделения Римской империи на Западную и Восточную он вошел в состав Восточной империи. — 30

^{6*} Вафио – селение на севере Пелопоннеса, близ которого в разрушенной культовой гробнице были найдены два золотых кубка с чеканными рельефами, натуралистически изображающими быков, пасущихся на воле, и укрощение быка человеком. Кубки датируются XVI в. до н. э. и, вероятно, вывезены с Крита. В настоящее время хранятся в Афинском Национальном музее. См.: Эгейское искусство. М., 1972, репродукции 139–144. — 31

^{7*} *Par excellence* (*фр.*) – по преимуществу. — 32

^{8*} *Primi inter pares* (*лат.*) – первые среди равных. — 32

^{9*} Амброзианское (амвросианское) пение – нововведение Амвросия Медиоланского, сделанное весной 38 г., в то время, когда миланские базилики были оцеплены войсками. Если раньше в церкви пел или читал один певчий, которому время от времени отвечал народ, певший припев или отвечавший ему, то теперь было введено настоящее церковное пение с хором специально обученных певчих, который мог петь музыкальные сочинения, в том числе и антифонно с народом. По сравнению с грегорианским пением, амвросианское кажется более простым, свободным и непосредственным. Подробнее см.: *Парели А.* Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан, 1985, с. 229–236.

Грегорианские песнопения – канонические католические хоралы, названные так в честь папы Григория Великого (лат. *Gregorius*) (ум. 604 г.), при котором впервые было начато упорядочение молитвенных текстов и строгое распределение их по датам церковного года. Григорий и его последователи стремились придать песнопениям характер отрешенности от всего земного, мистического созерцания, религиозного экстаза. Вместе с тем песнопения обобщили многовековой опыт развития музыкальной культуры, впитали художественно ценные элементы песенности различных народов. Песнопения исполнялись мужским хором

в унисон на слова текстов, заимствованных из Библии; преобладали звуки равной длительности (*cantus planus* – медленное пение). С усвоением церковной музыкой многоголосия грегорианское песнопение осталось тематической основой полифонических культовых произведений. — 33

^{10*} См. прим. 7* на с. 523. — 33

^{11*} Не для прославления страстей людских, не для убажания алчности переходящей... а ради преумножения хвалы и славы имени Божия» (*лат.*). — 34

^{12*} *Weltanschauung* (*нем.*) – мировоззрение. — 34

^{13*} Трубадуры (*фр.* *troubadour*) – средневековые странствующие поэты-певцы. Искусство трубадуров было распространено в XII–XIII вв. в Провансе и в переводе означало «слагать стихи».

Труверы (*фр.* *trouvère*; *trauver* – «находить», «придумывать») – французские средневековые странствующие поэты-певцы. Искусство труверов было близко искусству трубадуров.

Миннезингеры (*нем.* *Minnersinger*; *Minne* – «любовь» и *Singer* – «певец») – немецкие средневековые поэты-певцы. Искусство миннезингеров, прославляющее рыцарскую любовь, было распространено в Германии в XII–XIII вв. — 37

^{14*} «Хелианд» – памятник древнесаксонского эпоса начала IX в. Его тема – жизнь Христа. Евангелический рассказ сильно упрощен и германизирован. Сам же Христос изображен в облике германского вождя. Эпос служил популяризации христианства среди недавно обращенных саксов.

«Песнь о Хильдебранде» – древнейшее произведение германской героической поэзии. Сохранился лишь фрагмент «Песни», случайно уцелевший на страницах обложки трактата богословского содержания начала IX в., который представляет собой копию более древнего оригинала. Историческая основа «Песни о Хильдебранде» – эпоха «великого переселения народов» – борьба основателя остготского государства в Италии Теодориха Великого (ок. 452–526 гг.) с Одоакром, низложившим в 476 г. последнего западно-римского императора.

«Песнь о Роланде» – памятник французского героического эпоса. Древнейшая редакция текста относится, по-видимому, к концу XI – началу XII в. В основе поэмы лежат исторические события VIII в. В 778 г. аррьергард армии Карла Великого был уничтожен басками в Пиренейских горах. Среди погибших франков был и глава «бретонской марки» Роланд. В народной поэме эти события приобрели несколько иные очертания: баски заменены сарацинами, а одногодичный испанский поход Карла превращен в семилетнюю войну.

«Паломничество Карла Великого в Иерусалим и Константинополь» – французская эпическая поэма XII в., включающая много комических и буффонных эпизодов; написана двенадцатисложным ассонансированным стихом и насчитывает 870 строк. — 37

^{15*} Эмпаир Стэйтс Билдинг, Дом Крайслера, Радио-сити – крупнейшие небоскребы Нью-Йорка. Фирменный небоскреб компании Крайслер строился в 1928–1930 гг. и состоит он из 77 этажей. Эмпаир Стэйтс Билдинг – самый крупный небоскреб Нью-Йорка и Америки, строился всего 14 месяцев – с февраля 1930 г. по апрель 1931 г.; он занимает центральное положение в городе, а его вершина стала популярной обсервационной точкой, откуда наблюдают панораму Нью-Йорка с высоты 102-го этажа. — 37

^{16*} *Blütezeit* (*нем.*) – время цветения, эпоха расцвета. — 41

^{17*} Шедевр, совершенство (*фр.*). — 42

^{18*} Источник выражения – старинная немецкая песня, приписывающая поговорку «кто не любит вина, женщин и песен, тот всю свою жизнь – дурак» Мартину Лютеру: «*Die Kippe*

stets voll Futter! Wernicht liebt Wein, Weib und Gesang, Der bleibt ein Narr sein Leben lang, sagt Doctor Martin Luter» [«Стол от харчей да будет тесен! А “кто не любит баб, вина и песен, всю жизнь свою — дурак”, – доктор Мартин Лютер говорит нам так)]. Девиз «вино, женщины, песня», неоднократно встречающийся на страницах «Социальной и культурной динамики» и других произведений П.А. Сорокина, является, по его мнению, наиболее характерным (наравне с горациевым «Carpe diem» – «Лови день!») выражением философии и умонастроения эпикурейства. Один из возможных источников П.А. Сорокина – книга Р.У. Эмерсона «Представители человечества», в которой цитируются эти слова. В главе «Монтень, или Скептик» Эмерсон пишет: «Они [“практики”] считают, что Лютер был весьма неглуп, когда сказал:

Кто жен, вина и песен не любил,
Тот дураком всю жизнь свою прожил».

(Цит. по: «Сделать прекрасным наш день...» Публицистика американского романтизма. М., 1990, с. 345).

Другой и, наверное, самый вероятный источник Сорокина – стихотворение Г. Гейне «Моему брату Максусу», в котором выражена та же самая мысль:

Мудрый Лютер так и рубит:
Лишь дурак пустой не любит
Женщин, песен и вина, –
Это знал ты, старина.

(Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1971, с. 418). — 43

^{19*} См. прим. 11* на с. 525. — 45

^{20*} Собратья, коллеги (*фр.*). — 45

^{21*} *Humane laudis amore et temporalis premii cupiditate* (*лат.*) – для прославления страстей людских, для улаживания алчности преходящей. Перефразированное высказывание Теофила (см. прим. 11* на с. 525). — 45

^{22*} Арбитр изящества, законодатель изящного вкуса (*лат.*). Тацит в «Анналах» (XVI, 18) пишет: «Возвратившись к порочной жизни или, быть может, притворно предаваясь порокам, он [Петроний] был принят в тесный круг наиболее доверенных приближенных Нерона и сделался в нем законодателем изящного вкуса, так что Нерон стал считать приятным и исполненным пленительной роскоши только то, что было одобрено Петронием» (*Тацит К. Сочинения* в 2-х тт. М., 1993, т. 1, с. 319). – 46

^{23*} Перечислены следующие музыкальные и драматические произведения:

«Петрушка (русские потешные сцены в четырех картинах)» – балет И.Ф. Стравинского на либретто А. Бенуа; премьера состоялась 13 июня 1911 г. в парижском театре Шатле. Главный герой балета – традиционный персонаж русских народных кукольных представлений, Петрушка, сделанный из соломы и опилок, в котором тем не менее просыпается жизнь и развиваются эмоции.

«Паяцы» – опера итальянского композитора Р. Леонкавалло, написанная им на собственный сюжет. Премьера состоялась в Милане 21 мая 1892 г. Главный герой оперы Канио («Паяц»), хозяин труппы странствующих комедиантов, убивает свою жену Неддо («Коломбину») и ее возлюбленного Сильвио, после чего актер труппы Тонио объявляет публике: «Комедия окончена».

«Кармен» – опера Ж. Бизе по мотивам одноименной новеллы П. Мериме; премьера состоялась 3 марта 1875 г. в парижском театре «Опера-Комик» (закончилась полным провалом).

«Песни Гурре» – кантата А. Шенберга на текст датского поэта Е.П. Якобсена, премьера которой состоялась в Вене 23 февраля 1913 г. Поэма Якобсена, положенная в основу «Песен

Гурре», повествует о трагической любви датского короля Вальдемара к прекрасной девушке Тове, умерщвленной по приказу его жены, ревнивой королевы Хедвиги.

«Фауст» – опера Ш. Гуно, написанная на сюжет первой части трагедии Гете. Первая постановка состоялась 19 марта 1859 г. в парижском театре «Лирик»; окончательная редакция – 3 марта 1869 г. в «Гранд-Опера»

«Весна священная» – балет И.Ф. Стравинского по либретто Н. Рериха. Премьера состоялась 29 мая 1913 г. в Театре Елисейских полей в Париже. В основу замысла балета лег сон Стравинского, в котором он увидел древний ритуал – молодая девушка в окружении старцев танцует до изнеможения, чтобы пробудить весну, и погибает.

«Император Джонс» – пьеса Ю. О’Нила, поставленная на Бродвее в 1920 г. В 1933 г. по пьесе был снят кинофильм, главную роль в котором исполнил Поль Робсон. Сюжет пьесы таков: чернокожий американец Брут Джонс убегает с Юга на Север, чтобы избавиться от расовой дискриминации. Он устраивается работать носильщиком, совершает преступление и попадает в тюрьму, из которой убегает, убив охранника. В конце концов убийца и беглый каторжник становится императором острова в Карибском море и творит насилие над народом, как белый колонизатор.

«Роберт-дьявол» – опера Дж. Мейербера, премьера которой состоялась 22 ноября 1831 г. в Парижской Опере. Написана на сюжет средневекового «Миракля о Роберте Дьяволе» (1380). Мать Роберта рассказывает ему о том, что она долгое время была бесплодна. Так как ей очень хотелось иметь ребенка, она обратилась с просьбой к дьяволу, потому что ни Бог, ни все святые не смогли ей помочь. Вскоре у нее родился сын Роберт, который является порождением дьявола. Этим и объясняются творимые им жестокости. Однако Роберт сумел раскаяться и заслужить прощение у Бога. Считается, что его историческим прообразом был герцог Нормандии Роберт I Дьявол, он же Роберт Великолепный (ок. 1000–1035). Желая принести покаяние, он совершил паломничество к святым местам и умер на обратном пути в Никее. Ему наследовал его единственный (незаконнорожденный) сын Вильгельм I Завоеватель. — 49

^{24*} Перечислены главные героини следующих опер:

Манон – героиня оперы Дж. Пуччини «Манон Леско» (1893), написанной по одноименному роману аббата Прево;

Таис – героиня лирической оперы Ж. Массне «Таис» (1894), написанной по мотивам одноименного романа А. Франса;

Саломея – героиня музыкальной драмы Р. Штрауса «Саломея» (1905), написанной на библейский сюжет по одноименной драме О. Уайльда;

Сафо – героиня оперы Ж. Массне «Сафо» (1897), написанной на сюжет одноименного романа А. Доде о любви невинного молодого человека из деревни к искушенной парижанке; «Исламей» – музыкальная фантазия М.А. Балакирева (1869) на восточные темы;

Тамара – героиня одноименной симфонической поэмы М.А. Балакирева (1882), написанной на сюжет одноименного стихотворения М.Ю. Лермонтова;

Аида – героиня одноименной оперы Дж. Верди (1871). — 49

^{25*} Opera bouffe (*итал.*) – опера-буффа, итальянская комическая опера, возникшая в XVIII в. на основе интермедий и народно-песенной традиции (в противовес опере-серии, создаваемой на основе героико-мифологического или легендарно-исторического сюжета с четким распределением сценического действия и музыки). — 49

^{26*} Бэббит и Элмер Гентри – имена героев одноименных романов С. Льюиса, изданных, соответственно в 1922 и 1927 гг. Бэббит – классический образ стандартного американского обывателя, а в образе Элмера Гентри Льюис изобразил пройдоху-церковника, делающего успешную карьеру. Оба имени вскоре стали нарицательными. — 50

^{27*} We kiss and the angels sing – песня Джонни Мерсера (1909–1976), американского поэта-песенника, композитора и певца. — 51

^{28*} «Небеса могут подождать» (Heaven Can Wait) – лирическая комедия режиссера Э. Любича, снятая в 1943 г. по пьесе венгерского драматурга Ладислауса Бус-Фекете «Дни рождения». В 1944 г. фильм был выдвинут на «Оскар» по трем номинациям. — 51

^{29*} «Роман о Розе» («Roman de la Rose») – памятник французской средневековой литературы. В первой части поэмы, написанной в 20-е гг. XIII в. Гильомом де Лоррисом, в форме аллегорического сновидения автора рассказывается о любви поэта к Розе, олицетворяющей и идеальную женственность и божественную благодать; наравне с Розой фигурируют персонифицированные пороки и добродетели. Вторая часть поэмы написана ок. 1260 г. клириком Жаном де Меном, выступающим за свободную любовь, разум, равенство людей и сатирически изображающим нравы своей эпохи. Русский перевод поэмы опубликован в 2007 г. (*Г. де Лоррис, Ж. де Мен. Роман о Розе. М., 2007, перевод и комментарии И.Б. Смирновой*). — 51

^{30*} Дадаизм (*фр.* dadaisme, от dada – «конек», «деревянная лошадка»; в переносном смысле – «бессвязный детский лепет») – модернистское литературно-художественное течение, существовавшее между 1916 и 1922 г. Возникло в Цюрихе в среде анархистствующей интеллигенции, воспринявшей Первую мировую волну как развязавшую в человеке известные зверские инстинкты, а разум, мораль и эстетику – как их лицемерную маскировку. Отсюда проистекали программный иррационализм и крайне нигилистический, демонстративно циничный антиэстетизм дадаистов, их своего рода художественное хулиганство. Методы дадаистов (художники французы М. Дюшан, Ф. Пикабия, Ж. Арп, немцы М. Эрнст и К. Швиттерс, французский поэт, румын по происхождению Т. Тцара, немецкий поэт Р. Хюльзенбек, румынский писатель М. Янко и др.) сводились к разного рода скандальным выходкам – заборным каракулям, псевдотехническим чертежам, бессмысленным сочетаниям слов и звуков, комбинациям случайных предметов или наклейкам на холсте и т. д. В «Дадаистском манифесте 1918 года», написанном Рихардом Хюльзенбеком, говорится: «Слово “Дада” символизирует примитивнейшее отношение к окружающей действительности, вместе с дадаизмом в свои права вступает новая реальность. Жизнь предстает как одновременная путаница шорохов, красок и ритмов духовной жизни, которая без колебаний берется на вооружение дадаистским искусством со всем сенсационным гвалтом и лихорадкой ее лихого повседневно-языка, во всей ее жестокой реальности... Дадаизм не противостоит жизни эстетически, но рвет на части все понятия этики, культуры и внутренней жизни, являющиеся лишь одеждой для слабых мышц... Дада – это клуб, основанный в Берлине, в который можно вступить, не беря на себя никаких обязательств...» (Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М, 1986, с. 319–320). — 51

^{31*} Слово «кубисты» впервые было употреблено в 1908–1909 гг. французским критиком Л. Воселем как насмешливое прозвище группы художников, изображавших предметный мир в виде комбинации геометрических тел и фигур. Термин «кубизм» вначале обозначал формальный эксперимент, предпринятый во Франции между 1907 и 1914 г. небольшими группами художников под влиянием П. Сезанна, африканской скульптуры и искусства примитивистов. К числу кубистов относятся П. Пикассо, Ж. Брак, Х. Грис и др. (в литературе – Г. Аполлинер, М. Жакоб, А. Сальмон, Г. Стайн и др.).

Различают ранний, «сезанновский» период кубизма (1907–1909) и «аналитический» период (1910–1912), когда предмет изображения окончательно разлагается, дробится на мелкие грани, которые четко отделяются друг от друга, а предметная форма как бы расплывается на холсте. В последней, «синтетической» стадии (1912–1914) картины, выполненные в манере кубизма, превращаются в красочные плоскостные панно. — 51

^{32*} Викторианская Англия – Англия времен королевы Виктории, годы правления которой (1837–1901) совпадают с периодом наивысшего расцвета Британской империи. Поэтому ее имя приобрело характер своеобразного символа процветания, а период ее правления получил название «викторианского века». В ряде случаев П.А. Сорокин расширяет это понятие до «викторианской Европы». См. также примечание 3* на стр. 578–579. — 52

^{33*} Во множестве, здесь: массовым тиражом (*фр.*). — 53

^{34*} Проявление ловкости, изобретательности (*фр.*). — 54

^{35*} См. прим. 8* на с. 524. — 55

^{36*} Помни о смерти (*лат.*). — 56

^{37*} Пуантилизм (от *фр.* pointiller – «писать точками») – в живописи одно из названий системы, принятой неоимпрессионизмом, – письма мелкими мазками правильной формы. — 56

^{38*} Визави, напротив, лицом к лицу (*фр.*). — 57

^{39*} Король умер! Да здравствует король! (*фр.*). — 58

^{40*} Порыв, стремление (*фр.*). — 58

Глава третья

^{1*} 1 Кор. 3, 19. — 59

^{2*} Стремлюсь к познанию Бога и души. – Неужели ничего сверх этого? – Решительно ничего (*лат.*) – цитата из «Монологов» Августина. — 59

^{3*} Ин. 18, 37–38. — 59

^{4*} Приведенные П.А. Сорокиным цитаты заимствованы из сочинений: *Тацит К.* *Анналы*, XV, 44; *Плиний Младший.* *Письма*, X, 96; *Марк Аврелий.* *Размышления*, XI, 3; *Светоний.* *Жизнь двенадцати цезарей*: Нерон, XVII; *Цельс.* *Правдивое слово (Ориген. Против Цельса, I, 9)* (См.: *Ранович А.Б.* *Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства.* М., 1990, с. 461, 462; *Письма Плиния Младшего.* М., 1984, с. 205). — 61

^{5*} См.: *Ранович А.Б.* *Указ. соч.*, с. 184. — 61

^{6*} Сорокин имеет в виду известный фрагмент 1-го Послания Апостола Павла к Коринфянам (1, 25). Там же Апостол Павел вопрошает: «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие» (1, 20). — 61

^{7*} П.А. Сорокин ссылается на широко известный фрагмент из сочинения одного из «отцов церкви», пресвитера Карфагенского, Квинта Септилия Тертуллиана «О теле Христовом» (гл. V). Тертуллиан, хоть и был материалистом в философии, строго разделял знание от веры. Перифраза этой цитаты – «Credo, quia absurdum» («Верю, потому что нелепо») – прочно вошла в научный обиход для и характеристики слепой веры, противоположения религиозной веры научному познанию. — 62

^{8*} См. выше прим. 2*. — 62

^{9*} Основное положение сенсуалистов, сформулированное Дж. Локком в трактате «Опыт о человеческом разуме». Впервые эта мысль была высказана еще Аристотелем («О душе», III, 81). Немецкий философ Г.В. Лейбниц в трактате «Новый опыт человеческого разума»,

не отвергая в принципе это положение, вводит в него априорный элемент: «Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущениях, кроме самого сознания». — 62

^{10*} См. прим 16 на с. 525. — 67

^{11*} См. прим. 12* на с. 525. — 69

^{12*} *Care diem* (лат.) – лови день; выражение Горация («Оды», I, 11, 8): «Пользуйся днем (настоящим), меньше всего доверяй будущему». — 71

^{13*} «Время бежит, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» (лат.). Измененная форма стихотворной строки, приписываемой немецким поэтом Возрождения Матвеем Борбонием франкскому императору Лотарю I (IX в.). Первая часть фразы – «время бежит» – представляет собой сокращенный вариант строки из «Георгики» Вергилия: «Между тем бежит, бежит безвозвратное время» (III, 284). — 71

^{14*} Всепожирающее время (лат.) – часть стихотворной строки из «Метаморфоз» Овидия: «Время – снедатель вещей – и ты, о завистница старость, все разрушаете вы» (XV, 234–235). — 71

^{15*} Соответствие вещи и представления (о ней) (лат.). Определение истины, данное Фомой Аквинским (*Thomas von Aquin. De veritate. q.1 a.1*). — 72

^{16*} Универсалия (от лат. *universalis* – «общий») – общее понятие («идея»). — 72

^{17*} Номинализм (от лат. *nomen* – «имя», «наименование») – учение, отрицающее онтологическое значение универсалий, т. е. утверждающее, что универсалии существуют не в действительности, а только в мышлении. — 72

^{18*} *Universalia sunt nomina* (лат.) – универсалии суть имена. — 72

^{19*} *Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir* (фр.) – знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь. Перефразированный девиз позитивизма, сформулированный О. Контом (у Конта вместо «чтобы мочь» – «чтобы избежать»). — 72

^{20*} Инструментализм – философское учение, разработанное Дж. Дьюи и являющееся разновидностью прагматизма. Для инструментализма, считающего сознание одним из средств приспособления к изменяющимся условиям среды, логические понятия, идеи, научные законы и теории – лишь инструменты, «орудия», «ключи к ситуации», «планы действия», а истина – это нечто «обеспечивающее успех в данной ситуации». Исходя из понятия «ситуации» и выделяя в качестве главных ее моментов «организм» (животное, человек, общество) и «среду», инструментализм считает основной проблемой отношения «организма» к «среде» (причем «организм» рассматривается как нечто первичное). В области социальных наук сторонники инструментализма отрицают реальность общественных классов, оперируя такими абстракциями, как «общество», «личность», «государство». Инструментальная теория прогресса (так наз. мелиоризм) утверждает, что прогресс состоит не в достижении обществом определенных целей, а в самом процессе движения.

Операционализм — направление в методологии и философии науки, сводящее теоретическое знание к эмпирическим процедурам измерения. Основатель операционализма — американский физик и философ Перси Уильям Бриджмен (1882–1961). — 73

^{21*} Пуанкаре А. О науке. М., 1990, с. 404–405 (Наука и метод, кн. I, гл. III: Математическое творчество, II). — 77

^{22*} См.: *More L. Isaac Newton. New York, 1934, p. 288.* — 78

^{23*} Цитата из амулета (или «Мемориала») Паскаля – текста на узкой полосе пергамента, который Паскаль хранил до своей смерти в подкладке камзола; представляет собой своеобразный конспект мистического озарения, пережитого им в ночь с 23 на 24 ноября 1654 г. Текст Амулета Паскаля полностью приведен в книге П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914, с. 577–581). См. также: *Pux A.* Блез Паскаль. Отчаянность веры. М., 2001. — 78

^{24*} См.: *Rossmann J.* The Psychology of Inventor. Washington, 1931, p. 101. — 78

^{25*} Цит. no: *John O.W.A.* Mozart. Leipzig, 1859, Bd. III, S. 423–425. — 79

^{26*} *Coincidentia oppositorum* (лат.) – совпадение противоположностей. Согласно Николаю Кузанскому («О видении Бога»), «Бог видим по ту сторону совпадения противоположностей и его видение есть бытие». «У дверей совпадения противоположностей, которые стережет ангел, встав у входа в рай, я начинаю теперь видеть Тебя, Бога моего: Ты там, где говорить, слышать, вкушать, осязать, рассуждать, знать и понимать – одно и то же, где совпадает видеть и быть видимым, слышать и быть услышанным, вкушать и быть вкушаемым, осязать и быть осязаемым, говорить и слышать, творить и говорить» (*Николай Кузанский.* Сочинения в 2-х тт. М., 1980, т. 2, с. 53, 54). — 80

^{27*} См. прим. 12* на с. 525. — 82

^{28*} Как если бы (*нем.*). Выражение «как если бы» впервые употребил И. Кант в «Критике чистого разума»: «...Разум предписывает нам рассматривать все связи в мире согласно принципам систематического единства, стало быть, так, как если бы все они возникали из одной-единственной всеохватывающей сущности как высшей и вседвлюющей причины. Отсюда ясно, что разум может иметь при этом целью не что иное, как свое собственное формальное правило при расширении своего эмпирического применения, а вовсе не расширение за все пределы эмпирического применения...» (*Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994, с. 409).

«...Регулятивный закон систематического единства требует, чтобы мы изучали природу так, как если бы повсюду бесконечно обнаруживалось систематическое и целесообразное единство при возможно большем многообразии; ибо, хотя мы можем узнать или открыть только малую долю этого совершенства мира, тем не менее законодательству нашего разума присуще везде искать и предполагать его; руководствоваться этим принципом при исследовании природы всегда должно быть полезно и никогда не может быть вредно. Но из такого представления о положенной в основу идее высшего Творца ясно, что я полагаю в основу не существование такого творца и знание о нем, а только идею его и, собственно, делаю выводы не из этой сущности, а только из ее идеи, т. е. из природы вещей в мире согласно такой идее» (там же, с. 416).

Немецкий философ Х. Файхингер в своей книге «Философия как если бы [als ob]» (1911) под воиянием идей И. Канта, предлагавшего пользоваться основными мировоззренческими идеями, «как если бы» их объекты были реальны, развил субъективно-идеалистическую концепцию фикционализма, или «критического позитивизма», согласно которой научные и философские понятия – это фикции, не имеющие научного значения, но практически важные. Подробнее см.: *Бакрадзе К.С.* Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960. — 83

^{29*} См. прим. 15* на с. 530. — 83

^{30*} «Венский кружок» – группа, явившаяся идейным и организационным ядром движения логического позитивизма; организован в 1922 г. М. Шликом при кафедре философии индуктивных наук Венского университета; в состав Венского кружка входили Р. Карнап, Ф. Вайс-

ман, Г. Фейгель, О. Нейрат, Г. Ган, В. Крафт, К. Гёдель и др. философы, сформулировавшие исходные положения логического позитивизма. — 84

^{31*} «Аналитическим (поясняющим) суждением» Кант называет такое суждение, в котором «предикат В принадлежит субъекту А как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии А» (*Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994, с. 37). «Например, если я говорю, что все тела протяженны, то это суждение аналитическое. В самом деле, мне незачем выходить за пределы понятия, которое я сочетаю со словом тело, чтобы признать, что протяжение связано с ним, мне нужно только расчленив это понятие, т. е. осознать всегда мыслимое в нем многообразное, чтобы найти в нем этот предмет. Следовательно, это – аналитическое суждение» (там же). — 84

^{32*} Буквальный перевод с английского. Возможно, это знаменитое изречение из «Дао дэ цзин» (§ 56): «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает» (Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х тт. М., 1972, т. 1, с. 131). Но вероятнее всего это перевод изречения «Лао-Тсе» из книги Л.Н. Толстого «Путь жизни»: «Умные не бывают учены, ученые не бывают умны» (*Толстой Л.Н.* Путь жизни. М., 1993, с. 255). — 84

^{33*} Афоризм Прудона, который свой трактат «Что такое собственность?» начинает словами: «Если бы мне надо было ответить на вопрос: “*Что такое рабство?*” – я ответил бы: “*Это убийство*”, и мысль моя была бы сразу же понятна. Мне не было бы нужды в длинных рассуждениях, чтобы показать, что право отнять у человека его мысль, волю, его личность есть право над его жизнью и смертью и сделать человека рабом – значит убить его. Почему же на другой вопрос: “*Что такое собственность?*” – я не мог бы ответить просто, не боясь быть непонятым: “*Это кража*”, – тем более что это второе предложение является лишь перефразированным первым» (*Прудон П.Ж.* Что такое собственность? М., 1998, с. 14). — 84

^{34*} Homo faber (*лат.*) – человек, созидающий орудия труда.

«Если бы мы могли отбросить все сомнения, – писал А. Бергсон, – если бы при определении нашего вида мы точно придерживались того, что дают нам исторические и доисторические времена для справедливой характеристики человека и интеллекта, мы не говорили бы, быть может, Homo Sapiens, но Homo Faber... Интеллект, рассматриваемый в его исходной точке, является способностью фабриковать искусственные предметы, в частности из орудий создавать орудия и бесконечно разнообразить их выделку» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. М. – СПб., 1914, с. 124–125). — 85

^{35*} Комплекс – в психоанализе термин, обозначающий такое состояние психической энергии, которое обеспечивает ее направленность на внешний мир или на самого себя. Например, чтобы сориентировать себя на сосание материнской груди, младенцу нужно затратить, или «катектировать» (высвободить), психическую энергию двух видов – объектное либидо и разрушительность. Одновременно он катектирует вторичное нарциссическое либидо и разрушительность на собственный рот и функцию сосания, иначе говоря, обеспечивает энергией осуществляемый ртом процесс сосания. Один из самых знаменитых «комплексов», описанных З. Фрейдом, – «эдипов комплекс», обозначающий группу противоречивых переживаний мальчика по отношению к отцу. В их основе бессознательное влечение к матери и ревность, желание избавиться от соперника-отца. Такие отношения складываются в возрасте 3–5 лет. Страх наказания («комплекс кастрации») со стороны отца вытесняет эти переживания, и они по большей части остаются бессознательными.

Для аналогичных переживаний девочек З. Фрейд ввел термин «комплекс Электры» (Электра – дочь мифического царя Агамемнона и Клитемнестры, убившей вместе с любовником своего царственного супруга. Позднее Электра побудила брата Ореста убить мать и ее любовника). — 86

^{36*} С точки зрения, с позиции (*лат.*). — 86

^{37*} Либи́до – в психоанализе З. Фрейда синоним сексуального влечения, а также синоним влечения к жизни (Эроса). Изначальное значение слова «либи́до» – распущенность, распутство, похоть (см.: *Августин. Исповедь. VIII, V, 10.*) — 86

^{38*} Реликты (резидуа, остатки) и упомянутые ниже деривации – термины социологии В. Парето, который любые теоретические построения, любые идеологические явления считал оправданиями тех или иных действий, имеющими целью придать им внешне логический характер и скрыть их истинные мотивы. В. Парето назвал идеологические системы, обладающие ложным содержанием, деривациями, т. е. производными от чувств (названных им «остатками»), коренящимися в иррациональных пластах человеческой психики. Они являются внутренними биологическими импульсами, детерминирующими социальное поведение человека. К числу «остатков» Парето относит: инстинкт комбинаций, лежащий в основе всех социальных изменений; постоянство агрегатов, выражающее тенденцию поддерживать и сохранять однажды сформировавшиеся связи; стремление человека проявлять свои чувства в общественных действиях и поступках; чувства социальности, собственности и, наконец, половой инстинкт.

Деривации, по В. Парето, бывают юридическими, моральными, религиозными. Первые являются не обоснованием действительного применения законов, а всего лишь использованием ложных аргументов с корыстными целями; моральные деривации служат сокрытию аморальных целей, религиозные – прикрывают низменные чувства, общие всем эпохам и народам. Подробнее см. в статье Е.В. Осиповой «Парето» в словаре «Современная западная социология» (М., 1990, с. 254–256). — 86

^{39*} Мамона – в Новом Завете обозначение осуждаемой демонической власти собственности, по-арамейски – «богатство», «бог богатства, наживы». — 87

^{40*} Закон убывающей отдачи (*law of diminishing returns*) состоит в том, что по мере того как возрастает использование какого-либо производственного фактора (при фиксированных остальных производственных факторах) в итоге достигается точка, в которой дополнительное использование этого фактора ведет к снижению объема выпуска продукции. — 88

^{41*} Согласно «закону трех стадий», который О. Конт сформулировал в «Системе позитивной философии» (1851), «все наши мысли необходимо проходят три сменяющих друг друга состояния: сначала теологическое состояние, где открыто господствуют спонтанно возникающие фикции, не имеющие доказательств; затем метафизическое состояние с преобладанием абстракций или сущностей, принимаемых за реальность; и, наконец, позитивное состояние, неизменно основывающееся на точной оценке внешней реальности» (Цит. по: *Современная западная социология. Словарь. М., 1990, с. 138.*) — 89

^{42*} Александрийская ученость – от Александрии (Египетской), центра древнегреческой культуры эпохи эллинизма (III–I вв. до н. э.), столицы Египта в период династии Птолемеев. Для александрийской поэзии, например, был характерен отход от социальной проблематики и гражданственности к чувственной рефлексии и демонстрации «учености». Здесь же сформировалась так называемая Александрийская школа – филологическая школа эпохи эллинизма, образовавшаяся на основе Александрийской библиотеки. Главная заслуга этой школы заключалась в каталогизации этой обширнейшей библиотеки древнего мира и в составлении комментариев к произведениям классических авторов. Подробнее см.: *Фрейберг Л. Литературная критика в эпоху александрийской образованности (Древнегреческая литературная критика. М., 1975, с. 185–216).* — 89

^{43*} См. прим. 19* на с. 530. — 91

Глава четвертая

1* Мф. 6: 19–20, 24–25, 33, 44, 48, 9–10. — 93

2* Катха-упанишада (часть I, песня II, 1) – перевод Б.Б. Гребенщикова. — 94

3* Дхаммапада, XIII, 170. — 94

4* Там же, XIII, 171. — 94

5* Цитата из «Жизни Будды» Ашвагхоши (5: Разлука). Ср. поэтический перевод К. Бальмонта: *Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы.* М., 1990, с. 71. — 94

6* Дхаммапада, XXVI, 397. — 94

7* Там же, XIV, 186–187. — 94

8* По-видимому, контаминация двух цитат: Катха-упанишада (часть I, песня II, 20) и Дхаммапада, XXIV, 352. — 94

9* Дхаммапада, XVII, 226. — 94

10* Одна из главных «заповедей» утилитаризма. Основоположник философского утилитаризма И. Бентам видел конечное назначение морали в том, чтобы содействовать «наибольшему счастью для наибольшего числа людей». — 95

11* Перефразированное библейское выражение: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем» (Ис. 22, 13). — 95

12* См. прим. 18* на с. 525–526. — 95

13* Цитата из «Песни из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с Арфой». См.: *Поэзия и проза Древнего Востока.* М., 1973, с. 100–101. — 95

14* Цитата из сочинения Мадхавы (индийского историка философии) «Сарва-даршана-санграха», I (1380). См.: *Радхакришнан С. История индийской философии.* М., 1993, т. 1, с. 238. — 95

15* *Катулл.* Книга стихотворений. М., 1986 (перевод С.В. Шервинского); цитаты из стихотворений 86 и 5. Лесбия – возлюбленная Катулла, имя которой со временем стало нарицательным, символизирующим созидательную и одновременно разрушительную силу женственности. — 95

16* См. прим 12* на с. 530. — 95

17* Цитата из «Вакхической песни» Лоренцо Медичи (перевод В.Я. Брюсова):

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь – счастлив будь
Нынче, завтра – неизвестно. — 95

18* Строки из стихотворения П. де Ронсара «Пойдем, возлюбленная, взглянем...» (пер. В. Левика):

Пока ты вся еще в цвету,
Лови летящее мгновенье, –
Холодной вьюги дуновенье,
Как розу, губит красоту. — 95

19* См. прим 12* на с. 530. — 97

^{20*} Es, bibe, lude, veni (*лат.*) – ешь, пей, веселись, приходи. — 97

^{21*} Memento, homo, quia pulvis es et in pulverem revertis (*лат.*) – помни, человек, что ты прах и в прах возвратишься (Быт. 3, 19). — 97

^{22*} Гедонизм (от *греч.* hedone – «наслаждение») – этическая позиция, утверждающая наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения и сводящая к нему все многообразие моральных требований. — 98

^{23*} См.: Франклин Б. Избранные произведения. М., 1956, с. 80–83. — 98

^{24*} Главная опасность (*лат.*). — 98

^{25*} Постыдная польза (*лат.*). — 98

^{26*} Милосердие Господне беспредельно: оно поможет спастись даже богачу (*фр.*). – цитата из рассказа А. Франса «Черные хлебы» (из цикла «Колодезь Святой Клары»). См.: Франс А. Собрание сочинений в 8-ми тт. М., 1958, т. 3, с. 400). — 98

^{27*} Эта цитата в предыдущих русских изданиях – по вине переводчика или редактора – печаталась без кавычек (см.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 492; Сорокин П. Кризис нашего времени. М., 2009, с. 195), неудивительно поэтому, что в некоторых печатных изданиях авторство ее приписывают самому Сорокину. На самом деле ее автор – австрийский философ, писатель, журналист и актер Эгон Фридель (1878–1938), который во время аншлюса не успел эмигрировать из Австрии и покончил с собой (выбросился из окна своей квартиры), когда его, как еврея, пришли арестовывать представители новой власти. Цитата, приведенная Сорокиным, взята из английского перевода трехтомного сочинения Э. Фриделя «История культуры Нового времени. Кризис европейской души, начиная от черной чумы до мировой войны» (Kulturgeschichte der Neuzeit, 1927–1931): Friedell E. Cultural History of Modern Europe. New York, 1932, vol. II: Baroque, Rococo and Enlightenment, p. 187). Цитата приведена Сорокиным не совсем точно, следует читать: «По воскресеньям он [пуританин] верит в Бога и Вечность, в будни – в физику и фондовую биржу, причем в обоих случаях с одинаковым жаром. По воскресеньям его главная книга – Библия, в будни его Библией становится гроссбух». См. также: Сапов В.В. Осторожно: цитата! (О подлинном авторе сорокинской цитаты о «плохом пуританине») // Наследие. 2017, № 1 (10), с. 174–180 — 98

^{28*} Паганиззм (от *лат.* paganus – «язычник», букв.: «сельский житель») – язычество, идолопоклонство. — 98

^{29*} Summum bonum (*лат.*) – высшее благо. По Аристотелю, «счастье – это высшее и самое прекрасное благо, доставляющее величайшее удовольствие...» (Никомахова этика. 1099a25). См.: Аристотель. Сочинения в 4-х тт. М., 1984, т. 4, с. 67). — 102

^{30*} Божественное право, священный закон (*лат.*). — 102

^{31*} Sacer esto (*лат.*) – да будет посвящен божеству. При посвящении высшим богам эта сакральная формула имела значение, близкое к благословению, а при посвящении подземным благам – близкое к проклятию. — 103

^{32*} Прут, символизирующий копье. — 104

^{33*} Я утверждаю, что эта вещь принадлежит мне по праву квиристов; так как я это заявил, вот тебе налагаю виндикту (*лат.*). — 104

^{34*} Лк. 19, 46; ср.: Мф. 21, 13. — 105

^{35*} Мф. 19, 24. — 105

^{36*} Право божеское или священное (*лат.*). — 107

^{37*} См. прим. 31* на стр. 535. — 107

^{38*} *Fustel de Coulanges N.D.* The Ancient City. Boston, 1900, p.154–169. Есть русский перевод: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Гражданская община древнего мира (1867). — 107

^{39*} Pontifex maximus (*лат.*) – Великий понтифик (первоначально «мостостроитель»), верховный жрец в античном Риме, ведавший всеми вопросами культа; с V в. н. э. – церковное наименование Папы Римского.

Rex sacrificulus (*лат.*) – царь жертвоприношений; один из титулов римского царя, который «по совместительству» был вообще и rex sacrogrum – царь священнодействий. — 107

^{40*} Публичные ауспиции (*лат.*). Ауспиции (*лат.* auspicium, от avis – «птица» и aspicere – «смотреть») – птицегадания, т. е. «узнавание воли богов» по крику птиц или их полету, по клеву «священных» кур. Без ауспиций не проводились ни одно важное мероприятие в Риме. — 107

^{41*} *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994, т. I, с. 67. — 107

^{42*} Полигамия (от *греч.* poly – «много» и gamos – «брак») – многобрачие, здесь не совсем правильно употреблено в смысле «многоженства»; «полиандрия» (от *греч.* poly и andros – «муж», «мужчина») – многомужество. — 108

^{43*} См. прим. 38* на с. 533. — 109

^{44*} В качестве основной задачи социологии Ратценхофер выдвинул изучение и описание «взаимоотношений единиц сознания», коренящихся в биологии человека и определяемых «первичной силой» и «внутренним интересом», являющимися собой космическую силу и присущими всем общественным и природным явлениям. — 109

^{45*} Мф. 5, 13. — 109

^{46*} По своему желанию, по своему усмотрению (*лат.*). — 110

^{47*} Bellum omnium contra omnes (*лат.*) — война всех против всех.

«При отсутствии гражданского состояния, – пишет Т. Гоббс в “Левиафане”, – всегда имеется война всех против всех... Пока люди живут без общей власти, держащей всех в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех. Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения» (*Гоббс Т.* Сочинения в 2-х тт. М., 1991, с. 95). — 112

^{48*} Urbem venalem (*лат.*) – продажный город. По словам Саллюстия, Югурта, «выехав из Рима... несколько раз молча оглянувшись, наконец, произнес: “Продажный город, обреченный на скорую гибель, – если только найдет себе покупателя!”» (*Саллюстий Крисп Г.* Сочинения. М., 1981, с. 67: Югуртинская война. XXXV, 10). — 113

^{49*} Конец (*лат.*). — 115

Глава пятая

^{1*} Содружество всей жизни, общение в праве божеском и человеческом (*лат.*) – определение брака в Римском праве (Дигесты. 23, 2, 1). — 116

^{2*} Fidelitas (*лат.*) – верность, преданность, добросовестность. В средние века – высшая оценка личной нравственности. См.: *Карсавин Л.П.* Культура средних веков. Киев, 1995,

с. 27, 49 (Карсавин пишет о «германском начале “верности”», которая основана на «тяготении к единству»); *Панофски Э.* Аббат Сюжер и аббатство Сен-Дени // *Богословие в культуре средневековья.* Киев, 1992, с. 81. — 118

^{3*} См. прим. 4* на с. 521. — 119

^{4*} Беседы Эпиктета. М., 1997, с. 232 (IV, 1, 175). — 120

^{5*} Там же, с. 234 (IV, 4, 1). — 120

^{6*} «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше» (*Луций Анней Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977, с. 6: письмо II, 6). — 120

^{7*} *Seneca.* Dialogues. XII, X, 11. — 120

^{8*} *Seneca.* De moribus, 46. — 120

^{9*} *Epictet.* Discourses, III. — 120

^{10*} Иов. 1, 21. — 120

^{11*} Закон Вебера–Фехнера (основной психофизиологический закон) определяет связь между интенсивностью ощущения и силой раздражения, действующего на какой-либо орган чувств. Основан на наблюдении немецкого физиолога Э. Вебера, который в 30-х гг. прошлого века установил, что воспринимается не абсолютный, а относительный прирост силы раздражителя (света, звука, груза давящего на кожу и т. п.). Например, если исходная масса груза, давящего на кожу, равна 75 г, человек ощущает увеличение его на 2,7 г, если же исходная масса равна 150 г, человек ощущает прирост на 5,4 г. Обобщив выводы Вебера, немецкий физик Г. Фехнер в 1858 г. вывел математическую формулу, согласно которой интенсивность ощущения равна логарифму силы раздражителя. Подробнее см.: *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М., 1974, с. 66–68. — 121

^{12*} Великая хартия вольностей – грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г. Хартия гарантировала соблюдение королем феодальных обычаев по отношению к его вассалам-баронам, запрещала взимать субсидии с феодалов без их согласия, судить баронов иначе как судом равных им по званию пэров; она ликвидировала право короля вмешиваться в юрисдикцию феодальных курий и создавала комитет из 25 баронов, который в случае нарушения хартии королем мог начать против него войну. Рыцарству и свободным крестьянам хартия гарантировала защиту от произвола баронов и чиновников, города получили подтверждение уже существовавших привилегий. Было установлено единство мер и весов. См.: *Петрушевский Д.М.* Великая хартия вольностей. М., 1918. — 121

^{13*} Корпорация убийств (Murder, Inc.) – нью-йоркская преступная группировка еврейско-итальянского состава, созданная и контролируемая мафией, которая за годы своего существования в 1920-1940-х гг. совершила сотни заказных убийств; название «Murder Incorporated» – «неофициальное»: оно было придумано в 1930-х годах репортером газеты «New York World Telegram». — 122

^{14*} Pacta sunt servanda (*лат.*) – договоры должны соблюдаться. — 122

^{15*} Социетальное (societal) общество, сообщество – термин структурно-функциональной школы в социологии, особенно широко используемый Т. Парсонсом, который выделяет четыре уровня структурной иерархии общества: первичный, или «технический» уровень, где отношения строятся по типу «лицом к лицу»; «менеджеральный» уровень, где отношения строятся по типу организованной группы; «институциональный» уровень, где субъектами отношений выступают уже не индивиды, а организации; «социетальный» уровень, интегри-

рующий общество в виде определенной национальной и политической общности. Подробнее см.: *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997 (по указателю на с. 202: «Социальное сообщество»). — 123

^{16*} *Legibus solutus est* (лат.) – закону не подчиняется. — 123

^{17*} *Corporati et collegiati* (лат.) – члены корпораций и коллегий, в которые объединялись отдельные профессиональные группы, имеющие статус юридического лица. — 127

^{18*} WPA – Works Progress Administration (позднее Work Projects Administration), Управление общественных работ США (1935–1943) – независимое федеральное агентство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Ф.Д. Рузвельта и ставшее ведущей силой в системе трудоустройства миллионов безработных (в основном, неквалифицированных мужчин) при проведении Нового экономического курса. Под общественно-значимыми работами подразумевалось возведение общественных зданий, прокладка автодорог, строительство стадионов, дамб, аэродромов. — 127

^{19*} *Waltzing J.P.* Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. Lovain, 1896, vol. II, p. 383–384. С некоторыми изменениями здесь использован перевод, сделанный П.А. Сорокиным в статье «Война и милитаризация общества» (1922). См.: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 364. — 127

^{20*} Новый курс (New Deal) – система мероприятий правительства США в 1933–1938 гг. в целях выхода из экономического кризиса 1929–1933 гг., проводившихся по инициативе президента Ф.Д. Рузвельта. В первый период Нового курса (1933–1934 гг.) были приняты: закон о восстановлении промышленности, предусматривавший введение в различных отраслях промышленности «кодексов честной конкуренции», которые фиксировали цены на продукцию, уровень производства, распределение рынков сбыта и пр.; закон о регулировании сельского хозяйства, который был направлен на повышение цен на сельскохозяйственные продукты и предусматривал с этой целью выдачу денежной компенсации фермерам за сокращение посевной площади и поголовья скота. Во второй период Нового курса (1935–1938 гг.) были приняты закон о трудовых отношениях, закон о социальном страховании и помощи безработным, закон о справедливом найме рабочей силы, устанавливающий минимум зарплаты и максимум продолжительности рабочего дня для некоторых категорий трудящихся. Подробнее см.: *Мальков В.Л.* «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М., 1973. — 127

^{21*} Уолл-Стрит – улица в Нью-Йорке, где находится биржа; в широком смысле американский финансовый капитал. — 129

^{22*} Преторианцы (*praetoriani*) – в древнем Риме охрана полководцев, затем императорская гвардия; в переносном значении – наемные войска (охрана), служащие силовой опорой власти. — 132

^{23*} См. прим. 13* на с. 537. — 136

^{24*} День независимости США (Independence Day) – день подписания Декларации независимости США в 1776 г., которая провозглашает независимость США от Великобритании; празднуется в Соединенных Штатах 4 июля и считается днем рождения США как свободной и независимой страны. Большинство американцев называют этот праздник просто по его дате – «Четвертое июля». — 137

^{25*} Локаут (*англ.* lock out, букв. – «запирать дверь перед кем-либо») – временная остановка работы (или существенное сокращение объемов производства) предприятия работодателем

с прекращением выплаты зарплаты, с целью оказания давления на работников (аналог забастовки, но со стороны работодателя, а не работников). — 137

^{26*} По-немецки: Ein Fetzen Papier (Papierfetzen) – слова немецкого рейхсканцлера Т. Бетмана-Гольвега (1856–1921), который 4 августа 1914 г. в беседе с английским послом назвал так международный договор, гарантировавший нейтралитет Бельгии.

Поводом для беседы послужили события начала Первой мировой войны: 3 августа 1914 г. германские войска вторглись в Бельгию – в нарушение собственных обязательств. На следующий день Великобритания предъявила Германии ультиматум: если немецкая сторона не выведет войска из нейтральной Бельгии, Великобритания начнет против Германии войну. Английский посол напомнил рейхсканцлеру о договоре, который подписала Германия и который она обещала твердо соблюдать. В ответ ему и прозвучали вошедшие в историю слова: «Итак, из-за клочка бумаги вы намереваетесь воевать с родственной вам по крови нацией?» В ночь с 4 на 5 августа Великобритания объявила войну Германии. Позже это выражение («клочок бумаги») вошло в «синюю книгу», которую выпустило английское правительство, чтобы представить миру и общественности свою позицию в этой войне. С тех пор эти слова стали символом циничного отношения к международным договорам и международному праву вообще. — 139

^{22*} Так проходит слава мирская (*лат.*). — 139

^{23*} Закон суров, но это закон (*лат.*). — 140

Глава шестая

^{1*} Согласно Э. Дюркгейму, существуют три типа самоубийства: самоубийство эгоистическое, альтруистическое и аномическое. Эгоистическое самоубийство имеет место в случае слабости социальных (групповых) связей индивида, в результате чего он остается наедине с самим собой и утрачивает смысл жизни. Альтруистическое самоубийство, наоборот, совершается ради некоего (чаще всего социального) смысла который индивид ценит выше собственной жизни. Аномическое самоубийство обусловлено состоянием аномии в обществе (о понятии аномия см. прим. 9* на с. 581), когда социальные нормы не просто слабо влияют на поведение индивида, а практически вообще отсутствуют. Подробнее см.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994; Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М., 2003, с. 219. — 144

^{2*} В оригинале: home, sweet home – название популярной песни на слова Дж. Пейна (Payne), прозвучавшей впервые в опере Г. Бишопа «Клари» (1823); с тех пор эти слова и сама песня выражают любовь англичанина к своему дому:

Mid pleasures and palaces though we may roam,
Be it ever so humble, there's no place like home...
Home! Sweet, sweet home!
There's no place like home.

(Даже если мы испытываем удовольствие во время странствий, нет места лучше, чем дом, каким бы бедным он ни был... Дом! Милый, милый дом! Нет другого такого места, как дом).

На русском языке этому выражению соответствует пословица «в гостях хорошо, а дома лучше» или грибоедское: «Когда ж постранствуешь, воротисься домой, И дым Отечества нам сладок и приятен!» — 145

^{3*} Pied-à-terre (*фр.*) – временное пристанище. — 145

^{4*} Vanitas vanitatum (*лат.*) – суета сует; слова из книги Екклесиаста (1, 2). — 145

^{5*} Бедлам – психиатрическая больница в Лондоне (с 1547 г.); название Бедлам стало именем нарицательным, вначале – синонимом сумасшедшего дома, а позже – словом для обозначения крайней неразберихи и беспорядка.

Английское «Бедлам» (Bedlam) произошло от Bethlehem (Вифлеем), так как изначально психиатрическая больница называлась госпиталем Марии Вифлеемской. — 145

^{6*} Гелиобиологи вряд ли согласятся с этим утверждением и приведут массу свидетельств в пользу зависимости социальных процессов на Земле от активности процессов, происходящих на Солнце. См.: *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976; ср. также рассуждения Ф. Броделя о «климатических ритмах» (*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2006, с. 19–21). — 146

^{7*} В современном обществе действие естественного отбора ослабевает, потому что благодаря достижениям современной медицины люди с врожденными патологиями приобретают право на жизнь. Но генетический груз популяции при этом усиливается, т. е. ребенок с врожденным пороком, который еще лет сто тому назад умер бы в раннем возрасте, теперь выживает, дает потомство, которому передает и свой врожденный порок. Это и есть так называемый *дисгенный эффект* медицины: постепенная элиминация естественного отбора со всеми положительными и отрицательными его последствиями. — 146

^{8*} *Rex Romana* (лат.) – букв.: «Римский мир», мир под властью Рима. Так называлась система распространения Римом своего владычества на завоеванные страны при помощи договоров о подчинении их Риму. — 147

^{9*} Армагеддон – в христианстве место последней битвы добра со злом в конце времен. Упоминается в Апокалипсисе: «...Это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей Вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя. Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его. И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон» (Откр. 16, 14–16). — 150

^{10*} «Каролингское возрождение» – эпоха культурного подъема в империи Карла Великого и королевствах династии Каролингов в VIII–IX вв. в основном на территории Франции и Германии; выразился в организации новых школ, привлечении к королевскому двору ряда образованных деятелей, внимании к античной литературе и светским знаниям вообще, в развитии изобразительного искусства и архитектуры. Центром «Каролингского возрождения» был своеобразный кружок при дворе Карла Великого, так называемая Академия, которой руководил философ Алкуин. В кружке участвовали Карл Великий, его биограф Эйнгард, поэты Ангильтберт, Теодульф и др. Особое место среди деятелей Каролингского возрождения занимали выходцы из Ирландии – Седулий Скотт, знаток греческого языка, поэт и ученый, и Иоанн Скотт Эриугена, первый оригинальный философ средневековья, создатель пантеистической системы. Подробнее см.: *Левандовский А.* Карл Великий. М., 1999. — 151

^{11*} См. прим. 8* на с. 523. — 154

^{12*} *Roena cullei* (лат.) – букв.: казнь в мешке; в римском уголовном праве вид смертной казни, заключающейся в зашивании казнимого в кожаный мешок вместе с живыми – змеей, обезьяной, петухом и собакой с последующим утоплением мешка в водоеме. Применялась за убийство родственников (прежде всего – отца) и носила сакрально-символический характер, так как преступник, подвергавшийся такой казни, уподоблялся соответствующим животным.

Этот вид казни сохранялся и в Византии, а в Средние века был принят в измененном виде в ряде европейских стран (например, во Франции и Германии). Средневековые глоссаторы, комментируя соответствующие положения римского права, так объясняли символизм казни: собака означает, что преступник не относился с должным уважением к своим родителям; петух означает само преступление; змея означает горе родителей казнимого; обезьяна символизирует самого преступника (внешнее сходство с человеком, но отсутствие права называться человеком в силу чудовищности совершенного преступления); собака приобрела дополнительное символическое значение в контексте «еврейской казни», поскольку и в иудейской, и в христианской традициях собака рассматривалась как нечистое животное, олицетворявшее грех зависти. — 156

^{13*} *Покровский И.* История римского права. Рига, 1924, с. 225–227. Эту же цитату П.А. Сорокин приводит в «Социальной и культурной динамике» (см.: *Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics.* New York, 1962, vol. III, p. 610). — 157

^{14*} Веронский собор – поместный собор Католической церкви, состоявшийся в Вероне в 1184 г. (у Сорокина ошибочно – в 1189) под председательством папы Луция III и при участии императора Фридриха Барбароссы (1155–1190). На соборе были осуждены ереси арнольдистов, вальденсов и катаров.

4 ноября 1189 г. папа Луций провозгласил декрет (буллу) «Ad abolendam» (названную так по начальным словам: *Ad abolendam diversarum haeresum pravitatem* – Об искоренении различных еретических учений) против всех еретиков своего времени, прежде всего катаров, патаров и вальденсов. Декрет карал вечной анафемой всех тех, кто публично или тайно проповедовал ошибочные учения. Та же кара полагалась их сторонникам и защитникам. Виновные священники и монахи карались лишением своего сана и передавались светским властям, а их имущество конфисковывалось. Графы, бароны и все прочие представители гражданской власти должны были оказывать церкви содействие в ее борьбе против ересей. Поскольку исполнять наказания, которые вводились церковными соборами и папскими буллами, должны были светские власти, император в тот же день торжественно издал закон против еретиков; тем самым еретики подлежали преследованию и со стороны государства. Светская власть объединилась с церковной инквизицией против общего врага. Расследование вели церковники, судебные процессы против еретиков организовывала также церковь, но допрос и исполнение приговоров возлагались на светскую власть.

В 1215 г. по указу папы Иннокентия III был создан особый церковный суд католической церкви под названием «Инквизиция». Однако, относительно первой даты П.А. Сорокин ошибается (хотя, возможно, это случайная описка или опечатка). В 1208 (а не в 1203) г. в Провансе был убит легат Иннокентия III, Пьер де Кастельно, посланный к графу Раймунду Тулузскому с категорическим требованием искоренить в своих владениях ересь альбигойцев. Убийство прелата послужило поводом к началу Альбигойского крестового похода, который привел к убийству примерно 20 тысяч человек. — 157

^{15*} Цитата из «Божественной комедии» Данте (Рай, XVII, 58–60):

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

(Перевод М. Лозинского). — 158

^{16*} В оригинале: *Cloud-Cuckoo-Land* – Туче-кукуевск (или «Облако-кукуш-град»), утопический город – «Царство птиц» – из комедии Аристофана «Птицы», в котором люди живут в полном достатке и без каких бы то ни было законов. — 160

^{17*} См. прим. 39* на с. 533. — 165

Глава седьмая

^{1*} В авторском тексте для обозначения этого явления используется термин «colossalism» («колоссализм»). — 166

^{2*} Всемирная выставка в Нью-Йорке работала с 30 апреля 1939 г. по 27 октября 1940 г. Тема выставки: «Мир завтрашнего дня»; выставка была разделена на тематические зоны: транспорт, коммуникации, продовольствие, управление и т. д. Выставку посетило около 44 млн человек. Как раз во время работы выставки началась Вторая мировая война, одна из стран-участниц выставки – Польша – исчезла с политической карты мира. Годом ранее, еще во время подготовки выставки, с нее исчезла Чехословакия. Германия от участия в выставке отказалась под предлогом финансовых затруднений. Символом выставки стали два монументальных сооружения: Трилон и Перисфера (210-метровый трехгранный обелиск и шар диаметром 56 метров), которые находились в центре выставки и были соединены между собой самым длинным в мире эскалатором, причем внутри Перисферы размещалась диорама под названием «Демократия», знакомявшая посетителей с лучезарным, комфортабельным и демократичным будущим.

Но, пожалуй, самым популярным экспонатом выставки стала «Футурама» (Futurama; не путать с названием маразматического американского мультисериала!) – футурологический проект павильона компании «Дженерал Моторс». На огромной площади был создан действующий макет города предположительно 1960 года. Город будущего представлял перед восхищенными зрителями (уверенными, что они заглянули в будущее) просторным, чистым и процветающим. Великолепные небоскребы, зеленые бульвары и парки, широкие автострады и 50 тысяч автомобилей. Крошечные, но действующие модели автомобилей передвигались по автомагистралям города-мечты. Будущее представлялось создателю (им был выдающийся дизайнер Норманн Бел Гедес) и зрителям «Футурамы» прекрасным, светлым и радостным. В общей сложности «Футураму» посетило около 5 млн человек.

СССР представил на выставке в Нью-Йорке (помимо всего прочего) самолет АНТ-25, 20-тонный макет Дворца Советов для Москвы по проекту архитектора Б.М. Иофана и один отсек станции метро «Маяковская», выполненный в натуральную величину и помещенный между зеркальными стенами для создания эффекта присутствия (этот экспонат получил на выставке первую премию).

Нью-Йоркский павильон был целиком перевезен в Москву для монтажа на месте главного входа в Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького, но начавшаяся война помешала завершить его сооружение. Осенью 1941 г. в Москве были порезаны на противотанковые ежи для обороны города и металлические конструкции, готовые для монтажа Дворца Советов, а американцы распилили для нужд фронта Перисферу и рекордно длинный эскалатор, соединяющий ее с Трилоном. Подробнее о выставке 1939–1940 гг. см.: *Шнаков В.Н. История всемирных выставок М., 2008, с. 212–222.*

Скептическое отношение П.А. Сорокина к Всемирной выставке в Нью-Йорке объясняется не только тем, что он видел в ней своеобразный символ обреченной чувственной культуры, но и сложившейся в русской культуре традицией критиковать «Хрустальный дворец» (Crystal Palace), построенный в лондонском Гайд-парке в 1850–1851 гг. из чугуна и стекла к Всемирной выставке 1851 г. Это был выставочный зал площадью свыше 90 тыс. кв. м., протяженностью 564 м и высотой 33 м, который вмещал до 14 тыс. посетителей. По завершении выставки Дворец был разобран и перенесен на новое место, в лондонское предместье Сиднем-Хилл. Здесь он простоял до 30 ноября 1936 г., когда был уничтожен пожаром. В русской литературе «Хрустальный дворец» упомянут И.С. Тургеневым (роман «Дым») и Ф.М. Достоевским («Записки из подполья»). Тем не менее, справедливости ради следует отметить, что именно на Всемирной выставке в Нью-Йорке Питирим Сорокин получил

наивысшее признание заслуг как американский гражданин. Как отмечает его сын, Сергей Питиримович (и из всех пишущих о Питириме Сорокина только он один!), «на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 г. его имя было высечено на “Стене Славы”, что означало признание его американской общественностью как иностранца, внесшего выдающийся вклад в американскую культуру» (Сорокин С.П. Семейная жизнь с Питиримом Сорокиным // Питирим Александрович Сорокин. М., 2013, с. 454–455). На «Стене Славы» (Wall of Fame), точнее говоря, на четырнадцати ее стендах (каждый из которых был посвящен определенному роду деятельности: искусству, бизнесу и промышленности, литературе, науке, музыке, журналистике, просвещению и т. д.) были размещены имена более 600 человек, выходцев из разных стран мира (из 59 стран), внесших наибольший вклад в развитие американской культуры. Имя Питирима Сорокина помещалось на стенде «Образование» (Education), и выглядело это таким образом: «Sorokin, Pitirim A. – Professor Sociology – 1889 – Russia». Всего выходцев из России, имена которых были занесены на Стену Славы – 43 человека; русские, как всегда, занимают почетное четвертое место – после немцев (79), англичан (74) и ирландцев (44), обгоняя американских негров (42), шотландцев (36) и швейцарцев (26) и оставляя далеко позади «разных прочих шведов». Из наиболее громких имен, соседствующих с Питиримом Сорокиным на Стене Славы, бывших, как и он, выходцами из России, назовем Дэвида Сарнова, Игоря Сикорского, Яшу Хейфеца, Сергея Рахманинова и совершенно неожиданно – И.А. Кускова (1765–1823) и Г. Шелехова (1747–1795). Неожиданно, поскольку ни И.А. Кусков, основатель первого русского поселения в Калифорнии, ни Г. Шелехов, основатель первой русской колонии в Америке, строго говоря, американскими гражданами не были. Впрочем, если эфиопы считают А.С. Пушкина своим национальным поэтом – в этом ничего плохого нет.

Сведения о Стене Славы взяты из машинописной брошюры без выходных данных «Wall of Fame of The American Common World’s Fair of 1940 in New York»; имя Питирима Сорокина указано в ней на р. 7. — 167

^{3*} *Par excellence* (*фр.*) – по преимуществу. — 167

^{4*} Афоризм Протагора «мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют», известен в передаче Платона (Тэттет, 152 а). См.: Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1993, т. 2, с. 203. — 167

^{5*} *Per aspera ad astra* (*лат.*) – чрез тернии к звездам; авторство изречения приписывается Сенеке или Гесиоду. — 168

^{6*} См. прим. 29* на с. 535. — 168

^{7*} Об операционализме и инструментализме см. прим. 20* на с. 530. — 169

^{8*} См. прим. 28* на с. 531. — 169

^{9*} См. прим. 38* на с. 533. — 169

^{10*} См.: Тацит К. Анналы (XV, 44). — 170

^{11*} «Жизнь Иисуса» (*Vie de Jésus*) – книга Эрнеста Ренана (1823–1892), опубликованная в 1863 г.; входит в «Историю происхождения христианства» («История первых веков христианства», 1864–1907), состоящую из семи книг. Ее публикация имела широкий успех у читателей, вызвала бурные дискуссии, протест католической церкви и критику ученых, в течение короткого времени книга выдержала тринадцать изданий.

«Треjder Хорн» (*Trader Horn*) – одновременно и имя (псевдоним) автора книги, и название самой книги. На русский язык это название можно перевести как «Торговец Хорн», или «Рожок торговца» (что неправильно, поскольку не соответствует содержанию книги). Автор

этой книги – Альфред Алоизиус Хорн (на самом деле – Смит, 1861–1931), авантюрист и торговец слоновой костью в Центральной Африке, впоследствии описавший свои путешествия в мемуарной книге «Trader Horn: A Young Man's Astounding Adventures in 19th-Century Equatorial Africa» (Торговец Хорн: удивительные приключения молодого человека в Экваториальной Африке XIX века), в которой наряду с описанием путешествий по джунглям, наполненным змеями, гориллами, леопардами-людоедами и дикарями, представлены документы о борьбе автора с рабством, о его встречах с основателем Родезии С. Родсом и содержится рассказ о попытках освободить белую девушку, в детские годы похищенную у матери и ставшую «королевой» особо дикого и кровожадного африканского племени. К первому изданию этой книги в 1927 г. предисловие написал Джон Голсуорси. Сюжет с освобождением «королевы» лег в основу немого приключенческого фильма «Треjder Хорн», снятого в 1931 г. (а в 1992 г. был снят и звуковой фильм).

Об авторе и его творчестве написана книга: *Couzens T. Tramp Royal: The True Story of Trader Horn.* Wits University Press, 1992.

«Унесенные ветром» (*Gone with the Wind*) – роман американской писательницы Маргарет Митчелл (1900–1949), вышедший в 1936 г. и ставший одним из самых знаменитых бестселлеров американской литературы: уже к концу 1936 г. было продано более одного миллиона экземпляров. — 172

^{12*} Международная церковь четырехстороннего Евангелия (*International Church of the Foursquare Gospel*) – христианская пятидесятническая церковь. В США объединяет почти 2 тыс. церквей и 350 тыс. верующих, за пределами США, в 129 странах мира церковь насчитывает еще 65 тыс. церквей и 7,2 млн верующих. Название церкви объясняется тем, что Иисус Христос понимается в ней «четырекратно»: как Спаситель, Креститель Святым Духом, Целитель и Грядущий Царь. Церковь была основана Эми Семпл Макферсон (1890–1944) в 1927 г., хотя самостоятельное служение «сестры Эми» началось гораздо ранее. 1 января 1923 г. в Лос-Анджелесе ею был открыт Храм Ангелов, вмещавший 5300 человек. Храм стал центром международного служения, в 1925 г. церковь запустила собственную радиостанцию, в 1926 г. открыла библейский колледж. Краткое изложение учения «Четырехугольного Евангелия»(1922) содержится в песне для хора, ставшей известной во всем мире:

Неси Евангелие в мир Четырехугольное,
Пусть оно пробудит души:
Иисус Спаситель,
Креститель и Целитель,
Иисус – наш Царь Грядущий.

Русская Православная Церковь относит церковь четырехстороннего Евангелия к разряду «деструктивных религиозных организаций западной ориентации». — 172

^{13*} «Почему мы ведем себя как люди» (*Why We Behave Like Human Beings*) – название книги американского этнографа Джорджа Амоса Дорси (*Dorsey*; 1868–1931), опубликованной в 1925 г. — 172

^{14*} В оригинале: *Information, please* – название популярной в Америке радиовикторины, которую вел на Эн-Би-Си ее создатель Дэн Голенпол (*Golenpraul*; 1900–1974); радиовикторина транслировалась с мая 1938 по апрель 1951 г. В ее названии использовалась фраза, с которой обращались за информацией к оператору телефонной справочной. — 172

^{15*} Сент-Луи блюз (*St. Louis Blues*) – американская песня в жанре блюз, написанная Уильямом Кристофером Хэнди (1873–1958) в 1914 г. и ставшая особенно популярной в конце 1920-х гг. в исполнении Луи Армстронга; в 2011 г. вошла в список 100 лучших песен с момента основания американского журнала «Тайм» (т. е. с 1923 г.). — 173

^{16*} «Божественная комедия» и «Потерянный рай» – поэмы Данте и Дж. Мильтона; «Эсквайр» (Esquire) — ежемесячный журнал, основанный в 1933 г. в США для «успешных джентльменов», в январе 1937 г. ежемесячный тираж журнала достиг отметки в полтора миллиона экземпляров; «Гроздь гнева» – роман Дж. Стейнбека, опубликованный в 1933 г., действие которого происходит во времена Великой депрессии. — 173

^{17*} Джиттербаг (от *англ.* jitter – «трястись» и bug – «неврастеник», «паникер», «возбужденный жук») – популярный в 1930–1950-е годы танец, характеризующийся быстрыми, резкими движениями, похожий на буги-вуги и рок-н-ролл. По одной из версий, название танца происходит от жаргонного термина, означающего алкогольный делирий. Некоторые российские авторы предлагают две версии: по одной из них название появилась из-за сравнения танцоров с возбужденными жуками, по другой – от жаргонного названия неврастеника, умалишенного. — 173

^{18*} Галикарнасский мавзолей – одно из «семи чудес света», гробница царя Мавсола, построен в сер. IV. до н. э. (находится на территории современной Турции). — 174

^{19*} Пергамский фриз – орнаментальный горельефный фриз алтаря Зевса в г. Пергам в Малой Азии II в. до н. э., изображающий битву богов с гигантами. — 174

^{20*} Геракл Фарнезе – мраморная статуя отдыхающего Геракла, хранящаяся в Неаполе; происходит из собрания Фарнезе и представляет собой копию, сделанную Гликоном из Афин со статуи работы Лисиппа. – 174

^{21*} Триумфальная арка Тита была заложена в 70 г. н. э. в честь подавления восстания иудеев и разрушения Иерусалима; строительство ее было завершено уже после смерти Тита.

Колонна Траяна, высотой 33 метра с рельефным поясом длиной в 200 метров, сооружена в Риме в 113 г. н. э. в честь победы над даками и присоединения Дакии к Римской империи.

На барельефах 30-метровой колонны Марка Аврелия в Риме изображены эпизоды Маркоманской войны 171–175 гг.

Триумфальная арка Константина возведена в Риме в 312–315 гг.; украшена многочисленными богатыми фигурами и рельефами, заимствованными от более ранних построек и частично переработанными. — 174

^{22*} См.: *Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве. М., 1994, с. 137 («Естественная история», XXXVI, 115). — 174

^{23*} См. прим. 15* на с. 525. — 175

^{24*} «Британская энциклопедия» (Encyclopaedia Britannica), «Британника» – старейшая и одна из наиболее известных универсальных энциклопедий мира. Первое издание вышло в Эдинбурге в 1768–1771 гг. в трех томах. Девятое издание в 25 томах вышло в 1875–1889 гг. Лучшим изданием считается не девятое, а одиннадцатое (в 29 томах, 1910–1911 гг.). — 177

^{25*} Эвдемонизм (от *греч.* eudaimonia – «счастье») – античный принцип жизнепонимания, позднее в этике – принцип истолкования и обоснования морали, согласно которому счастье (блаженство) является высшей целью человеческой жизни. — 179

^{26*} См. прим. 32* на с. 529. — 180

^{27*} Бихевиоризм (от *англ.* behavior – «поведение») – ведущее направление в американской психологии конца XIX – нач. XX вв., в основе которого лежит понимание поведения человека и животных как совокупности ответов (реакций) на воздействия (стимулы) внешней среды. Основной тезис бихевиоризма: психология должна изучать поведение, а не сознание, которое в принципе непосредственно не наблюдаемо; поведение же понимается как сово-

купность связей «стимул-реакция». Родоначальниками бихевиоризма являются Э. Торндайк и Дж.Б. Уотсон; большое влияние на формирование научных основ бихевиоризма оказали работы В.М. Бехтерева и И.П. Павлова.

Гештальтизм, гештальтпсихология (от нем. Gestalt – «форма», «образ», «облик», «конфигурация») – одно из ведущих направлений в западноевропейской, особенно немецкой, психологии 1920-1930-х гг., которое подчеркивало целостный и структурный характер психических образований. По определению одного из лидеров школы, М. Вертгеймера (1880–1943), «имеются целостности, чье поведение не детерминируется поведением индивидуальных элементов, из которых они состоят, но где сами частные процессы детерминируются внутренней природой целого». Одно из главных понятий гештальтпсихологии – «фи-феномен» – означает не соединение отдельных сенсорных элементов, а «динамичное целое», что опровергает «атомистическую» концепцию о «сложении» ощущений в целостную картину. Подробнее см.: *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М, 1974, с. 207–218.

Тестирование умственных способностей получило широкое распространение в США после того, как в начале XX в. американский психолог Э. Торндайк составил стандартизированный педагогический тест.

Теорию психологического поля разработал немецкий психолог Курт Левин (1890–1947) в русле гештальтпсихологии. Согласно этой теории, протекание действий целиком сводится к конкретной совокупности условий существующего в данный момент поля. Личность живет и развивается в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет определенный заряд (валентность), причем для каждого человека эта валентность имеет свой знак, хотя в то же время существуют такие предметы, которые для всех имеют одинаково притягательную или отталкивающую силу. Воздействуя на человека, предметы вызывают в нем потребности, которые Левин рассматривал как своего рода энергетические заряды, вызывающие напряжение человека. В этом состоянии человек стремится к разрядке, т. е. удовлетворению потребности. Подробнее см.: *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. — 183

Глава восьмая

^{1*} См. прим. 18* на с. 538. — 186

^{2*} *Laissez-faire* (*фр.*) – позволяйте делать (кто что хочет); употребляется в значении невмешательства правительства в ход развития событий (главным образом экономических); то есть полной свободы. Выражение [*laissez-faire, laissez-passer* – позволяйте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда хочет)] принадлежит французскому экономисту Гурнэ (1712–1759), употреблено им в первый раз в сентябре 1758 г. на ассамблее физиократов. — 188

^{3*} См. прим. 20* на с. 538. — 189

^{4*} Ликвидационный курс – курс ценных бумаг по срочным сделкам ликвидируемой компании, устанавливаемый правлением биржи или комиссией по ликвидации имущества. — 189

^{5*} Конгресс производственных профсоюзов США (Congress of Industrial Organizations – СЮ) – созданная в 1928 г. федерация профсоюзов, объединявшая индустриальных рабочих Соединенных Штатов и Канады с 1935 по 1955 г. — 191

^{6*} «Платформой» протестанты Новой Англии называли то, что в традиционных христианских конфессиях называется «символом веры». В Бостонской платформе 1680 г. (введение к ней написал Джон Коттон) формулировались в первую очередь вопросы церковного управления, а также выдвигался тезис о единой теологической концепции, лежащей в основе

деятельности реформистских церквей. В «Платформе», в частности говорилось: «В том, что касается доктрины, мы солидарны с другими реформированными церквями; но те установления, какие регламентируют порядок совершения обрядов и устав, побудили отцов наших войти в эту пустыню, когда она была полем несеемым, дабы могли они беспрепятственно служить Господу в согласии с убеждениями и долгом своим». Подробнее см.: *Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт*: М., 1993. — 192

^{7*} В оригинале «Armenianism» (р. 282) вместо правильного «arminianism». Эта досадная описка или опечатка повлекла за собой нелепость перевода, допущенную в первых изданиях этой книги на русском языке: «Их позиции стали все активнее захватывать армяно-григорианское (!) течение в религии и методизм...» (*Сорокин П.А. Кризис нашего времени*. М., 2009, с. 299).

На самом деле, это, конечно, арминианство – направление в протестантском богословии, утверждающее решающую роль свободы воли в деле спасения и названное по имени нидерландского богослова Якоба Арминия (1560–1609), который выступил против кальвинистской идеи предопределения. В XVIII в. арминианство получило значительное распространение преимущественно в англосаксонском христианстве. — 192

^{8*} Перфекционизм (от *фр.* perfection – «совершенствование») – убежденность в том, что совершенствование, как собственное, так и других людей, является той целью, к которой должен стремиться человек. Предполагается, что искомое совершенство включает, прежде всего, добродетели, а также развитие присущих человеку талантов и дарований. Сторонники перфекционизма иногда считают, что совершенствование человека является не только его нравственной задачей, но и смыслом всей человеческой истории. К сторонникам перфекционизма можно отнести Г.В. Лейбница, А. Шефтсбери, М.А. Кондорсе, Х. Вольфа, И. Канта и др. — 193

^{9*} Унитариянство (Унитариянская церковь) – антитринитарное движение в протестантизме, отвергающее догмат о Троице; некоторые теологи не принимают также учение о грехопадении. Активным участником унитариянского движения в Англии был Джозеф Пристли (1733–1804), вынужденный в 1794 г. эмигрировать в США и два года спустя организовавший в штате Пенсильвания первую унитариянскую церковь.

Унитариянство, в свою очередь, оказало влияние на трансцендентализм – философско-литературное течение, сформированное в XIX в. в США представителями бостонского «Трансцендентального клуба» (Р.У. Эмерсон, Г. Торо, А.Б. Олкотт, М. Фуллер, Н. Готорн и др.), которые объединились вокруг журнала «The Dial» (1840-1844).

По своим политическим воззрениям трансценденталисты были аболиционистами и индивидуалистами, что сочеталось у них с американским патриотизмом и американской мечтой, а в философии – последователями И. Канта, Г. Фихте, Ф. Шеллинга. Основные идеи трансцендентализма: социальное равенство «равных перед Богом» людей, духовное самосовершенствование, близость к природе, очищающей человека от «вульгарно-материальных» интересов, интуитивное постижение макрокосма через микрокосм. — 193

^{10*} Школа реки Гудзон (Hudson River School) – группа американских художников-пейзажистов, возникшая в середине XIX в. под влиянием романтизма; картины изображают долину реки Гудзон и ее окрестности. Родоначальником школы считается Томас Коул, другие представители – А.Б. Дюран, Ф. Чёрч, Дж. Ф. Кенсетт, С.Р. Гиффорд и др. — 195

^{11*} Экспрессионизм (от *лат.* expressio – «выражение») – направление, развивавшееся в европейском искусстве и литературе примерно с 1905 по 1920 г. как непосредственная реакция на импрессионизм. Термин «экспрессионизм» впервые употребил в печати в 1911 г. Х. Вальден – основатель экспрессионистского журнала «Der Sturm» («Штурм»). В живописи

си представителями экспрессионизма были художники, входившие в объединение «Мост» (Э.Л. Кирхнер, М. Пехштейн, Э. Хеккель, К. Шмидт-Ротлуф, Э. Нольде) и представители общества «Синий всадник» (В.В. Кандинский, Ф. Марк и др.). Подробнее см.: *Вальцель О.* Импрессионизм и экспрессионизм. Пг., 1922; *Куликова И.С.* Экспрессионизм в искусстве. М., 1978.

Конструктивизм – направление в советском искусстве 1920-х гг. (в архитектуре, оформительском и театрально-декоративном искусствах, в плакате и искусстве книги, а также в литературе), представителями которого были А.М. Ган, А.М. Родченко, братья В.А. и Г.А. Стенберги, В.Ф. Степанова и др. В практике конструктивистов частично воплотились в жизнь лозунги «производственного искусства». Показной роскоши буржуазного быта конструктивисты противопоставляли простоту и подчеркнутый утилитаризм новых предметных форм, в чем видели олицетворение демократических и новых отношений между людьми.

Применительно к зарубежным пластическим искусствам термин «конструктивизм» в значительной степени условен: в архитектуре он обозначает течение внутри функционализма, стремящегося подчеркнуть экспрессию современных конструкций, в живописи и скульптуре – одно из авангардистских течений, использовавших некоторые формальные поиски раннего советского конструктивизма (скульпторы Н. Габо, А. Певзнер). Подробнее см.: *Ганн А.* Конструктивизм. Тверь, 1922.

О кубизме – см. прим. 31* на с. 528, о пуантилизме – прим. 37* на с. 529, о дадаизме – прим. 30* на с. 528. — 195

^{12*} К сожалению, удалось установить авторов лишь некоторых из перечисленных П.А. Сорокиным картин (и, соответственно, адекватно перевести их названия):

«Кузнец» («Blacksmith») – по-видимому, имеется в виду картина Питера Плоткина (1879–1960) «Колониальный кузнец» (The Colonial Blacksmith, 1929).

«Ставьте у Шарки» («Stag at Sharkeys») – картина Джорджа Беллоуза (1882–1925), написанная в 1909 г.

Спортивный клуб Шарки располагался на Манхэттене через дорогу от студии художника и представлял собой обыкновенный кабаk, в котором имелась потайная комната с боксерским рингом. Подобные бои преследовались по закону, потому доступ в потайную комнату был разрешен только для членов клуба или местных полупрофессионалов. На картине изображена жесточайшая схватка двух боксеров, причем изображены они так, что с первого взгляда невозможно угадать исход поединка. Но на самом деле главными героями картины являются не боксеры, сцепившиеся в ритме «смертельной схватки», а сами зрители. Публика подобных клубов на окраинах города, где проводились демонстративные публичные бои, была намного более аморальна, чем сами бойцы.

«Купальщики» – картина Эдварда Генри Поттхаста (1857–1927).

«Альпинист» («Mountaineer») – возможно, картина Зигмунта Джозефа Менкеса (1896–1985), американского художника польского происхождения; его картина носит название: «Self-Portrait as a Mountaineer» (Автопортрет в образе альпиниста).

«Хирургическая клиника» («Surgical Clinic») – самая известная картина Томаса Икинса (1844–1916); точное ее название «Хирургическая клиника профессора Гросса» (The Surgical Clinic of Professor Gross, 1875). На ней изображен известный филладельфийский хирург Сэмюэль Гросс, руководящий операцией (судя по всему, по удалению части кости из бедра пациента) перед заполненным студентами амфитеатром медицинской академии, реализм которой послужил причиной скандала. Картина воспринимается как романтическая, но в то же время беспощадно натуральная – благодаря подробностям анатомической диссекции – ода науке. Героическая фигура доктора Гросса прочитывается как гимн достижениям человеческой мысли.

«Рудокопы» (Miners, точнее: Miners in Sierras) и «Воскресное утро на прииске» («Sunday Morning at Mines») – картины американского художника немецкого происхождения Чарльза Христиана Наля (Nahl; 1818-1878)

«Уличный мальчишка» («Street Urchin») – картина Джона Джорджа Брауна (1831–1913). — 196

^{13*} Alter ego (*лат.*) – другой я, «альтер эго». — 197

^{14*} Конкордская школа, Конкордская школа в философии – условное название Трансцендентального клуба, участниками которого были А.Б. Олкотт, Г. Торо, Р. Эмерсон, Н. Готорн и др. Основатель школы Амос Бронсон Олкотт (1799–1888) рядом со своим домом в Конкорде (штат Массачусетс, город расположен в 32 км от Бостона) построил большой деревянный сарай, расставил там грубые стулья и скамейки и назвал это «Философской школой» (открытие ее состоялось летом 1879 г.). Школа отчасти подражала Платновской академии, в ней читались воспоминания трансценденталистов, неопубликованные в то время дневники Г. Торо, но было много лекций и на другие философские темы, в основном о неоплатонизме, гегельянстве, о Канте и Фихте. Своеобразной философской летописью школы стали дневники ее основателя: *Alcott A.B. Concord Days*. Boston, 1872. — 199

Глава девятая

^{1*} См. прим. 42* на с. 533. — 205

^{2*} См. прим 12* на с. 530. — 205

^{3*} См. прим. 11* на с. 534. — 205

^{4*} Флагелланты (от *лат.* flagellare – «бичевать») – полусектантское движение, охватившее Западную Европу с середины XIII в. Флагелланты призывали к самобичеванию в знак покаяния и «крещения кровью», якобы дающего искупления грехов. Движение их приобрело характер массового психоза. В Италии, Франции, Германии, Чехии, Польше и других европейских странах толпы флагеллантов ходили из города в город, предвещая скорый конец света и нередко выступая против церкви и ее установлений: праздников, культа святых, индульгенций и т. п. Первое крупное массовое самобичевание имело место в начале XIII в., когда толпы народа в Северной Италии под влиянием агитации францисканца Антония Падуанского совершили публичные процессии самобичевания. В 1261 г. папа запретил процессии флагеллантов, но во время «Черной смерти» 1346-1350 гг. и в связи с землетрясением в Италии 1348 г. движение флагеллантов оживилось и в короткое время охватило почти всю Западную Европу, включая Англию, Данию, Нидерланды и другие страны. Папа Климент VI в 1349 г. осудил это движение. Но еще в течение столетия процессии флагеллантов время от времени устраивали в различных местах, главным образом в Альпах, Провансе и в Северной Италии. — 206

^{5*} Raison d'être (*фр.*) – разумное основание, смысл. — 207

^{6*} См. прим. 8* на с. 523. — 209

^{7*} Fine and dandy – в английском языке устойчивое разговорное выражение со значением «все отлично». В данном случае – это название песни из одноименного бродвейского мюзикла, написанного Кей Свифт (1897–1993) в 1930 г. и выдержавшего 255 представлений (дословно его название с учетом жанра можно перевести так: «Все отличненько»). Слова написал ее тогдашний муж Джеймс Пол Варбург (1896–1969), банкир, племянник Я. Шиффа, немецкий еврей по происхождению, выступавший под псевдонимом Пол Джеймс. Песню ис-

попляли многие популярные исполнители, от Фрэнка Лютера и Луи Армстронга до Барбары Стрейзанд

К. Свифт была штатным композитором в Радио-Сити-Мьюзик-Холле и директором легкой музыки для Всемирной выставки 1939 г., а Дж.П. Варбург в последующие годы стал «отцом-основателем» федеральной резервной системы США, а после Второй мировой войны – одним из организаторов общества по предотвращению третьей мировой войны. Подробнее см.: *Oh! V. Fine & Dandy: The Life and Work of Kay Swift*. Yale University Press, 2004.

Здесь уместно будет отметить, что три системы культуры – идеациональная, идеалистическая и чувственная – не только отличаются набором тех качеств, которыми их наделяет П.А. Сорокин, но обладают еще и своим особым «звучанием». Поэтому пытливому читателю можно посоветовать прослушать в качестве образца идеациональной музыки – «Requiem K626 – Dies Irae» Моцарта, в качестве образца музыки идеалистической – «Оду к Радости» Бетховена, а «Fine and dandy» (в любом исполнении) – как типичный образчик чувственной музыки XX в. — 209

* Кандид – наивный и простодушный персонаж одноименной «философской повести» Вольтера, который принимает на веру слова философа Панглоса о том, что «все происходит к лучшему в этом лучшем из возможных миров».

Полианна – героиня романа американской писательницы Элинон Портер (1868–1920) «Полианна», опубликованного в 1913 г. После внезапной смерти родителей героиня романа маленькая Полианна переезжает жить к своей тете в деревню, где очень скоро становится всеобщей любимицей. Завоевать симпатии окружающих девочке помогают уникальная способность вычленять позитивный элемент в любых, даже самых печальных событиях и решительное неприятие всего мрачного. Видеть во всем только хорошее – этот способ восприятия мира нередко именуют «принципом Полианны». Роман неоднократно был экранизирован, в 1920 г. вышел фильм «Полианна» с Мэри Пикфорд в главной роли. На русский язык роман переведен, по крайней мере, дважды (М.: ЭНАС-Книга, 2014; М.: «Махаон», 2015). — 210

* В оригинале: «Professor Quiz» – первая американская радиовикторина, транслировавшаяся с 1936 по 1948 г. на каналах Си-Би-Эс и Эй-Би-Си. Участниками викторины были: профессор Квиз, его жена Бетти и их сын профессор Квиз-младший. Смысл передачи заключался в следующем: радиослушатель задавал вопрос, и если никто из профессорской семейки не мог дать на него правильный ответ, получал в качестве награды 25 долларов. Само словечко «quiz» имеет множество значений (викторина, тест, экзамен, но и – чужак, насмешник), поэтому на русский язык название можно перевести по-разному (мы подобрали вариант, который у российского читателя и слушателя вызовет примерно такой же ряд ассоциаций, какое оригинальное название викторины вызывало у слушателя англоязычного). Вел программу диктор Роберт (Боб) Траут (1909–2000), который за свое умение импровизировать в прямом эфире, хладнокровие и ораторское искусство получил прозвище «Радио-Столп» («Iron Man of Radio»). Он особенно прославился в годы Второй мировой войны, и именно он 14 августа 1945 г. объявил американцам о ее окончании (хотя официальной датой ее окончания считается 2 сентября 1945 г. – день подписания акта о капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури»): «Мы только что говорили по телефону с Белым домом в Вашингтоне. Япония полностью согласилась на условия капитуляции, выдвинутые союзниками. Леди и джентльмены, это означает конец Второй мировой войны! Объединенные нации совместными усилиями на земле, на воде и в воздухе... победили!»

См. также прим. 14* на с. 544. — 210

^{10*} В оригинале: swings. — 211

^{11*} См. прим. 13* на с. 549. — 211

^{12*} В оригинале: «New Dealer» or «Old Dealer». — 213

^{13*} Следует обратить внимание на то, что к цепочке религиозных понятий «Кризис–Катарсис–Харизма–Воскресение», символизирующих этапы выхода человечества из кризиса, охватившего современную чувственную культуру, которой заканчивается и полный и сокращенный текст «Социальной и культурной динамики» (см.: *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006, с. 880; *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics. New York, 1962, vol. IV, p. 775), П.А. Сорокин добавляет здесь еще одно звено: Ordeal – Суд Божий. Все в целом это можно перевести и так: Кризис – Суд Божий – Очищение – Благодать – Воскресение. — 219

^{14*} Историю Древнего Египта принято делить на периоды: Древнего (конец IV–III тыс. до н. э.), Среднего (до XVI в. до н. э.), Нового (до конца XI в. до н. э.) царств, поздний и персидский (XI–IV вв. до н. э.; VI–IV вв. до н. э. – под властью персов) и эллинистический (IV–I вв. до н. э. (в составе государства Птолемеев). См. также прим. 5* на с. 524. — 219

^{15*} Вавилония, Вавилонское царство – рабовладельческое государство начала II тыс. – 539 г. до н. э. на юге Месопотамии (территория современного Ирана). — 219

^{16*} *Volentem fata ducunt, nolentem trahunt* (*лат.*) – желающего идти судьба ведет, не желающего – тащит. Цитата из стихотворения греческого философа-стоика Клеанфа (III в. до н. э.), приведенного Сенекой.

Властитель неба, мой отец, веди меня
Куда захочешь! Следую не мешкая,
На все готовый. А не захочу – тогда
Со стонами идти придется грешному,
Терпя все то, что претерпел бы праведным.
Покорных рок ведет, влечет строптивого.

«Так и будем жить, так и будем говорить, – заключает Сенека, процитировав этот стихотворный отрывок. – Пусть рок найдет нас готовыми и не ведающими лени! Таков великий дух, вручивший себя богу. И, наоборот, ничтожен и лишен благородства тот, кто упирается, кто плохо думает о порядке вещей в мире и хотел бы лучше исправить богов, чем себя» (*Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977, с. 270; письмо CVII, 11–12). — 222

^{17*} Блажен приходящий во имя Божье! (*лат.*). — 222

РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Перевод выполнен В.В. Саповым по первому изданию (за исключением десятой главы), титульный лист которого помещен на с. 224.

Титульный лист второго издания см. на с. 250.

На английском языке книга переиздавалась дважды: в 1950 (к этому изданию автор написал дополнительную главу) и 2007 г. (с предисловием Э. Тириакияна, но без дополнительной главы, включенной в издание 1950 г.).

Книга переведена на испанский (1944, 1947), итальянский (1962) и японский (1953) языки.

В русском переводе книга полностью печатается впервые. До сих пор в России была переведена и опубликована лишь вторая ее глава под названием «Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России [Фрагменты]» (Социологические исследования, М., 1993, № 8, август, с. 133–145).

В комментариях учтены все наиболее существенные разночтения между первым и вторым изданиями книги.

Книга «Россия и Соединенные Штаты» вызвала довольно много рецензий (перечисляем их в алфавитном порядке авторов; все они переведены и помещены в Приложениях к настоящему изданию, где они расположены в хронологическом порядке):

- Bain R.* // *Social Forces*. 1944, vol 23, № 1, October, p. 105–106;
E.G.L. // *The Cambridge Law Journal*. 1952, vol. 10, № 2, July, p. 333–334;
Fedotoff White D. // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1944, 1 January, vol. 234, issue 1, p. 133–134;
Fisher R.H. // *Pacific Historical Review*. 1944, vol. 13, № 3, September, p. 349–350;
Florinsky M.T. // *Political Science Quarterly*. 1944, vol. 59, № 2, June, p. 299–300;
Gurian W. *Approaches to Russia* // *The Review of Politics*. 1944, vol. 6, № 2, April, p. 247–253;
Halevy P. *Russia and Postwar Europe* by David J. Dallin; *USSR: The Story of Soviet Russia* by Walter Duranty; *What Russia Wants* by Joachim Joesten; *Russia and the United States* by Pitirim A. Sorokin; *A History of Russia* by George Vernadsky. New Revised Edition. New York: New Home Library, 1944. 517 pp. // *Far Eastern Survey*. 1944, vol. 13, № 13, Jun. 28, p. 123;
McClellan G.S. *The Road to Teheran*, By Foster Rhea Dulles; *Russia and the United States*. By Pitirim A. Sorokin // *American Political Science Review*. 1944, vol. 38, № 3, June, p. 582–583;
Parsons W. // *The American Catholic Sociological Review*. 1944, vol. 5, № 2, June, p. 130–132;
Ross E.A. // *American Sociological Review*. 1945, vol. 10, № 1, February, p. 104–105;
Schapiro L. // *International Affairs*. 1951, vol. 27, № 1, January, p. 106–107;
Weigert H.W. *Basic Values for Mutual Understanding* // *The Saturday Review*. 1944, April 8, p. 12.

Предисловие

^{1*} *Pro domo sua* (лат.) – букв.: в защиту своего дома, т. е. о себе, о своих делах. — 247

^{2*} См. прим. 16* на с. 551. — 248

Глава первая

^{1*} Для второго издания книги (1950) П.А. Сорокин вместо двух первых параграфов первой главы написал следующий параграф:

«1. Катастрофическая перемена»

Послевоенные годы были отмечены кардинальным изменением отношений между Соединенными Штатами и Россией. На смену нерушимому миру и дружбе, продолжавшимся на протяжении всей истории Соединенных Штатов, пришли “холодная война” и враждебность. Войну ведут если и не народы Америки и России, то правящие круги обеих стран. Перемена значительная и катастрофичная. Они влечет за собой большие потери для каждой из этих стран и для всего мира.

1. Эта перемена положила конец утопии прочного мира между двумя великими державами, характерного для российско-американских отношений до тех пор, пока не наступил мир.

2. Она лишила обе страны неисчислимого множества жизненных, социальных и культурных благ, в результате чего оба народа понесли невозместимые потери.

3. Она затронула и остальные страны мира, причинив человечеству тяжелые страдания и безграничные лишения.

Во всех этих отношения перемена носит регрессивный, а не прогрессивный характер. Впоследствии каждый из этих пунктов будет рассмотрен подробно, а заодно и дан ответ, почему и как все это произошло. А сейчас очертим существенные особенности российско-американской дружбы, существовавшей до тех пор, пока не произошла указанная перемена» (р. 1). — 251

^{2*} Объединенные Нации – термин, которым было принято называть государства, входившие во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. в антигитлеровскую коалицию и создавшие в 1945 г. Организацию Объединенных Наций (ООН). — 251

^{3*} Во втором издании первые два предложения этого параграфа (второго по новой нумерации) – исключены (р. 1). — 253

^{4*} После того как тринадцать британских колоний в 1776 г. провозгласили свою независимость, английский король Георг III пытался найти союзников в Европе для борьбы с взбунтовавшимися колониями. Но все его попытки оказались безуспешны. Российское правительство также отказало в просьбе предоставить русские войска для подавления восстания. Более того, Екатерина II в ответ на самовольные попытки англичан осматривать нейтральные военные суда в целях изъятия военной контрабанды предложила другим государствам, занимавшим нейтральную позицию в англо-американском конфликте, присоединиться в 1780 г. к «Декларации о вооруженном нейтралитете». Декларацию, помимо России, подписали Австрия, Дания, Королевство обеих Сицилий, Голландия, Португалия, Пруссия и Швеция. Эти страны и получили название «Лиги вооруженного нейтралитета». Но когда и конгресс США объявил о своем стремлении примкнуть к Лиге, что фактически означало бы международное признание нового государства, Екатерина II отклонила такую возможность из принципа монархической солидарности. Но так или иначе, внешняя политика России усложняла положение Англии и объективно содействовала успеху завоевания независимости Соединенными Штатами. — 253

^{5*} Фрэнсис Дейна был назначен посланником в Петербург еще до установления официальных дипломатических отношений между Россией и США и без получения агремана – согласия правительства принимающего государства на назначение конкретного лица. В Петербурге Дейна должен был подписать конвенцию о присоединении США к Лиге вооруженного нейтралитета (см. предыдущее прим.) и согласовать статьи предполагаемого договора о дружбе и торговле. В августе 1781 г. Дейна прибыл в Петербург в сопровождении юного Джона Куинси Адамса (ему было в то время всего 14 лет), являвшегося его личным секретарем, но так и не смог вручить верительную грамоту, оставаясь лишь «частным лицом, путешествующим с целью ознакомления со страной». Признавая существование США де-факто, Россия отказывалась официально принять американского дипломата до подписания мирного договора. В России Дейна пробыл два года, но мало что смог сделать для того, чтобы «заручиться поддержкой и расположением» со стороны императрицы России и «заложить основу для взаимопонимания и других связей» между Россией и США «в целях взаимной выгоды» обеих стран. Российская империя и США обменялись послами лишь в 1809 г. Первым послом Соединенных Штатов в России стал Джон Куинси Адамс, ранее уже побывавший в Росси, а впоследствии ставший шестым президентом США (1824–1829); в должности посла в России он оставался до 1814 г. Первым послом России в США («чрезвычайным посланником и полномочным министром России при Конгрессе США») был назначен в 1808 г. Андрей Яковлевич Дашков (1775–1831), оставшийся в этой должности до 1817 г. — 253

^{6*} В оригинале: *Boxer uprising* – восстание боксеров, Ихэтуаньское восстание (от «ихэтуани» – букв.: отряды гармонии и справедливости) – народное восстание в Китае в 1899–

1901 г., направленное против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая. Восстание было подавлено альянсом восьми держав (США, Великобритания, британские войска колониальной Индии, Франция, Россия, Япония, правительственные войска Китая). — 254

^{7*} Лк. 2, 14. — 255

^{8*} Во втором издании вся нижеследующая часть этого параграфа исключена (р. 4). — 255

^{9*} Во втором издании предыдущая часть предложения исключена (р. 4). — 256

^{10*} Во втором издании последнее предложение заканчивается словами: «...in favor in peace in the pre-armistice period» (р. 4), что в переводе звучит, конечно, очень странно: «...способствующих сохранению мира в период, предшествовавший прекращению военных действий». Кроме того, во втором издании ссылка на вторую и десятую главы отсутствует, причем во втором издании десятая глава стала одиннадцатой. — 256

^{11*} Lebensräum (*нем.*) – жизненное пространство. — 257

^{12*} Борьба между великими державами за право постройки железных дорог в Китае началась в середине 1890-х гг. Наиболее активно действовали финансовые группировки Англии, Франции и США. Каждую финансовую группу поддерживало свое правительство. Дело в том, что в случае постройки дороги управляющий и технический персонал должен был состоять в основном из граждан страны, которой будет передана концессия, а для охраны железной дороги будут введены или иностранные войска, или китайская охрана, вооруженная и контролируемая руководством железнодорожной компании. Банковский синдикат США предложил китайскому правительству грандиозный проект железной дороги Кантон–Ханькоу–Пекин и далее, через Маньчжурию, до соединения с русской Транссибирской магистралью. Министру финансов С.Ю. Витте удалось склонить Николая II к поддержке русского проекта Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

В итоге к концу 1898 г. Англия получила от Китая концессии на сооружение железной дороги общей протяженностью 2800 миль, Россия – 1530 миль, Германия – 720 миль, Франция – 420 миль, Бельгия – 650 миль, США – 300 миль. Высший надзор на КВЖД сосредотачивался в руках С.Ю. Витте, который стал подлинным правителем КВЖД, а фактически и всей Маньчжурии. Строя и руководя службой железной дороги, он совмещал и круг деятельности, принадлежащей министру путей сообщения. В действительности Витте стал «негласным наместником», хотя и жил он не в районе своей новой и сложной службы, а по-прежнему в Петербурге, где оставался министром финансов. — 258

^{13*} Внезапное нападения японской авиации на американские военно-морскую и воздушные базы, расположенные в окрестностях Перл-Харбора на острове Оаху (Гавайские острова), произошло воскресным утром 7 декабря 1941 г. Атака состояла из двух авиационных налетов, в которой участвовало 353 самолета, вылетевших с 6 японских авианосцев. Итогом нападения стало затопление четыре линкоров ВМС США (два из которых были восстановлены и возвращены к службе в конце войны), еще четыре были повреждены. Японцы также потопили или повредили три крейсера, три эсминца, один минный заградитель; уничтожили 188–272 самолетов (по разным источникам); человеческие жертвы – 2403 убитых и 1178 раненых. Из-за нападения, в особенности из-за его характера, общественное мнение в Америке резко изменилось с изоляционистской позиции в середине 1930-х годов до прямого участия в военных действиях. 8 декабря 1941 г. президент США Франклин Рузвельт выступил на объединенном заседании обеих палат Конгресса и потребовал с 7 декабря, «дня, который войдет в историю как символ позора», объявить войну Японии. Конгресс принял соответствующую резолюцию: с этого дня США вступили во Вторую мировую войну. — 259

^{14*} Во втором издании вместо «В условиях нынешнего кризиса...» – «Во Второй мировой войне...» (р. 8). — 259

^{15*} Во втором издании нижеследующий текст заменен таким:

«Если после окончания военных действий прочные мирные отношения сменились “холодной войной” и напряженностью, то должно было произойти серьезное столкновение между какими-то жизненно важными интересами двух стран. Кроме того, мы увидим, что на самом деле такое столкновение произошло без малейшего желания со стороны обеих стран. Общее состояние западной и русской культуры и общества, равно как и Вторая мировая война (и то и другое – детища единой социокультурной ситуации) внезапно поставили обе нации в положение грозных соперников, а их чувственные ценности пришли в столкновение друг с другом. Каким был характер этих столкнувшихся интересов, как и почему произошло это столкновение, будет всесторонне проанализирован в десятой главе. А сейчас достаточно будет отметить эту катастрофическую перемену и назвать ее общую причину: переход от гармонии жизненных интересов обеих стран к конфликту между определенными и, видимо, важными ценностями обеих стран. Как уже упоминалось, ни та, ни другая страна не раздували преднамеренно этот конфликт, он был навязан им фундаментальным процессом дезинтеграции нашей чувственной западной культуры, которая доминировала на протяжении последних пяти столетий. Если конфликтующие ценности действительно важны и непримиримы, ничто не сможет остановить конфликт и предотвратить третью мировую войну. Если ценности, находящиеся в состоянии конфликта, являются ценностями мнимыми и их можно примирить, то “холодная война” в конце концов выдохнется и вновь восстановится многовековая дружба.

Именно этим конфликтом интересов-ценностей, и больше ничем иным, объясняется та катастрофическая перемена, о которой идет у нас речь. Социокультурная близость или сходство играет важную, но не решающую роль как в этом, так и в других союзах и войнах между нациями и социальными группами» (р. 8). — 259

Глава вторая

^{1*} 8 (18) января 1654 г. в Переяславле была созвана рада, на которой после речи Богдана Хмельницкого, указывавшего на необходимость для Украины выбрать кого-нибудь из четырех государей: султана турецкого, хана крымского, короля польского или царя московского и отдаться в его подданство, народ единодушно закричал: «Волим под царя московского, православного». — 265

^{2*} В 1783 г. (24 июля/4 августа) был подписан Георгиевский трактат (в крепости Георгиевск на Северном Кавказе) Российской империи с объединенным грузинским царством Картли-Кахетия (Восточная Грузия) о переходе Грузии под протекторат России. Уполномоченным со стороны России был П. Потемкин, со стороны Грузии – князя Иванэ Багратион-Мухранский и Гарсеван Чавчавадзе. По договору царь Ираклий II признавал покровительство России и частично отказывался от самостоятельной внешней политики, обязываясь своими войсками служить российской императрице. Екатерина II со своей стороны выступала гарантом независимости и целостности территорий Картли-Кахетии. Грузии предоставлялась полная внутренняя самостоятельность. — 265

^{3*} Охотск, первый город и одно из старейших русских поселений на Дальнем Востоке, был основан (точнее, заложен как «острожек») в 1639 г. отрядом казаков под началом Ивана Юрьевича Москвитина (ок. 1603–1671). Правда, отряд этот состоял не из 54 человек, а из 20 томских и 19 красносарских «служилых людей». — 266

^{4*} Имеется в виду Чукотская экспедиция под командованием Семена Дежнева (ок. 1605–1673). Когда 30 июня 1648 г. экспедиция вышла из Колымы, она состояла из 90 человек. В морских бурях пропало несколько кораблей (два из них разбились о льдины, а еще два были унесены во время шторма), так что в пролив, 80 лет спустя названный Беринговым, вошло только три судна. После того как суда прошли пролив, они вышли к Анадырскому заливу, а затем обогнули Олюторский полуостров. Корабль экспедиции, на котором находилось 25 человек, выбросило на берег. Отсюда путешественники пешим ходом двинулись на север. К началу 1649 года 13 человек достигли устья реки Анадырь. Затем Дежнев и его товарищи поднялись вверх по реке и заложили там зимовье. Кроме того, мореходы основали Анадырский острог. Здесь Дежнев и прожил десять лет. — 265

^{5*} Во втором издании вместо «в этой войне» – «во Второй мировой войне...» (р. 16). — 268

^{6*} Курляндия (полное название Курляндия и Семигалия) – герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии с 1561 по 1795 г. На протяжении практически всей истории герцогства, до 1791 г., правители Курляндии признавали себя вассалами Великого княжества Литовского и пришедшей ему на смену Речи Посполитой. Столицей герцогства была Митава (ныне Елгава). При третьем разделе Польши (март 1795 г.) Курляндия была присоединена к Российской империи, где на ее территории была образована Курляндская губерния.

Герцогство Брауншвейг было создано по итогам Венского конгресса (1814) на основе княжеств Брауншвейг-Люнебург и Брауншвейг-Вольфенбюттель; столицей герцогства стал город Брауншвейг. После смерти последнего (из династии Вельфов) герцога в 1884 г. фактически превращено в провинцию Пруссии во главе с одним из членов прусского правящего дома Гогенцоллернов.

Голштиния – герцогство в Северной Германии, между Эйдером, Эльбой, Траве, Немечким и Балтийским морями; сын герцога Карла-Фридриха (1702–39), Карл-Петр-Ульрих, был, как племянник императрицы Елизаветы и внук Петра Великого, объявлен в 1742 г. наследником русского престола, который и занял в 1761 г. под именем Петра III. — 269

^{7*} Эту последнюю фразу П.А. Сорокин во втором издании книги исключил (р. 18). — 270

^{8*} Цитата из письма Александра I, написанного в Вене 18/30 апреля 1815 г. (оригинал – на французском языке). Приводим его полностью:

C'est avec une satisfaction particulière que Je vous annonce que le sort de votre patrie vient enfin d'être fixé, par l'accord de toutes les puissances réunies au congrès.

En prenant le titre de Roi de Pologne, J'ai voulu satisfaire aux vœux de la nation. Le royaume de Pologne sera uni à l'empire de Russie par les titres de sa propre constitution, sur la quelle Je désire fonder le bonheur du pays.

Si le grand intérêt du repos général n'a pas permis que tous les Polonais fussent réunis sous le même sceptre, Je Me suis efforcé du moins d'adoucir, autant que possible, les rigueurs de leur séparation, et de leur obtenir partout la jouissance possible de leur nationalité. Avant que les formalités qui restent à remplir permettent de publier, d'une manière circonstanciée, tous les points concernant l'arrangement définitif des affaires de Pologne, J'ai voulu qu'en substance vous en soyez le premier informé de ma part, et Je vous autorise d'instruire du contenu de la présente vos compatriotes.

Recevez assurance de Mon estime sincère. Vienne, le 18 (30) avril 1815.

Alexandre.

[С особым удовлетворением, объявляю вам, что судьба вашей родины, по согласию всех стран-участниц конгресса, наконец-то, решена.

Принимая титул короля Польши, я хотел бы соответствовать пожеланиям народа. Царство Польское войдет в состав Российской империи со своей собственной конституцией, на которую я хочу основать счастье страны. Если великий интерес всеобщего спокойствия не допустил, чтоб все поляки были соединены под одним и тем же скипетром, то я, по крайней мере, старался смягчить, насколько возможно, суровость разъединения их и доставить им повсюду возможное пользование их национальностью. Еще до того как будут соблюдены формальности, необходимые для обоснования всех пунктов соглашения по польскому вопросу, я хотел бы, что вы первый узнали об этом и сообщили эту новость своим соотечественникам.

Примите уверения в моей искренности. Вена, 18 (30) апреля 1815 г. Александр.]

Следует отметить, что дарование конституции Польше (в 1812 г. воевавшей против России на стороне Наполеона) вызвало резкое недовольство у части русского дворянства и стало одной из причин движения декабристов. — 272

^{9*} Во втором издании вместо последнего предложения напечатано: «Угнетение Польши коммунистами – это угнетение не со стороны России, а со стороны интернациональной фракции мировой революции» (р. 22). — 273

^{10*} Провозглашению независимости Финляндии предшествовали следующие события. 1/14 сентября 1917 г. Временное правительство России приняло постановление, в соответствии с которым на территории бывшей Российской империи была провозглашена Российская республика и был окончательно ликвидирован монархический способ правления в России (до созыва Учредительного собрания). Но основным законом Финляндии, определяющим верховную власть, оставался закон от 1772 г., утверждавший абсолютизм. Этот же закон предусматривал избрание новой высшей власти («новой династии») палатой представителей в случае отсутствия претендента, что впоследствии было использовано. Однако, несмотря на это, Временное правительство продолжало рассматривать Финляндию как часть России и 4/17 сентября 1917 г. им был назначен новый генерал-губернатор Финляндии — Н.В. Некрасов. А 8 сентября был сформирован последний финский сенат, имевший над собой русский контроль. 28 ноября 1917 г. парламент Финляндии взял на себя высшую власть в стране и сформировал новый состав правительства под руководством П.Э. Свинхувуда, которое уполномочило своего председателя представить в палату представителей (или сейм, как называли его в Российской империи) проект новой конституции Финляндии. 4 декабря 1917 г. председатель Сената Свинхувуд огласил заявление сената «К народу Финляндии», в котором было объявлено о намерении изменения государственного строя Финляндии (о принятии республиканского способа правления), о представлении в парламент проекта новой конституции Финляндии, а также содержалось обращение «к властям иностранных государств» (в частности к Учредительному собранию России) с просьбой о признании политической независимости и суверенитета народа Финляндии (которое позднее было названо «Декларацией независимости Финляндии»). 6 декабря 1917 г. указанное заявление (декларацию) одобрил парламент Финляндии, и с тех пор этот день отмечается как День независимости Финляндии. 18/31 декабря 1917 г. государственная независимость Финляндской Республики первой была признана правительством Российской Советской Республики, возглавляемой В.И. Лениным. За первую неделю января 1918 г. независимость Финляндии была признана пятью государствами Европы. — 274

^{11*} Во втором издании книги это примечание отсутствует (р. 24). — 275

^{12*} Во втором издании это предложение снято. Изменено и начало следующего: вместо «С другой стороны, нельзя забывать о том...» – «Нельзя забывать и о том...» (р. 24). — 275

Глава третья

^{1*} Кефалический (от *греч.* kephale – «голова») показатель – соотношение длины и ширины черепа; в зависимости от этого соотношения выделяют:

брахицефалию (от *греч.* brachys – «короткий») – короткоголовость, такое соотношение длины и ширины черепа, при котором ширина черепа больше 0,8 его длины; *долихоцефалию* («длинноголовость»), когда соотношение ширины и длины черепа составляет 0,75, и *мезоцефалию* («среднеголовость»), когда оно колеблется в пределах от 0,75 до 0,79.

С помощью этих пропорций головы можно выделить локальные антропологические типы. Со времен средневековья по сравнению с предшествующими эпохами наблюдался процесс брахицефализации; со второй половины XIX в. процесс пошел в обратном направлении (дебрахицефализация), т. е. черепа становятся уже и длиннее. В настоящее время установлено, что черепной показатель не связан с умственными способностями. — 279

^{2*} Соединенные Штаты оккупировали Никарагуа с 1912 по 1933 г., Кубу – с 1898 по 1902 г. 22 мая 1903 г. между Кубой и США был заключен постоянный договор, в который была полностью включена Поправка Платта, которая закрепила зависимость молодой республики от Вашингтона, дав США право на интервенцию и на организацию на Кубе морских американских баз, а также запретив Гаване сдавать свою территорию любому иностранному государству. Поправка Платта также закрепила за американским бизнесом собственность, приобретенную в период военной оккупации. Оккупация Соединенными Штатами Гаити, начавшаяся в июле 1915 г. с высадки 330 морских пехотинцев в Порт-о-Пренс по распоряжению президента США Вудро Вильсона с целью защиты интересов американских корпораций, закончилась 1 августа 1934 г. Последний контингент морской пехоты США отбыл 15 августа 1934 г. после формальной передачи власти вооруженным силам Гаити. — 281

^{3*} Во втором издании эта фраза изменена следующим образом: «...таких как электрическая лампочка (изобретенная А.Н. Лодыгиным и П. Яблочковым за два года до Томаса Эдисона), беспроводный телеграф (изобретенный А.С. Поповым в 1897 г.) и многие другие». К этому месту сделано примечание: Ср.: *Ipatiev V.N. Modern Science in Russia // Journal of Chemical Education. 1945, April, p. 159–166 (p. 31).* — 282

^{4*} Во втором издании вместо «нынешней войны» – «Второй мировой войны» (р. 33). — 283

^{5*} Свидетели Иеговы – секта, возникшая в Пенсильвании в 1870 г. как группа по изучению Библии, основанная Чарльзом Расселом. Рассел начал писать серию книг под названием «Исследования Писаний», которая до его смерти насчитывала шесть томов. Эти книги включают в себя практически всю теологию Свидетелей Иеговы. После смерти Рассела его друг и преемник, Джозеф Резерфорд, в 1917 г. написал седьмую и последнюю книгу из серии – «Совершенная тайна». В 1886 г. было основано общество Сторожевой башни для обеспечения быстрого распространения учений движения. Свидетели Иеговы верят, что Иисус – это архангел Михаил, наивысшее когда-либо созданное существо, верят, что спасение достигается через сочетание веры, добрых дел и покорности. Они отвергают идею Троицы, говоря, что Иисус является созданной особой, а Дух Святой они считают просто силой Господней. Свидетели Иеговы опровергают концепцию искупления Христом всех грехов верующих Своей смертью – вместо этого они придерживаются теории, которая говорит, что смерть Иисуса – это плата только лишь за первородный Адамов грех.

О церкви четырехстороннего Евангелия см. прим. 12* на с. 544. — 283

^{6*} Во втором издании вместо «этой войны» – «Второй мировой войны» (р. 33). — 284

^{7*} *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л, 1984, т. 26, с. 145–148. В оригинале П.А. Сорокин приводит выдержки из речи Достоевского «в вольном пересказе»

(in a free translation). Речь заканчивается заключительной строфой стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855):

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя. — 286

^{8*} Во втором издании вместо «выполняет ее и сейчас, ведя борьбу с гитлеровскими полчищами» – «и, наконец в своей эпохальной борьбе с гитлеровскими полчищами» (р. 37). — 287

^{9*} Во втором издании вместо этой фразы – «Ценой почти двадцати миллионов русских жизней и несметных материальных затрат она спасла Объединенные Нации от нацистской угрозы» (р. 37). — 287

^{10*} В мае 1899 г. и в июне 1907 г. в Гааге по инициативе русского правительства (исходившей от Николая II) были проведены международные конференции по проблемам разоружения и предотвращения войн. В первой конференции приняли участие представители 26 стран, во второй – представители от 21 европейского государства, 19 американских государств и 4 азиатских. Гаагские конференции приняли ряд постановлений в целях сделать войну менее жестокой и разрушительной. В частности, были приняты декларации о запрещении бомбардировок с воздуха населенных мест и употребления ядовитых газов и разрывных пуль. Также был учрежден Гаагский трибунал, первый международный постоянный арбитражный суд в истории человечества. — 289

^{11*} См. прим. 2* на с. 522. — 289

^{12*} «Религия человечества» О. Конта изложена им в «Системе позитивной политики» (т. 1–4, 1851–1854; на рус. язык не переводилась). Самое краткое и содержательное изложение ее дает В.С. Соловьев в своей статье о Конте, написанной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (см.: Собрание сочинений. СПб., б/г, т. X, с. 391–396). Объектом поклонения в позитивной религии Конта было человечество как Великое Существо. Но это не есть человеческое общество в его эмпирической данности и не возможная перспектива его будущего справедливого устройства. Великое Существо охватывает наиболее достойных представителей человеческого рода, мертвых и живых, все то лучшее, что было, есть и будет в историческом творчестве людей. По существу это культ великих и достойных людей человеческой истории. Роль первосвященника новой религии О. Конт сохранил за собой. За поддержкой и предложениями он обращался к русскому императору Николаю I, великому визирию Решид-паше и к ордену иезуитов. Переговоры эти не дали результатов и прекратились из-за смерти «реформатора» в 1857 г. — 289

^{13*} Дмитрий Николаевич Рудин – главный герой романа И.С. Тургенева «Рудин» (1855), один из так называемых «лишних людей». В эпилоге романа он погибает на баррикадах Парижа во время революции 1848 г. — 289

Глава четвертая

^{1*} Массачусетс (Massachusetts) – штат на северо-востоке США. Именно на территории этого штата в 1620 г. у берегов мыса Кейп-Код высадились пассажиры торгового судна «Мейфлауэр», покинувшие Англию по религиозным соображениям, и основали здесь первое европейское поселение – Плимутскую колонию. Освоиться на новом месте поселенцам помогли индейцы. Во время первого урожая в октябре 1621 г. англичане устроили трехдневный пир для индейцев. Вскоре появились новые переселенцы, в 1623 г. была основана колония

Глостер, в 1626 г. – Номкиг, которая позже превратилась в город Салем (Сейлем). В 1630 г. прибыла первая группа пуритан во главе с Джоном Уинтропом, который стал основателем Бостона. В 1636 г. был открыт Гарвардский университет, первое в стране учебное заведение такого ранга. Пуритане отличались религиозной нетерпимостью, в 1692 г. началась «охота на ведьм» в Салеме. На Салемском процессе было предъявлено 156 обвинений, 30 человек признано виновными, из них 14 женщин и 5 мужчин были повешены. Подробнее см.: *Слезкин Л.Ю.* Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981. — 291

^{2*} Во втором издании вместо «За последние несколько месяцев» – «Несколько лет назад» (р. 42). — 292

^{3*} Во втором издании вместо «нынешней войны» – «Второй мировой войны» (р. 44). — 294

^{4*} *Pater familias* (*лат.*) – глава семейства, обладавший по римскому праву безусловным и неограниченным господством над членами своей семьи. — 297

^{5*} Во втором издании вместо этого предложения: «Хотелось бы надеяться, что с возрождением в России подлинной свободы возродятся и свободные кооперативы» (р. 41). — 299

^{6*} Имеется в виду «Уголовный кодекс РСФСР», который формально считался редакцией кодекса 1922 г., но редакция была столь масштабной, что можно по сути дела говорить о новом уголовном кодексе. Именно в 1926 г. в кодексе появилась печально знаменитая 58 статья (действовавшая до принятия Уголовного кодекса 1960 г.). Критическому разбору Уголовного кодекса 1922 г. посвящена статья П.А. Сорокина «The New Soviet Codes and Soviet Justice» (*Michigan Law Review.* 1924, vol. 23, November, p. 38-52). — 301

^{7*} Во втором издании после этих слов следует: «Недавно высшая мера наказания была отменена. Но на деле советская карательная система по-прежнему остается жестокой и в значительной степени бесчеловечной» (р. 54).

Смертная казнь в СССР была отменена в мае 1947 г. Указом Верховного Совета, который формально действовал до принятия нового Уголовного кодекса РСФСР 1961 г. Однако смертная казнь за отдельные виды преступлений (измена родине, шпионаж, диверсия) стала применяться уже в 1950 г. К тому же после отмены смертной казни стал широко применяться 25-летний срок заключения в исправительно-трудовые лагеря. — 302

^{8*} См. прим. 40* на с. 529. — 302

^{9*} «Табель о рангах» введена Петром I в начале 1722 г. Согласно «Табели» все военные, придворные и гражданские чины делились на 14 классов (высший класс – 1-й) и соотносились между собой. Чины 1-го и 2-го классов имели титул «высокопревосходительство», 3-го и 4-го – «превосходительство», 5-го – «высокородие», 6-8-го – «высокоблагородие», 9-14-го – «благородие». По закону от 9 декабря 1856 г. лица с 4-го (военные – с 6-го) класса получали потомственное дворянство, с 9-го класса – личное дворянство. «Табель о рангах» была упразднена декретами Советской власти от 10 (23) ноября и 16 (29) декабря 1917 г. — 304

^{10*} *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории. СПб., 1909, § 109. — 304

^{11*} *Сoup de grâce* (*фр.*) – смертельный удар. — 305

^{12*} Таммани-холл – политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке, действовавшее с 1790-х по 1960-е гг. и контролировавшее выдвижение кандидатов и патронаж в Манхэттене с 1854 по 1934 г. Название происходит от имени Таманенда, дружественного белым вождя индейцев-делаваров, который якобы подписал мирный договор с квакером Уильямом Пенном. Таммани-холл разработало свои церемонии, подражающие

индейским обрядам, и изначально ставило целью борьбу за интересы средних американцев против набиравшей силу Федералистской партии. В 1800 г. его поддержка помогла Аарону Бурру стать вице-президентом США. После этого общество усиливало свое влияние, пока не превратилось в главную политическую силу Нью-Йорка и всего одноименного штата. Однако к 1870-м годам оно стало орудием верхушки Демократической партии и отличалось неразборчивостью в средствах и коррупцией своих лидеров. Особенно прославился на этом поприще «босс Твид» (Уильям Мэйджир Твид; 1823–1874), один из самых беспринципных за всю историю американских политиков, член Палаты представителей (1853–1855), сенатор от штата Нью-Йорк, лидер Демократической партии, глава Таммани-холла и так называемой «шайки Твида» (Tweed Ring). Его имя стало нарицательным для обозначения политической коррупции. По минимальным оценкам, время господства «шайки Твида» в Таммани-холле с 1850-х по 1873 г. обошлось казне и налогоплательщикам минимум в 75 миллионов долларов того времени, по максимальным оценкам – в 200 миллионов (в приблизительной калькуляции на цены 2007 г. – от 15 до 22 раз больше). После серии скандалов и расследований в 1930-х гг. Таммани-холл постепенно стало терять свое влияние. — 307

^{13*} Во втором издании вместо «нынешняя война» – «Вторая мировая война» (р. 60). — 308

^{14*} Генеральные штаты – высший орган сословного представительства (духовенства, дворянства, горожан) в феодальной Франции. Впервые Генеральные штаты были созданы в 1302 г.; в конце XIV в. они созывались все реже и часто заменялись собраниями нотаблей, с 1614 по 1789 гг. они не созывались вовсе. Накануне Великой французской революции, в условиях острого политического кризиса Генеральные штаты были созваны 5 мая 1789 г.; 17 июня депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, которое, в свою очередь, объявило себя Учредительным собранием, ставшим высшим представительным и законодательным органом революционной Франции. — 308

^{15*} У Котошихина речь идет о царе Михаиле Федоровиче. См.: *Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича*. СПб., 1859, с. 104 (гл. 8: О владетельстве царств и государств, и земель, и городов, которые под Российским царством лежат, и тех государств о воеводех). — 309

Глава пятая

^{1*} Известный «тезис» К. Маркса, сформулированный им в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843–1844): «Религия – есть *опиум* народа» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 1, с. 415). В оригинале: «opiate of the people's mind». — 311

^{2*} Согласно «Повести временных лет», в 986 г. к князю Владимиру «пришли болгары магометанской веры, говоря: “Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету”. И спросил Владимир: “Какова же вера ваша?” Они же ответили: “Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и избрет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том”, и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: “Руси есть веселие пить: не можем без того быть”. Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: “Пришли мы, посланные папой”, и обратились к Владимиру: “Так говорит тебе папа: “Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так

как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево”. Владимир же спросил их: “В чем заповедь ваша?” И ответили они: “Пост по силе: если кто пьет или ест, то все это во славу Божию, – как сказал учитель наш Павел”. Сказал же Владимир немцам: “Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого”. Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: “Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей веро. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля”. И спросил Владимир: “Что у вас за закон?”. Они же ответили: “Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу”. Он же спросил: “А где земля ваша?” Они же сказали: “В Иерусалиме”. А он спросил: “Точно ли она там?” И ответили: “Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам”. Сказал на это Владимир: “Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?”».

Затем прислали греки к Владимиру «философа», который кратко пересказал ему Священное писание от сотворения мира до распятия и воскресения Христа и далее до конца света и страшного суда. «И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: “Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева”. Философ же сказал: “Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись”. Владимиру же запало это в сердце, и сказал он: “Подожду еще немного”, желая разузнать о всех верах».

В следующем – 987 – году «созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: “Вот приходили ко мне болгары, говоря: ‘Прими закон наш’. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?” И сказали бояре и старцы: “Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, у кого какая служба и кто как служит Богу”. И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: “Идите сперва к болгарам и испытайте веру их”. Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: “Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю”. Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: “Зачем пришли?” Они же рассказали ему все. Услышав это, царь обрадовался и в тот же день сотворил им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: “Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего”. Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возжгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: “Идите в землю вашу”, и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: “Вот пришли посланные нами мужи, слушаем же все, что было с ними”, – и обратился к послам: “Говорите перед дружиною”. Они же сказали: “Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят

там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать”. Сказали же бояре: “Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей”». Так был окончательно решен вопрос о крещении Руси, состоявшемся в 988 г. См.: Повесть временных лет. СПб., 1996, с. 176–177, 185–186. — 312

^{3*} Иконоборчество – социально-религиозное движение в Византии VIII – первой половины IX вв., начавшееся (в известной мере под воздействием вероучений иудаизма и ислама, запрещающих изображать божество) отдельными выступлениями против культа икон в VII и начале VIII вв., главным образом в Армении и Фригии. Размах ему придал византийский император Лев III Исавр, который указом 730 г. запретил почитание икон. Запрет сопровождался конфискацией церковных сокровищ и уничтожением икон, что дало значительные материальные средства государству и провинциальной знати, которая вначале и была основным сторонником иконоборчества.

Противниками иконоборчества были Иоанн Дамаскин, Феодор Студит и др. Иконопочитание было восстановлено церковью в 787 г. на VII Вселенском (II Никейском) Соборе, а затем окончательно, после кратковременного нового успеха иконоборчества, – в 843 г.

Подробнее см.: *Поснов Э.М.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Киев, 1991, с. 455–463; Деяния VII Вселенского Собора. Казань, 1891 (Деяния 4-е и 5-е). — 312

^{4*} Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978, с. 393, 399, 401. — 313

^{5*} Альбигойцы – участники широкого еретического движения в Южной Франции, сторонники катаров и вальденсов; название происходит от города Альби, первоначального центра движения, или от искаженного названия албанцев (*Albanenses*), так как учение катаров распространилось с Балканского полуострова. Крестовые походы против альбигойцев были предприняты по инициативе папы Иннокентия III и продолжались с перерывами двадцать лет (1209–1229); окончательно ересь исчезла в XIV в.

Гугеноты – название с XVI в. французских протестантов (кальвинистов); название происходит от немецкого слова *eitgenôz* (собрат, соратник, союзник) или, по другой версии, от «Гуго», как обычно называли в то время во Франции швейцарцев. — 315

^{6*} Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов в Париже 24 августа 1572 г., организованная королевой-регентшей Екатериной Медичи и вождями католиков Гизами. — 315

^{7*} *Filioque* (букв.: «и сына» – *лат.*) – католическое дополнение к символу веры, в котором по формулировке первого и второго Вселенских соборов (325 и 381 гг.) говорится, что Святой Дух исходит от Бога-Отца. Полемика по поводу этого добавления послужила одной из главных догматических причин разделения церквей на католическую и православную в 1054 г. — 316

^{8*} См. прим. 3* на стр. 524. — 316

^{9*} *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 11, с. 303 (Братья Карамазовы, кн. 5, V). — 317

^{10*} Там же, с. 301, 298. — 317

^{11*} *Corpus mysticum (лат.)* – мистическое тело. — 319

^{12*} В предисловии к сборнику «Правда о религии в России» Патриарший Местоблюститель Сергей (с 1943 г. – Патриарх Московский и всея Руси) писал: «Эта книга есть ответ прежде всего на “крестовый поход” фашистов, предпринятый ими якобы ради “освобождения” нашего народа и нашей Православной Церкви от большевиков. Но вместе с тем книга отвечает и на общий вопрос: признает ли наша Церковь себя гонимой большевиками и просит ли кого об освобождении от таких гонений?»

Для тех, кто убежден в наличии гонений, линия поведения, принятая нашей Церковью в отношении фашистского нашествия, конечно, должна казаться вынужденной и не соответствующей внутренним чаяниям Церкви, а молитва о победе Красной Армии может казаться лишь отбыванием повинности, проформой, иначе говоря, одним из доказательств несвободы Церкви даже в стенах храма. [...]» (Правда о религии в России. Московская патриархия, 1942, с. 7–8).

И далее, в заметке «От редакции»: «Нет, Церковь не может жаловаться на власть. В нынешнем году праздник Пасхи прошел при исключительных обстоятельствах. Над страной нависли грозные тучи. Она терпит лютое нашествие фашистов. Москва на осадном положении. Тем не менее, правительство, идя навстречу желанию верующих, в пасхальную ночь разрешило совершение богослужения в 12 часов ночи, хотя это было сопряжено с большим риском. Так где же гонение на Церковь?» (Там же, с. 22). — 321

^{13*} Эти же слова Зиновьева П.А. Сорокин приводит в своей книге «Листки из русского дневника»: «Как профессор, я получил карточки второй категории. Карточки первой категории полагались только советским служащим и некоторым рабочим. Карточки третьей категории предназначались “буржуазным элементам” и “эксплуататорам”. По этим карточкам выдавали столько, чтобы можно было, по словам Зиновьева, “не забыть запах хлеба”. И действительно, по ним не выдавали ничего. Профессорам, как “полупаразитарному классу”, давали карточки второй категории, которых едва хватало только на то, чтобы не умереть с голоду» (Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 175). — 322

^{14*} Живоцерковники – сторонники «Живой церкви», одного из направлений так называемого обновленческого движения внутри православной церкви, начавшегося в 1922 г. Во главе «Живой церкви» и созданного ею Высшего церковного управления стояли протоиерей Александр Введенский, Владимир Красницкий, священники Александр Боярский, Евгений Белков, псаломщик Стадник и другие. На поместном соборе 1923 г., организованном «живоцерковниками», были утверждены «реформы» церковной жизни, в том числе закрытие монастырей и ликвидация святых мощей. Хотя многие священнослужители поддержали обновленческий раскол, массы народа сохранили верность «тихоновской» церкви.

Крайний радикализм программных установок «Живой церкви» и революционная фразеология членов этой группы шокировали умеренных сторонников церковной реорганизации, которые образовали «Союз церковного возрождения», возглавляемого председателем Высшего церковного управления архиепископом Антонином (Грановским). Программа данного союза отличалась неопределенностью позиций и нечеткостью формулировок. Главное внимание уделялось в ней освещению социальных аспектов христианского движения и фактически не рассматривался вопрос о преобразованиях в области догматики и уклада церковной жизни.

Вскоре в «Союзе церковного возрождения» обнаружили собственные радикалы, объединившиеся вокруг петроградского священника А. Введенского. Они отошли от группы

Антонина, образовав «Союз общин древлеапостольской церкви», занявший промежуточное положение между ранее возникшими группировками. «Союз общин древлеапостольской церкви» требовал весьма радикальных преобразований как в самом православии, так и в церковной организации, но его члены избегали «революционных» формулировок.

Состоявшийся в августе 1923 г. пленум Высшего церковного совета распустил «Живую церковь», «Союз церковного возрождения» и «Союз общин древлеапостольской церкви», а созданную на их основе организацию наименовал Российской православной церковью, тогда как раньше она называлась обновленческой церковью. Фактически деятельность обновленческого движения прекратилась к 1927–1928 гг., а со смертью своего главного идеолога А. Введенского в 1946 г. оно окончательно перестало существовать. Подробнее см.: Русское православие. Вехи истории. М., 1989, с. 623–634. — 323

^{15*} Н.А. Бердяев был избран профессором философского отделения историко-филологического факультета Московского университета в 1920 г. Следует отметить при этом, что в 1918 г. декретом Совета Народных Комиссаров отменялись все ученые степени и звания, а звание «профессор» оставалось для всех, кто способен вести занятия.

С.Н. Булгаков был профессором политэкономии до 1918 г.; в этом году он принял сан священника и был исключен из числа профессоров. По-видимому, эти биографические сведения П.А. Сорокин узнал от самого отца Сергия Булгакова. В октябре-декабре 1934 г. Булгаков был в Америке, где встречался, в частности, и с Сорокиным, о чем имеется запись в его дневнике, который он вел во время своей поездки. См.: *Булгаков С.Н. Тихие думы*. М., 1996, с. 408. — 325

^{16*} См.: *Сорокин П.А. Отправляясь в дорогу...* (Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского Университета, 21 февраля 1922 г.) // *Утренники*. Пг., 1922, кн. 1, с. 10–12. — 325

^{17*} Во втором издании вместо «В настоящее время» – «В годы Второй мировой войны» (р. 82). — 327

^{18*} Действительно, летом 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, издания Союза воинствующих безбожников были закрыты, а Союз практически прекратил свое существование; в июне 1941 г. вышел и последний номер газеты «Безбожник». — 327

^{19*} Во втором издании вместо «В настоящее время оно» – «Правительство» (р. 83). — 327

^{20*} Во втором издании последнее предложение снято (р. 83). — 328

Глава шестая

^{1*} Выражение «Поскреби русского – найдешь татарина» пришло к нам из французского языка, и в оригинале звучит так: «Grattez le Russe, et vous verrez un Tartare». Эта крылатая фраза приписывалась разным историческим лицам: Жозефу де Местру, Наполеону I, принцу де Линю и др. Наполеону ее приписывает полковник Ф.Б. Гагерн в своем «Дневнике путешествия по России в 1839 году»: «Наполеон справедливо заметил о них [русских]: “Soulevez l'épiderme et vous trouverez le tartare” [Поскребите его кожу – и вы найдете татарина]» (Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991, с. 671). Похожую мысль (и почти в тех же выражениях) высказывает и А. де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» («La Russie en 1839»): «Нравы русских жестоки, несмотря на все претензии этих полудикарей, и еще долго будут таковыми оставаться. Еще не прошло и столетия с тех пор, как они были настоящими татарами;.. и многие из этих выскочек цивилизации сохранили под теперешним своим изяществом медвежью кожу; они всего лишь вывернули ее наизнанку,

но стоит их поскрести, как шерсть появляется снова и встает дыбом» (*Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 1996, т. I, с. 290: Письмо семнадцатое.* — 329

^{2*} Ad infinitum et ad nauseam (*лат.*) – до бесконечности и до тошноты. — 329

^{3*} Во втором издании вместо «нынешней войны» – «Второй мировой войны» (р. 85). — 330

^{4*} См. прим. 11* на с. 554. — 334

^{5*} В 1898 г. после Испанско-американской войны Испания передала Филиппины, Кубу, Гуам и Пуэрто-Рико Соединенным Штатам за 20 миллионов долларов. В том же году филиппинцы во главе с Э. Агинальдо провозгласили себя независимыми от Испании, что привело к войнам с повстанцами и революции во время Филиппинско-американской войны, которая официально закончилась в 1902 г., несмотря на то, что единичные сражения продолжались до 1913 г. С собственным небольшим правительством Филиппинские острова стали зависимой территорией США и только в 1935 г. получили статус автономии в рамках США. Во время Второй мировой войны Филиппины были оккупированы японцами и фактически им была окончательно предоставлена независимость лишь в 1946 г. — 336

^{6*} Державы оси – страны составлявшие так называемую ось Рим-Берлин-Токио, т. е. страны гитлеровской коалиции, в которую входили Германия, Италия, Япония и другие государства, противостоявшие во время Второй мировой войны антигитлеровской коалиции. — 336

^{7*} «Сухой закон», введенный в США в 1920 г., был отменен в 1933 году. — 336

^{8*} Во втором издании последнее два предложения сняты (р. 94). — 338

Глава седьмая

^{1*} Нетто-коэффициент воспроизводства – среднее число рожденных одной женщиной за весь период ее плодovitости девочек, доживших до возраста матери, в котором она была при их рождении, т. е. с учетом смертности девочек. — 341

^{2*} Великая княгиня Елизавета Федоровна посетила в тюрьме убийцу своего мужа, передала ему прощение от имени Сергея Александровича, оставила ему Евангелие, кроме того, она подала прошение императору Николаю II о помиловании террориста, но оно не было удовлетворено. Сама она была убита большевиками в ночь на 18 июля 1918 г. (живой сброшена в шахту Новая Селимская в 18 км от Алапаевска). — 343

^{3*} Веры Засулич не убила (в оригинале: murdered), а тяжело ранила из револьвера петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Суд присяжных под председательством А.Ф. Кони, состоявшийся 12 апреля 1878 г., полностью оправдал ее и освободил из-под стражи в зале суда. На следующий день после освобождения приговор был опротестован, и полиция издала приказ о поимке Засулич, но она успела скрыться на конспиративной квартире и вскоре, чтобы избежать повторного ареста, была переправлена к своим друзьям в Швейцарию. — 343

^{4*} Американский журналист Джордж Кеннан в мае 1885 – августе 1886 г. совершил поездку по Сибири, знакомясь с системой каторги и ссылки. Вернувшись в США, в 1887–1889 гг. он опубликовал ряд статей, в которых резко критиковал царское правительство и прославлял революционеров. Разоблачение злоупотреблений российских властей сделало Кеннана знаменитым. Он выступал и с многочисленными платными публичными лекциями в США и Англии, причем для достижения большего эффекта часто появлялся перед аудиторией в одежде заключенного и кандалах. Прямым результатом деятельности Дж. Кеннана

в Англии и США стало возникновение в начале 1890-х годов движения за «свободную Россию» и образование обществ «друзей русской свободы». Хотя он сам не принимал участия в создании Общества американских друзей русской свободы в апреле 1891 г., но стал его членом, регулярно давая небольшие суммы на издание печатного органа Общества «Free Russia». В том же 1891 г. Кеннан издал книгу «Сибирь и система ссылки» («Siberia and the Exile System»), которая, правда, имела меньший успех, чем его статьи и выступления о сибирской ссылке. В 1906 г. книга Кеннана была переведена и издана в России. Последнее издание на русском языке: *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. В двух томах. СПб., 1999. — 344

^{5*} Во втором издании отрывок, начинающийся со слов «Нынешний режим в России...», изменен следующим образом: «С началом войны в России был введен, конечно, режим военного положения, от которого вряд ли можно было ожидать мягкости, либерализма и гуманизма. Но суровый режим, вытекающий из *национальной необходимости*, кардинально отличается от террористического режима коммунизма. Начавшаяся после войны “холодная война” воспрепятствовала дальнейшей декоммунизации режима и даже способствовала усилению его деспотизма. Только снижение напряженности в международных отношениях может повлечь за собой декоммунизацию и установление подлинно свободной политической системы» (p. 102). — 345

^{6*} В оригинале «урожайность удвоилась in value», т. е. «по стоимости». Но в России, особенно дореволюционной, урожайность определялась по системе «сам столько». Если, например, при посеве 10 пудов зерна снят урожай в 100 пудов, то урожайность будет «сам десять». В денежном эквиваленте это может означать следующее: посеяно было 10 пудов зерна по *x* рублей за пуд, то есть на 10*x* рублей, а собрано 100 пудов, то есть на 100*x* рублей, но только при условии, что цены на зерно за время от посева до сбора урожая не упали или, наоборот, не подскочили. Оба метода подсчета имеют свои достоинства и недостатки и оба до сих пор используются в сельскохозяйственной статистике. Русский крестьянин всегда предпочитал более понятную ему систему «сам столько», американский фермер, разумеется, предпочитал и предпочитает подсчитывать свои доходы в денежном выражении. Но в любом случае удвоение урожайности за период в десять лет свидетельствует не о «земледельческой удаче» (зависящей от погоды и прочих климатических условий), а о внедрении в сельское хозяйство научных методов обработки земли. — 349

^{7*} Во втором издании отрывок, начинающийся со слов «Когда война закончится...», изменен следующим образом: «Вторая мировая война уничтожила большую часть промышленности Европейской России, ее города, деревни, сельское хозяйство и унесла около двадцати миллионов человеческих жизней. Стоимость потерь исчисляется миллиардами долларов. Такие разрушения слабую нацию сделали бы навсегда искалеченной и недееспособной. Но не Россию. Не прошло и шести лет, как наступил мир, и Россия уже возместила большую часть нанесенного ей ущерба, восстановила условия жизни в довоенные годы, а в некоторых сферах производства превысила довоенный уровень. И сделала это Россия безо всякой помощи со стороны других стран, в том числе и бывших своих союзниц. Скорее наоборот, из-за начавшейся “холодной войны” бывшие союзники только мешали восстановлению России. И несмотря на это, восстановление успешно продолжилось, и если не будет “горячей войны”, Россия будет развиваться гигантскими шагами, достигнет необычайного роста в экономической, технологической и материальной жизни нации. У нее есть средства, ресурсы, мозги, энергия и все остальное, что необходимо для такого возрождения» (p. 108). — 351

^{8*} Престо (*итал.* presto) – музыкальный термин, означающий «очень быстро», название одного из быстрых темпов музыкального исполнения. — 351

^{9*} Ex nihilo (*лат.*) – из ничто. — 351

^{10*} В оригинале – «fourth freedom», выражение из речи Рузвельта.

6 января 1941 г. президент Ф.Д. Рузвельт выступил перед членами Конгресса с речью, вошедшей в американскую историю как речь о «четырех свободах».

«В будущем, которое мы стремимся сделать безопасным, – сказал он, – мы надеемся создать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих свободах.

Первая – это свобода слова и высказываний – повсюду в мире.

Вторая – это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает – повсюду в мире.

Третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, – повсюду в мире.

Четвертая – это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – повсюду в мире».

В данном случае П.А. Сорокин, очевидно, спутал «третью свободу» (свободу от нужды) с «четвертой свободой» (свободой от страха). — 355

^{11*} Во втором издании вместо «нынешней войны» – «Второй мировой войны» (р. 114). — 355

^{12*} Во втором издании вместо «война» – «холодная война» (р. 116). — 357

^{13*} См. прим. 40* на с. 529. — 357

^{14*} Во втором издании дальнейшая часть абзаца опущена. Вместо нее добавлен новый абзац: «Беспощадная цензура Коммунистической партии задушила творчество русского гения в нескольких областях. Лишая его жизненной свободы и предписывая ему несложные, но жесткие бюрократические образцы, правительство сильно затормозило дальнейший расцвет русского искусства, религиозной и философской мысли, социальных и гуманитарных наук и даже наук естественных и технических. Советский период в этих областях отмечен ослаблением творческого порыва России. Однако следует надеяться, что эта глупая цензура будет преодолена творческими силами нации и что ее свободный гений возобновит свой великолепный дореволюционный полет и в этих областях» (р. 118–119). — 359

^{15*} См. прим. 4* на с. 529. — 361

^{16*} Во втором издании дальнейшая часть абзаца изменена следующим образом: «Однако если эти правители утратят здравый смысл и начнут совершать одну ошибку за другой, как они делают это сейчас, то могут возникнуть некоторые временные разногласия и ссоры между двумя странами. Эти ошибки усиливают деструктивную работу основных факторов, ведущих к “холодной войне”. Что это за факторы и насколько они серьезны, рассмотрим в главах 9 и 10» (р. 123). — 363

Глава восьмая

^{1*} А.Н. Радищев в главу «Торжок» (из «Путешествия из Петербурга в Москву») включил небольшой трактат «Краткое повествование о происхождении цензуры», в котором приводил отрывки из конституций Пенсильвании, Дэлавера, Мэриленда и Виргинии, а также из Декларации независимости. Американские правительства, писал он, «приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими». Он цитирует статью конституции Виргинии, в которой свобода печати названа «наивеличайшей защитой свободы государственной» (*Радищев А.Н. Избранные сочинения. М., 1952, с. 160*).

В оде Радищева «Вольность» (1783) есть такая строфа (34):

Возри на беспредельно поле,
Где стерша зверство рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не гряда правильно стремится, –
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь – свобода, Вашингтон.

Н.И. Новиков много писал об Америке в издаваемых им «Московских ведомостях» и «Прибавлениях к Московским ведомостям». Например, в 2 сентября 1783 г. «Московские ведомости» (№ 70, с. 557) предложили развернутую характеристику роли Дж. Вашингтона, обеспечившего успешное завершение тяжелой войны за независимость и вхождение США в среду суверенных государств. По оценкам газеты Вашингтон не стал одним из тех руководителей, «которые не питают в себе того же духа вольности», что и восставший народ, а используют ситуацию, чтобы пробраться к власти и переменить «только цепи, ни мало не облегчающие его [народа] неволю». Наоборот, в Америке «народ и его предводители» были «ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями». В результате, «целая нация» составила «одну глыбу» и она «своею тяжестью и величиною» смела все препоны на пути к победе. Единство народа и вождей, которое личным примером демонстрировал Вашингтон, во многом оказалось решающим «для воспоследовавшей в Америке перемены» (Цит по: *Бродская К.М., Ушаков В.А.* Джордж Вашингтон в восприятии современников в России // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. Изд-во СПбГУ, 2008, № 2, с. 132-133). Подробнее см.: *Осипова Э.* Россия и Америка: начало знакомства // Звезда. 2014, № 10. — 366

^{2*} Священный союз – объединение русского и австрийского императоров и короля Пруссии, созданное по инициативе Александра I 14 (26) сентября 1815 г. с целью поддержания установленного на Венском конгрессе международного порядка и для борьбы с революционным движением. Союз окончательно распался после Крымской войны, когда Австрия, фактически в войне не участвуя, заняла антирусскую позицию. Подробнее см.: *Ляпин В.А., Ситников И.В.* Священный союз в замыслах Александра I // Россия и Европейский союз: стратегия взаимодействия. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 17–19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2003, с. 151–154. — 366

^{3*} См. прим. 4* на с. 521. — 367

^{4*} Полковник Хью Л. Купер в 1926 г. был приглашен правительством СССР и назначен главным инженером-консультантом на строительство Днепровской плотины, в те годы крупнейшей в мире. Он принимал активное участие в проектировании Днепрогэса, встречался с руководителями СССР, в том числе с И.В. Сталиным. По окончании стройки американского полковника в 1933 г. наградили орденом Трудового Красного Знамени. — 368

^{5*} «Дженерал электрик» (General Electric) – американская многоотраслевая компания (производит многие виды техники от газовых турбин, электроламп и медицинского оборудования до стрелкового оружия и ядерных боеголовок), основанная в 1878 г. изобретателем Т. Эдисоном и первоначально называвшаяся «Эдисон электрик лайт»; после объединения в 1892 г. с компанией «Томсон-Хьюстон электрик» получила свое современное название; в 1910 г. компания начала серийное производство лампочек с вольфрамовой нитью, купив

в 1906 г. патент на использование в лампах накаливания нитей из тугоплавких металлов у русского изобретателя А.Н. Лодыгина.

«Форд» (Ford Motor Company) – американская автомобилестроительная компания, производитель автомобилей марки Ford, основанная в 1903 г. Генри Фордом, который создал ее, получив 28 тыс. долларов от пяти инвесторов; получила известность как первая в мире применившая классический автосборочный конвейер; в настоящее время четвертый в мире производитель автомобилей по объему выпуска, третий – на рынке США после GM и Toyota, и второй в Европе после Volkswagen.

«Дженерал моторс» (General Motors; GM) – крупнейшая американская автомобильная корпорация, образовавшаяся в период с 1892 по 1903 г. в результате объединения нескольких производителей автомобилей; по результатам 2014 г. концерн занимает третье место в мире (после Toyota и Volkswagen) по количеству проданных автомобилей (9,92 миллиона штук). — 368

^{6*} Во втором издании эта фраза изменена следующим образом: «До начала “холодной войны” Соединенные Штаты, американцы и американизм в течение длительного времени были чрезвычайно популярными в России» (р. 130). — 370

^{7*} Во втором издании начало этого абзаца изменено следующим образом: «Годы “холодной войны” немного охладили этот энтузиазм, но не разрушили его полностью. Он все еще может служить лучшим и самым прочным основанием для дальнейшего плодотворного сотрудничества двух стран» (р. 131). — 371

^{8*} Имеется в виду Комитет по антиамериканской деятельности (Un-American Activities Committee) – постоянный комитет палаты представителей Конгресса США в составе девяти членов, учрежденный в 1938 г. под председательством конгрессмена из Техаса Мартина Дайса. Комитет занимался расследованиями, призванными выяснить соблюдение норм американского законодательства в той или иной сфере и выработкой соответствующих рекомендаций исполнительным и судебным органам власти. — 372

^{9*} Во втором издании вместо «нынешняя война» – «Вторая мировая война» (р. 132). — 373

^{10*} У Сорокина ошибочно – Молотов; ошибка, допущенная и в «Динамике». См.: *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006, с. 229. — 374

^{11*} В оригинале: Volga Boatman, Dark Eyes. — 375

^{12*} Во втором издании дальнейшая часть абзаца опущена. Вместо нее добавлен новый абзац: «Если бы ситуация с этими двумя факторами оставалась неизменной, можно было бы с уверенностью ожидать продолжения сотрудничества между двумя странами в будущем. К сожалению, ситуация в отношении этих факторов, а также общее состояние западной культуры заметно изменились. Революция и коммунизм радикальным образом изменили систему ценностей России. Советский коммунистический набор ценностей явно несовместим с американскими демократическими, капиталистическими ценностями. Американский и коммунистический образы жизни находятся в явном противоречии друг с другом. Насколько этот очевидный конфликт ценностей реален, насколько он глубок и непримирим, и какими способами, если таковые вообще имеются, их можно привести в состояние гармонии – все эти проблемы будут рассмотрены в следующих главах» (р. 135–136). — 375

Глава девятая

^{1*} См. прим. 1* на с. 522. — 377

^{2*} Во втором издании за этим абзацем следует новый абзац: «Это не исключает незначительных колебаний и спадов, когда некоторые коммунистические черты как бы пробуждают»

ся, как пробудились они в период “холодной войны”. Закончится “холодная война”, закончатся и эти пробуждения. Если же она перерастет в “горячую войну”, то весь мир превратится в своего рода тоталитарную организацию – коммунистическую или какую-то другую, ей подобную. В таком случае мы будем иметь дело не с циклом русской революции, а с циклом революции мировой» (р. 139). — 379

^{3*} Во втором издании вместо «Этот ход событий...» – «Очерченный цикл Русской революции...» (р. 139). — 379

^{4*} Теория стакана воды – взгляды на любовь, брак и семью, которые были распространены среди молодежи в первые годы Советской власти. Заключались в отрицании любви и сведении отношений между мужчиной и женщиной к инстинктивной сексуальной потребности, которая должна находить удовлетворение без всяких «условностей», так же просто, как утоление жажды.

Авторство этой теории часто необоснованно приписывают А. Коллонтай и К. Цеткин, которые, хоть и высказывали свободные феминистские взгляды, никогда не примитивизировали их до уровня «стакана воды» (см.: *Млечин Л.* Коллонтай. М., 2013, с. 166–167).

Сама эта фраза «стакан воды» появляется в биографии Ф. Шопена, написанной Ф. Листом (1852). В главе «Лелия» Ф. Лист пишет о Жорж Санд, возлюбленной Ф. Листа и главной феминистке той эпохи: «...Та, что была, казалось воплощенной поэзией, не внушила песнопений; та, что была, казалось, самой славой, не была прославлена; та, которая утверждала, что любовь, как стакан воды, дается тому, кто его просит, не увидела свою любовь благословенной, свой образ прославленным, память о себе вознесенной на алтари священной признательности!»

К. Цеткин в своих воспоминаниях о Ленине пишет, что В.И. Ленин отрицательно относился к теории стакана воды и называл ее «совершенно немарксистской и сверх того противообщественной».

Впоследствии П.А. Сорокин еще раз обратился к этой теме и осветил ее более подробно, по-прежнему приписывая «теорию стакана воды» «коммунистам». В пятой главе «Американской сексуальной революции» он писал:

«Несомненно, самой поучительной является радикальная попытка Советов ликвидировать “капиталистическую” моногамию и установить полную сексуальную свободу в качестве краеугольного камня коммунистической экономики и социального режима.

На первом этапе революции ее лидеры намеренно пытались разрушить брак и семью. Свободная любовь прославлялась официальной теорией “стакана воды”: если человек хочет пить, то, в соответствии с партийной линией, неважно, какой стакан он использует для утоления своей жажды; и так же неважно, каким образом он удовлетворяет свой сексуальный голод. Юридическое различие между браком и случайными сексуальными связями было ликвидировано. Коммунистическое законодательство говорило лишь о “контрактах” между мужчинами и женщинами для удовлетворения их желаний, заключенных на определенный период – год, месяц, неделю или даже на одну ночь. Можно было жениться и разводиться сколько угодно раз. Муж или жена могли получить развод даже без уведомления супруга. Такие “браки” даже не обязательно было регистрировать. По новым законам были допустимы бигамия и даже полигамия. Было разрешено делать аборт в государственных учреждениях. Добрачные отношения восхвалялись, а внебрачные отношения считались нормой.

Старый прагматический критерий: “По плодам их узнаете вы их” дает ответ на вопрос о том, была ли сексуальная свобода целесообразной,

Через несколько лет орды диких бездомных детей стали реальной угрозой самому Советскому Союзу. Миллионы жизней, особенно жизней молодых девушек, были загублены; резко подскочило число разводов и аборт. Быстро нарастали ненависть и конфликты между

полигамными и полиандрическими партнерами, а вместе с ними и психоневрозы. Работа на национализированных фабриках пошла хуже.

Общий результат был настолько ужасающим, что правительство было вынуждено пересмотреть свою политику. Пропаганда теории “стакана воды” была объявлена контрреволюционной, а ее место заняло официальное прославление добрачной невинности и святости брака. Аборты были запрещены, а с 1945 г. разрешены лишь в исключительных случаях – при угрозе здоровью матери или по другим соображениям подобного рода. Свобода развода была серьезно ограничена. По декрету от 14 июля 1944 г. он стал невозможным для огромного большинства граждан. К настоящему времени цикл завершился, и незначительное ослабление этого слишком сурового подавления секса делает его относительно нормальным. Сегодня Советская Россия имеет более моногамную, стабильную и викторианскую семью и брачную жизнь, чем большинство западных стран.

С учетом того, что весь цикл завершился в рамках одного режима, этот эксперимент является очень информативным. Он ясно показывает разрушительные последствия неограниченной сексуальной свободы, в особенности для творческого развития. В период с 1918 г. по 1926 г., когда свобода поощрялась, советское правительство было занято разрушительной работой, и Россия не смогла добиться успехов в сфере позитивной реорганизации или творческого культурного развития.

После 1930 г., когда задача обуздания сексуальной свободы была в основном решена, деструктивная деятельность правительства начала убывать, а его конструктивная работа набирать силу. Все более плодотворными были усилия по осуществлению индустриализации и экономических преобразований, строительству вооруженных сил, быстрому развитию школ, больниц и исследовательских институтов, поощрению физических и даже социальных наук и гуманитарных наук. Затем последовало возрождение изящных искусств и литературы, заметное уменьшение гонений на религию, возрождение и прославление великих национальных ценностей России, которые в предшествовавший период очернялись коммунистическим режимом» (*Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006, с. 97–98*). — 380

^{5*} Аристотель в начале второй книги «Политики» пишет: «...Неизбежно, чтобы все граждане принимали участие либо во всем касающемся жизни государства, либо ни в чем, либо в одних делах принимали участие, в других – нет. Чтобы граждане не принимали участия ни в чем, это, очевидно, невозможно, так как государство представляет собой некое общение, а следовательно, прежде всего является необходимость занимать сообща определенное место; ведь место, занимаемое одним государством, представляет собой определенное единство, а граждане являются общниками одного государства. Но в каком объеме допустить для граждан приобщение к государственной жизни? И что лучше для стремящегося к наилучшему устройству государства: чтобы граждане имели сообща по возможности все или одно имели сообща, а другое – нет? Ведь можно представить общность детей, жен, имущества, как это мы находим в “Государстве” Платона, где, по утверждению Сократа, и дети, и жены, и собственность должны быть общими. Какой порядок предпочтительнее: тот ли, который существует теперь, или же тот, который предписан в “Государстве”?»

Что касается общности жен у всех, то эта теория встречает много различного рода затруднений, да и то основание, которое приводит Сократ в защиту такого закона, по-видимому, не вытекает из хода его рассуждений. Сверх того, положение это не может быть согласовано и с той конечной целью, осуществление которой он, поскольку это следует из его слов, считает необходимым для государства. А как точнее понять высказываемое им суждение, на этот счет не дано никаких определенных указаний. Я имею в виду мысль Сократа: лучше всего для всякого государства, чтобы оно по мере возможности представляло собой единство; эту именно предпосылку Сократ ставит в основу своего положения.

Ясно, что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи – отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек – нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство» (*Аристотель*. Сочинения в 4-х тт. М., 1984, т. 4, с. 403–404: Политика, 1260b35–1261a25). — 380

^{6*} Во втором издании добавлены слова: «Это укрепление семьи продолжается и сейчас, распространяясь на все страны советского блока» (р. 142) — 381

^{7*} Во втором издании этот абзац заменен следующим: «Если бы не было “холодной войны” с западным блоком и Ватиканом; если бы большинство христианских конфессий Запада не были бы активно вовлечены в эту борьбу как политические фракции, враждебные Советской России и пытающиеся ее ослабить, эта тенденция все большего сотрудничества с религиозными организациями продолжилась бы. К сожалению, “холодная война” на какое-то время остановила ее. Атакованное в этой политической борьбе Ватиканом и другими религиозными организациями западных стран Советское правительство предприняло контратаку в порядке самообороны; особенно против Ватикана как непримиримого врага Советов. Отсюда – возрождение советской религиозной нетерпимости в основном в странах советского блока за пределами России. Если “холодная война” продолжится, то борьба против религиозных группировок, борющихся с Советским правительством, и все то, что стоит за этим, тоже продолжится. С прекращением “холодной войны” прекратится и антирелигиозная кампания Советов» (р. 143).

Сноска на книгу Н.С. Тимашева перенесена в конец предыдущего абзаца.

Об отношениях между СССР и Ватиканом во время Второй мировой войны и в первые годы холодной войны см.: *Отдельский М.И.* Советский Союз и Ватикан, положение католических и униатских церквей в СССР в годы войны (rusoig.ru).

Здесь достаточно будет привести небольшой отрывок из статьи М.И. Отдельского: «...Ватикан стремился играть в общеевропейской политике самостоятельную роль посредника между странами “оси” и западными союзниками. Одна из его целей заключалась в том, чтобы максимально противодействовать полному разгрому и капитуляции Германии и тем самым сохранить ее в качестве сильного противовеса влиянию СССР в Европе. Пий XII резко отозвался о совместном заявлении Ф. Рузвельта и У. Черчилля о безоговорочной капитуляции фашистских держав, сделанном ими в Касабланке 20 января 1943 г. Папа считал, что поражение Германии приведет к усилению позиций СССР в Европе, росту авторитета идей коммунизма и атеизма в странах Восточной Европы и даже в самой Италии, а потому поддерживал идею сепаратного мира с Германией.

Все военные годы Пий XII сохранял предубеждения в отношении СССР. Об этом Гитлер был прекрасно осведомлен из донесений своих спецведомств. Один из “агентов СД по католической церкви” в отчете об аудиенции с Папой в мае 1944 г. писал: “Папа видит в национал-социализме гораздо меньше зла по сравнению с опасностью, угрожающей с Востока, и считает вполне возможным пойти на компромисс с Гитлером... Папа ни в коем случае не желает поражения Германии, хотя он и видит его неизбежность, так как, по его мнению, Германия рано или поздно должна пасть под объединенным натиском союзников”». — 382

^{8*} В «Листках из русского дневника» П.А. Сорокин писал: «В начале 1921 года был опубликован декрет, подписанный комиссаром Ротштейном, в котором говорилось, что “свобода мысли и научных исследований есть буржуазный предрассудок; что все профессора, преподаватели и писатели должны преподавать и писать в полном соответствии с марксистской и

коммунистической теорией; и что те, кто не согласен с этим, будут уволены»» (Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 197). Действительно, в 1920 г. была создана «Комиссии для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики», которую возглавил Ф.А. Ротштейн. Итогом деятельности этой Комиссии стала подготовка декретов СНК РСФСР, определивших основные направления реорганизации преподавания общественных наук: «Об учреждении институтов Красной профессуры» (11 февр. 1921 г.); «О плане организаций ФОН российских университетов» (4 марта 1921 г.); «Об установлении общего научного минимума» (4 марта 1921 г.). Ни в одном из этих декретов нет слов, приведенных Сорокиным, как нет, впрочем, и ни одного декрета, подписанного Ротштейном (все три подписаны В.И. Лениным), но не исключено, что здесь речь идет не о декрете, а о какой-нибудь сопровождающей его инструкции, разъяснении, приказе или т. п.

Возможно, здесь Сорокин имеет в виду известный фрагмент из статьи В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», написанной в еще 1905 г. В этой статье Ленин писал: «...Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть “свободы” реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах, проституции в виде “дополнения” к “святому” сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 12, с. 103–104). — 382

^{9*} Имеется в виду так называемая «сталинская» конституция, 125 статья которой гласила: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций». — 382

^{10*} Во втором издании этот абзац заканчивается словами: «По причине “холодной войны” эта тенденция сменилась противоположной, в результате чего введены были новые ограничения свободы во всех ее формах, и ужесточилась регламентация образа мыслей, действий и взаимоотношений граждан во всех странах Советского блока. По причинам, указанным ниже, до тех пор, пока продолжается “холодная война”, эти ограничения свободы будут продолжаться; если “холодная война” обострится, деспотизм Советского правительства тоже усилится. Если “холодная война” прекратится, тенденция к большей свободе возобновится. Если “холодная война” сменится “горячей войной”, то свобода исчезнет не только в советских странах, но и везде, включая западные страны» (р. 144) — 382

^{11*} *Librorum Prohibitorum* (лат.) – запрещенных книг. — 383

^{12*} Этот приказ был опубликован в газете «Правда» 1 мая 1943 года. П.А. Сорокин приводит его заключительные строки. — 386

^{13*} Во втором издании добавлено: «Война усилила его. “Холодная война” ослабила и оживила некоторые черты политики, свойственные первому периоду революции» (р. 148). — 386

^{14*} Во втором издании вместо «нынешней войны» – «Второй мировой войны» (р. 149). — 387

^{15*} Во втором издании вместо «этой войны» – «Второй мировой войны» (р. 150). — 387

^{16*} Во втором издании вместо «нынешнего конфликта» – «Второй мировой войны» (р. 150). — 387

^{17*} Во втором издании вместо «войны» – «Второй мировой войны» (р. 152). — 389

^{18*} В оригинале именно так («the Communist (or, as it is now officially called, Bolshevist party»), хотя по смыслу должно быть наоборот («the Bolshevist (or, as it is now officially called, Communist) party»). Российская социал-демократическая партия (большевиков) [РСДРП(б)] в 1918 г. была переименована в Российскую коммунистическую партию (большевиков) [РКП(б)], в 1925 г. – во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) [ВКП(б)], в 1952 г. – в Коммунистическую партию Советского Союза [КПСС]. — 389

^{19*} Во втором издании вместо «нынешней» – «последней» (р. 153). — 390

^{20*} Во втором издании добавлен абзац: «Как мы увидим, эта национальная политика с некоторыми “коммунистическими рецидивами” продолжалась во время Второй мировой войны и в послевоенный период. Ее “империалистические” тенденции, аналогичные таким же тенденциям практически всех великих держав без исключения, обусловлены национальным эгоизмом и жадой власти, свойственными чувственной культуре. Ее “коммунистические рецидивы” вызваны главным образом “холодной войной” и чрезмерно жесткой политикой в отношении России со стороны ее военных союзников. Последние вновь повторяют трагическую ошибку своей политики после Первой мировой войны» (р. 153). — 390

^{21*} Во втором издании после этих слов следует новый абзац: «Несмотря на апокалиптические разрушения, нанесенные войной, восстанавливать которые ей скорее мешали, чем помогали ее бывшие военные союзники, в том числе и Соединенные Штаты, Россия с истинно героическим энтузиазмом приступила к работе по восстановлению и развитию своей экономики и материальных условий жизни и успешно справилась с ней. По сравнению с уровнем производства 1937 г., принятым за 100, российский уровень производства в 1948 г. достиг показателя 171, что больше, чем в Соединенных Штатах (170) и Канаде (169), и уступает только росту производства в Болгарии (179). Если не будет новой “горячей войны”, рост российской промышленности и сельского хозяйства, несомненно, продолжится» (р. 155).

Заканчивается этот абзац теми же словами: «Таковы в общих чертах...». — 392

^{22*} Во втором издании эта фраза заменена следующей: «*Российский этатизм (от фр. état – «государство»), или контролируемая и управляемая государством экономика, сама по себе не является ни коммунистической, ни капиталистической*» (р. 155). — 392

^{23*} О Птолемеевском Египте см. прим. 5* на с. 524.

Остров Липара (совр. итал. Липари) расположен в южной части Тирренского моря. «Липарцы, — по словам Павсания, — были колонистами книдян... Они основали город на мысе Пахине в Сицилии, но, жестоко теснимые войной со стороны эллинов и финикийян, они должны были покинуть его. Они захватили тогда острова или необитаемые, или в свою очередь выгнав оттуда жителей... На одном из них, на Липаре, они поселились и выстроили город, а на других островах... они занимались земледелием, переезжая туда на кораблях» (*Павсаний. Описание Эллады. М., 1994, т. II, с. 422–423*).

«О военном происхождении коммунизма на Липаре, — писал П.А. Сорокин в 1922 г., — говорят прямо источники, передаваемые Диодором Сицилийским. Сама Липара была типичной военной коммуной, жившей грабежом, захватами и военными набегами». При этом Сорокин ссылается на исследование Р. Пельмана «История античного коммунизма» (СПб.,

1910, с. 256, 590). См.: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 362. — 392

^{24*} Во втором издании после этих слов сделана большая вставка, начинающаяся с красной строки:

«Суть его можно сформулировать следующим образом. Каждый раз, когда в данной социальной группе – деревне, городе, провинции, нации или группе наций – возникает важная чрезвычайная ситуация – война, голод, экономическая депрессия, эпидемия или революция – контроль и режим ее правительства, как правило, увеличиваются количественно и качественно; чем серьезнее чрезвычайная ситуация, тем сильнее откат к тоталитаризму в том или ином его виде. Когда чрезвычайная ситуация заканчивается, объем государственного регулирования, контроля и регламентации, как правило, снижается (количественно и качественно). Другими словами, режим отходит от тоталитаризма в сторону либерального режима laissez faire.

Этот закон объясняет, почему одни группы имеют автократический или тоталитарный режим, а другие – либеральный и свободный режим; почему в одной и той же стране у власти находится то демократическое, а то автократическое правительство. Коммунистический, нацистский, фашистский и другие разновидности тоталитарного режима были детищами чрезвычайной ситуации в соответствующих странах. Еще одной иллюстрацией этой закономерности является усиление правительственной регламентации во время Второй мировой войны во всех странах, в том числе и в Соединенных Штатах. Даже послевоенная социализация и национализация промышленности во Франции, Великобритании и практически во всех странах были результатом экономических и других чрезвычайных ситуаций в этих странах.

Это качание правительственного режима между полюсами тоталитаризма и laissez faire мало зависит от личных предпочтений того или иного правителя или правящей группы. Оно обусловлено огромными безликими силами, действующими закономерно и чем-то напоминающими ртуть, которая поднимается в термометре с повышением температуры.

К сожалению, этот закон, по-видимому, мало известен государственным деятелям, политикам, журналистам, даже большинству ученых, не говоря уже о простых смертных! А ведь знакомство с ним могло бы предостеречь правительства и народы от великого множества ошибок в сфере политики» (р. 156–157).

Следующий абзац во втором издании начинается словами: «В свете этого закона вполне понятно...» — 392

^{25*} Во втором издании вместо «нынешнего конфликта» – «Второй мировой войны» (р. 157). — 392

^{26*} «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн» (United States Steel Corporation) – крупнейшая в США металлургическая монополия, принадлежащая Морганам; основана в 1901 г. в результате слияния более 50 фирм, охвативших полный цикл металлургического производства. О «Дженерал Моторс» и «Дженерал Электрик» см. прим. 5* на с. 569–570. — 393

^{27*} Статья 8-я «Примерного устава сельскохозяйственной артели» гласит:

«Все межи, разделявшие ранее земельные наделы членов артели, уничтожаются, и все полевые наделы превращаются в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели.

Земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР), есть общенародная государственная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно, и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артелью в аренду» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1935, 18 февраля, № 44). — 394

^{28*} *Taine H. Révolution, Vol. III. préface.* Эту же цитату Сорокин приводит в «Социологии революции». См.: *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 363. — 397

^{29*} См. прим. 16* на с. 551. — 397

^{30*} Термидорианцы — участники контрреволюционного Термидорианского переворота 27 июля 1794 года, в ходе которого была свергнута якобинская диктатура, а ее сторонники во главе с М. Робеспьером были арестованы и казнены; в расширительном смысле — противники крайне левого крыла революционного движения и революционной диктатуры. — 397

^{31*} Во втором издании после этих слов следует: «В Великобритании, Франции и других странах, где была осуществлена национализация промышленности, эта конвергенция еще сильнее» (р. 164). Остальная часть абзаца — снята. — 398

^{32*} Во втором издании добавлено: «и послевоенного периода» (р. 164). — 398

^{33*} Во втором издании нижеследующий текст снят; вместо него добавлен абзац: «Теперь остается выяснить: как и почему было нарушено это продолжительное сотрудничество? Каковы реальные причины нынешнего американско-русского конфликта? Какие средства, если таковые имеются, могут восстановить дружеские отношения? Обратимся к рассмотрению этих кардинальных проблем» (р. 164). — 399

^{34*} Во втором издании этот параграф снят (р. 164). — 399

^{35*} *Raisons d'état (фр.)* — национальные интересы. — 399

^{36*} См. прим. 10* на с. 568. — 399

Глава десятая

^{1*} Перевод этой главы выполнен по изданию: *Sorokin P.A. Russia and the United States. Second edition. London: Stevens & Sons Limited, 1950, p. 165–183.* — 401

^{2*} Вторым президентом *Турции* после смерти Ататюрка (в ноябре 1938 г.) стал председатель правящей Народно-республиканской партии Исмет Инёню (1884–1973), который сразу же привлек на руководящие посты деятелей, находившихся ранее в оппозиции к Ататюрку. После начала Второй мировой войны он сначала примкнул к англо-французскому блоку, заключив с этими странами союзный договор (1939). Однако, после капитуляции Франции пошел на сближение с Германией, заключив с ней договор о дружбе и ненападении. После нападения Германии на СССР Турция Инёню, формально соблюдая нейтралитет, оказывала ей помощь, поставляя различное стратегическое сырье и пропуская итальянские и германские военные корабли в Черное море. В Турции поощрялась направленная против СССР деятельность пантюркистов. Сам Инёню в начале 1942 г. заявил, что «Турция в высшей степени заинтересована в уничтожении русского колосса» и что «нейтральная позиция Турции уже на данный момент много выгоднее для стран оси, чем для Англии». На посту президента проводил политику милитаризации страны, возложив тяжелое бремя по содержанию почти миллионной армии на население. Это, а также установленный им в стране диктаторский режим, вызывали все большее негодование прогрессивных слоев населения. Последние, по окончании войны, развернули активную борьбу с требованием серьезных экономических и политических реформ. Пытаясь удержаться у власти, пошел на уступки: провел аграрную реформу (1945 г.), разрешил многопартийность. Однако эти мероприятия носили ограни-

ченный характер и прогрессивную общественность не удовлетворили. К тому же основное направление его внутренней политики – милитаризация – осталось неизменным. В марте 1947 г. в проливы вошел американский линкор «Миссури», продемонстрировав решимость США защищать интересы Турции. А в начале 1947 г. президент США Г. Трумэн обратился к Конгрессу с предложением выделить Турции 150 миллионов долларов военной помощи. Турция окончательно заняла место союзника Запада в начинавшейся холодной войне.

В *Саудовской Аравии* с 1932 г. правил первый ее король и основатель аравийского централизованного государства Абдул-Азиз ибн Абдуррахман ибн Фейсал Аль Сауд (1880-1953). В 1933 г. он предоставил американским нефтяным компаниям концессию на разведку и добычу нефти. Большая часть добываемой нефти шла в США, а почти все доходы от нее – непосредственно королевской семье, в результате чего Саудовская Аравия стала самым богатым государством на Ближнем Востоке.

Чан Кайши (1887–1975) – президент Китайской республики после смерти Сунь Ятсена, маршал и генералиссимус, после поражения Гоминьдана в 1949 г. возглавил правительство и Гоминьдан на Тайване (официально он стал называться Китайской республикой), каковым и оставался до самой смерти. Как глава Китайской республики и Гоминьдана Чан Кайши активно участвовал в создании международных антикоммунистических союзов.

Франсиско Франко (1892–1975) – генералиссимус, диктатор Испании с 1939 г. После победы в гражданской войны установил правый авторитарный режим, известный как Франкистская Испания, охарактеризованный самим Франко как тоталитарное государство. Одновременно совмещая функции главы государства, правительства и верховного главнокомандующего, он носил титул «каудильо», означающий «вождь», или «предводитель»; социально-экономическая политика режима Франко («интегральный национализм») базировалась на четырех основных элементах – контролируемой экономике, автаркии, корпоративизме и социальной «гармонизации».

Хуан Доминго Перон (1895–1974) – аргентинский военный и государственный деятель, президент Аргентины с 1946 по 1955 и с 1973 по 1974 гг. В 1943 г. в Аргентине произошел военный переворот, проложивший путь диктатуре Перона. Экономическая программа Перона уделяла большее внимание аргентинской индустриализации и самоопределению, в связи с чем была одобрена как многими фракциями консервативных националистов, так и значительной частью рабочего класса. Его партия была свергнута в результате военного переворота в 1955 г., что привело к изгнанию Перона в Испанию.

После Второй мировой войны события в *Греции* могли развиваться по югославскому сценарию. Однако Черчилль на встречи со Сталиным в Москве добился его согласия на раздел сфер влияния на Балканах, по которому Греция должна была отойти к британской сфере. Англичане жестоко подавили восстание левых сил в Афинах, вернули в Грецию эмигрантское монархическое правительство из Каира. В стране развернулась жестокая гражданская война между монархистами и коммунистами, которая продолжалась до октября 1949 г. Разгром коммунистов стал возможен благодаря помощи, которую греческое королевское правительство получило от американцев по доктрине Трумэна, а с другой стороны, в связи с тем, что в марте-июле 1948 г. разгоралась ссора между Сталиным и Тито. Советско-югославские отношения из дружеских превратились во враждебные, и Югославия 24 июля 1949 г. закрыла свою границу с Грецией, что лишило коммунистические партизанские силы Греции возможности получать югославскую помощь, в результате чего 16 октября 1949 г. они вынуждены были прекратить борьбу. — 402

^{3*} Говоря о «викторианской разновидности западной моногамной семье», Сорокин имеет в виду Викторианскую эпоху (1837–1901), как называют время правления в Британской империи королевы Виктории. В этот период в обществе стали преобладать ценности, испо-

ведущие средним классом. Доминирующей нормой стали трезвость, пунктуальность, трудолюбие, экономность и хозяйственность. Представители среднего класса были уверены в том, что процветание – это вознаграждение за добродетель, и следовательно, неудачники не достойны лучшей участи. Доведенное до крайности пуританство семейной жизни порождает чувство вины и лицемерие. См. также прим. 32* на стр. 529 — 402

^{4*} Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». — 402

^{5*} Термин «этнос» в античной философии обозначал привычки, нравы, характеры, темпераменты, обычаи. Сегодня под «этносом» часто понимают стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентацию ее культуры, принятую в ней иерархию ценностей. — 405

^{6*} Мф. 5, 13: Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна... — 406

^{7*} Гарвардский исследовательский центр по творческому (или креативному) альтруизму был официально открыт в феврале 1949 г. Он был создан П.А. Сорокиным, который возглавлял его до конца своей жизни. — 413

^{8*} В оригинале: X Committees on Un-X Activities. — 415

^{9*} Доктрина Трумэна – внешнеполитическая программа, объявленная президентом США Г. Трумэном в выступлении перед Конгрессом 12 марта 1947 г. В ней сообщалось, что «народам многих стран мира недавно навязали тоталитарные режимы против их желания. Правительство Соединенных Штатов делало частые протесты против принуждения и запугивания, в нарушение Ялтинских соглашений, в Польше, Румынии, и Болгарии». Было также объявлено об оказании помощи Греции и Турции. Тем самым была сформулирована политика «сдерживания» в отношении СССР во всем мире.

Для оказания помощи Греции и Турции предусматривалось выделение в 1947–1948 финансовом году 400 млн долларов под предлогом коммунистической угрозы со стороны СССР. Греции выделялось 300 млн дол., Турции – 100 млн дол. — 415

^{10*} См. прим. 10* на с. 568. — 415

^{11*} См. прим. 4* на с. 521. — 416

^{12*} См. прим. 8* на с. 523. — 416

Глава одиннадцатая

^{1*} Выстрел в Сараево – имеется в виду убийство 28 июня 1914 г. эрцгерцога Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены в Сараево сербским гимназистом Гаврилой Принципом, что послужило поводом к началу Первой мировой войны.

В июле 1914 г. французский президент Раймон Пуанкаре находился с рабочим визитом в С.-Петербурге; хотя ничего конкретного на переговорах решено не было, немцы и австрийцы были им обеспокоены и расценили визит Пуанкаре как еще один повод к началу войны.

В состав Австро-Венгерской империи («империи Габсбургов») целиком или частично входили территории многих современных государств: Босния и Герцеговина, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Румыния (почти половина Румынии нынешней), Италия (небольшие

северные части современной Италии), Польша (Малопольское и Подкарпатское воеводства), Сербия (край Воеводина), Черногория и Украина (Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская и Черновицкая области). Национальный вопрос в пестрой по своему составу Австро-Венгерской империи накануне Первой мировой войны был наиболее острым среди всех европейских государств.

Эдуард Грей, министр иностранных дел Великобритании в 1905-1916 гг., выступал за активную внешнюю политику и колониальную экспансию. Именно он заключил соглашение с Россией, способствовавшее оформлению Антанты. Политика, проводимая Греем фактически содействовала подготовке и развязыванию Первой мировой войны, именно переговоры Грея с послом Германии К. фон Лихновским и послом России А.К. Бенкендорфом способствовали тому, что локальный австро-сербский конфликт 1914 г. приобрел сначала европейский, а затем и мировой масштаб.

Вильгельм Гогенцоллерн – германский император Вильгельм II, которого многие современники и историки считали и считают главным виновником начала Первой мировой войны.

Франко-англо-русский союз, или Антанта (от фр. entente – согласие) – военно-политический союз, созданный в качестве противовеса «Тройственному союзу» (Германии, Австро-Венгрии и Италии) в основном в 1904-1907 гг. и завершивший размежевание великих держав накануне Первой мировой войны. Термин возник в 1904 г. первоначально для обозначения англо-французского союза, причем употреблялось выражение «l'Entente cordiale» (сердечное согласие) в память кратковременного англо-французского союза в 1840-х гг., носившего то же название. — 418

^{2*} См. прим. 3* на с. 524. — 419

^{3*} Нубийцы – негроидные племена, обитавшие на земле к югу от первого порога Нила; ходили совершенно нагими и всячески противились попыткам северных соседей «цивилизовать» их. Племена постоянно совершали набеги на южные районы Египта, несмотря на то, что египтяне каждый раз отвечали карательной экспедицией.

Филистимляне – так называли египтяне разбойничьи «морские народы» (т. е. появившиеся из-за моря), частью которых были микенские беженцы. Их армии перемещалась со всем своим имуществом, с женами и детьми, пешком и в повозках, запряженных волами. Перед их натиском не устояла великая Хеттская империя (западная территория современной Турции) и множество мелких государств в Сирии и Ханаане. Фараону Рамсесу III удалось выиграть два ожесточенных сражения на суше и на море и отбросить захватчиков от границ Египта. Часть пленных египтяне использовали в качестве солдат в своих отдаленных и пограничных гарнизонах, другим же разрешили поселиться на территории Ханаана, бывшего тогда египетской провинцией.

Гиксосы – название народов, завоевавших часть Древнего Египта в XVIII–XVI вв. до н. э. Гиксосы образовали собственную XV династию, но никогда не смогли покорить весь Египет, их владения простирались только до Асьюга, южной частью Египта продолжали управлять «теневые» фараоны из столицы в Фивах. Время правления гиксосов в истории Древнего Египта принято называть Вторым переходным периодом. — 421

^{4*} См. прим. 3* на с. 563. — 422

^{5*} Протестантская Реформация – широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI – начала XVII в., направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией. Началом принято считать выступление Мартина Лютера 31 октября 1517 г., когда он прибил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои «95 тезисов», в которых выступал против существующих злоупотреб-

лений католической церкви, в частности против продажи индульгенций. Концом Реформации историки считают подписание Вестфальского мира в 1648 г. — 422

^{6*} Гуситская революция (гуситское революционное движение) – борьба чешского народа в первой половине XV в. против католической церкви и немецкого засилья, вылившаяся в так называемые гуситские войны (1419–1437), которые велись под руководством Яна Жижки и Прокопа Великого. Подробнее см.: *Рубцов Б.Т.* Гуситские войны. М., 1955.

О ереси альбигойцев см. прим. 5* на с. 563. — 422

^{7*} Под «кромвелевской» революцией понимается Английская революция XVII в., которую Сорокин называет по имени ее вождя, поскольку сами англичане предпочитают называть ее «гражданской войной».

Нацистская революция – приход А. Гитлера к власти в 1933 г. и последующая нацификация Германии; строго говоря, это не было революцией вообще, однако в западноевропейской и американской историографии это словосочетание встречается довольно часто (по-видимому, с целью «уравнять в правах» нацистский режим в Германии и Советскую власть и перенести оценки первого на вторую). — 422

^{8*} *Per se* (лат.) – само по себе; по сути, непосредственно. — 423

^{9*} Аномия (от *фр.* *anomie* – букв. «беззаконие», «безнормность», от *греч.* *α* – отрицательная частица «не», «без» и *νομος* – закон) – такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно. См.: *Дюркгейм Э.* О разделении труда. Метод социологии. М., 1991, с. 342–343. — 424

^{10*} Во втором издании слова «после нынешней войны» – сняты (р. 198). — 429

Глава двенадцатая

^{1*} Во втором издании вместо «этой войны» – «Второй мировой войны» (р. 199). — 431

^{2*} Версальский договор, которым закончилась Первая мировая война, был подписан 28 июня 1919 г. в Версале (Франция). Согласно этому договору, Германия лишалась части своих территорий, всех африканских колоний, передавала большую часть своего флота державам-победительницам, сокращала численность вооруженных сил до 100 тыс. человек и обязывалась выплатить огромные репарации. — 431

^{3*} «Золотое правило нравственности» – общее этическое правило, которое можно сформулировать так: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Или – в отрицательной формулировке: «Не делайте другим того, чего не хотите себе». Золотое правило нравственности с древних времен известно в религиозных и философских учениях Востока и Запада, лежит в основе многих мировых религий и является основополагающим мировым этическим принципом. — 435

^{4*} Левиафан – по библейскому преданию, морское чудовище; в одноименном трактате Т. Гоббса олицетворяет государство: «...искусством создан тот великий *Левиафан*, который называется государством (по-латыни *civitas*) и который является лишь *искусственным человеком*...» (*Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936, с. 37). «...Множество людей, объединенных таким образом в одном лице, называется государством... Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выража-

ясь более почтительно), того *смертного бога*, которому мы под владычеством *бессмертного Бога* обязаны своим миром и своей защитой» (Там же, с. 146). «Я обрисовал... природу человека... и одновременно и огромную власть его властителя, которого я сравнивал с Левиафаном, взяв это сравнение из последних двух стихов сорок первой книги Иова, где Бог, рисуя великую силу Левиафана, называет его царем над всеми сынами земными. *Нет на земле*, говорит Бог, *подобного ему, он сотворен бесстрашным. На все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости*» (Там же, с. 245).

Большая ироническая подборка литературных и исторических (и вместе с ними псевдо-литературных и псевдоисторических) сведений о Левиафане предваряет роман Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». — 436

^{5*} О Священном союзе см. прим. 2* на с. 569.

Тройственный союз – военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившийся в 1862 г., положивший начало разделу Европы на враждебные лагеря и сыгравший важную роль в подготовке и развязывании Первой мировой войны.

Четырехсторонний союз – союз России, Польши, Дании и Пруссии против Швеции (1700 г.).

Системы равновесия (или баланса) сил – в международных отношениях система распределение мирового влияния между отдельными центрами силы – полюсами. Может принимать различные конфигурации: биполярную, трехполюсную, мультиполярную (или многополярную) и т. д. Главная цель баланса сил – предотвращение доминирования в международной системе одного государства или группы стран, обеспечить поддержание международного порядка. Впервые идею баланса сил сформулировал О. Бисмарк: «Вся политика может быть сведена к формуле: постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций». Баланс сил зачастую играет решающую роль в дипломатии: так, Англия начиная с XVI в. в европейских делах рассматривала поддержание «равновесия» как краеугольный камень своей политики

Об Антанте см. прим. 1* на с. 579–580.

Паназиатского союза, в буквальном смысле слова, ни в то время, ни в более позднее не было (он появится только в 1952 г., да и то лишь в фантастическом романе Артура Кларка). Здесь, по-видимому, имеется в виду «Великая восточноазиатская сфера процветания» – паназиатский проект, созданный и продвигавшийся правительством и вооруженными силами Японии в период правления императора Хирохито. Проект основывался на желании создать в восточной Евразии «блок азиатских народов, возглавляемый Японией и свободный от западных держав». Членами блока должны были стать Япония, Монархия Маньчжоу-го, Внутренняя Монголия, Китайская республика, Таиланд, Бирма, Филиппины, временное правительство свободной Индии, Кампучия, Вьетнам, Лаос. В ноябре 1943 г. в Токио состоялась Конференция Великой Восточной Азии, на которой были представлены главы государств, вошедших в Сферу Процветания. Окончательный крах «Сферы Процветания» произошел с поражением Японии во Второй мировой войне.

Панамериканский союз – межамериканская организация, в разное время выполнявшая функции консультативного органа американских республик, рабочего органа Организации американских государств (ОАГ), созданного по инициативе США в 1948 г., хотя формирование ее началось еще в 1889-1890 гг. — 436

^{6*} О Лиге Наций см. прим. 2* на с. 522; о Гаагском Арбитражном суде см. прим. 10* на с. 529. — 436

ПРИЛОЖЕНИЯ

^{1*} Рид Бейн, Бэйн (Bain; 1893–1972) – профессор социологии в университете Майами, вице-президент Американского социологического общества (1944), редактор «American Sociological Review». — 443

^{2*} Упомянутый доклад был представлен на собрании социологического общества 29 декабря 1940 г. Однако редакция журнала «American Sociological Review» отказалась его публиковать, что привело к серьезному конфликту между Р. Бейном и Сорокиным и разрыву их дружеских отношений. Подобнее см.: *Джонстон Б.* История опубликования Декларации // Социологический журнал. 2002, № 2, с. 145–146. — 443

^{3*} *Obiter dicta* (лат.) – мнения или высказывания судьи, не являющиеся решением по существу рассматриваемого дела; попутные высказывания судьи, не влияющие на исход дела.

Ipse dixit (лат.) – букв.: сам сказал (при ссылке на высший авторитет).

Тем самым рецензент хочет сказать, что в книге Сорокина много не относящихся к теме рассуждений и ссылок на высшие (по сути дела, ложные) авторитеты. — 443

^{4*} В оригинале «Эмпаир Стэйтс Билдинг» – см. прим. 15* на с. 525. — 444

^{5*} Осса – гора в северо-восточной части Фессалии и одновременно в древнегреческой мифологии божество, персонификация вещего голоса, слухов, молвы. — 444

^{6*} Пелион – гора на юго-востоке Фессалии, на которой и в окрестностях которой разворачиваются многие события греческих мифов. Согласно одному из них (несколько по-иному рассказанному Гомером в «Одиссее», XII, 105–120), титаны взгромоздили гору Оссеу на Пелион, чтобы забраться на небо и свергнуть Зевса, но были убиты Аполлоном. Отсюда пошло выражение: «Громоздить Оссеу на Пелион» – т. е. затевать сложное дело, обреченное на неудачу. — 444

^{7*} Гордон У. Блэкуэлл (Blackwell; 1911–2004) – американский социолог, в 1941 г. ассоциированный профессор («доцент») кафедры социологии в университет Северной Каролины. — 446

^{8*} В оригинале «supersensory», т. е. сверхчувственные; однако на вырезке рецензии, сохранившейся в архиве П.А. Сорокина, приставка *super* зачеркнута (по-видимому, его рукой). — 449

^{9*} Уильям Грэм Самнер (1840–1910) – американский социолог, философ и экономист, сторонник идей социального дарвинизма и Г. Спенсера; считал, что социальное неравенство является необходимым условием существования цивилизации, был противником любых форм социализма и государственного регулирования. — 451

^{10*} Мозез Джуда Аронсон (Aronson; 1902–1985) – редактор «Journal of Social Philosophy and Jurisprudence». — 453

^{11*} Макс Отто (Otto; 1876–1968) – американский философ немецкого происхождения, профессор университета в Висконсине.

Джон Элоф Будин (Boodin; 1869–1950) – шведско-американский философ и педагог. — 453

^{12*} См. прим. 13* на с. 554. — 453

^{13*} В «Богословско-политическом трактате» Спиноза писал: «Я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать» (*Спиноза Б.* Избранные произведения в 2-х тт. М., 1957, т. 2, с. 287). — 454

^{14*} См. прим. 13* на с. 537. — 454

^{15*} Уильям Эрнест Хоккинг (Hocking; 1873–1966) – американский философ, профессор Гарвардского университета, ученик Джошуа Ройса.

Рой Вуд Селларс (Sellars; 1880–1973) – канадский философ, сторонник критического реализма. — 455

^{16*} Дэвис Кингсли (Davis; 1908–1997) – американский социолог и демограф, ученик Т. Парсонса; исследовал проблемы урбанизации и стратификации; в соавторстве с У. Муром создал структурно-функционалистскую теорию социального неравенства; в 1937–1942 гг. работал в университете штата Пенсильвания. — 456

^{17*} Дихотомию «сакральное» («священное») и «профанное» Э. Дюркгейм разработал в своей последней работе «Элементарные формы религиозной жизни». — 456

^{18*} Рудольф Аллерс (Allers; 1883–1963) – австрийский психиатр, единственный католик, присоединившийся к первой группе основателя психоанализа З. Фрейда; после «аншлюса» Австрии эмигрировал в США, где в 1938–1948 гг. преподавал в Католическом университете Америки (Вашингтон). — 458

^{19*} Горгуля (*фр.* gargouille) – в готической архитектуре каменный или металлический выпуск водосточного желоба, скульптурно оформленный в виде гротескного персонажа или многофигурного сюжета. Чаще всего эти скульптуры выглядят устрашающе, а иногда и непристойно. — 461

^{20*} Что доказал и объяснил Э. Дюркгейм в своем исследовании «Самоубийство» (см. прим. 1* на с. 539). — 462

^{21*} См. прим. 47* на с. 536. — 463

^{22*} См. прим. 17* на с. 551. — 463

^{23*} *Beatus possessor* (*лат.*) – счастливые обладающие, т. е. собственники. — 463

^{24*} *Fides quarens intellectum* (*лат.*) – вера, ищущая разумения (слова Ансельма Кентерберийского). — 465

^{25*} Имеется в виду «Переоценка всех ценностей» Ф. Ницше, являющаяся одним из двух продолжений его книги «Человеческое, слишком человеческое». В русском переводе она вышла под не вполне точным названием «Переоценка всего ценного» (см.: *Ницше Ф.* Собрание сочинений. М.: Издание книгопродавца В.К. Клюкина, б/г, т. V). Вот несколько типичных афоризмов из «Переоценки всех ценностей»:

«Как справедливость часто служит покровом слабости, так и обратно: люди справедливые, но слабые, часто прибегают из тщеславия к притворству, умышленно поступая жестоко и несправедливо, чтобы придать себе вид твердости».

«Все моралисты робки, так как знают, что их смешают со шпионами и предателями, как только заметят их наклонность, к тому же они вообще сознают свое бессилие в делах; ведь начав какое-нибудь дело, они все свое внимание сосредоточивают не на нем, а на мотивах своей деятельности».

«Есть медленный и постепенный путь, ведущий к пороку и ко всякого рода подлости. В конце этого пути люди, идущие по нему, уже не чувствуют даже мурашек от угрызений совести, и такой человек, став вполне подлым, шествует в полной невинности» (*Ницше Ф.* Указ. соч., с. 40, 42, 45). — 465

^{26*} Иер. 29, 11: Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь. — 465

^{27*} Френсис Эшли-Монтегю (Ashley Montagu; 1905–1999) – англо-американский антрополог, с 1940 г. гражданин США, преподаватель ряда американских университетов. — 466

^{28*} Isis (Исида) – ежеквартальный журнал по истории науки, основанный в 1913 г. Джорджем Сартоном и издаваемый Чикагским университетом по настоящее время. — 467

^{29*} Гарольд Аткинс Ларраби (Larrabee; 1894–1979) – американский философ. — 468

^{30*} Речь идет о «Трактате по общей социологии» В. Парето, изданном на языке оригинала в 1916 г. Здесь, однако, имеется в виду перевод «Трактата» на английский язык, изданный в четырех томах в Нью-Йорке в 1935-1936 гг. под названием «The Mind and Society (Trattato di Sociologia generale)», т. е. буквально за год до выхода в свет первых трех томов «Социальной и культурной динамики» П.А. Сорокина. — 468

^{31*} См. прим. 1* на с. 522. — 468

^{32*} Английское слово «Ordeal» переводится и как «тяжкие испытания», и как «Суд Божий» в зависимости от контекста и от позиции автора в отношении к религии и атеизму. Поскольку в данном случае антирелигиозная направленность автора не вызывает сомнений, предпочтительнее первый («светский») вариант перевода. — 468

^{33*} Джироламо Савонарола (Savonarola; 1452–1498) – итальянский монах и реформатор 1494–1498 гг., предшественник Реформации, по приговору папского суда был повешен, а тело его сожжено. — 470

^{34*} Джеймс Монтгомери Флэгг (Flagg; 1877–1960) – американский художник, работавший в разных жанрах изобразительного искусства от живописи до карикатуры. Наиболее известен благодаря своим плакатам, в том числе знаменитому плакату «I want you for U.S. Army» («Ты нужен мне в армии США»), призывавший добровольцев в американскую армию во время Первой мировой войны. — 470

^{35*} В оригинале «To the pure almost everything's rotten!» На самом деле американский художник привел цитату из «Книги лимериков» У. Вордсворта (Ирландские лимерики, 66). Лимерик (название происходит от ирландского города) – это пятистишие абсурдистского содержания, чем-то напоминающее нашу частушку.

Лимерик Вордсворта звучит так:

Said a missioner in Old Ballycotton
«The waltz of the devil's begotten!»
Said Jones to Miss Joy
«Never mind the old guy,
To the pure almost everything's rotten!»

(Дословно: Один миссионер сказал в Старом Балликоттоне: «Вальс – порождение дьявола!» Джонс сказал мисс Джой: «Не обращай внимания на старикашку, чистюле всюду мерещится грязь!»). — 470

^{36*} Гарри Элмер Барнз (Barnes; 1889–1968) – американский историк и социолог. Во время Первой мировой войны был сторонником вступления США в войну на стороне Антанты против Германии, но в конце 1930-х гг. начал защищать внешнюю политику Германии и до конца жизни относился с симпатией к нацистскому режиму. До Второй мировой войны Барнз успел получить признание в научном мире, но позже оказался вне научного сообщества ввиду своих прогерманских взглядов и последующего отрицания Холокоста, которое сформировалось на основе мифа о том, что большинство евреев уцелело, переехав в другие страны. В 1968 г. Барнз обвинил Израиль в получении денег от Германии за вымышленные еврейские трупы.

После 1945 г. ни один издатель не хотел публиковать работы Барнза, поэтому он издавал их на собственные средства.

В 1925 г. Барнз написал рецензию на «Социологию революции» Сорокина. См.: *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 632–633. — 471

^{37*} *Magnum opus* (лат.) – главный труд, великое произведение. — 471

^{38*} Этот «тезис» подробно развит в статье М. Вебера «Смысл “свободы от оценки” в социологической и экономической науке». См. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990, с. 547–601. — 471

^{39*} Павел Орозий (ок. 385–420) – историк и христианский теолог, последователь Августина. В 415 г. на соборе в Иерусалиме, где рассматривались обвинения против Пелагия, Орозий выступал на стороне обвинителей, в частности зачитав письма Августина Блаженного против пелагианства (на которые был получен известный ответ Пелагия: «А кто мне Августин?») (лат. *Et quis est mihi Augustinus?*). — 472

^{40*} Крейн Бринтон (Brinton; 1898–1968) – американский историк, один из крупнейших специалистов по истории идей, профессор Гарвардского университета. В 1937 г. Бринтон напечатал язвительный отзыв на «Социальную и культурную динамику», озаглавленный «Социо-астрология» (*Socio-Astrology // The Southern Review*. 1938, vol. 3, № 2, p. 243–266). В нем утверждалось, что «на самом деле, мистер Сорокин, в худшем смысле этого слова, поэт». В своем ответе Бринтону (*Histrionics // Ibid.*, № 3, p. 555–564) Сорокин объявил его ученым, который не смог понять главных идей «Динамики». Подробнее см.: *Зюзев Н.Ф.* «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами американских социологов. Сыктывкар, 2009, с. 44–49. — 472

^{41*} Гёц Брифс (Briefs; 1889–1974) – немецкий католический ученый, специалист по этике, социальный философ и политический экономист, профессор ряда университетов Германии. После прихода к власти нацистов эмигрировал в США, где в качестве приглашенного профессора преподавал сначала в Католическом университете, а позже, став профессором, в Иезуитском Джорджтаунском университете в Вашингтоне. — 473

^{42*} Под таким названием был издан английский перевод брошюры Н.А. Бердяева «Новое средневековье» (1924). — 473

^{43*} См. прим. 41* на с. 533. — 475

^{44*} Оливер Уэнделл Холмс-младший (Holmes, Jr.; 1841–1935) – американский юрист и правовед, участник Гражданской войны, где был трижды ранен. Философское и юридическое образование получил в Гарварде. В 1882–1902 гг. членом Верховного суда в Массачусетсе, а затем и Верховного суда США. — 476

^{45*} Жюльен Бенда (Benda; 1867–1956) – французский политический философ, общественный критик и моралист. Автор книги «*La Trahison des Clercs*» – «Предательство интеллектуалов» (рус. перевод: М., 2009), вызвавшей бурную полемику почти во всей Западной Европе. В англоязычных странах Ж. Бенда имел массу противников и поклонников; среди последних – Т.С. Элиот, писатель Р. Олдингтон (роман «Смерть героя»), который перевел книгу на английский язык, и др. — 477

^{46*} См. прим. 15* на с. 530. — 477

^{47*} См. прим. 38* на с. 533. — 477

^{48*} См. прим. 14* на с. 537. — 478

^{49*} *Rregressum in infinitum* (лат.), правильное *regressum ad infinitum* – уход в бесконечность. — 478

^{50*} О «Новом курсе» см. прим. 15* на с. 538. — 478

^{51*} *Ensayo* (исп.) – опыт. Имеется в виду «Опыт исследования о католицизме, либерализме и социализме» Д. Кортеса (*Donoso Cortés. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid, 1851*), в котором католическая цивилизация («универсальный порядок мироздания») противопоставляется цивилизации «философской, негативной, революционной». — 479

^{52*} Благодать Божия (лат.). — 480

^{53*} Партеногенез – так называемое «девственное размножение», одна из форм полового размножения без оплодотворения. — 480

^{54*} Рыба гниет с головы (фр.). — 480

^{55*} *Clericus laicus* (лат.) – букв.: светский клирик (священнослужитель). Этим, по существу, оксюмороном автор рецензии обозначает интеллигенцию позднего средневековья, которая формально считалась церковной, но фактически была уже светской. — 480

^{56*} См. прим. 11* на с. 560. — 481

^{57*} См. прим. 17* на с. 551. — 481

^{58*} *Ptaefatio* (Префацио) – вступление к Анафоре Святого Иоанна Златоуста. — 481

^{59*} *Ancilla fidei* (лат.) – служанка веры. — 481

^{60*} *Kat'echochen* (греч.) – по преимуществу, по сути. — 482

^{61*} Гипостазирование – логическая ошибка, заключающаяся в опредмечивании абстрактных сущностей, в приписывании им реального, предметного существования. — 482

^{62*} В оригинале: *The brazen march of the heresiarchs must have reverberated through the corridors of time...*

Последние слова этой фразы фактически представляют собой цитату из стихотворения Г. Лонгфелло «День окончен»:

Not from the grand old masters,
Not from the bards sublime,
Whose distant footsteps echo
Through the corridors of Time.
Но не надо громких поэтов –
Тех возвышенных славой имен,
Чьих шагов далекое эхо
Все звучит в коридорах времен. — 482

^{63*} *Geistesgeschichte* (нем.) – история духа. — 482

^{64*} Алан Максвелл («Макс») Лернер (*Lerner; 1902–1992*) – российско-американский журналист и педагог; автор книги «*America as a Civilization: Life and Thought in the United States Today*» (1957) (рус. перевод: Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. М., 1992, т. 1–2). — 483

^{65*} Чарльз Остин Бирд (*Beard; 1874–1948*) – один из самых влиятельных американских историков первой половины XX в., глава так называемой экономической школы, которая подчеркивала значение экономических факторов в истории США. — 483

^{66*} На первой странице суперобложки американского издания «Кризиса нашего времени» (1941) помещена реклама следующего содержания:

«Действительно ли наступает “закат Западного мира”? В этой книге каждый американец найдет яркий и убедительный вызов той волне пессимизма, которая захлестывает сегодня наши новости, нашу литературу, наши мысли.

Для отечественного читателя, может быть, имеет интерес и продолжение этой рекламы на второй («задней») странице суперобложки, тем более, что эта реклама (как всегда, избыточно хвалебная), возможно, каким-то образом повлияла на негативные оценки книги со стороны некоторых критиков:

«Это одна из самых значительных книг столетия, написанная одним из величайших в мире умов – умов, чья гениальность в области философии и отвлеченного мышления опирается на обширнейшие познания и огромный массив фактов.

Мы убеждены, что это столь же великая книга, как и “Закат Европы” Шпенглера, а на самом деле она превосходит ее своим величием, потому что вселяет надежду и носит конструктивный характер. Рисуя удивительно яркую картину того мира, в котором мы живем, исследуя его исчерпывающим образом, эта оптимистичная книга убеждает нас в том, что, несмотря на царящее в наше время насилие и смятение умов, мы идем к лучшему миру. Решая дилеммы и проблемы сегодняшнего дня, эта книга представляет непосредственный интерес и ценность для всех, и круг ее читателей безграничен.

С самого начала своего глубокого и систематического анализа природы, причин и последствий современного кризиса профессор Сорокин утверждает, что мы переживаем не обычный экономический и политический кризис, и ни предсмертную агонию западного общества и культуры. Причины нынешнего кризиса, утверждает он, не Гитлер, не Сталин и иже с ними, не космические и климатические факторы, не биологическое вырождение, не расстройство экономических или политических условий. Этот кризис порожден внутренним и спонтанно развивающимся ядовитым вирусом, содержащимся в современной культуре с момента ее возникновения. И лекарством от него, заявляет профессор Сорокин, не может служить просто перестройка политических или экономических условий, какой бы радикальной она ни была. Чтобы найти выход, считает автор, необходима переоценка основных ценностей – кардинальное изменение нашего мировоззрения и поведения, а также замена умирающих форм культуры и общества другими, гораздо более высокими формами.

Книга, написанная на основе исследований, которые автор вел в течение всей своей жизни, глубоко проникает в суть проблемы. В ней содержится не только полная анатомия нынешнего мирового кризиса, но и величественная философия истории. Это великая и блестящая книга, написанная выдающимся ученым простым языком для мыслящих американцев, у которых, как и автора, есть желание и мужество ответить на вызов, брошенный меняющимся миром».

^{67*} Дэвид Александр Сесил Лоу (Low; 1891–1963) – английский художник-самоучка (уроженец Новой Зеландии), признанный мастер политической карикатуры и шаржа; наиболее известны его сатирические карикатуры на самых крупных диктаторов XX в. (Гитлера, Сталина, Муссолини) и других политических лидеров. — 484

^{68*} См. прим. 44* на с. 586. — 484

^{69*} Арнольд Джозеф Тойнби (Toynbee; 1889–1975) – английский историк, философ истории, культуролог и социолог, профессор Лондонской школы экономики и Лондонского университета. На протяжении всей жизни Сорокин и Тойнби испытывали симпатию и интерес к научному творчеству друг друга. Их идеи во многом были созвучны, и не случайно современники иногда называли их «Августинами XX века». — 485

^{70*} *Opus maius* (лат.) – букв.: «Большой труд», название сочинения Роджера Бэкона (1214–1292), в котором проводится мысль о бесполезности отвлеченной диалектики, о необходи-

мости изучать природу посредством наблюдения и подчинить ее законам математического вычисления. — 485

^{71*} Фрэнк Хайнеман Найт (Knight; 1885–1972) – американский экономист, профессор Чикагского университета, один из основателей Чикагской школы; по мнению Ф. Хайека, одна из главных фигур в деле сохранения и популяризации классической либеральной мысли в XX в. — 488

^{72*} См. прим. 8* на с. 523. — 489

^{73*} Название брошюры, которую в 1940 г. выпустила в свет Энн (Анна) Спенсер Линдберг (Lindbergh; 1906–2001) – американская писательница и летчица, жена известного летчика Чарльза Линдберга; первая женщина в Америке, получившая лицензию пилота. В своей брошюре призывала американцев признать неизбежность распространения в мире фашизма и, в частности, поддерживала своего мужа, советовавшего правительству США подписать мирный договор с Германией, аналогичный пакту Молотова-Риббентропа; в администрации Ф. Рузвельта книга была названа «библией американского нацизма». Супруги Линдберг получили также широкую известность благодаря похищению и убийству их двенадцатимесячного ребенка (это убийство до сих пор остается не до конца раскрытым), что побудило Конгресс США принять федеральный закон о похищениях, обычно называемый «законом Линдберга», который сделал перевозку похищенных жертв через границы штатов федеральным преступлением. — 489

^{74*} Генри Биттермен (Bittermann; 1865–1949) – американский экономист, в 1930–1944 гг. профессор университета штата Огайо. — 490

^{75*} Одним из первых, кто ввел понятие «науки о духе» (Geisteswissenschaft) был В. Дильтей, который противопоставлял их естественным наукам, так как считал, что задачей наук о духе, изучающих общественно-историческую деятельность, является их осмысление, постижение, понимание. Затем это противопоставление было развито немецкими неокантианцами (В. Виндельбаном и Г. Риккертом), которые различали исторические, описывающие единичные явления (идеографические) науки о духе и законополагающие (номотетические) естественные науки. — 490

^{76*} Перси Уильямс Бриджмен (Bridgman; 1882–1961) – американский физик, лауреат Нобелевской премии (1946) за открытия в области физики высоких давлений; автор книг по философии науки, сторонник концепции операционализма; после обнаружения у него рака с метастазами совершил самоубийство, застрелившись из охотничьего ружья. — 491

^{77*} Генри Трэверс Эдж (Edge; 1867–1946) – английский теософ, ученик и последователь Е.П. Блаватской, с которой познакомился в 1887 г. — 492

^{78*} Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт (Fedotoff White; 1889–1950) – русский морской офицер, историк; после революции 1917 г. поступил на службу в британский флот, с 1919 г. служил в белых войсках Восточного фронта, был взят красными в плен под Иркутском. Оставался в Советской России, служил по морскому транспорту в Москве; в 1921 г. бежал из РСФСР, с 1930 г. – член объединения Гвардейского Экипажа, служащий судоходной компании в Филадельфии, доцент Пенсильванского университета; автор книг и статей в американских исторических журналах.

Подробнее о нем см.: *Федотов-Уайт Д.Н.* Пережитое. Война и революция в России. М., 2018. – 495

^{79*} В оригинале по-фр. plaidoyer. — 495

^{80*} Имеется в виду статья: *Dow R. Prostor.* A Geopolitical study of Russia and United States // *Russian Review.* 1941, vol.1, issue 1, November, p. 6–19.

В примечании к статье говорилось, что она написана по материалам, собранным Александром Тарсаидзе и Роджером Доу для книги «Czars and Presidents», которая выйдет в 1942 г. Однако, книга появилась лишь в 1958 г. и за подписью одного Тарсаидзе. См.: *Tarsaidzé A. Czars and Presidents. The Story of a Forgotten Friendship* [Цари и президенты: История забытой дружбы]. New York, 1958.

Интересен отзыв об этой статье современного отечественного историка: «...К 1942 году Роджером Доу была опубликована, возможно, первая статья, в которой проводилось параллель между Россией и США, как странами, для которых пространство (“простор”) оказалось важнейшим геополитическим фактором, а колонизация стала важнейшим результатом этой политики. Рядом с колонизацией Доу ставит и понятие “фронтир”, предлагая как один из возможных переводов – “Украина” (в широком смысле слова). Московские украинцы средневековья – вот для Доу Московский фронтир. Рядом с параллелями (two space-loving people) Доу находил и различия, например: “география была другом Соединенных Штатов и врагом России”» (*Олейников Д.И.* Фронтир и колонизация. URL: www.timeandspace.lviv.ua). — 495

^{81*} *Dulles F.R. The Road to Teheran: The Story of Russia and America, 1781–1943.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1944/

Фостер Реа Даллес (Dulles; 1900–1970) – американский историк и писатель (не путать с директором ЦРУ Алленом Даллесом и его братом, госсекретарем Джоном Фостером Даллесом). — 495

^{82*} Традиционный русский перевод названия книги О. Шпенглера «Заката Европы» не совсем точен. В оригинале книга называется «Der Untergang des Abendlandes», поэтому недавно выпущенный перевод И.И. Маханькова более правилен: *Закат Западного мира* (М., 2009). — 497

^{83*} Имеется в виду надпись на стене, появившаяся во время пира, устроенного халдейским царем Валтасаром: «Мене, текел, упарасин» (исчислено, взвешено и разделено), возвещавшая конец его царствования и царства (Дан. 5, 5–31). — 498

^{84*} Вальдемар Гуриан (Gurian; 1902–1954) – русско-немецко-американский политолог, в 1939 г., после побега из нацистской Германии, переехал в США, где преподавал в католическом университете Нотр-Дам (недалеко от Чикаго) и редактировал основанный им журнал «The Review of Politics»; теоретик тоталитаризма как политического католицизма. См. посвященный ему Ханной Арендт некролог: *Arendt H. The Personality of Waldemar Gurian // The Review of Politics.* 1955, January 17, p. 33-42. — 499

^{85*} Здесь печатается только та часть рецензии, которая посвящена книге П.А. Сорокина, а вообще в ней рассматривается восемь книг:

- 1) *Chamberlin W.H. The Russian Enigma.* New York: Charles Scribner's. Pp. viii, 321. \$2.75.
- 2) *Iswolsky H. Soul of Russia.* New York: Sheed & Ward. Pp. x, 200. \$2.75.
- 3) *Sorokin P.A. Russia and the United States.* New York: E.P. Dutton and Co. Pp. 252. \$3.00.
- 4) *Sumner B.H. A Short History of Russia.* New York: Reynal and Hitchcock. Pp. 469. \$3.75.
- 5) *Dulles F.R. The Road to Teheran.* Princeton. New Jersey: Princeton University Press. Pp. vi, 279. \$2.50.
- 6) *Dallin D.J. Russia and Postwar Europe.* New Haven: Yale University Press. Pp. x, 230. \$2.00.
- 7) *Fedotoff White D. The Growth of the Red Army.* Princeton: Princeton University Press, 1944. Pp. xiv, 486. \$3.75.
- 8) *Duranty W. USSR. The Story of Soviet Russia.* Philadelphia: Lippincott. 1944. Pp. 293. \$3.00. — 499

^{86*} Башкирия вошла в состав России в 1557 г. при Иване Грозным (который в сознании башкирского народа остался «хорошим царем» – «как бакшта»). Позднее, при Романовых, цар-

ские власти неоднократно нарушали условия договора между России и Башкирией, что приводило к многочисленным восстаниям: 1645, 1662–1664, 1681–1684, 1704–1711, 1735–1740, 1755–1756 гг., последним крупным восстанием башкир считается их участие в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Емельяна Пугачева; один из руководителей этого восстания Салават Юлаев остался в народной памяти и считается башкирским национальным героем. — 500

^{87*} Министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока подписал договор с СССР о ненападении 13 марта 1941 г., т. е. за три с небольшим месяца до нападения Германии на Советский Союз. 16 июля 1941 г. политическая карьера Мацуоки закончилась. — 501

^{88*} Михаил Тимофеевич Флоринский (Florinsky; 1895–1981) – профессор экономики Колумбийского университета. — 503

^{89*} Доктрина Монро – послание Конгрессу президента США Д. Монро от 2 декабря 1823 г., содержавшая три основных положения, выдававшихся за принципы внешней политики США: невмешательство американских государств во внутренние дела Европы; невмешательство европейских государств во внутренние дела Америки; решимость препятствовать всяким попыткам европейских государств покушаться в какой-либо форме на независимость американских государств путем их колонизации. Доктрина Монро была направлена отнюдь не против колониализма вообще, но лишь против экспансии европейских государств на американском континенте. — 503

^{90*} Уильям Генри Чемберлен (Chamberlin; 1897–1970) – американский журналист и историк; в 1922–1934 гг. корреспондент бостонской газеты «Christian Science Monitor» в Москве, в 1935–1939 гг. был корреспондентом на Дальнем Востоке. Его книга «The Russian Enigma» [Русская загадка] вышла в 1943 г. — 504

^{91*} *Horribile dictu* (лат.) – страшно сказать, страшно произнести. — 504

^{92*} Тегеранская конференция, первая за годы Второй мировой войны конференция «большой тройки» (И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля), состоялась 28 ноября – 1 декабря 1943 г. — 505

^{93*} Уилфрид Парсонс (Parsons; 1887–1958) – американский теолог и философ, член общества иезуитов (S.J.), профессор и декан (1938–1940) Джорджтаунского университета. — 507

^{94*} В оригинале *proportion*, но это, по-видимому, опечатка; мы читаем: *proposition*. — 507

^{95*} См. прим. 1* на с. 522. — 507

^{96*} *Étatisme* (фр.) – этатизм (от фр. *état* – «государство»), политическая доктрина, согласно которой государство рассматривается как высший результат и цель общественного развития. «Государство – все, личность гражданина – ничто», – такова формула «предельного» этатизма. Сущность этатизма в той его форме, в какой он сложился в России после революции, очень хорошо выразил академик И.П. Павлов: «Мы живем под господством жесткого принципа: государство, власть – все... личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение» (цит. по: Звезда. 1989, № 10, с. 116). — 508

^{97*} Раймонд Фишер (Fisher; 1907–1994) – американский историк и советолог, профессор русской истории Калифорнийского университета; в 1944–1946 гг. работал в Госдепе США экспертом по вопросам развития Советского государства; его взгляды на Советский Союз в качестве политического и военного конкурента в США были широко востребованными в начале «холодной войны». — 510

^{98*} Уолтер Дюранти (Duranty; 1884–1957) – американский журналист, в 1922–1936 гг. руководитель московского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс»; самый просоветски настроенный американский журналист за всю историю Советской власти; И.В. Сталин дважды давал Дюранти эксклюзивные интервью и всячески помогал ему в работе. Подробнее о нем см.: *Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах.* М., 2001. — 510

^{99*} См. прим. 1* на с. 583. — 512

^{100*} Перефразированный афоризм времен Второй мировой войны «В окопах нет атеистов» (There are no atheists in foxholes), авторство которого точно не установлено. Смысл его заключается в том, что во время крайнего стресса или страха, например, в случае смертельной опасности при участии в военных действиях, все люди будут верить в высшие силы или надеяться на их вмешательство. Американский фонд «Свобода от религии» в городе Мэдисон (штат Висконсин) установил памятник в честь атеистов в окопах, таким образом выразив свое несогласие с фразой «В окопах не бывает атеистов». Надпись на постаменте гласит: «В память об атеистах в окопах и бесчисленных вольнодумцах, служивших нашей стране с честью и отличием. Национальный фонд “Свобода от религии” надеется, что в будущем человечество сможет научиться избегать любой войны». — 513

^{101*} *Sine qua non* (лат.) – неперемное условие. — 513

^{102*} Эдвард Олсворт Росс (Ross; 1866–1951) – американский социолог, один из основателей американской социологии и социальной психологии, в 1906–1937 гг. профессор в университете Висконсина (штат Мэдисон). В 1917 г. Э. Росс, после большевистской революции, посетил Россию, после возвращения в Америку выпустил книгу «Russia in Upheaval» (Россия в кризисе). New York, 1918. — 514

^{103*} В главе «Русский народ» Э. Росс писал: «Не должны ли мы рассматривать многочисленные сходства между русским и американским народами как естественную основу для их самой крепкой дружбой? В обеих странах большую роль играет сельское хозяйство и преобладает сельский образ жизни, хотя, конечно, Россия в гораздо большей степени сельская страна, чем Соединенные Штаты. Оба народа привыкли бороться с дикой природой, имеют государственную границу и вынуждены были сражаться и с дикими животными и с дикими племенами. Оба живут в условиях континентального климата, и резкие контрасты, которые они испытывают, происходят при смене сезонов, а не декораций. В обеих странах земля дешевая, улицы и дороги широкие и плохо ухоженные, города разрастаются. Как американцы, так и русские привыкли к широкому просторам и необъятным горизонтам, мыслят масштабными категориями и пренебрегают мелочами. Оба легки на подъем, демократичны и просты в обращении. Никогда не знали феодализма и свойственного ему кастового духа. Росли не на фоне исторических зданий и памятников и не испытывают особого пиетета к прошлому. Простые американцы и простые русские всегда тянулись друг к другу, и сейчас, когда такие камни преткновения, как самодержавие, государственная церковь и помещичье дворянство уходят в прошлое, почему бы двум народам не осознать эту взаимную симпатию и не стать как братья? Безусловно, американцы яснее осознают свои возможности, лучше понимают организацию, дисциплину и эффективность, легче обращаются со свободными институтами и в большей степени научились подчинять свои порывы общепринятым нормам. Они могли бы стать для русских чем-то вроде старшего брата, лучше знающего кое-какие практические вещи, которые одаренный младший брат пытается узнать» (Ross E.A. *Russia in Upheaval*. New York, 1918, p. 129–130). — 515

^{104*} Леонард Шапиро (Schapiro; 1908–1983) – английский историк и советолог российско-го происхождения, профессор Лондонской школы экономики. — 516

^{105*} Факт, действительно, общеизвестный: мировые судьи (justices) в Англии не избирались, как утверждает П.А. Сорокин, а назначались королем из рядов местного дворянства-джентри. — 518

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А

- Август** (Augustus) Гай Юлий Цезарь Октавиан (69 до н. э. – 14 н. э.), римский император с 27 г. до н. э., основатель принципата – формы правления, при которой сохранялись республиканские институты — 264
- Августин** (Augustine) Аврелий (354–430), христианский теолог и философ, представитель христианской патристики — 59, 61, 62, 79, 80, 173, 204, 318
– Исповедь — 173
- Авенариус** (Avenarius) Рихард (1843–1896), швейцарский философ, один из основоположников эмпириокритицизма — 169, 194
- Авраамий Палицын** (до принятия монашества – Аверкий Палицын; ум. 1626), русский политический деятель и писатель, активно содействовавший победе ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского — 319
- Адамс** (Adams) Генри Брукс (1838–1918), американский писатель и историк, автор автобиографической книги «Воспитание Генри Адамса» — 86, 198
- Аида**, главная героиня оперы Дж. Верди «Аида» (1871), египетская рабыня, дочь эфиопского царя, с которым сражаются египтяне; в опере повествуется о несчастной любви Аиды и предводителя египетских войск Радамеса — 49
- Алексий I** (в миру С.В. Симанский; 1877–1970), епископ Русской Православной церкви, с мая 1944 г. после смерти патриарха Сергия – местоблюститель Патриаршего престола, с 4 февраля 1945 г. патриарх Московский и всея Руси — 319
- Александр** (Alexander) Джон Уайт (1856–1915), американский художник-символист и иллюстратор — 195
- Александр Македонский** (356–323 до н. э.), царь Македонии с 336 г. до н. э., полководец и завоеватель, воспитанник Аристотеля — 264
- Александр Ярославич Невский** (1221–1263), князь Новгородский (1236–1240, 1241–1252, 1257–1259), великий князь Владимирский (1252–1263), древнерусский полководец, святой Русской православной церкви — 287, 385, 387, 388
- Александр Невский** (1938), советский художественный исторический фильм о победе древнерусского князя над рыцарями Тевтонского ордена на Чудском озере 5 апреля 1242 г.; режиссер фильма – С.М. Эйзенштейн (1898–1948), автор музыки к фильму – С.С. Прокофьев; в США фильм вышел в прокат 22 марта 1939 г. — 385
- Александр I** (1777–1825), российский император с 1801 г. из династии Романовых, в начале царствования которого был предпринят ряд либеральных реформ, в дальнейшем, однако, сведенных практически на нет — 253, 269, 271–273, 276, 366, 385

- Александр II** (1818–1881), российский император с 1855 г. — 276
- Александр III** («Миротворец») (1845–1894), российский император с 1881 г. — 276
- Алексей Михайлович** (1645–1676), русский царь с 1645 г. — 308, 315
- Альберт Великий**, Альберт фон Больштедт (Albertus Magnus, Albert von Bollstadt; ок. 1193–1280), немецкий философ и богослов, представитель ортодоксальной схоластики, монах-доминиканец, учитель и предшественник Фомы Аквинского — 74
- Альворадо** (Alvarado; у Сорокина ошибочно: Alvorado) Франциско, филиппинский писатель — 198
- Амос** (VIII в. до н. э.), древнееврейский пророк и проповедник, обличавший ростовщиков, судей и чиновников; «Книга Пророка Амоса» входит в состав Ветхого Завета — 219
- Андреев** Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель и драматург — 358
- Анна Стюарт** (1665–1714), королева Великобритании и Ирландии с 1702 г., последняя из династии Стюарт — 264
- Анна Иоанновна** (1693–1740), российская императрица с 1730 г. — 269, 293
- Аполлон** (*миф.*), бог солнечного света, бог-прорицатель и бог-врачеватель, покровитель музыки и поэзии («Мусaget», т. е. «водитель Муз»), сын Зевса и Латоны — 56
- Аристотель** (384–322 до н. э.), древнегреческий философ — 74, 89, 96, 97, 179, 380
– Никомахова этика — 96
- Артур** (Arthur), легендарный кельтский король — 48
- Архимед** (ок. 287–212 до н. э.), древнегреческий ученый, математик и механик; убит римским солдатом при взятии Сиракуз — 78
- Ахилл** (Ахиллес), древнегреческий герой, один из участников Троянской войны — 48

Б

- Баадер** (Baader) Франц Ксавье фон (1765–1841), немецкий ученый и религиозный философ — 198, 199
- Байрон** (Byron) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт — 49, 181, 198
- Бак** (Buck) Перл (1892–1973), американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе — 410
- Бакунин** Михаил Александрович (1814–1876), русский революционер, философ и публицист, теоретик анархизма — 198, 289
- Балакирев** Милий Алексеевич (1836/1837–1910), русский композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель — 358, 374
- Бальзак** (Balzac) Оноре де (1799–1850), великий французский писатель-реалист — 43, 181, 198, 199
- Бальмонт** Константин Дмитриевич (1867–1942), русский поэт — 358
- Бах** (Bach) Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор и органист — 40, 42, 43, 45, 46, 89, 172, 181, 205, 374

- Бейсель** (Beissel) Иоганн Конрад (1691–1768), американский духовный писатель и композитор немецкого происхождения, глава секты «Анабаптистов седьмого дня» в г. Евфрат (штат Пенсильвания) — 192
- Беллоуз** (Bellows) Джордж Уэсли (1882–1925), американский художник-реалист; в своем творчестве преимущественно изображал городские пейзажи и сцены городской жизни, а также спортсменов, в частности, боксеров — 195
- Беннет** (Bennett) Арнольд (1867–1931), английский писатель — 357
- Берг** (Berg) Альбан (1885–1935), австрийский композитор, один из виднейших представителей музыкального экспрессионизма, автор оперы «Воцтек» (по пьесе Георга Бюхнера) — 57
- Берд** (Bird) Уильям (ок. 1543–1623), английский композитор, основоположник национальной школы мадригала, органист и нотоиздатель — 197
- Бердяев** Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный философ — 318, 325, 374
- Березовский** Максим Созонтович (1745–1777), русский композитор, иностранный член Болонской академии; наряду с Д.С. Бортнянским считается создателем классического типа русского хорового концерта; согласно одной из версий он «впал в ипохондрию» и «зарезал сам себя» в припадке горячки; некоторые биографы объясняли это самоубийство знакомством Березовского с опальной княжной Таракановой — 374
- Беринг** Витус Ионассен, Иван Иванович (1681–1741), русский мореплаватель датского происхождения, руководитель Первой (1725–1730) и Второй (1731–1741) Камчатской экспедиции, прошел по проливу между Чукоткой и Аляской (впоследствии пролив Берига), достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды; умер от цинги во время второй экспедиции на острове, названном впоследствии его именем — 256, 266
- Беркли** (Berkley) Джордж (1685–1753), английский философ, представитель субъективного идеализма, с 1734 г. епископ в Клойне (Ирландия) — 182
- Берлиоз** (Berlioz) Гектор Луи (1803–1869), французский композитор, дирижер, музыкальный деятель — 40
- Бетховен** (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор — 40, 43, 45, 46, 54, 77, 89, 172, 181, 205, 270, 374
– Девятая симфония (1824) — 209
- Библия.** Книги Священного Писания — 33, 98, 173
Ветхий Завет — 33, 219
Второзаконие — 102
Новый Завет — 33
Евангелие — 287
Евангелие от Матфея — 103
Апокалипсис Святого Иоанна — 287
- Бирон** Эрнст Иоганн (1690–1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, установивший в России в 30-е гг. XVIII в. крайне реакционный режим («бироновщина») — 269
- Бирштадт** (Bierstadt) Альберт (1830–1902), американский художник немецкого происхождения, один из наиболее известных американских пейзажистов XIX в., сторонник неореализма, принадлежавший к Школе реки Гудзон; изображал в своих картинах Дикий Запад и индейцев — 194, 195

- Бисмарк** (Bismarck) Отто (1815–1898), немецкий государственный деятель, в 1871–1890 гг. рейхсканцлер Германской империи — 270
- Бичер-Стоу** (Beecher-Stowe) Гарриет Элизабет (1811–1896), американская писательница, активная участница аболиционистского движения в США — 369
– Хижина дяди Тома (1852) — 369
- Блок** Александр Александрович (1880–1921), русский поэт — 358
- Бобриков** Николай Иванович (1839–1904), российский военный и государственный деятель, генерал-губернатор Финляндии и командующий войсками Финляндского военного округа (1898–1904); был смертельно ранен в Гельсингфорсе финским националистом Эйгеном Шауманом — 274
- Боден** (Bodin) Жан (1530–1596), французский публицист, идеолог абсолютизма — 111
- Бодлер** (Baudelaire) Шарль (1821–1867), французский поэт — 198
- Бодуэн де Куртенэ** Иван Александрович (1845–1929), русский языковед — 273
- Бойль** (Boyle) Роберт (1627–1691), английский химик и физик — 183
- Боккаччо** (Боссассио) Джованни (1313–1375), итальянский писатель, один из первых представителей гуманистической литературы Возрождения — 206
– Декамерон (1352–1354) — 206
- Бокль** (Buckle) Генри Томас (1821–1862), английский историк и социолог — 198
- Болдуин** (Baldwin) Джеймс Марк (1861–1934), американский психолог, социолог, историк — 193
- Бональд** (Bonald) Луи Габриэль Амбруаз де (1754–1840), французский политический деятель, философ-традиционалист, публицист — 198, 199
- Бородин** Александр Порфирьевич (1833–1887), русский композитор, ученый-химик и медик, участник «Могучей кучки» — 358, 374
- Боули** (Bowley) Артур Лайон (1869–1937), английский экономист и статистик — 349
– The Change in the Distribution of the National Income [Изменения в распределении национального дохода]. 1880–1913. Oxford University Press, 1920 — 349
- Брамс** (Brahms) Иоганнес (1833–1897), немецкий композитор и пианист — 43, 181, 374
- Браун** (Brown) Джон Джордж (1831–1913), английский и американский художник, переехал в Нью-Йорк в 1853 г., в 1863 г. поступил в Национальную академию дизайнера в Нью-Йорке, в 1866 г. стал одним из членов Общества акварелистов, а затем и его президентом (1887–1904); большинство его картин изображает жизнь уличных детей (чистильщиков обуви, разносчиков газет, уличных продавцов и т. д.) — 194
- Браун** (Brown) Чарльз Брокден (1771–1810), американский публицист и редактор — 198
- Бредфорд** (Bradford) Уильям (1590–1657), один из отцов-пилигримов и основателей Плимутской колонии на территории современного штата Массачусетс, ее губернатор и один из первых американских историков, автор «Истории Новой Англии» (History of Plimouth Plantation), написанной в 1620–1647 гг., в которой подробно освещает жизнь и события, происходившие в колониях Новой Англии — 197

- Брешковская**, Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934), деятель русского революционного движения, одна из создателей и лидеров партии эсеров, а также ее Боевой организации, известная как «бабушка русской революции»; с 1910 г. до Февральской революции находилась в ссылке, с 1918 г. в эмиграции, умерла в Чехословакии — 292
- Британская энциклопедия** — 177
- Брэдстрит** (Bradstreet) Анна (ок. 1612–1672), первая американская поэтесса — 197, 198
– Десятая муза, появившаяся недавно в Америке (1650) — 198
- Брюсов** Валерий Яковлевич (1873–1924), русский поэт и писатель — 358
- Будда** (Buddha; санскр. букв.: «просветленный»), эпитет Сиддхартхи Гаутамы (623–544 до н. э.), основателя буддизма — 77, 79
- Булгаков** Сергей Николаевич (1871–1944), русский экономист, религиозный философ и богослов, с 1918 г. священник — 325
- Бунин** Иван Алексеевич (1870–1953), русский писатель, поэт, переводчик, с 1920 г. в эмиграции; лауреат Нобелевской премии (1933) — 358
- Бухарин** Николай Иванович (1888–1938), советский политический деятель, экономист и социолог — 373, 383, 397
- Бэббит** (Джордж Бэббит), главный герой одноименного романа С. Льюиса (1922) — 50
- Бэкон** (Bacon) Френсис (1561–1626), английский философ, основатель эмпиризма — 183

В

- Вагнер** (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор, писатель и театральный деятель — 40, 43, 51, 181, 198, 199, 374
- Василий Великий** (ок. 330–379), греческий церковный деятель, мыслитель и писатель, один из трех главных святителей Православной церкви — 61, 318
- Васнецов** Виктор Михайлович (1848–1926), русский живописец — 359
- Ватугин** Николай Федорович (1901–1943), советский военачальник, генерал армии, умер от заражения крови в результате полученного ранения — 271
- Вашингтон** (Washington) Джордж (1732–1799), американский государственный деятель, главнокомандующий американской армией во время войны за независимость в Северной Америке в 1775–1783 гг., первый президент США — 49, 366
- Вебер** (Weber) Макс (1864–1920), немецкий социолог, философ и историк, основоположник «понимающей социологии» — 89
- Вебер** (Weber) Эрнст Генрих (1795–1878), немецкий анатом и психофизиолог, автор работ, посвященных чувствительности; открыл наличие закономерных соотношений между силой воздействия внешних физических раздражителей и вызываемыми ими субъективными ощущениями («закон Вебера-Фехнера») — 121
- Вейр** (Weir) Джулиан Олден (1852–1919), американский художник-импрессионист — 195
- Венн** (Venn) Джон (1834–1923), английский логик и философ — 417

- Вергилий** Марон (Virgil) Публий (70–19 до н. э.), римский поэт — 33
- Вико** (Vico) Джамбатиста (1668–1774), итальянский философ, основоположник философии истории Нового времени — 205
- Вильгельм II** (Wilhelm) Гогенцоллерн (1859–1941), германский император и прусский король (с 1888), свергнутый с престола в результате Ноябрьской революции в Германии 1918 г., один из главных виновников начала Первой мировой войны — 23, 418
- Вильсон** (Wilson) Вудро (1856–1924), американский политический и государственный деятель, президент США от демократической партии в 1913–1921 гг. — 289
- Виндельбанд** (Windelband; у Сорокина ошибочно: Windebrandt) Вильгельм (1848–1915), немецкий философ и историк философии, глава Баденской школы неокантианства — 194
- Виньи** (Vigny) Альфред де (1797–1863), французский писатель — 198
- Владимир Святославович** (ум. 1055), князь Киевский, равноапостольный святой, креститель Руси — 312
- Владимир Мономах** (Владимир II Всеволодович) (1053–1125), великий князь Киевский с 1113 г. — 313
- Водсворт** (Wordsworth) Уильям (1770–1850), английский поэт-романтик, условно относимый к так называемой «озерной школе» — 198
- Волластон**, Уолластон (Wollaston) Уильям Хайд (1766–1828), английский ученый, который открыл палладий, ультрафиолетовое излучение и впервые получил в чистом виде платину — 197
- Вольтер** (Voltaire) (псевдоним Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), французский писатель, мыслитель и публицист — 153
- Воронов** Николай Николаевич (1899–1969), советский военачальник, с февраля 1944 г. Главный маршал артиллерии — 271
- Вроньский** (Hoene-Wroński) Юзеф Мария (1776–1853), польский математик и философ-мистик — 199
- Врубель** Михаил Александрович (1856–1910), русский живописец — 359
- Вулман** (Woolman) Джон (1720–1772) североамериканский торговец, портной, автор дневника, странствующий квакерский проповедник, а также один из первых противников рабства в колониальной Америке; в течение жизни вел дневник, который был опубликован после его смерти под названием «Дневник Джона Вулмана» (1774) — 192, 197
- Вырубов** Григорий Николаевич (1843–1913), русский философ-позитивист, химик-кристаллограф, первый в европейской истории ученый, возглавивший отделение истории науки — 289

Г

- Галилей** (Galilei) Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик, астроном, поэт и филолог — 76, 78, 89, 183, 204
- Гамильтон** (Hamilton) Александр (1755/1757–1804), государственный деятель США, идеолог и руководитель партии федералистов, автор программы ускоренного торгово-промышленного развития США, первый министр финансов США — 198

- Ганди** (Gandhi) Мохандас Карамчанд (1869–1938), индийский политический деятель, борец за независимость Индии — 414
- Гарвей** (Harvey) Уильям (1578–1657), английский врач, открывший кровообращение, основоположник физиологии и эмбриологии — 183
- Гарриман** (Harriman) Эдуард Генри (1848–1909), американский банкир, основатель банковской и биржевой фирмы «Гарриман энд компани» (1872); к 1909 г. сосредоточил контроль над крупнейшими железными дорогами, оставил состояние, оцениваемое до 600 млн долларов — 258
- Гартман** (Hartmann) Эдуард фон (1842–1906), немецкий философ, автор книги «Философия бессознательного» (1869) — 198, 199
- Гebbельс** (Goebbels) Пауль Йозеф (1897–1945), рейхсминистр пропаганды нацистской Германии (1933–1945 гг.) — 251, 329, 336
- Гегель** (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ, представитель немецкой классической философии — 89, 182, 198, 199
- Гедиминовичи**, потомки великого князя литовского Гедимина (правил в 1316–1341 гг.); внук Гедимина Ягелло стал основателем польской королевской династии Ягеллонов, на Руси — княжеская ветвь, вторая по знатности после Рюриковичей — 269
- Гейзенберг** (Heisenberg) Вернер (1901–1976), немецкий физик, один из создателей квантовой механики — 14
- Гейнсборо** (Gainsborough) Томас (1727–1788), английский живописец, график, портретист и пейзажист — 195
- Гектор**, в древнегреческой мифологии храбрейший вождь троянского войска, главный троянский герой в «Илиаде» Гомера, сын Приама и Гекубы — 48
- Генри** (Henri) Роберт (1865–1929), американский художник реалистического направления, один из основоположников Школы мусорных ведер — 195
- Гераклит** (ок. 520 – ок. 460 до н. э.), древнегреческий философ-диалектик — 180
- Герbart** (Herbart) Иоганн Фридрих (1776–1841), немецкий философ, психолог и педагог, противник немецкого классического идеализма послекантовского периода — 198
- Гердер** (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий философ-просветитель — 193
- Геринг** (Göring) Герман (1893–1946), политический, государственный и военный деятель нацистской Германии, рейхсминистр Министерства авиации, рейхсмаршал; приговором Нюрнбергского трибунала был признан одним из главных военных преступников и приговорен к смертной казни через повешение, но накануне казни покончил жизнь самоубийством — 336
- Гермоген** (ок. 1530–1612), русский патриарх (с 1606 г.) — 319
- Геродот** (между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк, «отец истории» — 89, 96, 97
- Гёррес** (Goerges, Görtes; у Сорокина ошибочно: Гоегто) Иоганн Йозеф фон (1776–1848), немецкий католический мыслитель, писатель, журналист — 198
- Герцен** Александр Иванович (1812–1870), русский революционер, писатель, философ и публицист — 198

- Гершвин** (Gershwin) Джордж (1898–1937), американский композитор и пианист — 197
- Гесиод** (VIII–VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт, первая историческая личность в истории античной литературы, автор поэм «Теогония» и «Труды и дни» — 96
- Гете** (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий философ, мыслитель и поэт — 43, 54, 181, 198, 199, 205, 270
- Гиббон** (Gibbon) Эдвард (1737–1794), английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788) — 182
- Гиддингс** (Giddings) Франклин Генри (1855–1931), американский социолог, президент Американского социологического общества (1908) — 370
- Гитлер** (Hitler) Адольф (1889–1945), глава германского фашистского государства (1933–1945) — 18, 23, 83, 154, 251, 267, 268, 275, 277, 329, 333, 336, 386
- Глазунов** Александр Константинович (1856–1936), русский композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель, с 1928 г. в эмиграции — 374
- Глинка** Михаил Иванович (1804–1857), русский композитор, основоположник русской классической музыки — 358, 374
- Глиэр** Рейнгольд Морицевич (1874–1956), советский композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель — 374
- Гоббс** (Hobbes) Томас (1588–1679), английский философ и политический мыслитель — 182
- Гоголь** Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель и драматург — 198, 358, 374
- Годвин** (Godwin) Уильям (1756–1836), английский публицист, романист и историк; был проповедником в общине кальвинистов, но вследствие отрицательного отношения к догматам сложил с себя духовное звание — 197, 198
- Годунов** Борис Федорович (ок. 1549 или 1552 – 1605), фактический правитель государства при Федоре Ивановиче (1584–1598); русский царь с 1598 г. — 269
- Голицыны**, русский княжеский род из числа Гедиминовичей, ветвь князей Патрикеевых; самый многочисленный княжеский род России — 269
- Голсуорси** (Galsworthy) Джон (1867–1933), английский писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1932) — 357
- Гомер**, легендарный древнегреческий поэт — 33, 42
- Гончаров** Иван Александрович (1812–1891), русский писатель — 358
- Гораций** (Nogatius), Квинт Гораций Флакк (65–8 до н. э.), древнеримский поэт — 33
- Горький** Максим (наст. имя и фамилия: Алексей Максимович Пешков; 1868–1936), русский советский писатель — 50, 358, 374
- Готорн** (Hawthorne) Натаниэль (1804–1854), один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы — 198, 199, 369
– Алая буква (1850) — 199
– Мраморный фавн (1860) — 199
- Гофман** (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), немецкий писатель-романтик — 198

- Грей** (Grey) виконт (1862–1933), английский государственный деятель; проводимая им политика фактически содействовала подготовке и развязыванию Первой мировой войны 1914–1918 гг. — 418
- Григорий Нисский** (ок. 335 – ок. 394), византийский церковный писатель, один из представителей греческой патристики, брат Василия Великого — 287, 318
- Григорий I Великий**, Святой Григорий (ок. 540–604), папа римский с 590 г., один из латинских отцов Церкви — 40
- Григорий IX** (в миру – Уголино деи Конти де Сеньи; ок. 1145–1241), папа римский с 1227 г. — 318
- Грин** (Green) Томас Хилл (1836–1882), английский философ, профессор Оксфорда, основоположник английского социал-либерализма — 199
- Гумилев** Николай Степанович (1886–1921), русский поэт, представитель акмеизма; расстрелян — 358
- Гупты** (Gupta), династия, правившая в Северной Индии в IV–VI вв., эпоха их правления отмечена расцветом экономики, литературы и искусства — 264
- Гюго** (Hugo) Виктор (1802–1885), французский писатель и поэт — 43, 198, 199

Д

- Давид** (David) Жак Луи (1748–1825), французский живописец — 195
- Дайс** (Dies) Мартин (1900–1972), американский политический деятель, член Демократической партии, член Палаты представителей Конгресса США от штата Техас (1931–1945 и 1955–1959); в 1938 г. создал и возглавил комитет по антиамериканской деятельности (Un-American Activities Committee), известный также как «комитет Дайса» — 372
- Даламбер**, д’Аламбер (D’Alembert) Жан Лерон (1717–1783), французский математик, физик и философ, просветитель и энциклопедист — 183
- Д’Аннунцио** (D’Annunzio) Габриеле (1863–1938), итальянский писатель, поэт, драматург и политический деятель; после Первой мировой войны стал одним из лидеров националистического движения, связанного с фашистскими организациями, с 1919 г. поддерживал Муссолини, ввел в употребление и апробировал многие элементы политического стиля фашистской Италии: массовые шествия в черных рубашках, воинственные песни, древнеримское приветствие поднятой рукой и эмоциональные диалоги толпы с вождем — 50
- Данте** Алигьери (Dante Alighieri) (1265–1321), итальянский поэт и мыслитель — 42, 51, 89, 158, 181
– Божественная комедия (1307–1321) — 173
- Дарвин** (Darwin) Чарльз (1809–1882), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора — 183, 193, 204
- Даргомыжский** Александр Сергеевич (1813–1869), русский композитор — 358
- Дебюсси** (Debussy) Клод Ашиль (1862–1918), французский композитор, основоположник музыкального импрессионизма — 181

- Дейна** (Dana) Фрэнсис (1743–1811), американский юрист и дипломат; по поручению Конгресса США посетил Россию (1781–1783) для подписания договоров с царским двором, но так и не был официально признан — 253
- Декарт** (Descartes) Рене (1596–1650), французский философ, математик, физик и физиолог — 182, 205
- Делакруа** (Delacroix) Эжен (1798–1863), французский живописец и график — 195
- Делянов** Иван Давыдович (1818–1897), граф, государственный деятель Российской империи, министр народного просвещения (с 16 марта 1882 г.) — 277
- Де Местр** (De Maistre) Жозеф Мари (1753–1821), французский политический деятель и философ — 182, 198, 199
- Демут** (Demuth) Чарльз (1883–1935), американский художник, представитель прецезионистского (разновидность магического реализма) направления в живописи США — 195
- Де Роберти** (Де Роберти де Кастро де ла Серда) Евгений Валентинович (1843–1915), русско-французский социолог, философ-позитивист, земский деятель, один из создателей первой в России кафедры социологии в Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге — 89, 289
- Джеймс** (James) Генри (1843–1916), американский писатель, который с тридцати лет жил в Европе, а за год до смерти принял британское подданство, брат Уильяма Джеймса — 199
- Джеймс** (James) Уильям (1842–1910), американский философ и психолог, основатель прагматизма — 83, 169, 194, 370, 383
 – Многообразии религиозного опыта. М., 1910 — 370
 – Прагматизм. СПб., 1910 — 370
 – Психология. СПб., 1896 — 370
- Джефферсон** (Jefferson) Томас (1743–1826), американский государственный и политический деятель, президент США (1801–1809) — 193, 253
- Джоберти** (Gioberti) Винченцо (1801–1852), итальянский философ, государственный и политический деятель, публицист и священник — 199
- Дикинсон** (Dickinson) Джон (1732–1808), американский политический деятель, адвокат, конгрессмен, прославившийся в колониях борьбой против британских налогов; однако в 1776 г. он голосовал против независимости и не подписал Декларацию независимости — 197
- Диккенс** (Dickens) Чарльз (1812–1870), английский писатель — 43, 181, 100
- Дильтей** (Dilthey) Вильгельм (1833–1911), немецкий философ и историк культуры, представитель философии жизни — 89
- Дионис** (Dionysos), в греческой мифологии бог виноградарства и виноделия — 56
- Дионисий Радонежский** (в миру — Давид Федорович Зобнинский; ок. 1570–1633), архимандрит Троице-Сергиевой лавры, православный святой, в 1613 г. участвовал в венчании на царство Михаила Федоровича Романова — 319
- Дионисий Ареопагит** (Псевдо-Дионисий), христианский мыслитель V – нач. VI в., представитель поздней патристики — 287, 318
- Дмитрий Донской** (1350–1389), великий князь Московский (с 1359 г.) — 387

- Добиньи** (Daubigny) Шарль-Франсуа (1817–1878), французский художник, участник Барбизонской школы — 195
- Доде** (Daudet) Альфонс (1840–1897), французский писатель — 199
- Достоевский** Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель, публицист и мыслитель — 43, 181, 198, 199, 285, 286, 316–319, 332, 358, 374, 383
 – Бесы (1871–1872) — 383
 – Братья Карамазовы (1879–1880) — 316
 – Легенда о Великом Инквизиторе (Братья Карамазовы) — 316
 – Преступление и наказание (1866) — 199
 – Речь о Пушкине (Речь на открытии памятника Пушкину в Москве, 1880) — 285
 – Три идеи (Дневник писателя за 1877 год, январь) — 316
- Драйзер** (Dreiser) Теодор (1871–1945), американский писатель и общественный деятель — 369
- Дубинушка**, русская народная песня, изначально крестьянская, потом бурлацкая (ее мелодия была записана и опубликована в 1889 г. М. Балакиревым); наибольшую популярность в России в конце XIX — начале XX в. приобрела авторская песня с тем же названием на слова А.А. Ольхина и В.П. Богданова, ставшая популярной революционной песней; самый известный ее исполнитель (с 1905 г.) — Ф.И. Шаляпин — 375
- Дукельский** Владимир Александрович, псевдоним Вернон Дюк (1903–1969), русский и американский (гражданство США с 1939 г.) композитор, поэт и литератор — 374
- Дурова** Надежда Андреевна (1783–1866), русская кавалеристка, офицер Русской Императорской армии, участница Отечественной войны 1812 года (известна как кавалерист-девица), писатель — 293
- Дьюи** (Dewey) Джон (1859–1952), американский философ, один из ведущих представителей прагматизма — 169, 194
- Дэвис** (Davies) Артур Боуэн (1863–1928), американский художник, в 1912–1914 гг. президент Ассоциации американских художников и скульпторов — 195
- Дэвис** (Davis) Чарльз Харольд (1856–1933), американский художник-пейзажист — 195
- Дю Буа**, Дюбуа (Du Bois) Пьер (ум. после 1321), французский государственный деятель времен короля Филиппа IV Красивого, легист, занимал должности адвоката короля в Нормандии и бальи в Артуа, автор трактата «О переустройстве Святой земли», который считается одной из первых социальных утопий в средневековой Европе — 111
- Дювенек** (Duvenec) Фрэнк (1848–1919), американский художник, скульптор, график и педагог — 195
- Дюгем** (Duhem) Пьер (1861–1916), французский физик теоретик, философ и историк естествознания — 194
- Дюпре** (Dupré) Жюль (1811–1889), французский художник, один из крупнейших представителей Барбизонской школы — 195
- Дюрер** (Dürer) Альбрехт (1471–1528), немецкий живописец, рисовальщик, гравер и теоретик искусства; крупнейший художник немецкого Возрождения — 77, 181
- Дюринг** (Dühring) Евгений (1833–1921), немецкий философ — 198
- Дюркгейм** (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог, основатель французской социологической школы — 89

Е

- Езра**, иудейский первосвященник, возвратившийся после вавилонского плена и воссоздавший еврейскую государственность на основе закона Торы; персонаж и автор Книги Ездры, входящей в состав Ветхого Завета — 219
- Екатерина I** (Марта Самуиловна Скавронская, в браке Крузе; после принятия православия Екатерина Алексеевна Михайлова; 1684–1727), российская императрица с 1721 г. как супруга царствующего императора, с 1725 г. как правящая государыня; вторая жена Петра I, мать императрицы Елизаветы Петровны — 269, 293
- Екатерина II Великая** (1729–1796), российская императрица с 1762 г. — 264, 293
- Елизавета I** (Elizabeth) (1533–1603), английская королева с 1558 г. — 264
- Елизавета Петровна** (1709–1761/1762), российская императрица с 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I — 293, 300
- Ермолов** Алексей Петрович (1777–1861), русский военачальник и государственный деятель, генерал, в 1816–1827 гг. командир отдельного грузинского корпуса — 270

Ж

- Жерико** (Gericault) Теодор (1791–1824), французский живописец и график, один из пионеров литографии — 195
- Жуков** Георгий Константинович (1896–1974), советский полководец, маршал Советского Союза (1943), а ходе Великой отечественной войны 1941–1945 гг. последовательно занимал должности начальника Генерального штаба, командующего фронтом, члена Ставки Верховного Главнокомандования, заместителя Верховного Главнокомандующего — 271

З

- Законы Ману**. СПб., 1913 — 102
- Заратустра** (по разным датировкам, между XIII–VI вв. до н. э.), пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризма; ему принадлежит составление «Гат», древнейшей части «Авесты» — 79
- Засулич** Вера Ивановна (1849–1919), русская революционерка-народница, вела активную переписку с К. Марксом и Ф. Энгельсом — 293, 343
- Зворыкин** Владимир Козьмич (1888–1982), русско-американский инженер, родившийся и получивший образование в России и впоследствии эмигрировавший в США, один из изобретателей современного телевидения — 282, 357
- Зелинский** Фаддей Францевич (1859–1944), русский филолог-классик — 273
- Зенон Элейский** (ок. 490 – ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Парменида — 180
- Зигварт** (Sigwart) Христоф (1830–1904), немецкий логик и философ-неокантианец, придерживавшийся психологического направления в логике — 417
- Зиммель** (Simmel) Георг (1858–1918), немецкий социолог, философ и культуролог — 89

Зиновьев (наст. фамилия Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883–1837), советский государственный и партийный деятель — 322, 397

Золя (Zola) Эмиль (1840–1902), французский писатель — 51

Зорах (Zogach) Уильям (1887–1966), американский скульптор и художник-акварелист, выходец из Литвы, автор реалистических скульптурных и живописных произведений — 195

И

Ибн-Хальдун (Ibn-Khaldun; 1332–1404), арабский мусульманский философ, историк, социальный мыслитель — 205

Ибсен (Ibsen) Генрик (1828–1906), норвежский поэт и драматург — 198

Иван (Иоанн) III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский (с 1462 г.) — 308

Иван IV (Иоанн IV) Васильевич Грозный (1530–1584), великий князь с 1533 г., первый русский царь (с 1547 г.) — 387

Иезекииль (*библ.*), третий из «больших пророков», автор пророческой книги — 219

Иеремия (кон. VII – нач. VI вв. до н. э.), древнееврейский пророк — 219

Иисус Христос — 61, 97, 286, 315, 316, 317, 322

Илия (*библ.*), пророк IX в. до н. э., при господстве царя Алава наиболее яркий представитель веры в Яхве в борьбе против культа Ваала — 219

Ингам (Ingham) Чарльз Кромвель (1796–1863), американский художник-портретист ирландского происхождения — 194

Иннесс (Inness) Джорж (1825–1894), американский художник-пейзажист, на работы которого оказали влияние мастера Школы реки Гудзон, Барбизонской школы и учение Э. Сведенборга — 195

Иннокентий III (Innocentius III), в миру Лотарио Сеньи (1160/1161–1216), папа римский с 1198 г., на IV Латеранском соборе в 1215 г. провозгласивший создание инквизиции — 157

Иоанн Златоуст (Хризостом) (ок. 350–407), христианский писатель, один из Отцов Церкви, патриарх Константинопольский, автор множества проповедей, панегириков, псалмов, писем — 318

Иоанн Скот Эриугена (ок. 810 – ок. 877), средневековый философ — 80, 318

Иов, главный герой Ветхозаветной книги — 120

Иона (1390–1461), митрополит Киевский и всея Руси (с 1448 г.), православный святой — 319

Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952), русско-американский химик, генерал-лейтенант, доктор химических наук, профессор, академик С.-Петербургской Академии наук; с 1930 г. стал «невозвращенцем», в декабре 1936 г. исключен из членов Академии наук СССР, в январе 1937 г. лишен гражданства СССР, после чего уехал в США — 282, 357

Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859–1935), русский композитор и дирижер — 374

Ираклий II (1720–1798), грузинский царь, заключивший в 1783 г. Георгиевский трактат с Российской империей о переходе Грузии под протекторат России — 265

Ирвинг (Irving) Вашингтон (1783–1859), американский писатель-романтик, которого часто называют «отцом американской литературы» — 198

Исайя (VIII в. до н. э.), древнееврейский пророк — 219

К

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), советский государственный и партийный деятель, близкий сподвижник И.В. Сталина — 270

Кальвин (Calvinus) Жан (1509–1564), крупнейший деятель Реформации, основатель кальвинизма — 197, 318

Каляев Иван Платонович (1877–1905), русский террорист, эсер (с 1903 г.), участник покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве (1904); 4 февраля 1905 г. в Кремле убил бомбой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича; на суде 5 апреля 1905 г. произнес речь против царского правительства; казнен в Шлиссельбургской крепости — 343

Каменев (наст. фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936), советский государственный и партийный деятель, один из видных соратников В.И. Ленина, в 1919–1926 гг. член Политбюро — 397

Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг) (1774–1845), граф с 1829 г., русский государственный деятель немецкого происхождения, министр финансов России в 1823–1844 гг. — 277

Кант (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — 63, 77, 84, 89, 182, 198, 199, 205, 270

Карахан (наст. фамилия Караханян) Лев Михайлович (1889–1937), советский государственный деятель; учился на юридическом факультете Петербургского университета (не окончил), экстерном окончил Томский университет (1916); в 1904 г. вступил в РСДРП, меньшевик; с марта 1918 по 1920 г. — заместитель наркома по иностранным делам, в 1927–1934 гг. — заместитель наркома иностранных дел, затем (до 3 мая 1937 г.) посол СССР в Турции; отозван в Москву и арестован; 20 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день — 397

Карл XII (1682–1718), король Швеции с 1697 г., полководец, потративший большую часть своего правления на продолжительные войны в Европе и разбитый русской армией в битве под Полтавой в 1709 г. — 287

Карлейль (Carlyle) Томас (1795–1881), английский историк, публицист, философ, литературный критик — 193, 198, 199

Карнап (Carnap) Рудольф (1891–1970), немецко-американский философ и логик, ведущий представитель логического позитивизма и философии науки — 59

Карнеги (Carnegie) Эндрю (1835–1919), американский сталепромышленник; в начале своей карьеры был простым телеграфистом, затем стал одним из самых крупных миллионеров США, основал ряд фондов: фонд Карнеги по усовершенствованию преподавания (1906), фонд Карнеги по борьбе за мир (1910), Институт Карнеги в Вашингтоне (1902), потратив при этом на благотворительность в общей сложности 350 млн долларов — 128, 305, 335

Карпентер (Carpenter) Джон Олден (1876–1951), американский композитор, автор балетов «Сумасшедшая кошка» (1921) и «Небоскрёбы» (1926) — 197

- Кассандра** (*миф.*), древнегреческая пророчица, предсказаниям которой никто не верил — 18, 186, 209, 210
- Кейт** (Keith) Уильям (1838–1911), американский художник шотландского происхождения, известен своими пейзажами Калифорнии — 194
- Кеннан** (Kennan) Джордж (1845–1924), американский журналист, путешественник, писатель, автор книг о Сибири и сибирской ссылке — 344
- Кент** (Kent) Рокуэлл (1882–1971), американский художник, писатель и общественный деятель, в творчестве которого реалистическая манера сочетается с романтическим символизмом — 195
- Кеплер** (Kepler) Иоганн (1571–1630), немецкий астроном, открывший законы движения планет — 183
- Керенский** Александр Федорович (1881–1970), русский политический и государственный деятель, глава Временного правительства, с 1918 г. эмигрант — 247, 274, 321, 344, 347
- Ключевский** Василий Осипович (1841–1911), русский историк — 374
- Ковалевская** Софья Васильевна (1850–1891), русский математик и писатель — 293
- Коген** (Cohen) Герман (1842–1918), немецкий философ, глава Марбургской школы неокантианства — 194
- Кокошкин** Федор Федорович (1871–1918), русский политический деятель, кадет, юрист, депутат I Государственной Думы, убитый в больнице революционными матросами — 344
- Кольридж** (Coleridge) Сэмюэл Тейлор (1772–1834), английский поэт и критик, представитель «озерной школы» — 198
- Комиссаржевская** Вера Федоровна (1864–1910), русская актриса — 358
- Кондорсе** (Condorcet) Мари Жан Антуан Никола (1743–1794), французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, сотрудник «Энциклопедии» — 193
- Константин I Великий** (ок. 285–337), римский император (с 306 г.), легализовавший христианство — 174
- Констебл** (Constable) Джон (1776–1837), английский художник-романтик — 195
- Комт** (Comte) Огюст (1798–1857), французский философ и социолог, основоположник позитивизма — 89, 182, 193, 198, 205
- Коперник** (Copernik) Николай (1473–1543), польский астроном и мыслитель, создатель современной гелиоцентрической картины мира — 85, 183, 204
- Копленд** (Copland) Аарон (1900–1990), американский композитор, пианист, дирижер и педагог; родился в еврейской семье эмигрантов из Литвы — 197, 370
- Копли** (Copley) Джон Синглтон (1738–1815), американский и английский художник, мастер портретной и исторической живописи — 195
- Коран**, главная священная книга мусульман — 286
- Корнейчук** Александр Евдокимович (1905–1972), украинский советский писатель и политический деятель — 385
– Фронт // «Правда» 25–27 августа 1942 г. — 385

- Корнилов** Александр Александрович (1862–1925), русский историк, общественный деятель, секретарь ЦК партии кадетов (1905–1908) — 374
- Коро** (Corot) Жан Батист Камиль (1796–1875), французский художник и гравёр, один из самых успешных и плодотворных пейзажистов эпохи романтизма — 195
- Котошихин** Григорий Карпович (ок. 1630–1667), подьячий Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, а затем в Швецию, где по заказу тамошнего правительства написал труд о России, являющийся ценным источником по истории допетровской Руси; считается одним из предвестников реформ Петра I — 309
- Коттон** (Cotton) Джон (1584–1652), теолог и общественный деятель, крупнейший представитель англо-американского пуританизма, в 1633 г. переехал в Бостон, где стал поборником и идеологом теократического правления и противником веротерпимости; автор детского катехизиса (1646), который длительное время служил школьным учебником богословия — 192, 197
- Коул** (Cole) Томас (1801–1848), американский художник-пейзажист, основатель Школы реки Гудзон; в США эмигрировал из Англии вместе с семьей в 1818 г. — 194
- Кочубей**, старшинский, графский, княжеский и дворянский род, происходящий (по семейному преданию) от татарина Кучук-бея, выехавшего из Крымского ханства в середине XVII в. и принявшего в крещении имя Андрея — 270
- Кревкёр** (Crèvecoeur) Мишель-Гийом Жан де (1735–1813), французский эссеист, в 1754 г. эмигрировавший в Канаду и много путешествовавший по Америке; автор «Писем американского фермера» (1782), в которых подробно описан уклад сельской жизни в североамериканских колониях — 197
- Кромвель** (Cromwell) Оливер (1599–1658), вождь английской буржуазной революции XVIII в., с 1653 г. лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии — 333, 397
- Кронос**, Хронос (*миф.*), сын Урана и Геи, низвергший своего отца и занявший его место верховного бога; опасаясь той же участи, проглатывал своих детей, но в конце концов был побежден и свергнут своим сыном Зевсом; в переносном смысле — символ всепоглощающего времени — 177
- Кропоткин** Петр Алексеевич (1842–1921), русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ — 198, 289, 331
– Взаимопомощь как фактор эволюции (1902) — 331
- Кузен** (Cousin) Виктор (1792–1867), французский философ, историк и политический деятель, профессор Сорбонны, в 1840 г. министр народного просвещения Франции — 198, 199
- Кун** (Kuhn) Абрахам (1819–1892), американский коммерсант банкир еврейского происхождения, переехал в Америку из Германии в 1849 г., основал в 1867 г. вместе с С. Лёбом банк Kuhn, Loeb & Co, который на протяжении многих лет был один из самых престижных американских банков — 258
- Купер** (Cooper) Джеймс Фенимор (1789–1851), американский писатель — 198, 369
- Купер** (Cooper) Хью Линкольн (1865–1937), американский строитель гидросооружений, инженер-самоучка, во время Первой мировой войны военный инженер, полковник; в 1926 г. был приглашен правительством СССР и назначен главным инженером-консультантом на строительство Днепроградской плотины; первый иностранный гражданин, награжденный орденом Трудового Красного Знамени — 368

Кусевицкий (Koussevitzky) Сергей Александрович (1874–1951), русский и американский композитор и дирижер, после революции руководил симфоническим оркестром в Петрограде (1917–1920); в 1921 г. переехал в Париж, в 1924 г. – в США, где до 1949 г. руководил Бостонским симфоническим оркестром — 358, 375

Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927), русский художник — 359

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924), русский государственный и общественный деятель, в 1905 г. министр земледелия, кадет, один из организаторов денежной реформы 1922–1924 гг., в ходе которой была введена новая валюта, обеспеченная золотом (его подпись — на советских «червонцах» 1922 г.) — 391

Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), светлейший князь Смоленский, полководец, генерал-фельдмаршал (1812) — 385, 387, 388

Л

Лавджой (Lovejoy) Артур Онкен (1873–1962), американский философ и историк идей (основатель этой дисциплины и автор самого понятия) — 194

Лавуазье (Lavoisier) Антуан Лоран (1743–1794), французский химик, казненный по приговору революционного трибунала — 77, 183

Лазерсон Максим Яковлевич (1880–1952), русский социолог, правовед и политический деятель, с 1920 г. в эмиграции — 398
– Восстановление права в Советской России // Новое русское слово. 1943, 6 ноября — 398

Лакс (Luks) Джордж Бенджамин (1867–1933), американский художник и иллюстратор, один из участников Школы мусорных ведер — 195

Ламарк (Lamarck) Жан Батист (1744–1829), французский натуралист и мыслитель — 183

Ламмене (Lamennais) Фелисите Робер де (1782–1854), французский публицист и философ, аббат, один из родоначальников христианского социализма — 198

Лао-Цзы (Lao-Tze), легендарный древнекитайский мыслитель, основатель даосизма, живший в VI–V вв. до н. э. — 79, 84

Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749–1827), французский астроном, математик и физик — 183

Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), немецкий философ, экономист и политический деятель — 154

Лёб (Loeb) Соломон (1828–1903), американский банкир, выходец из Германии, основавший вместе с А. Куном банк Kuhn, Loeb & Co, который на протяжении многих лет был один из самых престижных американских банков — 258

Лев I Великий (Leo Magnus) (ум. 461), римский папа с 440 г., боролся за признание верховной власти папы римского над всей христианской церковью; в 445 г. добился от императора Валентиниана III рескрипта, по которому папа получал право церковной юрисдикции в провинциях Западной Римской империи, однако ему не удалось распространить верховную власть пап на церковь Восточной Римской империи (Халкидонский собор 451 г. признал равным римскому папе патриарха Константинополя) — 318

- Левиафан** (*библ.*), огромное чудовище, напоминающее крокодила; после одноименного трактата Т. Гоббса – олицетворение государства — 437
- Лейбниц** (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик, физик и изобретатель, юрист, историк и языковед — 182, 183, 204
- Ленин** Владимир Ильич (1870–1924), организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель и глава Советского государства — 248, 373, 383, 388
- Леонардо да Винчи** (Leonardo da Vinci) (1452–1519), итальянский живописец, ученый и философ — 181
- Леопарди** (Leopardi) Джакомо (1798–1837), итальянский поэт-романтик — 198
- Ле-Пле** (Le Play) Фредерик (1806–1882), французский социолог и экономист — 89
- Лермонтов** Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт и писатель — 198, 358
- Лессинг** (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781), немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель — 193
- Лилиенфельд** (у Сорокина ошибочно: Левенфельд — Löwenfeld), Лилиенфельд-Тоаль (Lilienfeld) Павел Федорович (1829–1903), российский государственный деятель, сенатор, социолог-органицист — 269
- Липман** Леви (Исаак Либман), финансовый агент при русском дворе, носивший официальные звания «обер-гофкомиссара» и «камер-агента», ближайшее доверенное лицо Бирона — 270
- Лобачевский** Николай Иванович (1792–1856), русский математик и мыслитель, создатель неевклидовой геометрии — 356, 373
- Лойце** (Leutze) Эмануэль Готлиб (1816–1868), американский и немецкий художник; в 1859–1861 гг. ему было поручено украсить своими историческими картинами помещения и залы заседаний американских Конгресса и Сената в вашингтонском Капитолии; его творчество прославлено в США за национальную, патриотическую направленность — 194
- Локк** (Locke) Джон (1632–1704), английский философ-просветитель и политический мыслитель — 62, 182, 197, 205
- Ломброзо** (Lombroso) Чезаре (1835–1909), итальянский судебный психиатр и антрополог, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве — 198
- Ломоносов** Михаил Васильевич (1711–1765), русский ученый-естествоиспытатель, один из основоположников физической химии, поэт, историк, первый русский ученый мирового значения — 77, 385
- Лонгфелло** (Longfellow) Генри Уодсворт (1807–1882), американский поэт и переводчик — 369
– Песнь о Гайавате (1855) — 369
- Лондон** (London) Джек (1876–1916), американский писатель — 369
- Лоренс** У.Г., куратор Института Лоуэлла — 16
- Лоррен** (Lograin) Клод (у Сорокина ошибочно назван только по имени: Claud; 1600–1682), французский живописец — 195
- Лосский** Николай Онуфриевич (1870–1965), русский философ, основатель интуитивизма и представитель персонализма в России — 318, 374

- Лотце** (Lotze) Рудольф Герман (1817–1881), немецкий философ, врач, физиолог, естествоиспытатель, основатель теистического идеализма — 198, 199
- Лоуэлл** (Lowell) Эббот Лоренс (1855–1943), американский бизнесмен, востоковед, астроном и математик, президент Гарвардского университета — 16
- Лукиан** (ок. 120 – ок. 190), греческий писатель-сатирик, «Вольтер классической древности» (по определению Ф. Энгельса) — 179
- Львов** Георгий Евгеньевич (1861–1924), русский общественный и политический деятель; после Февральской революции назначен временным комитетом Госдумы председателем Временного правительства (фактически главой государства); 7 (20) июля 1917 г. подал в отставку; умер в Париже — 321
- Льюис** (Lewis; у Сорокина, по-видимому, ошибочно: P. Lewis) Кларенс Ирвинг (1883–1964), американский философ, доктор философии (1911), преподававший в Гарварде (1920–1953); сторонник «концептуального прагматизма» — 194
- Льюис** (Lewis) Синклер (1885–1951), американский писатель, автор реалистических и сатирических романов; первый из писателей США, награжденный Нобелевской премией (1930) — 369, 410
- Людвиг** (Ludwig) Эмиль (1881–1948), немецкий писатель, автор романизированных биографий «Гете», «Наполеон», «Микеланджело» и др.; в 1931 г. побывал в Советском Союзе и был принят И.В. Сталиным; итогом этой встречи является известная сталинская «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом» — 86
- Людвик XIV** (1638–1715), французский король с 1643 г., время царствования которого ознаменовано расцветом королевского абсолютизма — 264, 309
- Люлли** (Lully или Lulli) Джованни Батиста (1633–1687), французский композитор, уроженец Флоренции; был капельмейстером французских придворных оркестров, с 1672 г. стоял во главе французской оперы — 40
- Лядов** Анатолий Константинович (1855–1914), русский композитор, дирижер и педагог — 374

М

- Майер** (Mayer) Юлиус Роберт (1814–1878), немецкий врач и физик, сформулировавший закон сохранения энергии — 76–78, 183
- Макдугалл** (McDougall) Уильям (1871–1938), англо-американский психолог и социальный психолог, представитель инстинктивизма в социологии — 370
– Социальная психология (Основные проблемы социальной психологии. М., 1916) — 370
- Макдоуэлл** (MacDowell) Эдуард Александер (1860–1908), американский пианист и композитор периода романтизма; входил в состав так называемой Бостонской шестерки, круг композиторов, внесших значительный вклад в становление американской академической музыки — 197
- Макиавелли** (Machiavelli) Никколо (1469–1527), итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик — 111
- Малер** (Mahler) Густав (1860–1911), австрийский композитор и дирижер, подготовивший стилистический перелом, осуществленный композиторами экспрессионистской школы — 40

- Малявин** Филипп Андреевич (1869–1940), живописец, график, работавший на стыке «модерна», импрессионизма и экспрессионизма, член объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников», в советское время — автор Ленинианы, кроме того писал с натуры А.В. Луначарского и Л.Д. Троцкого — 359
- Мамай** (ок. 1335–1380), темник (военачальник) Золотой Орды, разбитый русскими войсками в 1380 г. на Куликовом поле — 265
- Мамона**, в Новом Завете обозначение осуждаемой демонической власти собственности, по-арамейски — «богатство», «бог богатства, наживы» — 87, 93, 184
- Маннергейм** (Mannerheim) Карл Густав Эмиль (1867–1951), финский государственный деятель, маршал Финляндии, президент Финляндии в 1944–1946 гг. — 275
- Манон** (Manon), главная героиня романа аббата Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1731) и написанной на сюжет этого романа оперы Ж. Массне «Манон» (1884) — 49
- Мария**, дева Мария, Богородица — 61, 323
- Мария Феодоровна**; до перехода в православие – София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская (1759–1828), вторая супруга российского императора Павла I, мать императоров Александра I и Николая I; после ее смерти император Николай распорядился образовать для ведения благотворительными и сиротскими заведениями IV отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии («Ведомство императрицы Марии»); 12 мая 1917 г. бывшее Ведомство учреждений императрицы Марии было включено в состав Министерства государственного призрения, 12 декабря все учреждения бывшего Ведомства по управлению детскими приютами были упразднены, а 23 февраля 1918 г. переданы в ведение Наркомпроса — 331
- Марк Аврелий Антонин** (121–180), римский император с 161 г., философ-стоик, автор трактата «Наедине с собой» — 61, 174
- Маркс** (Marx) Карл (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель немецкого и международного рабочего движения — 86, 89, 109, 154, 182, 198, 205
- Марсилий Падуанский** (Marsilius Paduanis; 1275/1280 – ок.1343), итальянский политический мыслитель, автор трактата «Защитник мира», в котором одним из первых в средние века выдвинул идею возникновения государства в результате «общественного договора», утверждал, что светская власть выше духовной; за смелую критику папства в 1327 г. был отлучен от церкви — 111
- Марфа Посадница**, Марфа Борецкая (в различных источниках указывается отчество Семеновна или Ивановна), жена новгородского посадника Исаака Борецкого, один из лидеров новгородской оппозиции к Ивану III; выступала за независимость Новгорода от Москвы и сближение с Литвой, потеряла земли и богатство в результате поражения Новгорода в московско-новгородской войне 1477–1478 гг., была увезена из Новгорода, впоследствии приняла постриг и умерла в монастыре или была казнена — 293
- Маурья** (Maurya), династия царей Магадхи в IV–II вв. до н. э. – крупнейшего государственного образования в древнеиндийской истории; основатель династии – Чандрагупта Маурья (317–293 до н. э.), наибольшего могущества государство Маурьев достигло при Ашоке (правил в 268–232 гг. до н. э.); последний представитель династии Брихадратха в 180 г. до н. э. был свергнут и убит своим полководцем Пушьямитрой, основавшим династию Шунгов — 264
- Мах** (Mach) Эрнст (1838–1916), австрийский физик и философ, оказавший значительное влияние на становление и развитие философии неопозитивизма — 59, 83, 169, 194

- Махавира**, Вардхамана Махавира (Vardhamana Mahavira; 599–527 до н. э.), легендарный основатель джайнизма, в тридцатилетнем возрасте покинувший родительский дом и ставший отшельником; после многих лет отшельничества он достиг «высшего знания» и стал Джиной («победителем»), поборовшим земные страсти и нашедшим путь к освобождению; после этого он еще тридцать лет проповедовал свое учение, обратив в свою веру множество людей, в том числе представителей высшей знати и даже царей — 79
- Мелвилл** (Melville) Герман (1819–1891), американский писатель и моряк — 193, 198, 369
 – Марди и путешествие туда (1849) — 198
 – Моби Дик (1851) — 198
 – Ому (1847) — 198
 – Тайпи (1846) — 198
- Мелчерс** (Melchers) Гари (Гарибальди) (1860–1932), американский художник-натуралист — 195
- Мен де Бيران** (Maine de Biran, полное имя Мари Франсуа Пьер Гонтье де Бيران (1766–1824), французский философ и политический деятель, родоначальник французского спиритуализма — 198, 199
- Менделеев** Дмитрий Иванович (1834–1907), русский химик, педагог и общественный деятель — 356, 373, 385
- Меткалф** (Metcalf) Уиллард (1858–1925), американский художник-пейзажист, импрессионист — 195
- Меттерних** (Metternich) Клеменс Венцель Лотар (1773–1859), князь, австрийский дипломат, министр иностранных дел в 1809–1848 гг., главный организатор Венского конгресса 1815 г.; руководил политическим переустройством Европы после Наполеоновских войн — 271, 366
- Мещерские**, разветвленный княжеский род татарского происхождения, происходит от Бахмета Усейновича Ширинского, пришедшего в 1198 г. в мещерские (мишарские) земли — 269
- Микеланджело** Буонаротти (Michelangelo; 1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт — 42, 181
- Миллар** Р., английский писатель, автор психоаналитической книги о Веллингтоне — 86
- Милле** (Millet) Жан Франсуа (1814–1875), французский живописец и график, один из основателей Барбизонской школы — 195
- Миллет** (Millet) Фрэнсис Дэвис (1846–1912), американский художник и скульптор, погиб 15 апреля 1912 г. во время крушения «Титаника» — 195
- Милль** (Mille) Джон Стюарт (1806–1873), английский философ-позитивист и экономист — 198, 417
- Милюков** Павел Николаевич (1859–1943), русский историк и социолог, публицист и политический деятель — 374
- Миних** Христофор Антонович (Бурхард Кристоф) (1683–1767), граф, военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, после смерти Анны Иоанновны в ходе очередного дворцового переворота арестовал регента Э.И. Бирона, сделал правительницей Анну Леопольдовну (1740) и стал первым министром; вскоре вступил в конфликт с А.И. Остерманом и был уволен, после прихода к власти Елизаветы Петровны был отправлен в ссылку в Пелым, откуда его возвратил Петр III, во время переворота Екатерины II оставался верен Петру III, но затем перешел на сторону Екатерины II — 269

- Минуций Феликс** (Minucius Felix; р. ок. 200 н. э.), древнеримский юрист, автор трактата «Октавий», написанного в защиту христианского вероучения — 61
- Мицкевич** (Mickiewicz) Адам (1798–1855), польский поэт, деятель национально-освободительного движения — 199
- Мишле** (Michelet) Жюль (1798–1874), французский публицист и историк романтического направления — 199
- Молотов** Вячеслав Михайлович (настоящая фамилия Скрябин; 1890–1986), советский политический и государственный деятель, в 1930–1941 гг. Председатель Совнаркома СССР, в 1929–1949, 1953–1956 гг. нарком и министр иностранных дел СССР — 270
- Моммзен** (Mommsen) Теодор (1817–1903), немецкий правовед и историк, специалист по истории Древнего Рима и римского права — 182
- Монтеверди** (Monteverdi) Джованни (1567–1643), итальянский композитор — 40
– Орфей (1607) — 40
- Монтескье** (Montesquieu) Шарль де (1689–1755), французский философ и социолог, историк, правовед и писатель; энциклопедист — 182, 205
- Мопассан** (Maupassant) Ги де (1850–1893), французский писатель — 198
- Моран** (Morgan) Томас (1837–1926), американский художник британского происхождения из Школы реки Гудзон — 195
- Морган** (Morgan) Джон Пирпонт (1837–1913), американский предприниматель, банкир и финансист, основатель банкирского дома «Дж. П. Морган & К^о» (Нью-Йорк) — 128, 258
- Мордвиновы**, русский дворянский и (с 1834 г.) графский род, предок которого, Ждан Мордвинов, взят был в аманаты (заложники) от мордвы в 1546 г. и получил поместье в Копорье (в Новгородской земле) — 269
- Морозова** Феодосия Прокофьевна (в иночестве Феодора; 1632–1675), верховная дворцовая боярыня, деятельница русского старообрядчества, сподвижница протопопа Аввакума; за приверженность к «старой вере» была арестована, лишена имения и заточена в монастырскую тюрьму, в которой погибла от голода; почитается старообрядческой церковью как святая — 293
- Моруа** (Maurois) Андре (1885–1967), французский писатель, мастер жанра романизированной биографии (книги о Шелли, Байроне, Бальзаке, Тургеневе и др.) и короткого иронично-психологического рассказа — 86
- Мосолов** (у П.А. Сорокина ошибочно – Molotov) Александр Васильевич (1900–1973), русский советский композитор, член Ассоциации Современной Музыки (Москва, 1924–1931), автор балетной сюиты «Сталь» (1927), из которой получила известность первая часть («Завод»), изданная и исполнявшаяся в качестве самостоятельной оркестровой пьесы; в этом произведении натуралистически воспроизводился шум и грохот машин — 374
- Моцарт** (Mozart) Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор — 40, 43, 51, 77, 79, 181, 374
- Мо-Цзы**, Мо Ди (ок. 470 – ок. 391 до н. э.), древнекитайский философ — 179
- Муравьев** Артамон Захарович (1793–1846), декабрист, командир Ахтырского гусарского полка, полковник; признанный по суду виновным вумысле на царевубийство, он был

причислен к преступникам первого разряда и приговорен к смертной казни, а после помилования и смягчения участи сослан на вечную каторгу; позднее срок был сокращен до 20 лет, а затем — до 15 и 13 лет — 366

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), русский композитор, участник «Могучей кучки» — 358, 374

Муссолини (Mussolini) Бенито (1883–1945), итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии, диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922–1943 гг.; после свержения в 1943–1945 гг. возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии — 18, 23, 154, 333, 336

Мухаммед (571–632), основатель ислама, пророк, которому Аллах ниспослал свое священное писание – Коран — 79

Мэзер (Mather) Инкриз (1639–1723), американский общественный деятель, литератор Новой Англии колониального периода, отец Коттона Мэзера — 192, 197

Мэзер (Mather) Коттон (1663–1728), американский писатель и богослов, автор религиозно-публицистических книг, идеолог и историк американского пуританства — 192, 197

Мэтью (Matthew) Арнольд (1822–1888), английский поэт, литературовед, эссеист и культуролог — 199

Мяковский Николай Яковлевич (1881–1950), русский композитор, педагог и музыкальный критик — 374

Н

Наполеон I (Napoléon) Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804–1814) — 172, 271, 287, 293, 366, 388

Немезида, Немесида (Nemesis), в греческой мифологии богиня возмездия — 113

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский художник, живописец — 358

Николай Кузанский (Nicolaus Cusanus; 1401–1464), средневековый философ, теолог, ученый, церковно-политический деятель, кардинал — 80

Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г. — 270, 276, 277

Николай II (1868–1918), последний российский император — 289

Никон (в миру Никита Минов; 1605–1681), церковно-политический деятель России, в 1652–1667 гг. патриарх Московский и всея Руси — 315

Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), немецкий философ, филолог и поэт — 182, 193, 198

Новиков Николай Иванович (1744–1818), русский журналист, книгоиздатель, просветитель и общественный деятель, с 1775 г. масон — 366

Номоконон, сборник церковных правил, государственных постановлений и законов Византийской империи, относящихся к христианской церкви; в конце XIII века был заимствован русской православной церковью и в переработанном виде получил название «Кормчей книги», служившей руководством для церкви, особенно для церковного суда — 312

- Нордау** (Nordau) Макс (настоящее имя — Симха Меер Зюдфельд; 1849–1923), еврейский врач, писатель, политик и соучредитель Всемирной сионистской организации — 198
- Ньюмен** (Newman) Фрэнсис Уильям (1805–1897), английский филолог и публицист, автор ряда работ по религиозным, политическим и экономическим вопросам — 198, 199
- Ньютон** (Newton) Исаак (1643–1727), английский физик и математик, один из основоположников естествознания Нового времени — 76–78, 89, 183, 197, 204

О

- Овидий** (Ovidius) Назон Публий (43 до н. э. – ок. 18 н. э.), древнеримский поэт — 33
- О. Генри** (O. Henry, настоящее имя Уильям Сидни Портер; 1862–1910), американский писатель — 369
- Оккам** Уильям (William of Ockham) (ок. 1285–1347), английский философ, францисканский монах — 180
- Ольга** (ок. 890–969), великая княгиня Киевская, жена князя Игоря; после убийства мужа древлянами (945) жестоко подавила их восстание — 293
- Онеггер** (Honegger) Артюр (1892–1955), французский композитор и музыкальный деятель, по происхождению швейцарец — 57
- О’Нил** (O’Neil) Юджин (1888–1953), американский драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1936) — 50, 197
- Ориген** (ок. 185–253/254), христианский теолог, философ и ученый, представитель ранней патристики — 62
- Осия**, библейский пророк, живший в VIII в. до н. э., автор Книги Осии, входящей в состав Ветхого Завета — 219
- Остерман** (Ostermann) Генрих Иоганн Фридрих, Андрей Иванович (1687–1747), граф, один из сподвижников Петра I, выходец из Вестфалии, фактически руководивший внешней политикой Российской империи в 1720-е и 1730-е гг. — 269
- Островский** (Ostrowski) Томаш Роман Адам (1735–1817), граф, государственный деятель Польши, президент Сената Царства Польского в царствование императора Александра I — 271
- Очи черные**, один из самых известных в мире романсов на русском языке на слова украинского писателя Евгения Гребенки, исполняемый на музыку вальса Флориана Германа «Notpage» в обработке С. Герделя; всемирную известность романс получил благодаря Ф.И. Шаляпину, который, добавив к тексту несколько куплетов, написанных им самим, включил его в свой репертуар — 375

П

- Павел** (*библ.*), апостол, автор четырнадцати посланий, вошедших в канонический текст Нового Завета — 59, 61, 77, 79, 176, 204
- Павлов** Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог, академик (с 1907), создатель учения о высшей нервной деятельности — 80, 356, 373, 385

- Палестрина** (Palestrina) Джованни (ок. 1525–1594), итальянский композитор, органист и капельмейстер, глава римской полифонической школы — 40, 42, 51, 181
- Парето** (Pareto) Вильфредо (1848–1923), итальянский социолог и политэконом — 86, 89, 109
- Паскаль** (Pascal) Блез (1623–1662), французский философ, физик и математик — 78
- Пастер** (Pasteur) Луи (1822–1895), французский ученый, основоположник микробиологии и иммунологии — 183
- Пейн** (Paine) Томас (1737–1807), англо-американский писатель, философ и публицист, прозванный «крестным отцом США» — 193, 197
- Пенн** (Penn) Уильям (1644–1718), английский квакер, законодатель Пенсильвании (американского штата, названного в его честь) — 192
- Перикл** (ок. 495–429 до н. э.), крупнейший афинский государственный деятель, время правления которого было самой блистательной эпохой в истории Афин — 264
- Перовская** Софья Львовна (1853–1881), одна из руководителей «Народной воли», непосредственно руководившая убийством Александра II — 293
- Перри** (Perky) Ральф Бартон (1876–1957), американский философ, один из основателей неореализма — 194
- Петр** (в миру Петр Федорович Полянский; 1862–1937), епископ Русской православной церкви, митрополит Крутицкий, патриарший местоблюститель с 1925 г. до ложного сообщения о его кончине (конец 1936 г.); расстрелян по приговору тройки НКВД — 319, 323
- Петр Великий**, Петр I Алексеевич (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый российский император (с 1721 г.) — 264, 269, 293–295, 297, 304, 309, 319–321, 385, 387
- Петр Первый**, советский двухсерийный историко-биографический фильм, снятый на киностудии «Ленфильм» режиссером В.М. Петровым по одноименному роману А.Н. Толстого в 1937–1938 гг. — 385
- Петр III** Федорович (урожденный Карл Петер Ульрих; 1728–1762), российский император в 1762 г., первый представитель Гольштейн-Готторпской ветви Романовых на российском престоле; после полугодового царствования свергнут в результате дворцового переворота, возведшего на престол его жену, Екатерину II, и вскоре лишился жизни — 269
- Петражицкий** Лев Иосифович (1867–1931), польско-русский социолог и правовед — 273, 374
- Петров-Водкин** Кузьма Сергеевич (1878–1939), русский и советский живописец, график, теоретик искусства, писатель и педагог — 359
- Петроний** (Petronius) Гай [или Тит], римский писатель I в. н. э., придворный Нерона, принужденный им в 66 г. к самоубийству за предполагаемое участие в заговоре Пизона; автор небольших стихотворений и сатирического романа «Сатирикон», от которого сохранились фрагменты («Пир Трималхиона») — 206
- Петцольд** (Petzoldt) Иосиф (1862–1929), немецкий философ, ученик Э. Маха и Р. Авенариуса — 169
- Печерин** Владимир Сергеевич (1807–1885), русский философ, поэт, общественный деятель, с 1836 г. в эмиграции — 289

- Пикассо** (Picasso) Пабло (1881–1973), французский художник испанского происхождения, кубист, близкий к сюрреализму — 52
 – Игрок на лютне — 52
 – Скрипка — 52
- Пилат** (Понтий Пилат), римский прокуратор Иудеи в 26–36 гг., который, согласно Иосифу Флавию и новозаветной традиции, приговорил к распятию Иисуса Христа — 59
- Пиндар** (522/518–446 до н. э.), древнегреческий поэт, автор эпиникиев (похвальных песен в честь победителей на общегреческих состязаниях) и торжественных хоровых песнопений — 32, 96, 97
- Пипс** (Perus) Сэмюель (1633–1703), английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника (в одиннадцати томах) о повседневной жизни лондонцев, который он вел в 1660–1669 гг. — 107
 – Дневник (в русском переводе А. Ливерганта: Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М.: Текст, 2001) — 197
- Пирс** (Peirs) Чарлз Сандерс (1839–1914), американский философ-прагматист, логик, математик, естествоиспытатель — 83, 194
- Пирсон** (Pearson) Карл (1857–1936), английский математик, биолог и философ — 169, 194
- Пистон** (Piston; у П.А. Сорокина ошибочно — Picton) Уолтер (1894–1976), американский композитор и педагог; преподавал на музыкальном факультете Гарвардского университета, где позже стал деканом — 197
- Платон** (427–347 до н. э.), древнегреческий философ — 74, 77, 89, 96, 97, 179, 380
 – Государство — 96
- Платонов** Сергей Федорович (1860–1933), русский историк, академик АН СССР (1920–1931), после революции 1917 г. подвергся критике со стороны историков-марксистов, умер в Самаре — 304, 374
- Плиний** Младший (61/62 – ок. 113), римский общественный деятель и писатель, из литературных трудов которого сохранились 10 книг «Писем», племянник и приемный сын Плиния Старшего — 61, 174, 175
- По** (Рое) Эдгар Аллан (1809–1849), американский писатель, поэт и критик — 193, 198, 369
 – Ворон (1845) — 369
- Покровский** Михаил Николаевич (1868–1932), советский историк-марксист, общественный и политический деятель, с мая 1918 г. до конца жизни заместитель наркома просвещения РСФСР — 384
- Полигнот** (1-я пол. V в. до н. э.), древнегреческий живописец родом с о. Фасос, получивший за свои заслуги афинское гражданство — 32, 42
- Поликлет** (2-я пол. V в. до н. э.), древнегреческий скульптор, создатель статуи «Дорифор» («Копьеносец»), автор сочинения «Канон», в котором содержатся рассуждения по теории искусства — 32
- Правда о религии в России.** Издание Московской Патриархии, 1942 — 321
- Пракситель** (2-я треть IV в. до н. э.), древнегреческий скульптор из Афин, сын Кефисодота Старшего, мастер изображений богов и людей — 89

- Примерный устав сельскохозяйственной артели** (Утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г.) — 394
- Пристли** (Priestley) Джозеф (1733–1804), английский философ-материалист, химик, общественный деятель — 193
- Прокофьев** Сергей Сергеевич (1891–1953), русский композитор, в 1922 г. эмигрировал из Советской России, но в 1932 г. возвратился — 57, 358, 374, 410
- Прометей** (*миф.*), древнегреческий герой, титан-провидец, защитник и покровитель человеческого рода — 48
- Прудон** (Proudhon) Пьер Жозеф (1809–1865), французский философ и экономист, теоретик анархизма — 198
- Псевдо-Дионисий** — см. Дионистий Ареопагит
- Птолеми**, династия правителей Египта в IV–I вв. до н. э., основанная диадохом Александра Македонского Птолемеем I — 30, 392
- Птолемей Клавдий** (после 83 – после 161), выдающийся античный астроном, астролог, математик и географ, создатель геоцентрической системы мира — 85
- Пуанкаре** (Poincare) Жюль Анри (1854–1912), французский математик и философ, создатель философской доктрины, которая впоследствии получила название «конвенционализма» — 76, 77, 79, 83, 169, 194
- Пуанкаре** (Poincare) Раймон (1860–1934), французский государственный деятель, трижды занимавший пост премьер-министра Франции, в 1913–1920 гг. президент Франции — 418
- Пуссен** (Poussin) Никола (1594–1665), крупнейший представитель французской классической живописи; особенно известны его работы в жанре исторического пейзажа — 195
- Пушкин** Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт и писатель — 285, 286, 358, 383, 384
 – Дон-Жуан, Дон Гуан (Каменный гость; 1830) — 286
 – Жил на свете рыцарь бедный (1829) — 285
 – Однажды странствуя среди долины дикой... (Странник; 1835) — 286
 – Пир во время чумы (1830) — 286
 – Подражание Корану (1825) — 286
 – Скупой рыцарь (1830) — 285
 – Сцена из «Фауста» (1821) — 285
- Пятаков** Георгий Леонидович (1890–1937), советский партийный и государственный деятель, учился на экономическом отделении юридического факультета Петербургского университета (исключен в 1910 г. после третьего курса); с ноября 1920 по декабрь 1921 г. – руководитель Центрального управления каменноугольной промышленности Донбасса, председатель Главного концессионного комитета, в 1921–1923 гг. – кандидат в члены ЦК РКП(б), с марта 1922 г. – заместитель председателя Госплана; в сентябре 1936 г. выведен из ЦК, исключен из партии и арестован, в качестве одного из главных обвиняемых привлечен к процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» и приговорен к расстрелу — 397
- Пятигорский** (Piatigorsky) Григорий Павлович (1903–1976), американский виолончелист российского происхождения; в 1919 г. стал членом струнного квартета имени Ленина, а также концертмейстером группы виолончелей оркестра Большого театра; через два года покинул СССР, уехав сначала в Варшаву, потом в Лейпциг, затем в США — 375

Р

- Радзивиллы**, богатейший род в Великом княжестве Литовском, в 1518 г. первый в государстве получивший княжеский титул Священной Римской империи — 270
- Радищев** Александр Николаевич (1749–1802), русский писатель и философ — 366
- Радклиф** (Radcliffe) Анна (1764–1823), английская писательница, автор «готических романов», в которых мастерски воссоздает атмосферу «ужасного» и «таинственного» — 198
- Райт** (Wright) Куинси (1890–1970), американский историк и политолог, специалист в области военной истории, профессор Чикагского университета, президент Американской ассоциации политических наук — 420, 421, 423, 427, 428
– A study of war (Chicago University Press, 1942), vol. I, II — 420, 421, 428
- Ратценхофер** (Ratzenhofer) Густав (1842–1904), австрийский социолог и военный теоретик, представитель социал-дарвинизма в социологии, автор книг «Сущность и цель политики» (1893), «Социологическое познание» (1898) и посмертно опубликованной работы «Социология. Позитивное учение о человеческих взаимоотношениях» (1907) — 109
- Рафаэль** Санти (Raffaello Santi) (1483–1520), итальянский живописец и архитектор — 42, 77, 89, 181, 205
- Рахманинов** Сергей Васильевич (1873–1943), русский композитор, пианист, дирижер; после революции 1917 г. покинул Россию, умер в США — 358, 374, 375
- Рей** (Rey) Абель (1873–1940), французский философ-позитивист и историк науки, критик механистического понимания мира, предугадавший развитие квантовой физики; профессор истории философии в Сорбонне — 194
- Рейнольдс** (Reynolds) Джошуа (1723–1792), английский исторический живописец и портретист — 195
- Реклю** (Reclus) Элизе (1830–1905), французский географ и историк, член Парижского Географического общества, анархист — 198
- Рембрандт** (Rembrandt) Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский живописец — 89, 181, 205
- Ренан** (Renan) Жозеф Эрнест (1823–1892), французский писатель, историк и филолог-востоковед — 198, 199
- Ренувье** (Renouvier) Шарль Бернар (1815–1903), французский философ-неопозитивист — 198
- Репин** Илья Ефимович (1844–1930), русский художник — 359
- Рерих** Николай Константинович (1874–1947), русский художник, философ, писатель и общественный деятель, с 1917 г. жил в эмиграции в Индии — 359
- Рёскин** (Ruskin) Джон (1819–1900), английский писатель, теоретик искусства, критик, художник и идеолог прерафаэлитизма — 199
- Рикардо** (Ricardo) Давид (1772–1823), английский экономист — 182
- Риккерт** (Rickert) Генрих (1863–1936), немецкий философ, один из основателей Баденской школы неокантианства — 194
- Риль** (Riehl) Алоиз (1844–1924), немецкий философ-неокантианец — 194

- Римский-Корсаков** Николай Андреевич (1844–1908), русский композитор, педагог, дирижер, общественный деятель, музыкальный писатель; член музыкально-творческого сообщества «Могучая кучка» — 358, 374, 383
- Ричардсон** (Richardson) Сэмюэль (1689–1761), английский писатель, автор романов «Памелла» (1740), «Кларисса» (1747–1748), «История сэра Чарльза Грандисона» (1754) — 198
- Робинсон** (Robinson) Теодор (1852–1896), американский художник-импрессионист — 194
- Рогнеда Рогволодовна** (в крещении Анастасия; ок. 960 – ок. 1000), княжна полоцкая, дочь князя полоцкого Рогволода, одна из жен киевского князя Владимира, мать князя полоцкого Изяслава Владимирович (родоначальника династии Изяславичей Полоцких), великого князя киевского Ярослава Владимировича — 293
- Родс** (Rhodes) Сесиль Джон (1853–1902), южноафриканский политик и предприниматель, деятель британского империализма, организатор английской колониальной экспансии в Южной Африке, «архитектор апартеида», в 1890–1896 гг. возглавлял Капскую колонию; в его честь получили свои названия Северная Родезия (ныне Замбия) и Южная Родезия (ныне Зимбабве) — 128
- Розенкранц** (Rozenkranz) Иоганн-Карл-Фридрих (1805–1879), немецкий философ, ученик Гегеля, вместе с Ф.-В. Шубертом издал полное собрание сочинений И. Канта — 199
- Розмини**, Розмини-Сербати (Rosmini Serbati) Антонио (1797–1855), итальянский философ и католический священник — 199
- Рокфеллеры** (Rockefeller), американская семья промышленников, политиков и банкиров, одна из самых богатых семей в мире; Джон Дэвисон Рокфеллер (1839–1937) был первым долларовым миллиардером в истории человечества, в 1870 г. основал компанию Standard Oil и управлял ею до своего официального выхода на пенсию в 1897 г.; был одним из филантропов США, основателем Фонда Рокфеллера, жертвовавшим большие суммы на медицинские исследования, основал также Чикагский и Рокфеллеровский университеты — 128, 305, 335
- Роман о Розе** (Roman de la Rose), французская аллегорическая поэма XIII века, одно из самых знаменитых и наиболее популярных в свое время сочинений средневековой литературы; из 22817 стихов поэмы первые 4028 написаны около 1225–1230 гг. Гийомом де Лоррисом (ум. ок. 1238), остальные добавлены около 1275 г. Жаном де Меном (ок. 1240 или 1250–1305) — 51
- Романовы**, династия русских царей, правивших с 1613 по 1917 г. — 301
- Ростовцев** (Rostowzew) Михаил Иванович (1870–1952), русский историк античности и археолог, в 1918 г. эмигрировал из Советской России, с 1920 г. жил в США, где и умер; один из ближайших друзей П.А. Сорокина в американский период его жизни — 374
- Ротшильды** (Rothschild), династия финансовых магнатов, начало которой положил банкир Майер Амшель Ротшильд из Франкфурта-на-Майне, обогатившийся в XVIII в. на военных поставках и финансовых спекуляциях; в первой половине XIX в. пятеро его сыновей возглавили банки, находящиеся в Париже, Лондоне, Вене, Франкфурте-на-Майне и Неаполе; впоследствии венский, франкфуртский и неаполитанский банки Ротшильдов прекратили свое существование, а парижский и лондонский стали вести финансовые дела самостоятельно; современная международная финансовая империя Ротшильдов подразделяется на английскую и французскую ветви — 128

- Рубинштейн** Антон Григорьевич (1829–1894), русский композитор, пианист, дирижер и музыкальный педагог, брат пианиста Николая Рубинштейна — 374
- Рудин** Дмитрий Николаевич, главный герой одноименного романа И.С. Тургенева (1856) — 289
- Рузвельт** (Roosevelt) Франклин Делано (1882–1945), американский государственный деятель, президент США в 1933–1945 гг. — 18, 23, 129
- Русская правда**, памятник древнего русского права, открытый В.Н. Татищевым в 1738 г. в списке Новгородской летописи конца XV в. — 307, 313
- Руссо** (Rousseau) Жан Жак (1712–1778), французский писатель, философ, публицист и композитор — 153, 182, 193, 198
- Руссо** (Rousseau) Теодор (1812–1867), французский художник-пейзажист, основатель Барбизонской школы — 195
- Рыков** Алексей Иванович (1881–1938), советский государственный и партийный деятель — 397
- Рюрик**, скандинавский конунг, призванный новгородцами в 862 г. править славянами, родоначальник династии Рюриковичей — 269, 307
- Рюти** (Ryti) Ристо Хейкки (1889–1956), финский государственный и политический деятель, премьер-министр (1939–1940) и президент Финляндии (1940–1944); во время советско-финской войны открыто призывал уничтожить Ленинград, в июне 1944 г. подписал секретное соглашение с И. фон Риббентропом, по которому Финляндия гарантировала Германии военную помощь, в 1945 г. осужден как военный преступник и приговорен к десятилетнему заключению, в 1949 г. помилован — 275

С

- Салли** (Sully) Томас (1783–1872), американский художник-портретист, писавший также исторические и ландшафтные полотна; вместе с семьей эмигрировал в Америку из Англии в 1792 г. — 194, 195
- Саломея**, по церковному преданию, дочь Иродиады, потребовавшая во время пира от Ирода голову Иоанна Крестителя; персонаж одноименной трагедии О. Уайльда (1883) и написанной по пьесе одноименной оперы Р. Штрауса (1905) — 49
- Сандей** (Sunday) Билли (Уильям Эшли) (1862–1935), успешный американский спортсмен, который после восьми лет занятий спортом уверовал в Иисуса Христа и стал евангелическим проповедником; проповеди его собирали огромные толпы народа, а одной из любимых его тем был запрет на употребление алкоголя (считается, что именно его выступления сыграли чуть ли не ключевую роль при введении в 1920 г. сухого закона в США) — 283
- Сантаяна** (Santayana) Джордж (1863–1952), американский философ и писатель испанского происхождения — 194
- Сарджент** (Sargent) Джон Сингер (1856–1925), американский художник, двоюродный брат известного ботаника Чарльза Сарджента — 194, 195, 196
- Сафо**, Сапфо (Sappho; 1-я пол. VI в. до н. э.), древнегреческая поэтесса — 49
- Светоний** (Suetonius), Гай Светоний Транквилл (ок. 70 года н. э. – после 122 г. н. э.), древнеримский писатель, историк, ученый-энциклопедист, личный секретарь императора Адриана, автор сборника «Жизнь двенадцати цезарей» — 61

- Святослав Игоревич** (942–972), великий князь Новгородский, князь Киевский с 945 по 972 г., древнерусский полководец — 387
- Секретен** (Secrétan) Шарль (1815–1895), швейцарский философ, теолог и историк философии — 199
- Сен-Симон** (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист — 193
- Сервантес** Сааведра (Cervantes Saavedra) Мигель де (1547–1616), испанский писатель и драматург — 285
- Сергей Александрович** (1857–1905), великий князь, сын Александра II, московский генерал-губернатор, супруг великой княгини Елизаветы Федоровны (1864–1918); погиб от бомбы революционера И.П. Каляева — 343
- Сергий** (в миру: Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944), русский церковный деятель, митрополит (с 1934 г.), патриарх Московский и всея Руси (с 1943 г.) — 321, 323
- Сергий Радонежский** (1314/1321–1392), русский религиозный подвижник, основатель и игумен Троице-Сергиевой лавры — 319
- Серов** Валентин Александрович (1865–1911), русский живописец и график, мастер портрета — 359
- Сеченов** Иван Михайлович (1829–1905), русский физиолог — 373
- Сикорский** Игорь Иванович (1889–1972), русский и американский авиаконструктор, в 1919 г. эмигрировал в США, в 1923 г. основал авиационную фирму «Sikorsky Aero Engineering Corporation», где занял должность президента — 282, 357
- Симонов** Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979), русский советский прозаик, поэт и киносценарист — 410
- Синклер** (Sinclair) Эптон (1878–1968), американский писатель и социалистический деятель — 369
- Скобелев** Михаил Дмитриевич (1843–1882), русский военачальник, генерал — 387
- Сковорода** Григорий Саввич (1722–1794), украинский философ, поэт и педагог — 318
- Скотт** (Scott) Вальтер (1771–1832), шотландский писатель, поэт, историк, основоположник жанра исторического романа — 198
- Скрябин** Александр Николаевич (1871/1872—1915), русский композитор и пианист — 358, 374
- Смит** (Smith) Адам (1723–1790), английский экономист и философ, представитель классической буржуазной политической экономии — 205
- Смит** (Smith) Джеймс (1775–1839), английский писатель, автор, написанной вместе с братом Горацио (1779–1849) книги пародий «Отвергнутые послания» — 197
- Смоллетт** (Smollett) Тобайас Джордж (1721–1771), английский писатель, родоначальник просветительского романа воспитания — 198
- Сократ** (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ — 97
- Соловьев** Владимир Сергеевич (1853–1900), русский религиозный философ, публицист и поэт — 198, 199, 316, 318, 374

- Сорокин** (Sorokin) Питирим Александрович:
 – Contemporary Sociological Theories. New York, 1928 — 17
 – Crisis of Our Age. New York, 1941 — 400, 404, 425, 434
 – Man and Society in Calamity. New York, 1942 — 373, 392, 400, 426, 429
 – Социальная и культурная динамика, Динамика, Dynamics — 192, 400, 404, 424, 425, 428, 429
 – Social and Cultural Dynamics. New York, 1937, vol. I — 31, 41, 58
 – Social and Cultural Dynamics. New York, 1937, vol. II — 74, 102, 108, 192, 427, 429
 – Social and Cultural Dynamics. New York, 1937, vol. III — 17, 108, 117, 126, 129, 134, 150, 154, 158, 161, 189, 210, 281, 340, 378, 392, 406, 420, 424
 – Social and Cultural Dynamics. New York, 1941, vol. IV — 81, 173, 178, 184, 205, 420, 428
 – Social Mobility. New York, 1926 — 17
 – Sociocultural Causality, Space, Time. Duke University Press, 1943 — 418
 – Sociology of Revolution. J. P. Lippincott Co., 1925 — 378, 392
 – Реконструкция человечества (The Reconstruction of Humanity. Boston: The Beacon Hill Press, 1948) — 409
 – *Рец.: Wright Q. A Study of War.* Chicago, 1942 // Ethics. 1943, vol. 53, p. 202–207 — 428
- Софокл** (ок. 496–406 до н. э.), древнегреческий трагический поэт — 32, 89, 96, 97
- Софья Алексеевна** (1657–1704), царевна, дочь царя Алексея Михайловича, в 1682–1689 гг. регент при младших братьях Петре и Иване; после подавления стрелецкого бунта 1698 г. была пострижена в монахини — 293
- Спенсер** (Spenser) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 89, 182, 193, 198, 205
- Сперанский** Михаил Михайлович (1772 или 1771–1839), русский политический деятель, мыслитель, правовед — 301, 356
- Спиноза** (Spinoza) Бенедикт (1632–1677), нидерландский философ — 182
- Сталин** (наст. фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), советский партийный и государственный деятель — 18, 23, 83, 270, 274, 373, 379, 383, 386, 388, 389, 397, 398, 406
 – Приказ от 1 мая 1943 г. (№ 195) — 386
- Стамитц** (Stamitz) Ян Вацлав Антонин (1717–1757), чешский композитор, скрипач и дирижер, автор 74 симфоний, оркестровых трио, инструментальных концертов, сонат, каприсов, дуэтов, культовых сочинений; заложил основы сонатной формы, динамического оркестрового исполнения, ввел драматичный героический элемент, тематические контрасты, включил в оркестр валторны и кларнеты — 40
- Стейнбек** (Steinbeck) Джон Эрнст (1902–1968), американский писатель — 50, 369, 410
 – Гроздь гнева (1939) — 173
- Стравинский** Игорь Федорович (1882–1971), русский композитор и дирижер, с 1920 г. эмигрант, в 1939 г. переехал в США, американское гражданство принял в 1945 г. — 40, 51, 57, 358, 374
 – Весна священная (1913) — 49
 – Петрушка (1911) — 49
- Стрейчи**, Стрэчи (Strachey) Литтон (1880–1932), английский историк, биограф и литературный критик, автор книги «Портреты в миниатюре» (1932) и множества других — 86

- Стюарт** (Stuart) Гилберт Чарльз (1755–1828), американский живописец, один из основоположников американской живописи — 195
- Суворов** Александр Васильевич (1730–1800), русский полководец — 385, 387, 388
- Судебник 1550** (Судебник Ивана IV), содержит 100 статей — 297
- Сьюэлл** (Sewall) Сэмюел (1652–1730), американский судья, бизнесмен и публицист, в качестве судьи участвовал в Сейлемском процессе над ведьмами (1692), но пять лет спустя совершил публичное покаяние; автор небольшого эссе «Продажа Иосифа» (1700), которое стало первым аболиционистским трактатом в Северной Америке — 197

Т

- Таис**, афинская гетера, пользовавшаяся благосклонностью Александра Македонского, впоследствии вторая жена египетского царя Птолемея I Сотера; героиня исторического романа А. Франса «Таис» (1890) и одноименной оперы Ж. Массне (1894), написанной на основе романа — 49
- Тамара**, современный русский вариант библейского женского имени Фамарь; героиня оперы А. Рубинштейна «Демон» (1875), написанной на либретто по одноименной поэме М.Ю. Лермонтова — 49
- Тамерлан**, Тимурленг (1336–1405), средневековый полководец-завоеватель, эмир — 334
- Тан** (Tang), династия, правившая в Китае с 618 по 907 г.; время ее правления было эпохой подъема культуры, а первые 150 лет — еще и мира и процветания — 264
- Тард** (Tarde) Габриэль (1843–1904), французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии — 89
- Тацит** (Tacitus) Публий Корнелий (ок.55 – ок.120 н. э.), последний великий римский историк — 170
- Твахтмен** (Twachtman) Джон Генри (1853–1902), американский художник-импрессионист, входивший в созданную в 1897 г. в Нью-Йорке группу «Десять американских художников» — 195
- Твен** Марк (Mark Twain, настоящее имя Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс; 1835–1910), американский писатель, журналист и общественный деятель — 198, 199, 369
- Личные воспоминания о Жанне д’Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря (1896) — 198
  - Приключения Гекльберри Финна (1884) — 369
  - Принц и нищий (1881) — 369
  - Таинственный незнакомец (1902–1908) — 198
  - Том Сойер [Приключения Тома Сойера] (1876) — 369
  - Что есть человек? (1906) — 198
- Тейлор** (Taylor) Димс Джозеф (1885–1966), американский композитор, музыкальный критик и музыкальный писатель — 197
- Теофил** (Theophilus), пресвитер, немецкий монах, живший в XI — нач. XII вв., автор трактата «О различных искусствах»; по мнению К. Брука, Теофил — псевдоним немецкого монаха Рогера из Хельмерсхаузена — 34, 45

- Тернер** (Turner) Джозеф Меллорд Уильям (1775–1851), английский живописец, пейзажист, акварелист, создатель «лондонских туманов» — 195
- Терпандр** (VII в. до н. э.), древнегреческий поэт и певец, живший в Спарте, один из первых известных греческих музыкантов; канонизировал семиструнную кифару (прообраз современной гитары) — 89, 173
- Тертуллиан** (Tertullian) Квинт Септимий Флоренс (ок.160 – после 220), раннехристианский мыслитель и писатель, выразитель бескомпромиссного отрицания старой языческой цивилизации, государственности и культуры — 61, 62
- Тимашев** (Timasheff) Николай Сергеевич (1886–1970), русский социолог и правовед, публицист, общественный деятель, с 1921 г. в эмиграции; в 1936 г. по приглашению П.А. Сорокина приехал в США для работы в Гарвардском университете — 340, 382
– On the Russian Revolution // Review of Politics. 1942, July — 340
– Religion in Soviet Russia. Sheed, 1942 — 382
- Тимошенко** Семен Константинович (1895–1970), советский военачальник, маршал Советского Союза (1940) — 271
- Тимошенко** Степан Прокофьевич (1878–1972), американский ученый-механик русско-украинского происхождения, внесший значительный вклад в теорию упругости; в 1917 г. был одним из организаторов Украинской АН под руководством В.И. Вернадского, в 1920 г. эмигрировал из России, с 1922 г жил в США, с 1936 г. профессор Стэнфордского университета, в котором проработал 36 лет — 357
- Тит** Флавий Веспасиан (39–81), римский император с 79 г., в 70 г. подавив восстание иудеев, захватил и разрушил Иерусалим; в память об этом событии в честь Тита была заложена Триумфальная арка, строительство которой завершилось лишь после его смерти — 174
- Тихон** (в миру Василий Иванович Беллавин) (1865–1925), патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.), активный борец против Советской власти, предавший ее анафеме, в мае 1922 г. привлечен к суду и заключен под домашний арест в Донском монастыре — 321, 323
- Токвиль** (Tocqueville) Алексис де (1805–1859), французский социолог, историк и политический деятель — 198, 378
- Толстой** Алексей Николаевич (1882–1945), русский и советский писатель и общественный деятель — 410
- Толстой** Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель и мыслитель — 43, 181, 193, 198, 199, 332, 358, 374, 383
– Анна Каренина (1878) — 199
– Война и мир (1868) — 374
- Толстые**, разветвленный русский дворянский род, считавший своим предком легендарного Индриса, выходца из «цесарского государства», как называли в древней Руси Священную Римскую империю — 269
- Торо** (Thoreau) Генри Дейвид (1817–1862), американский писатель, философ и общественный деятель — 193, 198
- Трамбулл** (Trumbull) Джон (1756–1843), американский художник, в 1816–1825 гг. председатель Американской академии изящных искусств, автор полотен на сюжеты американской истории — 195

- Траян** (Traianus) Марк Ульпий (53–117), римский император (с 98 г.) из династии Антонинов — 174
- Троцкий** (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), советский государственный и партийный деятель, один из вождей Октябрьской революции 1917 г., в 1929 г. выслан из СССР, убит агентом НКВД — 373, 383, 397
- Трубецкие**, род литовских и русских князей Гедиминовичей, изначально владевших Трубецким княжеством, выделившимся из Новгород-Северского княжества после 1164 г. и просуществовавшим до 1566 г.; все современные представители рода происходят от генерал-поручика Юрия Юрьевича Трубецкого (1668–1739) — 269
- Трумэн** (Truman) Гарри (1884–1972), американский государственный деятель, 33-й президент США в 1945–1953 гг. от Демократической партии — 415
- Тургенев** Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель — 198, 199, 358, 374
- Тэн** (Tain) Ипполит (1828–1893), французский философ и историк, один из основоположников социологии искусства — 182, 198, 378
- Тюрго** (Turgot) Анри Робер Жак (1727–1781), французский государственный деятель, философ-просветитель и экономист, сотрудник «Энциклопедии», сформулировавший один из первых вариантов рационалистической теории общественного прогресса, предвосхитив концепцию М. Кондорсе — 193

У

- Уайтхед** (Whitehead) Альфред Норт (1861–1947), английский математик, логик и философ, совместно с Б. Расселом основатель логицистской школы в философии математики — 194
- Уголовный кодекс РСФСР 1926 года** — 301
- Уиглсворт** (Wigglesworth) Майкл (1631–1705), американский религиозный поэт — 197, 198
– Судный день (1662) — 198
- Уилки** (Willkie) Льюис Уэнделл (1882–1944), американский политик, кандидат от Республиканской партии на президентских выборах в США в 1940 г.; проиграл Рузвельту в соотношении 44,8 к 54,8 процента; после поражения сотрудничал с администрацией Рузвельта, выступил в поддержку президента во время Второй мировой войны, в 1944 г. вновь выдвигал свою кандидатуру на праймериз президентских выборов, но проиграл Томасу Дьюю; накануне выборов неожиданно умер от сердечного приступа — 129
- Уильямс** (Williams) Роджер (ок. 1603–1683), американский протестантский теолог, один из первых сторонников свободы вероисповедания и секуляризма; в 1636 г. основал колонию в Провиденсе (ныне столица штата Род-Айленд), где предоставлял убежище представителям религиозных меньшинств — 192
- Уинтроп** (Winthrop) Джон (1588–1649), американский теолог, пуританин, первый губернатор колонии Массачусетского залива, автор проповеди «Христианское милосердие» (1630), написанной на борту судна «Арабелла» на пути в Америку, ключевым понятием которой был «город на холме»; он также автор дневника («Журнал Уинтропа», 1630–1649 гг.), полностью опубликованного на рубеже XVIII–XIX вв. — 197
- Уистлер** (Whistler) Джеймс Эббот Макнил (1834–1903), англо-американский художник, мастер живописного портрета в полный рост, а также офорта и литографии — 194, 195

- Уитмен** (Whitman) Уолт (1819–1892), американский поэт и публицист — 193, 369
- Уложение царя Алексея Михайловича**, Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., кодекс законов русского государства, вобравший в себя основные положения русского права периода Московского царства; был принят на Земском соборе 1648–1649 гг., состоит из 25 глав и 967 статей, в которых разработаны вопросы гражданского и уголовного права — 308
- Уолпол** (Walpole) Гораций (1717–1797), английский писатель, коллекционер произведений искусства и меценат, автор «Готического романа», романа «Замок Отранто», трагедии «Таинственная мать» и других сочинений — 198
- Уолстонкрафт** (Wollstonecraft) Мэри (1759–1797), английская писательница, философ и феминистка, автор романов, трактатов, сборника писем, книги об истории Великой французской революции и эссе «В защиту прав женщин», жена Уильяма Годвина, их дочь Мэри Шелли известна как автор романа «Франкенштейн» — 198
- Уорд** (Ward) Лестер Франк (1841–1913), американский социолог, палеонтолог, один из основателей палеоботаники, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества — 193, 370
- Урусовы**, княжеский род ногайского происхождения, наряду с Юсуповыми восходящий к Едигею Мангиту (1352–1419), первому правителю Ногайской орды (кочевого государственного образования в междуречье Волги и Урала) — 269
- Уэсли** (Wesley) Джон (1703–1791), английский протестантский проповедник и основатель (совместно с Дж. Уайтфилдом) методизма, секты, выступившей с требованием последовательного и методичного соблюдения евангельских предписаний и проповедью религиозного смирения и кротости — 98
- Уэст** (West) Бенджамин (1738–1820), английский художник, известный своими крупномасштабными историческими полотнами — 195

Ф

- Файхингер** (Vaihinger) Ханс (1852–1933), немецкий философ, автор «Комментария к “Критике чистого разума” И. Канта» (1881–1882) и «Философии как если бы» (1911), в которой под влиянием Канта, предлагавшего пользоваться основными мировоззренческими идеями «как если бы» (als ob) их объекты были реальны, развил субъективно-идеалистическую концепцию фикционализма, или «критического позитивизма», согласно которой научные понятия — это фикции, не имеющие научного значения, но практически важные — 194
- Фейербах** (Feuerbach) Людвиг (1804–1872), немецкий философ-материалист и атеист — 198
- Феодосий Печерский** (ок. 1008–1074), православный святой, монах, один из основателей Киево-Печерской лавры — 319
- Фехнер** (Fechner) Густав Теодор (1801–1887), немецкий физик, психолог, философ и писатель-сатирик; применял математический язык для описания экспериментально установленных корреляций между ощущениями и вызывающими их раздражителями («закон Вебера-Фехнера») — 121
- Фидий** (V в. до н. э.), выдающийся древнегреческий скульптор высокой классики, создатель одного из семи «чудес света» — статуи Зевса Олимпийского, сделанной из золота

и слоновой кости, представление о котором можно получить только из описаний Павсания и по изображениям на монетах — 32, 42, 45, 54, 77, 89

- Филдинг** (Fielding) Генри (1707–1754), английский писатель и драматург, один из основоположников реалистического романа — 198
- Филипп** (в миру – Федор Степанович Колычев) (1507–1569), православный святой, митрополит Московский и всея Руси, требовавший от Ивана Грозного отмены опричнины, по приказу царя был задушен Малютой Скуратовым в Отрочь-монастыре — 318
- Фиске** (Fiske) Джон (1842–1901), американский философ и историк, занимавшийся философской интерпретацией эволюционного учения Ч. Дарвина — 193
- Фихте** (Fichte) Иоганн-Готлиб (1762–1814), немецкий философ, один из представителей немецкой классической философии, основоположник «абсолютного идеализма» — 198, 199
- Флобер** (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель — 199
- Флоренский** Павел Александрович (1882–1937), русский религиозный философ, ученый-энциклопедист, священник — 318
– Столп и утверждение истины (1914) — 318
- Фома** Аквинский (1225/1226–1274), монах-доминиканец, философ и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики — 59, 74, 83, 89, 96, 182, 204, 318, 397
– Сумма теологии — 96
- Форд** (Ford) Генри (1863–1947), американский капиталист, один из основателей автомобильной промышленности в США, в 1936 г. учредил знаменитый фонд Форда, предоставлявший гранты ученым — 128, 335
- Фостер** (Foster) Бен — американский художник — 195
- Франклин** (Franklin) Бенджамин (1706–1790), американский просветитель, государственный деятель, ученый — 98, 193, 197, 366
- Франко** (Franco) Франсиско (1892–1975), генерал, испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939–1975 гг. — 154
- Франс** (France) Анатоль (1844–1924), французский писатель — 98
- Франциск Ассизский** (1182–1226), религиозный проповедник и поэт, основатель ордена францисканцев — 318
- Фрейд** (Freud) Зигмунд (1856–1939), австрийский врач и психолог, основоположник психоанализа — 86, 109
- Френо** (Feneau) Филип Морен (1752–1832), американский поэт, публицист, редактор — 198
- Фридрих II Великий** (Friedrich II) (1712–1786), прусский король с 1740 г. — 309, 310
- Фукидид** (460–396 до н. э.), древнегреческий историк, автор «Истории», в которой события Пелопонесской войны, в которой сам Фукидид как стратег принимал участие, доведены до 411 г. до н. э. — 89
- Фурье** (Fourier) Шарль (1772–1837), французский социальный мыслитель, утопический социалист — 198, 199
- Фюстель де Куланж** (Fustel de Coulanges) Нума Дени (1830–1889), французский историк, автор исследований «Гражданская община античного мира» (1864), «История общественного строя древней Франции» (1875–1892) — 182

Х

- Хансон** (Hanson; у Сорокина ошибочно: Hansen) Говард Гарольд (1896–1981), американский композитор, дирижер, педагог, музыкальный теоретик — 410
- Хакцель** (Hackzell) Андерс (Антти) Вернер (1881–1946), финский государственный деятель, в 1932–1936 гг. министр иностранных дел, сыгравший важную роль в провозглашении в 1935 г. нейтралитета Финляндии; ночью 2 сентября 1944 г. в выступлении по радио объявил о решении парламента выйти из войны, одновременно потребовал от германских войск покинуть территорию Финляндии; руководитель финской мирной делегации, направленной в Москву для ведения переговоров о перемирии; Финляндия подписала условия перемирия с СССР (потеряв 12% своей территории), а 21 сентября 1944 г. кабинет Хакцеля вышел в отставку — 274
– Положение Финляндии // Ost-Europa (март-апрель 1939) — 274
- Харрис** (Harris) Рой Эллсворт (1883–1979), американский композитор — 197, 370, 410
- Харрис** (Harris) Уильям Торри (1835–1909), американский философ, педагог, деятель народного образования, глава сент-луисской школы философии, проложившей путь абсолютному идеализму в США и способствовавшей приобщению американской философии к философской культуре немецкого классического идеализма; кроме того, этой школой был основан первый в США философский журнал («The Journal of Speculative Philosophy») и первое философское общество — Сент-луисское (1867) — 193
- Хассам** (Hassam) Фредерик Чайльд (1859–1935), американский художник-импрессионист — 195
- Хатчинсон** (Hutchinson) Энн (1591–1643), пуританка, религиозный деятель Новой Англии, религиозные убеждения которой не были приняты пуританским духовенством колонии, в результате чего она была предана суду и осуждена, а потом и изгнана из колонии со многими своими последователями — 192
- Хейфец** Яша (1901–1987), американский скрипач еврейского происхождения, один из величайших скрипачей XX в.; в 1910 г. начал учиться в С.-Петербургской консерватории, в 1917 г. остался в США и в 1925 г. получил американское гражданство — 358, 375
- Хемингуэй** (Hemingway) Эрнест (1899–1961), американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии (1954) — 50
- Хилков** Михаил Иванович (1834–1909), князь, русский государственный деятель, министр путей сообщения Российской империи (1895–1905); в 1864 г. уехал в Америку и поступил на службу в англо-американскую компанию по сооружению Трансатлантической железной дороги, сначала простым рабочим; спустя четыре года стал заведующим службой подвижного состава и тяги — 368
- Хилл** (Hill) Томас (1829–1908), американский художник-пейзажист; в США из Англии эмигрировал вместе с семьей в возрасте 15 лет — 194, 195, 197
- Хиндемит** (Hindemith) Пауль (1895–1963), немецкий композитор, альтист, скрипач, дирижер, педагог и музыкальный теоретик — 57
- Хмельницкий** Богдан Зиновий (1595/1596–1657), гетман Войска Запорожского, полководец и политический деятель, в 1648 г. поднял против Речи Посполитой успешное казацкое восстание, в результате которого земли Запорожской Сечи, левобережные земли в среднем Поднепровье, а также Киев окончательно отложились от Польско-Литовского государства и вошли в состав Русского царства на правах Гетманщины — 265

- Хогарт** (Hogarth) Уильям (1697–1764), английский художник, основатель национальной школы живописи, иллюстратор, автор сатирических гравюр — 195
- Хоуэллс** (Howells) Уильям Дин (1837–1920), американский писатель и литературный критик, представитель так называемого «нежного реализма» в литературе США, суть которого – защита американского типа развития и образа жизни, в противовес суровой критике «настоящего» реализма — 199
- Христос** — см. Иисус Христос
- Хукер** (Hooker) Томас (1586–1647), философ и религиозный деятель, пуританин, высланный за свои религиозные взгляды из Англии и в 1633 г. прибывший в Массачусетс, где стал священником; в 1639 г. написал текст Основных законов Коннектикута, а в 1648 г. единственное свое крупное произведение — «Обзор церковного устава» — 192
- Хьюз** (Hughes) Ричард Артур Уоррен (1900–1976), английский писатель и драматург, «отец» европейского радиоспектакля — 86
- Хэклит**, Хэклут (Hakluyt) Ричард (1553–1616), английский историк и географ, идеолог британского колониализма, один из основателей Ост-Индской компании, автор книги «The Principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation made by sea and overland, to the remote and farthest distant quarters of the earth, at anytime within the compassé of these 1500 years: divided into three several volumes, according to the positions of the regions, whereunto they were directed... (Главные плавания, путешествия, странствия и открытия английского народа, совершенные на море и на суше, в самые отдаленные уголки земли, во все времена за последние 1500 лет, распределенные по трем отдельным томам в соответствии с местоположением тех краев, которых они намеревались достигнуть...), London, 1598–1600; книгу называют «эпической поэмой английской нации», а ее автора в Британии до сих пор считают (наряду с Шекспиром) отцом-основателем английской литературы — 197

Ц

- Целлер** (Zeller) Эдуард (1814–1908), немецкий историк античной философии — 199
- Цельс** (Celsus) (II в. н. э.), римский философ-платоник, критик христианства, автор сочинения «Правдивое слово»; известен только по книге Оригена «Против Цельса» — 61

Ч

- Чайковский** Петр Ильич (1840–1893), русский композитор — 43, 181, 358, 374, 383
– Славянский марш (1876) — 383
– 1812 год (1880) — 383
- Чан Кайши** (Chiang Kai-shek; 1887–1975), военный и политический деятель Китая, возглавивший партию Гоминьдан в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена, президент Китайской Республики (Тайвань), генералиссимус — 403
- Чарторыйские**, княжеский род из числа Гедиминовичей в Литовском, а затем в Литовско-Польском государстве; в России наиболее известен Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861), в начале XIX в. близкий к Александру I, входивший в его «негласный комитет» и занимавший пост министра иностранных дел Российской империи (1804–1806); в дни польского восстания 1830 г. был главой национального правительства, в середине XIX в. его парижский

дом стал штаб-квартирой патриотически-настроенной польской эмиграции; в течение его долгой жизни польские инсургенты не раз прочили его в короли Польши — 270

Чейз (Chase) Уильям Меррит (1849–1916), американский художник, писавший в реалистическом и импрессионистском стилях, педагог — 195

Черкасские, черкесский княжеский род, ведущий начало от патриарха черкесских княжеских родов Инала Светлого, правившего в Черкесии в XV в.; его потомки, по переезде в Россию, после завоевания Иваном Грозным Астрахани в XVI в., именовались князьями Черкасскими — 269

Чёрч (Church) Фредерик Эдвин (1826–1900), американский художник-пейзажист, романтик, представитель Школы реки Гудзон — 195

Черчилль (Churchill) Уинстон (1874–1955), премьер-министр Англии (1940–1945, 1951–1955) — 23, 406

Чехов Антон Павлович (1860–1904), русский писатель — 50, 358, 374

Чингисхан (наст. имя: Тэмуджин; 1155?–1227), основатель Монгольской империи, завоеватель и полководец — 334

Чупров Александр Александрович (1874–1926), русский статистик, сын экономиста и статистика А.И. Чупрова (1842–1909); в мае 1917 г. выехал на летние каникулы в Швецию, однако болезнь и революция в России заставили его отложить возвращение на родину; в 1920 г. переехал в Германию, в 1925 г. занял кафедру на Русском юридическом факультете в Праге — 417

Ш–Щ

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), русский оперный и камерный певец, в разное время – солист Большого и Мариинского театров, а также театра Метрополитен Опера, первый народный артист Республики (1918–1927), с 1922 г. находился на гастролях за границей, в частности в США; в 1927 г. сборы от одного из концертов пожертвовал детям эмигрантов, что на родине было истолковано как поддержка белогвардейцев, 24 августа 1927 г. Постановлением Совнаркома РСФСР он был лишен звания народного артиста и права возвращаться в СССР — 358

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945), российский и советский военачальник, военный и государственный деятель, военный теоретик, маршал Советского Союза (1940) — 271

Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа (1768–1848), французский писатель и политический деятель, представитель консервативного романтизма — 181, 198

Швейцер (Schweizer) Альберт (1875–1965), немецко-французский протестантский теолог и миссионер, врач и музыкант — 414

Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт — 43, 51, 54, 77, 89, 181, 205, 285

Шелли (Shelley) Перси Биши (1792–1822), английский поэт — 199

Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ, представитель немецкой классической философии — 182, 198, 199

Шенберг (Schoenberg) Арнольд (1874–1951), австрийский композитор, основоположник атональной музыки, разработавший систему додекафонии, с 1933 г. жил в США — 57

- Шефтсбери** (Shaftsbury) Антони Эшли Купер, граф (1671–1713), английский философ-моралист, эстетик, представитель деизма, ученик Дж. Локка — 197
- Шиллер** (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк — 43, 181, 198, 270, 285
- Шингарев** Алексей Иванович (1869–1918), земский деятель, врач, публицист, член партии кадетов, министр Временного правительства, убитый в больнице революционными матросами — 344
- Шлейермахер** Фридрих (1768–1834), немецкий философ и теолог — 198, 199
- Шопенгауэр** (Schopenhauer) Артур (1788–1860), немецкий философ — 182, 198, 199
- Шостакович** Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), русский советский композитор — 57, 358, 374, 410
- Шпенглер** (Spengler) Освальд (1880–1936), немецкий философ, представитель философии жизни, автор книги «Закат Европы» (1918–1922), имевшей в свое время сенсационный успех — 19
- Штирнер** (Stirner) Макс (псевдоним Каспара Шмидта; 1806–1856), немецкий философ-младогегельянец, анархист — 193, 198
- Штраус** (Strauss) Рихард (1864–1949), немецкий композитор и дирижер, автор программных симфоний, симфонических поэм и опер — 40
- Щербатовы**, русский княжеский род, Рюриковичи; род происходит от князей Черниговских, родоначальником считается князь Василий Андреевич Оболенский, по прозвищу «Щербатый» (XVII колено от Рюрика) — 269

Э

- Эдвардс** (Edwards) Джонатан (1703–1756), американский конгрегационалист-проповедник, отставивший возвращение к пуританскому образу жизни первых колонистов; считается величайшим богословом и проповедником эпохи Великого пробуждения (религиозного движения, охватившего Новую Англию во второй четверти XVII в., которому в континентальной Европе соответствует квиетизм, евангелизм и методизм) — 192, 197
- Эдип**, в древнегреческой мифологии царь Фив, сын Лая и Иокасты, которому дельфийский оракул предсказал, что он убьет своего отца и женится на своей матери; стремясь избежать этого предсказания, Эдип в точности его исполняет, т. е. убивает своего отца и женится на родной матери; когда эти невольные преступления раскрылись, Иокаста повесилась, а Эдип в отчаянии ослепил себя; в XX в. З. Фрейд назвал «эдиповым комплексом» бессознательное эротическое влечение ребенка к родителю противоположного пола (и связанное с ним агрессивное чувство к родителю своего пола) — 48, 86, 96
- Эдисон** (Edison) Томас Алва (1847–1931), американский изобретатель в области электротехники — 282
- Эйкинс**, Икинс (Eakins) Томас Каупертуэйт (1844–1916), американский художник, фотограф, педагог, крупнейший представитель американской реалистической живописи — 195
- Элиот** (Eliot) Джон (ок. 1604–1690), пуританский миссионер, проповедовавший среди индейцев Северной Америки и получивший за свою деятельность прозвание «индейского апостола»; автор книги «Христианское государство, или Гражданская политика восходя-

- щего царства Иисуса Христа», считающаяся первой политической книгой, написанной американцем, а также первой книгой, запрещенной американским правительством — 192
- Элиот** (Eliot) Джордж (настоящее имя Мэри Энн Эванс; 1819–1880), английская писательница; пользовалась мужским псевдонимом с целью вызвать в публике серьезное отношение к своим писаниям и заботясь о неприкосновенности своей личной жизни — 199
- Эллис** (Ellis) Эдвард Сильвестр (1840–1916), американский писатель, автор вестернов, фантастических романов, книг по истории — 86
- Эмерсон** (Emerson) Ральф Уолдо (1803–1882), американский философ, эссеист, поэт, основоположник трансцендентализма — 193, 198
- Эпикур** (ок. 341 – ок. 270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 179
- Эпстайн** (Epstein) Джейкоб (1880–1959), английский и американский скульптор и график, один из пионеров скульптуры стиля модерн; родился в семье иммигрантов еврейского происхождения (выходцев из русской Польши) — 50
 – Христос (правильно: Ессе Номо, 1934) — 50
 – Адам (1939) — 50
- Эриугена** — см. Иоанн Скот Эриугена
- Эрскин** (Erskine) Джон (1879–1951), американский писатель, сценарист, поэт, эссеист и музыкант, автор 45 книг, по преимуществу развлекательно-исторических романов, а также романов, в основе сюжета которых лежат легенды, пересказанные на современный лад; он написал также книги по истории американской литературы, работы о музыке — 86
- Эсхил** (ок. 525–456 до н. э.), древнегреческий трагический поэт, «отец трагедии» — 32, 96, 97
- Эхнатон**, Аменхотеп IV (1375–1336. до н. э.), древнеегипетский фараон из XVIII династии, знаменитый религиозный реформатор, во время правления которого произошли значительные изменения в египетской жизни — 422

Ю–Я

- Юм** (Hume) Давид (1711–1776), английский философ, историк, экономист и публицист, сформировавший основные принципы новоевропейского агностицизма — 182, 205
- Яблочков** Павел Николаевич (1847–1894), русский электротехник, военный инженер, изобретатель и предприниматель, разработавший дуговую лампу («свечу Яблочкова») и сделавший ряд других изобретений в области электротехники — 282
- Якоби** (Jacobi) Фридрих Генрих (1743–1819), немецкий философ, президент Баварской академии наук — 198
- Янус** (Janus) (*миф.*), древнеримское божество дверей и ворот, входов и выходов, изображавшееся двуликим, бог всяческого начала, в том числе и года — 168
- Ярослав** Мудрый, Ярослав Владимирович (ок. 978–1054), князь Ростовский (987–1010), князь Новгородский (1010–1034), князь Киевский (1016–1054), сын князя Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды Рогволодовны, отец, дед и дядя многих правителей Европы — 313
- Mueller J.H., Hevner K.** Trends in Musical Taste [Тенденции музыкального вкуса]. Bloomington, 1943 — 374
- Wright Q.** — см. Райт К.

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов. Питирим Сорокин в начале нового этапа научного творчества..... 7

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ (Социально-культурный очерк)

Предисловие ко второму изданию	13
Предисловие и выражение признательности	16
Глава 1. Диагноз кризиса.....	17
Три диагноза	17
Глава 2. Кризис изящных искусств	27
1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная формы изящных искусств.....	27
2. Изменения в формах изящных искусств	31
3. Современный кризис в западных изящных искусствах.....	41
Глава 3. Кризис в системах истины: наука, философия и религия	59
1. Три системы истины: идеациональная, идеалистическая и чувственная	59
2. Периодичность в господстве систем истины в истории и ее причина.....	74
3. Кризис современной чувственной системы истины	82
Глава 4. Кризис этики и права	93
1. Идеациональная, идеалистическая и чувственная системы этики.....	93
2. Идеациональная, чувственная и идеалистическая система права	102
3. Смена периодов господства идеационального, идеалистического и чувственного права	107
4. Разрушение чувственной этики и чувственного права	109
Глава 5. Кризис семьи, системы управления, экономической организации, свободы и международных отношений, построенных на договорных принципах	116
1. Семейственные, договорные и принудительные отношения.....	116
2. Рост «контрактualизма» в современном обществе	117
3. Кризис системы договорных отношений.....	122
4. Причины кризиса.....	134

Глава 6. Преступность, войны, революции, самоубийства, психические расстройства и обнищание в период кризиса	142
1. Преступность, войны, революции, самоубийства, психические расстройства и обнищание как симптомы и последствия кризиса	142
2. Самый кровавый кризис самого кровавого столетия	146
Глава 7. Трагический дуализм, хаотический синкретизм, гигантомания и снижение творческого потенциала современной чувственной культуры	166
1. Культура прославления человека и его деградации	166
2. Культура хаотического синкретизма	170
3. Культура гигантомании	173
4. Ослабление креативности нашей перезревшей чувственной культуры	176
Глава 8. Современная фаза развития американской культуры	186
1. Сходство европейской и американской социальных тенденций развития	186
2. Сходство европейской и американской тенденций развития культуры	191
3. Выводы и диагноз	201
Глава 9. Дезинтеграция чувственной культуры, причины кризиса и пути выхода из него	203
1. Смысл дезинтеграции чувственной культуры и общества	203
2. Корни кризиса	210
3. Пути выхода из кризиса и дальнейший ход событий	214
4. Кризис – Суд Божий – Катарсис – Харизма – Воскресение	219

РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

<i>Э. Тириахьян.</i> Предисловие к изданию 2007 г.	225
Предисловие ко второму изданию	245
Предисловие: Pro domo sua	247
Глава первая. Знаменательный урок российско-американских отношений	251
1. Надежды и опасения	251
2. Серьезные вопросы и ответы	252
3. Чудо длительного нерушимого мира между Соединенными Штатами и Россией	253
4. Значение этого чуда	254
5. Главная причина	256
Глава вторая. Благоприятные факторы: социально-культурные сходства	261
1. Роль социально-культурных сходств в вопросе о войне и мире	261
2. Обе страны являются огромными континентами	262
3. Относительно мирная экспансия двух стран	264
4. Обе страны проявляют единство в разнообразии	267

Глава третья. Американская и русская душа	279
1. Миф о «славянской душе»	279
2. Сходство американского и русского склада ума	284
Глава четвертая. Социальные институты России и Америки	291
1. Их демократический характер	291
2. Семья	292
3. Губернское, местное и городское самоуправление в России	298
4. Правовая и судебная система в России	300
5. Русская аристократия и буржуазия (или средние классы)	304
6. Центральная власть в России	307
Глава пятая. Религиозные и церковные учреждения в России	311
1. Русское православие и другие религии	311
2. Богословско-философские аспекты русского православия	315
3. Иерархическая организация	318
4. Упадок религии до революции	320
5. Церковная реформа и гонения на церковь во время революции	321
6. Возрождение религии по окончании деструктивного периода революции	324
Глава шестая. Моральные нормы двух стран	329
1. Россия	329
2. Соединенные Штаты	335
Глава седьмая. Творческий расцвет двух стран	339
1. Беспрецедентный прогресс	339
2. Рост населения России	340
3. Социально-политический прогресс России	341
4. Экономический, промышленный и технический прогресс России	347
5. Образовательный и культурный прогресс России	351
6. Уникальный прогресс Соединенных Штатов	359
7. Последствия этих сходств для нерушимого мира	363
Глава восьмая. Взаимное влияние двух стран на социально-культурную жизнь друг друга	365
1. Влияние Соединенных Штатов на Россию	365
2. Влияние России на Соединенные Штаты	371
Глава девятая. Россия после разрушительной фазы революции	377
1. Призраки коммунизма и капитализма	377
2. Цикл крупных революций	378
3. Цикл Русской революции	378
4. Закат коммунизма и рост новой жизнеспособной России	379
5. Общий вывод	398
6. Роль российско-американского сотрудничества в послевоенном мире	399
Глава десятая. Подлинная причина российско-американского конфликта	401
1. Видимые причины	401
2. Реальная причина	404
3. Возможности и пути примирения	408

Глава одиннадцатая. Причины и факторы войны и мира	417
1. Главная причина и множественная каузация.....	417
2. Основная причина внутреннего и международного мира.....	419
3. Доказательство истинности выдвинутых предположений.....	420
Глава двенадцатая. Условия и возможности прочного мира в послевоенный период	431
1. Основные причины провала всех предыдущих планов и усилий.....	431
2. Четыре обязательных условия для установления прочного мира.....	433
3. Осуществим ли предлагаемый план?.....	437

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Рецензии на книгу «Кризис нашего времени»

<i>Р. Бейн</i>	443
<i>Гордон У. Блэкуэлл</i>	446
<i>Николай Тимашев. Кризис нашего времени</i>	448
<i>[Аноним]</i>	451
<i>Мозес Дж. Аронсон</i>	453
<i>Кингсли Дэвис</i>	456
<i>Рудольф Аллерс. Кризис: анализ и прогноз</i>	458
<i>М.Ф. Эшли-Монтегю</i>	466
<i>Г[арольд] А. Л[арраби]</i>	468
<i>Гарольд А. Ларраби. Пораженчество Сорокина</i>	469
<i>Гарри Элмер Барнз</i>	471
<i>Гёц А. Брифс. Кризис нашего времени</i>	473
<i>Макс Лернер</i>	483
<i>Арнольд Дж. Тойнби</i>	485
<i>Фрэнк Х. Найт</i>	488
<i>Генри Биттерманн</i>	490
<i>Генри Т. Эдж</i>	492

II. Рецензии на книгу «Россия и Соединенные Штаты»

<i>Д. Федотов-Уайт</i>	495
<i>Ганс Вейгерт. Базовые ценности, необходимые для взаимопонимания</i>	497
<i>Вальдемар Гуриан. Подходы к России</i>	499
<i>П. Галевы</i>	501
<i>Михаил Т. Флоринский</i>	503
<i>Грант С. Макклеллан</i>	505
<i>Уилфрид Парсонс</i>	507
<i>Раймонд Фишер</i>	510
<i>Рид Бейн</i>	512

<i>Эдвард Олсворт Росс</i>	514
<i>Леонард Шапиро</i>	516
<i>E. G. L.</i>	518
Комментарии	519
Указатель имен и цитируемой литературы	593

Научное издание

Сорокин Питирим Александрович

КРИЗИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Социально-культурный очерк

РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Издание подготовил
В. В. Сапов

Художник обложки
Л. В. Сапова

В оформлении обложки использована
картина П. Брейгеля Старшего «Притча о слепых» (1568)

Редактор *В. И. Трошева*

Технический редактор, компьютерная вёрстка – *С. И. Оверин*

Корректоры *Н. И. Тренёва, Г. Г. Оверина*

Подписано в печать 18.05.2018. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная

Печать офсетная. Усл.печ.л. 51,60. Уч.-изд.л. 40,68

Тираж экз. Заказ №

ООО «Анбур». 167982, г. Сыктывкар, ул. К.Маркса, 229

Отпечатано с готового оригинал-макета в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов

в ООО «Кировская областная типография»
610004, г. Киров, ул. Ленина, 2. Тел./факс (8332) 38-34-34

ISBN 978-5-91669-238-9

9 785916 692389